This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

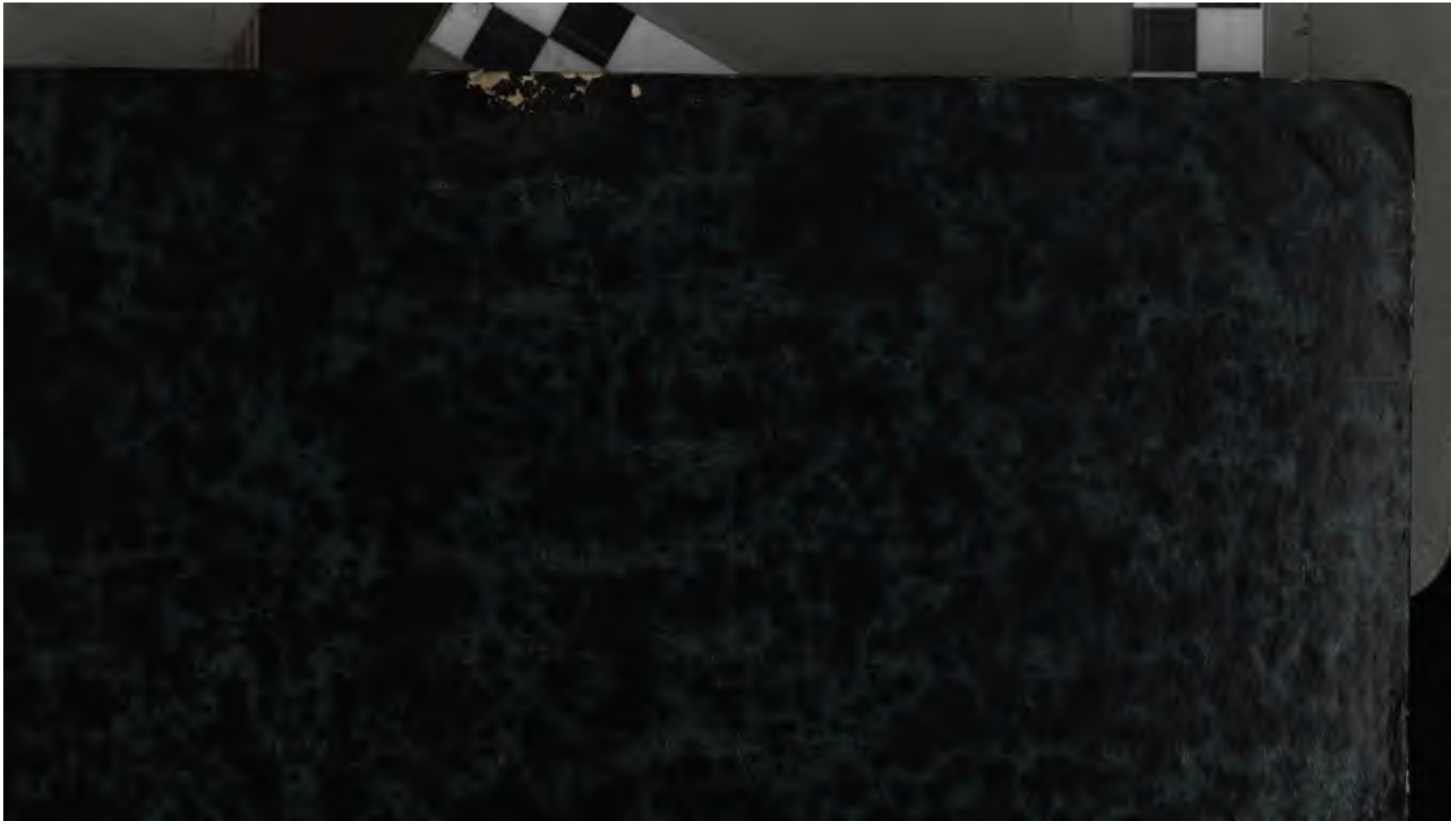
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

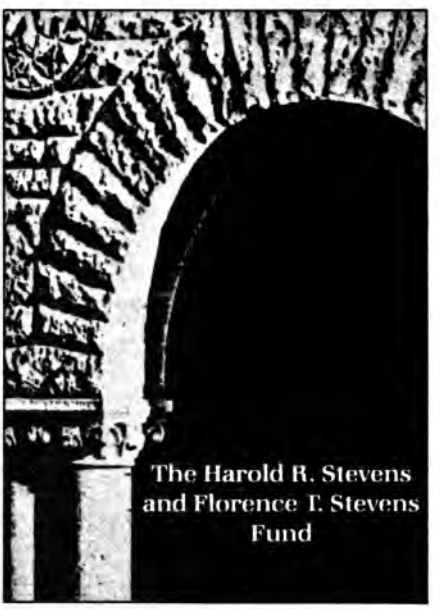
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

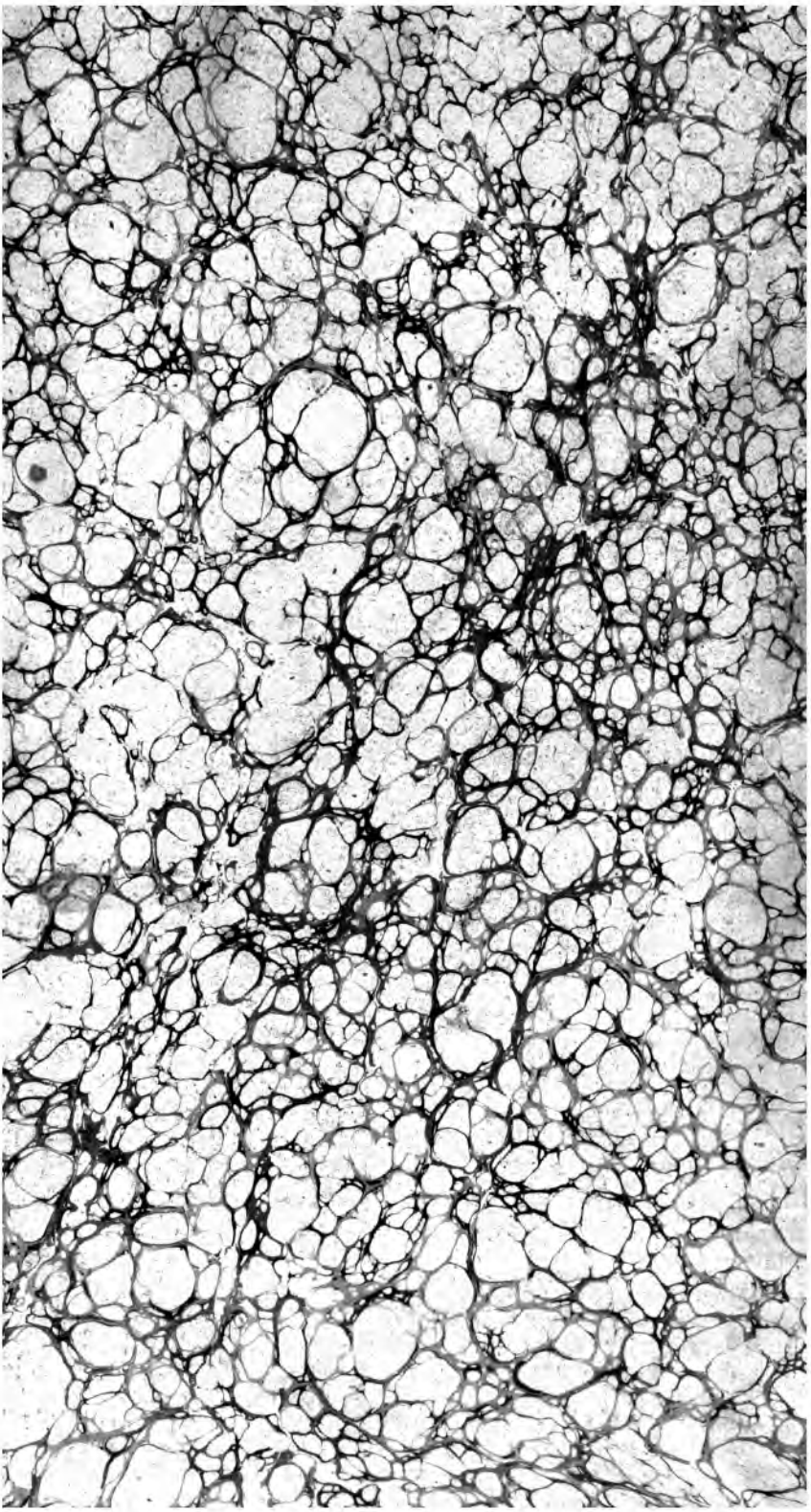
О программе Поиск кпиг Google

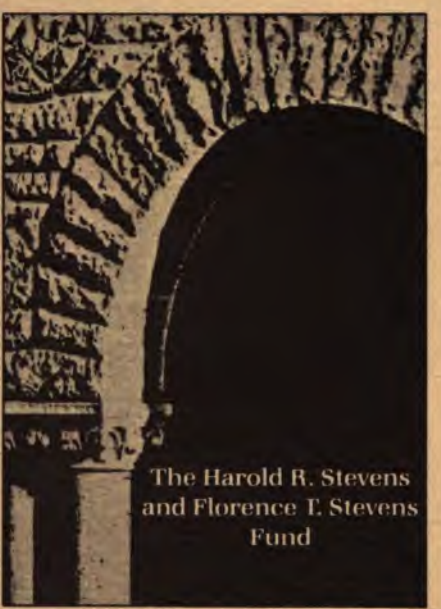
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`





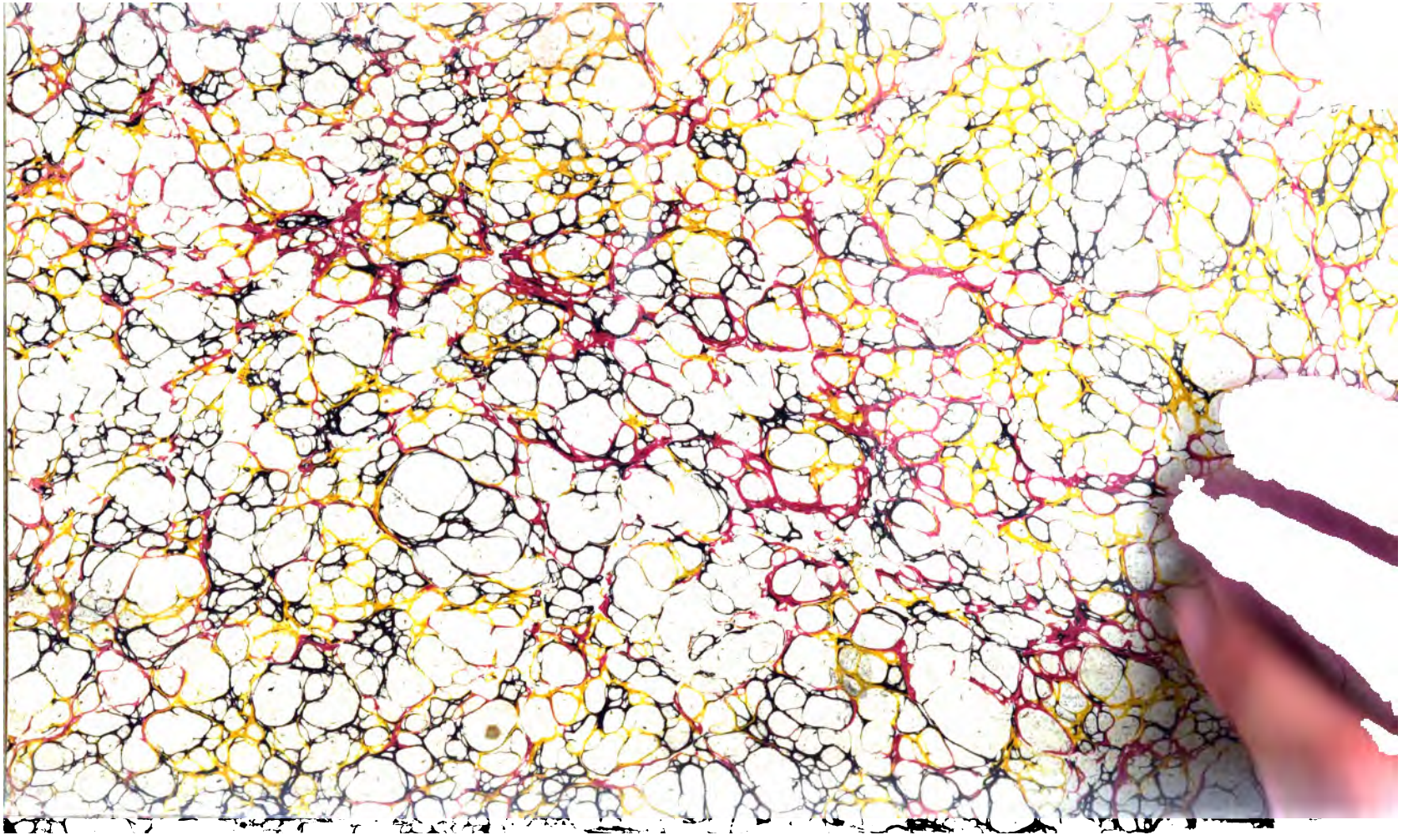
Stanford University Libraries





The Harold R. Stevens
and Florence T. Stevens
Fund

Stanford University Libraries



3190

ТРИ ВОЗРАСТА.

ДНЕВНИКЪ НАБЛЮДЕНІЙ И ВОСПОМИНАНІЙ

МУЗЫКАНТА-ЛИТЕРАТОРА.

Ѳ. Толстаго.

КАПИТАНЪ ТОЛЬДИ.

РАЗСКАЗЪ.

СОВРЕМЕННЫЯ СТАТЬИ—И СМѢСЬ

СТАТЬИ МУЗЫКАЛЬНЫЯ.

Ростислава.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Издатель, книгопродавецъ В. Исаковъ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Католической церкви, въ домѣ Кудряшева.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 23 Января 1855 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Три возраста. *(Эпизодъ)*. 1
Капитанъ Тольди. *(Очерки свѣтской жизни)*. 203
Петербургскія письма 269

СОВРЕМЕННЫЯ СТАТЬИ:

Двукратное проклятіе Наполеона Перваго. *(Разсказъ инвалида)*. 403
Первый выстрѣлъ союзниковъ магометанъ, въ Христіанскій городъ Одессу 416
Разсказъ покойнаго барона Мюнхгаузена, о бомбардированіи Одессы 423
Двѣ эпохи, Булонскій лагерь въ 1804, и въ 1854 году . 437

СМѢСЬ, СТАТЬИ МУЗЫКАЛЬНЫЯ:

Незваный гость и Робертъ 447
Отелло, Россини 481
Гомеопатическій курсъ исторіи и теоріи современнаго искусства пѣнія 502
Нѣсколько словъ о Россини. 513
Осада Гента, опера Мейербера. 525
Музыкальныя бесѣды 558
Фантастическій разсказъ. 567

ТРИ ВОЗРАСТА.

(*Эпизодъ*).

ДНЕВНИКЪ, НАБЛЮДЕНІЙ И ВОСПОМИНАНІЙ МУЗЫКАНТА-ЛИТЕРАТОРА.

ВВЕДЕНІЕ.

Однажды прошлою зимою (1852 г.) послѣ оперы «Риголетто», собралось у меня нѣсколько пріятелей, или просто знакомыхъ — выпить чашку чаю и побесѣдовать возлѣ небогатаго, но хорошо растопленнаго камелька.

Наговорившись вдоволь о новой оперѣ Верди, мы перешли, по поводу двойнаго волокитства Маріо въ этой оперѣ, къ повѣсти г-жи Жирарденъ «Marguerite ou deux amours» и пустились въ разсужденія, возможно ли, что бы женщина любила съ одинаковымъ увлеченіемъ въ одно и то же время двухъ мужчинъ?

Иные утверждали, что это дѣло возможное и бывалое, другіе, напротивъ, увѣряли, что это не въ природѣ вещей, и проч.

Человѣческое сердце такъ устроено — говорили послѣдніе — что одно сильное, глубокое впечатлѣніе вытѣсняетъ изъ него мгновенно всѣ прочія мимолетныя впечатлѣнія; слѣдовательно, два однородныя чувства въ немъ существовать не могутъ, потому что въ такомъ случаѣ произойдетъ непремѣнно борьба, и одно изъ нихъ, одержавъ верхъ, вытѣснитъ, безъ сомнѣнія, другое.

Одинъ изъ присутствующихъ, выслушавъ *pro* и *contra*, выразился такъ:

— Пожалуй, женщина можетъ показывать разомъ вниманіе и десятерымъ, но это не любовь, а кокетство. Если она изберетъ человѣка, котораго полюбитъ горячо, съ энтузіасмомъ, съ самоотверженіемъ, — словомъ сказать, полюбитъ такъ, какъ однѣ женщины любить умѣютъ, то повѣрьте, что тогда ни какія искушенія, ни какія увлеченія въ мірѣ, ни даже недостатки избраннаго человѣка, не поколеблютъ ея чувства. Впрочемъ, я не съ этой точки зрѣнія критикую повѣсть французской писательницы: въ вымыслѣ каждый авторъ воленъ, и, конечно, гораздо труднѣе придумать что нибудь небывалое въ нравственномъ, или, лучше сказать, въ безнравственномъ отношеніи, чѣмъ попасть нехотя на дѣйствительность. Я критикую — продолжалъ ораторствующій — выборъ круга, въ которомъ вращаются дѣйствующія лица повѣсти. Признаюсь, что мнѣ до смерти надоѣли всѣ эти мишурныя маркизы, дюшессы, которыхъ давно бы пора предать забвенію съ фижмами, пудрою...

— И, вѣроятно, палевыми перчатками, прервалъ я, улыбаясь.

— Извините меня, почтеннѣйшій ораторъ, но я не

разъ уже слыхалъ диссертаціи на эту тему. Та же самая M-me Girardin, повѣсть которой вы теперь критикуете, сдѣлала въ 1837 году странное, но, по моему, весьма замысловатое опредѣленіе. «Вся вселенная — писала она «въ фельетонѣ Journal des Débats — раздѣлена на два «враждебныя поколѣнія: одно изъ нихъ имѣетъ похвальную «привычку умывать ежедневно руки, а другое — не мыть «ихъ никогда. Это, по-видимому, ничтожное обстоятель- «ство полагаетъ между двумя поколѣніями непреодолимую «преграду, потому что, съ одной стороны, оно возбуж- «даетъ отвращеніе, чувство, которое весьма трудно по- «бѣдить, а съ другой — закрадывается мысль умышлен- «наго униженія, — мысль горькая и даже ядовитая!» M-me Girardin утверждаетъ, что между *бѣлоручками* и *черноручками* (извините за подвернувшійся неологизмъ) существуетъ непреодолимая преграда. Подъ словомъ *бѣло- ручекъ*, я подразумѣваю не однихъ фешенебелей или ше- матоновъ — оборони Богъ! а всѣхъ вообще людей, опрят- ныхъ тѣломъ и душою, и любящихъ истинную образован- ность и просвѣщеніе. И такъ, мнѣніе M-me Girardin, что между тѣми и другими существуетъ непреодолимая пре- града, не совсѣмъ справедливо; вражда существуетъ, къ сожалѣнію, — это правда; но вражду эту скорѣе можно назвать совмѣстничествомъ, и это совмѣстничество ни сколько не нарушаетъ общественнаго порядка, потому что истекаетъ изъ вѣчныхъ всемірныхъ законовъ разности сословій и состоянія, нравственныхъ качествъ и физиче- скихъ способностей. — Не улыбайтесь насмѣшливо, про- должалъ я, увлекаясь: — вотъ вы, напримѣръ, человѣкъ образованный, человѣкъ, умывающій ежедневно руки и

но мнѣ кажется, что во всякомъ случаѣ очеркъ или этюдъ (изученіе) автора вовсе не теряетъ отъ того, что предметомъ его изученія — свѣтская образованная женщина.

Не знаю, отчего, но мнѣ никто не возражалъ. Можетъ, утомились меня слушать? а можетъ, и дѣйствительно высказалъ я довольно вѣрныя воззрѣнія на этотъ предметъ. Послѣ небольшого молчанія, я продолжалъ:

— У меня хранятся, до востребованія, *Записки* или *Memorandum* одного изъ моихъ пріятелей. Записки эти — «дѣла давно минувшихъ лѣтъ»; въ нихъ есть нѣчто подобное психологическому недугу, описанному въ повѣсти «Marguerite». Если вамъ не страшно покажется двухъ или трехъ-часовое чтеніе, прибавилъ я, обращаясь ко всему обществу: — то я прочту вамъ кое-что изъ *Memorandum* моего пріятеля.

Присутствующіе значительно переглянулись, но учтивость, или, скорѣе, снисхожденіе къ фантазіи хозяина взяло верхъ, и мнѣ разрѣшено было прочесть небольшой эпизодъ изъ записокъ моего пріятеля. Я пошелъ было за портфелемъ, въ которомъ покоятся разныя разности, вѣроятно, предназначенныя покоиться вѣчнымъ непробуднымъ сномъ, но вспомнилъ, что для поднятія завѣсы со старины мнѣ необходимо согласіе *одной особы*, присутствовавшей безмолвно при бывшихъ разговорахъ. Я остановился, повернулся *вопросительно* къ упомянутой особѣ, и получилъ молчаливый знакъ согласія, сопровожденный какимъ-то выразительнымъ движеніемъ плечъ. Я отправился за портфелемъ.

— *Memorandum* моего пріятеля *, сказалъ я, возвращаясь: — въ трехъ отдѣленіяхъ, подъ названіемъ: юность, первая и вторая молодость и зрѣлыя лѣта. Четвертое отдѣленіе — *старость* — остается въ пробѣлѣ до времени. Я прочту вамъ эпизодъ изъ второго отдѣленія, выключивъ, по возможности, все что̀ не имѣетъ тѣсной связи съ дѣйствующими лицами въ происшествіи, на которое я намекалъ, предлагая вамъ чтеніе этихъ записокъ; но вотъ бѣда! я забылъ васъ предупредить, что въ выпискахъ, которыя я намѣреваюсь вамъ прочесть, дѣйствіе происходитъ въ Италіи. Можетъ, это вамъ не понравится? вы предпочитаете, вѣроятно, описанія русскихъ нравовъ? Въ послѣдующихъ отдѣленіяхъ только и рѣчи, что о Россіи; впрочемъ, и здѣсь есть характеры чисто-славянскіе. Но что̀ долго толковать, разсудите сами! à bon entendeur, salut!

* Авторъ надѣется, что читатели не припишутъ ему намѣренія выставить собственную личность въ предлагаемыхъ Запискахъ. Автобіографическая форма избрана только какъ самая удобная для разсказа.

— Надѣюсь, что ты доволенъ? воскликнулъ я, съ восторгомъ.

— Еще бы! отвѣчалъ Александръ: — нельзя не быть довольнымъ: двѣ капли воды Казанскій Соборъ сквозь увеличительное стекло. Чудо какъ хорошо!

— Да! но на Казанской Площади нѣтъ этихъ прекрасныхъ фонтановъ, замѣтилъ я.

— И нѣтъ въ нихъ ни какой надобности! За то у насъ, говорятъ, тутъ будутъ памятники Кутузова и Барклая: * это поучительнѣе, а твои фонтаны точь-въ-точь *tale quale*, находящіеся въ Петергофскомъ Саду.

Когда войдешь въ храмъ Св. Петра, то въ первую минуту не отдаешь себѣ яснаго отчета о его огромности: такъ хорошо соблюдены всѣ пропорціи этого единственнаго въ мірѣ зданія; но, по мѣрѣ того, какъ глазъ привыкаетъ къ необъятной перспективѣ безчисленныхъ пилястровъ, къ недостигаемой высотѣ сводовъ, къ поднебесному куполу, разсудокъ начинаетъ понимать всю громадность окружающихъ васъ предметовъ. Возлѣ первыхъ пилястровъ, по обѣ стороны ихъ, надъ мраморными пріемниками, въ которыхъ хранится святая вода, поставлены два ангела. Когда смотришь на нихъ издали отъ наружныхъ дверей, то они кажутся небольшаго, дѣтскаго роста, а подойдя къ нимъ, убѣждаешься, что это — пяти-аршинные гиганты! Мы вошли въ первый разъ въ церковь въ то время, какъ въ одномъ изъ придѣловъ только что кончилось кардинальское служеніе. По обычаю, послѣ службы, кардинала провожаютъ съ церемоніею въ Ватиканъ; за нимъ шли

* Писано въ 1832 году.

взводъ папской гвардіи и толпа народа, примѣрно человѣкъ пятьсотъ или шестьсотъ. Вообразите же, что вся эта довольно значительная толпа людей, проходя чрезъ средину церкви, не наполняла совершенно пространства, заключающагося между двумя рядами среднихъ пилястровъ! Александръ не вѣрилъ своимъ глазамъ, и, кажется, въ первый разъ удивился.

Онъ долго осматривалъ, прищуриваясь, поднимая и поворачивая голову по всѣмъ направленіямъ, и наконецъ промолвилъ сквозь зубы:

— Вишь расхорохорились! зачѣмъ имъ такая громада? Не воображаютъ ли они, что въ Папскихъ Владѣніяхъ шестьдесятъ милліоновъ жителей?

— Но ты забываешь, сказалъ я, улыбаясь: — что Папа — глава Римско-Католической Церкви.

— Поди, собирай еще католиковъ со всего свѣта, а пока здѣсь велико, да пусто!

Неугомонный преслѣдователь изящнаго и тутъ нашелъ что похулить! Но, дѣйствительно, я слышалъ отъ самихъ Римлянъ, что Церковь Св. Петра рѣдко-рѣдко наполняется.

Впрочемъ, я не давалъ потачки скептическому моему спутнику: я заставилъ его осмотрѣть всѣ мозаики, всѣ придѣлы, которые каждый не менѣе иной церкви, потащилъ его въ куполъ * и даже на самую вершину.

Цѣлую недѣлю мы съ утра до вечера осматривали всѣ достопамятности Рима. Александръ ворчалъ, хаялъ, кри-

* Замѣтимъ, что діаметръ микель-анджеловскаго купола почти вдвое болѣе исакіевскаго.

тиковалъ, но ѣздилъ со мной (здѣсь выпускается длинное описаніе памятниковъ, зданій, церквей, картинъ и проч.). Впечатлѣнія, произведенныя Римомъ на моего пріятеля, я выпускаю, какъ не подходящія къ ходу дѣйствія, долженствовавшаго объяснить вышеупомянутую психологическую задачу.

На другой же день нашего пріѣзда въ Римъ, мы, разумѣется, поставили себѣ первымъ долгомъ взглянуть на остатки древняго Рима и отправились въ Форумъ, — и тутъ меня Александръ совершенно озадачилъ. Во первыхъ, онъ на короткое время какъ бы переродился, ожилъ, стряхнулъ съ себя полу сонную апатію и началъ разсказывать и описывать: гдѣ былъ Капитолій, гдѣ была «la roche tarpéienne» (которой и слѣда не осталось), называлъ безъ помощи «чичероне» храмъ Весты, тріумфальныя арки Септимія, Тита, Константина и прочіе памятники. Я удивился его познаніямъ мѣстности.

— Да откуда ты это знаешь? какъ распознаешь памятники? Развѣ ты былъ когда-нибудь въ Римѣ?

— Нѣтъ, не былъ! а Саллюстій, а Титъ-Ливій, а Витрувій зачѣмъ? а школьныя скамейки на что? Школьныя скамейки, братъ, великое дѣло: умѣй только на нихъ сидѣть, такъ и высидишь познаній съ три короба!

— Но зачѣмъ же ты мнѣ не говорилъ о твоемъ предпочтеніи къ изученію древней исторіи?

— Во первыхъ, ты у меня не спрашивалъ, а во вторыхъ, я вовсе не предпочитаю древней исторіи новѣйшей— напротивъ! А тутъ такъ пришлось къ слову, живо представились года юношества, года мечтаній, порывовъ къ знанію.

И взоръ Александра вдругъ снова потухъ, пріемы его сдѣлались опять вялы, лѣнивы... Я долго смотрѣлъ на него въ недоумѣніи, и хотѣлось мнѣ его растолкать, расшевелить. Не знаю, почему, мнѣ стало его жалко: я разчувствовался надъ его участью... какъ вдругъ онъ занесъ такую матеріальную околесицу, что я махнулъ рукой и пересталъ о немъ думать.

II.

Настойчивость Александра превозмогла мое желаніе остаться еще на недѣлю въ Римѣ, и мы, 3 ноября, подъ вечеръ, отправились въ Неаполь.

Въ Велетри остановились мы поужинать.

Александръ никогда не забывалъ *великихъ обязанностей самосохраненія*: подъ этимъ громкимъ названіемъ онъ подразумѣвалъ чай, завтракъ, обѣдъ, еще чай и ужинъ. Въ гостинницѣ Велетри, которая, въ сравненіи съ римскими гостинницами, то же, что̀ Петербургъ въ сравненіи съ Лебедянью, намъ подали яичницу съ шафраномъ и поджараго гуся, чуть ли не того самаго, который въ дни оны спасъ своимъ крикомъ погибающій Римъ. Во время ужина, въ столовую вошелъ вѣрный мой Аѳанасьичъ. Аѳанасьичъ — для меня лице весьма замѣчательное: со дня моего рожденія до сей минуты, т. е. въ теченіе не съ большимъ двадцати-трехъ лѣтъ, онъ находился и находится при мнѣ безотлучно. Сначала батюшка приставилъ его въ видѣ надзирателя надъ кормилицею,

которая, говорятъ, была бойкая баба, потомъ остался онъ безсмѣннымъ ординарцемъ при нянюшкѣ, а когда изъ женскихъ рукъ я перешелъ на мужское попеченіе, то Аѳанасьичъ приставленъ былъ ко мнѣ въ родѣ *дядьки-камердинера* и съ тѣхъ поръ пребываетъ въ томъ же почетномъ званіи. Я люблю его отъ души и даже уважаю, потому что, кажется, нѣтъ въ мірѣ усерднѣе и безкорыстно-преданнѣе моего Аѳанасьича. Полагая, что и Аѳанасьичъ упражняется въ одинаковомъ съ нами занятіи, т. е. ужинаетъ, я удивился нечаянному его появленію.

— Что ты, Аѳанасьичъ? не приключилось ли чего нибудь?

— Ничего, батюшка! слава Богу! Я собирался было также поужинать, не христіанскою, Богъ ихъ прости, а здѣшнею *похлебкою*; но, когда проходилъ я по коррридору, меня остановила какая-то нѣмецкая или французская барыня... кто ее знаетъ! Изъ словъ ея, я, однако же, смекнулъ, что ей желательно поговорить съ моимъ мусью, т. е. выходитъ съ вашею милостью: вотъ я и пришелъ вамъ, батюшка, объ этомъ доложить.

Я поспѣшно оттолкнулъ тарелку съ гусемъ, запилъ водою нежирное кушанье и поторопился встать изъ-за стола.

— Ну, куда? вспыхнуло пламечко! проговорилъ Александръ: — что это, въ самомъ дѣлѣ, и поужинать не можешь, какъ подобаетъ порядочному человѣку? Тебѣ коза въ платьѣ пробѣжитъ по улицѣ, а ты ужь и уши навострилъ! Всему есть время... постыдился бы Аѳанасьича, — право!

Аѳанасьичъ слушалъ наставленія Александра, и, ка-

жется, лукаво ухмылялся; но я, поправивъ дорожный туалетъ, причесавъ волосы, взглянулъ нѣсколько свысока на оратора, и выбѣжалъ въ корридоръ. Чрезъ нѣсколько нумеровъ, при слабомъ освѣщеніи, я замѣтилъ въ дверяхъ одной изъ квартиръ женскую фигуру. Ни мало не сомнѣваясь, что это именно та дама, которая желаетъ со мною переговорить, я удвоилъ шагъ и вскорѣ очутился подлѣ... увы! очень-очень пожилой дамы, которая, на Французскомъ Языкѣ, съ примѣсью германскаго выговора, объявила мнѣ, что она баварская Графиня П***, отправляющаяся въ Неаполь; узнавъ, что мы — Русскіе, и зная по слухамъ и по опыту нашу любезность и всегдашнюю готовность покровительствовать беззащитнымъ дамамъ, она рѣшилась попросить насъ сопутствовать ей до Неаполя, изъ опасенія непріятныхъ встрѣчъ, могущихъ воспослѣдовать на дорогѣ, пользующейся на этотъ счетъ весьма невыгодною репутаціею.

Хотя мнѣ показалось довольно страннымъ, что графиня объясняется со мною въ дверяхъ, въ корридорѣ, и не приглашаетъ меня войти къ себѣ въ комнату; но я, разумѣется, отвѣчалъ учтиво, что я и спутникъ мой къ ея услугамъ, и что до самого Неаполя мы не будемъ ни опережать ея экипажа, ни отставать отъ него, предоставляя на ея произволъ останавливаться гдѣ и когда ей угодно.

Графиня поблагодарила меня весьма ласково, и я, откланявшись, собирался уже возвратиться въ столовую доужинать, какъ вдругъ за плечами старушки мелькнуло восхитительное видѣніе въ образѣ молоденькой, свѣженькой бѣлокуренькой дѣвушки. Хотя волосы ея были по-

добраны какими-то неуклюжими, круглыми шпильками, но я тотчасъ замѣтилъ всю прелесть нѣжнаго ея облика.

Я возвратился въ столовую такою твердою, торжествующею поступью, что Александръ, который доѣдалъ усердно потомка римскихъ гусей, обтеръ ротъ салфеткой и, уставивъ на меня испытующій взоръ, спросилъ довольно поспѣшно:

— Что случилось?

— Ничего, отвѣчалъ я, поправляя машинальнымъ движеніемъ галстухъ: — тутъ есть старушка, нѣмецкая графиня, которая проситъ, чтобы мы сопровождали ее до Неаполя, изъ опасенія разбойниковъ.

Александръ расхохотался.

— Какіе тутъ чортъ разбойники! гдѣ она ихъ нашла? Поужинай-ка лучше: это будетъ благоразумнѣе; натощакъ не годится ночью ѣздить.

— У меня прошелъ аппетитъ, возразилъ я, неосторожно.

— А! промычалъ Александръ, и снова уставилъ на меня испытующій взоръ.

Однако же, я позвалъ Аѳанасьича и попросилъ его достать изъ чемодана дорожные пистолеты. Александръ трунилъ и смѣялся надо мною; онъ хотѣлъ непремѣнно вооружить съ ногъ до головы Аѳанасьича, но, за неимѣніемъ другаго оружія, всунулъ ему за пазуху поварской ножъ.

— Смотри же, Аѳанасьичъ, говорилъ онъ, трагическимъ голосомъ: — какъ только услышишь свистокъ, такъ и пырай ножомъ на пропалую, направо и налѣво... только чуръ! не передъ собой, а то, пожалуй, кого нибудь изъ насъ пригвоздишь.

Аѳанасьичъ сидѣлъ въ крытомъ сидѣньѣ позади коляски. Мнѣ же Александръ предложилъ зарядить пистолеты свѣжими, спѣлыми фигами, которыя поданы были къ десерту, увѣряя, что такая *неожиданность* озадачитъ *мнимыхъ* разбойниковъ гораздо болѣе, чѣмъ настоящая пуля.

Я слушалъ, улыбаясь, болтовню Александра, но дѣлалъ свое дѣло, то есть, зарядилъ тщательно пистолеты, велѣлъ зажечь передніе фонари въ колискѣ, для освѣщенія дороги, и задній, для того, что бы, читая ночью, не заснуть; наконецъ, желая доказать графинѣ, что я вовсе не навязываюсь на ея знакомство, а охраняю только ее въ дорогѣ, велѣлъ ей сказать чрезъ Итальянца прислужника, что мы выѣдемъ изъ Велетри вслѣдъ за ея экипажемъ. Такъ и было исполнено: графинина карета не успѣла отъѣхать отъ подъѣзда гостиницы и ста шаговъ, какъ и мы сѣли въ коляску и мигомъ догнали ея экипажъ.

Не прошло полу-часа, какъ Александръ, не выпытавъ отъ меня ничего, замолкъ, задремалъ и вскорѣ сладко уснулъ. Я же досталъ изъ сумки только что вышедшій романъ Manzoni «I promessi sposi» и, полу-мечтая и полу-читая, провелъ всю ночь на пролетъ.

Ѣхали мы не то что бы скоро, не то что бы тихо; разбойники на насъ — увы! — не нападали, и къ восходу солнца мы находились посреди страшныхъ лихорадочныхъ понтійскихъ болотъ. Кромѣ тощей зелени, сонныхъ буйволовъ и нѣсколькихъ желтолицыхъ и оборванныхъ пастуховъ я ничего не видалъ. Но вскорѣ все измѣнилось какъ по мановенію волшебнаго жезла. Въ десятомъ часу мы подъѣхали къ Террачино. Солнце стояло уже

высоко и обдавало всю природу золотыми пламенными лучами. Кругомъ растительность принимала все болѣе и болѣе знойный, африканскій видъ; появились вереницы огромныхъ кактусовъ, алоевъ. Вдали на голубомъ горизонтѣ показались двѣ, три пальмы. Нельзя себѣ представить ничего стройнѣе, граціознѣе и съ тѣмъ вмѣстѣ величественнѣе этихъ южныхъ красавицъ знойной Африки, въ особенности, когда впервые покажутся онѣ взорамъ сѣвернаго жителя.

Я вскрикнулъ отъ восхищенія и не могъ утерпѣть — разбудилъ Александра, который продолжалъ спать съ самаго вечера. Александръ протеръ глаза, зѣвнулъ разъ, другой, высунулъ голову изъ коляски и проговорилъ нараспѣвъ:

— Привѣтствую тебя, о чудная декорація третьяго акта «Роберта-Дьявола!» Рембо здѣсь на лицо, хотя его тутъ и не нужно, зрѣлая Алиса — недалеко, въ передовой каретѣ, въ Бертрамѣ пока нѣтъ надобности... впрочемъ, я за него; недостаетъ только флейточекъ и гобоевъ, потому что пернатыя что-то лѣниво распѣваютъ *.

При словахъ *зрѣлая Алиса* я невольно улыбнулся и чуть-чуть не проговорился. Восторгъ, наполнявшій мою душу при видѣ дивной, новой для меня природы, побуждалъ меня къ изліянію чувствъ; но я не успѣлъ еще собраться съ духомъ, какъ передовая карета завернула за уголъ и остановилась у гостиницы. Когда мы подъѣхали

* Александръ намекаетъ на прелестную оркестровую прелюдію передъ входомъ на сцену Алисы.

въ свою очередь къ подъѣзду, графиня съ дочерью успѣли уже пройти въ назначенныя имъ комнаты.

Пока мы чистились, охорашивались, а Александръ упивался какимъ-то снадобьемъ, составленнымъ изъ зеленаго чая съ козьимъ молокомъ, къ намъ нумеръ постучался l'oste (содержатель гостинницы). Осте нашъ представлялъ совершенный типъ неаполитанскаго урожденца, что́, впрочемъ, составляетъ большую рѣдкость въ Папскихъ Владѣніяхъ. Коричневый цвѣтъ лица, ужимки, движенія, выговоръ, — все въ немъ изображало достойнаго сына древней Партеноны. Вотъ образчикъ страннаго языка, на которомъ выражаются почти во всѣхъ гостинницахъ Италіи: «Eccelenza *les dames* con lequale siete *venü*, desiderano tratenersi *ici* un pocco, e propon gano *de* far una *petite* promenata *dans* la montagna. То есть: милостивый государь или сударь, или ваше сіятельство (выраженіе *Eccelenza* употребляется Итальянцами во всѣхъ этихъ случаяхъ), дамы, съ которыми вы пріѣхали, желаютъ остановиться здѣсь на нѣкоторое время и предлагаютъ небольшую прогулку на горѣ». Я подчеркнулъ въ приведенной фразѣ французскія, или мнимо французскія слова; ихъ, какъ видите, весьма немного, а между тѣмъ Итальянецъ въ полной увѣренности, что онъ говоритъ съ вами по французски.

— Такъ мы сопровождаемъ *двухъ* дамъ, а не *одну*, замѣтилъ Александръ, приподнимая голову и всматриваясь въ выраженіе моего лица.

— Въ глазахъ *осте*, вѣроятно, ихъ даже и три, потому что онъ считаетъ поголовно, и для него нѣтъ разницы между госпожами и горничными, отвѣчалъ я хладнокровно.

— Вотъ какъ! ну, а эти *поголовныя*, молоденькія или съ изъянцемъ?

— Вотъ увидишь, отвѣчалъ я, лукаво улыбаясь.

Мы, разумѣется, согласились на предложеніе нашихъ спутницъ и, спустя часъ, вышли на пригорокъ, возвышающійся въ двухъ шагахъ за гостинницею. Живописная *картина*, представившаяся нашимъ взорамъ, поразила не только меня, — меня, человѣка впечатлительнаго, восторженнаго поклонника всего изящнаго, но, кажется, даже и эпикурейца-Александра.

На вершинѣ возвышенія, граціозно прислонившись плечомъ къ стройной пальмѣ, стояла не менѣе стройная бѣлокурая полу-воздушная дѣвушка и смотрѣла вдаль на гладкую поверхность голубаго моря. Вчерашнія неуклюжія папильотки исчезли и замѣнялись изобильными, нѣжными, почти прозрачными локонами. На головѣ дѣвушки не было шляпы, а подвязана была блондовая черная косыночка, которая рѣзко оттѣнялась отъ свѣтло-пепельнаго цвѣта ея волосъ. Ея, ясные голубые глаза сливались съ лазурью небесною. Всѣ черты ея лица — черты правильныя, нѣжныя, эѳирныя — дышали ангельскою чистотою, кротостью и невозмутимымъ спокойствіемъ. Свѣтло-голубое, простенькое платьице и длинный, черный поясъ охватывали гибкій ея станъ. У ногъ дѣвушки сидѣла графиня, утомленная, вѣроятно, всходомъ на возвышеніе, и также всматривалась вдаль, поддерживая рукою украшенную сѣдинами голову, облокотившеюся на колѣни. Почти невозможно себѣ представить что́ либо граціознѣе картины, открывшейся намъ. Яркое солнце, синее море, лазурный, безпредѣльный сводъ неба, пальмы, кактусы, алоэ, сильно

ароматическая мурава и — вѣнецъ всего — прелестное воздушное существо... Признаюсь, было отчего прійти въ восторгъ и не совсѣмъ впечатлительному человѣку!

Въ то время, какъ мы подходили къ живописной группѣ, я — съ лихорадочнымъ волненіемъ, а Александръ — довольно тихою и твердою поступью, молодая дѣвушка, не знаю по какому поводу, стала на колѣни и нѣжно попаловала старушку въ лобъ. Появленіе наше привело дѣвушку въ нѣкоторое смущеніе; она быстро встала, взяла брошенный ею на траву раскрытый зонтикъ и скрыла подъ нимъ слегка зардѣвшееся свое личико. Графиня тоже привстала, и представила насъ дочери, назвавъ ее Луизою.

Конечно, я не былъ еще влюбленъ: я не могъ быть влюбленъ въ дѣвушку, которую видѣлъ въ первый разъ; но голосъ мой (смѣшно признаться) дрожалъ, когда я заговорилъ съ молодою графинею.

— Какъ видъ этотъ величественъ! сказалъ я, указывая на даль. — Какъ чудно хороша природа, насъ окружающая!

И голосъ мой былъ взволнованъ, и, кажется, я весь дрожалъ. Не приняла ли меня хорошенькая дѣвушка за сумасшедшаго? Право, я заслуживалъ этого мнѣнія. Мнѣ показалось даже, что М-lle Луиза взглянула на меня съ удивленіемъ, но, впрочемъ, отвѣчала просто и съ какимъ-то невыразимымъ спокойствіемъ, поднявъ голубые свои глазки нѣсколько къ небу:

— О, да! эта чудная картина божественно хороша.

Спустя полчаса, мы опять покачивались въ коляскѣ глазъ на глазъ съ нахмуреннымъ нѣсколько Александромъ. Я молча ожидалъ выговора и дождался.

— Скажи, пожалуйста, отчего это ты мнѣ не объяснилъ вчера вечеромъ, что мы конвоируемъ такое сокровище?

— Я хотѣлъ сдѣлать тебѣ сюрпризъ.

— Ужь полно такъ ли? Нѣтъ, братъ, Алеша, не надуешь! У тебя, сказать откровенно, есть весьма невыгодныя черты въ характерѣ. Ты мнителенъ, недовѣрчивъ и, кажись, немного плутоватъ. Какая нужда была тебѣ скрывать отъ меня, какого рода пташку мы сопровождаемъ? Что бы было посовѣтоваться? анъ нѣтъ! въ гулючки играетъ! Припрячу, говоритъ, себѣ до поры, до времени: оно все вѣрнѣе! Стыдно! ой, стыдно! Не моего, братъ, поля ягодка твоя сильфида. Не подъ стать нашему брату воздушныя ткани такого рода. Вздохнешь неосторожно — пожалуй улетитъ, дотронешься невзначай — того-и-гляди, что порвется. Намъ давай существа покоренастѣе, посолиднѣе. Волочись, другъ Алеша, за твоею райскою птичкою,— волочись на здоровье, только не *заволакивайся*.

Не знаю отчего, мнѣ стало совѣстно передъ моимъ спутникомъ, и, протянувъ ему руку, я сказалъ, улыбаясь:

— Ну ужь тотчасъ и волочись! развѣ нельзя и безъ того любоваться хорошенькою дѣвушкою?

— Знаемъ мы васъ, господъ мечтателей! вамъ ничего не стоитъ занестись невѣсть куда, а тамъ, смотришь, свалился, да и шею сломалъ въ добавокъ.

Я полагалъ, что ничего не можетъ быть восхитительнѣе растительности и видовъ Террачино, но роскошная южная природа готовила мнѣ новыя наслажденія. Около трехъ часовъ по полудни мы пріѣхали въ Мола ди-Гаэто. Экипажи наши подъѣхали подъ крытое крыльце, увѣшанное

снизу до верху плющемъ и лозою; насъ ввели въ большую залу, занимающую почти весь нижній этажъ зданія. По одну сторону, въ растворенныя настежъ стеклянныя двери, видны были голубой заливъ и пространная гаэтская бухта, а съ другой — обширный садъ, или, вѣрнѣе сказать, апельсинная и лимонная роща. Оранжевые и желтые плоды, темно-зеленые, глянцовитые листья, нѣжный запахъ цвѣтовъ, благорастворенный, теплый воздухъ, — все это пробуждало очаровательныя и какія-то опьяняющія ощущенія.

Самъ Александръ казался весьма довольнымъ своею участію и распорядился, что бы столъ былъ накрытъ намъ на воздухѣ (вспомните, въ началѣ Ноября), и притомъ съ возможною изящностію. Предоставивъ на произволъ Александра гастрономическія распоряженія, мы пустились съ прелестною Луизою въ рощу — насладиться вдоволь благоуханіемъ и набрать золотыхъ плодовъ.

Я сказалъ: *мы пустились;* но это выраженіе неточно. Дѣйствительно, я совался какъ угорѣлый и почти прыгалъ отъ радости, счастья, внутренняго волненія; но хотя лице хорошенькой Луизы и сіяло удовольствіемъ, однако же, всѣ ея движенія были плавны, граціозны и даже нѣсколько холодноваты.

Правдивость заставляетъ меня сознаться, что собранные нами апельсины оказались недозрѣлыми, кисловатыми и даже горькими; въ замѣнъ этой неудачи, мы напали на какіе-то лимоны совершенно сладкіе.

Должно также сознаться, что во время обѣда Александръ былъ гораздо любезнѣе меня: онъ говорилъ безпрестанно (что было противно его обыкновенію), и гово-

рилъ хорошо; я же былъ разсѣянъ, молчалъ по бо́льшей части и заглядывался то на мимолетное облачко, то на густую померанцовую зелень, то на чудные *локоны*, съ которыми своенравно заигрывалъ легонькій вѣтерокъ.

— Вашъ спутникъ болѣе похожъ на Русскаго, чѣмъ вы, сказала старушка-графиня, въ концѣ обѣда, обращаясь ко мнѣ.

— Почему вы это находите, графиня? спросилъ я, вспыхнувъ слегка.

— О, не обижайтесь! отвѣчала ласково добрая старушка. — Спутникъ вашъ, мнѣ кажется, человѣкъ болѣе положительный, болѣе степенный, чѣмъ вы. Въ васъ же замѣтны и мечтательность и пылкость, несвойственныя, я полагаю, русскому характеру.

— Извините меня, графиня: молодежь наша бо́льшею частью такая же взбалмошная, какъ я, но съ годами это проходитъ. Мой спутникъ и другъ, прибавилъ я (каюсь чистосердечно, съ нѣсколько лукавымъ намѣреніемъ): — постарше меня десятью годами.

Графиня покачала головой.

— Лѣта измѣняютъ, конечно, человѣка, но не перерождаютъ его вовсе.

Наврядъ ли угадалъ Александръ мое *недоброе* намѣреніе, потому что онъ посмотрѣлъ на меня съ ласковою улыбкою и продолжалъ разговоръ со старушкой.

Послѣ обѣда мы отправились въ лодкѣ съ настоящими неаполитанскими баркаролами (гребцами), въ завѣтныхъ ихъ костюмахъ, одѣтыхъ, или, лучше сказать, разодѣтыхъ, по національному обычаю, т. е. въ коротенькіе, выше колѣнъ, шаровары (остальная часть ноги — какъ

мать природа создала, только подрумяненная солнцемъ), въ рубашкахъ и съ совершенно открытою грудью, въ красныхъ или коричневыхъ полинялыхъ фригійскихъ колпакахъ.

Предметомъ нашего морскаго путешествія было желаніе взглянуть на подводные остатки Цицероновой виллы (дачи, или загороднаго дома).

Послѣ нѣсколькихъ минутъ плаванія, дѣйствительно, гребцы указали намъ на какіе-то каменья, обломки колоннъ и фронтоновъ, виднѣющихся на небольшой глубинѣ прозрачныхъ водъ Гаэтскаго залива. Мы съ благоговѣніемъ преклонились передъ развалинами жилища великаго человѣка и отправились обратно къ берегу. Дорогой одинъ изъ гребцовъ наловилъ какихъ-то штукъ, въ родѣ игловатыхъ, коричневыхъ каштановъ. Разрѣзавъ по поламъ загадочную для насъ вещь, Итальянецъ подалъ ее Александру и пригласилъ отвѣдать, приговаривая:

— Probate, Eccelenza, probate niente paura, é saporito assai! т. е. отвѣдайте; не бойтесь: это очень вкусно.

Дѣйствительно, разрѣзанный каштанъ имѣлъ весьма аппетитный видъ; внутренность его оказалась наполненною мелкою, зернистою, оранжеваго цвѣта икрою. Александръ недолго колебался, отвѣдалъ и нашелъ отлично вкуснымъ новое для него морское яствіе.

Мы также собирались отвѣдать странныхъ каштановъ, какъ съ ужасомъ замѣтили, что пойманные плоды двигаются, и узнали, что это не что иное, какъ родъ моллюсковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «orancie di mare» (т. е. морскіе апельсины). Молодая графиня упросила, чтобы несчастныхъ животныхъ возвратили въ первобытную ихъ стихію.

Александръ и тутъ оказался и любезнымъ и *великодушнымъ:* онъ собственными руками спровадилъ полицейскова въ море.

«Скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается», гласитъ пословица. Пока мы рвали апельсины, обѣдали, катались по морю, время быстро пролетало, и, только возвратясь въ гостинницу, мы замѣтили, что уже седьмой часъ по полудни. Проѣхать слишкомъ семьдесятъ верстъ до захожденія солнца не предвидѣлось ни малѣйшей возможности, въѣхать въ Неаполь ночью — не хотѣлось, вслѣдствіе чего рѣшено было, съ общаго совѣта, остаться вечеръ и переночевать въ Молла-ди-Гаэта. И что же могло быть въ самомъ дѣлѣ лучше, удобнѣе и пріятнѣе? Погода была восхитительная, гостинница почти роскошная, общество прекрасное. Александръ совершенно раздѣлялъ мое мнѣніе (тѣмъ болѣе, что онъ терпѣть не могъ проводить ночь въ экипажѣ) и даже, въ изъявленіе своего удовольствія, сказалъ одинъ изъ любимыхъ его афоризмовъ:

«Зачѣмъ далеко,
Когда здѣсь хорошо?»

Мы весело помѣстились на террасѣ, выходящей въ померанцовую рощу, и тутъ просидѣли и проговорили до поздней ночи. Съ закатомъ солнца, предупредительный хозяинъ засвѣтилъ на террасѣ алебастровыя лампы античной формы, и время, — драгоцѣнное время, — продолжало летѣть незамѣтно. Пока Александръ, разговаривая и разсуждая со старушкой-графиней, не забывалъ проходить черезъ всѣ фазисы *великаго долга самосохраненія*,

какъ онъ выражался, т. е. занимался чаемъ и ужиномъ,— я раскланивался съ M-lle Луизою передъ террасою. Вѣроятно, что и безпечная природа Луизы подверглась обаятельному вліянію прелестной, южной ночи, потому что она мало по малу дѣлалась сообщительнѣе, и мы вскорѣ разговорились какъ давнишніе, старинные пріятели. Я узналъ, что жизнь Луизы ясна и безоблачна какъ небесный сводъ, насъ осѣняющій, что Луиза лишилась своего отца будучи еще ребенкомъ; что она никогда не разставалась съ нѣжно-любимою матерью, которой она единственная дочь (и, вѣроятно, безпредѣльное утѣшеніе, прибавилъ я отъ себя), что онѣ, т. е., мать и дочь, прежили нѣсколько лѣтъ сряду въ Вѣнѣ, и что Луиза подружилась тамъ съ какою-то юною Итальянкой Кьярою; что теперь эта Кьяра вышла замужъ и проживаетъ въ Неаполѣ, и что наконецъ увѣренность свидѣться вновь съ подругою дѣтства наполняетъ душу Луизы (невинную душу, замѣтилъ я *in petto*) безконечною радостію.

Восхитительный день, вечеръ, ночь промчались для меня какъ чудный сонъ, и я невольно вздрогнулъ, когда, во второмъ часу, тихій голосъ графини проговорилъ:

— Луиза, другъ мой, пора на ночлегъ.

III.

Справедливо говорятъ Французы: «Les jours se suivent et ne se ressemblent pas», т. е., что день на день не приходится. На слѣдующее утро первымъ моимъ движеніемъ было открыть окно и взглянуть съ особеннымъ

чувствовать удовольствія на вчерашній здѣсь. Но — увы! — какъ все перемѣнилось! Лазуревое небо заволокли сѣрыя облака; частый, мелкій, холодный дождь обливалъ безъ пощады красивыя померанцовыя деревья; глянцовитые ихъ листики жалобно опустились, — поникли невесело золотые плоды. Грустью и холодомъ вѣяло отъ рощи, подъ сѣнью которой вчера еще было такъ тепло и отрадно! Впечатлительный человѣкъ — существо самое неблагоразумное, надо признаться. Сердце мое болѣзненно сжалось, и мнѣ вдругъ въ голову пришла нелѣпая мысль.

«Что, если — подумалъ я — и вчерашнее видѣніе — прелестная Луиза, — что, если и она также перемѣнилась?»

И вообразите себѣ, что я ждалъ появленія ея со страхомъ, и когда она вышла въ общую залу, въ дорожномъ туалетѣ, я взглянулъ на нее недовѣрчиво. О, нѣтъ! Луиза не перемѣнилась, — совершенно нѣтъ! но... на головѣ ея не было живописной, блондовой косыночки, а красовалась дорожная шляпка нѣмецкаго покроя; вмѣсто вчерашнихъ зефирныхъ локоновъ, съ которыми легкій вѣтерокъ такъ граціозно рѣзвился, подъ нѣмецкою шляпкою видѣлись прежнія, неуклюжія, круглыя папильотки; гибкій ея станъ прикрывала какая-то темнаго цвѣта мантилья съ бахрамой, и — увы! — на нѣжныхъ, маленькихъ ея ножкахъ надѣты были калоши на толстой подошвѣ. Нѣмка взяла верхъ надъ сильфидою. Я огорчился, однако же привѣтливо поздоровался съ молодой графиней, и милая улыбка, озарившая свѣжее ея личико, живо напомнила мнѣ вчерашнія впечатлѣнія.

Передъ отъѣздомъ изъ Гавты, старушка-графиня, про-

шаясь съ нами, поблагодарила насъ за охранительное спутничество и пригласила навѣстить ее въ Неаполѣ.

Дорога показалась мнѣ скучною и утомительною, несмотря на краснорѣчіе Александра, который былъ въ ударѣ и витійствовалъ безъ умолку о различіи воспитанія русскихъ и нѣмецкихъ дѣвушекъ. Я молчалъ, досадовалъ и сердился на дождь, застилавшій отъ меня предполагаемые живописные виды.

Отъ «Albergo dei poveri» (огромнаго странноприимнаго дома, или госпиталя, безъ врачей, кой-какъ устроеннаго на нѣсколько тысячъ безпріютныхъ) дорога идетъ подъ гору, и, вѣроятно, весь Неаполь долженъ быть видѣнъ отсюда какъ на ладони, — но несносные дождь и туманъ скрывали отъ глазъ великолѣпное зрѣлище. Только отъ самаго «Albergo dei poveri», т. е. верстъ за десять отъ центра города, слышны уже были гулъ и говоръ, происходившіе отъ неумолкаемыхъ криковъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ голосистыхъ Неаполитанцевъ.

Въѣздъ нашъ въ Парѳенопу, гордую царицу Средиземнаго моря, былъ незавидный. На улицахъ грязь, гамъ и толкотня, въ воздухѣ — сырость и неблагоуханіе. По видимому, дома въ Неаполѣ служатъ только ночнымъ пристанищемъ, потому что, несмотря на непогоду, весь житейскій обиходъ, очевидно, происходилъ на открытомъ воздухѣ. Тутъ разстрепанная старуха чесала голову взъерошенной, полу-нагой дѣвченкѣ; тамъ цирюльникъ брилъ солдата, лукаво подергивая его за носъ; тамъ кухарка жарила на сковородѣ вонючія фритюры (баранину или рыбу въ постномъ маслѣ); тутъ лаццарони, растянувшись на брюхѣ и приподнявъ голову, втягивалъ въ себя безко-

нечно длинныя макароны, и такъ далѣе. Насилу мы протѣснились вдоль Толедской улицы, загроможденной ободранной толпою, акваёлами (подвижныя лавки, въ которыхъ продается свѣжая вода), ворохами апельсиновъ и кокумеровъ (арбузовъ), и проч. и проч.

Наконецъ мы добрались до прибрежной улицы Кьая (Chiaja) и остановились въ пресловутой гостинницѣ «Викторія». Я былъ не въ духѣ и, нахлобучивъ фуражку на брови, не снимая плаща, усѣлся въ комнатѣ, намъ отведенной, и озирался вокругъ звѣремъ. Однако же, помѣщеніе наше, по правдѣ сказать, нельзя было похулить. Большая, высокая комната наша выходила на уголъ зданія и снабжена была съ одной стороны чугуннымъ балкономъ (дверь которой, по случаю ненавистнаго дождя, я съ досадою заперъ на ключъ), а съ другой — изящнымъ мраморнымъ каминомъ (который я тотчасъ же велѣлъ затопить). По свойственной противоположности нашихъ воззрѣній на предметы, Александръ очень обрадовался камину и немедленно распорядился касательно обѣда. Я все сидѣлъ закутавшись въ плащь и дулся. Спустя не болѣе полу-часа, посреди комнаты явился богато накрытый столъ; намъ для начала подали чудовищнаго гомара (морскаго рака), маленькихъ креветокъ и огромныхъ фузарскихъ устрицъ. Александръ торжествовалъ; его въ особенности восхищала *чувствительность* устрицъ.

— Слава Богу, говорилъ онъ, выжимая лимонный сокъ на устрицъ: — что за нашимъ столомъ не присутствуетъ вчерашняя сильфида. Вишь какъ ёжится, прибавлялъ онъ, указывая на устрицу: — прелесть! У Смурова въ кои вѣки нападешь на живущую, а тутъ всѣ животрепе-

щуцій, — да какія жирныя! чудо! Спасибо же Плинію: не обманулъ старикашка.

— Да развѣ Плиній писалъ что́ нибудь о фузорныхъ устрицахъ, сказалъ я, пожимая плечами, въ знакъ сомнѣнія.

— Всенепремѣнно, отвѣчалъ серьёзно Александръ, запивая пуцольскимъ виномъ.

Во время этого интереснаго разговора, я сидѣлъ спиной къ окнамъ и хотя продолжалъ быть не въ духѣ, но, однако же, вкушалъ не безъ нѣкотораго удовольствія «затворницъ жирныхъ и живыхъ», какъ поэтически называетъ Пушкинъ ракообразныхъ животныхъ; вдругъ на желтой стѣнѣ я замѣтилъ отраженіе багроваго свѣта. «Не пожаръ ли?» подумалъ я, быстро повернулся и какъ съумасшедшій бросился на балконъ. Пожара не было, но природа готовилась къ обычному, ко вседневному, но къ торжественному, великолѣпному явленію—къ закату солнца въ Неаполѣ. Смѣло можно поручиться, что кто не видалъ захожденія солнца въ южныхъ странахъ, тотъ не можетъ себѣ составить никакого понятія о величественности этого зрѣлища. Опишу сперва видъ, который представился мнѣ съ балкона «Викторіи».

Сѣрыя облака, покрывавшія небо съ самаго утра, разсѣялись; о дождѣ и помину не было. Съ лѣвой стороны, почти у самого балкона, начиналась зеркальная поверхность прозрачно-лазуревато залива и простиралась на необъятное пространство.

На горизонтѣ тамъ и сямъ видѣлись причудливые очерки живописныхъ острововъ Искіи, Прочиды и Низиды. Противъ балкона и въ нѣсколькихъ только шагахъ

отъ него тянулся длинный садъ Вилла-Реале, наполненный деревьями, густою темною зеленью и душистыми разнородными цвѣтами.

Немного вправо по направленію Вилла-Реале возвышались безчисленныя, красивыя и разноцвѣтныя зданія, оканчивающія улицу Кьяю. Далѣе виднѣлась излучистая улица, восходящая во внутрь города, расположеннаго амфитеатромъ по всему склону Вомеро.

Когда я выбѣжалъ на балконъ, солнце начинало погружаться въ голубое море. Сначала яркіе его лучи, собранные въ центрѣ и восходящіе къ небосклону, наподобіе острыхъ золотыхъ стрѣлъ, какъ бы упираясь въ поглощающія ихъ воды, приняли багровый цвѣтъ, — и вся природа покрылась пурпуровымъ оттѣнкомъ.

Солнце еще болѣе погрузилось въ море, лучи стали исчезать, и свѣтло-оранжевый свѣтъ разлился мало по малу по поверхности залива, по причудливымъ очеркамъ острововъ, по верхушкамъ деревьевъ и наконецъ легъ длинными, сплошными полосами на зеленую траву и на желтый прибрежный песокъ.

Еще минуту — и свѣтило исчезло въ водахъ; мгновенно изгладился оранжевый отблескъ, и нагорная сторона, отдаленный берегъ и самое море стали окрашиваться съ востока лиловымъ цвѣтомъ, который, темнѣя болѣе и болѣе, быстро приближался къ западу. Торжественное явленіе совершилось — природа почила, — и вдругъ весь синій небосклонъ внезапно озарился міріадами яркихъ звѣздъ!

Выбросить бы всѣ мнимо-поэтическія перья и строжайше запретить описывать подобныя чудныя явленія! Какъ

сильно не сочувствуй, а все описаніе выйдетъ блѣдно, вяло, сухо въ сравненіи съ природой.

Я простоялъ на балконѣ съ три-четверти часа и когда возвратился въ комнату, то засталъ уже Александра развалившагося на диванѣ и самодовольно курящаго предлинный кальянъ.

— Обѣдъ твой отправленъ обратно на кухню, сказалъ онъ, потягиваясь: — я не хотѣлъ мѣшать твоему вдохновенію. Признайся, у тебя ужь цѣлая поэма въ головѣ?

— Но, безтолковое, плотоядное животное, воскликнулъ я, почти съ досадой: — какъ могъ ты усидѣть за столомъ въ то время, какъ въ двухъ шагахъ отъ тебя происходило невиданное тобою чудо!

— Ты ошибаешься, о, мой Ратиръ! я видѣлъ все, не трогаясь съ мѣста, и наслаждался двояко: и чувствомъ зрѣнія и чувствомъ вкуса.

— Ну, что ты видѣлъ? скажи на милость! видѣлъ ли ты море, принимающее разноцвѣтные отливы? видѣлъ ли ты рѣзкіе силуэты острововъ на горизонтѣ? видѣлъ ли Вилла-Реале и амфитеатромъ расположенный Неаполь?

— *Я видѣлъ, какъ солнце ложилося спать!* А! каково? пятистопный амфибрахій или анапестъ! что это бишь такое? навѣрное не знаю... И ты, послѣ такого подвига, дерзаешь сомнѣваться въ поэтическихъ моихъ способностяхъ. Стыдись! *O ingrato core!*

Выходка Александра, разумѣется, меня разсмѣшила; но я не поддался его уловкѣ, и у насъ завязалось безконечное преніе о преимуществѣ поэтическаго направленія передъ матеріальнымъ. Мы такъ заболтались, что когда кончили, оставаясь, разумѣется, каждый при своемъ

мнѣніи, то на бронзовыхъ часахъ, украшавшихъ потухшій нашъ каминъ, пробило полночь. Покуситься погулять въ Вилла-Реале, въ этотъ *страшный часъ*, показалось и мнѣ даже неблагоразумнымъ; итакъ, мы, пожелавъ другъ другу доброй ночи, благополучно разошлись... по постелямъ.

Я чуть не подвергнулся опасности ослѣпнуть, по милости пристрастія Неаполитанцевъ къ необыкновенно яркимъ цвѣтамъ. Въ буквальномъ смыслѣ слова, я былъ *ослѣпленъ*, когда утромъ вошелъ въ нашу столовую. Эта комната, какъ я уже сказалъ, приходилась на углу дома; съ южной стороны, въ три окна большаго размѣра, ослѣпительный свѣтъ лавою лился въ комнату; присоедините къ тому отраженіе лучей отъ зеркальной поверхности моря и въ добавокъ ярко-желтый цвѣтъ стѣнъ и огненно-красныхъ занавѣсокъ и сукна, которымъ былъ безвкусно украшенъ полъ нашей столовой. Чтобы избавиться отъ свѣтозарнаго наводненія, мнѣ не оставалось другаго средства, какъ закрыть зеленыя жалузи; жаль, да нечего было дѣлать.

Часовъ въ одиннадцать, не имѣвъ терпѣнія дождаться Александра, который копался безъ милосердія за своимъ туалетомъ, я поѣхалъ взглянуть на Неаполь.

Кьая (la Chiaja), начинающаяся у гостинницы «Викторіи» и кончающаяся Позелиномъ, вовсе не Неаполь (въ особенности въ первой ея половинѣ, а особый міръ, рѣзко отдѣляющійся отъ прочихъ частей города. Тутъ роскошный садъ, широкая, сизою лавою мощеная улица, красивыя, новѣйшія зданія; тутъ *воздуха* вдоволь; тутъ не задыхаешься отъ запаха *фритюръ* на затхломъ оливковомъ

маслѣ; здѣсь не развѣшивается черезъ улицу грязное тряпье и не толпятся полу-нагіе лаззарони. Но стоитъ завернуть за-уголъ гостинницы «Викторіи», и вы внезапно очутитесь въ настоящемъ, первобытномъ Неаполѣ. Въ Санта-Лучіи неумолкаемый гамъ и крикъ; соленоморской и рыбный запахъ охватятъ васъ внезапно; вездѣ темнота, толкотня и какое-то лихорадочное движеніе. Коляска моя подвигалась, однако же, довольно быстро, что не мѣшало оборваннымъ мальчишкамъ бѣжать за экипажемъ, забѣгать впередъ, цѣпляться за рессоры, не взирая на грозныя похлопыванья бича *ветурина*, и забрасывать меня цвѣтами, при ожесточенныхъ крикахъ: «Eccelenza! per amor di Dio fate la carita! Io gia mujo di fame *. И тутъ же *умирающіе* съ голоду кувыркались, прыгали, дразнили другъ друга и хохотали во все горло.

Проѣхавъ знаменитый Кастель дель-Ново (Castel del Novo), врѣзавшійся въ заливъ на нѣсколько сотъ саженъ отъ берега, я остановился полюбоваться Везувіемъ, который въ то время слегка дымился, отдыхая отъ недавняго еще, сильнѣйшаго изверженія, и собираясь съ силами къ будущему, которое и не замедлило воспослѣдовать. Мимоѣздомъ я заглянулъ въ Citta Vecchia, откуда Мазаньелло сдѣлалъ первый шагъ къ похожденіямъ, послужившимъ впослѣдствіи къ прославленію господъ Скриба и Обера (оперою Фенелла). Скажу кстати, что мнѣ попалась въ Неаполѣ брошюрка о похожденіяхъ Мазаньелло, съ любопытнымъ заглавіемъ: «Racconto della trenta due-

* Подайте милостыню, Христа ради! умираю съ голоду.

sima revoluzione *della fedellissima* cita di Napoli», т. е. «Сказаніе о тридцать-второмъ возстаніи *велико-вѣрнаго* града Неаполя». Не ручаюсь, вѣрно ли счелъ авторъ число возстаній, но во всякомъ случаѣ эпитетъ *велико-вѣрнаго*, кажется, не совсѣмъ удаченъ въ этомъ случаѣ. Въ Citta-Vecchia уже не улицы, а извилистыя, узкія, скользкія, грязныя тропинки, до которыхъ солнечный лучъ никогда не проникаетъ, по причинѣ ветхихъ, но высокихъ зданій, ихъ окружающихъ.

На площади и на «molo», т. е. на пристани, неаполитанская жизнь въ полномъ разгарѣ. Тутъ и полишинели, и импровизаторы, и подвижныя кухни съ макаронами, фритюрами и проч.; тутъ тысячи ладзарони толпятся, кричатъ, бранятся, играютъ въ мору (игра въ четъ или не-четъ по пальцамъ), или лѣниво валяются на солнцѣ, забившись туловищемъ въ корзинку и высунувъ голыя, бронзоваго цвѣта ноги вверхъ. Тутъ я узналъ, что за двадцать байковъ (если не ошибаюсь, не болѣе двадцати копеекъ мѣдью) ладзарони можетъ наѣсться досыта и на цѣлый день любимаго своего кушанья макароновъ и каштановъ, — одежда ему ничего не стоитъ, потому что онъ ходитъ почти безъ одежды, а выспаться онъ можетъ подъ открытымъ небомъ, когда и гдѣ ему угодно.

Самая эта дешевизна поддерживаетъ неимовѣрно лѣнь ладзарони, — лѣнь, немѣшающую, однако же, чрезвычайной живости, и служитъ причиною грубаго ихъ необразованія въ сущности же неаполитанскій черный народъ смышленъ и даже весьма остроуменъ.

Часу въ третьемъ, насмотрѣвшись вдоль, для перваго

раза, на народную неаполитанскую жизнь, я отправился въ Вилла-Реале. Здѣсь нашелъ я совершенно другой міръ. Въ саду чистыя, широкія дорожки, усыпанныя пескомъ, благоуханіе цвѣтовъ и множество гуляющихъ обоего пола, одѣтыхъ опрятно или даже щегольски.

Несмотря на то, что время приближалось къ половинѣ ноября, воздухъ былъ теплый, нѣсколько увлаженный испареніями моря, омывающаго прибрежную сторону Вилла-Реале. По мѣрѣ того, какъ этотъ живительный воздухъ проникалъ глубже и глубже въ мой организмъ; мною овладѣвало какое-то лихорадочно-пріятное ощущеніе; я, казалось, чувствовалъ, какъ кровь моя согрѣвается и живѣе течетъ по трепещущимъ жиламъ; мнѣ становилось несказанно весело и легко; я бы съ жаромъ прижалъ къ пылающей груди... все женское населеніе цѣлой вселенной! Не знаю, предположеніе Александра согласно ли съ наукою, но онъ увѣряетъ, что ощущенія, мною описанныя, и вообще живость, смѣняемая лѣнивымъ утомленіемъ, что составляетъ отличительную черту въ характерѣ Неаполитанцевъ, можно приписать нѣкоторому преизбытку *кислорода* въ воздухѣ.

Понятно, что я въ Вилла-Реале не встрѣтилъ ни одного знакомаго лица, хотя и всматривался пристально во всѣхъ прохожихъ, въ особенности въ прохожихъ женскаго пола. Мнѣ показалось, что Итальянокъ на гуляньи было немного: по большей части встрѣчались мнѣ Англичанки, которыхъ невозможно было не отличить отъ прочихъ націй,—потомъ Француженки, вѣроятно,—русскія,—конечно, и Нѣмки; не той, которую я желалъ встрѣтить, не было. Вдругъ овладѣло мною непреодолимое желаніе увидать

прелестную нашу спутницу. Не будь *преизбытка кислорода* въ неаполитанскомъ воздухѣ, конечно, съ перваго же дня я не рѣшился бы нескромно посѣтить графиню; но тутъ очерти голову я выбѣжалъ изъ саду, вскочилъ въ коляску и велѣлъ ѣхать въ конецъ Кьяи, по указанному адресу.

Входя въ гостиную графини, мнѣ стало совѣстно; по счастью, старушка приняла меня благосклонно и даже радушно,

— Извините меня, графиня, сказалъ я, немного путаясь въ словахъ: — извините за нескромное, можетъ быть, посѣщеніе. Я почелъ долгомъ освѣдомиться о вашемъ здоровьи; къ тому же, признаться, у меня въ Неаполѣ нѣтъ никого знакомыхъ, кромѣ васъ, и я рѣшился обезпокоить...

— Не извиняйтесь, пожалуйста, прервала графиня, ласково улыбаясь: — я, напротивъ, удивилась бы, если бы вы не заѣхали сегодня же къ намъ, послѣ искренняго моего приглашенія въ Газтѣ. Вдали отъ родины нужно дорожить и случайнымъ знакомствомъ: какъ знать, что можетъ случиться! А вашъ степенный пріятель? что онъ дѣлаетъ? вѣроятно, осматриваетъ городъ?

— Право, не знаю: я давно уже выѣхалъ изъ дому.

Я хотѣлъ продолжать, но остановился какъ вкопанный, вскочилъ со стула и забылъ даже, кажется, поклониться: въ комнату вошла Луиза, но не та Луиза, которую я видѣлъ при отъѣздѣ изъ Газты, въ дождь, въ сумрачное утро, а прелестное видѣніе, которое предстало моимъ взорамъ въ Терачинѣ и озаряло длинный вечеръ, проведенный въ померанцовой рощѣ. Но что я говорю! Луиза,

которая находилась теперь передо мною, еще милѣе, еще воздушнѣе; голубые ея глазки сіяютъ какою-то чистою, небесною радостію. Я быстро припомнилъ разговоръ нашъ на террасѣ, и внезапно мелькнула въ головѣ моей мысль, подавшая поводъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, къ весьма выгодному обо мнѣ мнѣнію со стороны Луизы.

— Вы, вѣрно, уже видѣлись съ подругою вашею, сказалъ я, подходя къ молодой графинѣ.

— О, конечно! отвѣчала она съ чувствомъ.

— Я угадалъ это по выраженію вашего лица.

Луиза слегка покраснѣла и взглянула на меня такъ... мягко (другаго слова я не могу придумать), что у меня сердце стукнуло почти вслухъ.

Чтобы скрыть неприличное мое смущеніе и не показаться смѣшнымъ графинѣ, а можетъ и ея дочери, я сталъ болтать напропалую, описывая впечатлѣнія мои при вчерашнемъ захожденіи солнца, сегодняшнюю прогулку и украшая разсказъ самыми пышными, витіеватыми фразами. По счастью, пріѣхалъ къ графинѣ какой-то старикъ-Нѣмецъ, — судя по наружности, въ полномъ смыслѣ Нѣмецъ. Графиня весьма обрадовалась его пріѣзду, жала пріѣзжему нѣсколько разъ руку, приговаривая, «что въ ихъ лѣта старымъ друзьямъ не слѣдуетъ разлучаться на долгое время». Старикъ-Нѣмецъ, пользуясь правами давнишней дружбы къ семейству графини и, вѣроятно, правами своихъ лѣтъ, вслухъ любовался Луизою.

— Was für ein schönes Kind? Wie hübsch gewachsen! говорилъ онъ, съ восторгомъ, и кончилъ тѣмъ — злодѣй! — что поцаловалъ ее въ лобъ.

Мнѣ стало ужасно завидно, и я отошелъ къ окну, не

желая мѣшать изліянію чувствъ досаднаго старика; но вскорѣ я помирился съ старымъ Нѣмцомъ и, напротивъ, даже благословлялъ его пріѣздъ, потому что Луиза, пользуясь его присутствіемъ, предоставила ему разговаривать съ графинею, а сама подошла къ окну, изъ котораго я задумчиво любовался моремъ.

— Все, что́ вы давича говорили, сказала она, подходя ко мнѣ: — доказываетъ весьма много воображенія. Къ сожалѣнію, у меня, кажется, вовсе нѣтъ воображенія! Я думала о Неаполѣ съ удовольствіемъ потому только, что въ Неаполѣ живетъ милая мнѣ Кьяра, и до сихъ поръ вовсе не восхищалась природою, потому что сердце мое слишкомъ еще полно счастіемъ, доставленнымъ мнѣ свиданіемъ съ моею подругою. О! дружба есть священное чувство! а безъ чувства сердце не можетъ жить.

— Извините меня, M-lle Луиза, но я думаю, что вы еще не знаете, что́ такое *настоящее чувство!*

— Какъ, сказала она, взглянувъ на меня, съ удивленіемъ: — а любовь моя къ матушкѣ, къ Кьярѣ?..

— Все это не то, что любовь къ мужчинѣ.

Трудно описать выраженіе прелестнаго личика Луизы, при этихъ словахъ. Она какъ-то мило подняла головку, пристально посмотрѣла вдаль, какъ бы ожидая вдохновенія съ моря, открыла губки, будто желая что́-то сказать, однако же, ничего еще не сказала, — потомъ подумала, поглядѣла на меня, желая, по видимому, узнать, зачѣмъ это я ей говорю такія вещи, и наконецъ отвѣчала, спокойно:

— Любовь всегда одна и та же любовь; только, когда полюбишь мужчину — я отгадываю, прибавила она, немного

красивѣя: — что вы намекаете на любовь къ постороннему, чужому человѣку, а не къ родственнику — то для такой любви необходимо *болѣе терпѣнія, болѣе скромности и самоотверженія*.

— Почему же это вы полагаете такъ? спросилъ я, съ удивленіемъ.

— Потому, что я слышала, во первыхъ, что мужчины великіе эгоисты, слѣдовательно нѣжному, чувствительному женскому сердцу приходится не разъ терпѣть отъ жестокаго прикосновенія эгоизма; во вторыхъ, мужчины вскорѣ охлаждаются въ своихъ чувствахъ къ женщинѣ, если она слишкомъ откровенно, навязчиво, такъ сказать, высказываетъ свою любовь; и, въ третьихъ, женщина, полюбивъ однажды, должна любить вѣчно, несмотря на холодность, на равнодушіе, на непостоянство и даже не взирая на недостатки избраннаго ею мужа. Вотъ почему, прибавила очаровательная дѣвушка, съ кроткою улыбкою: — нужно, для того, чтобы любить мужчину, болѣе терпѣнія, скромности и самоотверженія, чѣмъ для дружбы; конечно, и въ подругѣ ошибиться можно... ну, что же дѣлать! поплачешь немного, погрустишь и отдалишься мало по малу отъ нея; а съ мужемъ этого нельзя. Однако же, и въ дружбѣ и въ любви основаніе чувства, я полагаю, одно и то же. Сердце бьется или молчитъ — вотъ единственная примѣта, которою слѣдуетъ руководствоваться; а тамъ что Богъ дастъ!

Я не понималъ, откуда семнадцати или осьмнадцатилѣтняя дѣвушка могла набраться такой философіи, но, смотря на ангельское и умное выраженіе глазъ Лизы, я сознавалъ, что она чувствовала что говорила, а не по-

вторыя безсознательно завершенныя ею слова. Я долго не зналъ, какъ мнѣ возражать, и наконецъ рѣшился отвѣчать просто, безъ излишняго краснорѣчія.

— Не подумайте, M-lle Луиза, чтобы я возымѣлъ претензію оправдать въ нѣсколькихъ словахъ мужчинъ передъ вами и измѣнить совершенно ваше мнѣніе на ихъ счетъ; но повѣрьте, что между ними есть люди съ истиннымъ чувствомъ, съ плавленною душою и способные къ величайшимъ самопожертвованіямъ.

— Я никакъ въ этомъ не сомнѣваюсь, отвѣчала Луиза: — иначе грустно бы было даже и подумать о замужествѣ; но это нисколько не измѣняетъ моихъ мыслей касательно обязанностей женщинъ. Умѣть, желать сердечнаго счастія онѣ въ правѣ, но и должны приготовиться переносить безропотно горести, достающіяся имъ въ удѣлъ отъ необдуманнаго, можетъ быть, влеченія сердца... Не извините, прибавила Луиза, разсмѣявшись: — я вовсе говорю: *увлеченіе* не можетъ быть *обдумано*. Сердце любитъ потому, что хочетъ любить, и отчета въ своихъ чувствахъ никому не отдаетъ. Слѣдовательно, какъ я уже сказала, слѣдуетъ вслушаться въ говоръ сердца, а въ остальномъ положиться на произволъ Божій. Кому достается счастье, а кому — горе: вотъ и все!

Покорность судьбѣ, ангельское смиреніе — эти чувства такъ чудно шли къ невинному выраженію Луизина личика, что мнѣ даже не пришло въ голову поколебать ихъ малѣйшимъ противорѣчіемъ. Напротивъ, я сочувствовалъ вполнѣ ея мыслямъ. Мнѣ досадно стало, что я не дѣвушка: я обнялъ бы Луизу и сказалъ бы съ увлеченіемъ.

— Будемъ ждать велѣнія судьбы и покоримся безропотно, милая подруга, счастью или горю, доставшемуся намъ въ удѣлъ.

Но что я за дуракъ, я васъ спрашиваю? Прелестная дѣвушка увлекаетъ меня въ поэтическій міръ невинной своей фантазіи, а я сожалѣю, что не могу обнять ее въ видѣ скромной подруги! Тамъ *хладная* дружба, а мнѣ предстоитъ, можетъ быть, горячая любовь! Но любовь влечетъ за собою бурю, волненіе! а чело Луизы такъ чисто и ясно! но... какъ Богъ дастъ! она же говоритъ:

Я вспомнилъ, однако же, что для перваго визита посѣщеніе мое неприличнымъ образомъ продолжается — со вздохомъ простился съ очаровательною Луизою, откланялся графинѣ и вышелъ изъ дому, какъ человѣкъ слегка упоенный. На крыльцѣ я замѣтилъ, что мнѣ остается до условленнаго часа для обѣда добрыхъ полъ-часа, и такъ какъ съ дороги сбиться было невозможно, по причинѣ пролегающаго бульвара, который упирался прямо въ «Викторію», то я отправилъ коляску и рѣшился пройтись пѣшкомъ. Дорогою я опомнился, образумился, *поостылъ*, прозаически говоря.

»Чтожь это въ самомъ дѣлѣ — подумалъ я — пора бы мнѣ сдѣлаться самостоятельнымъ человѣкомъ, а то дуетъ легкій вѣтерокъ, а я и *дрейфую* *: гдѣ же якорь разума? Правда, что Луиза восхитительная дѣвушка; но мало ли восхитительныхъ дѣвушекъ на свѣтѣ? Мысли ея

* Дрейфовать — не держаться на якорѣ.

о покорности судьбѣ, объ обязанностяхъ женскихъ безподобны, но нѣсколько отзываются нѣмецкимъ «Schwermerei». Къ тому же, неужели для нее пожертвовать мнѣ спокойною холостою жизнью? а если нѣтъ этого намѣренія у меня въ мысли, то зачѣмъ же мнѣ водиться и себя и Лунзу? нехорошо и неблагородно».

Однимъ словомъ, я такъ себя *настроивалъ*, что, подходя къ дому, рѣшился избѣгать частыхъ встрѣчъ съ Лунзою и далъ себѣ обѣщаніе заняться тѣмъ *серьезнымъ и важнымъ* дѣломъ, для котораго предпочтительно пріѣхалъ въ Неаполь.

Александръ ожидалъ меня на балконѣ гостинницы и едва завидѣлъ меня издали, какъ сталъ *телеграфить* выразительными жестами, указывая поочередно на сердце, на небо или на воздухъ и по направленію Кьяи. Лишь только я вошелъ въ комнату, онъ закричалъ мнѣ:

— Бьюсь объ закладъ, что ты былъ у сильфиды?

— Ну, былъ! чтóжъ тутъ за бѣда, отвѣчалъ я довольно хладнокровно и почти шутя.

— Вчера я назвалъ тебя «ingrato core», проговорилъ комически Александръ: — а сегодня назову «tenero core». О, нѣжное сердечко! *Большой бѣды тутъ нѣтъ, на это я согласенъ*... Что такое? Кажись, опять стихи... ужь не амфибрахій ли вновь? Но теперь дѣло не въ томъ. Выслушайка лучше разумныя рѣчи: «Гуляй себѣ рыба-китъ по глубинѣ морской, но берегись подводныхъ камней; летай мотылекъ изъ конца въ конецъ, но не наткнись на свѣтецъ». Вотъ тебѣ и мораль въ лицахъ. О, дружище! а впро-

чемъ, все ничего противу вѣчности. Vino negro — donna bianca *! — . . . . . .

— Что́жъ эти-та поговорка обозначаетъ? спросилъ я, разсмѣявшись.

— Это не поговорка, а такъ два слова на память. Вотъ видишь ты, давича я далеко забрался въ центръ города; тамъ,—какъ тебѣ извѣстно, или, можетъ быть, неизвѣстно,—нѣтъ, какъ у насъ на Невскомъ, почти на каждомъ шагу «Café Restaurant», — тамъ, вѣроятно, впрочемъ, что и на пяти тысячахъ квадратныхъ шагахъ нѣтъ ни единаго; а между тѣмъ для меня пробилъ адмиральскій часъ и мнѣ не на шутку *сголоднулось*. Вотъ я и вошелъ въ какую-то невзрачную остерію (въ трактиръ) да и прельстился, глядя на свѣжихъ «затворницъ жирныхъ и живыхъ». Соленыя бестіи возбудили во мнѣ жажду. Взалкалъ, душа моя! виноватъ! Я спросилъ: нѣтъ ли чего выпить? Мнѣ принесли какую-то пузатую стклянницу, обернутую соломою и заткнутую соломенною пробкою. Я заглянулъ въ *содержаніе* и замѣтилъ, что на поверхности плаваетъ оливковое масло. «Это что́жъ такое?» спросилъ я.—«Вино», отвѣчали мнѣ самоувѣренно.—«Какъ вино»! воскликнулъ я съ изумленіемъ.—«Да такъ, вино», и, безъ дальнихъ околичностей, нецеремонная итальянская образина вынулъ соломенную затычку, выплеснулъ на полъ лишнее масло и въ мутный стаканъ порядочнаго размѣра налилъ какой-то темно-лиловой жидкости. Я уже говорилъ тебѣ, что мнѣ пить до смерти хотѣлось: я ее хватилъ

* Черное вино — бѣлая женщина.

дальномъ, да потомъ минутъ съ десять морщился и отплевывался. Чортъ знаетъ что̀ такое? чернилы — не чернилы, рябина—не рябина, а вяжетъ и сластитъ тебѣ ротъ. «Да какое же это вино, скажите на милость?» произнесъ я наконецъ.—Хозяинъ, заглядѣвшійся на полновѣсный кошелекъ, который я вынулъ для расплаты, отвѣчалъ мнѣ съ почтительными ужимками: «Eccellenza è vino negro, siàm povera genti, altro non v'è *». Вотъ я и зарубилъ себя на память *vino negro не пить никогда* и для вящшей предосторожности далъ себѣ обѣщаніе повторять по нѣскольку разъ въ день слова vino negro. Ну, а что̀ касается до «Donna biancha»—это дѣло особое. Исколѣсивъ городъ порядкомъ и насмотрѣвшись вдоволь на хваленыхъ Неаполитанокъ, я нашелъ, что онѣ съ изъянцемъ и всѣ до одной черноглазыя, не въ укоръ будь сказано тому же Плинію, Виргилію, Тассу и *tutti quanti*. Такъ какъ, съ одной стороны, я не признаю ни малѣйшаго достоинства въ черномъ цвѣтѣ относительно прекрасной половины человѣческаго рода; а съ другой—невозможно допустить, чтобы вышепоименованные великіе люди имѣли такой испорченный вкусъ, то я задалъ себѣ задачу: отыскать, во что̀ бы то ни стало, въ Неаполѣ *бѣлую женщину*. Вслѣдствіе чего я и повторяю для памяти «Donna biancha».... Впрочемъ, на нынѣшній день довольно! я уже повторилъ разъ пять заданный себѣ урокъ.

Чудакъ мой Александръ,—не правда ли? Послѣ обѣда мы отправляемся въ Санъ-Карло (San-Carlo)—посмотрѣть

* Т. е ; это вино черное; мы люди бѣдные: у насъ другаго нѣтъ.

и послушать Лаблаша, Ронци де-Бегнисъ и нашего Иванова. Дадутъ оперу «Anna Bolena» Доницетти. Что будетъ — увидимъ!

IV.

(NB Предпочтительно для музыкантовъ.)

Я сказалъ, что пребываніе мое въ Неаполѣ имѣло *серьёзную и важную для меня цѣль*. Дѣло это нехудо при случаѣ объяснить *потомству*, — не тому потомству, которое судитъ и рядитъ о дѣяніяхъ художниковъ или писателей и воздвигаетъ имъ по достоинству памятники: о, нѣтъ! до такого потомства мнѣ вовсе нѣтъ никакого дѣла. Подъ словомъ «потомство» я подразумѣваю собственное мое, личное, т. е. могущихъ быть у меня дѣтей и отраслей, отъ нихъ исходящихъ. Нехудо, говорю я, и даже поучительно будетъ знать современемъ моимъ дѣтямъ, внучкамъ и правнучкамъ, что за человѣкъ былъ ихъ родоначальникъ и по какимъ именно обстоятельствамъ вышло изъ него *ни рыба, ни мясо*. Говорятъ, что «чужая опытность не приноситъ никому значительной пользы»; оно, конечно, но все же обязанность семьянина указать *своимъ*: что не плутай вотъ по такой-то дорожкѣ, остерегайся такихъ-то цвѣтковъ или терній, подвигайся прямо, твердо, безъ излишней самонадѣянности, но и безъ робости, а смѣло, неутомимо, возлагая упованіе на Бога, на чистоту своихъ намѣреній и не обращая на малѣйшаго вниманія на кожи, происки и ухищренія окружающихъ

тебя людей. Писать нравственно-поучительныя наставленія ни къ чему не ведетъ; даже и сынъ нашъ, перелистывая дневникъ, собственно для него написанный, пропуститъ подобныя *тирады*, какъ охлаждающія, по его мнѣнію, ходъ дѣйствія; но изъ обстоятельствъ, встрѣтившихся въ вашей жизни, если у сына вашего окажутся толкъ и разумъ, то онъ непремѣнно извлечетъ себѣ поученіе. И такъ, Алексѣй Матвѣичъ, смѣлѣй! впередъ! умничай поменьше, а разсказывай пояснѣй!

Съ самого моего дѣтства я полюбилъ душевно музыку, т. е. не то чтобы музыку, а я любилъ, развалившись или на диванѣ, или на травѣ, подложивъ подъ голову руки и поднявъ колѣни, распѣвать какія-то небывалыя пѣсни безъ словъ. Лежу бывало я такъ по нѣскольку часовъ, всматриваясь въ облака, въ верхушки деревъ, въ перелетныхъ птичекъ да и распѣваю себѣ, выражая безсознательно на свой ладъ кой-какія мысленки. Вскорѣ стали принуждать меня учиться повнимательнѣе грамотѣ. Учитель растолковалъ мнѣ, въ запутанной, многословной рѣчи, что «грамматика учитъ правильно говорить и писать». А пѣть грамматика не учитъ? спросилъ я спроста. — «Вы, душенька, дѣлаете вздорный вопросъ, отвѣчалъ мнѣ строго учитель: — выбросьте изъ головы вашей пѣніе и займитесь изученіемъ, какъ правильно выражаться». — Такъ зачѣмъ же мнѣ грамматика? я и такъ умѣю выражать свои мысли... только не словами. За глупый этотъ отвѣтъ я былъ, сколько мнѣ помнится, наказанъ, и за мною стали строже присматривать, такъ что уже рѣдко случалось распѣвать дѣтскія мои пѣсни. Однако же, у меня образовался чистый, вѣрный и весьма высо-

кій сопрано, и, по усиленнымъ моимъ просьбамъ, мнѣ дозволено было пѣть на клиросѣ въ бабушкиной домашней церкви. Хоръ, въ которомъ я участвовалъ, состоялъ исключительно изъ любителей, т. е. изъ родныхъ моихъ братьевъ, двоюродныхъ и нѣкоторыхъ близкихъ знакомыхъ бабушкину семейству. Въ то время я еще не учился пѣть, а пѣлъ такъ, по инстинкту, и весьма удачно подражалъ знаменитому тогда Фрицу (изъ хора г-на Дубенскаго). Старшій мой братъ, пользуясь правами старшинства и, вѣроятно, тѣмъ, что онъ пѣлъ густымъ басомъ, а что сопрано всегда почитается, не знаю почему, въ зависимости у баса, часто употреблялъ *побудительныя* мѣры, когда я не выводилъ на кличѣ, по фантазіи или по капризу, нѣкоторой верхней нотки, пользующейся особеннымъ благоволеніемъ присутствующихъ при служеніи. Мѣра эта всегда имѣла желанный успѣхъ, и я при слѣдующемъ возгласѣ вскрикивалъ весьма усердно: «Подай, Господи!» Мнѣ бы слѣдовало тогда же посвятить себя серьёзному изученію музыки, но меня отвлекали отъ этого частію грамматическія, географическія, ариѳметическія и прочія мои занятія, частію невыгодное понятіе, которое имѣли окружающіе меня родственники о музыкѣ, какъ наукѣ, и наконецъ собственная... не лѣность: о нѣтъ! — безпечность. Я пою, слѣдовательно я музыкантъ! говорилъ я себѣ неоднократно. — Однако же въ пятнадцать лѣтъ я сталъ учиться музыкѣ основательно, теоретически, по всѣмъ правиламъ науки. Первые мои преподаватели были: извѣстный ученый контрапунктистъ Фуксъ и въ послѣдствіи полу-помѣшанный, но весьма даровитый сочинитель Геббель. Въ шестнад-

цать лѣтъ я уже написалъ нѣсколько романсовъ, которые въ свое время распѣвались всѣми любителями и въ особенности любительницами, и даже разъигрывались на шарманкахъ. Фуксъ журилъ меня за это, утверждая, что подобные вздоры отвлекаютъ меня отъ настоящей музыки, т. е. отъ изученія гармоніи, контрапункта и фуги. Тогда уже сознавалъ я, хотя и не совсѣмъ ясно, какая огромная разница существуетъ между мелодистами и гармонистами: въ послѣдствіи я убѣдился, что разница эта происходитъ не отъ ученія или извѣстнаго направленія, а что она существуетъ, такъ сказать, въ крови народовъ. Итальянцы и всѣ славянскія племена (въ особенности Иллирійцы, Богемцы и Русскіе) имѣютъ наибольшую склонность къ мелодіи, за тѣмъ Французы, а Нѣмцы болѣе пристрастны къ гармоніи. Доказательствъ на это бездна. Моцартъ, который выходилъ изъ подъ общихъ законовъ и, будучи всемірнымъ геніемъ, не принадлежалъ ни къ какой націи,— Моцартъ понялъ превосходно нерасположеніе Нѣмцевъ къ мелодіи, а потому онъ избралъ Прагу (богемскій городъ) въ первые судьи самаго мелодическаго своего произведенія, т. е. «Донъ-Жуана». Если Италія не оцѣнила въ то время безсмертнаго творенія Моцарта, то этому можно отыскать множество побочныхъ причинъ: во-первыхъ, Итальянцы въ мелодіяхъ предпочитаютъ нѣкоторыя условныя формы, которыхъ они не нашли въ мелодіяхъ «Донъ-Жуана»; во вторыхъ, исполненіе этой музыки пришлось не подъ стать инструментальнымъ ихъ виртуозамъ: въ-третьихъ, въ «Донъ-Жуанѣ», кромѣ очаровательныхъ мелодій, есть множество гармоническихъ замысловъ, составляющихъ

главнѣйшую прелесть этого произведенія — такого же рода наивреній Итальянцы и до сихъ поръ не въ состояніи оцѣнить. Итакъ, предпочтеніе, оказываемое нѣкоторыми народами къ мелодіи, есть расположеніе присущее, а не пріобрѣтенное, и слѣдовательно Фуксъ, вооружаясь противъ моего инстинктивно-мелодическаго направленія, воевалъ противъ природнаго чувства. Но, чтобы опредѣлить въ точности что слѣдуетъ предпочитать—мелодію или гармонію, нужно сперва дать себѣ ясный отчетъ о томъ, что такое музыка вообще.

Одинъ философъ опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ искусство музыки: «La musique est un art qui a pour but d'émouvoir l'âme au moyen des modifications du son,» т. е. искусство музыки имѣетъ цѣлью трогать человѣческую душу посредствомъ *измѣненія* звуковъ. Опредѣленіе это довольно темно, и изъ него можно только заключить, что философъ полагаетъ, что монотонная вибрація одного и того же звука не можетъ тронуть душу; теорія же эта опровергается опытомъ, потому что продолжительный звукъ колокола, напримѣръ, производитъ величайшее впечатлѣніе. Однако же, и въ этомъ опредѣленіи можно найти кое-что въ пользу мелодіи. *Modification* значитъ постепенное измѣненіе, а не внезапная перемѣна; въ гармоніи же звукъ перемѣняется, конечно, послѣдовательно, но все-таки перемѣняется, — а въ мелодіи онъ *измѣняется*, и чѣмъ плавнѣе, пѣвучѣе мелодія, тѣмъ болѣе измѣненная нота сливается съ предъидущей. Г-жа Сталь говоритъ: «La musique est un plaisir si passager, on le sent tellement s'échapper á mesure qu'on l'éprouve, qu'une impression mélancolique se mèle á la gaîté qu,elle cause», т. е. музыка доставляетъ такое мимолетное, не-

уловимое удовольствіе, что часто грустное чувство порождается въ порывахъ веселія, возбужденныхъ тою же музыкою. Дѣйствительно, впечатлѣнія, производимыя музыкою, самыя неуловимыя, самыя неопредѣленныя. Вдохновеніе музыкальное нельзя подвести подъ законы положительные, подъ законы, выраженные цифрами, а чистая гармонія вся основана на цифрахъ. Вотъ почему гармонія уже болѣе наука музыки, чѣмъ собственно искусство музыки; въ ней все строго опредѣлено, слѣдовательно нѣтъ безпредѣльности: аккордъ C dur, напримѣръ, перестаетъ быть C dur, коль скоро онъ перемѣняется,— а подъ данную мелодію можно подобрать сотни гармоній, и она останется слово въ слово все та же, становясь только грустнѣй или веселѣй, по мѣрѣ того, какъ гармонія, ее сопровождающая, дѣлается мрачнѣе или ярче. Слѣдовательно, мелодія есть истинная дщерь музыкальнаго вдохновенія: ей нѣтъ ни узъ, ни препонъ; она какъ призракъ неуловима и какъ воображеніе безпредѣльна.

Всѣ предъидущія умствованія, разумѣется, плоды позднѣйшихъ размышленій, а въ то время хотя мнѣ и не совсѣмъ ловко приходилось, но я покорялся безпрекословно нѣмецкому своему преподавателю: писалъ фуги, каноны, не по вдохновенію, а по одному разсчету (harmonische combination und musicalische Kunststöcke, какъ выражался мой учитель), и только урывками распѣвалъ, какъ Богу было угодно. Но дѣлать было нечего: по части музыкальнаго воспитанія мы тогда находились и, по правдѣ сказать, теперь еще находимся, въ зависимости у нѣмецкихъ преподавателей. Забавная, между прочимъ, вышла у меня ссора съ чудакомъ Геббелемъ (мнѣ было тогда

уже слишкомъ двадцать лѣтъ). Задалъ мнѣ однажды Геббель для слѣдующаго урока написать проектъ увертюры, со всѣми обычными условіями и подраздѣленіями, т, е. Hauptidee, Brücke, Mittelsatz и проч. На бѣду мою, я увлекся, и вводную мысль очерталъ не только что въ совершенно другомъ родѣ, какъ главную, но даже въ другомъ темпѣ и въ какомъ-то отдаленнѣйшемъ тонѣ. Едва Геббель взглянулъ на это явное отступленіе отъ классическихъ законовъ, какъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва. «Возможно ли подобное злоупотребленіе! началъ онъ говорить, расхаживая по комнатѣ, и грозно всматриваясь въ *corpus delicti*. — Молодой человѣкъ! подумайте, что́ вы дѣлаете! Первая мысль хороша, даже слишкомъ для васъ хороша! (Спасибо.) Я думаю, ужъ не почерпнули вы ея изъ безсмертныхъ твореній Бетговена? Да! я вотъ припоминаю и не могу вспомнить. Но какой ~~же это~~ Mittelsatz! это скверная плеельщина (отчего Плейель попался ему подъ зубокъ— право, не знаю); это балаганная, канатная музыка, пятнающая своимъ прикосновеніемъ мысль великаго человѣка (заладилъ одно, что я обокралъ Бетговена), и, къ довершенію преступленія, вы бросаетесь въ неуказанный тонъ! Чѣмъ вамъ *доминанте* не понравилось? я васъ спрашиваю. Стыдитесь, сударь! это неприлично!» Вотъ тебѣ и разъ—попался! —«Но позвольте, возразилъ я наконецъ: — отчего же не воспользоваться пѣвучею, мелодическою вводною мыслью, если она даже и въ другомъ *темпѣ*, чѣмъ основная? и зачѣмъ непремѣнно переходить въ *доминанту*, а не въ другой отдаленный тонъ!» — «*Отчего? зачѣмъ?* этого вамъ, сударь, не нужно знать: такъ слѣдуетъ, — и этого до-

статочно. Но если вы воображаете, продолжалъ Геббель, все болѣе и болѣе разгорячаясь: — что я буду потворствовать подобнымъ отступленіямъ отъ принятыхъ правилъ, допускать въ моихъ глазахъ такія нелѣпыя нововведенія, то я слуга вашъ покорный.»

Съ этимъ словомъ раздраженный Нѣмецъ бросилъ ноты, схватилъ шляпу и былъ таковъ. Я самъ былъ такъ разсерженъ вздорною его выходкою, что не сталъ его удерживать; но когда прошла недѣля, другая, и онъ не ко мнѣ, являлся то я рѣшился заѣхать къ нему самъ. Онъ принялъ меня весьма сухо, и на всѣ мои увѣщеванія отвѣчалъ: «что ему нѣкогда; что, впрочемъ, я не нуждаюсь въ его совѣтахъ, что я хочу быть нововводителемъ,» и проч. Я сталъ его увѣрять, что впредь не покушусь на столь ненавистныя для него отступленія отъ принятыхъ правилъ, но онъ и слышать не хотѣлъ, утверждая: «что кто однажды уже позволилъ себѣ подобныя вещи, тотъ навѣкъ *испорченъ*.» Мы разстались совершенными недругами; но что̀ болѣе всего меня разсердило, такъ это то, что онъ мнѣ два раза отсылалъ обратно слѣдующія ему по разсчету деньги, увѣряя, «что онъ ихъ не заслужилъ, потому что ничему порядочному меня не выучилъ.» Кончилось тѣмъ, что я опять послалъ ему деньги, съ довольно крутою запискою, въ которой, между прочимъ, было сказано, «что я не намѣренъ принимать отъ него подарковъ, и что если онъ чувствуетъ, что не заслужилъ посылаемыхъ денегъ, то пусть отдастъ ихъ своей кухаркѣ или броситъ въ печь.»

Ссора эта оставила во мнѣ горькое воспоминаніе, тѣмъ болѣе, что Геббель былъ человѣкъ съ истиннымъ даро-

ваніемъ, и одно лишь упрямое педантство нѣсколько помрачало его достоинства.

Описанное происшествіе убѣдило меня окончательно, что между нашимъ воззрѣніемъ на музыку и воззрѣніемъ на нее нѣкоторыхъ Нѣмцевъ существуетъ огромная разница. Гдѣ они видятъ однѣ формы, комбинаціи и разсчетъ, тамъ мы ищемъ лишь *новый способъ изложенія мысли*. Убѣдившись, что русскій и нѣмецкій элементы не имѣютъ ничего общаго въ этомъ отношеніи, я почувствовалъ непреодолимое желаніе изучить вблизи, на мѣстѣ, духъ и направленіе итальянской музыки. Оставалось рѣшить, какую именно часть Италіи изберу я для достиженія предполагаемой цѣли. Но невозможно долго было колебаться: съ 1820 года Неаполитанская Консерваторія, поступивъ подъ управленіе знаменитаго и заслуженнаго старца Цингарелли, стала быстро возвышаться надъ прочими итальянскими консерваторіями. Въ ней образовались отличнѣйшіе мелодисты: Беллини, Паччини, Доницетти и многіе другіе: повторяю, что колебаться не было возможности, и вотъ — какъ я говорилъ — *серьёзное* и *важное дѣло* (въ глазахъ моихъ, разумѣется), которое привело меня въ Неаполь. Нынѣ, разсуждая хладнокровно, я нерѣдко задаю себѣ вопросъ: благоразумно ли я поступилъ въ то время, что, не докончивъ основательно изученія музыки съ нѣмецкими преподавателями, оставилъ родину на долгое время, бросилъ всѣ прочія занятія и пустился очертя голову искать артистическихъ впечатлѣній? Кажется, что не совсѣмъ благоразумно. Но тогда я, разумѣется, разсуждалъ иначе и, полный жажды обаятельныхъ чаръ художническої жизни, отправился въ Италію. Проѣздомъ

въ Карлсбадѣ я познакомился съ знаменитымъ Гуммелемъ и съ *Морлати*. Перваго я только слушалъ, а со вторымъ сошелся, подружился и въ послѣдствіи пользовался его совѣтами. Первая моя встрѣча съ Морлаки довольно любопытна. Я жилъ въ Карлсбадѣ уже съ недѣлю и успѣлъ познакомиться со всѣмъ *водопіющимъ* обществомъ. Дамы наши жаловались, что бальный оркестръ (впрочемъ, весьма хорошій) играетъ все одни и тѣ же контрадансы; я вызвался написать для вечерняго собранія того же дня новый кадриль, и притомъ написать исключительно на русскіе мотивы. Предложеніе мое было принято съ удовольствіемъ, и я тотчасъ же принялся за дѣло. Не думая долго и съ самоувѣренностью, свойственною русскому человѣку, я сталъ писать прямо, безъ партитуры, партію для первой скрипки. Дѣло происходило въ куръ-залѣ во время утренней прогулки; по случаю сырой погоды, все общество забилось въ залу, и забавно было видѣть готовность нашихъ дамъ пробовать танцовать по нѣсколько разъ каждую изъ *фигуръ*, по мѣрѣ, какъ я ее оканчивалъ и наигрывалъ на фортепіанѣ. Шуму и смѣху было довольно, и забава наша продолжалась часа три, а пока погода прояснилась; но дамы не отпускали меня гулять, требуя, чтобы я исполнилъ обѣщаніе и приготовилъ кадриль къ вечернему исполненію. Желая соединить *полезное* съ *пріятнымъ*, т. е. желая подышать теплымъ воздухомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ исполнить требованія миловидныхъ, но не взыскательныхъ любительницъ новыхъ танцевъ, я перешелъ на террасу; за неимѣніемъ большаго стола, я разлегся на полу, окружилъ себя нотною бумагою, и принялся писать наудалую,

прямо на голоса (т. е. инструментовать). Меня весьма забавляло любопытство дамъ, которыя то-и-дѣло прибѣгали посмотрѣть на мою работу. Ножки ихъ только что не топтали исписанныхъ листовъ; часто движеніемъ гобарежеваго платья какая-нибудь нота превращалась въ паузу, и наоборотъ; дѣло отъ этого становилось гораздо сложнѣе и затруднительнѣе, потому что съ каждымъ хорошенькимъ появленіемъ я подымалъ голову, и смотрѣлъ снизу на нагнувшіяся любопытныя головки. Однако же, мнѣ удалось (не безъ грѣха, признаюсь) поставить фермату на послѣдней партіи, какъ вдругъ одинъ изъ нѣжныхъ голосковъ проговорилъ торопливо: «Морлаки, Морлаки идетъ.» Я бросился сбирать разбросанныя партіи, но не успѣлъ еще встать, какъ передо мною очутился пожилой человѣкъ, довольно некрасивой наружности, въ шляпѣ съ широкими полями и съ палкою въ рукахъ. Я оторопѣлъ, тѣмъ болѣе, что цѣлая толпа дамъ смотрѣла на насъ съ любопытствомъ. «А! ба! вы пишете музыку, молодой человѣкъ, сказалъ Морлаки, всматриваясь въ разбросанныя ноты: — и пишете прямо на голоса, да притомъ же на полу, прибавилъ онъ, качая головою. — Посмотримъ!» Противиться желанію Морлаки было бы смѣшно, къ тому же я давно хотѣлъ познакомиться съ знаменитымъ maestro; но не безъ трепета, однакожъ, я ожидалъ его приговора, хотя и зналъ, что написалъ сущую бездѣлицу. Морлаки палкою расправилъ партіи; приведя ихъ въ должный порядокъ, однимъ быстрымъ взглядомъ окинулъ весь ихъ составъ, улыбнулся и сказалъ: «Не дурно, только не совсѣмъ вѣрно и не такъ-то удобно для нѣкоторыхъ инструментовъ,» и тутъ же, не сни-

мая шляпы, усѣлся также на полу, вынулъ карандашъ и принялся исправлять написанное мною. Не прошло получаса, какъ дѣло было совершенно окончено. «Вотъ такъ будетъ ладно, сказалъ maestro, вставая: — отнесите партіи дирижеру оркестра, и пусть ихъ *пилижаютъ* на здоровье.» Я, разумѣется, поблагодарилъ Морлаки, дамы разбѣжались по саду, и съ тѣхъ поръ я познакомился и, могу сказать, подружился съ итальянскимъ maestro.

Съ перваго дня моего знакомства съ Морлаки я увидалъ, какая огромная разница между музыкальнымъ нѣмецкимъ педагогомъ и итальянскимъ маэстро. Конечно, и Морлаки черкалъ подъ часъ неправильный ходъ гармоніи, рѣзкіе переходы и проч., попадавшіеся въ музыкальныхъ моихъ опытахъ, но все это было въ глазахъ его дѣло постороннее: онъ болѣе всего обращалъ вниманіе на мелодическія мысли, въ нихъ только онъ искалъ выраженія, чувства и музыкальнаго вдохновенія. Нерѣдко бывало старикъ распѣваетъ, добродушно улыбаясь, славянскія мои мелодіи, приговаривая: Bizzaro, stravagante ma non c'é male!» (т. е. странно, сумасбродно, но недурно). Меня чрезвычайно поразила снисходительность Морлаки. Для карлсбадскаго оркестра я написалъ родъ *pot-pourri* изъ русскихъ мотивовъ, и, по правдѣ сказать, попури этотъ далеко былъ незавидный. Когда Гуммель услыхалъ его въ первый разъ, то онъ пожалъ плечами и проворчалъ что-то вовсе нелестное для меня. Морлаки же, напротивъ, старался убѣдить Гуммеля, что тутъ есть кой-какія замѣчательныя мысли, и часто выслушивалъ попури съ начала до конца, обозначая тактъ тростью и головой. Морлаки одобрилъ мое намѣреніе посѣтить Неапо-

литанскую Консерваторію и при разставаніи снабдилъ меня письмами къ *Пинтарелли* и *Романди*. Первый уже былъ такъ обремененъ годами (81 года), что мнѣ почти не удалось слышать отъ него ни единаго слова, а второй вызвался быть моимъ учителемъ. Выбравъ Романди въ преподаватели, я поступилъ весьма удачно: онъ соединялъ въ себѣ юморъ, живость итальянскую и способность писать очень быстро—достоинства чисто итальянскія—присоединяя къ тому замѣчательныя контрапунктическія познанія. Онъ тогда уже извѣстенъ былъ какъ отличный теоретикъ: сочиненіе его «Quatro fuge in una» ставили какъ примѣръ преодолѣнія контрапунктныхъ трудностей,—и вмѣстѣ съ тѣмъ Романди писалъ множество оперъ, которыя не доставляли ему, признаться сказать, ни большой славы, ни большихъ денегъ. Сколько помнится, изъ сорока или пятидесяти оперъ, имъ написанныхъ, тогда только одна, комическая, «Il Vintaglio», имѣла значительный успѣхъ; прочія показывались на сценѣ, держались кой-какъ представленій 10 или 15 и умирали. * Романди (въ 1832 г.) былъ человѣкъ пятьдесятъ, лѣтъ почтенной наружности, съ сѣдыми растрепанными волосами и черными умными глазами. Онъ вѣчно ходилъ въ низенькомъ, некрахмаленномъ бѣломъ галстухѣ и въ длин-

* Только въ прошломъ (1852) году Романди, которому нынѣ 70 лѣтъ, добился наконецъ прочной и, можно сказать всемірной славы. Онъ написалъ три ораторіи; каждую изъ нихъ исполнили сначала отдѣльно, и потомъ *всѣ три* были соединены т. е. то, что было написано для одного голоса, выходило въ три, и т. д. Это—первый и единственный до сихъ поръ опытъ подобнаго рода.

— Maestro—ma oggi è tutt'altra cosa quest'aria qua, т. е. сегодня эта арія совсѣмъ иначе выходитъ.

— Sì! ho fatto qualche piccoli cambiamenti, т. е. Да! я сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны, отвѣчалъ равнодушно Романди и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ меня ущипнулъ, что я едва не вскрикнулъ.

Въ послѣдствіи достойный мой наставникъ открылъ мало по малу мнѣ всѣ сокровища необъятныхъ своихъ музыкальныхъ познаній: онъ растолковалъ мнѣ ясно, безъ малѣйшей *туманности*, безъ педантства, въ чемъ именно состоитъ истинное *сочетаніе* звуковъ; онъ заставилъ меня понять, отчего въ классическихъ произведеніяхъ всегда соблюдена опредѣленная послѣдовательность въ *тональности* (tonalité), и объяснилъ, что это зависитъ отъ логической связи звуковъ, а не отъ условныхъ формъ; онъ убѣдилъ меня, что верхъ музыкальнаго искусства состоитъ въ соединеніи мелодіи съ полнымъ гармоническимъ развитіемъ, и заставилъ благоговѣть предъ геніемъ Гайдна и Моцарта.

— Я не могу сѣтовать, говорилъ онъ: — на моихъ соотчичей, что они не отдаютъ мнѣ должной справедливости. Смѣшно было бы человѣку, забравшемуся на высокую гору, жаловаться, что земляки, оставшіеся въ долинѣ, не распознаютъ оттуда выраженія его лица. Я витаю въ горнихъ, а они пресмыкаются долу. Безспорно, что мелодія—душа музыки, но какъ разумъ (въ нормальномъ состояніи) составляетъ необходимую принадлежность души, такъ гармонія необходима для пополненія и украшенія мелодіи. Чѣмъ возвышеннѣе душа, тѣмъ сильнѣе разумъ; чѣмъ вдохновеннѣе мелодія, тѣмъ гармонія мо-

жетъ быть изобильнѣе и роскошнѣе. Люди смѣшиваютъ часто въ своихъ понятіяхъ слова: *воображеніе* и *мысль;* конечно, оба эти душевные акта находятся въ тѣсной связи между собою, но можно быть человѣкомъ съ воображеніемъ, и не быть глубокимъ мыслителемъ. Точно также многіе смѣшиваютъ понятія о мелодіи и гармоніи. Гармонія мертва, пока она сама собою ничего не выражаетъ и служитъ только сопровожденіемъ мелодіи; но она становится самостоятельною и кипитъ жизнію, коль скоро въ нее переходитъ мысль, т. е., когда она умышленной перемѣной звуковъ оттѣняетъ, дополняетъ, развиваетъ выраженіе вдохновенной мелодіи....

И глубоко запали мнѣ въ сердце свѣтлыя мысли восторженнаго моего наставника, и озарился мнѣ новымъ свѣтомъ весь музыкальный міръ, и съ полнымъ сознаніемъ преклонилъ я колѣно предъ величіемъ всемірныхъ геніевъ, каковы были Гайднъ, Моцартъ, Веберъ, Мендельсонъ и грозный Бетховенъ: я понялъ, что, сочетая гармонію съ мелодіею неразрывными узами, они положили въ чудномъ искусствѣ музыки основаніе таинства, долженствовавшаго оставаться непоколебимымъ до скончанія вѣковъ. И чѣмъ болѣе я преклонялся предъ могуществомъ титановъ эклектической музыки, тѣмъ болѣе сочувствовалъ простымъ напѣвамъ, живымъ мелодіямъ нѣкоторыхъ вдохновенныхъ итальянскихъ маэстро, узнавая въ нихъ зародышъ будущихъ громадныхъ развитій.

Далеко забѣжалъ я впередъ, однакожь! но воспоминанія тѣснились толпою въ моей головѣ, и мнѣ хотѣлось заразъ высказать и причину моего пріѣзда въ Неаполь, и поговорить о предметѣ моихъ занятій. Я сказалъ, что

наканунѣ мы собрались послѣ обѣда въ Санъ-Карло. Огромный этотъ и, какъ увѣряютъ, первый въ мірѣ театръ, и по своей величинѣ и по своему великолѣпію, оказался въ день нашего посѣщенія не совсѣмъ въ *приборѣ*. Бо́льшая часть ложъ, по причинѣ отсутствія ихъ владѣльцевъ, были закрыты наглухо темнаго цвѣта занавѣсками, что́ придавало мрачный видъ огромной залѣ. Здѣсь ложи составляютъ или, по крайней мѣрѣ, составляли въ мое время неотъемлемую собственность нѣсколькихъ семействъ, которыя владѣютъ ими въ слѣдствіе особыхъ какихъ-то финансовыхъ сдѣлокъ, чуть ли не съ основанія театра, а потому каждая ложа отдѣляется отъ другой сплошною стѣною, и отдѣлана согласно вкусу каждаго владѣльца. Такъ какъ ложи весьма глубоки и въ добавокъ снабжены небольшими внутренними кабинетами, или алковами, то слушающіе, пользуясь этимъ удобствомъ, часто сидятъ сзади, и оттого нерѣдко всѣ ложи кажутся пустыми; подобный видъ обдаетъ холодомъ посѣтителя, непривыкшаго къ итальянскимъ театрамъ. Въ день перваго моего посѣщенія Сан-Карло партеръ также былъ почти пустъ, и, къ довершенію непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня окружающими предметами, всѣ зрители *сидѣли въ шляпахъ*! Послѣднее обстоятельство, конечно, ничтожное, но мнѣ кажется, что въ *храмѣ искусствъ* можно было бы входить и безъ шляпы на головѣ. Вѣроятно, что артисты не раздѣляли моего грустнаго впечатлѣнія, потому что они играли и пѣли съ величайшимъ одушевленіемъ. Лаблашъ, въ роли Генриха VIII, былъ безподобенъ: игра, мимика, каждый жестъ, громовое его пѣніе,—все было превосходно. Ron-

zi de Begnis не произвела на меня въ этотъ вечеръ большаго впечатлѣнія: хотя она пѣла хорошо довольно трудную партію Анны Болены, но и въ игрѣ ея и въ пѣніи я не замѣтилъ ни единаго проблеска геніяльности. Всѣ ея вокализаціи, всѣ драматическія намѣренія были выполнены отчетливо, правильно, но не возбуждали горячаго чувства энтузіасма. — У нашего Иванова былъ въ то время восхитительнѣйшій голосъ: верхній регистръ его былъ звученъ, сребристъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно мягокъ. Онъ никогда не употреблялъ фальцета и, кажется даже, что вовсе не имѣлъ этихъ звуковъ въ своемъ голосѣ или, по крайней мѣрѣ, не выучился ихъ употреблять. Къ сожалѣнію, онъ пѣлъ безжизненно, холодно, игралъ плохо, и для сцены имѣлъ весьма *невыгодную* наружность.

Вообще нужно признаться, что въ первое представленіе, видѣнное мною на знаменитомъ театрѣ Санъ-Карло, одинъ только Лаблашъ произвелъ на меня полное, художественное впечатлѣніе.

По итальянскому обычаю, между двумя актами оперы, давали балетъ, подъ названіемъ: «Carlo il Temerario». Тутъ я въ первый разъ увидалъ странный хорографическій обычай: всѣ присутствующіе на сценѣ, отъ перваго дѣйствующаго лица до послѣдняго статиста, — все это двигалось въ тактъ въ одно и то же время. Одинъ кто нибудь приложитъ руку къ сердцу въ знакъ сочувствія, и всѣ сдѣлаютъ тотъ же жестъ; главное лицо поднимете руку или ногу и отвернетъ съ ужасомъ голову, и всѣ отвернутъ голову въ ту же сторону.

Пока не привыкнешь къ этимъ страннымъ движеніямъ вы не повѣрите, какъ это кажется смѣшно! Въ представленномъ тогда балетѣ, «Карлъ Смѣлый», герцогъ Бургундскій, сынъ Филиппа Великодушнаго, погибаетъ не подъ стѣнами Нанси, какъ сказано въ исторіи, а въ горахъ Швейцаріи. Въ послѣдней сценѣ декорація представляетъ горы и утесы, возвышающіеся до *закулисныхъ облаковъ* необычайно высокой сцены. Карлъ, преслѣдуемый врагами, взбирается на самый высокій утесъ, и оттуда бросается въ бездну, т. е. проваливается подъ театральный полъ. Для этой продѣлки обыкновенно бросали куклу, одѣтую въ доспѣхи несчастнаго герцога: появленіе этой куклы всегда привѣтствуемо было, говорятъ, громкимъ хохотомъ, что́ сильно тревожило режиссера,—и онъ собирался уже отмѣнить кукольное salto martole или даже снять вовсе балетъ съ репертуара, какъ вдругъ явился рѣшительный смѣльчакъ, который выручилъ его изъ бѣды. Человѣкъ этотъ (о двухъ или трехъ запасныхъ головахъ, вѣроятно) вызвался бросаться самъ *in carnedossa* съ самаго верхняго театральнаго утеса, т. е. съ десяти или, можетъ, одиннадцати саженъ вышины.

Вообразите, что предложеніе его было принято, и балетъ не только что удержался на репертуарѣ, но произвелъ даже въ свое время *фуроръ* (focevra furroge) по милости этого истиннаго сальто-мортале.

Однажды меня пригласили на сцену, или, вѣрнѣе сказать, подъ сцену, чтобы полюбоваться вблизи скачкомъ сумасшедшаго Итальянца.

Подъ отверстіемъ, въ которое назначено было провалиться акробату (нельзя же назвать его актеромъ?),

стояли человѣкъ двадцать съ натянутымъ толстымъ холстомъ. Я заглянулъ въ отверзтіе, поднялъ глаза вверхъ, и въ ту же минуту, на самой оконечности утеса, появился смѣлый скакунъ; не успѣлъ я мигнуть, какъ этотъ взбалмошный стремглавь полетѣлъ съ высоты, ударился о противоположный, выдавшійся утесъ и растянулся предъ моими глазами на холстѣ.

Всѣ двадцать человѣкъ, державшіе холстъ, дрогнули, слегка присѣли отъ сильнаго толчка, и принялись откачивать акробата, какъ откачиваютъ утопленника.

Я смотрѣлъ съ изумленіемъ. Глаза несчастнаго были закрыты,—ротъ, напротивъ, широко открытъ, и учащенное его дыханіе казалось даже болѣзненно, а между тѣмъ партеръ заливался восторженными криками и вызывалъ смѣльчака. Минутъ черезъ пять онъ опомнился, открылъ мутные глаза, потребовалъ стаканъ вина, выпилъ его залпомъ, и отправился раскланиваться передъ публикой. Вообразите же, что безумный этотъ скачекъ, подвергающій ежедневно опасности жизнь человѣка, производился за пятнадцать скуди (немного болѣе пятнадцати рублей серебромъ).

Невольно вспомнишь, что люди, восхищающіеся подобнымъ зрѣлищемъ, потомки тѣхъ Итальянцевъ, которые наслаждались кровопролитіями въ древнихъ циркахъ!

V.

Пять дней... каково?.. прошло цѣлыхъ пять дней, въ продолженіе которыхъ я ни разу не видалъ смѣль-

фиды, прельстившей меня (какъ выражается Александръ).

Эти дни посвящены были мною на знакомство съ Ремонди, и на обзоръ главнѣйшихъ достопримѣчательностей Неаполя. Однакожъ, мнѣ показалось какъ-то неучтивымъ послѣ нетерпѣливаго моего посѣщенія на другой день нашего пріѣзда въ Неаполь,—мнѣ показалось, говорю я, неприличнымъ оставаться столь *долгое время*, не освѣдомившись о здоровьѣ нашихъ спутницъ.

Вообще, по принятымъ понятіямъ, конечно, пять дней не *долгое время*, но.... хитеръ врагъ человѣческій въ своихъ внушеніяхъ: понадобится ему, онъ и день въ годъ превратитъ и цѣлые года сузитъ въ недѣлю!

Итакъ, обсудивъ обстоятельно, что влюбляться очертя-голову не слѣдуетъ, а что учтивость *справлять* всегда должно, я поѣхалъ въ тотъ же день къ графинѣ. Въ гостиной принята меня M-lle Луиза, и я былъ пораженъ страннымъ смѣшеніемъ грусти и какой-то радости, выражавшихся на хорошенькомъ ея личикѣ. Я узналъ, что на другой день послѣдняго моего посѣщенія старушка-графиня занемогла довольно серьёзно, что теперь ей-гораздо лучше, но что она не встаетъ еще съ постели, и поручила, однакожъ, дочери принять меня, желая поддержать *дружескія наши сношенія* (послѣднія слова Луиза произнесла съ особымъ, весьма милымъ удареніемъ). Тутъ же я узналъ, что болѣзнь графини послужила новымъ звеномъ соединенія между Луизою и подругою ея Кьярою, потому что Кьяра, со дня болѣзни графини, переселилась въ домъ своей пріятельницы, и не покидала

его ни на минуту, пока положеніе матери Луизиной представляло малѣйшую опасность.

— Какъ жаль, прибавила Луиза:—что вы не пріѣхали полчаса тому назадъ: вы увидали бы милую мою Кьяру; она сейчасъ только оставила меня, успокоившись совершенно въ отношеніи болѣзни моей матушки.

«Такъ вотъ отчего—подумалъ я—твое личико и выражаетъ недавно минувшую грусть, и сіяетъ въ то же время радостью! понимаю!»

Понять, конечно, можно было, но не слѣдовало въ одну минуту забыть благоразумныя рѣшенія, не слѣдовало увлечься мгновенно возвышенными чувствами *сыновней любви* и *благодарности* за дружелюбное участіе подруги, столь наивно и мило выраженными на ангельскомъ личикѣ Луизы. Можно было *сочувствовать*, но сочувствовать похладнокровнѣе. Вѣроятно, и мои мысли и ощущенія такъ же ярко отразились на моемъ лицѣ, потому что Луиза, приглашая меня садиться, потупила глазки, и избѣгала пламенныхъ моихъ взоровъ.

Еще неблагоразумнѣе поступилъ я, что въ порывѣ восторга протянулъ къ Луизѣ руку и, пожавъ выразительно ея ручку, сказалъ задушевнымъ голосомъ:

— Какія чистыя, возвышенныя у васъ чувства! какое нѣжное, благородное у васъ сердце!

Къ довершенію бѣды, до пожатія Луизиной ручки, я *неосторожно* снялъ перчатку.

О! помните навсегда, что если вы чувствуете влеченіе къ дѣвушкѣ, и желаете уклониться отъ овладѣвающаго вами чувства,—помните, никогда не подавайте ей руки безъ перчатки: иначе теплое, магнитическое ощуще-

ніе чрезъ нѣжную ручку быстро проникнетъ все ваше существо, вы электрически содрогнетесь, пальцы ваши подвергнутся невольному, излишнему пожатію,—и тогда... но что̀ распространяться на этотъ счетъ! сами увидите, что̀ будетъ тогда.

Съ тѣхъ поръ я сталъ посѣщать Луизу ежедневно, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе цѣнилъ душевныя ея качества и восхищался прелестною ея наружностью. На другой день послѣ описаннаго свиданія,—свиданія, столь быстро измѣнившаго благія мои намѣренія, оправляющаяся отъ болѣзни графини стала выходить въ гостиную, и принимать участіе въ нашихъ бесѣдахъ. По счастью, пріятель графини, старый Нѣмецъ (котораго я душевно полюбилъ за его прямоту и добродушіе), часто посѣщалъ графиню, что̀ мнѣ доставляло случай разговаривать по цѣлымъ часамъ глазъ на глазъ, такъ сказать, съ очаровательною Луизою. За вечернимъ чаемъ, который Луиза разливала сама, въ качествѣ молодой хозяйки и по нѣмецкому обычаю, пріятель графини сводилъ предпочтительно разговоръ на любимый его предметъ, т. е. на хозяйку, разливающую намъ чай. Онъ описывалъ ея дѣтство, выхвалялъ ея качества, но и ворчалъ иногда ни съ того, ни съ сего, упрекая Луизу въ излишней скромности и сантиментальности.

— Луиза у насъ, сказалъ онъ однажды: — премилая дѣвушка, но уже черезчуръ наивна и мечтательна. Я нерѣдко ее журю за *чувствительную привязанность* къ *другимъ* ея Кьярѣ. Что̀ можетъ быть общаго, я васъ спрашиваю, между благоразумною Нѣмкою и пламенною Итальянкою? Подъ смуглою тканью одной течетъ огнен-

ная лава, подъ лилейною кожицею другой — струится ключевая вода.

И старикъ дружески трепалъ по плечику Луизы.

— Конечно, продолжалъ онъ: — я не говорю, чтобы Кьяра вела себя не такъ, какъ слѣдуетъ: поведеніе ея съ мужемъ, для Итальянки, весьма прилично; но, во первыхъ, что́жъ это и за мужъ — мужъ Кьяры! а во-вторыхъ, все это хорошо до поры, до времени, а если подвернется какая-нибудь *фантазія*, такъ и пиши пропало...

— Полноте, *Väterchen*, прервала Луиза, зажимая ротъ старику своею ручкою: — полноте злословить мою Кьяру.

— Ну, ну, хорошо, лиса моя, отвѣчалъ старикъ, цѣлуя ручку Луизы: — вишь, знаетъ чѣмъ подласкаться! *Väterchen* называетъ: не могу устоять противу этого ласковаго словечка. Однако жъ, смотри, моя райская птичка, какъ бы не наплакаться тебѣ отъ твоихъ сношеній съ Кьярою. — Молчу! молчу! Виноватъ! закричалъ старикъ, закрывая себѣ ротъ обѣими руками, замѣтивъ, что слезы навернулись на голубыхъ глазахъ Луизы.

По выраженію лица графини во время этого разговора можно было догадаться, что хотя она и не потакаетъ явно своему старому пріятелю изъ опасенія огорчить Луизу, однако жъ, она нѣсколько сочувствуетъ его мыслямъ.

Не успѣли еще убрать со стола чайный приборъ, какъ въ комнату влетѣла Кьяра — предметъ предыдущаго разговора; я узналъ ее по радости, озарившей Луизино личико. Наружность Кьяры не произвела на меня съ перваго разу особо-пріятнаго впечатлѣнія.

Ростомъ она была гораздо ниже Луизы; черные, густые ея волосы съ виду казались жосткими; цвѣтъ ея лица рѣзко отличался отъ нѣжной бѣлизны Луизиной шейки и плечиковъ: нельзя было назвать его смуглымъ или оливко-оранжевымъ, что весьма часто встрѣчаешь у Итальянокъ—нѣтъ! его скорѣй можно было уподобить свѣтло-золотистому отблеску, проглядывающему сквозь нѣжно-розовую, прозрачную ткань. Что всего было замѣчательнѣе у княгини (да! я забылъ сказать, что Кьяра вышла замужъ за богатѣйшаго и, говорили по секрету, за глупѣйшаго неаполитанскаго князя Д...), — что всего было замѣчательнѣе, говорю я, въ лицѣ княгини—это черные, блестящіе зрачки, рельефно оттѣняющіеся отъ свѣтло-лазуреваго яблочка чудныхъ ея глазъ; зубы ея, окой-мленные, когда она улыбалась (а улыбалась она часто) пурпуровыми губками, казались ослѣпительной бѣлизны. Всѣ движенія Кьяры были удивительно граціозны и дышали южною нѣгою. И— Боже мой!— что за необычайная живость!

Въ короткое время Кьяра успѣла поссориться и помириться со старымъ Нѣмцемъ, назвать его нѣсколько разъ «Vecchio brontolone» (т, е. старый ворчунъ), помять неоднократно въ своихъ объятіяхъ старушку-графиню, спутать бѣлокурые локоны Луизы, подъ предлогомъ испробовать на ней прическу *à l'antique*.

Княгиня болтала безъ умолку: она разсказала (впрочемъ, отличнымъ французскимъ нарѣчіемъ, безъ малѣйшей примѣси иностраннаго выговора), что она побывала на модной вечерней прогулкѣ въ Толедской Улицѣ, что заѣхала на Маржелану подышать морскимъ воздухомъ и

успѣла съѣздить на пристань (molo) полюбоваться вновь начинавшимся изверженіемъ Везувія.

«Вотъ—подумалъ я, смотря на княгиню, и слушая неумолкаемыя ея рѣчи — вотъ достойный предметъ для умствованій господъ ученыхъ. Ихъ поражаетъ физическая задача, отчего разнородныя электричества другъ друга притягиваютъ, а однородныя—отталкиваютъ. Тутъ предстоитъ имъ психологическая задача: какъ тихая, скромная, вѣрная Луиза могла душевно прильнуть къ бурному потоку, къ воплощенному движенію, называемому Кьярою Д...?»

Меня, разумѣется, представили княгинѣ. Она окинула мою особу испытующимъ взглядомъ, закидала дюжиною живыхъ фразъ и вновь пустилась въ общій разговоръ, не обращая на меня, по видимому, особеннаго вниманія. Понятно, что вечеръ пролетѣлъ весьма быстро: княгиня не дала намъ опомниться. При прощаньѣ, Кьяра, полагая, вѣроятно, что я не понимаю по-итальянски, сказала, въ полголоса, провожавшей ее Луизѣ:

— Il tuo iperboreo orso, mia cara, non mi par bello! сѣверный *твой* медвѣдь, душенька, некрасивъ собою.

Въ этой фразѣ меня въ особенности поразило ея начало. Кьяра сказала: «*il tuo* orso;» слѣдовательно, Луиза говорила ей обо мнѣ съ участіемъ, и эта мысль услаждала мое сердце. Но зачѣмъ же вертлявая Итальянка отзывается невыгодно о моей наружности? Конечно, я не имѣю претензіи быть красавцемъ, я далеко не хорошъ собой: но зачѣмъ же она обращаетъ на это вниманіе Луизы? — Мнѣ стало очень досадно, и я чуть не высказалъ непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на ме-

ня подругою Луизы; по счастью, я вовремя удержался отъ подобнаго искушенія, иначе я навѣрное огорчилъ бы Луизу,—а это далеко было отъ моихъ намѣреній. Единственное *отмщеніе*, которое я себѣ дозволилъ, состояло въ томъ, что я изъявилъ сомнѣніе, когда старый пріятель графини сказалъ мнѣ, что Кьярѣ всего только восемнадцать лѣтъ отъ роду. Впрочемъ, дѣйствительно, въ сравненіи съ сѣверными своими сверстницами, Кьяру можно бы было почесть за двадцати-двухъ или двадцати-трехъ-лѣтнюю женщину.

На слѣдующій день, частію въ угожденіе Луизѣ, частію изъ любопытства посмотрѣть вблизи на бытъ Неаполитанцевъ, я, часу въ третьемъ, отправился съ визитомъ къ княгинѣ. Княгиня Д*** жила на Толедской улицѣ, въ огромномъ домѣ, или, вѣрнѣе, въ palazzo; но, въ противность принятымъ обычаямъ на сѣверѣ и на западѣ, въ въ palozzo ея не было привратника или швейцара. На ступеняхъ широкой, мраморной лѣстницы валялись клочки исписанной бумаги, обглодки арбузной корки, занесенныхъ, вѣроятно, съ улицы; по угламъ висѣла черная паутина; въ большія, высокія окна едва пробирался свѣтъ сквозь толстый слой накопившейся на нихъ пыли. Въ передней принялъ меня какой-то растрепанный Итальянецъ и когда узналъ, что я «un signor russo,» то отворилъ мнѣ дверь въ залу, увѣряя, что княгиня и безъ доклада принимаетъ.

Насилу добился я отъ этого чучелы, чтобы онъ доложилъ обо мнѣ. Я ждалъ довольно долго, и когда черномазый *cameriere* вернулся съ приглашеніемъ войти къ княгинѣ, я понялъ, отчего ему такъ не хотѣлось докладывать обо мнѣ: отъ передней до кабинета княгини

мнѣ пришлось отсчитать по малой мѣрѣ полтораста шаговъ! Огромныя комнаты, которыми я проходилъ, были безъ всякаго убранства; по голымъ, устарѣлымъ стѣнамъ висѣли кой-гдѣ картины въ запыленныхъ рамахъ; на окнахъ не было занавѣсей; рѣдко разставленная мебель плачевно выставляла на показъ свою ветхость. Все носило на себѣ печать небрежности и запущенія, хотя окружающіе предметы и свидѣтельствовали о богатствѣ ихъ владѣльца. Кабинетъ княгини рѣзко отличался отъ прочихъ комнатъ: это былъ *настоящій храмъ* свѣтской женщины, и притомъ Итальянки. Тутъ находилось множество изящныхъ статуй, отборныя картины (между которыми превосходная копія съ весьма мало прикрытой тиціановской Венеры); тутъ красовались банановыя деревья, индѣйскія пальмы; вообще много зелени, но цвѣтовъ не было вовсе, по причинѣ раздражительнаго ихъ дѣйствія на первы Итальянокъ. Въ обширную эту, круглую комнату, выходящую на уголъ зданія, свѣтъ изобильно вторгался со всѣхъ сторонъ сквозь ярко-малиновыя занавѣси.

Я засталъ у княгини (какъ я узналъ въ послѣдствіи) отборное аристократическое общество Неаполи: у ней находились тогда Форли, Сатріано, Колонны, Джерачи, Лауриты, Санъ-Теодоръ, и все это, замѣтьте, дюки и дюшессы, т. е. герцоги и герцогини несуществующихъ болѣе герцогствъ. Когда я вошелъ въ кабинетъ, княгиня сидѣла, или, вѣрнѣе сказать, полулежала на кушеткѣ.

Завидѣвъ меня, она даже не привстала, а привѣтствовала меня какимъ-то движеніемъ руки, свойственнымъ однимъ Итальянцамъ.

Я подошелъ къ ней, и она стала съ живостью со мною разговаривать, не помышляя вовсе о томъ, что слѣдовало бы, однако жъ, представить меня обществу или, по крайней мѣрѣ, ея мужу, котораго присутствіе я имѣлъ поводъ предполагать въ гостиной.

Мнѣ стало какъ-то неловко, и я рѣшился наконецъ попросить княгиню представить меня ея мужу. Княгиня улыбнулась, и сдѣлала мнѣ престранный и вовсе неожиданный вопросъ:

— Такъ вы непремѣнно хотите познакомиться съ моимъ мужемъ?

— Конечно, отвѣчалъ я съ изумленіемъ.

Княгиня еще разъ какъ-то странно улыбнулась, сдѣлала призывный знакъ толстому, неуклюжему и, къ удивленію моему, *бѣлобрысому* мужчинѣ, и сказала очень громко:

— Principe, il signor Alexis B....

Князь подалъ мнѣ руку съ глупою, но добродушною улыбкою, и я почелъ долгомъ привѣтствовать его,—разумѣется, на французскомъ языкѣ. Къ крайнему моему замѣшательству, князь отвѣчалъ мнѣ плохимъ итальянскимъ, почти неаполитанскимъ нарѣчіемъ, да и то не впопадъ. Я извинился и продолжалъ говорить по итальянски. Послѣ нѣсколькихъ фразъ, не получивъ ровно ни какаго отвѣта отъ князя, я былъ прерванъ княгинею.

— Такъ вы говорите по-итальянски? спросила она, всматриваясь пристально мнѣ въ лицо.

— Немного, отвѣчалъ я съ скромною улыбкою.

— Какъ немного! *Birbo che siete*! т. е., говоря по русски, просто, *какой же вы плутъ*! продолжала она, погрозивъ мнѣ пальцемъ:—нужно въ такомъ случаѣ предупреж-

дать заранѣе, а то, чего добраго вы этакъ могли бы подслушать то, чего не должны знать.

Я очень хорошо понялъ, что она намекала на вчерашнюю ея фразу, но, разумѣется, не сказалъ ей объ этомъ ни слова. Княгиня, окончивъ вышеприведенное наставленіе, приподнялась немного на кушеткѣ, и обратилась ко всему обществу съ словами:

— Duce e Duchesse, представляю вамъ *il birbo russo;* а вы тамъ разбирайтесь сами какъ хотятите, прибавила она, обращаясь ко мнѣ, и заливаясь юнымъ смѣхомъ.

Всѣ присутствующіе также расхохотались, увлеченные веселостью шалуньи княгини. Двое изъ молодыхъ людей вѣжливо подошли ко мнѣ, назвавъ себя сами, и потомъ стали представлять меня всѣмъ присутствующимъ поодиначкѣ. Не прошло получаса, какъ уже все общество обращалось со мною какъ съ давнишнимъ знакомымъ: княгиня же иначе не называла меня, какъ «il birbo russo», и безпрестанно заговаривала со мною по-итальянски. Чтобы на ея шутку отплатить шуткою,, я назвалъ ее «Il lampo italiano», т. е. *итальянская молнія*, что̀ ей, кажется, очень понравилось, и мы разстались большими друзьями; отъ всѣхъ прочихъ членовъ общества я получилъ приглашеніе посѣщать ихъ *запросто*. Въ послѣдствіи только я узналъ, что удостоился весьма рѣдкой для иностранца почести, потому что неаполитанское высшее общество живетъ, такъ сказать, особнякомъ—*en coterie*, какъ говорятъ Французы.

Знаете ли, отчего князь отвѣчалъ мнѣ не впопадъ? несчастный былъ глухъ, совершенно глухъ! Бѣдная Кьяра!

Едва цѣлой недѣли было мнѣ достаточно, чтобы объѣздить всѣхъ новыхъ знакомыхъ, которымъ навязала меня вѣтряная Кьяра; но нужно признаться, что я вездѣ принятъ былъ весьма радушно. Сумасшедшее представленіе княгини видимо пустило меня въ моду: ничего нѣтъ своенравнѣе *модныхъ* обществъ вообще, а въ Италіи и подавно. Вскорѣ я сдѣлался необходимымъ лицомъ въ кругу всѣхъ неаполитанскихъ *дюшессъ*: меня таскали на балы, на гулянья, на *parties de plaisirs*. На балѣ мнѣ поручали держать букетъ, или платокъ, во время вальса; на гуляньѣ мнѣ отдавали зонтикъ, и я имѣлъ всѣми искомое и завидное право: стоя на подножкѣ коляски и опершись на дверцы, разговаривать съ дамами или даже брать собственноручно, *не спросясь*, *изъ рукъ красавицы*, вѣеръ или букетъ и играть имъ небрежно во увидѣніе завистливой толпы. Дамы меня называли или «il birbo russo», по прозванію, доставившему мнѣ пріятное ихъ знакомство, или *Alexis tout court*. Все это, какъ видите, для молодаго человѣка было и весело, и лестно, судя по общественнымъ понятіямъ. Впрочемъ, дѣйствительно, всѣ дамы были со мной обворожительно милы, а мужчины предупредительны. Безцеремонность ихъ не походила на развязность нѣкоторыхъ западныхъ обществъ, гдѣ васъ дружески треплютъ по плечу, а того-и-гляди, что изъ-за угла пустятъ въ васъ камнемъ. Въ обращеніи Итальянцевъ со мною, казалось, было много прямодушія. Конечно, не слѣдовало ихъ дразнить, возбуждать ихъ ревность, но покуда я въ этомъ отношеніи не подвергался ни малѣйшей опасности. Невозбранно и безбоязненно порхалъ я *отъ цвѣтка* къ *цвѣтку*, не прика-

сись ни къ единому; *мысли и сердце мое были заняты воздушною дщерью сѣвера, и южныя, пламенныя очи скользили какъ по бронѣ и отражались, не проникнувъ въ грудь мою.* Подчеркнутыя фразы— изобрѣтенія Александра; чудакъ хотѣлъ мнѣ ими доказать, что и до него коснулся *священный лучъ* поэзіи.

Я подружился съ итальянскою молодежью; въ особенности искалъ моей дружбы тотъ человѣкъ, который первый подошелъ ко мнѣ въ гостиной Кьяры и, назвалъ себя Антоніемъ Z.... Онъ познакомилъ меня съ прочими членами общества.

Антоній — троюродный братъ Кьяры, и, какъ носятся слухи, домогается почетнаго мѣста *patito* княгини. Но говорятъ, что до сихъ Кьяра обращается съ нимъ дружески, даже ласково, но не подаетъ ему ни малѣйшей надежды на успѣхъ. Наружность Антонія—кровно-итальянская: черные густые бакенбарды, усы, эспаньолетка и блестящіе глаза. Онъ, кажется мнѣ, добрый малый и *ума твердаго, но простаго.* Послѣ двухъ-трехъ дней знакомства онъ уже сталъ обходиться со мною *по братски*: куритъ мои сигары, расплачивается моими деньгами, беретъ мой экипажъ, и говоритъ мнѣ *ты*, по французски, но съ такимъ уморительнымъ итальянскимъ окончаніемъ, что я не имѣю духу остановить его.

На *parties de plaisirs* Луиза ѣздила рѣдко; ей какъ-то неловко было между этихъ шумныхъ, пламенныхъ Итальянцевъ. Я замѣтилъ, что она часто краснѣетъ отъ одного южнаго жгучаго взгляда не только мужчинъ, но даже женщинъ. Оттого Луиза избѣгала знакомства съ Итальянками; но на Кьяру она смотрѣла совсѣмъ другими глазами:

необычайную ея живость она называла веселостью характера, въ огненномъ ея взглядѣ видѣла лишь выраженіе чистой и преданной дружбы. Однимъ словомъ, Луиза смотрѣла на Кьяру сквозь призму собственныхъ чувствъ, и яркія краски, столь рѣзко оттѣняющія всѣ черты наружности и характера ея подруги, смягчались въ ея глазахъ. Но если Луиза рѣдко бывала въ обществѣ, зато она часто пріѣзжала съ княгинею на вечернюю прогулку. Появленіе ея всегда производило неописанный *фуроръ* (восторгъ) между неаполитанскою молодежью: всѣ стремились къ колескѣ княгини и заглядывались на этотъ *чудный сѣверный цвѣтокъ*, *воздушное, подоблачное явленіе* (какъ выражались сами Итальянцы), *которое озарило нѣжнымъ свѣтомъ роскошно-чувственную природу Неаполя*. Хотя это опредѣленіе или описаніе красоты Луизы и напоминаетъ разсказы Шехерезады, но въ немъ много есть удачно подмѣченнаго. Дѣйствительно, образъ Луизы рѣзко отдѣлялся отъ окружающихъ ее лицъ: розовыя ея щечки, локоны пепельнаго цвѣта, нѣжныя лазуревые глаза, — все это бросало какой-то отблескъ на выразительныя, южныя черты Кьяры. Княгиня и не помышляла завидовать успѣхамъ своей подруги; напротивъ, она, казалось, радовалась имъ, и смотрѣла съ улыбкою удовольствія на выраженіе восторга, написаннаго на смуглыхъ лицахъ Неаполитанцевъ. Бывало лишь только завидитъ меня Кьяра на гуляньѣ, то подзоветъ къ себѣ выразительнымъ жестомъ, и заставитъ стать на подножку коляски со стороны Луизы:

— Orso mio caro (рѣшительно, Кьяра любила это прозвище: она меня иначе не называла, какъ *orso*, т е.

медвѣдемъ, или il bibro russo).—Orso mio caro, говорила она: — становитесь скорѣе тутъ, пока не налетѣли черные эти вороны.

Я, разумѣется, повиновался безпрекословно. Луиза немного краснѣла, минуту-другую казалась недовольною самовластнымъ распоряженіемъ Кьяры, но часъ или болѣе пролеталъ для меня въ упоеніи, и я мысленно отъ души благодарилъ вѣтряную мою покровительницу.

Не помню который изъ нашихъ старинныхъ поэтовъ сравнивалъ человѣческое сердце съ колодеземъ:

«Сердце наше кладезь мрачный:
Тихъ, спокоенъ сверху видъ,
А спустись на дно—ужасный
Крокодилъ на немъ сидитъ!»

Не совсѣмъ изящно, но вѣрно!

Въ человѣческомъ сердцѣ, дѣйствительно, гнѣздится множество *крокодиловъ*, и между этими интересными животными, имѣющими различныя имена, въ особенности замѣчательно то, которое называется *самолюбіемъ*. Есть люди, утверждающіе, что самолюбіе — чувство весьма полезное, что это могучій рычагъ, или двигатель, подъ вліяніемъ котораго совершаются великія дѣла. Согласенъ; но за однимъ великимъ дѣяніемъ, порожденнымъ самолюбіемъ, тысячи мелочныхъ, шепетильныхъ *самолюбійцевъ* кишатъ и чванятся на свѣтѣ. Пусть бы ихъ чванились—бѣда не велика; но зло никогда не остается въ зародышѣ. Злое самолюбіе ростетъ, распространяется, опутываетъ

ядовитыми своими корнями тысячи людей, и шепчетъ имъ на ухо: «не признавай достоинствъ ближняго, уничтожь соперника, сотри его съ лица земли... берегись: онъ возвышается!» Самолюбіе воздаетъ скромному воспитателю—презрѣніемъ, разрываетъ узы дружбы—соперничествомъ, отравляетъ любовь—ревностью. Самолюбіе, въ змѣиномъ образѣ гордости, утратило, рай земной.

Не прійди мнѣ въ голову вышеприведенные стихи, я бы не написалъ всей этой... можетъ быть, напыщенной ахинеи; но бумага терпитъ, а перо скрипитъ. Дѣло въ томъ, что я досадовалъ на себя, а не могъ не сознаться, что Луиза стала въ глазахъ моихъ еще милѣе съ тѣхъ поръ, какъ сотни глазъ смотрятъ на меня съ завистью. И досадно мнѣ стало, что возвышенное чувство сближается съ чувствомъ презрѣннымъ: разлучилъ бы ихъ силою, охранилъ бы заботливо чистые помыслы отъ ядовитаго прикосновенія; но силъ не стаетъ, и разума не хватаетъ!

Однажды (въ декабрѣ уже мѣсяцѣ) все наше общество собралось на вечернюю прогулку въ завѣтный южный конецъ не слишкомъ широкой улицы Толедо. Окружающіе тутъ предметы, по правдѣ сказать, не представляли ничего особенно привлекательнаго. Высокіе дома ограничивали видъ, и только по направленію къ Кьяѣ виднѣлась небольшая часть синяго небосклона. Но таковы ужъ вездѣ модныя причуды! И у насъ не гуляютъ ли въ Лѣтнемъ Саду, когда тамъ произрастаютъ одни безлистные вѣники, и не покидаютъ ли сада, когда онъ одѣнется свѣжею зеленью? Usus tyrannus! и говорить нечего! Въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь, при началѣ заката солнца

съ запада показались обычные радужные цвѣта, но вдругъ и съ востока появилось яркое зарево, какъ бы желая сокрушить послѣднія свѣтозарныяусилія небеснаго свѣтила. Везувій воспрянулъ отъ временнаго отдохновенія, и разразилось одно изъ достопамятнѣйшихъ изверженій. Неаполитанцы такъ привыкли къ своенравіямъ ихъ «montagna», т. е. горы какъ они просто называютъ Везувій, что, забывая, съ свойственнымъ «вѣтрянному племени» легкомысліемъ, всѣ бѣдствія, нанесенныя окружностямъ Неаполя грознымъ его сосѣдомъ, они не опасаются его угрозъ, и смотрятъ на изверженіе только какъ на великолѣпное зрѣлище.

По одной лишь обширности зарева Неаполитанцы догадались, что Везувій расходился не на шутку, и Кьяра, съ обычною своею живостью, тотчасъ же завербовала часть общества на *partie de plaisir* огромнаго размѣра.

Предположено было часа черезъ два, не болѣе, собраться у княгини; въ тотъ же вечеръ мы должны были отправиться въ путь, чтобы поспѣть на Везувій до захожденія луны. Контрастъ серебряныхъ лучей спутницы земли со взмётами и потоками раскаленной лавы довершаетъ, говорятъ, очарованіе зрѣлища. Часть ночи мы должны были провести въ созерцаніи чудесъ изверженія, а другую — на бивакахъ вокругъ эрмитажа, находящагося у подошвы Везувія.

На другой день предполагалось осмотрѣть Помпею, потомъ отправиться въ Кастелламару, оттуда чрезъ Вико въ Сорento (родину Тасса), въ Амальфи, переѣхать чрезъ заливъ въ Капри (страшный притонъ грознаго Тиверія) и возвратится дней черезъ пять или шесть въ Неаполь.

Планъ этотъ, по нѣкоторымъ причинамъ, не состоялся вполнѣ, хотя княгиня и успѣла убѣдить нѣсколькихъ дамъ и довольно значительное количество мужчинъ предпринять предлагаемое ею путешествіе. Оставалось уговорить графиню отпустить съ нами Луизу, а безъ нея Кьяра и ѣхать не хотѣла.

— Невозможно тебѣ, сага mia, сказала она: — оставить Неаполь, не увидѣвъ вблизи великолѣпнѣйшаго извержения Везувія, и не побывавъ на родинѣ Тасса.

Луизѣ и самой, вѣроятно, желательно было совершить эту романтическую прогулку; но она боялась оставить мать на нѣсколько дней,—пригласить же графиню на подобную поѣздку было невозможно. Очевидно, что Луиза, не смотря на свою обычную твердость, не взирая на неизмѣняющее ей никогда спокойствіе, колебалась. Ее, можетъ быть, также немного пугало общество, съ которымъ Кьяра намѣревалась предпринять довольно продолжительное путешествіе. Признаюсь, что и я не безъ волненія ожидалъ, чѣмъ все рѣшится: безъ Луизы предполагаемая поѣздка теряла въ моихъ глазахъ большую часть своей прелести. Мнѣ, впрочемъ, самому казалось невозможнымъ, чтобы графиня отпустила свою дочь съ вѣтряною Кьярою. Но Кьяра не знала препятствій. Не теряя ни минуты, она велѣла ѣхать къ графинѣ, влетѣла къ ней какъ сумасшедшая, стала ее ласкать, обнимать, и въ потокѣ словъ объявила ей, что невозможно, чтобы Луиза не воспользовалась такимъ случаемъ увидать самыя примѣчательныя чудеса и окрестности Неаполя. Графиня насилу освободилась отъ объятій Кьяры, и возразила ей тихимъ, ласковымъ голосомъ:

— Мой другъ, я слишкомъ стара и слаба, чтобы предпринять подобную поѣздку, а отпустить Луизу одну, ты понимаешь, что мнѣ не хочется: страшно.

— Ну, послушайте, я понимаю: вы опасаетесь отпустить Луизу со мною, полагая, что я слишкомъ вѣтряна (что вовсе несправедливо, увѣряю васъ), такъ пусть поѣдетъ съ нами «il vecchio brontolone».

Старый пріятель графини, который присутствовалъ молча при разговорѣ, покачивая головою, чуть не свалился со стула, услыхавъ это предложеніе. Но Кьяра не дала ему опомниться, вскочила къ нему на колѣни и, ласкаясь напѣвала:

— Такъ-то вы любите вашу Луизу, Väterchen! Хорошо же! Вы лишаете Луизу величайшаго удовольствія. Луиза ничего не увидитъ, Луиза будетъ грустить, Луиза будетъ плакать.

Хитрая Кьяра очевидно съ умысломъ повторяла на каждомъ словѣ имя Луизы, зная вполнѣ, какое вліяніе имѣла оно на старика. Добрый Нѣмецъ посмотрѣлъ на Луизу, и хотя она не плакала, а улыбалась, однако жъ, онъ, вѣроятно, распозналъ на ея лицѣ, что дѣйствительно и она весьма желаетъ этой поѣздки. Старикъ еще немного помялся, тихо оттолкнулъ Кьяру, и вдругъ всталъ и проговорилъ рѣшительно:

— Ну хорошо: ѣдемъ! Только у меня чуръ быть въ повиновеніи, прибавилъ онъ, грозясь на княгиню.

Кьяра запрыгала, отъ радости, бросилась обнимать графиню, и, выбѣжавъ изъ комнаты, едва не сбила меня съ ногъ.

— Сбирайтесь, сбирайтесь скорѣй! закричала она, убѣгая.

Я былъ въ восхищеніи, сердце у меня радостно билось, и я также убѣжалъ почти вслѣдъ за Кьярою, намѣреваясь *захватить* съ собою Александра въ эту очаровательную поѣздку.

Александра я уже не засталъ дома: мнѣ объявили, что онъ съ часъ тому назадъ самъ отправился на Везувій. Это меня нѣсколько удивило; но я преисполненъ былъ такого восторженнаго душевнаго волненія, что не обратилъ большаго вниманія на это обстоятельство.

VI.

Поѣздка наша, начавшаяся при такихъ счастливыхъ, радостныхъ предзнаменованіяхъ, окончилась грустнымъ происшествіемъ.

Получивъ согласіе графини, Кьяра разослала посланныхъ торопить приглашенное общество, и въ назначенный часъ мы отправились большимъ поѣздомъ по дорогѣ къ Портичи, сопровождаемые верховыми съ зажженными факелами—предосторожность, почти излишняя по причинѣ яркаго зарева Везувія, освѣщающаго дорогу. Въ «*Torre del Grecco*» мы оставили экипажи, и, при ожесточенныхъ крикахъ погонщиковъ ословъ, чуть неразорвавшихъ насъ на части изъ видовъ корыстолюбія, мы съ хохотомъ размѣстились на маленькихъ, длинноухихъ ослахъ, и весело стали подыматься въ гору. На склонѣ Везувія находится эрмитажъ, родъ пріюта для странниковъ; поблизости его

разводятъ виноградъ, изъ котораго, дѣлается знаменитое вино «Lacryma-Christi». Отъ эрмитажа нѣтъ уже ни какой возможности продолжать путь на ослахъ: крутыя, почти отвѣсныя ребра верхней оконечности Везувія усыпаны толстымъ слоемъ накопившагося пепла и изборождены остывшими потоками лавы. Нѣсколько вправо отъ пути, по которому намъ слѣдовало взбираться на вершину, текла огненная, широкая масса лавы, медленно подвигаясь по направленію къ Torre del Greco; далѣе видны были еще три потока, грозно спускающіеся по скату горы. Для женщинъ и для слабыхъ или непривычныхъ людей придуманъ странный способъ вспомоществованія для восхожденія: дюжій проводникъ надѣваетъ на себя *лямку*, какъ наши бурлаки, подаетъ концы путнику и, опираясь на длинную палку съ желѣзнымъ оконечникомъ, буксируетъ такимъ образомъ путника до самой вершины. Я, разумѣется, пренебрегъ подобнымъ способомъ, а вооружился только палкою, какъ вся молодежь, съ нами находившаяся. Шествіе наше, сопровождаемое значительнымъ числомъ факельщиковъ, представляло живописный, фантастическій видъ. Небольшое, трепещущее пламя факеловъ, которые какъ бы лѣпились по крутому склону горы, походило на блуждающіе фосфорическіе огоньки; слабое мерцаніе ихъ блѣднѣло отъ раскаленной, огромной массы лавы, къ которой мы болѣе и болѣе приближались.

Я съ трудомъ шелъ возлѣ Луизы, стараясь, по возможности, поддерживать невѣрные ея шаги; но, признаюсь, мало ей было отъ меня помощи, потому что я увязалъ почти по колѣно въ осыпавшемся, зыбкомъ пеплѣ

и часто спотыкался, едва сохраняя равновѣсіе. Чѣмъ болѣе мы возвышались, тѣмъ ближе подходили къ грозному потоку лавы.

Потокъ, къ которому мы окончательно приблизились, имѣлъ саженъ пятнадцать ширины и почти сажень вышины; чудовищная эта масса подвигалась, благодаря Бога, медленно, иначе не сдобровать бы «Torre del Greco», по направленію котораго она текла, сокрушая всѣ встрѣчающіяся ей препятствія. Невозможно забыть никогда, услыхавъ однажды зловѣщій звукъ, гулъ, *рычаніе* (право не знаю, какъ назвать) этого ужасающаго огненнаго шествія; не только трава, растенія трещали, воспламеняясь отъ этого движущагося пламени; но и камни трескались, издавая жалобный звукъ. Надъ всею раскаленною массою виднѣлись въ разряженномъ воздухѣ густыя багровыя облака дыма; возлѣ самаго потока, до котораго мы почти касались, на послѣднихъ пяти или шести саженяхъ, до восшествія на вершину, жаръ былъ удушливый, невыносимый. На вершинѣ мы застали уже множество любопытствующихъ различныхъ націй, изъ которыхъ Англичанъ, конечно, было болѣе всѣхъ прочихъ.

Вершина, на которой мы очудились, опоясываетъ жерло стариннаго кратера; величина неправильной этой окружности (сколько припомню) имѣла тогда до 300 футовъ въ діаметрѣ; до начала изверженія, весною 1832 года, отъ вершины, или отъ окраинъ жерла полагали около 30 саженъ глубины до дна пропасти, или, вѣрнѣе сказать, до того мѣста, гдѣ кипѣла лава, потому что дно волкана, разумѣется, неизмѣримо. Нынѣ вся кипящая масса поднялась изъ глубины и, сравнявшись съ окраинамъ

остыла и подернулась легкой корой. Кора эта такъ ничтожна, что проводники наши и Англичане (послѣдніе, вѣроятно, изъ любопытства, или *originalité*), раскопавъ ее двумя или тремя легкими ударами остроконечной палки; варили, или, скорѣй, *пекли* картофель и яица, пользуясь подъисподнимъ жаромъ. На этой-то страшно опасной поверхности помѣщались десятки, сотни безпечныхъ любопытствующихъ, и наше общество увеличило число неосторожныхъ туристовъ. Однако же, старикъ Нѣмецъ остался на окраинѣ, и не отпустилъ отъ себя Луизы. Съ Кьярою же сладу не было: она бѣгала, прыгала по едва остывшей лавѣ, топала ножкой, пробуя крѣпость коры, и увѣряла, что для ней нѣтъ опасности, что *гора ея знаетъ*: »Mi conosce la montagna.» Потоки лавы истекали, вѣроятно, изъ переполненнаго кратера, на поверхности котораго нынѣ рѣзвилась Кьяра, и расположились всѣ любопытствующіе; но самое изверженіе, откуда съ ужаснымъ шумомъ выбрасывало огромныя раскаленныя массы, образовалось въ противоположномъ отъ насъ концѣ вышеупомянутой окружности, такъ что, несмотря на сильные взрывы, потрясающіе, казалось, до основанія всю гору, большой опасности для зрителей не предвидѣлось, потому что блестящіе каменные метеоры взвивались на значительную высоту, описывали параболу, разлетаясь наподобіе гигантскаго, огненнаго султана, и упадали, какъ бы въ извѣстныхъ границахъ, на значительномъ отъ насъ разстояніи.

Я очерталъ мѣстность для того, чтобы понятно было происшествіе, или *катастрофа*, помѣшавшая исполненію дальнѣйшихъ нашихъ предположеній; но безразсудно было

бы желать составить себѣ понятіе объ изверженіи; смотря на картину, писанную гуашью и представляющую красно-желтые потоки лавы, и еще безразсуднѣе было бы притязаніе описать словами величественное это зрѣлище; я же, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, чувствую себя не въ состояніи передать свои впечатлѣнія. Забыть видѣнное изверженіе невозможно: оно глубоко врѣзывается въ память; вы созерцаете его внутренними очами, восхищаетесь или содрогаетесь при одномъ воспоминаніи,— но выразить, описать, что̀ вы видѣли и чувствовали, рѣшительно, кажется, невозможно.

Когда мы окинули взоромъ самую мѣстность дѣйствія, первымъ нашимъ движеніемъ, взойдя на вершину, было взглянуть на даль, озаренную, на огромное пространство, заревомъ Везувія. Отъ берега моря до самаго склона горизонта, по гладкой поверхности залива, лежала широкая, ярко-багровая полоса; большія суда и лодки, по временамъ въ нее входящія, мгновенно озарялись фантастическимъ свѣтомъ; всѣ снасти судовъ, люди, на нихъ находящіеся, ясно были видны, пока находились въ огненной полосѣ, и вдругъ исчезали какъ призраки, теряясь во мракѣ ночи. Длинная, свѣтлая эта полоса оконечностью упиралась въ высокіе берега Капри, и весь островъ, съ зубчатыми скалами, какъ бы выдвигался на горизонтѣ и, казалось, заграждалъ путь яркому зареву. Нагорная часть Неаполя исчезала во тиѣ, но на прибрежныхъ улицахъ, на площади, на рынкахъ, на пристани мелькали тысячи свѣтящихся точекъ. Неаполь праздновалъ разгулъ своей «montagna» (т. е. Везувія), и до поздней ночи пировалъ на открытомъ воздухѣ.

Налюбовавшись чудною картиною, представляемою отдаленными предметами, я сосредоточилъ все свое вниманіе на страшномъ явленіи, совершавшемся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Долго прислушивался я къ подземному гулу, стараясь угадать таинственное его значеніе; долго слѣдилъ я за потоками лавы, какъ бы желая узнать гдѣ положенъ предѣлъ угрожающему ихъ наступленію; съ дѣтскимъ любопытствомъ всматривался въ раскаленныя массы, высоко выбрасываемыя при каждомъ новомъ усиліи раздраженнаго гиганта; съ восхищеніемъ смотрѣлъ, какъ огромные огненные каменья, не долетая до земли, распадались въ мелкія, блестящія искры или, падая быстро, ударялись всею тяжестію своею, потрясая непрочную поверхность, на которой мы находились.

Нѣсколько влѣво отъ отверзтія, изъ котораго происходило изверженіе, возвышается вершина *Оттояно*, господствующая надъ самымъ жерломъ. Когда я слѣдилъ глазами за однимъ изъ величайшихъ камней, выброшенныхъ пастью огненнаго чудовища, мнѣ показалось, что я увидалъ на вершинѣ столь знакомую мнѣ фигуру Александра; но черные клубы дыма устремились въ ту сторону, и когда дымъ разсѣялся, никого уже не было видно на Оттояно.

Между тѣмъ неугомонная Кьяра радовалась какъ ребенокъ и взрывамъ, и всплескамъ огненной стихіи, и часто достигала до крайнихъ предѣловъ, предписанныхъ осторожностью. Старикъ Нѣмецъ ворчалъ, бранился, кричалъ на нее, но ничто не помогало. Кьяра возвращалась на время, цѣловала Луизу, ласкала старика, и для успокоенія его повторяла: «Tutore niente paura, la montagna mi

conoscе», т. е. «не бойтесь, милый опекунъ: гора меня знаетъ», и потомъ вновь, не внимая нашимъ увѣщаніямъ, забѣгала все далѣе и далѣе, желая посмотрѣть какъ можно ближе выбрасываемыя раскаленныя массы.

Послѣдній разъ, когда Кьяра удалилась отъ края вершины, напутствуемая грозными ворчаніями опекуна-Нѣмца, я, движимый какимъ-то тайнымъ предчувствіемъ, послѣдовалъ за нею. Кьяра шутила, называла *трусами* старика, Луизу и чуть ли не всѣхъ молодыхъ Неаполитанцевъ, которые не такъ-то охотно ее сопровождали и оставались, врядъ ли не безъ умысла, нѣсколько позади. Вдругъ взрывы, замолкнувшіе на нѣсколько минутъ, повторились съ новою силою, слѣдуя быстро одинъ за другимъ. Громъ грохоталъ въ нѣдрахъ вулкана: Везувій стоналъ и содрогался. Я сдѣлалъ движеніе, чтобы взять неосторожную Кьяру, за руку и увлечь ее, если нужно—силою, отъ опаснаго сосѣдства кратера, но въ ту самую минуту жесточайшій взрывъ выбросилъ цѣлыя тучи расплавленной лавы и каменьевъ, перебросилъ ихъ далеко за прежніе предѣлы, окружилъ насъ удушливымъ сѣрнымъ воздухомъ, засыпалъ искрами и горячимъ пепломъ, и заградилъ путь къ отступленію. Ужасъ овладѣлъ мною на минуту; но я мгновенно опомнился, и бросился на помощь Кьярѣ.

Лишь только Кьяра замѣтила опасность, которой она подвергала, по своей неосторожности, и меня и себя, увидавъ, что камни перелетаютъ уже черезъ наши головы, она быстро побѣжала назадъ; но удушливый воздухъ и колеблющаяся подъ ногами лава объяли ее ужасомъ.

Она лишилась чувствъ и упала навзничь, упираясь ногами въ раскаленную лаву, преграждающую ей путь.

Все описанное произошло съ быстротою молніи. Я бросился къ Кьярѣ, взялъ ее на руки, отыскалъ проходъ между огненными массами, загражданщими путь, и вынесъ ее изъ страшнаго круга.

Луиза, старикъ Нѣмецъ и два, три Итальянца бѣжали къ намъ на встрѣчу; всѣ прочіе, устрашенные ужаснымъ взрывомъ, поспѣшно оставили вершину, и быстро спускались по горѣ. Я старался успокоить рыдающую Луизу, но самъ не былъ увѣренъ, жива ли несчастная Кьяра. Отъ испытаннаго мною ужаса, мысли мои терялись, и я не могъ себѣ дать яснаго отчета, отчего Кьяра упала— отъ испуга ли одного, или пораженная камнемъ. При возобновившихся сильныхъ раскатахъ грома внутри Везувія, мы почли неблагоразумнымъ оставаться долѣе на вершинѣ, и рѣшились снести осторожно Кьяру, все еще лишенную чувствъ.

Почти невѣроятно, какъ удалось намъ исполнить столь опасное предпріятіе! По отвѣснымъ бокамъ крутаго склона горы пепелъ обсыпался и увлекалъ насъ за собою; каждый шагъ требовалъ неимовѣрныхъ усилій для сохраненія равновѣсія, каждое движеніе подвергало насъ опасности уронить драгоцѣнную нашу ношу. Но, благодаря Бога, мы вскорѣ миновали большую крутизну. Когда мы приблизились къ эрмитажу, Кьяра пришла въ себя. Сначала она не припоминала, что̀ съ ней случилось; слабымъ взоромъ окинула она окружающихъ и спросила едва слышнымъ голосомъ:

— Отчего меня несутъ? и зачѣмъ Луиза плачетъ?

Мы старались успокоить Кьяру, объяснили ей, что она испугалась ужаснаго взрыва на Везувіи, лишилась чувствъ, но что теперь всякая опасность миновалась, и просили ее успокоиться совершенно. Послѣ минутнаго молчанія, Кьяра спросила:

— Отчего больно моимъ ногамъ?

Тутъ я вспомнилъ съ ужасомъ, что при ея паденіи въ обморокъ ножка ея коснулась раскаленной лавы. Я не зналъ что отвѣчать, и не смѣлъ сказать правду.

Кьяра, не получивъ отвѣта, подумала немного и съ усиливающимся постепенно голосомъ проговорила наконецъ довольно твердо и ясно:

— Да! я теперь припоминаю: тамъ, на горѣ, я упала въ обморокъ. Извините меня, «caro tutore», продолжала она, обращаясь къ старику Нѣмцу: — я васъ не послушалась. Виновата: всѣхъ напугала.... Кажется, я немного обожгла ноги; но это ничего: пройдетъ.... И вотъ кто мой спаситель, я догадываюсь, прибавила она, подымая на меня выразительные свои глаза.

Луиза нагнулась къ ней, и шепнула что-то на ухо. Кьяра еще разъ подняла на меня взоръ, и долго смотрѣла, улыбаясь.

Въ эрмитажѣ мы устроили для милой нашей больной покойныя носилки. Луиза перевязала хлопчатою бумагою ея ножки, которыя, по счастію, мало пострадали отъ прикосновенія раскаленной лавы, — и мы вскорѣ отправились въ «Torre del Greco», гдѣ ожидали насъ экипажи. Луиза захотѣла итти пѣшкомъ, подлѣ своей подруги, въ слѣдствіе чего и я, разумѣется, пошелъ пѣшкомъ, по другую сторону носилокъ. Хотя Кьяра еще въ эрми-

также совершенно уже почти оправилась, и даже шутила надъ тѣмъ, что ее непремѣнно хотятъ нести на носилкахъ, какъ «Padre-Santo», но дорогою мнѣ казалось, что она какъ-то противъ обыкновенія задумчива и молчалива. Желая угадать по выраженію ея лица, не увеличились ли ея страданія, я внимательно посмотрѣлъ на нее, и такъ какъ свѣтъ отъ факеловъ, находящихся нѣсколько впереди, не слишкомъ былъ силенъ, то я поближе нагнулся къ Кьярѣ, и встрѣтилъ въ упоръ своимъ глазамъ пламенные лучи черныхъ ея очей.

— Salvator mio caro! сказала она, улыбаясь, и не успѣлъ я еще выпрямиться, какъ, съ свойственною ей живостію, Кьяра приподняла голову, и быстро поцѣловала меня въ лобъ, — но въ ту же минуту содрогнулась всѣмъ тѣломъ и закрыла глаза.

Я такъ былъ ошеломленъ этимъ неожиданнымъ поцѣлуемъ, что долго не зналъ, что̀ сказать; вспомнивъ, однако же, вѣтреный характеръ Кьяры, я принялъ это, какъ и слѣдовало, за ребяческую шутку, и отвѣчалъ пошлою учтивостью:

— За подобное награжденіе, княгиня, каждый съ охотою пойдетъ *въ огонь* и *въ воду*!

Къ удивленію моему, Кьяра оставила эту фразу безъ колкаго отвѣта, а взяла Луизу за руку, притянула ее къ себѣ и съ жаромъ поцѣловала нѣсколько разъ.

Въ «Torre del Greco» княгиню спокойно уложили въ коляску; возлѣ нея помѣстилась Луиза, а напротивъ — «il tuttore», который уже болѣе не ворчалъ, а нѣжно ухаживалъ за Кьярою. У меня былъ свой экипажъ, и я собирался, разумѣется, послѣдовать за дамами, какъ вдругъ

вспомнилъ, что я оставилъ въ эрмитажѣ лузину шаль, порученную мнѣ ея матерью на случай непогоды.

Оставить ее тамъ мнѣ ни за что не хотѣлось (и это поймутъ всѣ влюбленные); поручить какому нибудь лаццарони привезти мнѣ ее въ Неаполь было ненадежно, да и досадно было предоставить запачканному «ciuciaro» столь драгоцѣнную для меня вещь. Дѣлать было нечего, и я рѣшился возвратиться въ эрмитажъ, избравъ, впрочемъ, самаго большаго и, по видимому, самаго бодраго осла: «ciucio» вполнѣ оправдалъ мое довѣріе, и, вопреки нареканій въ лѣности, столь несправедливо преслѣдующихъ благородное поколѣніе длинноухихъ, онъ доставилъ меня не съ большимъ въ полчаса къ мѣсту моего назначенія.

Подъѣхавъ къ эрмитажу, я велѣлъ погонщику постучаться; но онъ, сдѣлавъ мнѣ выразительный знакъ пальцемъ, означающій, что «non è bisogna», т. е. не нужно, отворилъ однимъ толчкомъ ноги наружную дверь. Комната, которую мы занимали часа полтора тому назадъ, была пуста. При слабомъ освѣщеніи нагорѣвшаго ночника, я обшарилъ всѣ углы, и не нашелъ лузиной шали. Мнѣ хотѣлось отыскать живаго человѣка, добиться толку отъ кого нибудь. Замѣтивъ низенькую дверь, ведущую, вѣроятно, во внутреннія комнаты, я отперъ ее не запинаясь, и отступилъ на нѣсколько шаговъ, пораженный неожиданнымъ зрѣлищемъ.

Въ грязной, душной комнатѣ, наполненной табачнымъ дымомъ и отвратительнымъ кислымъ запахомъ винныхъ испареній, за большимъ деревяннымъ, непокрытымъ столомъ, уставленнымъ множествомъ бутылокъ и стакановъ

различной формы, сидѣлъ раскраснѣвшійся Александръ! Лицо его выражало странную борьбу циническої чувственности, безвыходнаго горя и почти отчаянія. По правую руку Александра, за тѣмъ же столомъ, сидѣлъ толстый «frate», хозяинъ эрмитажа. Опущенный коричневый капишонъ толстаго сукна одежды обнажалъ совершенно лысую его голову; красныя, отвислыя щеки, широкій морщинистый лобъ лоснились и явно доказывали приверженность его къ вакхическимъ наслажденіямъ.

Оправившись отъ изумленія, я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и спросилъ съ участіемъ:

— Что съ тобой, Александръ?

Александръ приподнялъ голову, посмотрѣлъ на меня мутными, красными глазами, и отвѣчалъ громко:

— Ничего! я пьянъ!...

Грубое это сознаніе болѣзненно сжало мое сердце, тѣмъ болѣе, что Александръ хотя и любилъ вино, но никогда не доводилъ себя до позорнаго состоянія совершеннаго опьянѣнія. Я быстро подошелъ къ нему и хотѣлъ взять его за руку; но онъ отдернулъ ее, выпрямился и сказалъ съ дикимъ выраженіемъ:

— Ну, да! я пьянъ! Посмотри, полюбуйся, какъ разумное существо можетъ преобразиться въ безсмысленное животное.

И, взявъ въ руки сальный огарокъ, единственное освѣщеніе смрадной комнаты, онъ озарялъ имъ искаженное свое лицо.

— Да! продолжалъ онъ, постепенно оживляясь: — я пилъ пуцольское вино и фалернское и Lacryma Christi; забывъ свое обѣщаніе, я даже упивался ненавистнымъ

«Vino-negro»,—и онъ указалъ на огромныя стклянницы, обвернутыя соломой:—но я не влилъ въ себя столько капель, сколько я пролилъ слезъ на своемъ вѣку. Пусть разразится проклятіе сильнѣе взрывовъ Везувія надъ головою людей, опоганившихъ мою душу! Пусть останется въ нихъ хоть одна искра самосознанія, чтобы озарить грязную яму, въ которой они барахтаются! Ага! ты торжествуешь, Алеша! Ты, можетъ быть, внутренно улыбаешься,—а я! плачу! Что мнѣ любоваться твоими терачинскими пальмами, гаэтскою апельсинною рощею, захожденіемъ солнца! — все это дѣла природы, въ нормальномъ, въ спокойномъ положеніи. Я зналъ, что для подобныхъ явленій загрубѣлая душа моя не проснется! Но погодите! враги мои—говорилъ я себѣ—погодите, злые люди, посмѣюсь и я надъ вами! дойдетъ и до меня очередь! Тамъ, въ пустынѣ, окруженной пепломъ и лавою, стоитъ огненное чудовище, поглотившее уже цѣлые города,—поглотившее безсмертнаго Плинія! Погодите! задастъ оно мнѣ пиръ огня и разрушенія! и потрясутся до основанія безконечныя окрестности гордаго Неаполя, и вздрогнетъ душа Александра? Съ жадностію ждалъ я минуты нравственнаго моего возрожденія. Каждый день слѣдилъ я за развитіемъ страшнаго явленія, прислушивался къ подземному гулу, всматривался въ дымъ, въ пламя и наконецъ дождался! Насталъ желанный часъ! Смѣйся, другъ Алексѣй, смѣйся! и у меня недостало терпѣнія, и я, не дождавшись тебя, поспѣшилъ на грозный пиръ Везувія. И казалось, въ сердцѣ что-то шевелится, и я сталъ бодро всходить на гору.... Подойдя къ широкому, раскаленному потоку лавы, я хотѣлъ восхищаться: я воззвалъ

къ своему потухшему воображенію.... и воображеніе мое сравнило страшную, чудовищную лаву съ чугунно-плавильнымъ заводомъ! Я озлобился на себя.... но, погодите—проговорилъ я, стиснувъ зубы—погодите, что будетъ дальше.... Но вотъ я взобрался на вершину. Передо мною, подъ ногами моими — адъ! а тамъ, вдали, кругомъ, вездѣ, какъ бы цѣлыя царства выступали изъ мрака для созерцанія чудовищнаго явленія. Ну, что́жъ, Александръ! дрогнуло сердце? нѣтъ! молчитъ — загрубѣло! и мнѣ стало страшно! Холодъ отчаянія сталъ овладѣвать моими мыслями; я безразсудно, съ опасностью жизни полѣзъ на вершину Оттояно; оттуда нагнулся я надъ зіяющею огненною пропастью, и смотрѣлъ въ нее смѣло....

— Я видѣлъ тебя на Оттояно, сказалъ я, ласковымъ голосомъ, желая отвлечь мысль Александра, и успокоить его волненіе.

— Ты врешь, Алексѣй! не видалъ ты меня, а видѣлъ мой призракъ. Возможно ли? продолжалъ онъ, вдругъ страшно расхохотавшись: — возможно ли, чтобы *добрый малый* Александръ, отъявленный гуляка, *краса пирующихъ друзей*,—возможно ли, чтобы онъ, съ опасностію жизни, взобрался на Оттояно, чтобы любоваться.... чѣмъ же? клубами чернаго дыма, раскаленными *банными* кирпичами, расплавленнымъ чугуномъ, который даже не въ состояніи *оттрепать* одинъ разъ навсегда дерзкихъ смертныхъ, которые ему на смѣхъ селятся у него *подъ носомъ!* Да ты съ ума сошелъ, Алеша! ты разсмѣшишь всѣхъ теплыхъ ребятъ... Александръ на Оттояно! Ха, ха, ха! Нѣтъ, братъ, шутишь! Вотъ онъ, Александръ,

вотъ онъ гдѣ: полюбуйся! Александръ такое же доброе животное, какъ эта красная бочка!

Съ этими словами онъ всталъ и ударилъ ладонью по лоснившейся плѣши фрате. Хозяинъ, сидѣвшій все время безмолвно, вслушиваясь безсмысленно въ непонятныя для него рѣчи, пошатнулся на стулѣ, получивъ ударъ Александра, но ни мало не обидѣлся, сладко улыбнулся и протянулъ руку къ ближайшей бутылкѣ; но Александръ остановилъ его.

—Отстань! не надо, довольно... О! почтенная бочка... и это не беретъ, и это не утѣшаетъ!

Александръ закрылъ лицо руками, и просидѣлъ нѣсколько минутъ, не говоря ни слова.

Мнѣ самому такъ стало грустно, что я молча сѣлъ возлѣ Александра и не смѣлъ прервать его размышленій. Фрате снялъ пальцами съ нагорѣвшей свѣчи, скрестилъ жирныя свои руки на брюхѣ и, машинально повертывая перстами, посматривалъ на насъ съ любопытствомъ.

Довольно долго продолжалось наше молчаніе; наконецъ Александръ вздохнулъ, казалось, немного успокоился и, подперши голову рукой сталъ тихо говорить:

— Была у меня мать... не женщина, а воплощенное для меня Провидѣніе! Лелѣяла она мое дѣтство... ну, какъ лелѣетъ истинная мать любимое свое дѣтище—сильнѣйшаго довода или сравненія я не знаю! Держала она меня у себя подъ крылышкомъ, охраняла отъ дуновенія порочныхъ мыслей; для того, чтобы я учился, сама, сердечная, училась! и дики и трудны ей были, бѣдненькой, давно забытые Греки, Римляне; вздыхала она не разъ надъ десятичными дробями, надъ тройными правилами. Но ан-

гельское терпѣніе, животворная любовь превозмогали все. И отрадно мнѣ было подъ свѣтлымъ покровомъ земнаго моего ангела-хранителя; и чувства, и мысли мои развивались понемногу. Воображеніе мое не бушевало, не безпокоило меня, не вызывало въ невѣдомый міръ. Да и къ чему было ему тревожить меня? что могъ придумать я чище, свѣтлѣе, возвышеннѣе души наставницы-матери, въ которую я всматривался съ утра до ночи! Въ четырнадцать лѣтъ, какъ мы ни плакали оба, но намъ пришлось разлучиться: мнѣ слѣдовало поступить въ учебное заведеніе, для того, чтобы научиться жизни общественной, заслужить себѣ товарищей. Хорошая мысль, полезная практическая наука! Но тутъ начались мои испытанія. На школьныхъ скамейкахъ, на которыя мать моя пріучила меня смотрѣть съ уваженіемъ, я нашелъ мелкихъ враговъ дѣтскаго моего спокойствія. За прилежаніе мое меня называли *зубрилою*, за мое благонравіе—*стобальнымъ* (слово, возбуждающее постоянно насмѣшливый хохотъ); въ рекреаціяхъ, на прогулкахъ, въ саду мнѣ стали нашептывать какія то тайныя рѣчи, отъ которыхъ мнѣ становилось стыдно и кровь бросалась мнѣ въ голову. Отъ этого чествовали меня *красною дѣвушкою*, указывали съ гиками на меня пальцемъ, и нерѣдко изгоняли изъ общихъ игръ. Я терпѣлъ, отмалчивался; но преслѣдователи мои не угомонились. Мнѣ стали тайкомъ намазывать сала на мой бутербротъ, простыню моей постели посыпали мелкимъ конскимъ волосомъ и намарывали ее сажею; у меня стали красть изъ подъ подушки учебныя тетрадки,— тетрадки, писанныя рукою матери! Я сталъ плакать — надо мною еще болѣе смѣялись. По успѣхамъ моимъ въ

наукахъ я находился въ классѣ выше моего возраста. Однажды, потерявъ терпѣніе, я разсердился, хотѣлъ наказать моихъ преслѣдователей; но они были сильнѣй и меня приколотили. «Побойтесь Бога, сказалъ я однажды сквозь слезы: — въ васъ нѣтъ ни сердца ни души.» Мальчики расхохотались. Одинъ изъ самыхъ взрослыхъ, отъявленный буянъ, подошелъ ко мнѣ, потрепалъ за хохолъ и сказалъ съ презрѣніемъ: «Вишь, какой тетеревъ! не знаетъ основныхъ правилъ общежитія!» Итакъ, сегодня, завтра, послѣ-завтра щелчокъ по сердцу—смотришь, сердце и намозолится. Сначала я искалъ чистой души между товарищами; ихъ, вѣроятно, было и много, да онѣ прятались, не показывались. Прошелъ годъ, другой—вотъ я пообтерся, понаторѣлъ и сталъ скрывать въ глубинѣ души кой-какія оставшіеся хорошіе помыслы, а самъ кричу, шумлю. Впрочемъ, нечего Бога гнѣвить пустою жалобою: въ концѣ моего пребыванія въ школѣ за нами стали присматривать построже, и при выпускѣ насъ вышло (скажу безъ хвастовства) человѣкъ двадцать весьма порядочныхъ людей; но, къ сожалѣнію, всѣ мы разсыпались по разнымъ угламъ.

— Я попалъ въ статскую службу, и такъ какъ я порядочно учился законовѣдѣнію, то мнѣ для начала хотѣлось занять мѣсто гдѣ нибудь въ губерніи. «Что̀ можетъ быть лучше—думалъ я — какъ употребить свои свѣжія познанія, свои юныя силы на защиту слабаго и на караніе враговъ общественнаго порядка?» Однако же, молодежь, съ которою я познакомился, оставивъ школу, смѣялись надъ моимъ служебнымъ усердіемъ. Не стану описывать тебѣ, сколько горя я перенесъ въ губерніи. Много

я перетерпѣлъ, на многое насмотрѣлся; скажу тебѣ только, что бо́льшая часть моихъ сослуживцевъ вовсе не помышляли о общественной пользѣ, а смотрѣли на службу какъ на способъ выслужиться. Вотъ видишь ли, мнѣ бы слѣдовало *перетерпѣться*, продолжать начатое, довольствоваться, что я исполняю долгъ свой, и не помышлять о другихъ, а я не выдержалъ и вышедъ въ отставку. Вотъ это-то первое проявленіе слабости моего характера на дѣйствительной жизни и повело меня къ погибели. Возвратясь въ Петербургъ (моей матери уже не было на свѣтѣ), я попалъ въ общество бурной молодежи. Во мнѣ кипѣла молодость, страсти, и я безсознательно, по слабости, поддался гнилому обаянію цыганской этой жизни. Однако жъ, и тогда проглядывали отпрыски хорошихъ сѣмянъ, брошенныхъ въ мое сердце матерью. Я вздумалъ заниматься литературою и, подъ скромнымъ, неизвѣстнымъ именемъ, помаленьку сталъ въ небольшихъ статьяхъ, развивать, какъ мнѣ казалось, полезныя мысли. Но *собутыльники* мои почуяли носомъ мои занятія, вскорѣ открыли мою тайну, и однажды за ужиномъ въ какомъ-то café restaurant появленіе мое привѣтствовано было громкимъ хохотомъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ всталъ на стулъ, потребовалъ общаго вниманія, вынулъ изъ кармана газету, въ которой находилась одна изъ моихъ статей, и началъ читать на распѣвъ, комически декламируя и особенно ударяя на каждую нравственную или немного возвышенную мысль. Я не зналъ куда дѣваться, терпѣлъ адскую муку, но долженъ былъ выслушать, какъ искажали каждую мысль мою, и какъ безпощадно ругались надъ чистыми моими намѣреніями. Не

знаю, всѣ ли присутствующіе смѣялись отъ души — о, нѣтъ! — надѣюсь, что нѣтъ! Какой-то шутникъ сбѣгалъ за цвѣтами, всунулъ мнѣ ихъ за жилетъ, и я провозглашенъ былъ «la rosière du café-restaurant.» Что было дѣлать мнѣ? куда дѣваться? «Le génie c'est la patience», т. е. *геній пріобрѣтается терпѣніемъ*, сказалъ какой-то мыслитель; но у меня генія не было! Все, что было хорошаго въ моей душѣ: теплота чувствъ, чистота помышленій,—все это привито было мнѣ моею матерью. Осиротѣлый, я лишился ея покрова, охранительныхъ ея объятій... Я погибалъ, и страшно сказать, погибалъ, можетъ быть, жертвою нѣжныхъ попеченій ангельской моей наставницы. Она развила во мнѣ чувствительность, но не сумѣла внушить твердости... И проходилъ день за днемъ, и я все болѣе погружался въ болото чувственности, и вотъ сегодня я, едва протрезвившись, разсказываю тебѣ сказки, а вчера *просмотрѣлъ* изверженіе Везувія.

И Александръ указалъ на окно: дѣйствительно, *вчера* миновало, и когда мы оба грустные и задумчивые, вышли изъ эрмитажа, то солнце подымалось изъ глубины моря, боролось и побѣждало багровое зарево Везувія.

VII.

Я возвратился въ Неаполь, измученный до крайности. Изобиліе впечатлѣній прошедшей ночи повергло меня въ нравственное изнеможеніе; мысли мои путались какъ въ лихорадкѣ. То представлялись моему воображенію величественно-страшныя картины Везувія, то грязная, душная

комнатка эрмитажа. Въ ушахъ моихъ раздавались грустныя рѣчи Александра; но я не узнавалъ его голоса. Съ Везувія слышались мнѣ крики, умоляющіе о спасеніи—и я спасалъ и несъ на рукахъ толстаго, лысаго «фрате». Не припомню, какъ я добрался до своей комнаты, и, хотя было уже часовъ шесть или семь утра, я бросился на кровать, и заснулъ мертвымъ сномъ.

Когда, часу въ первомъ, я вышелъ въ ярко-желтую нашу столовую, то засталъ уже тамъ Александра, *возсѣдавшаго*, поджавъ ноги, на диванѣ, и курившаго изъ длиннаго чубука съ невозмутимымъ спокойствіемъ правовѣрнаго поклонника Магомета. Богатство окружающихъ предметовъ, изящный кашемировый хâлатъ Александра, спокойное выраженіе его лица, на которомъ не оставалось и слѣдовъ вчерашняго восторженнаго волненія, — все это представляло рѣзкую противоположность съ комнаткою эрмитажа. Однако жъ, живо представились моему воображенію задушевныя рѣчи бѣднаго моего друга, и я, сильно пожавъ ему руку, сказалъ съ чувствомъ:

— Повѣрь, Александръ, что послѣ вчерашняго вечера я тебя полюбилъ еще болѣе.

— Сдѣлай милость, отвѣчалъ Александръ, пуская густое облако табачнаго дыма: — пожалуста, не вспоминай о моихъ глупостяхъ. Что́ было, то было; но, прошу тебя, забудь о вчерашнемъ. Съ твоимъ чувствительнымъ воображеніемъ ты, пожалуй, какъ разъ произведешь меня въ какіе-нибудь Чайльдъ-Гарольды, или пожалуй, причислишь къ *падшимъ ангеламъ*! Куда какъ мнѣ пристанетъ такая романтическая роль! Право смѣшно!

И Александръ дѣйствительно засмѣялся, и—удивительно! — засмѣялся непринужденно, какъ бы, вправду, все сказанное имъ вчера было лишь послѣдствіе излишняго стакана вина. Мнѣ обидно стало, что Александръ принимаетъ опять, въ глазахъ моихъ, личину холоднаго безстрастія, и я не могъ отъ него скрыть этого.

— Прошу тебя еще разъ, оставь меня жить, какъ я хочу и какъ могу! сказалъ онъ съ живостью.—Прошедшаго не воротишь! Я съ тобой не лицемѣрю, но не навязывай ты мнѣ роли, которую я не въ состояніи выдержать!

Настаивать болѣе ночелъ я излишнимъ, и хотя мнѣ было досадно на него, но я дружески продолжалъ съ нимъ разговаривать и описалъ ему яркими красками вчерашнія мои ощущенія во время обморока Кьяры.

— Преуморительная бабенка эта итальянская княгиня! замѣтилъ Александръ: — да что она, бѣлены, что ли, вчера объѣлась? Возможное ли дѣло—изъ шалости подвергать себя такой ужасной опасности? Впрочемъ, вѣдь у нея въ жилыхъ течетъ лава, а не кровь. Ты бы, однако жъ, Алеша, съѣздилъ ее провѣдать.

— Разумѣется, сейчасъ, отвѣчалъ я, вставая.

Въ головѣ моей мелькнуло воспоминаніе о странномъ поцѣлуѣ Кьяры. Я улыбнулся, хотѣлъ было разсказать Александру объ этой новой шалости вѣтряной Итальянки, но вдругъ, не знаю почему, воздержался и промолчалъ.

.... Итальянецъ, отворившій мнѣ дверь въ переднюю palazzo Д***, объявилъ, что княгиня нездорова и никого не принимаетъ, но потомъ вдругъ спросилъ, не я ли *il signor Alexis*, и, получивъ утвердительный отвѣтъ,

пригласилъ меня послѣдовать за нимъ. Къ удивленію моему, *cameriere* оставилъ въ сторонѣ огромныя залы, которыя вели въ кабинетъ княгини, и повелъ меня черезъ мрачные, длинные коридоры. Послѣ довольно продолжительнаго шествія, онъ открылъ дверь, обитую сукномъ, и я очутился въ просторной комнатѣ, освѣщенной таинственнымъ голубоватымъ полу-свѣтомъ. Я былъ въ спальнѣ Кьяры; но, прежде даже чѣмъ я успѣлъ порядочно разсмотрѣть предметы, меня окружавшіе, я услышалъ звонкій металлическій голосъ княгини.

— Наконецъ-то вспомнили о моемъ существованіи! сказала Кьяра, приглашая меня подойти поближе.

При мысли, что княгиня одна въ спальнѣ, я невольно смутился; но, къ величайшему моему удовольствію, подойдя къ широкой кровати, съ полу-опущенными шелковыми занавѣсами, я убѣдился, что это смущеніе было напрасно: на другой сторонѣ алькова я увидѣлъ Луизу. Княгиня ласково протянула мнѣ руку, я пожалъ ее, и она, не выпуская моей руки, замѣтила мнѣ немного тоннымъ голосомъ:

— Вы, кажется, могли бы поцѣловать руку женщины, которой спасли жизнь.

Я прикоснулся губами къ рукѣ Кьяры. Рука была горяча.

— У васъ жаръ, княгиня? спросилъ я съ участіемъ.

Кьяра поспѣшно освободила свою руку, спрятала ее подъ одѣяло и отвѣчала, улыбаясь:

— Я никогда холодна не бываю, а сегодня не чувствую особеннаго жару.

— Но вчерашній испугъ, возразилъ я: — могъ бы привести въ волненіе и сѣверную кровь.

— Кровь моя не волненіи, отвѣчала Кьяра весело:— мои ноги только немного обожжены; впрочемъ, я надѣюсь что чрезъ нѣсколько дней буду въ состояніи вставать съ постели. Нестерпимо лежать весь день! прибавила она, быстро перенося головку отъ одного угла подушки къ другому.

«Я думаю,» сказалъ я про себя, зная необычайную живость княгини.

Странное впечатлѣніе произвела на меня, сѣвернаго жителя, не привыкшаго еще къ итальянскимъ обычаямъ, эта женщина, принимавшая въ своей спальнѣ. Несмотря на присутствіе моей идеальной Луизы, у меня закружилась немного голова, когда я взглянулъ на черные, роскошные волосы Кьяры, собранные въ двѣ густыя, большія косы, небрежно упадавшія на плечи, едва прикрытыя полу-прозрачнымъ батистомъ; глаза мои невольно останавливались на правильной, немного смуглой округлости обнаженной по локоть руки. Откинутая назадъ головка, черныя пряди волосъ, огненные глаза, круглая шея, пурпуровыя полу-открытыя губы, — все это такъ рельефно отдѣлялось отъ бѣлой кружевной подушки. Я боялся, что она разбередитъ свои ножки, которыя были въ безпрерывномъ движеніи подъ легкимъ шелковымъ одѣяломъ. Слѣдуя невольно глазами за движеніями Кьяры, я замѣтилъ на ея постели шаль Луизы, предметъ вчерашнихъ моихъ поисковъ. Вспомнивъ, какъ безпокоила меня мысль о ея потери, и какой странной встрѣчи была

невинною причиною эта шаль, я не могъ воздержаться отъ улыбки.

— Чему вы улыбаетесь? спросила меня Кьяра, всматриваясь въ выраженіе моего лица.

— Я боялся, что потерялъ довѣренную мнѣ графинею шаль, отвѣчалъ я, указывая на кровать:—и вчера ѣздилъ въ эрмитажъ отыскивать ее.

Княгиня разсмѣялась:

— Вотъ какой же вы *вѣрный рыцарь*! Луиза забыла сказать вамъ, что она укутала мнѣ ею ноги.

И Кьяра вновь сдѣлала какое то невыразимо-граціозное движеніе.

Отъ Кьяры вѣяло на меня жаромъ и обаяніемъ южной природы. Непреодолимая сила влекла меня къ ней, но, поднявъ глаза, я встрѣтилъ чистые, свѣтлые взоры Луизы, слѣдившіе за мною съ безмятежнымъ спокойствіемъ, съ выраженіемъ безпредѣльнаго довѣрія. Я не открывалъ еще своихъ чувствъ Луизѣ, я не клялся ей въ вѣчной любви, но конечно, и молчаніе мое было ей понятно,— по крайней мѣрѣ мнѣ казалось, что тихій взоръ ея встрѣчаетъ меня ласково, что болѣе яркій румянецъ озаряетъ нѣжное ея личико при моемъ появленіи; но ни одно слово, ни одно выраженіе не могли мнѣ подать поводъ предполагать, что Луиза раздѣляетъ мои чувства, что она меня любитъ....

Странная вещь! пылкой Кьярѣ суждено было положить предѣлъ моему молчанію, разсѣять сомнѣнія и сблизить меня съ Луизою въ одну минуту болѣе, чѣмъ я могъ сблизиться съ нею въ продолженіе шести-недѣльнаго моего съ нею знакомства. Я сказалъ, что кровать Кьяры

отдѣляла меня отъ Луизы, и что я встрѣтилъ чистый, нѣжный взоръ ея въ ту минуту, какъ голова моя начинала кружиться отъ обаятельнаго вліянія Итальянки. Съ той минуты я слушалъ Кьяру, улыбался оживленной ея рѣчи, но не сводилъ глазъ съ Луизы.

Княгиня долго говорила, вспоминала о вчерашнемъ происшествіи, комически описывала свой обморокъ, смѣялась надъ путешествіемъ въ самодѣльномъ *паланкинѣ*, раскаивалась, что напугала Луизу и стараго Нѣмца—«il vecchio brontolone.» Меня поразило только, что Кьяра, говоря обо мнѣ или обращаясь ко мнѣ, ни разу не употребила любимыхъ своихъ прозваній: «il birbo russo или l'orso, а называла меня церемонно: M-r Alexis или il signor Alexis.

Послѣ смѣха и болтовни Кьяра вдругъ смолкла; замѣтивъ постоянное направленіе моихъ глазахъ, она пристально посмотрѣла на выраженіе моего лица, взглянула на Луизу, слегка покраснѣла и задумалась.

Это нѣсколько смутило меня, и я, желая развлечь Кьяру, началъ было какую-то свѣтскую фразу, но княгиня рѣзко остановила меня.

— Полноте вздоръ говорить, сказала она, съ нѣкоторымъ волненіемъ, облокотясь и немного приподнимаясь на подушкѣ.

— Вы не знаете *цѣны времени*, и теряете его попустому. Вы, продолжала она, указывая на меня: — влюблены въ Луизу....

Я вскочилъ со стула, пораженный этимъ замѣчаніемъ.

— А Луиза, прибавила она, не обращая вниманія на мое движеніе: — а Луиза любитъ васъ.

Луиза вскрикнула и закрыла лицо руками.

— Чего вы испугались? я, право, не понимаю, продолжала Кьяра, приподнявъ плечи, и лаская рукою головку Луизы, прильнувшую личикомъ къ ея подушкѣ. — Оба вы давно желаете высказать другъ другу *тайну*, которая, впрочемъ, вамъ извѣстна. Странные люди сѣверные жители! продолжала Кьяра, болѣе и болѣе оживляясь: — неужели они полагаютъ, что драгоцѣнные годы молодости дольше тянутся для нихъ, чѣмъ для насъ? неужели они могутъ по произволу укрощать біенія сердца, сказать ему: «молчи!» не признавать его порывовъ, заглушать его сладостный лепетъ? неужели они не боятся, отдаляя отъ себя эти блаженныя минуты, утратить ихъ на вѣки? Бѣдные люди! вы не знаете цѣны времени.... Ты, Луиза, прибавила Кьяра, съ жаромъ цѣлуя молодую дѣвушку: — ты любишь меня—я это знаю—а между тѣмъ боишься быть со мной откровенна, таишь, отъ меня свои чувства! Хорошо ли это, скажи сама?... А что?..

И Кьяра вдругъ устремила на меня свой жгучій взглядъ. —

.... А что, если бъ я его полюбила?

Какъ объяснить, какъ передать, что я почувствовалъ въ ту минуту, когда этотъ взглядъ стрѣлой вонзился въ меня, когда горячее слово Кьяры пробѣжало искрою по всему моему существу. Я любилъ Луизу, любилъ ее одну, душа моя стремилась къ ней, что-то непреодолимое влекло меня къ ней. Я хотѣлъ высказать ей мою чистую, мою

безпредѣльную любовь къ ней; но отчего же, при послѣднихъ словахъ Кьяры, я вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ?

Колебаніе это было, впрочемъ, минутное. Идеальная любовь взяла верхъ, и, пожавъ съ чувствомъ руку Кьярѣ, я сказалъ, довольно твердымъ голосомъ:

— Ваша дружба, Кьяра, проницательна; вы сказали то, чего я не осмѣлился еще высказать. Вы правы: я люблю, и люблю всѣмъ сердцемъ Луизу, — люблю ее съ той минуты, какъ увидѣлъ ее.

Кьяра судорожно сжала мою руку. Мнѣ показалось, что кровь Итальянки заволновалась; но она подавила въ себѣ внутреннее волненіе, ласково улыбнулась и, открывъ личико Луизы, все еще стыдливо укрывавшееся отъ меня, проговорила тихо:

— Чего жъ ты стыдишься, Луиза? чего боишься? Вы оба свободны, и онъ любитъ тебя. Открой и ты ему свое сердце.

Луиза приподняла голову. По ея щекамъ катились двѣ слезы; но выраженіе ея глазъ было такъ же чисто и безмятежно какъ всегда.

— Кьяра, произнесла она, слегка дрожавшимъ голосомъ:—Кьяра, ты не имѣешь права располагать судьбою моею, ты не имѣешь права говорить за другаго. Ты не обсудила своихъ словъ.... но я не упрекаю тебя, и благодарю отъ души за выраженіе чувствъ, вызванныхъ твоею нескромностью.

Я бросился было къ Луизѣ, хотѣлъ повторить ей мое признаніе; но она встала, остановила меня движеніемъ руки и тихо сказала:

— Любить безъ уваженія нельзя! Тамъ, при моей матушкѣ, вы узнаете мои чувства!

Слова эти были сказаны Луизою съ невыразимымъ достоинствомъ, но въ ту же минуту выраженіе ея лица совершенно перемѣнилось; она молча сложила руки, какъ бы на молитву, слегка наклонила голову, и такъ посмотрѣла на меня, что слезы брызнули изъ глазъ моихъ.

Я тотчасъ же поѣхалъ къ графинѣ, и засталъ ее, по обыкновенію, въ обществѣ стараго друга. Графина приняла меня ласково, и съ участіемъ спросила, отчего я такъ взволнованъ. Зная, что графиня ничего не скрываетъ отъ своего друга, я объяснилъ ей причину этого волненія; я высказалъ ей все и просилъ руки Луизы. Графиня молчала, тихо плакала и не рѣшилась отвѣчать. Старикъ быстро ходилъ по комнатѣ, и отъ времени до времени взглядывалъ на меня.

— Гдѣ вы видѣлись сегодня съ Луизою? сказалъ онъ наконецъ, остановясь.

— У княгини, отвѣчалъ я, съ замѣшательствомъ.

— А! но княгиня нездорова; кажется, она въ постели?

Я покраснѣлъ.

— Вы знаете, баронъ, итальянскіе обычаи: княгиня принимала меня въ своей спальнѣ.

— И вы объяснились съ Луизою въ присутствіи княгини? продолжалъ старикъ настойчиво.

— Да, отвѣчалъ, я съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ: — она сама объяснитъ вамъ, что̀ вызвало мое признаніе. Я люблю Луизу, и смѣю надѣяться, что и она ко мнѣ не совсѣмъ равнодушна...

Графиня еще съ минуту молчала, и потомъ, взглянувъ на меня ласково, сказала тихимъ голосомъ:

— Все зависитъ отъ Луизы: избранный ею будетъ мнѣ сыномъ; но подумали ли вы, что вы еще молоды? Ваша родина такъ далеко отъ насъ: я должна буду разстаться съ Луизой. Она у меня одна.

На глазахъ графини вновь показались слезы.

— Извините меня, я мать, я должна быть осторожна.... я васъ такъ мало знаю. Не оскорбляйтесь моими словами, но я должна....

— Графиня, прервалъ я съ жаромъ:—принимайте всевозможныя предосторожности: это вашъ долгъ. Узнайте прежде обо мнѣ... Въ Петербургѣ я имѣю родныхъ. Вы можете писать туда, и, если найдете меня достойнымъ получить руку вашей дочери, не думайте о разлукѣ съ нею: наша родина будетъ вашей родиной. До полученія же вашего благословенія, повѣрьте, Луиза не услышитъ отъ меня ни одного слова, которое могло бы нарушить душевное ея спокойствіе; но, ради Бога, не лишайте меня только счастія видѣть ее ежедневно.

Графиня была такъ взволнована, что не могла ничего отвѣчать; но старый баронъ выручилъ меня. Выслушавъ мои объясненія, онъ всталъ, дружески обнялъ меня и сказалъ:

— Вы добрый молодой человѣкъ; ваши слова и выраженіе вашего лица дышатъ правдой и чувствомъ. Такіе

люди, какъ вы, не обманываютъ! Пусть графиня пишетъ, справляется объ васъ: это ея дѣло. Я же увѣренъ, что если сердце нашей Луизы избрало васъ, то ошибки быть не можетъ. Впрочемъ, увидимъ еще, что́ скажетъ Луиза! прибавилъ баронъ, спохватясь и лукаво улыбаясь.— Разлучать же васъ съ Луизою никто не помышляетъ! не правда ли, графиня? спросилъ онъ, обращаясь къ старушкѣ. — Это добрый молодой человѣкъ, на него можно положиться— и добродушный старикъ снова обнялъ меня съ чувствомъ.—Ну, а теперь ступайте съ Богомъ, прибавилъ онъ, подавая мнѣ шляпу: — намъ нужно немного осмотрѣться и переговорить съ графинею.

Только выйдя изъ дома графини, я вспомнилъ, что ничего не сказалъ Александру о такомъ важномъ, съ моей стороны, рѣшеніи. Я засталъ Александра на томъ же диванѣ и въ томъ же положеніи, въ которомъ его оставилъ часа четыре тому назадъ. Другъ мой хандрилъ. Безъ дальнѣйшихъ приготовленій, я объявилъ Александру, что я женюсь. Если бъ я выстрѣлилъ неожиданно изъ пистолета надъ ухомъ Александра, то и тогда онъ такъ бы не вздрогнулъ и не вскочилъ бы съ такою быстротою, какъ при этомъ неожиданномъ извѣстіи.

—Что́? а! а! такъ вотъ какъ; хорошо! славно! повторялъ онъ почти безсмысленно.

Мало по малу я передалъ ему все подробно, не забылъ и страннаго поцѣлуя въ *палаткинѣ*, и пожатія

руки, и черныхъ косъ, и жгучаго взгляда, и воздушнаго образа Луизы, стоявшей у изголовья Кьяры. Словомъ сказать, я выболталъ все. Къ крайнему моему изумленію, по мѣрѣ моего увлеченія, Александръ болѣе и болѣе успокоивался. Онъ опять сѣлъ на диванъ, принялъ прежнее покойное положеніе, закурилъ кальянъ, и пустивъ огромное облако дыму, сказалъ, качая головой:

— Пустая ты, братъ, вѣтряная голова! сгубишь ты ни за что бѣдную дѣвушку.

— Ты съ ума сошелъ! воскликнулъ я почти съ бѣшенствомъ.—Кого я сгублю!—ту, которую люблю болѣе всего на свѣтѣ?

— Болѣе всего на свѣтѣ! а которую изъ двухъ ты любишь болѣе всего на свѣтѣ, этого еще и самъ ты не знаешь хорошенько.

— Рѣшительно ты сегодня вздоръ несешь, Александръ! это просто глупо!

И я сталъ быстро расхаживать по комнатѣ, угрюмо посматривая на Александра.

Александръ спокойно курилъ и, не обращая вниманія на мое неудовольствіе, продолжалъ хладнокровно:

— Правда глаза колетъ: ты бы не сердился, если бъ отчасти не сознавалъ справедливости моихъ словъ. Какая тебѣ нужда была ходить въ спальню этой сумасбродной Итальянки? какой чортъ велѣлъ тебѣ засматриваться на ея смуглыя плечи и черныя косы? Нѣтъ, братъ, съ такимъ существомъ, какъ Луиза, шутить не годится! Она полюбитъ тебя всею силою души. Она отдастъ тебѣ все — отъ невинныхъ своихъ помысловъ до кончиковъ розовыхъ пальчиковъ. Ты будешь ее обожать, говоришь

ты.... Хорошо!... Ну, а если она пожелаетъ поменѣе обожанія и поболѣе любви, хоть той любви, которая засматривается *на смуглыя плечи, на черныя косы*! Что́ скажешь ты тогда? Я не осуждаю тебя, другъ мой, но пойми меня, пожалуйста: все, что́ происходитъ теперь въ твоемъ сердцѣ и—главное—въ твоемъ *воображеніи*,— все это дѣло естественное, дѣло человѣческое; но не слѣдуетъ торопиться, не слѣдуетъ подвергать опасности участь этой кроткой и милой дѣвушки...

— Ты мнѣ надоѣлъ, Александръ, съ твоими глупыми совѣтами, прервалъ я запальчиво:—я вовсе и не тороплюсь: надобно еще ждать формальнаго согласія графини.

— Ну, ладно, ладно! не горячись, пожалуйста. Будь только, ради Бога, осторожнѣе, а еще много утечетъ воды въ это время, — и какъ знать, чѣмъ все это кончится!

Я рѣшительно потерялъ терпѣніе и ушелъ, разсердившись на Александра.

VIII.

На другой день легкое облачко, пробѣжавшее между мною и другомъ моимъ, совершенно разсѣялось. Я понялъ, что несправедливыя опасенія Александра истекаютъ изъ чистаго источника, я оцѣнилъ высокое его мнѣніе о Луизѣ, и эта мысль окончательно примирила меня съ нимъ. Утромъ на другой день послѣ нашей небольшой размолвки, я уже дружелюбно разговаривалъ съ

Александромъ, въ ожиданіи приличнаго часа свиданія съ Луизой.

— Ну, братъ, выдались же мнѣ эти два денька: третьегоднешній и вчерашній! чего я не перечувствовалъ въ эти два дня! Впрочемъ, знаешь что? мнѣ кажется, что впечатлительный человѣкъ вызываетъ *жизненную дѣятельность* въ окружающихъ людяхъ и даже предметахъ. Тамъ, гдѣ иной видитъ только, напримѣръ, одно изверженіе Везувія, т. е. дымъ, пламя, лаву, другой созерцаетъ цѣлый поэтическій міръ.

При этихъ словахъ Александръ почесалъ себѣ лобъ, улыбнулся и принялся что-то тихо насвистывать.

— Справедливо говорится, продолжалъ я: — что на ловца звѣрь бѣжитъ; дѣйствительно, обрати вниманіе, напримѣръ, на это странное, психологическое явленіе. Я замѣтилъ, что въ обществѣ стоитъ одной женщинѣ полюбить какого-нибудь мужчину, и двѣ, три, четыре разомъ влюбятся въ него. Созвучіе вызываетъ созвучіе: это непреложный акустическій законъ. Зазвучитъ одна струна, и другія отзовутся.

— Къ сожалѣнію, отвѣчалъ Александръ: — меня никогда не любили, т. е. не любили *по настоящему*, не только двѣ, три, четыре женщины разомъ, а даже и одна; но мнѣ кажется, что твоя теорія о томъ, будто бы «впечатлительный человѣкъ вызываетъ жизненную дѣятельность въ окружающихъ его людяхъ и предметахъ», не совсѣмъ вѣрна. Тутъ все дѣло въ воззрѣніи на предметы. По моему, есть на свѣтѣ души впечатлительныя, нескромныя, и есть души скрытныя. Въ одной душѣ божественная искра ярко свѣтитъ, озаряя все вокругъ, а

въ другой она подъ пепломъ. Что же касается до психологическаго явленія, какъ ты выражаешься, по законамъ котораго двѣ, три, четыре женщины влюбляются въ одного и того же мужчину, такъ это болѣе ничего, какъ *совмѣстничество*, и тутъ нѣтъ ни какой психологической задачи.

Въ эту минуту прозвонило часъ. Я поспѣшно всталъ и побѣжалъ одѣваться.

— Не бѣжишь ли ты рѣшать психологическую задачу? закричалъ мнѣ вслѣдъ Александръ

Я видѣлъ Луизу вечеромъ того же дня, въ который имѣлъ объясненіе съ ея матерью.

Взглянувъ на меня, Луиза покраснѣла болѣе обыкновеннаго, протянула мнѣ ручку и позволила ее поцаловать. Согласно моему обѣщанію, я не говорилъ ей ничего о нашей будущности, и разговоръ нашъ, хотя искренній, задушевный, ничѣмъ не отличался отъ прежнихъ нашихъ бесѣдъ.

Кьяра, узнавъ о намѣреніяхъ графини выжидать время и отложить нашъ бракъ, осталась этимъ весьма недовольна:

— Это излишнія проволочки, потеря времени, сказала она, съ нетерпѣніемъ.—Покончили бы поскорѣй: лучше бы было, и *всѣмъ было бы спокойнѣе!*

Чрезъ нѣсколько дней Кьяра совершенно выздоровѣла, и снова начались гулянья, катанья, вечера, балы и проч...

Il lampo Italiano, т. е. итальянская молнія, какъ назвалъ я Кьяру, оживляла все своимъ присутствіемъ... Кьяра непремѣнно желала поставить на своемъ и привести въ исполненіе неудавшуюся поѣздку. Планъ оставался тотъ же; но рѣшено было миновать Везувій: на него Кьяра немного сердилась, — да и къ тому же онъ въ эту минуту не представлялъ особаго интереса, потому что изверженіе начинало значительно ослабѣвать.

Я радовался какъ ребенокъ мысли провести нѣсколько дней съ Луизою среди живописныхъ неаполитанскихъ окрестностей. Къ моему величайшему удовольствію, баронъ (сдѣлавшійся моимъ другомъ) безпрепятственно согласился сопровождать Луизу.

Положено было выѣхать изъ Неаполя рано утромъ, осмотрѣть въ тотъ же день древнія жертвы Везувія, Геркуланумъ и Помпею, и отправиться ночевать въ Кастелламаре.

День былъ свѣтлый, прекрасный, но *зимній*, какъ утверждали Неаполитанцы, и, по понятіямъ ихъ, довольно прохладный, т. е. градусовъ въ двѣнадцать, а можетъ и четырнадцать тепла.... и это въ половинѣ декабря!

Въ Портичи, *прославленномъ* знаменитою баркаролою: *Amis la matinée est belle* *, мы на время оставили Божій свѣтъ, и сошли въ *нѣдра* земли — посмотрѣть на древній *Геркуланумъ*, который съ 79 года до Рождества Христова покоился непробуднымъ сномъ въ свинцовыхъ объятіяхъ отвердѣвшей лавы! Страшно смотрѣть

* Баркарола изъ оперы «Фенелла» (La muette de Portici), соч. Обера.

на огромный остовъ, пережившій столько вѣковъ. Странно смотрѣть на эти когда-то великолѣпныя зданія, едва освѣщаемыя трепещущимъ пламенемъ факеловъ! Сжимается сердце при видѣ этого города, оцѣпенѣвшаго въ полномъ разгарѣ жизненной дѣятельности. Не знаю, какъ другіе, но я отрадно вздохнулъ, оставивъ этотъ призракъ минувшаго, и выйдя на свѣжій воздухъ. Вѣроятно, и на Луизу подземный городъ произвелъ также тяжелое впечатлѣніе, потому что я чувствовалъ, какъ рука ея дрожала, опираясь на мою. Кьяра разсмѣшила всѣхъ насъ, утверждая очень серіозно, что Геркуланумъ никогда не существовалъ, и что все насъ окружающее придумано и сдѣлано *a posteriori*, для приманки путешественниковъ.

— *Le napolitain est né malin*! (т. е. Неаполитанцы хитры) прибавила она.

Другая древняя жертва Везувія, *Помпея*, представляется совершенно иначе. Геркуланумъ затопило лавою, Помпею занесло пепломъ. Нынѣ этотъ древній городъ, покрытый восемнадцать столѣтій тяжелымъ саваномъ пепла, вновь узрѣлъ Божій свѣтъ. Кругомъ его на землѣ все измѣнилось, — только съ высоты озаряютъ его тѣ же свѣтила, на томъ же вѣчномъ, небесномъ сводѣ. Подъ *бременемъ* пепла Помпея не испытала *бремени* годовъ, и когда все рушилось вокругъ нея, она вдругъ среди этихъ развалинъ явилась въ прежнемъ видѣ. Зданія, съ ихъ внутренними украшеніями, фресками, мозаиками, улицы мощеныя вѣковою лавою, и носящія на себѣ слѣды колесъ тяжелыхъ, старинныхъ *биг* (*biga* — родъ древней колесницы о двухъ колесахъ), — все это выступило въ

сохранности изъ-подъ пепла. Издали Помпея представляется большимъ современнымъ городомъ, и только приближаясь къ ней, вы замѣчаете, что городъ пустъ, и что зданія безъ кровель. Меня поразили необычайно малые размѣры частныхъ домовъ; есть комнаты, которыя не болѣе четырехъ квадратныхъ аршинъ. Но зато храмы, циркъ и всѣ публичныя зданія обширны и величественны. Улица, сохранившаяся лучше прочихъ, называется *Via delle tombe* (т. е. улица надгробныхъ памятниковъ). Замѣчательно, что у народовъ, имѣющихъ неясное понятіе о безсмертіи души, тлѣнные памятники земнаго пребыванія человѣка почитались свыше всего. Въ Помпеѣ открыли въ присутствіи славнаго Гёте (и, кажется, его иждивеніемъ) прекрасно сохраненное частное зданіе съ фресками и мозаиками.

Домъ этотъ носитъ имя Германскаго поэта,—и странно звучитъ имя живое посреди развалинъ отжившаго міра!

Ничто такъ не утомляетъ, надо сказать правду, какъ продолжительный обзоръ достопримѣчательностей, картинныхъ галлерей и проч. Постоянное умственное напряженіе, конечно болѣе этому причиною, чѣмъ физическая усталость.

Луиза и даже почти никогда неустающая Кьяра были утомлены. Обычная живость Итальянки, мало по малу замѣнилась болѣе плавными, тихими движеніями и, наконецъ, перешла въ нѣкоторую *томность*, которой я никогда въ ней не замѣчалъ прежде. Въ ту минуту, какъ Луиза оставила мою руку и разговорилась со старикомъ

барономъ, Кьяра подошла ко мнѣ и взяла меня подъ руку, увѣряя, что устала до крайности.

— Я васъ не узнаю, сказалъ я ей, улыбаясь и пожимая слегка ея руку:—гдѣ же ваша обычная живость, неутомимость?

Кьяра вздрогнула.

— Что́ жъ мудренаго, что *вы* меня не узнаете, когда я сама себя не узнаю, отвѣчала она нѣсколько взволнованнымъ голосомъ.—Мнѣ грустно,—и я не знаю, отчего... Я какъ будто чего-то жду!... А чего бы, кажется ждать?... Я молода, весела, счастлива; меня всѣ любятъ... конечно, можетъ быть, любятъ не такъ, какъ бы я хотѣла быть любимой.

Кьяра взглянула на меня, глаза ея сверкнули мгновенно, но она тотчасъ же опустила ихъ, оттолкнула мою руку, и, быстро проговоривъ: «ступайте къ Луизѣ», убѣжала отъ меня.

Не увлекаясь ни сколько самолюбіемъ, я не могъ не догадываться, что со дня катастрофы на Везувіи Кьяра оказывала мнѣ особенное расположеніе. Я не хотѣлъ допустить мысли, чтобы Кьяра, зная чувства своей подруги ко мнѣ, могла имѣть намѣреніе дать мнѣ замѣтить, что она ко мнѣ неравнодушна. Обращеніе ея со мною я приписывалъ живости характера и итальянскому, южному увлеченію, которое часто принимаетъ поверхностныя впечатлѣнія за глубокое чувство. Однакожъ, одно постороннее, по видимому, ничтожное обстоятельство обратило на себя мое вниманіе. Недавній мой итальянскій *другъ*, Антоніо, троюродный братецъ Кьяры, столь усердно добивавшійся почетнаго званія *patito* своей кузины,

чрезмѣрно охладѣлъ ко мнѣ съ нѣкоторыхъ поръ, и вдругъ пересталъ употреблять въ разговорѣ со мною уморительное, французско-итальянское *ты*. Въ дѣлахъ любви у южныхъ народовъ умъ нерѣдко замѣняется какимъ-то инстинктомъ сердца. Перемѣна обращенія Антонія подтверждала мои догадки еще болѣе.

Оставивъ меня, Кьяра подбѣжала къ Антонію, который, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, разсматривалъ, по видимому, съ большимъ вниманіемъ, какіе-то фрески, но въ то же время бросалъ на насъ огненные взгляды. Но Кьяра оперлась на его руку, и вскорѣ ея ласковое обращеніе, ея звонкій смѣхъ возвратили Итальянцу прежнюю увѣренность. Онъ принялъ торжествующій видъ, и когда я съ ними поравнялся, то онъ мнѣ улыбнулся почти пріятно.

Осмотрѣвъ подробно Помпею, мы отправились въ Кастелламаре, и прибыли туда не задолго до заката солнца. Въ южной Италіи съ минуты захожденія солнца начинается настоящая жизненная дѣятельность. На берегу моря и на террасѣ «отеля», въ которомъ мы остановились, народъ толпился густыми массами, оглашая воздухъ пронзительными и разнородными криками, и среди этихъ криковъ громче всѣхъ звучали голоса женщинъ и дѣтей.

Едва послѣдніе лучи солнца исчезли, какъ повсюду на берегу моря и на террасѣ зажглись огоньки, и шумныя толпы расположились на воздухѣ, какъ дома.

Вниманіе наше въ особенности было привлечено толпою, расположившеюся у самаго морскаго берега. Изъ этой толпы раздавались оглушительные крики, пѣсни и отчаянные звуки мандолины.

Съ трудомъ пробились мы сквозь толпу, и чуть не наткнулись на лежавшихъ на пескѣ ладзарони. Въ центрѣ ихъ смуглая Кастелламарка и статный ладзарони, отплясывали неистовую *тарантеллу*.

Сцена эта освѣщалась факелами. Оркестръ состоялъ всего только изъ одной мандолины — рода бандуры или даже балалайки; но вдохновенный артистъ съ такою злостью щипалъ бѣдныя струны, что жалобныя ихъ взвизгиванья далеко раздавались, не смотря на говоръ, шумъ и восклицанія толпы. Вся толпа по временамъ подпѣвала, и мнѣ удалось только разслушать часто повторявшіяся слова:

— Mamma mia maritami-tu! т. е. ой, матушка! отдай меня замужъ!

Танцующая дѣвушка не была хороша, но зато она была жива и граціозна. Итальянка, увлекаемая своимъ роднымъ танцемъ, страстно закидывала голову назадъ, прищуривала глаза, и выставляла напоказъ бѣлые какъ молоко зубы. Ея поднятыя къ верху руки округлялись надъ головою; грудь ея высоко вздымалась; босыя, загорѣвшія ноги едва касались кончиками пальцевъ до песку, и выдѣлывали самыя быстрыя и разнообразныя движенія. Танцующій съ нею ладзарони былъ поразительной красоты. Высокій ростъ, широкая грудь, правильныя черты лица, огненные глаза,—все въ немъ представляло совершеннѣйшій типъ человѣческой красоты. Въ движеніяхъ Итальянки, не смотря на ихъ живость, проглядывали нѣга и нѣкоторая томность, а движенія ладзарони были бурны и пламенны. Онъ наступалъ съ рѣшительностью на

уклоняющуюся отъ него танцовщицу, и казалось, обжигалъ ее пламенемъ своихъ взоровъ.

Я стоялъ возлѣ Луизы, заслоняя отъ стыдливыхъ ея взоровъ картину буйнаго веселія страстныхъ Итальянцевъ, которая, казалось, производила на нее непріятное впечатлѣніе. Кьяра, напротивъ, вошла въ самый кругъ и слѣдила съ величайшимъ вниманіемъ за каждымъ движеніемъ танцующихъ. Глаза ея горѣли; она невольно дрожала и, закусивъ нижнюю губку, топала ножкою въ тактъ. Къ концу тарантеллы она такъ увлеклась общимъ восторгомъ толпы, что сама съ ней припѣвала:

— Mamma mia, maritami-tu!

Я глядѣлъ на Кьяру съ увлеченіемъ, и въ то же время чувствовалъ неопреодолимое желаніе хотя малѣйшаго сочувствія со стороны Луизы. Я тихо пожалъ ея руку. При мерцающемъ свѣтѣ факеловъ, я замѣтилъ, что она взглянула на меня съ удивленіемъ и почти съ укоризною, какъ бы отгадывая причину моего увлеченія, и тотчасъ же покраснѣла, опустила глаза и высвободила свою ручку изъ моей руки. Мнѣ стало досадно на ея холодность, и я хотѣлъ подойти къ Кьярѣ, чтобы раздѣлить съ нею ея восторгъ и увлеченіе, — но, не повертывая головы, почувствовалъ, что Луиза на меня смотритъ и остался какъ прикованный къ своему мѣсту.

За обѣдомъ и въ продолженіе вечера, проведеннаго нами въ Кастелламаре, Кьяра была весела, любезна, разговорчива со всѣми, кромѣ меня. Она избѣгала меня и, казалось, была, не знаю отчего, недовольна мною. Зато съ Луизою она обходилась чрезвычайно нѣжно и

безпрестанно отводила ее въ сторону, удаляя ее отъ нашего общества.

Въ 1832 году между Кастелламаре и Сорento было одно только сообщеніе сухимъ путемъ, посредствомъ узенькой тропинки, пролегающей по склону высокаго берега. По этой тропинкѣ, невозможно было иначе ѣхать, какъ верхомъ на лошади или на ослѣ. Слѣдуя по направленію Сорренто, представляется вашимъ взорамъ съ лѣвой стороны крутое возвышеніе, покрытое оливковыми деревьями, кактусами и алоями, а вправо—прозрачно лазуревый заливъ, испещренный живописными островами и оканчивающійся Неаполемъ, сходящимъ отъ монастыря Камалдуловъ, по склону Вомеро, до самыхъ голубыхъ водъ моря. Дорожка, извивающаяся по берегу, виситъ надъ бездною.

Долина, въ глубинѣ которой лежитъ небольшой городъ Вико, очаровательна. Вико окруженъ со всѣхъ сторонъ апельсинными и лавровыми рощами. Когда въѣзжаешь весною въ ущелье, ведущее въ долину Вико, васъ обдаетъ невыразимо упоительнымъ запахомъ отъ цвѣтущихъ померанцовыхъ и лавровыхъ рощей.

Въ Сорренто отведенъ былъ для нашего общества домъ, принадлежавшій Тассу и нынѣ находящійся во владѣніи герцога Лауриты. Тамъ декламировали пѣсни изъ «Освобожденнаго Іерусалима», изъ «Ринальдо», пѣли стансы къ Элеонорѣ, импровизировали сонеты въ честь безсмертнаго поэта; восхищались великолѣпнымъ видомъ открытаго, безпредѣльнаго моря и, передъ самымъ Сорренто, причудливыми, высокими берегами страшнаго Капри. Весь день прошелъ частію въ созерцаніи удивительныхъ картинъ, широко раскидывавшихся передъ нами, частію въ

осмотрѣ окрестностей Соррента. Въ числѣ послѣднимъ замѣчательнѣй всего, по своей живописности, городокъ Амальфи. Этотъ городокъ пріютился въ маленькой бухтѣ, огражденной совершенно отъ «tramontana» (сѣвернаго вѣтра) высокими горами, а отъ «schirocco» (южнаго вѣтра)—небольшою стрѣлкою, разбивающею прибой морскихъ волнъ. Съ сѣвера стремится въ бухту горный потокъ, вдоль котораго промышленные жители Амальфи построили множество мельницъ. Шумъ мельничныхъ колесъ, кажется, единственный житейскій шумъ, доходящій до ушей мирныхъ жителей Амальфи. Здѣсь все дышитъ спокойствіемъ, тишиною и уединеніемъ.

На другой день мы переѣхали заливъ и отправились къ берегамъ Капри, къ страшному притону грознаго Тиверія, къ вертепу, въ которомъ онъ скрывалъ отъ негодующей вселенной послѣднія одиннадцать лѣтъ своего жалкаго существованія. Нынѣ почти не осталось слѣдовъ отъ огромныхъ зданій, построенныхъ Тиверіемъ на крутыхъ, отвѣсныхъ скалахъ, возвышающихся до 400 футовъ надъ уровнемъ моря; но великолѣпная картина, представляющаяся съ вершины Капри, все та же. Южный берегъ острова отлого склоняется къ морю, и славится своимъ плодородіемъ. Полюбовавшись великолѣпнымъ видомъ съ вершины Капри, и помечтавъ о непрочности земнаго величія, основаннаго на неправдѣ, мы спустились къ морю и, сѣвъ въ лодки, поплыли вдоль сѣвернаго острова. Въ концѣ его намъ указали на небольшое дугообразное отверстіе, едва замѣтное издали, и сказали что это входъ въ знаменитый лазуревый гротъ (la grotte d'azur). Разсказываютъ, что одинъ Англичанинъ, застигнутый сильною трамонта-

ною (сѣвернымъ вѣтромъ), пробылъ нѣсколько дней въ этомъ гротѣ, по причинѣ возвышенія воды, препятствовавшей ему вернуться. По словамъ нашихъ вожатыхъ, намъ не предстояло подобной опасности, потому что море было гладко какъ зеркало, и на небѣ не видно было ни малѣйшаго облачка; но мы все-таки не безъ опасенія смотрѣли на странныя *ворота*, которыя надлежало намъ проѣхать, для того, чтобы попасть въ чудный гротъ. Подплывъ въ упоръ скалы, баркароллы (гребцы) попросили насъ нагнуться до бортовъ лодки,—и однимъ ударомъ багра лодка наша вошла въ таинственный гротъ... Я вскрикнулъ отъ удивленія. Вообразите себѣ широкій внутренній бассейнъ, подъ огромными, высокими сводами, увѣшанными какими-то мхами и вьющимися растеніями, и освѣщенный нѣжно-лазуревымъ свѣтомъ. Долго всматриваешься и не вѣришь своимъ глазамъ, но тогда только убѣждаешься, что этотъ фантастическій свѣтъ дѣйствительно принадлежность чуднаго грота, когда замѣчаешь, что и лодка, въ которой вы сидите, и всѣ лица, васъ окружающія, проникнуты тѣмъ же лазуревымъ свѣтомъ. Много было преній о причинахъ этого необычайнаго явленія, но, кажется, и до сихъ поръ не рѣшено отчего именно происходитъ этотъ лазуревый свѣтъ, *озаряющій* таинственный гротъ. Многіе утверждали, что дневной свѣтъ, проникая въ гротъ только сквозь лазуревыя воды залива, по причинѣ узкаго, почти незамѣтнаго отверзтія, служащаго ему входомъ, окрашивается голубымъ цвѣтомъ. Но никто еще не объяснилъ, отчего воды Средиземнаго Моря, и въ особенности Неаполитанскаго Залива походятъ на прозрачный разжиженный lapis-lazulli. Не помню

хорошенько, кто изъ ученыхъ Итальянцевъ, одна ли не Висконти, присоединявшій къ археологическимъ и художественнымъ познаніямъ довольно обширныя свѣдѣнія въ естественныхъ наукахъ, утверждалъ весьма серіозно, что лазуревый цвѣтъ Неаполитанскаго Залива есть отраженіе вѣчно голубаго свода небесъ. Однакожъ, многимъ, и мнѣ въ томъ числѣ, нерѣдко случалось видѣть густыя *сѣрыя* облака на неаполитанскомъ горизонтѣ, а между тѣмъ море сохраняло тотъ же голубой цвѣтъ. Излишне будетъ упоминать о многочисленныхъ теоріяхъ по этому поводу. Но нельзя умолчать о замысловатомъ предположеніи, сдѣланномъ какимъ-то новѣйшимъ ученымъ. Это ученый утверждаетъ, что цвѣтъ водъ происходитъ отъ цвѣта инфузорій, въ нихъ обитающихъ... Вотъ вамъ разрѣшеніе задачи о лазуревомъ гротѣ! Вѣрьте этому или не вѣрьте, мнѣ все равно, но не сѣтуйте за мое отступленіе... Я пишу не повѣсть, а дневникъ моихъ воспоминаній и наблюденій.

Въ лазуревомъ гротѣ открыты остатки мраморной лѣстницы, которая вела, вѣроятно, нѣкогда на вершину острова: это дало поводъ предполагать, что чудный гротъ служилъ колоссальной купальней для чувственнаго Тиверія. Предположеніе это подтверждается еще тѣмъ, что на площадкѣ передъ лѣстницей найдены обломки статуй, въ родѣ тѣхъ, которыя предпочтительно помѣщались древними въ купальняхъ и въ баняхъ.

IX.

Неаполь. Январь 1833.

Я пишу оперу! и пишу ее по настоятельному требованію Раймонди. Почтенный маэстро замѣтилъ что съ нѣ-

которыхъ поръ я не такъ прилежно вникаю въ творенія Палестрины, Лео, Дуранте и другихъ великихъ композиторовъ, изученіе которыхъ онъ полагаетъ необходимымъ для полнаго музыкальнаго образованія. Наставникъ мой долго добивался отъ меня узнать причину моей разсѣянности: наконецъ я какъ-то разъ проговорился и сказалъ, улыбаясь: Любезный *maestro*, я долженъ вамъ признаться, что я влюбленъ!»

Раймонди вскочилъ со стула.

— Какъ влюбленъ? воскликнулъ онъ, съ живостію.— Влюбленъ серіозно, т. е. со страхомъ, съ самоотверженіемъ, съ безпредѣльнымъ уваженіемъ къ предмету любви,—влюбленъ *сердцемъ*; а *не головою?*—Такъ, что ли? прибавилъ онъ, положивъ мнѣ руки на плечи и всматриваясь пристально въ мои глаза.

— Да кажется, что такъ, отвѣчалъ я, невольно улыбаясь.

— О, въ такомъ случаѣ, *figlio mio*, не теряя времени, принимайся за оперу. Вдохновеніе неразлучно съ истиннымъ чувствомъ любви.... То-то славно было бы, прибавилъ *maestro*, потирая руки: — если бы твоя возлюбленная помучила тебя хорошенько!

— Не ожидайте этого отъ нея, мой другъ, отвѣчалъ я:—та, которую я люблю, одушевленная кротость и смиреніе.

— Ага! и это нехудо пріобщить къ свѣдѣнію! Въ такомъ случаѣ тебѣ нужно избрать сюжетъ идиллическій: съ бурною драмою ты теперь не совладаешь. Вотъ видишь ли, мой другъ, продолжалъ онъ весьма серіозно:—

страсти человѣческія только и хороши въ отношеніи къ художествамъ; только нужно умѣть ими пользоваться. Если бы всѣ творенія *выходили изъ головы* художниковъ подъ вліяніемъ какого нибудь истиннаго чувства, то было бы поболѣе на свѣтѣ образцовыхъ произведеній.... Тебѣ еще далеко до возможности написать что нибудь удовлетворительное въ лирическомъ родѣ: но надобно пользоваться удобнымъ случаемъ... Пиши, *figlio mio*, оперу! пиши! завтра я принесу тебѣ либретто.

И, дѣйствительно, на другой день Раймонди доставилъ мнѣ довольно нелѣпый либретто, и заставилъ меня тотчасъ же приступить къ дѣлу.

Теперь я не могу вспомнить безъ смѣха первыя мои попытки въ этомъ новомъ для меня родѣ композиціи. Мелодіи приходили мнѣ въ голову цѣлыми, нестройными массами; я насовалъ ихъ повсюду, даже въ речитативы, но безъ всякой связи. Это придавало моему сочиненію видъ какого-то несвязнаго *попури*. Раймонди не терялъ, однако, терпѣнія и по нѣскольку разъ заставлялъ меня передѣлывать каждый нумеръ; наконецъ я кой-какъ успокоился, и работа моя стала принимать болѣе стройный видъ.

Впрочемъ, *лирическія* мои занятія не мѣшали мнѣ вести прежнюю, нѣсколько разсѣянную жизнь. Съ свойственной одной молодости дѣятельностью, меня на все ставало: и на гулянья, и на балы, и на продолжительныя, задушевныя бесѣды съ Лунзою, и на музыкальныя занятія.

Съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе знакомился съ образомъ жизни высшаго неаполитанскаго круга. Я узналъ, что патріархальная, истинно семейная жизнь Неа-

политанцамъ неизвѣстна. Въ Неаполѣ дѣвушка выходитъ замужъ большею частью не по любви, а по семейному или общественному разсчету. Дѣти или воспитываются въ отдаленныхъ комнатахъ palazzo, подъ надзоромъ наемныхъ наставниковъ, или отдаются съ самыхъ юныхъ лѣтъ въ учебныя заведенія и въ монастырскія общины. Поэтому дѣти почти не знаютъ своихъ родителей.

Молодая женщина, поступившая *въ свѣтъ*, почитаетъ долгомъ окружить себя обожателями или запастись *patito*, который становится съ минуты избранія неразлучнымъ ея спутникомъ. Съ мужемъ же Неаполитанка высшаго круга видается рѣдко, только въ извѣстные часы дня. Общество стало бы безъ пощады преслѣдовать своими насмѣшками молодую женщину, показывающуюся съ мужемъ на гуляньяхъ или въ театрѣ, а напротивъ, *приличія* требуютъ, чтобы она никуда не являлась безъ своего *patito*. Хозяйку дома осудятъ въ незнаніи правилъ общежитія, если она, приглашая къ себѣ какую нибудь женщину, позабудетъ пригласить ея *patito*. Измѣнить однажды избранному *patito*, или *sigisbeo*, почитается *преступленіемъ*, и подобное непостоянство называется безнравственностью. Для Неаполитанокъ *любовь* дѣло серіозное; не зная спокойныхъ удовольствій семейной жизни, онѣ посвящаютъ любви лучшіе годы молодости. Я слышалъ однажды, какъ весьма порядочная, всѣми уважаемая женщина, на вопросъ, сдѣланный ей, отчего она такъ долго оставалась за городомъ (in villagiatura), отвѣчала простодушно: «Facesa l'amore cara contessa!» т. е. что она въ это время упрочила свое владычество надъ, какимъ-то *чичисбеемъ*.

Во время моего пребыванія въ Неаполѣ все общество раздѣлялось на кружки (en coteries), состоявшіе изъ нѣсколькихъ болѣе или менѣе молодыхъ и хорошенькихъ женщинъ, окруженныхъ двойнымъ и часто тройнымъ комплектомъ поклонниковъ, обожателей, или *претендентовъ* на почетное званіе *чичисбеевъ*. Всѣ *признанные* члены одного круга имѣли право навѣщать прочихъ безъ зову, безъ доклада и почти во всякое время дня. День располагался съ общаго совѣта, но проходилъ рѣдко безъ того, чтобы наша повелительница, княгиня Кьяра, не устроивала чего нибудь по своему произволу. Нашъ кружокъ назывался «*la coterie Chiara*». Многіе добивались чести попасть въ члены этого небольшаго общества. Главный пунктъ вечернихъ нашихъ собраній былъ у княгини и у одного очень милаго англійскаго семейства Л.... новъ. Англійское семейство (мать и двѣ дочери) избрано было Кьярою въ угожденіе Луизѣ, которой очень нравились скромныя молодыя дѣвушки, составлявшія его украшеніе.

Время шло для меня быстро. Уже прошло болѣе мѣсяца со дня моего объясненія со старушкою-графинею а извѣстій обо мнѣ изъ Россіи еще не было получено. Я не понималъ причины этого молчанія, и начиналъ терять терпѣніе; мнѣ въ особенности досаждало хладнокровіе Луизы. Смиреніе и спокойствіе, съ которыми Луиза переносила вынужденное, почти холодное мое съ нею обхожденіе, становилось для меня обидно.

Были минуты, что я даже сомнѣвался въ любви моей Луизы, и только кроткое выраженіе ея глазъ и ея симпатическій голосъ могли разрушать мое недовѣріе, и возвращать мнѣ минуты прежняго увлеченія.

Съ другой стороны, обхожденіе со мною Кьяры становилось съ каждымъ днемъ принужденнѣе.

Она видимо избѣгала меня, хотя мы и видались каждый день, наблюдала за мною и за Луизою, и нѣсколько разъ спрашивала съ нетерпѣніемъ: «когда же *все это* кончится?»

Однажды у Л....новъ былъ довольно многолюдный вечеръ. Кьяра пріѣхала поздно, и меня поразили тревожное выраженіе ея лица и необычайная изысканность наряда. Черные, глянцовитые ея волосы подобраны были густыми, волнистыми массами вверхъ, открывая лобъ и правильный очеркъ овала лица. Въ тяжелую косу, низко спущенную, почти къ самой шеѣ, вплетена была искуственная виноградная лоза, обвивавшаяся до темени. На волнистыхъ локонахъ, съ одной стороны, лежала небольшая кисть винограда, съ синимъ отливомъ, а съ другой— ярко-зеленые листья лозы. Появленіе Кьяры, какъ всегда, обратило на себя всеобщее вниманіе, но Итальянцы, кажется, ни мало не удивлялись этому странному головному убору княгини, а я.... я не могъ отвести отъ ней глазъ. Она явилась передо мною въ эту минуту въ чудно-соблазнительномъ видѣ. Въ головѣ моей мелькнуло воспоминаніе объ изящныхъ изображеніяхъ помпеевскихъ вакханокъ. Съ ея головнаго убора я невольно перенесъ взоръ на ея плечи, и былъ еще болѣе пораженъ правильными, художественными ихъ контурами, сливавшимися съ ея свѣтло-золотистымъ газовымъ платьемъ.

На шеѣ Кьяры, кромѣ маленькой, почти незамѣтной цѣпочки, терявшейся въ складкахъ передняго корсажа, ничего не было. На круглыхъ, слегка опущенныхъ ея

ручкахъ были золотые и эмалевые браслеты, съ разноцвѣтными и драгоцѣнными камнями.

Когда я подошелъ къ ней съ обычнымъ привѣтствіемъ, она вздрогнула, услыхавъ мой голосъ, и взглянула на меня почти сурово. Мнѣ стало досадно. «Что́ за капризная женщина!» подумалъ я, и, отойдя отъ нея съ притворнымъ равнодушіемъ, принялся любезничать съ дамами. Вскорѣ хозяйка дома и другія дамы обратились ко мнѣ съ просьбою пропѣть что́ нибудь. Я долго отговаривался, противъ обыкновенія: мнѣ не хотѣлось пѣть передъ Кьярою, на которую я сердился; но вдругъ я вспомнилъ про одинъ французскій романсъ, особенно нравившійся княгинѣ, и твердыми, рѣшительными шагами подошелъ къ фортепіану.

Въ Италіи музыка и любовь составляютъ основные элементы общества, и часто какая нибудь задушевная баркарола или сантиментальный романсъ производятъ восторгъ, неуступающій восторгу, производимому финалами «Сомнамбулы» или «Лючіи».

Лишь только я подошелъ къ фортепіану, все общество пришло въ движеніе; меня окружили, и со всѣхъ сторонъ посыпались различныя требованія: кто просилъ русскую пѣсню, кто французскій романсъ, и прочее. Для бо́льшаго удобства слушателей, рояль былъ обращенъ хвостомъ въ центръ гостиной, такъ что передо мною образовалась на первомъ планѣ цѣлая картина хорошенькихъ, разнохарактерныхъ женскихъ головъ, яркіе и томные глаза которыхъ устремлялись прямо на меня. Возлѣ самаго піанитра стояла Кьяра. Когда я подошелъ къ фортепіану, она взяла Луизу за плечи, и выдвинула ее впередъ, не смотря на

сопротивленіе молодой дѣвушки. Это еще болѣе меня раздражило. «По какому праву — думалъ я — вѣтряная Итальянка хочетъ выставлять напоказъ мою Луизу?» Послѣ небольшой, нѣсколько бурной прелюдіи, я спѣлъ сильно взволнованнымъ голосомъ любимый романсъ Кьяры, не смотря на нее, и боясь встрѣтиться съ ея ироническимъ взглядомъ. Романсъ, мною пропѣтый, какъ бо́льшая часть французскихъ романсовъ, заключалъ въ себѣ нѣсколько куплетовъ, съ припѣвомъ (un refrain). Слова припѣва кончались стихами:

C'est que moi je t'aime,
Comme mon bien suprême...

Въ послѣднемъ куплетѣ я нѣсколько измѣнилъ мелодію, и неожиданно взялъ звучный, грудной *la*, съ сильной энергіею и выраженіемъ. Нота эта вырвалась у меня изъ души, и я невольно взглянулъ на Луизу... но въ ту же минуту поблѣднѣлъ и задрожалъ. Изъ-за плечъ Луизы устремились на меня пламенные, жгучіе глаза Итальянки; ея черные, волнистые волосы смѣшивались съ бѣлокурыми локонами Луизы. При неожиданномъ звукѣ, вырвавшемся изъ моей груди, Кьяра вспыхнула и, какъ бы забывая все окружающее ее, прикоснулась жаркими губами къ плечу Луизы. Луиза вздрогнула, и съ удивленіемъ повернула головку. Я вскочилъ со стула, нѣкоторое время не могъ опомниться. Два противоположныя чувства боролись во мнѣ въ эту минуту. Отъ Луизы вѣяло на меня тихимъ, отраднымъ чувствомъ, отъ Кьяры — страстнымъ огнемъ. Я съ ужасомъ вспомнилъ слова Але-

ксандра, и мною овладѣло странное, досадное недоумѣніе. Сердце мое билось тревожно: я старался отдать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ и не могъ! Образы Луизы и Кьяры смѣшивались передо мною. Я усиливался соединить ихъ въ одно чудное, совершенное существо — и тщетно пытался разрѣшить, которой изъ нихъ принадлежитъ исключительное мое сердце.

Къ счастью, никто не замѣтилъ моего волненія. Съ свойственною Итальянцамъ впечатлительностью, общество разговаривало шумно, разбирая собственныя впечатлѣнія, испытанныя имъ во время пѣнія, и не обращало ни какого вниманія на ощущенія исполнителя. Не надѣясь на себя, я незамѣтно пробрался до дверей, и уѣхалъ домой.

X.

Александръ уже спалъ. Я былъ этимъ очень доволенъ, потому что не могъ бы скрыть отъ него своего волненія. Спать я не могъ, и принялся за партитуру моей оперы. Я прописалъ всю ночь, и совершенно окончилъ цѣлую теноровую арію съ речитативами *andante* и *allegro*. Въ девятомъ часу Раймонди разбудилъ меня и, не замѣтивъ, что я лежалъ полу-одѣтый, началъ упрекать меня въ лѣности. Утомленный, я ничего не отвѣчалъ ему на это, и вышелъ въ другую комнату, чтобы освѣжиться водою и одѣться. Когда я возвратился, Раймонди, успѣвшій разсмотрѣть ночную мою работу, обратился ко мнѣ, и, пристально посмотрѣвъ на меня, сказалъ улыбаясь:

— Ну, признавайся скорѣй, *figlo mio*, что съ тобой случилось. Возлюбленная твоя, вѣрно, помучила тебя вчера

порядочно? Ты ревнуешь, можетъ быть, или влюбился въ другую? Ну, признавайся! Я прочелъ все это здѣсь.

И старикъ-*maestro* указалъ съ торжествомъ на арію, написанную мною въ теченіи ночи. Я изумился его прозорливости, но не счелъ нужнымъ повѣрить ему свою тайну.

— Мнѣ просто не спалось сегодня ночью, сказалъ, я, равнодушно: — и то, что́ вы принимаете, любезный *maestro*, за волненіе души, ничего болѣе, какъ волненіе крови.

— Можетъ быть! отвѣчалъ Раймонди:—но часто изъ одного впечатлѣнія истекаетъ другое: таковы ужъ законы природы. Психическое начало неразлучно съ физическимъ. Во всякомъ случаѣ, музыка, написанная тобою въ эту ночь, имѣетъ совершенно отличный характеръ отъ прежней, и если то, что́ называешь *волненіемъ крови*, успокоилось сегодня, то я совѣтую тебѣ арію эту приберечь для другой оперы. Въ этой же оперѣ она будетъ слишкомъ рѣзко отдѣляться отъ прочихъ идиллическихъ нумеровъ.

Когда Раймонди уѣхалъ, я вошелъ въ комнату Александра.

Александръ посматривалъ на меня вопросительно, кривилъ какъ-то особенно ротъ, почесывалъ затылокъ, но ни о чемъ не разспрашивалъ, чему былъ я очень радъ.

Я не хотѣлъ говорить о моихъ вчерашнихъ впечатлѣніяхъ, надѣясь, что свиданіе мое съ Луизою изгладитъ изъ моей памяти минутное увлеченіе вчерашняго вечера;

я не желалъ сознаться въ своемъ малодушіи, и тѣмъ оправдать сомнѣнія, выраженныя нѣкогда Александромъ.

Нетерпѣніе мое видѣть Луизу было такъ сильно, что я, не дождавшись опредѣленнаго часа, отправился къ графинѣ.

Луиза приняла меня ласково, и мнѣ показалось, что она даже ожидала меня ранѣе обыкновеннаго. На ея лицѣ замѣтны были слѣды безпокойства.

— Вы вчера уѣхали рано, сказала она, протягивая мнѣ ручку;—мнѣ показалось, что вы были взволнованы, пѣніе ваше было такъ выразительно!

Луиза взглянула на меня такъ же кротко, какъ и всегда.

— Другъ мой! продолжала она, послѣ минутнаго молчанія:—не обвиняйте, ради Бога, матушку въ излишнемъ недовѣріи къ вамъ; не обвиняйте меня въ холодности и равнодушіи: я покоряюсь ея волѣ, я исполняю свой долгъ.

Луиза снова подала мнѣ руку, и нагнула ко мнѣ свою бѣлокурую головку. Сердце мое забилось. Съ чувствомъ благоговѣнія прикоснулся я губами до ея непорочнаго чела, и этотъ первый, чистый поцѣлуй разсѣялъ всѣ мои сомнѣнія! О, да! я любилъ Луизу, любилъ ее одну... Всѣ прочія впечатлѣнія мои блѣднѣли и исчезали предъ этимъ чувствомъ.

Долго сидѣли мы рука въ руку, долго ея голосъ лелѣялъ меня и сглаживалъ послѣдніе слѣды душевнаго волненія. Появленіе графини въ гостиной не прервало задушевной нашей бесѣды.

Два часа пролетѣли для меня съ быстротою мгновенія. Мнѣ не хотѣлось покидать этотъ счастливый, мирный, кровъ; но—увы!—человѣкъ, подчинившійся свѣтскимъ приличіямъ, часто долженъ жертвовать для нихъ самыми отрадными минутами. Я вспомнилъ, что мнѣ слѣдовало сдѣлать кой-какіе визиты.

Графиня, прощаясь со мною, сказала:

— Вы, вѣроятно, увидите Кьяру: скажите ей, пожалуста, что я сегодня не отпущу къ ней Луизу. Луиза провела ночь довольно безпокойно, и я опасаюсь за ея здоровье.

Имя Кьяры страшно прозвучало въ моихъ ушахъ, сердце мое опять тревожно забилось, и, въ замѣшательствѣ, я не съумѣлъ отклонить порученіе графини.

Впрочемъ, я не долго колебался. «Какое же вліяніе—подумалъ я — можетъ имѣть на меня красота Кьяры, послѣ блаженныхъ минутъ, проведенныхъ мною съ Луизою?» Эта отрадная мысль разсѣяла мое смущеніе, и я тотчасъ рѣшился исполнить порученіе графини.

Я твердо взошелъ по мраморной лѣстницѣ *palazzo* Д... и, узнавъ, что княгиня дома, по дарованному мнѣ праву входить безъ доклада, отворилъ дверь въ галлерею, которая вела въ кабинетъ Кьяры.

Итальянецъ-*cameriere* остановилъ меня.

— Княгиня сегодня утромъ принимаетъ въ спальнѣ, сказалъ онъ, указывая по направленію коридора:—*La Sua Eccellenza* только что вышла изъ ванны.

Я сдѣлалъ шагъ назадъ и хотѣлъ уже передать ему порученіе графини; но Итальянецъ предупредилъ меня:

— Пожалуйте, *Eccellenza*, княгиня приказала принимать; у нея гости.

Я вздохнулъ свободнѣе. Къ тому же не находилъ предлога удалиться, не повидавшись съ княгинею.

Знакомая мнѣ спальня имѣла въ этотъ день совершенно другой видъ. Всѣ шторы, всѣ занавѣски были подняты, и яркій свѣтъ безпрепятственно вторгался въ огромныя окна. Теплый, ароматическій воздухъ пахнулъ на меня при входѣ.

Кьяра, въ полномъ цвѣтѣ молодости и здоровья, своенравно нѣжилась на диванѣ; по распущеннымъ, волнистымъ ея локонамъ, по смуглымъ, но свѣжимъ ея щекамъ скользили, играя, золотистые лучи солнца. Глаза ея радостно блеснули, когда она увидѣла меня. Ласково привѣтствовала она меня обнаженною по локоть рукою, и указала на табуретъ, стоявшій возлѣ самаго дивана. Къ удивленію, я нашелъ у Кьяры глухаго князя и пріятеля его, пожилаго Неополитанца, имѣвшаго даръ объясняться съ княземъ выразительными жестами.

Cameriere, приглашавшій меня войти, считалъ, какъ видите *мужа* княгини *въ числѣ гостей!*

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ моего прихода, княгиня обратилась къ пріятелю своего мужа, и сказала:

— Отправляйтесь-ка вы, мой другъ, въ кабинетъ князя и уведите его съ собой. Мнѣ нужно переговорить съ M-r Alexis.

Дрожь пробѣжала по моему тѣлу. Я съ удивленіемъ взглянулъ на Кьяру, на князя и на его пріятеля. Но Неаполитанецъ добродушно улыбнулся, кивнулъ головою, въ знакъ согласія, и тотчасъ же объяснилъ жестами

низю желаніе его супруги. Князь поклонился мнѣ вѣжливо, привѣтливо простился съ женою, и медленно вышелъ изъ спальни, въ сопровожденіи своего пріятеля.

Изумленіе и вмѣстѣ невыразимое чувство опасности такъ сильно овладѣли мною, что я судорожно вскочилъ со стула, и выпрямился во весь ростъ, какъ бы желая противиться обаятельному вліянію самовластной Итальянки.

Замѣтивъ мое движеніе, Кьира поблѣднѣла; губы ея задрожали; но вдругъ выраженіе какого-то торжества сверкнуло искрою въ ея глазахъ.

— Садитесь, сказала она, взявъ меня за руку и сажая почти поневолѣ подлѣ себя:—садитесь и выслушайте меня.

Я повиновался безсознательно. Мысли мои путались; голосъ Кьяры раздавался для меня будто сквозь сонъ.

— Съ десятилѣтняго возраста, начала она, тихо:—я подружилась съ Луизою; въ теченіе осьми лѣтъ, не смотря на временныя разлуки, мы жили съ нею душа въ душу: ни у нея отъ меня, ни у меня отъ нея не было сокровенной мысли. Вы встрѣтили Луизу, вы овладѣли ея воображеніемъ. Въ первый же день, когда я услышала отъ нея ваше имя, я не взлюбила васъ. Я слышала, что Русскіе пламеннѣе Нѣмцевъ, и мнѣ стало страшно за мою подругу. При первой встрѣчѣ съ вами, вы произвели на меня невыгодное впечатлѣніе; потомъ я къ вамъ привыкла. На васъ отражался свѣтлый отблескъ моей Луизы и я открыла въ васъ такія качества, которыхъ, можетъ быть, подруга моя и не замѣчала. Ваша смѣлость на Везувіи спасла мнѣ жизнь. Конечно, и другой на вашемъ мѣстѣ поступилъ бы такъ же; но мысль

быть обязанною жизнью именно вамъ, взволновала мое сердце. Вы помните, продолжала Кьяра, постепенно оживляясь:—неосторожный мой поцѣлуй. Эта шалость глубоко отозвалась въ моемъ сердцѣ.

Кьяра покраснѣла, на минуту закрыла лицо руками и продолжала взволнованнымъ голосомъ·

— Не обвиняйте меня въ безстыдствѣ: я говорю только потому, что вы молчите. Я должна же высказать все для общаго спокойствія! Вспомните, что во мнѣ течетъ южная кровь! вспомните, что я никогда еще не любила! Неосторожный и невольный мой поступокъ открылъ мнѣ все. Вы отвѣчали мнѣ свѣтскою, избитою учтивостью; вы хотѣли дать мнѣ почувствовать нескромность моего обращенія.... и, къ моему ужасу, вашъ отвѣтъ не оскорбилъ меня. Я хотѣла отвѣчать на него колкостью.... но не могла! Я поняла, что вы были правы. На другой день была минута, въ которую я забыла о вашихъ отношеніяхъ къ Луизѣ; но выраженіе вашихъ глазъ, постоянно устремлявшихся на мою подругу, возвратило мнѣ разсудокъ. Изобличивъ ваши чувства къ Луизѣ, я вызвала ваше признаніе. Я хотѣла поставить между мною и вами непреодолимую преграду и въ то же время боялась отплатить измѣною за дружбу Луизы. Я сознавала, что тихой, покорной любви Луизы недостаточно для вашего пылкаго сердца; но я надѣялась, что со временемъ ангельскій ея характеръ успокоитъ страстные ваши порывы.... Сдѣлавшись мужемъ Луизы, вы перестали бы быть для меня опаснымъ.... Я полюбила васъ какъ брата; но осторожность и недовѣріе графини разрушили все. Васъ еще ничто не связываетъ съ Луизою, а съ каждымъ

днемъ я сознаю, что между нами болѣе сочувствія, чѣмъ....

И Кьяра, не досказавъ, бросила на меня проницательный взглядъ. Я невольно положилъ руку на сердце, какъ бы желая удержать тревожное его волненіе.

Вы это видите, продолжала Кьяра, дрожащимъ голосомъ, протягивая ко мнѣ руку и садясь на постель:—вы это видите сами! за что жъ обманывать бѣдную мою Луизу?

Я вдругъ опомнился при этихъ словахъ, высвободилъ руку отъ жаркихъ пожатій, и сказалъ, почти спокойнымъ голосомъ:

— Вы очень ошибаетесь: я люблю Луизу и хочу, чтобы она принадлежала мнѣ.

Кьяра взглянула на меня съ выраженіемъ грустной укоризны, и произнесла тихо:

— Вы обманываете себя, мой другъ, и обманываете Луизу,—а это непростительно. О, лучше,—гораздо лучше нанести рану сердцу женщины, чѣмъ приковать къ себѣ ея жизнь, не отдавъ ей всего себя. Вамъ странно, можетъ быть, слышать это отъ Итальянки? Но развѣ мы виноваты, что супружество у насъ лишь жалкій союзъ? Виновны тому обычаи! Выдавая меня замужъ, спросили ли у меня: могу ли я любить предназначеннаго мнѣ въ мужья? Я увидала его въ первый разъ тогда только, когда меня повели подъ вѣнецъ. На возраженія мои мнѣ отвѣчали смѣхомъ, безстыдно увѣряя, что мнѣ же лучше, что мужъ мой и глухъ и старъ! Я плакала — на слезы мои не обращали вниманія. Я хотѣла противиться— родители и родственники на меня разсердились. Въ сем-

надцать лѣтъ впечатлѣнія мимолетны: я вскорѣ утѣшилась, и предалась прежней, безпечной веселости, почувствовала, что сердце мое ожидаетъ пробужденія.... И сердце мое проснулось; но я хотѣла задушить его голосъ: я хотѣла, чтобы вы женились на Луизѣ. Я избѣгала васъ и между тѣмъ слѣдила за каждымъ движеніемъ вашей души. Я помню этотъ вечеръ въ Кастелламаре, когда вы, увлеченные, слѣдили за безуминою пляскою моихъ соотечественниковъ, и искали сочувствія.... О, если бы вы знали, что́ дѣлалось въ ту минуту со мною!

Кьяра прижала мою руку къ своей высоко вздымавшейся груди. По блѣднымъ щекамъ ея катились слезы; черные глаза ея то блистали, то подергивались туманомъ.... Я хотѣлъ преодолѣть волненіе, но не могъ! Я старался избѣгать взглядовъ Кьяры, но не спускалъ глазъ съ нея! Кьяра сознавала свое владычество, Кьяра сквозь слезы страстно улыбалась.

— Вчера, сказала она наконецъ, послѣ томительнаго, страшнаго молчанія, нагибаясь ко мнѣ все болѣе и болѣе, и проникая все мое существо жгучею, магнитическою струею:—вчера.... скажи.... для кого, какъ не для меня вырвался, изъ груди твоей этотъ душевный вопль? Онъ проникъ въ самую глубину моего сердца....

Я начиналъ терять сознаніе окружающихъ меня предметовъ; голова моя кружилась; я едва удерживался, чтобы не вскрикнуть отъ болѣзненнаго, но упоительнаго біенія сердца.... Вдругъ глаза мои остановились на знакомой мнѣ шали, лежавшей на стулѣ близъ постели. Я вздрогнулъ. Описать и разсказать перемѣну, совершившуюся во мнѣ съ быстротою молніи, я не въ состояніи.

Я почувствовалъ, что неодушевленный предметъ, представившійся какъ живой укоръ моимъ взорамъ, былъ моимъ спасителемъ. Съ сверхъ-естественнымъ усиліемъ приподнялся я, и, какъ безумный, выбѣжалъ изъ комнаты.

Кьяра вскрикнула и въ изнеможеніи упала на подушку...

XI.

Не помню, какъ я добрался до дому. Сердце мое билось тревожно; мнѣ казалось, что всѣ встрѣчающіеся мнѣ люди могли ясно прочесть на лицѣ моемъ волненіе моей души. Я съ ужасомъ сознавалъ, что въ мысляхъ моихъ, въ возрѣніи моемъ на предметы совершилась внезапная перемѣна. Тщетно старался я вызвать на помощь образъ Луизы—пламенное воспоминаніе Кьяры застилало и помрачало его! Я чувствовалъ, что все мое существо проникается новою жизнію. Съ удивленіемъ смотрѣлъ я на окружающіе меня предметы, и не узнавалъ ихъ. Солнце казалось мнѣ ярче, воздухъ—удушливѣе, морскія испаренія—проницательнѣе.

Я боролся съ чувствомъ, овладѣвавшимъ мною болѣе и болѣе; на минуту блеснула у меня въ головѣ мысль—прибѣгнуть къ спасительному вліянію Луизы, искать успокоенія въ ея созерцаніи. Но я почиталъ себя недостойнымъ предстать предъ нее.

Возвратясь домой и скрывая свое смущеніе, я прошелъ прямо въ свою комнату, для того, чтобы избѣгнуть про-

ницательнаго взгляда Александра и неминуемыхъ его разспросовъ. Но Александръ, узнавъ о моемъ возвращеніи, пришелъ ко мнѣ, и, къ крайнему моему удивленію, вмѣсто распросовъ и шутокъ надо мною, пожалъ мнѣ съ участіемъ руку, и сказалъ весьма серьёзно:

— Не унывай, другъ мой! Состояніе твоей души — натуральное послѣдствіе молодости и впечатлительности. Конечно, французская пословица, что «шутить огнемъ не слѣдуетъ,» справедлива; но отъ перваго обжога до совершеннаго сгорѣнія еще далеко. Я предвидѣлъ все, что теперь происходитъ съ тобою, и сегодня увѣрился, по выраженію твоего лица, что предвѣщанія мои, къ сожалѣнію, сбылись. Которое изъ двухъ чувствъ, завладѣвшихъ твоимъ сердцемъ, сильнѣе — я не знаю, да и ты самъ еще этого въ настоящую минуту не знаешь. Послушайся моего совѣта: не вступай въ борьбу *лицомъ къ лицу* съ двумя столь противоположными чувствами; принуждать сердце никогда не слѣдуетъ. Уѣхать тебѣ теперь изъ Неаполя было бы малодушно; но я совѣтую придумать какой нибудь способъ, чтобы не видаться нѣкоторое время ни съ Лукезою, ни съ Кьярою. Повѣрь, это — единственное средство для приведенія мыслей и чувствъ твоихъ въ надлежащій порядокъ; ты увидишь, что, послѣ нѣсколькихъ дней уединенія, въ воображеніи твоемъ останется одинъ только изъ очаровательныхъ образовъ, завладѣвшихъ тобою. Послушайся моего совѣта: скажись больнымъ, да и пиши себѣ свою оперу, сколько душѣ угодно.

Александръ былъ правъ. Я былъ такъ взволнованъ, что не могъ принять ни какого твердаго, благоразумнаго рѣшенія. Если бъ я, дѣйствительно, разлюбилъ Лукезу,

у ногъ ея выплакалъ бы себѣ прощеніе, но высказалъ бы ей всю правду. Грустно обмануться въ своихъ чувствахъ, непохвально возмущать спокойствіе дѣвушки; не увѣрять ее въ любви, когда ее не любишь — преступленіе. Я допрашивалъ свое сердце, вызывалъ его сознаніе: я былъ убѣжденъ, что люблю Лизу! Всѣ мои душевные помыслы, казалось, принадлежали ей одной; я сознавалъ, что отъ нея только зависитъ счастіе моей жизни, что въ ней я пріобрѣту кроткую подругу, которая доставитъ мнѣ полное душевное спокойствіе. Но при этой мысли я вновь колебался. Я болѣзненно чувствовалъ, что душа моя отвергаетъ *спокойствіе*, что непреодолимое стремленіе влечетъ меня къ Кьярѣ — и жаждалъ волненій и бурь, — и вновь томительная нерѣшимость овладѣвала мною.

«Дѣйствительно — думалъ я — Александръ говоритъ правду: мнѣ должно избѣгать нѣкоторое время и Кьяры и Лизы; одно лишь уединеніе можетъ успокоить мои мысли, и возвратитъ мнѣ разсудокъ.»

Александръ взялся увѣдомить Лизу, что я не такъ здоровъ и не могу выѣзжать изъ дому, говоря, что писать къ ней мнѣ не слѣдуетъ въ эту минуту.

— Женщина, прибавилъ онъ: — имѣетъ даръ угадывать изъ нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ человѣкомъ, котораго она любитъ, сокровеннѣйшіе помыслы его души.

Я согласился на предложеніе Александра, и предоставилъ ему дѣйствовать по его произволу, чувствуя, что я не въ состояніи преодолѣть упадокъ нравственныхъ силъ, притупившій всѣ мои способности, въ слѣдствіе волненія и нерѣшимости.

Я самъ этому удивлялся и, оставшись одинъ, долго обдумывалъ слова барона, и испытывалъ сокровеннѣйшія чувства моего сердца.

О Кьярѣ я не имѣлъ ни какихъ извѣстій, и—странно!—это меня болѣе безпокоило, чѣмъ огорчало. Я опасался, что, оскорбленная моимъ равнодушіемъ, она выскажетъ свое негодованіе. Я боялся за Луизу и страшился чего-то неожиданнаго. На четвертый день добровольнаго моего заключенія, Александрь, имѣвшій, по видимому, даръ угадывать мои мысли, сказалъ мнѣ неожиданно:

— Вчера я видѣлъ Кьяру.

Я вздрогнулъ при этомъ имени.

— Тебѣ извѣстно, продолжалъ Александръ: — что я почти незнакомъ съ нею,—вообрази же мое удивленіе и представь себѣ мою фигуру въ ту минуту, какъ *сіятельная* Итальянка остановила меня посреди Толедской улицы. Княгиня ѣхала въ колясскѣ, а я шелъ пѣшкомъ; завидѣвъ меня, она велѣла кучеру остановиться и начала меня манить движеніемъ руки. Я подумалъ было, что она разкланивается съ кѣмъ нибудь по итальянскому обычаю, и хотѣлъ продолжать свой путь; но, по выраженію ея лица, догадался, что жесты ея относятся къ моей особѣ. Нечего дѣлать! должно было подойти. «Надѣюсь, сказала она, безъ дальнѣйшаго предисловія—что другъ вашъ не имѣетъ намѣренія вскорѣ оставить Неаполь? Это было бы *безчестно*! (Каково? что ты на это скажешь?) Объявите ему это отъ моего имени», прибавила княгиня, потомъ сверкнула глазами, махнула кучеру рукой—и была такова!... Дѣло въ томъ, что слова ея

(правду сказать, нѣсколько крутыя) относятся, кажется, до твоихъ обязанностей къ Луизѣ; иначе они не имѣли бы никакого логическаго смысла, и это даетъ мнѣ поводъ предполагать, что Кьяра, вѣроятно, образумилась, и теперь желаетъ соединить тебя съ своею пріятельницею.

Я не раздѣлялъ этого убѣжденія; но признаюсь, меня нѣсколько успокоила мысль, что Александръ видѣлъ Кьяру, и видѣлъ ее на гуляньѣ; слѣдовательно, опасенія мои отчасти были напрасны. Кьяра, по моему мнѣнію, не могла замышлять ничего опаснаго, если она показывалась на гуляньѣ.

Мало по малу я совершенно пришелъ въ себя и приступилъ съ новымъ прилежаніемъ къ окончанію начатой мною оперы. Раймонди поощрялъ меня, утверждая, что искусство излечиваетъ сердечныя раны, какъ бы глубоки онѣ не были. Въ двѣ недѣли я окончилъ оперу, и, дѣйствительно, душа моя была такъ переполнена музыкальными мыслями, что чувства, волновавшія меня еще недавно, казались мнѣ давно минувшимъ сновидѣніемъ. Во время художническихъ занятій человѣкъ находится въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, и становится недоступнымъ для посторонннихъ впечатлѣній. Но когда я кончилъ оперу, воображенію моему снова предсталъ очаровательный образъ Луизы. Я обрадовался этому несказанно и привѣтствовалъ воскресшее воспоминаніе о Луизѣ, какъ счастливое предзнаменованіе: любовь и суевѣріе часто бываютъ неразлучны. Ни сколько не колеблясь, я тотчасъ же рѣшился прекратить добровольное свое заключеніе, и съ сильнымъ, но сладостнымъ біеніемъ сердца отправился къ Луизѣ.

На подъѣздѣ дома графини я встрѣтилъ барона. Старикъ радостно бросился мнѣ на шею, и поспѣшно повелъ меня по лѣстницѣ. Гостиная была пуста. Баронъ приложилъ таинственно палецъ къ губамъ, давая этимъ знать, чтобъ я молчалъ, а самъ потихоньку подошелъ къ дверямъ слѣдующей комнаты, и отворилъ ихъ осторожно. Вотъ какая картина представилась мнѣ.

На старинныхъ креслахъ съ высокою спинкою сидѣла старушка-графиня. На щекахъ ея были замѣтны слезы, но она въ то же время улыбалась. На столѣ передъ графинею лежали открытое евангеліе и распечатанныя письма. Луиза стояла передъ матерью на колѣняхъ; мнѣ не видать было ея лица, но по движенію ея плечь я замѣтилъ, что и она плакала, припавъ головою къ колѣнямъ старушки.

Баронъ указалъ мнѣ на эту группу, улыбаясь погрозилъ мнѣ пальцемъ, и вдругъ вошелъ въ комнату. Графиня не прерывала своего чтенія, и Луиза не трогалась съ мѣста.

— Ну теперь, другъ мой, сказалъ громко баронъ, обращаясь къ старушкѣ: — позвольте мнѣ представить вамъ *жениха* вашей дочери.

И съ этими словами баронъ указалъ на меня, Луиза вскрикнула и быстро вскочила. Старушка благословила меня, прижала къ груди и, указавъ на письмо, полученное ею изъ Россіи, объяснила все дѣло. Я слушалъ графиню, и съ восторгомъ смотрѣлъ на взволнованную Луизу, которую баронъ старался успокоить.

По окончаніи объясненій, добрый старикъ обратился къ графинѣ.

— Да подумайте, сказалъ онъ весело:—на что́ жъ это похоже! Такъ ли дѣлается помолвка? Прикажите жъ женишу и невѣстѣ поцѣловаться: это дѣло законное.

Графиня улыбнулась сквозь слезы и, взявъ Луизу за руку приблизила ее ко мнѣ. Зная застѣнчивость Луизы, я думалъ, что она будетъ сопротивляться исполненію приговора старика-барона; но она посмотрѣла на меня пристально, съ невыразимою нѣжностью и вдругъ—бросилась ко мнѣ на шею!

Все описанное произошло такъ быстро, такъ внезапно, что я не успѣлъ опомниться и, прижимая къ груди Луизу, не зналъ, во снѣ ли это происходитъ или на яву.

Невозможно передать всѣхъ моихъ ощущеній въ теченіе этого блаженнаго утра. Обращеніе со мною Луизы, которое до того времени было почти холодно, совершенно перемѣнилось: всѣ движенія ея теперь были непринужденны, ласковы; она уже не избѣгала моихъ взоровъ, позволяла засматриваться на нее, и отвѣчала мнѣ нѣжными, упоительными взглядами. Графиня и добрый баронъ принимали живое участіе въ сердечныхъ нашихъ радостяхъ и съ любовью слѣдили за изліяніемъ нашихъ чувствъ. Мнѣ казалось, что въ небольшомъ нашемъ кружкѣ сосредоточился для меня весь міръ; отрадное, невыразимо-успокоительное чувство овладѣвало все болѣе и болѣе моимъ сердцемъ; я забывалъ весь свѣтъ, всѣ прежнія мои впечатлѣнія, среди чистыхъ, любящихъ помысловъ, меня окружавшихъ.

Долго говорили мы безъ связи, безъ послѣдовательности, прерывая наши рѣчи нѣжнымъ взглядомъ, пожатіемъ

руки; часто Луиза подбѣгала къ своей матери, обнимала, дѣловала ее или протягивала руку преданному барону, какъ бы желая доказать, что любящаго ея сердца достанетъ на всѣхъ насъ. Наконецъ мы поуспокоились, и занялись предположеніями о будущемъ.

Луиза исключена была изъ совѣта, и права ея переданы графинѣ. Послѣ небольшаго пренія, рѣшено было, что такъ какъ здоровье графини не дозволяетъ ей предпринять въ эту минуту дальняго путешествія, то родственники, находящіеся въ Берлинѣ, будутъ увѣдомлены письменно, и приглашены на свадьбу, которая совершится въ Неаполѣ, въ концѣ мѣсяца.

Мысли мои находились въ такомъ туманѣ, что я ни на что не возражалъ, и соглашался на все безусловно. Совѣщаніе продолжалось еще о различныхъ необходимыхъ распоряженіяхъ: вдругъ Луиза встала, высвободила свою ручку изъ моей руки и, нѣжно посмотрѣвъ на меня, весело сказала:

— Такъ какъ моего согласія не спрашиваютъ и въ моихъ совѣтахъ не нуждаются, то я воспользуюсь свободной минутой, чтобы увѣдомить Кьяру о моей помолвкѣ.

Я вскочилъ со стула и, въ замѣшательствѣ, самъ не зная, что́ дѣлаю, удержалъ Луизу за руку. Одно имя Кьяры разрушило очарованный міръ, въ которомъ я находился: я вспомнилъ все! Сердце мое вновь забилось тревожно, какой-то томительный страхъ овладѣлъ опять моею душею, а старался собраться съ мыслями, но не зналъ что́ сказать.

— Погоди, Луиза, говорилъ я безсвязно и продолжая держать ея за руку: — погоди, не пиши.... успѣешь!...

Луиза посмотрѣла на меня съ удивленіемъ, улыбнулась и возвратилась на прежнее свое мѣсто.

Когда я немного пришелъ въ себя, я содрогнулся, замѣтивъ, что графиня и баронъ смотрятъ на меня недовѣрчиво. Я почувствовалъ необходимость разсѣять ихъ сомнѣніе, и дать какой нибудь предлогъ странному моему поступку.

— Я необдуманно согласился на предложеніе вѣнчаться здѣсь, въ Неаполѣ, сказалъ я, запинаясь.—Вы знаете, продолжалъ я, обращаясь къ графинѣ и стараясь придать голосу своему самое ласковое выраженіе: — что у насъ, Русскихъ, свои обычаи, особый образъ мыслей. Я желалъ бы, чтобы насъ обвѣнчали въ... Флоренціи; тамошній священникъ—мой духовникъ; тамъ у меня много знакомыхъ соотечественниковъ и даже есть родственники, и до Флоренціи отсюда недалеко. Поѣдемте туда, продолжалъ я, цѣлуя руки старушки: — здоровье ваше отъ этого не пострадаетъ; уѣдемте завра же!...

Я замѣтилъ, однако же, что объясненіе мое ни мало не успокоило ни графини, ни барона; напротивъ, старикъ значительно нахмурилъ брови, и взглянулъ на меня почти непріязненно. Я совершенно растерялся и, сознавая, что мнѣ невозможно высказаться откровенно, проговорилъ со смущеніемъ:

— Впрочемъ, я предоставляю все на вашу волю; располагайте мною какъ угодно. — Теперь же, продолжалъ я, стараясь придать моему голосу болѣе твердости; — я, къ сожалѣнію, долженъ оставить васъ на время: мнѣ

необходимо написать роднымъ, и сдѣлать нѣкоторыя распоряженія.

Едва оставилъ я Луизу, какъ грусть и уныніе овладѣли моимъ сердцемъ. Блаженныя минуты того же утра живо представились моему воспоминанію: я вспомнилъ и чистую радость Луизы, и нѣжныя ея ласки, и довѣрчивую, материнскую любовь старушки; я чувствовалъ, что среди этого семейства ожидаютъ меня возвышенныя, душевныя наслажденія... и что́ же, Боже мой, меня смущаетъ? — страстный призракъ женщины, принадлежащей другому!

Я разсказалъ Александру все. Есть въ жизни минуты, въ которыя душа просится наружу. Я высказалъ откровенно всѣ свои впечатлѣнія, и просилъ дружескаго совѣта. Александръ выслушалъ меня съ большимъ вниманіемъ и, противъ своего обыкновенія, не тотчасъ же отвѣчалъ, а задумался, и молча долго расхаживалъ по комнатѣ.

— Затруднительныя обстоятельства, — нечего сказать! сказалъ онъ наконецъ. — Очевидно, что Луиза составила бы твое счастіе, если бъ ты не зналъ Кьяры. Невозможно не любить этой дѣвушки: она такъ мило выказываетъ всю свою любящую, непорочную душу. Конечно, благоразумнѣе всего было бы вамъ поскорѣй уѣхать отсюда на край свѣта; но это дѣлается какъ-то удачно въ романахъ, а въ дѣйствительной жизни — неудобно. Предлогъ, тобою выдуманный, возбудилъ только

сомнѣніе старушки-графини. Сказать же откровенно всю правду Луизѣ невозможно. Вліянія на тебя Кьяры отъ этого не убудетъ, а этимъ ты только помрачишь навсегда счастье бѣдной Луизы. Затруднительныя обстоятельства! право, не знаешь, что́ придумать! Самое удобное, мнѣ кажется, уѣхать въ Россію, подъ предлогомъ устройства какихъ-то дѣлъ, и потомъ, чрезъ нѣсколько времени, когда ты образумишься совершенно, вызвать графиню съ дочерью въ Вѣну или въ Берлинъ... куда хочешь, только подалѣе отъ Неаполя.

— Но этого невозможно сдѣлать, Александръ: я тебѣ уже говорилъ, что здоровье графини требуетъ южнаго климата, и, къ тому же, я боюсь разлуки, я отъ души люблю....

— Берегитесь: не ошибись именемъ, прервалъ Александръ.

— Перестань, пожалуста! я говорю серіозно. Да! я люблю Луизу всѣмъ сердцемъ....

— А думаешь о Кьярѣ, докончилъ Александръ —Повѣрь, мой другъ, что теперь мнѣ вовсе не до шутокъ. Я къ тебѣ привязанъ искренно и желалъ бы для тебя полнаго, совершеннаго счастія,—но признаюсь, что въ настоящемъ положеніи твоего сердца и твоихъ мыслей не предвижу для тебя въ супружествѣ благополучнаго исхода. Жениться въ твои лѣта и въ особенности съ твоею впечатлительностію, право, не годится. Но ты зашелъ такъ далеко, что вернуться тебѣ было бы не совсѣмъ хорошо, слѣдовательно и говорить объ этомъ нечего. Торопи свадьбу по возможности, а тамъ что́ Богъ дастъ! Во всякомъ же случаѣ избѣгай Кьяры: встрѣча съ нею

надѣлаетъ бѣдъ. Впрочемъ, я надѣюсь, что, узнавъ отъ Луизы вашу помолвку, она и сама будетъ стараться избѣгать тебя.

Вечеромъ того же дня я упросилъ Александра ѣхать со мною къ графинѣ, представилъ его Луизѣ и старался загладить неловкую мою утреннюю выходку. Баронъ, казалось, не совсѣмъ со мною примирился; но графиня, была очень ласкова, а Луиза—очаровательна. По счастью, у графини постороннихъ никого не было, и вечеръ пролетѣлъ какъ одинъ мигъ. Утромъ Александръ объявилъ мнѣ, что Луиза хотя и слишкомъ *эвтрное созданіе, но дѣвушка хоть куда!* Отзывъ этотъ въ его устахъ былъ весьма лестный.

— Но ты проораторствовалъ весь вечеръ съ барономъ про нѣмецкую философію, и вовсе не занимался Луизою.

— Философія сама по себѣ, а наблюдательность оставалась при мнѣ. Нѣжное сердце, здравый смыслъ, умѣренное воображеніе—вотъ тебѣ характеристика твоей невѣсты, и послѣднее качество всего надежнѣе для супружества. Я уже наблюдалъ за Луизою въ Мола ди-Гаэта но тамъ было дѣло особое. Чтобы узнать женщину, нужно изучать ее, когда она находится въ упоеніи любви: тутъ вся правда выйдетъ наружу; а изучить мужчину слѣдуетъ послѣ лишняго стакана вина «in vino veritas.»

— А расположеніе духа друга моего Александра, добавилъ я:—распознается по тону его рѣчи. Признайся что ты остался доволенъ моею невѣстою.

— Еще бы! отвѣчалъ Александръ, посмотрѣвъ на меня испытующимъ и нѣсколько ироническимъ взглядомъ.

XII.

Не знаю, съ намѣреніемъ ли избѣгала меня Кьяра, но я ея не встрѣчалъ со дня объявленія моей помолвки. У Луизы она бывала рано утромъ, до моего пріѣзда, а я никуда не выѣзжалъ, и проводилъ весь день въ кругу новаго моего семейства, Я начиналъ думать, что дружба превозмогла минутное увлеченіе Кьяры, и что она рѣшилась позабыть меня. Постоянное мое пребываніе въ домѣ будущей моей тещи, нѣжное обращеніе съ Луизою вскорѣ обезоружили барона. Онъ пересталъ недовѣрчиво наблюдать за мною, и вновь обходился дружески и непринужденно. Не прошло недѣли, какъ я и самъ почти позабылъ о своихъ опасеніяхъ, и предался вполнѣ блаженству любить и быть любимымъ Луизою. Тихіе, безоблачные дни пролетали незамѣтно, и я съ каждымъ днемъ убѣждался, что сердечная жизнь наполняетъ душу болѣе житейскихъ треволненій: я также съ радостію замѣчалъ что у Луизы вовсе не такое умѣренное воображеніе, какъ полагалъ Александръ. Она принимала живое участіе въ художественныхъ моихъ занятіяхъ, и по цѣлымъ часамъ разговаривала со мною о музыкѣ, толковала о моей оперѣ, и часто изобличала дѣльное и поэтическое воззрѣніе на искусство.

Обстоятельство это для многихъ покажется ничтожнымъ, но для артиста оно очень важно. Сочувствіе къ нашимъ занятіямъ женщины, которую любимъ, служитъ новымъ звеномъ сердечнаго союза.

Наконецъ насталъ желанный часъ, или, вѣрнѣе сказать, настали минуты испытанія, потому что для художника минута, въ которую онъ разоблачаетъ предъ лицемъ публики твореніе, задуманное имъ съ любовью и доставлявшее ему долгіе часы сладостнаго уединенія, — минута тяжелаго испытанія.

Я сидѣлъ за кулисами небольшаго театра (устроеннаго наскоро попеченіемъ Луизы) и, признаюсь откровенно, такъ былъ занятъ музыкою, что почти не слыхалъ рукоплесканій и одобрительнаго говора слишкомъ, можетъ быть, снисходительной публики.

Мнѣ даже не приходило въ голову посмотрѣть или узнать, кто въ залѣ; я зналъ только, что въ числѣ приглашенныхъ должны были находиться Пачини, Клементи и нѣкоторые знаменитые пѣвцы и пѣвицы, не участвовавшіе въ представленіи моей оперы.

По окончаніи перваго акта, Раймонди (управлявшій оркестромъ), баронъ и нѣкоторые знакомые пришли за мною и вывели меня почти насильно въ залу—по требованію публики, говорили они. Итальянцы шумятъ мастера, и когда я вошелъ въ залу, раздались такіе оглушительные крики и рукоплесканія, что я не зналъ куда дѣваться.

Насилу пробрался я сквозь окружавшую меня толпу, и то только по милости барона, который съ тріумфомъ желалъ меня подвести къ нетерпѣливо ожидавшей меня Луизѣ. Я самъ рвался къ ней: мнѣ хотѣлось поскорѣй поздравить ее *съ ея же успѣхомъ*.

Наконецъ баронъ растолкалъ послѣдніе ряды окружавшихъ меня мужчинъ, и я сталъ нетерпѣливымъ взоромъ

отыскивать Луизу въ группѣ разговаривающихъ дамъ, но вдругъ остановился и остолбенѣлъ: подлѣ Луизы, рука объ руку съ нею, какъ въ былые дни, стояла блѣдная, похудѣвшая, но тѣмъ не менѣе чудно-прекрасная Кьяра. Блестящіе глаза ея устремлены были на меня; горькою, грустною улыбкою привѣтствовала она мое появленіе.

Выразительный взоръ Кьяры мгновенно разрушилъ очарованіе, отдѣлявшее меня отъ дѣйствительнаго міра; горячія воспоминанія взволновали мою кровь; непреодолимое стремленіе влекло меня къ восхитительной женщинѣ; по мѣрѣ, какъ я подходилъ ближе, взглядъ ея смягчался и, казалось, манилъ меня къ себѣ. Къ счастію голосъ Луизы возвратилъ мнѣ разсудокъ; ея образъ заслонилъ мнѣ Кьяру, и я вздохнулъ свободнѣе. Луиза нѣжно взяла меня за руку и съ чувствомъ говорила о *нашемъ* торжествѣ, о *нашихъ* трогательныхъ мелодіяхъ. Невыразимо мило сливала она, такъ сказать, свое существо съ моимъ; каждое слово ея вырывалось изъ сердца и ублажало, успокоивало мою душу. Я совершенно опомнился,— «и —Боже мой!—подумалъ я—возможно ли промѣнять блаженство, предлагаемое мнѣ Луизою, на бурныя наслажденія которыя сулитъ мнѣ страстный взоръ Кьяры!»

Луиза потребовала, чтобы я остался на второй актъ подлѣ нея, увѣряя, что теперь она уже не опасается за участь *нашей* музыки, и желаетъ наслаждаться ею вмѣстѣ со мною. Отказать ей въ этомъ я не имѣлъ духу и согласился. Луиза сама подвела меня къ Кьярѣ; я поклонился княгинѣ довольно холодно, и, послѣ нѣсколькихъ фразъ, въ которыхъ Кьяра не сказала мнѣ ни слова о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на нее моею музыкою, я

сѣлъ за стуломъ Луизы и продолжалъ разговоръ съ нею въ пол-голоса.

Второй актъ начался теноровою аріею, которую Раймонди совѣтовалъ мнѣ приберечь для другой, менѣе элегической оперы. Ивановъ спѣлъ ее съ удивительнымъ выраженіемъ, и успѣхъ ея превзошелъ мои ожиданія; но—Боже мой! — какъ описать, что я почувствовалъ, когда Кьяра вдругъ залилась слезами и, повернувъ ко мнѣ голову, посмотрѣла на меня умоляющимъ и съ тѣмъ вмѣстѣ исполненнымъ укоризны взоромъ! «Неужели — подумалъ я—сердце ея чувствуетъ, что звуки эти вылились изъ моей души подъ впечатлѣніемъ жгучаго ея взгляда?» Я содрогался при мысли, что Луиза пойметъ волненіе своей подруги. Я хотѣлъ успокоить Кьяру взглядомъ или словомъ, и боялся выраженія своихъ глазъ, боялся собственнаго своего голоса. Чувствуя себя не въ силахъ говорить съ волновавшими меня чувствами, я воспользовался шумными рукоплесканіями, криками и вызовами «Иванова!» и убѣжалъ за кулисы.

Я надѣялся, что Луиза, увлеченная впечатлѣніемъ музыки, не замѣтила происшедшаго, и приписала быстрое мое удаленіе желанію поблагодарить Иванова. Признаюсь, что я почти забылъ о своей музыкѣ, и меня преслѣдовала одна только мысль—страхъ, чтобы ѣдкое сомнѣніе, закравшись въ сердце моей Луизы, не помрачило ея счастія. Я ждалъ съ нетерпѣніемъ окончанія оперы, и возвратясь въ залу, замѣтилъ, къ моему успокоенію, что Кьяры уже тутъ не было, и что глаза Луизы сіяли прежнею свѣтлою радостію.

На другой день, рано утромъ, Аѳанасьичъ подалъ мнѣ запечатанную записку; на вопросъ: отъ кого? старикъ отвѣчалъ, что онъ не могъ добиться никакого толку отъ посланнаго, довольствовавшагося неоднократнымъ повтореніемъ, что записку слѣдуетъ вручить «Signor russo Alexis!»

Я предчувствовалъ, что записка отъ Кьяры, и не безъ трепета прочиталъ слѣдующія строки:

«Человѣкъ, къ которому судьба меня приковала, опасно боленъ, и мнѣ невозможно оставить Неаполь. Заклинаю васъ, уѣзжайте отсюда съ *вашею Луизою*. Новая неожиданная встрѣча лишитъ меня послѣднихъ силъ, и тогда будетъ поздно! Я страдаю невыразимо и проклинаю васъ и *ее*....»

Послѣднее, подчеркнутое слово относилось очевидно къ Луизѣ. Женская дружба, превратившаяся въ ненависть, страшна своими послѣдствіями; мщеніе женщины тѣмъ ужаснѣе, что невозможно предвидѣть, когда и какъ нанесенъ будетъ первый ударъ. Опасаясь за Луизу, я рѣшился возобновить предложеніе отправиться во Флоренцію, и, къ сожалѣнію, узналъ, что біеніе сердца (хроническая болѣзнь графини) усилилось, и что графиня принуждена даже лежать въ постели. Луиза, сообщая мнѣ это извѣстіе, прибавила, что, благодаря Бога, въ настоящую минуту нѣтъ ни какой опасности, но что матери ея необходимы совершенное спокойствіе и жаркое южное солнце.

Послѣ этихъ словъ невозможно было и думать объ отъѣздѣ; впрочемъ, присутствіе Луизы имѣло даръ успокоивать меня, и я, смотря на нее и слушая симпатиче-

скій ея голосъ, не допускалъ мысли, чтобы кто либо могъ отважиться нанести вредъ этому милому и чистому созданію.

Долго Луиза описывала мнѣ впечатлѣнія, произведенныя на нее моею музыкою, и разбирала каждый нумеръ съ замѣчательною вѣрностью.

— Скажи, пожалуста, спросила она, вдругъ прерывая начатое разсужденіе: — что́ у васъ такое вышло съ Кьярою?

Я смутился.

— За что́ вы поссорились? Я уговаривала Кьяру подождать пока ты вернешься въ залу, чтобы поздравить тебя съ успѣхомъ; но она отвѣчала мнѣ довольно сухо, что ты не нуждаешься въ ея похвалахъ, а что у нея голова болитъ, и тотчасъ же уѣхала. Это меня удивило еще болѣе потому, что она была очень растрогана твоею музыкою. Бѣдная Кьяра! она такъ чувствительна! — Знаешь! мнѣ иногда приходитъ въ голову, продолжала Луиза, ласкаясь ко мнѣ:—что Кьяра также тебя любитъ, разумѣется, не такъ, какъ я тебя люблю, но все же болѣе, чѣмъ слѣдовало бы для ея спокойствія. Конечно, мужъ Кьяры вовсе не замѣчательный человѣкъ; но что́ же дѣлать! Объ этомъ должно было подумать прежде, а теперь, каковъ бы онъ онъ ни былъ, онъ все-таки мужъ ея, и ей нельзя располагать своимъ сердцемъ. Говорю съ тобою откровенно: зная твою душу, я увѣрена, что ни малѣйшее уклоненіе отъ правоты недоступно твоему сердцу. Если догадки мои справедливы, пожалѣемъ вмѣстѣ о бѣдной Кьярѣ, и будемъ надѣяться, что она не на-

рушитъ нашего счастія, и не дастъ тебѣ замѣтить влеченія своего сердца.

Странно! откровенность Луизы подѣйствовала на меня непріятно. Слова ея показались мнѣ бездушными; я обвинялъ ее въ себялюбіи, въ равнодушіи къ страданіямъ подруги; въ первый разъ,—съ тѣхъ поръ, какъ я полюбилъ Луизу,—въ первый разъ я не сочувствовалъ ея мыслямъ, и, желая скрыть свое неудовольствіе, сказалъ почти холодно:

— Въ такомъ случаѣ, не лучше ли намъ уѣхать изъ Неаполя?

Вѣроятно, Луиза замѣтила, или, вѣрнѣе сказать, почувствовала мое неудовольствіе, потому что потупила глаза и отвѣчала грустнымъ голосомъ:

— Ты забываешь, Alexis, что матушка пріѣхала сюда по совѣту медиковъ, и что здоровье ея еще не поправилось. Не ей, а мнѣ надо жертвовать своимъ спокойствіемъ! Впрочемъ, ты не понялъ меня, мой другъ, прибавила она:—я не за насъ опасаюсь, а мнѣ жаль Кьяры. Но я надѣюсь, что предположенія мои несправедливы.... Богъ милостивъ!

И Луиза улыбнулась.

Въ послѣдствіи, обдумавъ причины моего неудовольствія, я почувствовалъ, что былъ не правъ. Луиза не изъ ревности говорила мнѣ о чувствахъ Кьяры: о, нѣтъ! она имѣла ко мнѣ безпредѣльное довѣріе, и не хотѣла скрывать отъ меня ни одной мысли. Не изъ эгоизма или равнодушія къ подругѣ выразила она надежду, что Кьяра не нарушитъ нашего счастія, скрывая отъ меня свои чувства: Луиза была убѣждена, что женщинѣ дозволено от-

крывать свое сердце передъ тѣмъ только, кому она можетъ принадлежать навѣки; сердечное счастіе, по ея мнѣнію, доставалось немногимъ женщинамъ. Получивъ его въ удѣлъ—говорила она—мы должны дорожить имъ выше всего въ мірѣ, или молча страдать. Слѣдовательно, Луиза сочувствовала своей подругѣ, но всѣми силами охраняла сердечное счастіе, доставшееся на ея долю. Она судила о Кьярѣ по себѣ.

И мнѣ слѣдовало бы излить все свое сердце Луизѣ, отплатить ей за довѣріе полною откровенностью; но могъ ли я рѣшиться возмутить невинную ея душу, какъ могъ объяснить ей чувства, недоступныя, вѣроятно, непорочному ея сердцу? Къ тому же, я не хотѣлъ огорчить ея, показавъ ей Кьяру въ истинномъ свѣтѣ: я не хотѣлъ, чтобъ она имѣла о ней дурное мнѣніе. Не такъ слѣдовало бы мнѣ поступить для будущаго нашего счастія, — теперь я это чувствую и понимаю; но тогда недоставало у меня на это твердости духа.

Жаркое апрѣльское солнце благодѣтельно подѣйствовало на здоровье графини: она видимо оправлялась и, къ величайшему удовольствію Луизы, докторъ позволилъ графинѣ прогуливаться въ колескѣ.

Въ зимніе и осенніе мѣсяцы вся жизнь въ Неаполѣ сосредоточивается на улицѣ, а въ апрѣлѣ всѣ начинаютъ скрываться въ домахъ. Днемъ улицы пусты; рѣдкіе прохожіе, вынужденные необходимостію, прокрадываются подъ тѣнью высокихъ домовъ.

Мостовая изъ лавы пышитъ жаромъ, какъ раскаленные уголья. Въ домахъ всѣ окна открыты настежь и завѣшены зелеными жалузи, сквозь которыя проникаютъ

воздухъ и иногда съ нетерпѣніемъ ожидаемый легкій вѣтерокъ; но солнечные лучи не имѣютъ доступа въ комнаты: въ нихъ царствуетъ во весь день таинственный полу-свѣтъ и по бо́льшей части совершенная тишина. Странно, но, кажется, Неаполитанцы болѣе боятся жару, чѣмъ холоду. Я не говорю о простонародьѣ, но высшіе классы боятся пошевельнуться днемъ, и приходятъ въ движеніе только съ закатомъ солнца. Впрочемъ, въ апрѣлѣ бо́льшая часть зажиточныхъ жителей перебирается въ окрестности Неаполя. Графиня также сбиралась переѣхать въ Кастелламаре; но прежде ей слѣдовало совершенно оправиться, и мы, въ ожиданіи этого, довольствовались вечерними прогулками вдоль Марселаны и по высокому берегу Strada nuova.

Однажды мы выѣхали въ колескѣ втроемъ. Я сидѣлъ противъ Луизы и, нагнувшись къ ней, говорилъ все, что́ мнѣ приходило въ голову, или скорѣй, на сердце. Вечеръ былъ чудный. Графиня слушала насъ улыбаясь и, кажется, болѣе наслаждалась нашимъ счастіемъ, чѣмъ дивными красотами заходящаго солнца. Мы ѣхали тихо, я—забывая весь міръ, а графиня—не помышляла о томъ, куда насъ везутъ. Между тѣмъ кучеръ ѣхалъ все прямо и довезъ насъ до грота Позилипа; тогда только я вспомнилъ, что для здоровья графини вовсе неудобно будетъ, если мы въѣдемъ въ этотъ сырой, темный гротъ, и я велѣлъ кучеру повернуть назадъ и вновь выѣхать на берегъ моря. Пользуясь тѣнью скалъ Позилипа, я улучилъ удобную минуту и нѣжно поцѣловалъ ручку Луизы, но въ то же время, при поворотѣ колески, увидѣлъ всадниковъ, скачущихъ за нами. Поднявъ голову, я встрѣтилъ

грозный взоръ Кьяры, и въ то же мгновеніе лошадь ея, раздраженная сильнымъ ударомъ хлыста, помчалась съ быстротою стрѣлы и въ одинъ мигъ увлекла ее въ гротъ. Я вскрикнулъ и, самъ не зная, что́ дѣлаю, выскочилъ изъ коляски и побѣжалъ за Кьярою. Чтобы понять мой ужасъ, нужно знать, что этотъ едва освѣщенный гротъ вѣчно наполненъ тяжелыми возами, экипажами, толпою пѣшеходовъ, и что столкновенія экипажей тамъ случаются часто даже и при тихой ѣздѣ. Какъ же могла совладать Кьяра съ бѣшеною лошадью, которая несла ее закусивъ удила?

Я бѣжалъ такъ быстро, что опередилъ Антоніо, сопровождавшаго свою кузину верхомъ. Темнота мѣшала мнѣ различать предметы на недальнемъ даже разстояніи; но я слышалъ шумъ, крикъ, восклицанія,—и сердце мое билось, чуя несчастіе. Дѣйствительно, на половинѣ пути, лошадь Кьяры столкнулась лбомъ съ ломовою лошадью и убилась на мѣстѣ. Кьяра, выброшенная изъ сѣдла силою удара, лежала безъ чувствъ. Лаццарони бранились, кричали и не подавали ей ни какой помощи. Съ трудомъ растолкалъ я толпу и, съ помощью подоспѣвшаго Антонія, поднесъ Кьяру къ ближайшему фонарю. Я со страхомъ всматривался въ ея лицо, пугался ея блѣдности, боялся увидѣть на немъ страшные признаки смерти; но, къ удивленію моему, Кьяра вскорѣ раскрыла глаза и тотчасъ меня узнала. Невыразимая радость вдругъ озарила ея черты; она быстро приподнялась и, прежде, чѣмъ я успѣлъ стать на ноги, обвила мою шею руками.

— Я предупреждала тебя, сказала она, задыхающимися голосомъ:— я избѣгала твоей встрѣчи, но теперь ты принадлежишь мнѣ!...

И Кьяра страстно прижала меня къ груди. Я безсознательно отвѣчалъ на страстныя ея ласки. Мысль, что она могла лишиться жизни, приводила меня въ трепетъ, и увѣренность, что она невредима, что сердце ея горячо бьется, наполняла душу мою несказанною радостію. Долго не могъ я прійти въ себя, долго смотрѣлъ на нее молча, потомъ опомнился и подумалъ о средствахъ выбраться изъ этого сыраго грота. Озираясь кругомъ, я увидалъ Антоніо, слѣдившаго за каждымъ моимъ движеніемъ съ злобною улыбкою. Въ волненіи я забылъ о немъ и обрадовался его присутствію, потому что Кьяры нельзя было оставить одной, посреди толпы, наполнившей гротъ. Я хотѣлъ бѣжать за какимъ нибудь экипажемъ, полагая, что у Кьяры недостанетъ силъ пройти пѣшкомъ значительное разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ выхода; но она предупредила меня и, взглянувъ повелительно на Антоніо, сказала:

— Поѣзжайте домой и пришлите карету. Меня найдутъ у противоположнаго выхода: отсюда до него ближе; я же не могу оставаться въ этой душной и сырой атмосферѣ... Alexis выведетъ меня отсюда.

Глаза Антонія сверкнули, приняв еще болѣе злобное, ядовитое выраженіе; но, къ крайнему моему удивленію, онъ не возражалъ и безпрекословно повиновался. Я хотѣлъ противиться удаленію Антонія; но сила воли покинула меня. Я предавался непреодолимому увлеченію, и послѣдовалъ за Кьярою, слушая безсвязный, но нѣжный, сладостный ея говоръ.

Когда мы вышли изъ грота, синее небо искрилось миріадами звѣздъ; теплый, ароматическій воздухъ смѣнилъ

удушливую, сырую атмосферу. Мы взошли на небольшое возвышеніе и, въ ожиданіи экипажа, расположились подъ высокими тополями.

Кьяра, какъ бы боясь, что я ее вновь покину, держала меня за руку, и упоительно высказывала мнѣ страданія, испытанныя ею со дня нашей разлуки. Не разъ пытался я прервать сладостныя рѣчи, но слова замирали на устахъ моихъ; у меня недоставало силъ разрушить ея мечты, хотя я чувствовалъ, что молчаніе мое преступно. Каждое слово, произносимое Кьярою, составляло новое звено соединенія между нами.

Волненіе мое увеличивалось болѣе и болѣе; еще минута — и новыя, преступныя клятвы вылились бы изъ моего сердца... Возвращеніе Антонія спасло меня. Услыхавъ шумъ экипажа, я образумился.

Антоніо (вѣроятно, съ намѣреніемъ) пріѣхалъ въ колискѣ и, услыхавъ голосъ Кьяры, остановилъ экипажъ и тотчасъ же подошелъ къ намъ. Мы сѣли всѣ трое въ коляску. Кьяра молчала, но все держала меня за руку. Ей хотѣлось миновать Кьяю; но другой дороги не было. Мы проѣхали мимо дома, въ которомъ жила Луиза.

На поворотѣ въ Толедскую улицу тяжелое чувство до того овладѣло мною, что, не взирая на нѣжное сопротивленіе Кьяры, я остановилъ коляску и вышелъ у подъѣзда гостиницы »Викторія».

XIII.

Какъ сонъ— увы! — какъ чудный сонъ представились моему воображенію всѣ происшествія вчерашняго вечера.

Мысли мои были такъ неясны, я находился въ такой нерѣшимости, что, нуждаясь въ помощи, въ совѣтѣ, я не скрылъ ничего отъ Александра.

Къ удивленію моему, Александръ вышелъ изъ обычной своей апатіи и принялъ къ сердцу случившееся со мною.

— Ну, поздравляю, сказалъ онъ, съ нетерпѣніемъ:— пошла писать! Да какъ же это тебѣ, братъ, не стыдно! а я было такъ полюбилъ Луизу, такое принималъ въ ней участіе! Бѣдная дѣвушка! что́ же ты будешь дѣлать теперь, скажи на милость?

— Полно же, Александръ! что́ жъ ты меня спрашиваешь? подай лучше добрый совѣтъ. Развѣ я искалъ встрѣчи съ Кьярою? Чѣмъ виноватъ я, что она меня любитъ? Виноватъ ли я, что она такъ чудно прекрасна! прибавилъ я, вспыхнувъ невольно.

— Конечно, виноватъ, отвѣчалъ Александръ. — И что́ объ этомъ говоритъ! Главное, теперь надо на что́ нибудь рѣшиться. Ты любишь двухъ разомъ. Положимъ, что это дѣло возможное, но въ томъ и бѣда, что согласовать этого невозможно! Одною или другою слѣдуетъ пожертвовать. Нельзя же предполагать, чтобы Луиза согласилась... да что́ я вздоръ говорю! съ тобой, право, съ ума сойдешь!

И Александръ въ волненіи сталъ расхаживать по комнатѣ.

— Другаго способа я не придумаю, сказалъ онъ наконецъ.—Уѣдемъ сейчасъ же, да и только!

— Но что́ подумаетъ обо мнѣ Луиза? возразилъ я въ раздумьѣ.

— Ну, чортъ тебя возьми! воскликнулъ Александръ, потерявъ терпѣніе: — *моя* Луиза, *моя* Кьяра—разбирай тутъ какъ знаешь! Нѣтъ, братъ, Алексѣй, молодо—зелено. Всякое бываетъ на свѣтѣ, конечно; но не выбирать бы тебѣ такихъ женщинъ для психологическихъ твоихъ опытовъ! Дѣлай что хочешь — я тебѣ не указчикъ; но, пожалуста, не спрашивай болѣе у меня совѣтовъ. Я такъ вотъ отыскиваю себѣ помаленьку «donna bianca»: оно и занимательно и не *волновательно*. Хоть не складно, да ладно.

Я ушелъ къ себѣ въ комнату, и долго обсуживалъ странное состояніе моей души. Духовное и чувственное начало, молодость и благоразуміе боролись во мнѣ и сокрушали мои силы.

Долгія мои размышленія привели меня къ заключенію, что я долженъ высказать Луизѣ все, и получить свой приговоръ отъ нея самой.

Я вошелъ къ ней съ твердымъ намѣреніемъ исполнить мое предположеніе, разсуждая, что благороднѣе будетъ съ моей стороны нанести ей жестокій ударъ съ-разу, чѣмъ томить ее сомнѣніемъ. Я засталъ въ гостиной Лизу одну и ожидалъ упрековъ или слезъ, но къ удивленію моему, на лицѣ ея, кромѣ легкой блѣдности, не замѣтилъ ни малѣйшаго признака неудовольствія.

Луиза сдѣлала нѣсколько шаговъ ко мнѣ на встрѣчу, ласково протянула мнѣ руку и сказала почти невзволнованнымъ голосомъ:

— Мы вчера тебя не дождались, потому что я опасалась вечерней зари для здоровья матушки; но я уже знала вчера, что Кьяра, слава Богу, не ушиблась.

равнодушіи, и что, разставаясь съ нею, я помышлялъ о пламенной Кьярѣ.

XIV.

Я хотѣлъ прекратить свой дневникъ; болѣе недѣли я не рѣшался приняться за перо. Меня удерживало какое-то непреодолимое чувство стыда; мнѣ не хотѣлось даже предъ самимъ собою изобличить непростительную слабость моего характера. Я ежедневно видался съ Кьярою, и каждый день, не сгарая отъ стыда, получалъ отъ Луизы новые знаки любви и довѣрія.

Человѣкъ, покинувшій путь правды, ищетъ оправдать себя въ своихъ глазахъ ложными умствованіями. Я старался убѣдить себя, что мнѣ невозможно сказать Луизѣ правду, не отравивъ всей ея жизни; что я не могу покинуть Кьяры, не подвергнувъ ея горькому отчаянію. Но тщетно пытался я заглушить голосъ совѣсти; горестное чувство неудовольствія противъ самого себя болѣе и болѣе овладѣвало моимъ сердцемъ. Въ такомъ случаѣ достаточно часто самаго ничтожнаго обстоятельства, какого либо живаго примѣра, въ которомъ какъ въ зеркалѣ отразятся собственные наши поступки, чтобы вывести человѣка изъ заблужденія.

Однажды я вернулся домой вечеромъ ранѣе обыкновеннаго, т. е. часу въ первомъ. Зная, что Александръ не ложился еще спать, я пришелъ въ общую нашу гостиную и, отворивъ дверь, былъ пораженъ неожиданнымъ зрѣлищемъ.

Всѣ люстры, канделябры были зажжены и ярко освѣщали пространную комнату. На штофномъ диванѣ, Александръ, въ халатѣ и съ трубкою во рту, спокойно развалясь, читалъ какую-то книгу. У ногъ его, на полу, прислонясь спиною къ дивану, лежала спящая дѣвушка. По ковру разбросаны были тамбуринъ, косыночка, платокъ и поддѣльные цвѣты съ головнаго убора.

— Что́ это значитъ? воскликнулъ я, входя:—зачѣмъ эта иллюминація и что́ это за женщина?

— Какъ видишь, дружище! торжество! отвѣчалъ Александръ, закрывая книгу: — я нашелъ наконецъ «la donna bianca».

Дѣйствительно, спящая молоденькая дѣвушка была поразительной красоты и бѣлизны. По головкѣ ея, слегка склонившейся, струлись шелковыя, черныя пряди волосъ. Пурпуровыя ея губки были полу-открыты, и выказывали ровный рядъ глянцовитыхъ зубовъ; бархатный корсажъ національной формы едва удерживалъ движенія сильно вздымавшейся груди. Правая ея рука, лежавшая на полу, и обнаженныя дѣтскія ея ножки отдѣлялись отъ краснаго ковра какъ мраморъ.

Я съ изумленіемъ смотрѣлъ то на Александра, то на спящую дѣвушку, и не могъ понять, отчего она спитъ, и спитъ на полу. Александръ понялъ мое недоумѣніе, и объяснилъ дѣло по своему.

— Она, вотъ видишь, проплясала весь вечеръ тарантеллу, умаялась порядкомъ, бѣдняжка, растянулась на полу да и заснула.

Мнѣ стало досадно.

Я остолбенѣлъ. «Какъ рѣшиться нарушить— подумалъ я—это спокойствіе? какъ осмѣлиться возмутить эту кроткую душу?» Я отказался отъ грубаго намѣренія высказать Луизѣ все, однако жѐ, хотѣлъ вывѣдать отъ нея впечатлѣніе, произведенное вчерашнимъ отсутствіемъ, и намекнуть хотя поверхностно на новыя отношенія мои съ Кьярою.

— Что́ ты подумала вчера, Луиза, обо мнѣ, когда я какъ сумасшедшій выскочилъ изъ коляски? спросилъ я, всматриваясь въ выраженіе ея лица.

— Я тотчасъ догадалась, что Кьярѣ угрожаетъ какая нибудь опасность, и, если бы не побоялась оставить матушку одну, послѣдовала бы за тобою, отвѣчала Луиза, просто и естественно.

— Зная, какъ ты должна была безпокоиться, я тотчасъ хотѣлъ вернуться.

— Нельзя же было оставить Кьяру безъ помощи.

— Но въ гротѣ былъ также Антоніо, продолжалъ я, начиная удивляться равнодушію Луизы.

— Антоніо былъ верхомъ, и ему удобнѣе было отправиться за экипажемъ, возразила Луиза, не смущаясь: — отъ него я и узнала что́ случилось.

— Странно! сказалъ я, выходя изъ терпѣнія:—вѣрно, мнѣ суждено спасать всегда Кьяру!

Луиза посмотрѣла на меня пристально, какъ бы желая угадать смыслъ моихъ словъ, и тихо отвѣчала:

— Спаси ее отъ самого себя, Alexis!

Я вспыхнулъ.

— Не смущайся, мой, другъ, кротко продолжала Луиза: — вчера баронъ, въ порывѣ негодованія, за то, что

— Я васъ просила, другъ мой, прійти сюда, говорила Луиза: — потому что здѣсь я не удаляюсь отъ дому и мнѣ дадутъ знать, лишь только матушка проснется; дома же я боялась васъ принять, опасаясь, что матушка, услыхавъ о вашемъ раннемъ посѣщеніи, захочетъ знать предметъ нашего разговора. Я же хочу вамъ повѣрить тайну, которой она не должна знать. Другъ мой, прибавила она, заливаясь слезами: — Alexis меня болѣе не любитъ! Никто кромѣ васъ не увидитъ моихъ слезъ; но дайте мнѣ выплакать мое горе...

Я не далъ ей окончить и съ душевнымъ волненіемъ бросился къ ея ногамъ. Луиза вскочила, испугалась, быстро отерла свои слезы, и тотчасъ же нѣжно улыбнулась и ласково протянула мнѣ руку.

— Не вѣрьте ей, говорилъ я, задыхаясь;— не вѣрьте! я ее люблю всѣмъ сердцемъ, люблю ее какъ ангела-хранителя; но, ради Бога, уѣдемте сегодня же изъ Неаполя. Уговорите графиню, мой другъ, уговорите Луизу; отъ этого зависитъ наше счастіе. Поѣдемте хотя въ Кастелламаре, если здоровье матушки не дозволитъ ѣхать далѣе.

Я такъ былъ взволнованъ, что самъ не зналъ что говорю. И — кто повѣритъ? — Луиза же меня успокоивала, утѣшала. Баронъ слушалъ меня довольно холодно.

— Однако же, вы поуспокойтесь, сказалъ онъ наконецъ:—такого рода объясненія неудобно дѣлать въ публичномъ саду: хотя и рано, но могутъ быть проходящіе. Успокойтесь, повторилъ онъ: — я все улажу. Ты же, Луиза, ступай теперь домой; а вы пойдемте ко мнѣ.

— Да какъ же тебѣ не стыдно, Александръ, сказалъ я, почти серіозно: — самъ лежишь на диванѣ, а женщина валяется у ногъ твоихъ на полу.

— Во-первыхъ, не на полу, а на коврѣ; это большая, братъ, разница; а во-вторыхъ, въ комнатѣ, какъ видишь, нѣтъ другаго дивана, а въ третьихъ, ей и такъ хорошо.

Я такъ вспылилъ, что, не обращая болѣе вниманія на спящую плясунью, принялся читать наставленіе Александру.

— Ты никогда не узнаешь истиннаго счастья, говорилъ я между прочимъ. — Что́ за человѣкъ, кто не уважаетъ женщинъ! Возможно ли видѣть въ нихъ одну игрушку, орудіе нашихъ удовольствій? Возможно ли не понять, что онѣ созданы для душевныхъ нашихъ наслажденій, что онѣ подаютъ примѣръ всѣхъ добродѣтелей, что отъ нихъ зависитъ первое наше воспитаніе! Вспомни, Александръ, что твоя мать была также женщина.

При этихъ словахъ Александръ сдѣлалъ такое нечаянное движеніе, что толкнулъ и разбудилъ Итальянку.

— Нѣтъ, постой, братъ Алексѣй, ты не то говоришь, сказалъ онъ, вставая.

Между тѣмъ внезапно разбуженная дѣвушка смотрѣла на меня сонными, но блестящими и удивленными глазами.

— Pepita! va ten'acucca! сказалъ ей Александръ сухо.— *

* На неаполитанскомъ нарѣчіи, т. е.: Пепита! пошла спать:

Итальянка встала, подобрала разбросанныя вещи, поцѣловала почтительно руку у Александра (на что онъ не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія) и молча вышла изъ комнаты.

— Нѣтъ, ты не то говоришь, продолжалъ Александръ:— во первыхъ, мать моя была не женщина, а ангелъ; а во вторыхъ, ужъ если дѣло пошло на *notaции*, такъ позволь тебя спросить, какъ же ты-то уважаешь женщинъ?

Я невольно смутился.

— Ты воздвигаешь имъ жертвенники, и куришь предъ ними ѳиміамъ. Большая имъ нужда до твоихъ жертвенниковъ!... Знай же, что лучшій ѳиміамъ для женщины— вѣрность и чистосердечіе!

Я закрылъ лицо руками.

— Да, братъ Алексѣй, продолжалъ Александръ, съ жаромъ:—я эгоистъ, дрянь, ходячая утроба, какъ ты меня называешь; но я женщины обманывать не стану за всѣ устрицы вселенной! Въ человѣкѣ два начала: духовное и чувственнве. Что ы пе рвое и лучшее, конечно, взяло перевѣсъ, необходима сила воли,—сила, которой я лишился по извѣстнымъ тебѣ бстоятельствамъ; подчиниться же другому не стоитъ ни малѣйшаго труда. Распусти только поводья, и будь увѣренъ, что этотъ конекъ закуситъ удила. Непохвально! нечего сказать; но, во всякомъ случаѣ, лучше ужъ погибнуть одному, чѣмъ увлекать за собою невинное созданіе. Что́ за нужда моей Пепитѣ, что она спала на полу: это не въ первый и не въ послѣдній разъ; сердце ея если и билось сильно, то би-

Я разцѣловалъ ручки Луизы и, проводивъ до дверей ея дома, отправился съ барономъ.

Разговоръ нашъ съ барономъ былъ довольно продолжителенъ. Старикъ, кажется, не очень вѣрилъ моему раскаянію, хотя и не зналъ въ сущности моихъ отношеній къ Кьярѣ. На всѣ его допросы и испытанія я отвѣчалъ только, что дѣйствительно чувствовалъ большое влеченіе къ Кьярѣ, но нынѣ образумился и рѣшился посвятить всю свою жизнь Луизѣ. Баронъ помялся еще немного, прочелъ мнѣ длинное наставленіе, и окончилъ тѣмъ, что обнялъ меня и, вставая, проговорилъ:

— Смотри же, впредь у меня не обижать моей Луизы.

Рѣшено было, что я тотчасъ же отправлюсь въ Кастелламаре, приготовлю нанятый тамъ домъ къ пріѣзду графини и ея дочери, а для себя и для барона найму квартиру по сосѣдству.

Все было исполнено по предположенію. Я убралъ цвѣтами комнату, назначенную для Луизы, велѣлъ развѣсить маркизы, жалузи, приказалъ посыпать пескомъ дорожки въ саду; но, къ удивленію моему, время клонилось къ вечеру, а графиня еще не пріѣзжала, не смотря на обѣщаніе барона перевезти ее на дачу непремѣнно въ тотъ же день. Наконецъ солнце стало садиться. Мною овладѣло безпокойство, и, полагая, что другой причины этого замедленія не можетъ быть, кромѣ нездоровья графини, я рѣшился тотчасъ же отправиться въ Неаполь. Пока я доѣхалъ до Портичи, солнце скрылось совершенно, и быстро настала темнота, какъ это всегда бываетъ въ южныхъ климатахъ. Въ Портичи я хотѣлъ перемѣнить

лошадей, но кучеръ мой обидѣлся, увѣряя, что его *буцефалы* способны доставить меня безвредно до Padre Santo, т. е., вѣроятно, до Рима. Отъѣхавъ нѣсколько отъ Портичи, я замѣтилъ, что лошади вдругъ свернули съ дороги и помчались во всю прыть. Полагая, что онѣ несутъ, я высунулся изъ кареты, чтобы спросить у кучера, не нужна ли ему моя помощь. Но кучеръ не отвѣчалъ на мой вопросъ, и, къ большому моему изумленію, принялся погонять лошадей. Я начиналъ безпокоиться: «ужъ не на разбойниковъ ли я напалъ?» думалъ я. Эта мысль была вовсе неутѣшительна, тѣмъ болѣе, что со мною, разумѣется, не было ни какого оружія и, слѣдовательно, почти ни какихъ средствъ къ сопротивленію.

Была одна минута, когда я намѣревался выскочить изъ кареты, и даже пытался уже отворить дверцу; но тогда только я замѣтилъ, что по обѣ стороны экипажа скачутъ всадники, закутанные въ плащи. Тогда я пересталъ уже сомнѣваться и покорился своей судьбѣ, полагая, что все это кончится выкупомъ; вдругъ одинъ изъ верховыхъ подъѣхалъ къ самой каретѣ и закричалъ мнѣ, желая, вѣроятно, меня успокоить:

— Eccellenza! n'ente paura, non vi sara danno — anzi! т. е. не бойтесь: вамъ не предстоитъ никакой опасности, — *напротивъ!*

Послѣдне слово крайне меня удивило, потому что фраза эта въ такомъ случаѣ значила: вамъ не предстоитъ никакой опасности, а напротивъ — удовольствіе. Что́ жъ это можетъ быть за *удовольствіе?* Я напрасно ломалъ себѣ голову, и ничего не могъ придумать. Послѣ получасовой бѣшеной ѣзды, карета подъѣхала къ богатой,

какъ мнѣ показалось, виллѣ, но окна не были освѣщены, и нигдѣ не было видно ни малѣйшаго слѣда присутствія жителей. Всадникъ, благосклонно предупредившій меня, что мнѣ не угрожаетъ ни малѣйшей опасности, сошелъ съ лошади, учтиво открылъ дверцы кареты и съ униженными поклонами пригласилъ меня послѣдовать за нимъ.— «Тутъ просто какое нибудь недоразумѣніе, сказалъ я ему. Зачѣмъ привезли вы меня сюда?» — «Это вы сейчасъ узнаете, Eccellenza, отвѣчалъ онъ:—а ошибки нѣтъ никакой, могу васъ увѣрить, — я знаю, что имѣю дѣло съ Signor Alexis B.» Послѣ такого положительнаго отвѣта, я не могъ сомнѣваться, что дѣло дѣйствительно касается до меня. «Но если я не хочу войти въ этотъ домъ по неволѣ», сказалъ я, однако же, собственно для того только, чтобы протестовать противу насилія. «Въ такомъ случаѣ, не прогнѣвайтесь Eccellenza, отвѣчалъ, кланяясь, мой таинственный проводникъ: — мы обязаны будемъ васъ приневолить. State attenti voi altri, т. е.: ребята! держи ухо востро», прибавилъ онъ, обращаясь къ нѣсколькимъ фигурамъ, завернутымъ въ плащи и стоявшимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Сопротивляться безъ надежды на успѣхъ — неблагоразумно.

Итакъ, я, безъ дальнѣйшихъ возраженій, послѣдовалъ за проводникомъ, сгарая нетерпѣніемъ узнать, что̀ все это значитъ. Признаюсь, что въ головѣ моей мелькнула мысль, несмотря на увѣренія учтиваго *сбира*, что меня привезли сюда по приказанію Антонія, желающаго отмстить мнѣ за сердечныя его неудачи. Провожатый миновалъ главный подъѣздъ, провелъ меня черезъ дворъ и, отворивъ ключемъ невысокую дверь, ввелъ меня въ мрачный

корридоръ, слабо освѣщенный тускло горѣвшею лампадою. Тутъ проводникъ зажегъ свѣчу, и мы проникли въ длинный рядъ комнатъ, убранныхъ съ большою роскошью. Наконецъ мы подошли къ запертой двери. Таинственный сбиръ постучался осторожно, отвѣсилъ мнѣ глубокій поклонъ и тотчасъ вышелъ. Я услыхалъ легкіе шаги, шелестъ женскаго платья.... дверь быстро отворилась, и я оцѣпенѣлъ: лицомъ къ лицу со мною, блѣдная, дрожащая, съ раскаленными отъ гнѣва глазами, стояла передо мною Кьяра!

— Ты вздумалъ меня покинуть? говорила она трепещущимъ голосомъ: — ты надѣялся отъ меня укрыться? Безумный! Ты хотѣлъ измѣнить мнѣ,—мнѣ, Кьярѣ! И ты могъ подумать, что это тебѣ удастся! Безумный! Ты здѣсь въ моей власти, и пусть твоя ледяная Нѣмка попробуетъ отнять тебя у меня!

Сильное негодованіе овладѣло мною: горькія слова презрѣнія готовы были сорваться съ языка; но я минутно подавилъ свой гнѣвъ и сказалъ, сдерживаясь:

— Образумься, Кьяра! подумай, что ты дѣлаешь! Поступокъ твой достоинъ....

— Поступокъ мой вынужденъ твоею измѣною, прервала Кьяра, возвышая голосъ.—Я умоляла тебя уѣхать, когда еще чувствовала себя въ силахъ отпустить тебя. Ты пренебрегъ моею просьбою. Я не просила въ гротѣ твоей помощи: нѣтъ! я искала смерти. Ты возвратилъ меня къ жизни нѣжными ласками; ты далъ понять мнѣ блаженство взаимности; ты утолилъ жажду пламеннаго моего сердца! Я блаженствовала, я наслаждалась невѣдомымъ для меня счастьемъ,—счастіемъ, которое ты же мнѣ открылъ, — и теперь ты обрекаешь меня на стра-

данія. За что? для кого? Развѣ я любить не умѣю! развѣ объятія мои не страстны, взоръ мой не полонъ любви? И для кого ты жертвуешь мною! для бездушной, холодной Нѣмки,—для Луизы, которую я ненавижу, которую убью!...

Страшно было смотрѣть на прекрасныя черты Кьяры, искаженныя изступленною ревностію. Божественный лучъ стыдливости, столь дивно озаряющій чело женщины, исчезъ съ лица ея; въ глазахъ Кьяры, смѣло устремленныхъ на меня, пылала одна страсть, помрачавшая ея разсудокъ. Мгновенно мысль моя перенеслась къ утренней моей встрѣчѣ: душа моя наполнилась воспоминаніемъ ангельскаго видѣнія, и, услыхавъ имя Луизы, произнесенное Кьярою съ угрозами, я почувствовалъ, что сердце мое внезапно закипѣло злобою.

— Не смѣй произносить непорочнаго имени, сказалъ я съ презрѣніемъ.—Женщина, прибѣгающая къ насилію, повѣряющая позорную тайну низкимъ сообщникамъ,—женщина, забывающая всѣ приличія, не должна даже смѣть помышлять о соперничествѣ съ чистымъ, возвышеннымъ созданіемъ, подобнымъ Луизѣ! Ты сулишь мнѣ страстную любовь, и возбуждаешь мою ненависть, удерживая меня здѣсь силою. Ты говоришь объ утраченномъ, бурномъ счастіи и лишаешь меня ангельскаго блаженства. Нѣтъ! не поколебать тебѣ моихъ чувствъ къ Луизѣ! Я узналъ тебя! Ты врагъ моего душевнаго спокойствія! ты врагъ Луизы и добродѣтели!

По мѣрѣ, какъ эти жестокія слова упадали свинцовою тяжестью на сердце Кьяры, лицо ея видимо измѣнялось. Насмѣшливая, судорожная улыбка изгладилась, блѣдность

увеличилась; глаза, на меня устремленные, раскрылись шире, и крупныя слезы, капля за каплей, потекли по щекамъ. Я ожидалъ гнѣвнаго взрыва; но Кьяра вдругъ бросилась ко мнѣ на шею. Тщетно хотѣлъ я оттолкнуть ее: она страстно прижала меня къ груди, орошая лицо мое слезами.

— Ты хотѣлъ меня наказать за необдуманный мой поступокъ, говорила она прерывающимся голосомъ:—страшны твои слова! Но ты это только такъ говоришь? Ты этого не думаешь,—не правда ли? Я виновата.... пощади меня! Скажи, ты мой еще, ты меня не разлюбилъ?... да посмотри же на меня....

И Кьяра дрожащею рукою старалась повернуть мою голову. О, какъ чудно прекрасна была эта женщина въ страстномъ порывѣ любви! Густые волосы, отъ безумныхъ движеній ея, распустились и покрывали волнистыми прядями спину, плечи и грудь; глаза ея горѣли, жаркое ея дыханіе жгло мнѣ лицо. По смягчившемуся выраженію моихъ глазъ, она почувствовала, что гнѣвъ мой ослабѣваетъ. Увлеченная этою мыслію, она не взвѣсила своихъ словъ и неосторожно проговорила, съ сладостною улыбкою:

— Посмотри на меня, Alexis: чѣмъ же я хуже Луизы?

Я рванулся и грубо оттолкнулъ Кьяру; негодованіе вновь и съ бо́льшею силою овладѣло мною.

— Луиза, говорилъ я, произнося это имя съ особеннымъ удареніемъ:—Луиза—чистое и непорочное созданіе; Луиза не гордится своею красотою; Луиза не похищаетъ насильно любовниковъ....

— Довольно! пощади! восклицала Кьяра, упавъ на колѣни.

Я обезумѣлъ отъ гнѣва.

— Нѣтъ тебѣ пощады! Ты хочешь вырвать изъ моего сердца дивный образъ Луизы; помрачивъ мой разсудокъ, ты хочешь лишить меня истиннаго блаженства. Но нѣтъ! знай, что я люблю Луизу и не вѣрю твоимъ клятвамъ; ты измѣнила мужу, предала подругу, — ты измѣнишь и мнѣ!

Кьяра быстро поднялась.

— Довольно! сказала она, задыхающимся голосомъ:— довольно претерпѣла я поруганій.... довольно!...

Шатаясь, Кьяра подошла къ стѣнѣ и позвонила.

Я чувствовалъ всю жестокость моихъ словъ, я сознавалъ, что поступокъ Кьяры не заслуживаетъ такого ужаснаго наказанія; но я поддерживалъ, возбуждалъ свое негодованіе, опасаясь своей слабости. О, какъ бездушно жестокъ бываетъ иногда человѣкъ, не имѣющій твердаго характера!

Кьяра, позвонивъ, подобрала распустившіеся волосы и хотя дрожала всѣмъ тѣломъ, но не садилась, а держалась, стоя, за кресла, устремивъ нетерпѣливый взоръ на дверь. Вскорѣ послышались шаги; дверь отворилась, и въ ней показался знакомый мнѣ проводникъ.

— Отвезти il signor Russo въ Неаполь, сказала Кьяра отрывисто.

Я сдѣлалъ шагъ по направленію къ Кьярѣ, хотѣлъ сказать ей прощальное слово; но она выпрямилась и гордо, повелительно указала мнѣ на дверь.

Въ Неаполѣ я узналъ, что графинѣ дѣйствительно сдѣлался сильный припадокъ біенія сердца, и что въ теченіе вечера Луиза и баронъ присылали узнавать нѣсколько разъ, не вернулся ли я изъ Кастелламаре. Я хотѣлъ непремѣнно имѣть извѣстія о здоровьѣ графини, и отправился отыскивать барона. Узнавъ у него, что онъ еще не возвращался, я поѣхалъ къ графинѣ, намѣреваясь вызвать барона въ переднюю, и распросить его подробно. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, Луиза выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу.

— Матушка немного успокоилась, слава Богу! было первое ея слово, и въ то же время она, съ дѣтскою радостью, протянула ко мнѣ губки и нѣжно поцѣловала меня.

Какъ отраденъ былъ моему сердцу этотъ чистый поцѣлуй! Луиза разсказала мнѣ свой страхъ, волненіе во время болѣзненнаго припадка ея матери,—не забыла упомянуть, что она подумала и о томъ, какъ я долженъ былъ безпокоиться, тщетно ожидая ихъ въ Кастелламаре.... Находясь по близости графининой спальни, мы говорили почти шопотомъ. Кругомъ насъ были совершенная тишина и молчаніе,—комната, въ которой мы сидѣли, освѣщена была одною только свѣчкою; все это придавало какой-то таинственный, но невыразимо-спокойный характеръ нашему ночному свиданію.

Сердце мое билось, но билось сладостно. Наконецъ дверь спальни отворилась, и баронъ вышелъ оттуда осторожно, погрозивъ на насъ и лукаво улыбаясь.

— Полно вамъ болтать, сказалъ онъ также шопотомъ:—успѣете наговориться.

— Матушка твоя почиваетъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Луизѣ,—и тебѣ пора спать, а то, пожалуй, подуришь, и женихъ тебя разлюбитъ.

Луиза взглянула на меня вопросительно, но тотчасъ же покачала отрицательно головкою, поцѣловала меня и барона, чтобъ ему не было завидно, и отправилась въ свою комнату; выходя изъ гостиной, она остановилась въ дверяхъ, еще разъ нѣжно на меня взглянула и, граціозно поклонясь барону и мнѣ, скрылась за дверьми.

Не могу выразить, какое глубокое впечатлѣніе произвело на меня это свиданіе, которое многіе найдутъ холоднымъ и безстрастнымъ.

Графиня на другой день чувствовала себя гораздо лучше; но нельзя было и помышлять о переѣздѣ на дачу. Между тѣмъ приготовленія къ нашей свадьбѣ быстро подвигались, и рѣшено уже было, что лишь только графиня совершенно оправится, безъ дальнѣйшихъ отлагательствъ назначенъ будетъ день для совершенія нашего брака.

Я блаженствовалъ и забывалъ весь міръ: вдругъ дошло до меня извѣстіе, что Кьяра больна при смерти! Я ужаснулся.

Состраданіе, угрызеніе совѣсти, раскаяніе въ моей грубой жестокости, при послѣднемъ свиданіи съ Кьярою, наполнили мою душу. Я терялся, не зналъ что мнѣ дѣлать, однако же, не рѣшился ѣхать къ несчастной страдалицѣ.

Луиза тоже узнала горестное извѣстіе и, не взирая на разрывъ дружескихъ ея сношеній съ Кьярою, тотчасъ

же къ ней отправилась; но ея не допустили къ больной. По настоятельной просьбѣ Луизы, желавшей хотя издали посмотрѣть на прежнюю свою подругу, ей вынуждены были сказать, что сама Кьяра запретила впускать ее къ себѣ въ комнату. Луизу это до крайности огорчило, и она вернулась домой вся въ слезахъ.

Я долго утѣшалъ Луизу, и эта ангельская душа, забывая прежнія свои мученія, уговаривала меня съѣздить къ несчастной Кьярѣ, утверждая, что присутствіе мое облегчитъ ея страданія.

Возвратясь домой, довольно поздно, я былъ удивленъ страннымъ выраженіемъ физіономіи моего Афанасьича.

— Что̀ съ тобою, старикъ? спросилъ я у него, съ участіемъ.

— Да что̀ батюшка, отвѣчалъ онъ, озираясь: — у меня въ каморкѣ, почитай, часа съ два, какъ сидитъ какая-то вертлявая мамзель.... Итальянка, что̀ ль? Кто ее знаетъ! Вишь, подавай ей барина, да и только; иначе не выйду—говоритъ—или... то есть вотъ такъ пальцами машетъ.

Я смутился и велѣлъ позвать Итальянку. Она объявила, что прислана ко мнѣ отъ княгини съ запискою, и вручила мнѣ небольшой листокъ, исписанный дрожащею рукою. Я едва могъ разобрать почеркъ Кьяры. Она трогательно умоляла меня пріѣхать проститься съ умирающею, и писала, что если я соглашусь на послѣднюю ея просьбу, посланная дѣвушка имѣетъ порученіе провести меня незамѣтно до ея комнаты: потому—писала Кьяра—«что она не желаетъ, чтобы предсмертное ея со мною свиданіе помрачило счастіе *другой*.»

Я не имѣлъ духу отказать, однако же, колебался и сказалъ наконецъ посланной, что буду завтра утромъ. Итальянка заплакала и отвѣчала, что утромъ меня не примутъ, а что вечеромъ завтра, можетъ быть, будетъ *уже поздно*. Я содрогнулся, и рѣшился исполнить волю умирающей.

Страшно билось мое сердце, когда я вошелъ въ спальню, въ которой еще такъ недавно видѣлъ Кьяру въ полномъ блескѣ юности и здоровья.

Провожавшая меня дѣвушка ввела меня, указала издали на кровать, и вышла, заперши дверь осторожно. Въ огромной комнатѣ царствовали мракъ и тишина; лишь передъ большимъ распятіемъ и у изголовья больной теплились тусклыя лампады. Я тихо подходилъ къ кровати, прислушиваясь къ рѣдкому и тяжелому дыханію страдалицы. Однако же, Кьяра вскорѣ почувствовала мое присутствіе и слабымъ голосомъ подозвала меня къ себѣ. Боже мой! что я испыталъ, взглянувъ на несчастную Кьяру. Смертная блѣдность покрывала ея лицо, щеки впали, губы едва шевелились, и только въ глазахъ — въ чудныхъ ея глазахъ! — сосредоточивался еще, казалось, остатокъ потухающей жизни. Я сталъ на колѣни у изголовья, и горько заплакалъ. Кьяра съ трудомъ протянула ко мнѣ исхудалую руку, и сказала едва слышнымъ и измѣнившимся голосомъ:

— Благодарю тебя: ты исполнилъ просьбу умирающей. Ты видишь! не ты одинъ осудилъ мой поступокъ: меня осудилъ! Богъ Жестокость твоя лишаетъ меня жизни; но я тебѣ прощаю. Только, ради Бога, ради страданій, которыя я испытала, обѣщай исполнить волю умирающей.

Я заливался слезами раскаянія: меня терзала мысль, что одна моя нерѣшительность причиною этого ужаснаго несчастія. Въ эту минуту я отдалъ бы свою жизнь, чтобы избавить Кьяру отъ смерти.

— Отвѣчай мнѣ, ради Бога, сказала опять Кьяра, послѣ продолжительнаго молчанія. — Дай клятву исполнить послѣднюю мою просьбу. Я не буду просить невозможнаго, но, умоляю, дай умереть мнѣ спокойно, дай мнѣ покой за гробомъ!...

Не знаю что я отвѣчалъ, не помню, долго ли продолжалось это страшное свиданіе, но, оставивъ Кьяру, я далъ клятвенное обѣщаніе отложить на одинъ годъ свадьбу мою съ Луизою. Оставаться въ Неаполѣ послѣ этого обѣщанія я чувствовалъ себя не въ силахъ. Я написалъ Луизѣ, и высказалъ ей все, поручая свою участь ея рѣшенію.

Александръ вполнѣ одобрилъ мое намѣреніе, и на другой день, съ восходомъ солнца, мы оставили Неаполь.

— На этомъ мы и окончимъ наше чтеніе, сказалъ я, закрывая рукопись.

— Возможно ли? возражали присутствующіе. — А развязка, а заключеніе?

— Это уже относится до другой эпохи, описываемой въ дневникѣ моего пріятеля. Впрочемъ, какъ хозяинъ дома,

я не имѣю права не исполнить желанія дамъ; но предупреждаю, что развязка вовсе не романтическая, а отзывается совершенно дѣйствительною жизнію. Пріятель мой Алексѣй (или вашъ покорный слуга, скажу вамъ по секрету) женился, слава Богу, на православной, московской уроженкѣ, сказалъ я, указывая на особу, у которой я, при началѣ чтенія, просилъ дозволенія приподнять завѣсу минувшаго: — и по этой части, какъ видите, все обстоитъ благополучно. Ожидать полнѣйшаго счастья, было бы неблагоразумно. Луиза, отъ которой мы еще недавно получили самое дружеское посланіе, вышла замужъ за добраго Нѣмца, и теперь составляетъ счастье многочисленнаго семейства. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ Луиза извѣщаетъ меня, что она помолвила старшую свою дочь, и не нарадуется на блаженство невѣсты и жениха.

Кьяра, по какому-то неслыханному чуду, спаслась отъ смерти, выздоровѣла, оправилась и вскорѣ овдовѣла.

Разсказываютъ, что Антоніо, годъ спустя послѣ моего отъѣзда изъ Неаполя, чрезвычайно повеселѣлъ, и часто говорилъ обо мнѣ: называя меня «l'amico Alexis».

Увѣряютъ также, что теперь Кьяра очень пополнѣла, и злые языки утверждаютъ — но мнѣ кажется это невѣроятнымъ — говорятъ, будто бы пылкое воображеніе Кьяры нашло себѣ пищу... Право не знаю, какъ сказать? это что́-то ужъ слишкомъ странно! Ну, словомъ сказать, говорятъ, что пламенная, *ex*-чудная Кьяра усердно посѣщаетъ каждое лѣто германскія воды, и по цѣлымъ днямъ засиживается за зеленымъ столомъ Беназета.

— А другъ вашъ куда дѣвался? спросила одна дама, принимавшая во время чтенія большое въ немъ участіе.

— Съ Александромъ, если вы позволите, отвѣчалъ я: — познакомлю васъ, — только не сегодня вечеромъ, разумѣется.

КАПИТАНЪ ТОЛЬДИ.

КАПИТАНЪ ТОЛЬДИ. *

ОЧЕРКИ СВѢТСКОЙ ЖИЗНИ.

Вмѣсто предисловія, письмо къ редактору «Современника».

Вы дали мнѣ пріютъ въ вашемъ журналѣ, вы первые подали мнѣ руку помощи на новомъ поприщѣ; благодарю васъ! Я очень понимаю, съ какою недовѣрчивостью вы пробѣгали рукопись, подписанную вовсе неизвѣстнымъ именемъ. Ростиславъ?! откуда взялся этотъ Ростиславъ? молодъ онъ или старъ? если онъ среднихъ лѣтъ, то зачѣмъ онъ прежде не принимался за перо?... Зачѣмъ оставлять васъ въ недоумѣніи и въ неизвѣстности на счетъ человѣка, котораго вы такъ благосклонно приняли въ вашъ журналъ? Примите чистосердечное мое признаніе! Вы увидите, что если я человѣкъ новый на беллетристическомъ поприщѣ, то по другой сосѣдней стезѣ я уже довольно пошатался; я открою вамъ причину настоящей моей попытки, и прошу васъ быть мнѣ безпристрастнымъ судьею. Начнемъ съ начала.

* Содержаніе этого разсказа заимствовано изъ повѣсти Бальзака.

высказывались, періодъ за періодомъ формировались, приключенія приготовлялись по гармоническимъ правиламъ диссонансовъ, музыкальные оттѣнки, мракъ и свѣтъ попеременно выражались,— кажись, довольно ясно, Цѣлыя сутки прописалъ я не умолкая; мелодіи поютъ себѣ, а я ихъ слушаю да пишу; подъ утро я измучился, и заснулъ, поникнувъ на столъ усталою головою.

Просыпаюсь часа черезъ два... о, ужасъ! о, стыдъ!... по пагубной привычкѣ нѣкоторыхъ Русскихъ, я думалъ по-французски, и цѣлую тетрадь исписалъ не на родномъ, а на чужомъ языкѣ. И стыдно и больно мнѣ стало! Куда дѣваться съ такимъ незаконнымъ и уродливымъ порожденіемъ?! Переводить не приходится, да и вовсе невозможно; даже и въ музыкѣ думается иначе по-итальянски, какъ по-русски, а бѣдныхъ затворницъ (мелодій) стало жаль! Выпустилъ я ихъ на свѣтъ; онѣ только что разгулялись, а я имъ и порѣзвиться не дамъ. Невозможно! Скрѣпя сердце, продолжалъ, нечего дѣлать; взобрался на французскія ходули, да и отмѣрилъ страницъ сто мелкаго почерка.

Собрались знакомые, пріятели, люди доброжелательные другаго качества, и проч. и проч.

Я поставилъ столъ посреди комнаты, зажегъ свѣчки, положилъ манускриптъ предъ собой, и пошелъ распѣвать вои мелодіи... виноватъ!... и началъ читать свою повѣсть. Присутствующіе переглядывались между собою; каждый боялся, какъ это водится, выразить одобрительное мнѣніе не впопадъ, молчали и съ важностію слушали. Мнѣ становилось неловко и холодно. А вѣтрянницамъ

моимъ (мелодіямъ) и горя мало: рады, бѣдняжки, воздухомъ подышать. Наконецъ одна милая, добрая слушательница—дай Богъ ей здоровья!— (пожалуста, приглашайте всегда женщинъ при слушаніи новой повѣсти)—одна изъ милыхъ слушательницъ, говорю я, не вытерпѣла, увлеклась, и сказала съ чувствомъ нѣсколько одобрительныхъ словъ. Начался говоръ, поднялись сужденія, пренія; число заступницъ моихъ увеличилось; въ концѣ повѣсти благодѣтельницы мои совершенно одолѣли: онѣ слушали внимательно, улыбались, утирали глазки. Я торжествовалъ! Но..., по окончаніи чтенія, одинъ изъ присутствующихъ взялъ меня за руку, отвелъ въ сторону, и спросилъ хладнокровно: «Скажи, пожалуста, зачѣмъ ты думалъ на одномъ языкѣ, а написалъ на другомъ?» Я отступилъ на нѣсколько шаговъ, и воскликнулъ въ смущеніи: «Помилуй! вся бѣда въ томъ, что я думалъ по-французски.» — «Не можетъ быть! — отвѣчалъ мой пріятель.—У Французовъ мысли имѣютъ природную, непринужденную веселость; шутки имъ, такъ сказать, дѣло врожденное. Въ самыхъ страшныхъ выходкахъ Суліе или Сю просвѣчиваетъ какая-то живость, безпечность, свойственная однимъ Французамъ; они не парятъ, а порхаютъ; замѣть, что французскіе романисты, бо́льшая часть по крайней мѣрѣ, почерпаютъ всѣ сравненія изъ міра вещественнаго. Нѣтъ ни одного цвѣтка, который не былъ бы въ паралели со всѣми возможными хорошенькими личиками. Море, рѣки, деревья, — все служило предметомъ сравненія. Морскія волны уподоблялись людскимъ страстямъ, теченія рѣкъ,—спокойной жизни, пальма—стройному стану, луга... ну, я забылъ съ чѣмъ Французы

сравнивали луга, но увѣренъ, что и они были въ дѣлѣ. Французы, мой другъ, продолжалъ мой несносный пріятель:—болтаютъ прелестно, неподражаемо, потому что съ давнихъ временъ разговоръ служитъ имъ элементомъ. Но когда жъ ты видалъ, чтобы французскій повѣствователь съ первой строки повѣсти до послѣдней парилъ въ мрачныхъ облакахъ воображенія? тамъ ему ни себя показать, ни на другихъ посмотрѣть невозможно. Повѣрь, что балладная восторженность исключительная принадлежность Германіи»... Но клянусь, что я не думалъ по нѣмецки, прервалъ я съ ужасомъ.—«Ну, такъ по-русски — замѣтилъ пріятель хладнокровно.—Нечего таить грѣха, у насъ-таки есть эта замашка; правда, что она стала, благодаря Бога, выводиться въ послѣднее время... да и тебѣ, мой другъ, совѣтую отъ нея отдѣлаться,» прибавилъ окончательно холодный другъ мой. Я принужденно улыбнулся и остолбенѣлъ. На слѣдующій день я взялъ листъ бѣлой бумаги, и, завернувъ имъ, какъ саваномъ, минутно жившія мои мелодіи, похоронилъ ихъ въ письменномъ столѣ.

Прошла недѣля, другая; сижу я въ креслахъ по цѣлымъ днямъ между фортепіанами и письменнымъ столомъ, и посматриваю грустно то въ одну, то въ другую сторону; новыя затворницы стали постукивать въ сердце и въ голову, а я боюсь обращать на нихъ вниманіе. Закрою глаза, заткну уши и отмалчиваюсь! Наконецъ, отъ борьбы и волненія, я не на шутку занемогъ и слегъ въ постель. Не лажу, чувствую, ей-ей, что не лажу съ мучительнымъ требованіемъ творчества! Я началъ съ того, что удалилъ со стола, стоявшаго близь моей по-

стели, всѣ иностранныя книги, и окружилъ себя сочиненіями Ломоносова, Державина, Карамзина, Пушкина... Жуковскаго я побоялся оставить при себѣ. Цѣлыя ночи я проводилъ въ чтеніи, цѣлыя страницы заучивалъ наизусть, чтобы и французскую и мелодическую дурь выбить изъ головы. Трудно было болѣзненное мое состояніе! Не менѣе того я однажды всталъ, добрался кой-какъ, шатаясь, до стола, и принялся писать по русски— на этотъ разъ. Пріятель мой замѣтилъ мнѣ, что я думалъ по-русски, а писалъ по-французски, что, если вы скажете мнѣ на-оборотъ... право, страшно! Содержаніе моего разсказа, заимствовано... впрочемъ, что говорить? вы увидите!

Вотъ, г. редакторъ, по какому стеченію обстоятельствъ, на старости лѣтъ... нѣтъ! это слишкомъ; въ осеннемъ цвѣтѣ лѣтъ, музыкантъ-сочинитель выступаетъ, со страхомъ, на литературное поприще.

Если его ожидаетъ новая неудача, пожалѣйте, но не поминайте лихомъ.

I.

Въ концѣ лѣта 18.. года, въ окрестностяхъ Петербурга появилось новое, незнакомое лицо; его начали замѣчать почти въ одно время и на Каменномъ Островѣ, и въ Павловскомъ, на Елагинскомъ мысѣ (á la pointe) и въ Петергофѣ, въ Царскомъ и у Излера. Иные говорили, что онъ Итальянецъ, другіе что Англичанинъ; многіе увѣряли что онъ Французъ, а бо́льшая часть, что онъ чисто Русскій; положительно, что онъ изъяснялся свободно

на всѣхъ четырехъ языкахъ. Впрочемъ, наружности его нельзя было назвать привлекательною. Онъ былъ очень небольшаго роста, лице имѣлъ блѣдное, съ желтоватымъ оттѣнкомъ, глаза сѣрые и красноватые; носилъ маленькіе усы и украшалъ подбородокъ эспаніолеткой. Что́ обращало на него вниманіе, это роскошь его экипажей: онъ появлялся то на сѣрыхъ, то на вороныхъ; верховыя его лошади были чистѣйшей англійской породы. Вскорѣ разнесся слухъ, что онъ фехтуетъ какъ... пожалуй, Давлуи стрѣляетъ изъ пистолета какъ Прево, ѣздитъ верхомъ, какъ кровный жокей. Начали распрашивать, узнавать и добрались, что имя его графъ Гельти, что́ онъ родился въ Италіи отъ русской матери и итальянскаго отца, что онъ нынѣ живетъ не на дачѣ, а на Невскомъ Проспектѣ, и занимаетъ совершенно одинъ чуть ли не пѣлый домъ. На Невскомъ, цѣлый домъ! дѣло становилось серіозное. Множество второстепенныхъ франтовъ стали ласково посматривать на графа; но онъ не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

Графъ мѣтилъ выше: ему хотѣлось обратить на себя взоры аристократическаго круга. Въ Петербургѣ, какъ и въ прочихъ большихъ столицахъ, вступаютъ въ завѣтный, такъ называемый, высшій кругъ общества или по праву рожденія, или по праву сильнаго.

Но силу показать довольно трудно. Нужно быть или сильно богатому, или сильно талантливому, или сильно эксцентрическому. Средне-пропорціональное тутъ не принимается въ соображеніе, и вовсе теряется. На осеннихъ скачкахъ въ Царскомъ Селѣ итальянскому графу удалось наконецъ обратить на себя вниманіе и молодой нашей знати. Во-

первыхъ, лошадь его выиграла призъ; во-вторыхъ, онъ предлагалъ и держалъ всѣ-возможныя цари: въ-третьихъ, въ вознагражденіе за доставленное ему удовольствіе turf-тріумфа, онъ подарилъ и призъ и самую лошадь скелетообразному своему жокею. Въ слѣдствіе этихъ подвиговъ, ему удалось увезти обѣдать къ себѣ, въ Петербургъ, нѣсколько молодыхъ людей высшаго круга.

Въ шесть часовъ фешенебельные львы, въ фицъ-жакахъ, порядочно запыленныхъ, въ шпорахъ, съ хлыстиками различныхъ сортовъ, вступили на ярко освѣщенную, раздушенную и покрытую богатыми коврами лѣстницу петербургскаго дома графа Гельти. Онъ ихъ ввелъ прямо въ столовую, дубоваго рѣзнаго дерева, около стѣнъ которой стояли огромные, тоже рѣзные шкафы, съ массивными старинными блюдами, чашами и проч. Многочисленная прислуга, въ простыхъ, но изящныхъ ливреяхъ и въ башмакахъ, молча ожидала гостей. Посреди комнаты стоялъ на шесть кувертовъ столъ, великолѣпно уставленный богемскимъ хрусталемъ; ослѣпительный свѣтъ падающій сверху, освѣщалъ пышное убранство. Въ столовой все носило отпечатокъ богатства, роскоши, вкуса; одно показалось только shoking прихотливой молодежи: полъ столовой былъ обтянутъ пышнымъ разрѣзнымъ бархатомъ ярко-малиноваго цвѣта. Графъ замѣтилъ направленіе черепаховыхъ лорнетовъ, и сказалъ, улыбаясь:

— Извините меня, господа: въ Италіи мы любимъ яркіе цвѣта и мягкую *подстилку* подъ ногами во время обѣда.

— Оно и лучше, сказалъ одинъ изъ присутствующихъ: — въ случаѣ паденія не ушибешься.

— И помилуйте, графъ! возразилъ хозяинъ: — въ этой столовой не просиживаютъ болѣе шести часовъ, а въ шесть часовъ нѣкогда напиться до упаду.

Денди переглянулись съ одобрительною улыбкою, и сѣли за столъ.

Излишне описывать изысканность обѣда; достаточно сказать, что подавали и черепаховый супъ прямо изъ Англіи, и какія-то Гаврскія рыбы, и артишоки неслыханной величины.

Вина было безъ числа, пальятино было прямо изъ Мадеры, столѣтнее венгерское — изъ Польши, и такъ далѣе. Послѣ обѣда графъ ввелъ гостей въ обширный кабинетъ, украшенный всѣми возможными оружіями новѣйшаго и стариннаго времени. Свѣтъ колоссальнаго разгорѣвшагося камня боролся съ безчисленнымъ множествомъ карселей; нѣсколько изящныхъ статуй красовались по угламъ и посреди комнаты.

Фешенебели развалились на бархатныхъ диванахъ. Графъ предложилъ имъ неслыханныя двадцати-лѣтнія гаванскія сигары. Молодежь бросала пепелъ сигаръ въ массивныя золотыя пепельницы. На парчевыхъ подушкахъ лежали какія-то розовой шерсти борзыя собаки, съ прозрачными ногтями.... Однимъ словомъ, немудрено, что на слѣдующій день, когда графъ Гельти показался на Невскомъ, сотни глазъ слѣдили за нимъ съ любопытствомъ. Петербургъ весьма капризенъ: иногда попадаютъ въ извѣстность люди Богъ знаетъ изъ за чего; я говорю о публикѣ, о массѣ, а не про знать: это другое дѣло. Я зналъ господина, который попалъ въ извѣстность за безобразную наружность, другаго—за то, что онъ мастерски

тасовалъ карты, третьяго, что онъ отлично передавалъ слышанное... и проч. Если фортуну называютъ капризной женщиной, то столичная извѣстность ужъ навѣрно вѣтряная дѣвушка. Пошалить захочетъ, пожалуй и мы съ вами попадемъ въ извѣстные люди.... оборони Богъ! для инкогнито это весьма неудобно. Графъ Гельти вовсе не слѣраздѣлялъ нашего мнѣнія на этотъ счетъ, потому что на дующій же день онъ задалъ ничто въ родѣ какого-то сарданапальскаго вечера, съ такими причудами, что только и было разговору въ гостиныхъ, что о немъ, и на улицахъ на него указывали пальцемъ.

Вскорѣ разнесся слухъ, что оригинальный графъ купилъ домъ на Сергіевской, и отдѣлываетъ его съ неслыханной роскошью, а въ началѣ зимы начали поговаривать, что гордая, знатная княгиня Бронина, не смотря на то, что она недавно еще увѣряла, что ни въ какихъ родословныхъ не сыщешь именъ графовъ Гельти, отдаетъ за него дочь!

Говорили, судили, критиковали,—можетъ быть, и завидовали; но какъ бы то ни было, а въ февралѣ прелестнѣйшая аристократическая княжна Надежда Бронина переименовалась въ итальянскую графиню.

Дѣйствительно, домъ, дворецъ, или заколдованный замокъ, въ которомъ графъ принялъ молодую свою супругу, былъ баснословнаго великолѣпія.

Тутъ были и оранжерея, или, лучше сказать, цѣлый садъ съ экзотическими растеніями, и помпеевскія залы, и аламбрскія ванны.

Кабинетъ графини былъ совершенствомъ въ своемъ родѣ: бархатъ и кружева—двѣ крайнія противоположно-

сти—сплетались фантастическими узорами; дорогія японскія вазы небрежно прикрывались банановыми листьями, Айвазовскаго картины висѣли на крученыхъ золотыхъ шнурахъ.... вездѣ были роскошь, богатство и комфортъ въ высшей степени. Въ волшебномъ этомъ жилищѣ очаровательная графиня любила, наслаждалась жизнью и повелѣвала.

Первые два мѣсяца пронеслись какъ сонъ Однажды графинѣ вдругъ пришло на умъ, что у нея въ домѣ, въ самомъ центрѣ ея владычества, происходитъ нѣчто неизвѣстное, таинственное. Въ одно утро графиня сидѣла въ кабинетѣ мужа; графъ отпилъ кофе и, развалившись въ покойныхъ креслахъ, предъ мраморнымъ каминомъ, лѣниво курилъ кальянъ.

— Скажи, пожалуста, Жоржъ, сказала вдругъ графиня, что за таинственное лицо капитанъ Тольди? Вотъ два мѣсяца какъ я замужемъ, а мнѣ никогда не случалось съ нимъ встрѣтиться; между тѣмъ Тольди у тебя безпрестанно на языкѣ. Сломается у меня карета, ты приказываешь сказать о томъ Тольди, счетъ платить посылаешъ къ Тольди, верховая моя лошадь капризничаетъ — опять отправляются къ Тольди. Что за загадка? кто этотъ капитанъ? Подайте мнѣ Тольди: я хочу его видѣть?

— А что, мой другъ, сказалъ флегматически графъ:— развѣ ты недовольна своимъ хозяйствомъ?

— Слишкомъ довольна, отвѣчала графиня. — По нашему образу жизни намъ недостаточно и пятисотъ тысячъ въ годъ, а у насъ едва двѣсти-пятдесятъ тысячъ ассигнаціями, прибавила она, улыбаясь.

Графиня встала, подошла къ шелковому снурку и ми-

ленькою, бѣленькою ручкой твердо позвонила. На звонокъ вошелъ завитой, въ бѣломъ галстухѣ камердинеръ.

— Попросить ко мнѣ капитана Тольди, сказала графиня.

— Ну, много же ты этакъ узнаешь! проговорилъ, смѣясь, графъ.

Любопытство очаровательной графини было возбуждено до величайшей степени. Какъ? хозяйство ея идетъ удивительно, малѣйшія желанія предупреждаются — и всѣмъ этимъ заправляетъ невидимый капитанъ?! Чрезъ нѣсколько минутъ камердинеръ возвратился съ докладомъ.

— Капитанъ извиняется, ваше сіятельство: онъ теперь въ конюшнѣ, и проситъ позволенія переодѣться.

— Что жъ онъ тамъ дѣлалъ? спросила графиня.

— Онъ показывалъ конюху, какъ сѣдлать верховую лошадь вашего сіятельства.

Графиня взглянула на мужа, потомъ на камердинера: ни тотъ, ни другой не улыбались.

— А! онъ сѣдлалъ Зюльму, проговорила графиня.

Когда камердинеръ вышелъ, она спросила мужа:

— Что онъ за человѣкъ, твой капитанъ—Русскій или Итальянецъ?

— Итальянецъ, отвѣчалъ графъ лаконически.

Графиня усѣлась въ кресла, пододвинула ихъ къ мужу и съ нетерпѣніемъ спросила:

— Ну, а дальше?

— Ничего болѣе, отвѣчалъ графъ, лукаво улыбаясь:— потерпи немного, сама увидишь.

Прелестна была графиня, признаться сказать, въ эту минуту. Любопытство оживляло еще болѣе обыкновенна-

го голубые ея глазки; миленькая ея головка, украшенная бѣлокурыми, пепельнаго цвѣта волосами, съ обильными локонами, граціозно упиралась на стройную ея ручку; она съ нетерпѣніемъ качала своей ножкой, которая выказывалась и пряталась подъ шелковый голубой пеньуаръ. Жоржъ съ любопытствомъ слѣдилъ за ея движеніями, и тихо подсмѣивался надъ ея нетерпѣніемъ.

II.

— Вотъ и загадочный Тольди, сказалъ графъ, услыхавъ мужскіе шаги въ предъидущей комнатѣ.

Глазамъ графини предсталъ прекрасный собой мужчина, высокаго роста, съ черными какъ смоль глазами и волосами такого же цвѣта. Онъ былъ въ черномъ сюртукѣ, застегнутый по самый галстухъ, что придавало ему военную осанку; широкіе темно-сѣрые брюки съ черными лампасами довершали его одежду. Большой, открытый лобъ его носилъ отпечатокъ ума и твердости; улыбка его выражала доброту и простодушіе. Въ домашнемъ фактотумѣ, въ поспѣвающемъ вездѣ управляющемъ, графиня воображала увидѣть какого нибудь старичка, сѣдаго, почтеннаго, въ башмакахъ съ пряжками, — и смотрѣла съ недоумѣніемъ на выразительное лицо капитана Тольди, составлявшее такую разительную противоположность съ наружностью некрасиваго графа.

— Здравствуй, Жоржъ! сказалъ капитанъ, запросто кивнувъ головой.

Графинѣ онъ ловко поклонился, и спросилъ ее съ почтеніемъ, чѣмъ онъ можетъ служить.

— Такъ это вы другъ моего мужа? сказала съ улыбкой графиня.

— До самаго гроба! отвѣчалъ Тольди.

Графъ оставилъ кальянъ, и протянулъ ему дружески руки.

— Такъ зачѣмъ же вы здѣсь никогда не бываете? зачѣмъ вы не обѣдаете съ нами? и зачѣмъ вы прячетесь и уклоняетесь отъ заслуженной благодарности?

Графиня говорила съ живостью, но съ совершеннымъ равнодушіемъ; ей казалось неприличнымъ, что человѣкъ такого рода, какъ Тольди, принялъ на себя добровольно столь скромную роль; она подумала, что ужъ не бѣднякъ ли онъ какой нибудь, приходящійся съ-родни графу.

— Видите, графиня, отвѣчалъ очень просто и свободно капитанъ:—я ни какой благодарности не заслуживаю; я другъ Жоржа, и нахожу истинное удовольствіе блюсти за его интересами.

— Ты, вѣроятно, находишь также удовольствіе стоять а не сидѣть, замѣтилъ, смѣючись, Жоржъ.

Тольди сѣлъ.

— Я теперь припоминаю, сказала графиня: — что я васъ видала изрѣдка, издали, на дворѣ. Но зачѣмъ же, будучи другомъ Жоржа, вы принимаете на себя такую второстепенную обязанность?

— Я совершенно равнодушенъ къ общественному мнѣнію, и живу собственно для себя, или, лучше сказать для васъ двухъ.

— Но я не могу быть равнодушна къ общественному мнѣнію на счетъ друга моего мужа....

— И помилуйте, графиня! распустите слухъ, что я *оригиналъ*, и дѣло съ концомъ.

Послѣ минутнаго молчанія капитанъ спросилъ:

— Выѣзжаете ли вы сегодня утромъ, графиня?

— Поѣдемте съ нами на Елагинъ, отвѣчала она.

— Какъ прикажете.

Тольди поклонился и вышелъ изъ кабинета.

— Что за добрѣйшее существо! сказалъ Жоржъ, проводя его глазами съ участіемъ.

— Ну, теперь разсказывай мнѣ, какія у васъ сношенія съ капитаномъ, сказала графиня, садясь на ручку, креселъ, занимаемыхъ мужемъ.

— Тольди, душа моя, потомокъ древняго рода въ Италіи, и чуть ли не древнѣе нашего; въ безпрестанныхъ смутахъ нашего отечества отецъ его потерялъ какъ-то все свое состояніе. Я нечаянно встрѣтился съ нимъ въ Миланѣ, оцѣнилъ его умъ, воспитаніе, хорошія качества и подружился съ нимъ. Тольди служилъ нѣкогда въ военной службѣ, гдѣ дошелъ до капитанскаго чина; потомъ побывалъ онъ въ Алжирѣ, гдѣ на-пропалую дрался съ Кабилами.

«Въ то время, когда мы съ нимъ сошлись, не было нигдѣ войны, а Тольди спалъ, и бредилъ какъ бы ему подраться. Мнѣ нечего было дѣлать: я вспомнилъ Кавказъ и предложилъ капитану попробовать счастья. Тольди съ радостью согласился, и мы отправились.

«Вскорѣ мы вступили въ армію волонтерами. Согласись, другъ мой, очень оригинальная мысль Итальянцамъ драться съ горцами! Кавказская война имѣетъ свой, совершенно особый характеръ.

«Ваши русскіе неподражаемые солдаты зайдутъ въ какую нибудь трущобу, въ непроходимый лѣсъ; кругомъ вездѣ непріятель, и сколько его, невозможно счесть, а православнымъ и горя мало: идутъ себѣ припѣвающи по тропинкѣ, вдругъ — стой! тропинка пересѣклась, по бокамъ и сзади глушь, а впереди завалы, а за завалами черкесскія шапки и мѣткія ружья. Подумаютъ, случается, минуту-другую да и пошли на провалъ! Что меня всегда удивляло — это ничтожность потери людей послѣ такого рода предпріятій; кажется, всему отряду нужно бы лечь въ подобныхъ обстоятельствахъ, а смотришь только тридцать-сорокъ человѣкъ изъ строю вонъ... Однажды нашъ отрядъ вышелъ изъ лощины, поднялся на гору, и остановился, ожидая приказаній, въ виду опушки лѣса, изъ котораго выглядывали нѣсколько рядовъ заваловъ. Богъ его знаетъ, что причудилось Тольди, только въ сумерки, съ просонокъ, вдругъ онъ пустился къ ближайшему завалу; мы кричимъ ему, зовемъ назадъ — ничего не бывало: бѣжитъ какъ угорѣлый. Я вижу, что дѣло плохо: изрубятъ моего капитана ни за что; сталъ я упрашивать молодцевъ помочь бѣдѣ, потому что всему отряду невозможно было тронуться безъ приказанія. Набралось охотниковъ человѣкъ двадцать. Мы бросились за Тольди, выручили, благодаря Бога; но изъ двадцати насъ вернулось только пять, считая и Тольди.

«Что тебѣ вздумалось сумашествовать?» допрашивали мы. «Право не знаю, отвѣчалъ онъ съ смущеніемъ: — мнѣ показалось, что кричатъ: «впередъ!» а назадъ посмотрѣть мнѣ не пришло на умъ.»

«Послѣ этого происшествія я еще болѣе привязался

къ Тольди. Знаешь, другъ мой, какъ выручишь человѣка изъ вѣрной погибели, онъ какъ-то становится драгоцѣннѣе.»

Графиня обняла одной рукой мужа.

— Какой же ты смѣлый, мой Жоржъ! сказала она ласково.

— Да, я забылъ тебѣ сказать, продолжалъ графъ: — что Тольди, прежде еще описаннаго случая, привязался ко мнѣ душевно, — изъ ничтожнаго, впрочемъ, обстоятельства. Передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Италіи, отца его хотѣли посадить въ тюрьму за двадцать тысячъ франковъ долгу; я пришелъ въ то время, какъ полицейскіе брали уже старика изъ дому: я заплатилъ деньги.

Графиня безъ церемоніи просто сѣла на колѣни къ мужу, и сказала, ласкаясь:

— Благодарствуй, Жоржъ: ты поступилъ благородно!

— Я благородно сорю деньгами — ты хочешь сказать; что жъ, душа моя! червонцы круглые — пусть ихъ катаются.

— Ну ужъ это не совсѣмъ русская пословица, прервала графиня, заливаясь дѣтскимъ смѣхомъ.

— Можетъ быть, сказалъ графъ, также смѣясь: — у меня такая вавилонская башня въ головѣ, что я часто, право, не знаю, на какомъ языкѣ думаю. Но возвратимся къ Тольди... День ото дня я болѣе и болѣе оцѣнялъ благородную, возвышенную душу моего друга. На бивакахъ, въ опасностяхъ или въ веселомъ кругу товарищей, онъ всегда былъ одинаково смѣлъ, спокоенъ, невозмутимъ; мы его называли *горячимъ философомъ*, потому что онъ, бывало, когда рѣчь коснется до дружбы,

тамъ и мечетъ огнемъ, а дойдетъ дѣло до молодецкихъ и нѣжныхъ проказъ, онъ намъ читаетъ холодныя нравоученія. Но окончаніи экспедиціи, мы уѣхали въ Италію и едва-едва застали въ живыхъ отца Тольди, который скончался на рукахъ своего сына. Много мы перечувствовали горя въ то время съ моимъ другомъ! Только что успѣли схоронить старика, какъ я получилъ извѣстіе изъ Парижа, что матушка моя больна при смерти. Мы поскакали въ Парижъ, и два мѣсяца Тольди раздѣлилъ у смертнаго одра моей матери самыя нѣжныя, неусыпныя попеченія. Матушка скончалась: я остался одинъ на бѣломъ свѣтѣ. Тольди сдѣлался мнѣ необходимымъ: онъ ухаживалъ за мной съ родительскою нѣжностью. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ... независимое, большое состояніе, оставленное мнѣ покойницей матушкой, давало мнѣ средства жить богато, открыто. Вскорѣ я сдѣлался центромъ веселой и буйной молодежи; но Тольди отъ насъ удалялся и, казалось, грустилъ. Меня это огорчало, и мнѣ пришло на умъ, что другу моему тяжело становится жить на мой счетъ и обязываться молокососу, котораго онъ старѣе шестью или семью годами.

— А который тебѣ годъ, прервала графиня? Я, право, не знаю.

— И нѣтъ никакой нужды знать!

— Но однакоже!...

— Какое тебѣ дѣло, другъ мой! *на сердцѣ нѣтъ морщинъ*. По разуму и опытности, продолжалъ комически Жоржъ: — мнѣ восемьдесятъ лѣтъ, а по чувству двадцать,—и довольно съ тебя!

Графиня, кажется, не удовольствовалась отвѣтомъ му-

жа, потому что она приложила розовый свой пальчикъ ко лбу и, казалось, дѣлала вычисленія. Жоржъ нѣжно поцѣловалъ ее, и продолжалъ свой разсказъ:

— Лишь только запала мнѣ въ голову мысль, что Тольди груститъ по милости своей денежной зависимости, я началъ обдумывать, какъ бы помочь горю. Я былъ расточителенъ, безрасчетенъ; нерѣдко случалось мнѣ проигрывать значительныя суммы въ одну ночь. — «Что̀ будетъ въ самомъ дѣлѣ—подумалъ я—съ бѣднымъ моимъ Тольди, если я, помилуй Богъ, разсорюсь?... а чего добраго!» Все это я хорошенько пообдумалъ, да въ одинъ *прекрасный день*, когда мы сидѣли въ двоемъ послѣ завтрака, покуривая гаванскія сигары, я, послѣ довольно неловкаго, но краснорѣчиваго предисловія, покраснѣвъ до ушей, протянувъ Тольди дружески руку со вложеніемъ билета во сто тысячъ.

Графиня обняла мужа и прижала его къ груди.

— Вотъ спасибо, душа моя! ты чудный у меня мужъ.— Ну, что̀ сказалъ на это капитанъ?

— Педро, продолжалъ графъ: — чрезвычайно поблѣднѣлъ, но не вымолвилъ ни единаго слова.

— А капитана зовутъ Педро!

— Да!... онъ не любитъ, чтобъ его звали Пьетро; Педро долго молчалъ, и наконецъ, возвращая мнѣ билетъ, сказалъ съ грустнымъ выраженіемъ: «Я думалъ, Жоржъ, что между нами вѣчный союзъ, и что мы никогда не разстанемся; что̀ жъ, развѣ я тебѣ надоѣлъ?»—«А коли на то пошло, отвѣчалъ я. — такъ пусть будетъ по твоему; тебѣ же хуже! Если я разсорюсь въ-пухъ, разсоришься и ты со мной вмѣстѣ — вотъ и только». — «Помилуй,

Жоржъ! у тебя очень достаточно, чтобы жить прилично твоему положенію въ свѣтѣ; правда, что ты немного расточителенъ, безпеченъ,—ну что́ жъ! тебѣ нуженъ вѣрный другъ, который занимался бы твоими дѣлами, удерживалъ бы тебя своими совѣтами!» Ты не можешь вообразить себѣ, Надя, съ какимъ чувствомъ выражался Тольди! Въ его голосѣ отзывалось нѣжнѣйшее родительское участіе; въ прямомъ, простодушномъ его взорѣ видна была безконечная, совершенная преданность. Я бросился къ нему на шею, и братски прижалъ его къ сердцу. «Отнынѣ и навсегда, горе и счастье пополамъ», сказалъ я съ увлеченіемъ. Съ этого дня Тольди прибралъ въ руки все наше хозяйство. Дѣло у него пошло на другой ладъ; неутомимый, всезнающій, онъ всюду поспѣвалъ, за всѣмъ смотрѣлъ собственнымъ хозяйскимъ глазомъ.—Его ни какой купецъ не перехитритъ; онъ всякаго жида проведетъ, каждаго барышника заткнетъ за поясъ. Всѣ любуются нашей упряжью, а лошади мнѣ и половины не стоятъ настоящей ихъ цѣны. Недро мѣняетъ, торгуетъ, барышничаетъ. Богъ его знаетъ, какъ онъ дѣлаетъ, а всегда концы съ концами сводитъ. Вотъ этотъ домъ, напримѣръ, онъ купилъ за безцѣнокъ, съ публичнаго торга, и въ два или три мѣсяца превратилъ его въ достойный тебя храмъ, мой милый кумиръ! Повѣришь ли, смѣшно разсказывать, но у него гдѣ-то выстроена какая-то оранжерея или парникъ — право, не знаю, какъ это называется — гдѣ онъ выводитъ весною раннія произрастенія; тамъ у него и огурцы, и горошекъ, и спаржа, и артишоки; тамъ же онъ откармливаетъ куръ, гусей...

Графиня разразилась продолжительнымъ хохотомъ.

— Смѣйся, смѣйся, драгоцѣнная моя шалунья, продолжалъ графъ: — а по милости этихъ пустяковъ мы живемъ, сама ты сознаешься, какъ люди, у которыхъ пятьсотъ тысячъ доходу, а проживаемъ едва ли двѣсти.

— Да, онъ неоцѣненное сокровище, твой Педро! сказала графиня, утирая глазки, увлаженные продолжительнымъ смѣхомъ. — Я, пожалуй, влюблюсь въ него, прибавила она, улыбаясь.

— Шути, душа моя, а я серіозно безпокоился, что, пожалуй, Тольди мой тебѣ не понравится, и огорчался этой мыслью. — Онъ только и живетъ моимъ счастьемъ; онъ гордится моимъ щегольствомъ, богатствомъ, и счастливъ, когда мнѣ завидуютъ; о себѣ же онъ вовсе не заботится: ему не нужны ни экипажи, ни обѣды, ни пиры...

— Да что жъ онъ любитъ наконецъ? прервала графиня.

— Меня! отвѣчалъ просто и съ чувствомъ Жоржъ; — а теперь меня и тебя. — Ты понимаешь, Наденька, что между Тольди и мной не можетъ существовать ни какого преимущества; однако жъ, мнѣ никогда не удавалось уговорить его жить одинаковой со мной жизнію. Онъ прячется въ своемъ уголкѣ, и довольствуется слѣдить издалека за моими поступками. Повѣришь ли, когда я былъ холостымъ, бывало захочешь пошалить... а что скажетъ Тольди? — подумаю — и остановлюсь во время. — Дружба, возведенная на такую возвышенную степень, чуть ли не выше чувства любви.

Графиня своей ручкою зажала ротъ Жоржу. Онъ поцѣловалъ ее нѣжно.

— Между мной и тобой — и любовь и дружба; но одна любовь взыскательна, а истинная дружба дышитъ самоотверженіемъ.

— Но твоему описанію, Жоржъ, сказала графиня, подумавъ немного: — капитанъ идеалъ совершенства; въ наше время его не сумѣютъ оцѣнить.

— Ты права, Надя, мало людей въ состояніи оцѣнить Тольди. Я его душевно уважаю! и откровенно сознаюсь, что не стою его.

Графиня поцѣловала мужа за его скромность.

— Однако же, пора тебѣ одѣваться, если хочешь ѣхать на Елагинъ, сказалъ ей Жоржъ. — День еще не слишкомъ длинны, несмотря на ранніе весенніе заморозки нашего непостояннаго и капризнаго апрѣля.

На Елагинскомъ мысѣ (á la pointe), куда модное общество съѣхалось утромъ подышать преждевременнымъ весеннимъ воздухомъ, всѣ смотрѣли съ удивленіемъ на красавца мужчину, привезеннаго на показъ блистательною графинею. — Капитанъ не замѣтилъ ни души изъ окружающихъ графинину коляску. На обратномъ пути въ городъ графиня потребовала, чтобы Тольди въ этотъ день обѣдалъ за ея столомъ. Самовластное распоряженіе прелестной повелительницы принудило бѣднаго капитана затянуться въ ненавистный ему фракъ. Къ столу графиня одѣлась съ нѣкотораго рода изъисканностью и кокетствомъ, которыя обратили вниманіе самого даже мужа.

— Графъ Тольди, сказала она капитану, входя въ гостиную: — вы поѣдете съ нами послѣ обѣда къ концерту! (Спектакля не было по случаю поста.)

Графиня выражалась, какъ видите, повелительно, что

у женщинъ означаетъ: «попробуйте отказать, какъ разъ поссоримся.»

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Тольди: — только пожалуста не называйте меня графомъ: я отъ этого отвыкъ.

— Ну, пожалуй. Не сердитесь: г. капитанъ, и дайте мнѣ руку.

И живая, плѣнительная графиня пошла въ столовую, дружески опираясь на руку Тольди.

За столомъ капитанъ сидѣлъ прямо, неподвижно, слушалъ съ почтеніемъ графиню, которая безъ умолку говорила; отвѣчалъ рѣзко, отрывисто, — словомъ велъ себя такъ безтолково, что почти разсердилъ графиню, которой досадно стало, что ея любезность принимаютъ такъ холодно.

—Что съ тобой, Педро? говорилъ графъ:—развеселись немного, не дичись, пожалуйста; подумаешь, глядя на тебя, что ты въ гостяхъ. Ты такимъ образомъ разсердишь Надю, и, пожалуй, надоѣшь ей.

Тольди простодушно улыбался, но не перемѣнялъ обращенія.

Когда они вышли изъ столовой, Тольди сказалъ, что обыкновенная жизнь его совсѣмъ иначе устроена, что онъ не привыкъ такъ поздно обѣдать, и, извинясь, что онъ вялъ и неповоротливъ, признался, что ему просто спать хочется,

— Мое намѣреніе, сухо замѣтила обиженная графиня: — приглашая васъ въ концертъ, было провести вмѣстѣ вечеръ; но вы, пожалуйста, не безпокойте себя...

— Я поѣду съ вами, быстро проговорилъ Педро.

Онъ позвонилъ, и сказалъ вошедшему слугѣ:

— Заложить четырехъ-мѣстную карету, и, обратившись къ графинѣ, прибавилъ съ тонкой улыбкой:— если ужъ вы мнѣ это позволяете, такъ я и самъ не согласюсь оставить васъ ни на минуту въ продолженіе вечера.

Тольди сказалъ это неосторожно, потому что между выраженіемъ послѣдней фразы и обращеніемъ его во время обѣда была слишкомъ разительная противоположность. Графиня быстрымъ и хитрымъ взоромъ окинула Тольди, и задумалась. Капитанъ спохватился, и принялъ прежній холодный видъ. Въ половинѣ концерта онъ съ простодушіемъ сказалъ:

— Вы видите, графиня, что я порядочно скучный собесѣдникъ. Не даромъ я сидѣлъ въ своемъ уголкѣ.

— По правдѣ сказать, капитанъ, вы неразговорчивы.

— Такъ оставьте меня въ моемъ уединеніи: дозвольте мнѣ вполнѣ предаться любимымъ моимъ занятіямъ —попеченіямъ о вашемъ благосостояніи, о вашихъ удовольствіяхъ: я только и годенъ на то, чтобы исполнять должность вашего управителя.

— Что́ за притворщикъ! возразилъ графъ:— не вѣрь ему, Наля, онъ уменъ, начитанъ; стоитъ ему захотѣть— и посмотри, какъ онъ отличится въ гостиной.

— Прощайте, графиня! сказалъ, капитанъ: — вставая, я уѣду: мнѣ, право спать хочется.

Графиня холодно поклонилась, и не отвѣчала ни слова.

— Что́ за медвѣдь возлюбленный твой другъ! сказала она, когда онъ вышелъ изъ ложи.

— Добрый и вѣрный другъ, отвѣчалъ графъ.—Другой бы на его мѣстѣ разсыпался любезностями, завалилъ бы тебя комплиментами, а онъ прикинулся пугаломъ!

— Вотъ что́ еще выдумалъ! возразила графиня съ не-

терпѣніемъ:—ужасно опасенъ твой дикарь!... Впрочемъ, продолжала она послѣ минутнаго молчанія: — тутъ, можетъ быть, и не безъ разсчета: найдутся женщины, которыхъ заинтересуетъ его суровость.

По окончаніи концерта, орловскіе рысаки мигомъ примчали молодую чету на Сергіевскую. Карета взъѣхала на дворъ, и остановилась у внутренняго подъѣзда. Выходя изъ кареты, графиня спросила небрежно у мужа:

— А гдѣ берлога твоего сокровища?

— Надъ сараями, отвѣчалъ, графъ, улыбаясь.

— Кажется, у него свѣтъ въ окошкахъ?

— Да! странно, что онъ еще не спитъ! замѣтилъ графъ.

Дѣйствительно, бѣдный капитанъ не спалъ: онъ ожидалъ возвращенія графини, и обсуживалъ всѣ испытанія минувшаго дня.

Въ концѣ прошлаго января, когда Жоржъ повезъ его въ итальянскую оперу, чтобы издали показать ему прекрасную свою невѣсту, Тольди съ перваго взгляда на очаровательную княжну почувствовалъ, что сердце его сильно вздрогнуло; въ предестномъ образѣ, представившемся внезапно его взорамъ, онъ узналъ собственный свой идеалъ. Непреодолимое влеченіе овладѣло душою несчастнаго Педро, и влеченіе тѣмъ болѣе могущественное, что долго и упорно онъ умѣлъ сохранить сердечное спокойствіе. Въ церкви, во время свадьбы, при которой онъ присутствовалъ въ толпѣ, странное чувство овладѣло его мыслями; онъ находился въ какомъ-то чудномъ полуозабвеніи. Ему казалось, что не Жоржъ, а онъ самъ вѣнчается съ избранною его сердцемъ. Онъ тихо и про себя

повторялъ молитвы таинства, и отвѣчалъ на вопросы священника.

По окончаніи обряда онъ пришелъ въ себя; но не отвергъ обѣтовъ имъ произнесенныхъ. «Пусть одинъ Богъ будетъ свидѣтелемъ чистой моей любви, подумалъ онъ, а Жоржъ, другъ и братъ моей души, да будетъ счастливъ съ *нею*!»

Отличительныя качества Тольди— безпредѣльное самоотверженіе и преданность—не измѣнили ему и въ этомъ крайнемъ, тягостнѣйшемъ для него случаѣ. Съ того времени онъ избѣгалъ встрѣчи съ графиней; утѣшеніемъ, счастіемъ своимъ онъ поставлялъ ежеминутныя о ней попеченія. Онъ сознавалъ, что безъ его бдительнаго наблюденія состояніе дорогой ему четы поколеблется, и хозяйство ихъ придетъ въ разстройство. Внутреннее сознаніе, что онъ необходимъ для ихъ спокойствія, доставляло ему восторженныя минуты блаженства.

Долго преданный, пламенно любящій Тольди скрывался въ скромномъ своемъ уголкѣ; но графинѣ вздумалось вызвать его изъ тихаго убѣжища, и протекшій день открылъ бѣдному капитану новый рядъ испытаній. Онъ обдумывалъ всѣ обстоятельства— и напрасно старался разрѣшить трудную психологическую задачу: «какимъ образомъ, не снискивая любви графини, не подпасть подъ бремя ея ненависти?»

Простодушный, неопытный въ свѣтскомъ обращеніи, Тольди воображалъ, что онъ очень ловко прикрылъ душевное свое волненіе суровостью и нелюдимостью; но не менѣе того онъ безпокоился:

«Что—думалъ онъ—если графиня какъ нибудь да до-

гадалась, не поссоритъ ли она его съ Жоржемъ, если онъ ей показался слишкомъ противенъ? Что, если ей вздумается его помучить, пококетничать съ нимъ отъ нечего дѣлать?»

Послѣдняя мысль такъ выходила изъ привычекъ скромности и прямодушія капитана, что онъ, недовольный самимъ собой, потушилъ свѣчку и легъ спать.

III.

На слѣдующій день графиня спокойно позавтракала, не спросивъ даже о причинѣ ослушанія Тольди, которому наканунѣ приказано было являться всякое утро; къ тому же случилось, что тотъ день—былъ пріемный день графини; она обошла всѣ комнаты, нашла все въ порядкѣ: прислугу на мѣстахъ, карсели и свѣчи приготовленными и разставленными гдѣ слѣдуетъ. Все это было сдѣлано попеченіемъ капитана; но она, казалось, и забыла о существованіи Тольди. Когда, далеко за полночь, гости начали разъѣзжаться, капитанъ, сидя въ своей комнатѣ, отъ удовольствія потиралъ себѣ руки.

«Слава Богу—говорилъ онъ про себя—вчерашняя попытка графини переселить меня въ гостиную была только мимолетная вспышка любопытства!»

Между тѣмъ графинѣ, по правдѣ сказать, и нѣкогда было думать о такомъ малозначащемъ лицѣ, какъ капитанъ Тольди. Жизнь свѣтской и модной женщины напол-

нена хлопотами и занятіями. Утромъ принятіе и отдача визитовъ, перестрѣлка съ обожателями и мнимыми пріятельницами; къ обѣду туалетъ... и что́ за трудная вещь туалетъ!—нужно изобрѣсть какую нибудь новую прическу, прибрать къ лицу цвѣтъ бантика, пояса, платья, всякому предмету придать свое значеніе, свою особую спеціяльность; вечеромъ новыя заботы: нужно размѣстить, занять гостей; а тамъ, смотришь, балъ... о, балъ имѣетъ важное значеніе! это—поле битвы; тутъ на каждое движеніе, на каждый шагъ модной женщины обращено всеобщее вниманіе; поговорки ея остаются пословицами, жесты, движенія головы, малѣйшіе оттѣнки въ танцахъ принимаются типомъ хорошаго тона! Предъ побѣдительницами свѣтъ преклоняетъ колѣни, а побѣжденныхъ безжалостно затираетъ въ толпу. Побѣда въ свѣтѣ имѣетъ гораздо важнѣйшія послѣдствія, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Избранной людьми многое дозволяется, что́ въ другой женщинѣ порицается безпощадно. Львица, свѣтскій кумиръ, повелительница хорошаго тона — назовите какъ хотите—смѣло отправится вдвоемъ въ колескѣ, въ каретѣ, верхомъ, во все увиденіе съ любымъ мужчиной, и никому не прійдетъ въ голову хулить ея поступокъ; на загородномъ гуляньѣ при тысячѣ свидѣтелей, она закуритъ сигаретку, и на другой день, сперва втихомолку, а потомъ и явно, десятки прелестныхъ, розовенькихъ ротиковъ начнутъ принужденно пускать противный дымъ. На балѣ, въ многочисленномъ обществѣ, какой нибудь скромной, малоизвѣстной, прекрасной собой женщинѣ необходимо сказать нѣсколько тайныхъ, роковыхъ словъ избранному ея сердцемъ; она ждетъ удобнаго случая, роб-

но озирается, трепещетъ и старается уловить минуту случайнаго уединенія.

Повелительница моды не стѣсняется ничѣмъ; однимъ движеніемъ головы, однимъ взоромъ она удалитъ окружающихъ ее, и въ глазахъ цѣлаго раболѣпствующаго общества, не измѣнясь въ лицѣ, проговоритъ весь вечеръ съ предметомъ ея завиднаго вниманія!

Графиня находилась во всѣхъ условіяхъ свѣтскаго владычества: богатство, происхожденіе, очаровательная красота, умъ, воспитаніе — все давало ей неотъемлемыя права; она это чувствовала, и не мудрено, что, не желая утратить свои преимущества, она выступила на поприще состязанія. Успѣхъ былъ блистательный. Вскорѣ отъ Морской до Сергіевской (включая и Дворцовую Набережную), въ этомъ раіонѣ петербургскаго аристократизма, власть прелестной графини принята была единодушно.

Пока графиня пріобрѣтала свѣтскую власть, капитанъ, въ скромныхъ своихъ занятіяхъ, совершенно забытый ею, не переставалъ заботиться объ ея благосостояніи. Съ самаго утра онъ побываетъ вездѣ, осмотритъ экипажи графини, взглянетъ на ея любимую верховую лошадь, обойдетъ парадныя комнаты, и проникнетъ — пользуясь временемъ, когда графиня покоится еще въ спальнѣ — въ собственный ея кабинетъ. Онъ осмотритъ, все ли на мѣстѣ, все ли прибрано по ея вкусу; съ юношескимъ волненіемъ долго вопьется взоромъ въ бархатную кушетку, любимое мѣсто ея отдохновенія; съ завистью смотритъ на табуретку, на которой покоятся прелестныя ея ножки; трепетно прикоснется къ оставленному ею наканунѣ рукодѣлью. Однажды ему случилось найти въ

углу дивана забытый ею батистовый платокъ; онъ бросился на него, какъ на сокровище; робко озираясь кругомъ, онъ пламенно прижималъ его къ ныlающему лицу и, не смѣя воспользоваться драгоцѣнною находкою, послѣ минутнаго блаженства и забвенія, положилъ его осторожно на прежнее мѣсто.

Наступающіе праздники Свѣтлаго Воскресенія увеличили заботы и хлопоты капитана. Странно! какъ бы ни было хорошо устроено хозяйство, но съ приближеніемъ праздниковъ въ Петербургѣ, а можетъ быть и вездѣ, оно принимаетъ какое-то судорожное движеніе. Обновить мебель, сдѣлать новыя ливреи, освѣжить драпри,—все это, конечно, мелочи, но мелочи докучливыя, о которыхъ необходимо подумать. Капитанъ всюду поспѣвалъ; угодить, предупредить желанія графини было его единственнымъ блаженствомъ.

Въ четвергъ на Святой Недѣлѣ капитану захотѣлось полюбоваться на экипажъ прелестной графини, выѣхавшей утромъ на гулянье; онъ протолкался сквозь толпу народа, и сталъ за веревкой. Щегольской фасонъ графининой коляски, богатая упряжь, колоссальный кучеръ, миніатюрный грумъ, въ изящной ливреѣ, обращали всеобщее вниманіе. Тольди радовался замѣчаніямъ, невольнымъ восклицаніямъ толпы, и любовался граціозной позой графини. Не доѣзжая до него, графиня узнала капитана издалека по высокому его росту и выразительному лицу.

— Вотъ капитанъ! сказала она, обращаясь къ мужу.

— Ему праздникъ, отвѣчалъ мужъ:—онъ радуется смотря на нашъ экипажъ; нѣтъ лучше нашихъ рысаковъ

на гуляньѣ: намъ, можетъ быть, завидуютъ! А онъ и радъ: посмотри, какъ самодовольно онъ улыбается! Ты его не замѣчала, а я увѣренъ, что онъ съ начала Святой всякое утро приходитъ нами любоваться.

Поровнявшись съ Тольди, графиня велѣла остановиться и пригласила его сѣсть въ коляску. Капитанъ покраснѣлъ до ушей.

— Помилуйте, графиня! я шатался по грязи, и въ неуклюжемъ пальто, замѣтилъ онъ въ смущеніи.

— Велика бѣда! возразила графиня.—Жоржъ не церемонится и прямо съ лошади, въ шпорахъ, садится ко мнѣ въ коляску.

— Да Жоржъ вашъ мужъ!

— А Педро— другъ, сказала графиня съ очаровательной улыбкой.

Тольди вспыхнулъ: слова и улыбка графини застали его врасплохъ. Онъ пламенно взглянулъ на графиню, и въ этомъ взорѣ минутно отразилась вся пылкая, безпредѣльно любящая его душа. Графиня углубилась въ коляску, отвернула головку, обративъ, по видимому, вниманіе на пеструю толпу, и задумалась. Взоръ капитана озарилъ новымъ свѣтомъ и мысли и мнѣнія графини о немъ. Она невольно взглянула на щадушнаго своего мужа и возсоздала въ своей памяти, не подымая на него глазъ, величественный, прекрасный образъ Педро; невольно также сдѣлала сравненіе между ежедневнымъ, тревожнымъ самотверженіемъ одного, и счастливою безпечностью другаго. Богъ знаетъ, какое искушеніе пробѣжало искрою въ сердцѣ графини; но на прелестныхъ ея глазнахъ блеснула слеза состраданія.

Возвратясь домой, графиня, выходя изъ коляски, пожала руку Тольди, и сказала ему съ упоительною улыбкою:

— Сегодня вы обѣдаете съ нами, или я разсержусь не на шутку. Я знаю, какъ много мы вамъ обязаны; и, право, грѣшно вамъ дичиться и уклоняться отъ нашей благодарности. У насъ сегодня будетъ дядя мой, родственница княгиня Т.... и еще кой-кто. Я хочу *вами* похвастаться, прибавила она, легко вбѣгая на богатую лѣстницу.

Тольди отправился одѣваться въ свою комнатку. Ему было, тягостно и легко, и весело и грустно; онъ не могъ отдать себѣ отчета въ взволнованныхъ своихъ чувствахъ. Долго онъ искалъ бѣлаго галстуха, приличнаго жилета, осмотрѣлъ и оправилъ свой фракъ, прическу; съ трудомъ надѣлъ на трепещущія свои руки палевыя перчатки, а еще съ большимъ трудомъ застегнулъ ихъ на пуговки. Пять часовъ — назначенный часъ для обѣда — медленно прозвонили столовые часы; каждый ударъ молотка отзывался въ сердцѣ Тольди. Онъ испугался своего волненія, и съ ужасомъ замѣтилъ, что стоитъ передъ зеркаломъ. Правду сказать, было чѣмъ полюбоваться! Смуглое, но прекрасное лицо капитана, осѣненное черными кудрями, отражалось отъ гладкой поверхности,—не въ привычной венгеркѣ или поношенномъ пальто, а въ щегольскомъ, строгомъ нарядѣ свѣтскаго денди. Бѣлый галстухъ придавалъ особенный оттѣнокъ небольшимъ его усамъ и collier grec; глаза его блистали необыкновеннымъ огнемъ. Капитанъ выждалъ, чтобы гости съѣхались, и въ послѣднюю минуту передъ самымъ обѣдомъ вошелъ въ гости-

ную, съ шляпою въ рукахъ. За обѣдомъ онъ разыгрывалъ прежнюю, молчаливую, второстепенную роль; но на этотъ разъ графиня ни на минуту не поддалась обману: она помнила свѣтлый и пламенный взглядъ Тольди.

Дядя графини—человѣкъ тонкій, придворный, знающій свѣтъ и людей, какъ свои пять пальцевъ—былъ предупрежденъ графинею о достоинствахъ, умѣ, образованіи и преданности капитана.

Выходя изъ-за стола, старикъ обратился учтиво къ Педро, и спросилъ его: «отчего ему не случалось прежде встрѣчаться съ графомъ Тольди?» «О!—отвѣчала за него графиня, улыбаясь — онъ прячется и дичится!»

Старая княгиня, также тонкая, умная и опытная женщина, услыхавъ отвѣтъ графини, быстро перешепнулась съ ея дядею. Въ свѣтѣ взглядъ замѣняетъ множество словъ. Однимъ взглядомъ можно уничтожить человѣка, высказать презрѣніе или несказанную лесть, указать на тайну или отвлечь вниманіе, обнаружить ѣдкую догадку или, потупивъ взоръ, оказать совершенное невниманіе къ самому поразительному предмету. Графъ и прочіе не замѣтили взгляда стариковъ; но Тольди,—преданный, вѣрный Тольди — былъ пораженъ какъ громомъ язвительнымъ значеніемъ этого краснорѣчиваго взгляда.

«Какъ — подумалъ онъ — ея дядя и эта старуха уже полагаютъ возможность тайнаго сношенія между мной и графинею!—Неужели успѣхъ, счастье мое зависятъ лишь отъ меня одного, отъ моей смѣлости! Но Жоржъ? что жъ будетъ съ нимъ?

Цѣлый ураганъ мыслей, впечатлѣній проникъ мгновен-

но въ душу Педро. Любовь и самоотверженіе, пламенныя желанія и преданность къ Жоржу сталкивались, боролись, одолѣвали другъ друга въ потрясенномъ сердцѣ Тольди. Бѣдному, скромному страдальцу захотѣлось имѣть одинъ день торжества, блеснуть, выказаться передъ предметомъ чистой своей страсти.

Капитанъ сбросилъ съ себя личину смиренія: онъ блистательно оживилъ разговоръ, широкими, живописными чертами описалъ кавказскія похожденія свои, бивачный бытъ, черкесскіе нравы, коснулся высокихъ, психологическихъ вопросовъ національности, разности племенъ.... Графиня забыла все окружающее, и съ восторгомъ слѣдила за каждою его мыслію, за каждымъ выраженіемъ.

Въ осьмомъ часу старая княгиня поцѣловала въ лобъ свою родственницу, дядя пожалъ ей руку, и гости разъѣхались. Чрезъ нѣсколько минутъ, Жоржъ спросилъ жену, поѣдетъ ли она въ балетъ. Графиня отвѣчала ему, что ненавидитъ балеты; графъ замѣтилъ, что у нихъ разные вкусы на этотъ счетъ и, распростившись съ женою, оставилъ ее вдвоемъ съ Тольди.—Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, графиня, облокотясь небрежно на кресла, сказала задумчиво:

— А какъ вы думаете, капитанъ, назадъ тому мѣсяцъ Жоржъ вѣдь не поѣхалъ бы безъ меня въ театръ?

— Помилуйте, графиня! возразилъ Тольди: — Жоржъ васъ обожаетъ.

— Въ томъ-то и дѣло — обожаетъ: значитъ недолго будетъ любить! проговорила графиня.

—Удивительное, неистижимое существо женщины! вос-

скликнулъ Тольди. — Когда ихъ любятъ пламенно, онѣ опасаются, что жаръ скоро пройдетъ; когда ихъ любятъ скромно, благоразумно, онѣ жалуются на холодность....

— И всегда правы, прервала графиня, улыбаясь. — Я очень хорошо знаю Жоржа и требовать отъ него невозможнаго не буду. Онъ вѣтренъ, слегка эгоистъ, любитъ меня по своему, доволенъ, что у него жена свѣтская, и я думаю ни въ чемъ не будетъ мнѣ противорѣчить; но....

— *Но* всюду вмѣшивается, графиня, прервалъ въ свою очередь Тольди: — нѣтъ счастливыхъ обстоятельствъ, нѣтъ семейства, въ которое *но* не прокралось бы незамѣтнымъ образомъ.

Настала минута молчанія, — минута тяжелая, неловкая. Тольди обдумывалъ свой планъ, принималъ какое-то рѣшительное намѣреніе. Мало по малу лицо его приняло холодное и грустное выраженіе; онъ почти протянулся на креслахъ, и задумчиво смотрѣлъ въ потолокъ.

Графиня прервала его мечтанія.

— Да что́ж вы молчите? сказала она съ нетерпѣніемъ:—заступайтесь за Жоржа: скажите, что онъ не эгоистъ, что онъ не вѣтренъ, что онъ меня искренно любитъ!

Графиня видимо старалась избавиться отъ собственныхъ впечатлѣній, и перенести свои мысли на законную супружескую стезю.

Тольди вздрогнулъ. «Вотъ минута — подумалъ онъ — воздвигнуть между нами непреодолимую преграду!» — и благородный, возвышенный Тольди твердо приступилъ къ исполненію геройскаго своего намѣренія.

— Какъ мнѣ заступаться за Жоржа! вы знаете, какъ я его люблю, и не повѣрите моему безпристрастію.

— Но что жъ вы будете дѣлать сегодня, одна безъ мужа? прибавилъ простодушно Тольди.

— А вы развѣ уѣзжаете? сказала графиня, смотря на капитана лукаво.

— Извините меня, мнѣ нужно ѣхать.

— Куда?

— Вы будете смѣяться, графиня, сказалъ Тольди, стараясь не встрѣтить ея глазъ.—Я долженъ ѣхать... въ балаганы.

Дѣйствительно, графиня расхохоталась.

— Что за вздоръ! сказала она, наконецъ, насмѣявшись досыта: — зачѣмъ вамъ вечеромъ въ балаганы?

Графиня смѣялась; но ей становилось досадно, что Тольди мѣняетъ ея общество на балаганъ.

— Нужно ли вамъ признаться, повѣрить тайну, сказалъ Тольди, понизивъ голосъ, и оглядываясь, какъ бы не желая быть подслушаннымъ. — Тайну свою я даже не повѣрялъ Жоржу.

— Вотъ какъ! у благороднаго капитана есть тайны, проговорила графиня, принужденно улыбаясь.

— И позорная тайна! Утѣшьте меня, ради Бога, графиня, и помогите вашими совѣтами.

Прелестная графиня приподнялась съ кресель, и пристально посмотрѣла на Тольди.

— Позорная тайна, сказала она тихо:—у васъ, у Педро Тольди... Невозможно!

— Къ несчастью.... да, графиня! продолжалъ грус-

нымъ голосомъ капитанъ: — я влюбленъ до безумія въ танцовщицу...

— Въ танцовщицу, прервала графиня, принимая—болѣе и болѣе холодный видъ: — въ танцовщицу? на театрѣ?..

— Не на театрѣ, а на канатѣ, съ смущеніемъ проговорилъ Тольди.

Графиня отодвинула стулъ, и посмотрѣла на бѣднаго капитана почти съ презрѣніемъ.

Недро храбро вынесъ взоръ графини, и продолжалъ въ сильномъ волненіи:

—Да, графиня, пожалѣйте обо мнѣ: я, *Тольди*, потомокъ древнихъ графовъ Тольди, влюбленъ въ танцовщицу,—въ дѣвушку, которая прыгаетъ на канатѣ, въ атласной короткой юпкѣ, съ обнаженными руками и плечами,—въ дѣвушку, которая, вѣроятно, таскалась по всѣмъ ярмаркамъ и выказывала свои прелести сбродной толпѣ. Но, увы! для меня *Колибри* прелестнѣе всѣхъ женщинъ.—Замѣтьте, графиня, что Колибри—ея прозвище—дано ей иронически, потому что она не маленькое воздушное существо, соотвѣтствующее подобному названію, а высокая ростомъ, большая, стройная, широко плечая дѣвушка. — Трудно и стыдно сказать, продолжалъ Тольди съ притворнымъ жаромъ—какъ завладѣла мною эта женщина. Ни какія въ мирѣ Гризи, Плесси не въ состояніи возбудить во мнѣ тѣхъ ощущеній, которыя она мнѣ доставляетъ. Не повѣрите, графиня, какъ сильно бьется мое сердце, когда она смѣло и величественно выступаетъ на канатѣ, въ розовой атласной юпкѣ, въ бархатномъ зеленомъ спенсерѣ, обшитомъ блестящимъ голу-

номъ. Всякое движеніе ея исполнено силы, отваги, граціи; однимъ напряженіемъ твердой, желѣзной своей ножки она взвивается на невозможную вышину, и оттуда, съ высоты, нагнувъ прелестную, выразительную свою голову, она улыбается и протягиваетъ руки.... улыбается одному мнѣ, а не толпѣ, которая кричитъ и рукоплещетъ ей съ восторгомъ. О! въ эти минуты мнѣ хочется закричать безумной черни: «не для тебя она пляшетъ, не тебѣ она улыбается!» Трудно, трудно удержаться, чтобы не принять ее въ мои объятія, и не покрыть ея смуглый плечъ горячими поцѣлуями.

— Вы забываете, капитанъ, что не всѣ женщины канатныя танцовщицы, сказала графиня съ достоинствомъ, вставая съ креселъ.

—Извините, графиня, проговорилъ тихо Тольди грустнымъ голосомъ:—а я надѣялся, что вы меня пожалѣете, примете во мнѣ участье!

Въ это время графиня, повернувшись спиной къ капитану, медленно шла въ противоположный конецъ комнаты. Тольди воспользовался ея невниманіемъ, и поднялъ на нее пламенный взоръ. Неизвѣстно, почувствовала ли графиня магнитическое прикосновеніе его взгляда, но она быстро повернулась, и сказала почти ласково:

—Да его жъ вы отъ меня хотите, Педро? Это право забавно.

Тольди опустилъ голову, избѣгая глазъ графини, и упорно смотрѣлъ на узенькую, дрожащую ея ножку, небрежно поставленную на скамейку.

— Самъ, право, не знаю сказалъ онъ наконецъ со вздохомъ.

— А знаетъ ли *она*, кто вы? спросила графиня.

— Не думаю... Она слышала, что я Итальянецъ, и такъ какъ она не бываетъ никогда въ операѣ, то очень можетъ быть, что она принимаетъ меня за какого нибудь изъ пѣвцовъ.... пожалуй, за Маріо!

Графиня продолжала распрашивать.

— Ну, а какъ ея настоящее имя? не родилась же она Колибри!

Тольди покраснѣлъ и смѣшался. Онъ видѣлъ на балаганныхъ афишахъ имя *Колибри*, и воспользовался имъ; но ему не пришло на умъ узнать настоящую фамилію танцовщицы.

— Позвольте, графиня, умолчать о немъ, сказалъ онъ наконецъ, запинаясь.

— Ну да любитъ ли она васъ по крайней мѣрѣ? спросила графиня съ удареніемъ.

— Конечно, любитъ.... я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, продолжалъ Тольди.—Но во всякомъ случаѣ, я весьма несчастливъ, прибавилъ онъ, и горькая слеза досады, блеснула на его глазахъ.

— Странные люди— мужчины! сказала графиня, подумавъ немного:—Богъ знаетъ что́ ихъ привлекаетъ! Они всегда ищутъ страннаго, необыкновеннаго!... Да когда же вы встрѣтились съ вашей прыгуньей?

— На прошлой маслянницѣ, отвѣчалъ Тольди.—Время было холодное. Закутавшись въ теплый пальто, я проходилъ мимо какого-то балагана. Шумъ турецкаго барабана заставилъ меня поднять голову, и я увидѣлъ на балконѣ, между паяцомъ и какимъ-то уродомъ съ длинной паклевой бородой, прелестную дѣвушку. Она стояла одѣтая

въ трико, въ одномъ коротенькомъ атласномъ платьѣ, и задумчиво смотрѣла на толпу. Бѣдныя ея обнаженныя плечи и руки, которыя она скрестила на груди, дрожали отъ холоду.... Мнѣ стало жалко: я вошелъ въ балаганъ..., и съ тѣхъ поръ я всякій вечеръ хожу за ней, чтобы проводить ее домой....

Графиня, которая опять граціозно полулежала на креслахъ, съ участіемъ посмотрѣла на Тольди и сказала ему:

— Бѣдный, несчастный Педро! Однакожъ, ступайте, прибавила она, съ великодушіемъ чистой, непорочной женщины:—нето вы опоздаете.

И она ласково протянула прелестную свою ручку капитану; Тольди трепетно прижалъ ее къ своимъ устамъ и удалился.

На слѣдующій день, послѣ мучительной ночи, Тольди рано утромъ вышелъ со двора для довершенія начатаго плана. Выдумавъ на себя небывалую страсть, ему необходимо было придать своей выдумкѣ личину правдоподобія. Въ балаганѣ, гдѣ танцовала Колибри, онъ отыскалъ паяца и посредствомъ пяти цѣлковыхъ узналъ и имя и мѣсто жительства вымышленной своей любовницы. На В*** проспектѣ, въ четвертомъ этажѣ, жила Колибри, которой родовое имя было Амалія Ганцъ.

Грустный, убитый духомъ, капитанъ взобрался по грязной лѣстницѣ и позвонилъ у дверей танцовщицы. Неопрятная старуха отворила дверь.

— Что вамъ нужно? спросила она, довольно грубо, при видѣ незнакомаго человѣка.

— Я желаю видѣть Амалію Ганцъ, отвѣчалъ Тольди.

— А на что вамъ она? возразила старуха.

Изъ дверей задней комнаты показалась смуглая, любопытная головка въ папильоткахъ; вѣроятно, выразительное лицо капитана пришлось ей по вкусу, потому что она довольно повелительно сказала старухѣ:

— Впусти его, матушка! зачѣмъ ты его держишь на лѣстницѣ?

Тольди вошелъ въ маленькую комнатку, загроможденную неубранной кроватью, деревяннымъ столомъ, съ остатками вчерашняго ужина, разбросанными по стульямъ различными поношенными костюмами.

— Я Амалія, сказала дѣвушка въ папильоткахъ и въ ночномъ, нѣкогда бѣломъ пеньюарѣ.

— Послушайте, сказалъ ей Тольди, снимая шляпу:— я человѣкъ богатый и, какъ видите, не первой молодости; я васъ часто видѣлъ въ вашихъ эквилибрическихъ упражненіяхъ и принимаю въ васъ живѣйшее участіе. Святая недѣля скоро пройдетъ. Зачѣмъ вамъ таскаться по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ? останьтесь здѣсь. Я предлагаю вамъ удобную квартиру, прислугу и полтараста цѣлковыхъ въ мѣсяцъ.

Глаза старухи блеснули радостнымъ огнемъ; Амалія предложила стулъ незнакомцу, сама усѣлась на кровати и, окинувъ его взглядомъ съ ногъ до головы, сказала кокетливо:

— А развѣ вы меня любите?

Тольди грустно улыбнулся.

— Я васъ буду любить какъ дочь, отвѣчалъ онъ: — вы ни въ чемъ не будете нуждаться, всѣмъ будете довольны.

— Что вамъ за охота смѣяться надо мной? прервала его дѣвушка недовѣрчиво.

— Я говорю серьёзно, возразилъ капитанъ: — и готовъ сегодня же исполнить свои обѣщанія.

— Но съ какою цѣлью? воскликнула встревоженная Амалія. — Я васъ не понимаю... что же вы отъ меня требуете?

— Ровно ничего, отвѣчалъ Тольди:—я хочу васъ обезпечить....

— Но... начала было съ нетерпѣніемъ Колибри.— Старуха не дала ей кончить.

— Какое намъ дѣло, Мальхенъ, до причудъ господина. Мы возьмемъ свои предосторожности:. контрактъ на новую квартиру напишемъ на наше имя, попросимъ мѣсяцевъ за шесть впередъ обѣщанныя деньги, а тамъ воля его поступать, какъ ему заблагоразсудится.... въ обиду же тебя не дадимъ, слава Богу.

— Да полно, матушка! что я въ самомъ дѣлѣ за кукла! кажись, не совсѣмъ еще уродомъ родилась прибавила дѣвушка, посматривая на прекраснаго незнакомца.

— Согласись, пожалуста, на мои предложенія, сказалъ убѣдительно Тольди.

— Но вы будете, по крайней мѣрѣ, часто меня навѣщать, сказала Амалія, вставая и выпрямляя гибкій свой станъ.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Тольди.

— Ну, тогда еще увидимъ, проговорила Колибри, значительно улыбаясь.

Старуха мигнула капитану и вывела его въ прихо-

жую. Въ нѣсколькихъ словахъ дѣло было слажено и покончено.

Когда старуха вернулась одна въ комнату, Амалія сказала ей задумчиво:

— Что онъ такое замышляетъ, этотъ высокій и красивый мужчина?

— И полно, Мальхенъ! охота тебѣ безпокоиться! отвѣчала мать.—Жить мы будемъ припѣваючи; а потомъ, какъ тебѣ съ нимъ не сладить, пустяки!

IV.

На Ѳоминой недѣлѣ Колибри переѣхала въ Большую Морскую, гдѣ заняла съ матерью чистенькую, хорошо отдѣланную квартиру въ четыре комнаты. Капитанъ, посреди бѣлаго дня, приходилъ навѣщать ее, на короткое время, раза два-три въ недѣлю. Колибри кокетничала съ нимъ, но все понапрасну. Тольди исполнялъ свои обѣщанія: дѣвушка ни въ чемъ не нуждалась, имѣла даже излишнее; но капитанъ оставался по прежнему холоденъ. Амалія дулась, сердилась, но не успѣвала въ своихъ предпріятіяхъ.

Между тѣмъ у Колибри завелись модныя шляпки, шали, мантильи; она начала показываться на островахъ въ наемныхъ, но красивыхъ экипажахъ. Вскорѣ молодежь обратила вниманіе на ея смуглое, выразительное лицо;

стали узнавать, распрашивать и добрались, что она на содержаніи у какого-то Итальянца.

Ухватясь за первое звѣно, нетрудно было по цѣпи соображеній дойти до правдоподобнаго заключенія. Въ свѣтѣ начали поговаривать о любовницѣ *друга* графа Гельти; а въ кругу нѣкотораго рода женщинъ стали завидовать Амаліи; и поэтому, разумѣется, злословить.

«Видишь—говорили—какъ посчастливилось прыгуньѣ: въ колескѣ разъѣзжаетъ, въ мантильяхъ отъ Делиля расхаживаетъ, а прежде таскалась по ярмаркамъ. И что въ ней? смуглая, смѣлая, нахальная — и больше ничего!»

«Впрочемъ—прибавляли лукаво—покровитель ея не больно нѣжно съ ней обходится, вишь утромъ только навѣщаетъ, не отобѣдаетъ съ ней никогда. Говоритъ, что онъ ее выдерживаетъ и прочитъ на какія-то таинственные замыслы. Не одобровать Колибри.»

Сплетни эти дошли, какъ водится, до ушей Амаліи. Однажды капитанъ засталъ ее въ слезахъ.

— Что съ тобой, дитя мое? сказалъ ей Тольди съ участіемъ.

— Какъ что отвѣчала, рыдая дѣвушка:—какъ вы со мной поступаете.... не стыдно ли вамъ! Что вы докторъ, что ли, какой, или фокусникъ? на какіе замыслы, говорятъ, вы меня прочите?

Тольди разсмѣялся и, успокоивъ, какъ могъ, встревоженную дѣвушку, уѣхалъ домой.

Наконецъ мать Амаліи, замѣтивъ что она груститъ не на шутку, пошла на распросы; безъ большаго труда

узнала она гдѣ живетъ Тольди, чѣмъ занимается, и каково его положеніе въ богатомъ домѣ графа.

Эти извѣстія еще больше взволновали Амалію.

«Что жъ это въ самомъ дѣлѣ — подумала она — этотъ господинъ ничего больше, какъ управляющій, а соритъ деньгами и, вѣроятно, чужими, неизвѣстно съ какой цѣлью. Что я игрушкой, что ли, ему досталась!»

На слѣдующей недѣлѣ, когда Тольди привезъ ей въ красивомъ портъ-монэ, обычное ея жалованье, Колибри съ негодованіемъ бросила деньги на полъ и сказала съ сердцемъ.

— Я не хочу ворованныхъ денегъ!

Тольди преспокойно всталъ и, не поднявъ портъ-монэ, вышелъ изъ комнаты.

Между тѣмъ насталъ іюнь мѣсяцъ, и графиня переѣхала на каменностровскую дачу.

Оставаясь въ городѣ, Тольди доволенъ былъ, что разстался съ Колибри: она не нужна была ему болѣе, а притворство для него было тягостно. Спустя два мѣсяца онъ получилъ слѣдующее письмо:

«Возлюбленный и неоцѣненный покровитель и другъ! какъ я могла васъ такъ жестоко обидѣть и не оцѣнить, я, право, не понимаю. Съ вашимъ отсутствіемъ взошло ко мнѣ страшное горе. Мнѣ дѣлали выгодныя предложенія; но я все надѣялась, что вы возвратитесь, и жила по прежнему. На дняхъ пришла ко мнѣ полиція, все у меня описала, взяли всѣ драгоцѣнныя вещи, вами подаренныя, и выгнали изъ дому. Неужели вы не сжалитесь надъ

бѣдной Колибри? Если нѣтъ.... то я возвращусь къ прежнему своему ремеслу: поѣду по ярмаркамъ и буду опять прыгать на канатѣ. Но чтобы не отнять силъ моихъ и способностей, мнѣ необходимо ваше прощеніе: я чувствую, что я передъ вами виновата. Вспомните Колибри и утѣшьте несчастную.

Амалія Ганцъ.»

Тольди разсмѣялся.

«Вотъ документъ — подумалъ онъ который стоитъ десяти тысячъ, которыя я на нее растратилъ.»

На другой день по полученіи этого письма, дурная погода и сентябрь мѣсяцъ заставили переѣхать графиню съ дачи. Тольди встрѣтилъ ее почтительно на лѣстницѣ. Она довольно холодно ему поклонилась и даже не пригласила войти въ гостиную. Капитанъ послѣдовалъ за графомъ въ кабинетъ, разсказалъ ему, съ притворнымъ волненіемъ, свои похожденія, показалъ письмо Колибри и, какъ будто невзначай, забылъ его на столѣ.

Послѣ обѣда графъ, оставшись вдвоемъ съ женой, сказалъ, вздыхая:

— Какое несчастіе, что такой достойный человѣкъ, какъ Тольди, привязался къ танцовщицѣ на канатѣ. Она дѣлаетъ его посмѣшищемъ. Посмотри, мой другъ, что за письмо, — и графъ вынулъ изъ кармана посланіе Колибри.

Графиня прочла его и отбросила съ отвращеніемъ: письмо было написано на толстой, заначканной бумагѣ.

— Тольди какъ ни ослѣпленъ, сказалъ графъ: — а вѣрно замѣтилъ, что дульцинея его помаливаетъ.

— И посмотри, возразила графиня : — что онъ навѣрно проститъ ее и возвратится къ ней : у этихъ женщинъ особаго рода магнитъ !

Графъ посмотрѣлъ на жену изъ подлобья и промолчалъ.

— А какъ ты думаешь, Жоржъ, продолжала графиня, послѣ минутнаго молчанія : — драгоцѣнный твой капитанъ пожалуй раззоритъ тебя, если будетъ продолжать сорить деньгами на прихоти своей возлюбленной.

— Не безпокойся, мой другъ : Тольди не продастъ насъ ни за какую Колибри.

— Это еще увидимъ, возразила съ презрѣніемъ графиня.

— На слѣдующее утро въ кабинетѣ Жоржа капитанъ засталъ графиню; она приняла его сухо, холодно; однимъ взглядомъ она опредѣлила огромное разстояніе, отдѣляющее ее отъ капитана.

Тольди испугался успѣха придуманнаго имъ обмана: онъ желалъ воздвигнуть между собою и графинею границы, но ужаснулся мысли, что возбудилъ въ ней незаслуженное презрѣніе. Онъ вышелъ изъ кабинета, пораженный до глубины сердца мучительнымъ, терзающимъ чувствомъ.

«Она почитаетъ меня недостойнымъ, позорнымъ человѣкомъ — повторялъ онъ себѣ съ отчаяньемъ. Пусть она забудетъ о моемъ существованіи — горько рыдая, говорилъ бѣдный Тольди — но я не хочу, чтобы она меня презирала! »

Душевныя терзанія одолѣли наконецъ желѣзную природу капитана : онъ впалъ сначала въ меланхолію, а потомъ вовсе занемогъ и слегъ въ постель.

Графъ не понималъ, какимъ образомъ вѣчно здоровый капитанъ могъ занемочь, и безпокоился за своего друга; однажды, когда онъ говорилъ о своемъ безпокойствѣ при графинѣ и небольшомъ кружкѣ пріятелей, графиня сказала ему хладнокровно:

— Не тужи о своемъ капитанѣ и оставь его: его мучитъ изобрѣтеніе какого нибудь новаго па на канатѣ.

Это бездушное, язвительное слово неизвѣстно какъ дошло до несчастнаго страдальца, но возвратило ему силы отчаянія: блѣдный, исхудалый, онъ оставилъ постель и съ необычнымъ жаромъ принялся за прежнія занятія. Избѣгая встрѣчи, съ графинею, онъ съ любовью предавался попеченіямъ объ ея благосостояніи, объ ея удовольствіяхъ.

Никогда цвѣты ея комнаты не были свѣжѣе и благоуханнѣе, никогда малѣйшія ея желанія не были предупреждаемы съ такою скоростію.

Капитанъ прокрадется бывало въ кабинетъ графа и оттуда слушаетъ по цѣлымъ часамъ гармоническій ея голосъ, когда она въ гостиной читаетъ мужу вслухъ или разговариваетъ съ гостями. Тольди упивался ядовитымъ наслажденіемъ присутствовать при ежедневной жизни графини, и угасалъ, изнемогая въ борьбѣ съ своимъ сердцемъ. И въ счастіи и въ горѣ время течетъ обычной струей, не обращая на людей вниманія. Дни быстро протекали.

Въ январѣ мѣсяцѣ, однажды утромъ, графъ вошелъ въ комнату Тольди.

— Послушай, Педро, сказалъ онъ капитану: — вчера меня въ клубѣ сильно наказали: я проигралъ десять

тысячъ; въ ежемѣсячныхъ счетахъ, которые, между нами сказать, нелегкій насъ дернулъ съ тобой представлять женѣ моей, напиши, пожалуста, эти десять тысячъ на свое имя. Что мудренаго взвалить на Колибри этотъ непредвидимый расходъ! А если признаться, что я проигралъ, жена будетъ безпокоиться; къ тому же, я обѣщалъ ей не играть въ большую игру.

«Боже мой — подумалъ Тольди — еще новое, тяжелое испытаніе!»

Онъ согласился на предложеніе графа, но съ чувствомъ сказалъ ему:

— Жоржъ, не играй, ради Бога: подумай, у тебя, Богъ дастъ, будутъ дѣти.

Графъ пожалъ дружески руку капитану и удалился, довольный своимъ успѣхомъ.

Чрезъ нѣсколько дней графиня, пересматривая отчеты, подняла хорошенькую свою головку и сказала графу:

— Вотъ славно! легкокрылая Колибри стоитъ намъ еще десять тысячъ.

— Не велика бѣда, отвѣчалъ Жоржъ, лѣниво протягиваясь въ креслахъ.

— Тебѣ все не бѣда! сказала графиня, вставая. — Десять тысячъ вчера, столько же сегодня! никакого состоянія недостанетъ на подобныя щедрости съ твоей стороны. И на что намъ, прибавила она, оживляясь — возлюбленный твой капитанъ? Я сама займусь хозяйствомъ: повѣрь, это обойдется намъ дешевле.

— Ты несправедлива, душа моя, возразилъ графъ: — Тольди сберегъ намъ не одну тысячу рублей, пожертво-

ванія наши ничтожны съ принесенною имъ пользою . онъ просто намъ необходимъ.

— Необходимъ, необходимъ... прервала графиня, расхаживая по кабинету: —я въ этомъ не совсѣмъ-то убѣждена.

Передъ обѣдомъ графиня потребовала къ себѣ капитана. Тольди, увидавъ ее посреди столь знакомыхъ ему предметовъ, оживляющую своимъ присутствіемъ любимое имъ убѣжище, которымъ онъ наслаждался только украдкою, смутился до глубины сердца. Онъ насилу держался на ногахъ не смѣлъ поднять глазъ на графиню.

— Любезный капитанъ, сказала она ему фамильярнымъ и холоднымъ голосомъ : — если вы вправду любите Жоржа, то рѣшитесь сдѣлать пожертвованіе, о которомъ, конечно, онъ никогда не скажетъ вамъ ни слова; но я, какъ жена его, почитаю долгомъ васъ просить.

— Вы намекаете на Колибри, сказалъ Тольди съ горькой улыбкой.

— Ну да, капитанъ ! отвѣчала графиня съ укоризненнымъ выраженіемъ голоса. — Покиньте ее ! Неужели вы промѣняете насъ на канатную танцовщицу ? Какъ это можно, чтобы человѣкъ вашего достоинства, вашего образованія привязался къ такому ничтожному существу, какъ Колибри ! Фи, капитанъ ! я полагала васъ съ возвышенной душой.

Тольди вздрогнулъ и сильно поблѣднѣлъ.

— Если бы я могъ, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ : — придумать пожертвованіе достойное васъ, графиня, — пожертвованіе, которое возвратило бы мнѣ вашу благосклонность, я бы на все сейчасъ рѣшился; но разстаться съ Колибри — слишкомъ ничтожно....

— Хорошо, прервала графиня: — это пышныя слова, а я хочу видѣть на дѣлѣ вашу преданность.

Тольди наклонился передъ графиней, не отвѣчая ни слова. Онъ поспѣшилъ удалиться, опасаясь собственнаго волненія. Слова стремились горячею лавою къ сжатымъ устамъ его; пламенныя мысли бушевали въ его головѣ; жгучее чувство сжимало его сердце. Онъ боялся малѣйшимъ движеніемъ обнаружить душевную свою тайну, боялся отвѣчать, чтобы не высказать продолжительныхъ своихъ страданій.

«Она полагала у меня *возвышенную душу*!» повторялъ онъ съ безумiемъ.

Онъ хотѣлъ было бѣжать, оставить навсегда графининъ домъ, но его остановила мысль, что́ станется съ ихъ состояніемъ, хозяйствомъ.

«Они и года не проживутъ безъ долговъ — подумалъ онъ. — Графиня неопытна, Жоржъ расточителенъ и безпеченъ. Боже мой! что́ если они разстроятся и графиня впадетъ въ нищету? Прелестная, блистательная графиня не будетъ окружена роскошью, малѣйшія ея желанія не будутъ предупреждены! О, это невозможно! воскликнулъ Тольди, возвращаясь въ свою комнату: — Пусть она останется для меня утраченною навсегда, но я останусь на вѣки ея охранителемъ!»

Со дня описаннаго разговора, графиня, принявъ молчаніе капитана за знакъ согласія и покорность ея волѣ, обходилась съ нимъ ласковѣе, нерѣдко даже посылала звать его обѣдать или оставляла на вечеръ. Новыя испытанія настали для несчастнаго Тольди: онъ желалъ невидимо охранять графиню, но встрѣчаться съ ней без-

престанно, слушать ласковый, почти дружескій ея голосъ было сверхъ его силъ.

Въ концѣ января начались маскарады въ Большомъ театрѣ. Однажды графинѣ вздумалось взглянуть на это собраніе; она предложила мужу съѣздить съ нею замаскированными, посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Тольди, эта непорочная душа, — Тольди, въ сердцѣ котораго нѣжный, чистый ликъ графини запечатлѣнъ былъ неизгладимымъ отпечаткомъ, рѣшился воздвигнуть новыя преграды между ею и позорнымъ человѣкомъ, невѣрнымъ своимъ обѣщаніямъ.

Въ день, назначенный графинею для посѣщенія маскарада, капитанъ отправился въ часъ по полуночи къ Колибри, разбудилъ ее и, взволнованную необычайнымъ пріѣздомъ Тольди, одѣлъ ее въ какой-то самый фантастическій костюмъ, прикрылъ пылающее лицо бѣдной дѣвушки полумаскою и потащилъ ее въ маскарадъ. Долго блѣдный, больной Тольди прохаживался по залѣ подъ руку съ Колибри, долго онъ озиралъ встрѣчающихся съ нимъ масокъ блестящимъ, но мрачнымъ своимъ взоромъ. Ему показалось, что Колибри ведетъ себя слишкомъ пристойно, такъ что публика не обращаетъ на нихъ вниманія. Онъ вошелъ въ буфетъ и почти насильно заставилъ Колибри выпить два стакана шампанскаго; танцовщица дрожала, но повиновалась. Непривычная къ вину, голова Колибри закружилась: мало по малу Амалія стала оживляться; прежняя веселость пробѣжала по горячей ея крови: она возвысила голосъ, стала задирать проходящихъ, наконецъ протѣснилась въ кружокъ танцующихъ и начала выдѣлывать неслыханныя, канатныя па. Общій смѣхъ

привѣтствовалъ живое появленіе плясуньи; кружокъ становился тѣснѣй, шумъ и волненіе принимали недозволительные размѣры; блюстители порядка пришли въ движеніе. Тольди взялъ опять подъ руку Колибри, чтобы избавить ее отъ изгнанія изъ маскарада, и вывелъ ее изъ кружка; въ эту самую минуту онъ повстрѣчался съ двумя масками, которыхъ узналъ съ перваго взгляда; онъ судорожно прижалъ руку Колибри, которая, несмотря на свое восторженное состояніе, съ удивленіемъ посмотрѣла ему въ глаза и пламенно прижала къ груди его руку. Тольди оттолкнулъ бѣдную дѣвушку съ презрѣніемъ, но, опомнившись, взялъ ее опять подъ руку и направилъ невѣрные свои шаги къ выходу.

Графиня, встрѣтившись съ Тольди, уводившимъ плясунью, которая была причиною минутнаго безпорядка, не усомнилась ни минуты, что это Колибри. Графиня подъ маскою презрительно улыбнулась и сказала въ полголоса мужу :

— Всѣ мужчины низки и злы. Кто бы, кажется, не надѣялся на Тольди, а и онъ не умѣетъ сдержать своего слова!...

На слѣдующее утро графиня опять послала за Тольди.

— Капитанъ, сказала она ему строго ; — вы, конечно, не захотите оставаться въ нашемъ домѣ, противъ моего желанія?

Тольди пошатнулся.

— Хорошо, графиня отвѣчалъ онъ : — быть по вашему : я удалюсь; но вы знаете Жоржа : онъ не въ состояніи управлять дѣлами такими значительными, какъ ваши. Вамъ самой нужно приняться за дѣло; трудно

вамъ будетъ сначала: занятія скучныя, многосложныя. Извините меня, графиня.... у васъ на это недостанетъ опытности.... Позвольте мнѣ остаться на нѣкоторое время и руководить васъ въ этой новой для васъ наукѣ. Съ небольшимъ въ мѣсяцъ вы всему научитесь.... и тогда, прибавилъ онъ со вздохомъ: — я исполню ваше желаніе и удалюсь изъ Петербурга.

Тольди говорилъ съ такою искренностію, съ такимъ простодушіемъ, что графиня посмотрѣло на него пристально, и протянувъ ему руку, сказала ласково:

— Какой это Тольди обѣщается—прежній благородный Педро или капитанъ, влюбленный въ танцовщицу?

— Вотъ увидите, отвѣчалъ Педро, сквозь слезы и цалуя прелестную ручку графини.

Въ тотъ же день онъ сдалъ графинѣ всѣ счеты и прилежно занялся ея хозяйственнымъ образованіемъ. Графиня быстро поняла мудреную науку, и не прошло мѣсяца, какъ обѣщалъ Тольди, всѣ тайные изгибы домашняго управленія сдѣлались совершенно ей извѣстны.

V.

Тольди сбирался исполнить свое обѣщаніе и удалиться изъ Петербурга, какъ вдругъ графъ, который послѣднее время часто засиживался очень поздно въ клубѣ, ужиналъ до поздней ночи съ пріятелями и велъ вообще жизнь весьма нерегулярную, сильно занемогъ. У него открылась горячка, съ воспаленіемъ въ мозгу. Тольди и графиня не отходили отъ его постели; день и ночь его не

покидали и дѣлили между собой и опасенія и надежды. Ежедневное сближеніе съ графиней у болѣзненнаго одра его друга не раздражало страсти Педро. Онъ смотрѣлъ на нее какъ на ангела-утѣшителя страждущаго Жоржа и, казалось, забывалъ на время пламенную свою любовь. На девятый день болѣзни графа онъ вышелъ изъ его комнаты вслѣдъ за докторомъ. Тольди провелъ его въ отдаленную гостиную и тамъ распросилъ съ твердостью насчетъ больнаго.

Докторъ объявилъ, что графъ весьма плохъ, что, можетъ быть, къ концу дня у него будетъ благотворный кризисъ, но что и тогда только самыя бдительныя попеченія могутъ сохранить ему жизнь. Тольди возвратился во внутреннія комнаты блѣдный, грустный, съ страшнымъ выраженіемъ лица; въ дверяхъ графскаго кабинета черезъ комнату, гдѣ лежалъ больной, онъ встрѣтилъ графиню.

— Боже мой, сказала она, дрожащимъ голосомъ, увидавъ блѣдное лицо Тольди: — неужели нѣтъ болѣе надежды?

Педро посадилъ ее на диванъ, взялъ ее за руку и долго смотрѣлъ на нее съ печальнымъ выраженіемъ.

— Богъ милосердъ! успокойтесь... но какъ прискорбно, что у васъ нѣтъ дѣтей... Неужели огромное состояніе Жоржа достанется другому?... неужели...

Мысли его очевидно путались; горе одолѣвало могучій его организмъ.

Но графиня съ живостью выдернула свою руку и судорожно встала. Адская мысль пришла ей въ голову: «неужели Тольди—подумала она— не дождавшись смерти

друга своего, изъ низкаго корыстолюбія, осмѣливается ей дѣлать недостойное предложеніе?» Она съ презрѣніемъ посмотрѣла на Тольди и проговорила, удаляясь въ спальню мужа.

— Бѣдная Колибри!

Тольди вскрикнулъ и упалъ безъ чувствъ.

Чрезъ нѣсколько времени онъ возвратился къ изголовью больнаго, и съ тѣхъ поръ началась между нимъ и смертью продолжительная, отчаянная борьба; онъ оспоривалъ жизнь друга съ неслыханными усиліями, день и ночь не спускалъ съ больнаго глазъ, предупреждалъ его желанія, избавлялъ отъ малѣйшаго движенія и окружилъ его истинно материнской заботливостью. Послѣ трехъ-недѣльныхъ усилій Тольди восторжествовалъ надъ болѣзнію: опасность миновалась. Докторъ, поздравляя графа съ наступающимъ выздоровленіемъ, признался ему откровенно, что безъ помощи капитана ему не удалось бы его спасти. Графъ сталъ быстро поправляться, но не отпускалъ отъ себя ни на минуту Тольди. Съ окончаніемъ борьбы, капитанъ чувствовалъ, что силы его покидаютъ; голова его кружилась, мысли терялись; онъ сдѣлался задумчивъ и молчаливъ.

Пользуясь возвращеніемъ весны, однажды они, втроемъ, выѣхали прокатиться; садясь къ коляску, Тольди получилъ запечатанный пакетъ и спряталъ его въ карманъ.

— Что̀ это у тебя за переписка? спросилъ, улыбаясь, графъ.

— Я догадываюсь, въ чемъ дѣло, отвѣчалъ капитанъ: — но если графиня дозволитъ, то я сообщу вамъ полученное извѣстіе.

Графиня наклонила свою головку въ знакъ согласія. Тольди распечаталъ письмо и побледнѣлъ. — не вскорѣ сказалъ очень хладнокровно:

— Мнѣ пишетъ министръ, что онъ надѣется получить соизволеніе на опредѣленіе мое въ службу. Я отправлюсь ка Кавказъ.

Жоржъ вскрикнулъ и, при настоящей слабости его нервовъ, чуть-чуть не расплакался.

— Что жъ дѣлать! сказалъ Тольди, протягивая ему руку:—я не могу, не долженъ оставаться въ Петербургѣ.

— Графиня это знаетъ! продолжалъ онъ, грустно улыбаясь.

Графиня молчала и смотрѣла на проходящихъ.

— Прощайте, знакомыя мѣста! продолжалъ Тольди, печально оглядываясь: — прощай, Петербургъ, гдѣ я оставляю, что у меня есть драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ!

— Не Колибри ли? замѣтила иронически графиня.

Тольди горько улыбнулся.

— Да, Колибри! отвѣчалъ онъ:—Колибри, о которой я думаю сію минуту,— ту Колибри, которая наполняетъ всѣ мои помыслы, владѣетъ всѣми способностями моей души, и вѣчно до послѣдней минуты моей жизни наполнять будетъ мое сердце.

Тольди сказалъ это съ такою силою и съ такимъ выраженіемъ, что графиня невольно вздрогнула.

Капитанъ уѣхалъ...

Прошло десять дней послѣ отъѣзда. Графиня сидѣла задумчиво у себя въ кабинетѣ; графа не было дома: онъ праздновалъ въ клубѣ свое совершенное выздоровленіе.

Въ девятомъ часу онъ возвратился домой, немного навеселѣ, и сказалъ, развалясь на креслахъ:

— Я получилъ изъ Москвы чрезъ знакомаго пріѣзжаго письмо отъ нашего бѣглеца; да и къ тебѣ есть, мой другъ! — Онъ подалъ графинѣ запечатанное письмо.

Она посмотрѣла на надпись, на печать и, не прочитавъ, положила на свой рабочій столикъ.

— Знаешь, Жоржъ, сказала она, продолжая вышивать:—что капитанъ хорошо сдѣлалъ, что уѣхалъ; иначе онъ никогда не рѣшился бы покинуть недостойную любовницу...

Графъ расхохотался.

— Да Колибри никогда не была его любовницей! она всѣмъ и каждому объявляетъ это со слезами. Бѣдняжка! чахнетъ по Тольди, а я просто думаю, прибавилъ графъ: — что она сожалѣетъ о потерѣ драгоцѣннаго времени первой молодости.

Графиня вспыхнула... Поведеніе Тольди вдругъ озарилось для нея яркимъ свѣтомъ. Она глубоко, горько задумалась.

Графъ между тѣмъ болталъ безъ умолку, наконецъ всталъ и, поцаловавъ жену въ лобъ, прибавилъ:

— Ты ступай спать, мой другъ: ты что-то блѣдна сегодня, а я возвращусь въ клубъ.

Оставшись одна, графиня съ сердечнымъ волненіемъ распечатала письмо капитана.

«Вы пожелали, графиня, и я удалился на вѣки. Насъ раздѣляетъ болѣе, чѣмъ разстояніе: ужасная непреодолимая преграда — ваше презрѣніе. Я могъ казаться вамъ порочнымъ: вымышленная моя связь давала вамъ на это

право; но какъ могли вы подумать, чтобы въ ту страшную ночь, которая никогда не изгладится изъ моей памяти, я могъ бы забыть, и дружбу, и честь, и благородство души... О, это ужасно! я вижу передъ собой до сихъ поръ и выраженіе презрительной вашей улыбки и слышу слова, вами произнесенныя! Прощайте на вѣкъ, будьте счастливы и не вспоминайте о невольной вашей жертвѣ, если это можетъ помрачить ваше благополучіе.

Педро Тольди.»

Крупныя слезы оросили письмо капитана; долго графиня просидѣла въ задумчивости: она припоминала всѣ поступки Тольди; теперь для нея все было ясно, — признаки возвышенной, преданной любви выказывались повсюду яркими красками.

На другой день въ городѣ заговорили, что графиня не принимаетъ болѣе по четвергамъ, что на нее напалъ сплинъ, и что кромѣ самыхъ близкихъ родственниковъ она никого не видитъ. Графа стали встрѣчать одного на гуляньѣ, въ театрахъ, на балахъ. Поговаривали, что въ Павловскѣ его видѣли въ сопровожденіи дамъ совсѣмъ другаго круга, и даже увѣряли, что онъ имѣлъ серьёзные виды на Колибри и сорилъ для нея золотомъ; но бѣдная дѣвушка, вдругъ занемогла нервическою горячкою и скоропостижно скончалась. Въ началѣ іюня мѣсяца графиня не захотѣла переѣзжать на Каменный островъ, а наняла себѣ дачу въ Петергофѣ. Графъ, подъ предлогомъ какихъ-то важныхъ дѣлъ, остался въ городѣ и навѣщалъ жену только раза два въ недѣлю. О капитанѣ Тольди не было никакого извѣстія.

Мало по малу прекрасная погода, волшебный петергофскій садъ съ восхитительными фонтанами, видъ моря и живительный морской воздухъ возвратили ей прежнюю веселость. Она сблизилась съ двумя или тремя скромными и умными женщинами, и составила себѣ пріятный кружокъ общества. Въ августѣ мѣсяцѣ разнесся слухъ, что на Озеркахъ—въ этой чудной, очаровательной виллѣ, возникшей по Царскому велѣнію изъ нѣдръ непроходимаго болота—назначенъ удивительный, небывалый праздникъ. Стали разсказывать чудеса: воображенье разыгралось и общее любопытство росло ежедневно. Безпрестанные разсказы о предполагаемомъ волшебномъ праздникѣ подстрекнули любопытство графини—ко Двору она не ѣздила—ей захотѣлось видѣть вблизи и фантастическую сцену, устроенную на озерѣ, и разукрашенную виллу, и пріѣздъ Двора въ линейкахъ и открытыхъ экипажахъ. Однажды въ кругу своего небольшаго общества она объявила свое непреодолимое желаніе присутствовать незамѣченною зрительницею при назначенномъ праздникѣ.

— Но помилуйте, графиня, возразилъ одинъ изъ бывшихъ тутъ:—подъѣхать въ экипажѣ къ виллѣ невозможно; нужно будетъ итти пѣшкомъ, вмѣшаться въ толпу; а вы не знаете, что такое толпа въ подобныхъ случаяхъ.

— Что жъ за бѣда! отвѣчала графиня:—я хочу быть въ толпѣ.

— Берегитесь, графиня: право, страшно.

Какъ бы то ни было, но послѣ упорнаго пренія рѣшено было, что въ назначенный день графиня, въ сопровожденіи одной изъ дамъ общества, порѣшительнѣе прочихъ, и двухъ вызвавшихся кавалеровъ, отправится на

Озерки. Насталъ наконецъ ожиданный съ нетерпѣніемъ день праздника. Петербургская, петергофская публика и жители окрестностей пришли въ движеніе съ самого утра. Пристани пароходовъ на Васильевскомъ острову подвергались совершенной осадѣ: всякіе полчаса пароходы отходили, нагруженные до крайней возможности пассажирами; по петергофскому шоссе тянулись въ два рада экипажи всѣхъ сортовъ; изъ дачь выѣзжали коляски, брички, даже и телѣги, наполненныя любопытными; изъ деревень народъ шелъ пестрыми толпами. Всѣмъ и каждому хотѣлось взглянуть на пышныя Царскія увеселенія.

На закатѣ солнца, коляска графини, запряженная рысаками, помчалась въ объѣздъ чрезъ солдатскіе выселки къ Озеркамъ; не доѣзжая до нихъ съ полъ-версты, коляска остановилась въ сосновой алеѣ, и изъ нея вышла графиня въ сопровожденіи одной дамы и двухъ молодыхъ людей: группа раздѣлилась по-парно и, смѣясь и болтая, отправилась отыскивать приключеній.

Сначала дѣло обошлось благополучно. Маленькое общество встрѣтило знакомыхъ офицеровъ, начальниковъ и проведено было къ самому мостику виллы, далѣе котораго, до пріѣзда Двора, невозможно было проникнуть. Съ сумерками взвилась ракета, окрестность озарилась, и началось очарованіе. Весь фасадъ виллы, итальянской архитектуры, внезапно освѣтился яркимъ огнемъ; на открытыхъ балконахъ и боковыхъ пилястрахъ зажглись пальмы зеленаго, переливающагося пламени; пруды окаймились разноцвѣтнымъ огненнымъ бордюромъ и казались огромными чашами наполненными прозрачною влагою; на островахъ трава и дорожки исчезали подъ огненнымъ газономъ; остались

видны только цвѣты, выставляющіе разнообразные свои головки, фантастически озаренныя необычнымъ свѣтомъ. Статуи, изящныя произведенія лучшихъ русскихъ художниковъ освѣтились ярче дневного свѣта бенгальскими огнями. Толпа пришла въ волненіе, но сохраняла еще назначенные ей предѣлы.

Передъ виллою, въ противной сторонѣ отъ той, гдѣ помѣщалась публика, на пространномъ длинномъ прудѣ устроена была сцена для балета; лодки, барки, понтоны съ плавучими хижинами осѣнялись огромными, настоящими деревьями.

Безчисленная и любопытная толпа любовалась и восхищалась волшебною иллюминаціею, доступною каждому; но ей хотѣлось взглянуть на великолѣпіе скрытой отъ глазъ сцены. Людскія волны бушевали болѣе и болѣе. Наконецъ показался Царскій поѣздъ, шумъ и смятеніе прекратились, — всеобщій говоръ восторга замѣнилъ ихъ навремя.

Экипажи проѣзжали чрезъ мостикъ, у котораго стояла графиня съ своимъ небольшимъ обществомъ, подъѣзжали по очереди подъ арку, сплетенную изъ плюща и цвѣтовъ, и удалялись въ противоположную сторону. Когда послѣдняя линейка отъѣхала, толпа вдругъ ринулась непреодолимою волною на узкій мостъ.

Смятеніе сдѣлалось ужасное; раздались крикъ, вопли. Въ одно мгновеніе общество графини было разлучено, разсѣяно : толпа опрокидывала всѣ препятствія. Графиня, замѣтивъ, что ее разлучили отъ молодыхъ людей, обязавшихся ее охранять, потеряла голову.... Она хотѣла бѣжать назадъ, пробраться сквозь народъ, но давка уве-

лачилась. Графиню давили, толкали безпощадно; еще минута — и новый напоръ толпы свергнулъ бы ее въ ближайшій прудъ. Графиня вскрикнула, упала на колѣни и лишилась чувствъ. Въ эту самую минуту высокій мужчина съ непреодолимою силою разсѣкъ толпу и принялъ графиню въ свои объятія. Взявъ ее заботливо на руки, онъ выбрался изъ народа и удалился съ драгоцѣнною ношею. Графиня чувствовала, что ее несутъ на рукахъ, нѣсколько разъ пыталась она открыть прелестные свои глазки, чтобы увидать при свѣтѣ яркой иллюминаціи черты своего избавителя, — но не имѣла силъ. Спустя нѣсколько минутъ, незнакомецъ отыскалъ графинину коляску, ожидавшую ее въ темной аллеѣ, и, замѣтивъ, что графиня приходитъ въ себя, быстро удалился. Графиня совершенно опомнилась.

— Педро! воскликнула она взволнованнымъ и полнымъ чувствъ голосомъ.

Удаляющійся незнакомецъ вздрогнулъ, но продолжалъ свой путь и вскорѣ скрылся совершенно въ сумракѣ рощи.

Графиня долго всматривалась въ мелькающія тѣни межъ деревьевъ и проговорила со вздохомъ:

— Это невозможно!

Послѣ минутнаго молчанія она обратилась съ вопросомъ къ кучеру, который съ трудомъ удерживалъ лошадей, пугавшихся мрака и отдаленныхъ взрывовъ фейерверка,

— Кто принесъ меня въ коляску?

— Не могу знать, ваше сіятельство, отвѣчалъ кучеръ: — темновато: лица не разглядѣлъ, — судя по росту, такъ словно покойный нашъ капитанъ.

— Развѣ капитанъ умеръ? воскликнула съ ужасомъ графиня.

— Не могу знать, ваше сіятельство! но для насъ-то капитанъ — покойникъ... Царство ему небесное! прибавилъ кучеръ съ чувствомъ.

Ростиславъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПИСЬМА.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

1-го іюня 1853 года.

Съ давнихъ временъ принято, что въ пословицахъ выражается премудрость народная (*la sagesse des nations* какъ говорятъ Французы). Нельзя не согласиться, что это мнѣніе довольно основательно, но не слѣдуетъ однако же ставить *каждое лыко въ строку*; часто не съ разу доберешься до смысла и значенія иной пословицы! Что значитъ, напримѣръ, Французская поговорка: *Nul n'est prophète dans son pays*, изрѣченіе, которое по-Русски можно приблизительно выразить такъ: *Свой своему не указчикъ*. Кажется, кого бы слушаться какъ *не своего*? Можетъ ли *чужой* такъ приноровиться къ нашимъ понятіямъ, такъ угадать направленіе нашего вкуса? — И дѣйствительно, съ перваго взгляда и принимая въ об-

щемъ значеніи, пословица эта по-видимому не имѣетъ ни какого основанія. Въ Греціи, напримѣръ, какіе художники управляли общественнымъ мнѣніемъ, и почитались живымъ закономъ въ твореніяхъ искусства? Конечно, не иностранцы. Фидіасъ и Пракситель, кажись, были ни Ассирійцы, ни Римляне, а кровные Греки. Въ самую блистательную эпоху италіянской школы, можно ли назвать хоть одно иностранное имя изъ числа знаменитыхъ живописцевъ? Въ музыкѣ такъ же: отъ Палестрины до Верди въ Италіи владычествуютъ одни Италіянцы. *

Въ другихъ странахъ вліяніе чужеземцевъ, конечно, значительнѣе; во Франціи, напримѣръ, Глюкъ, Пичини, Перъ, Херубини, Спонтини, а въ послѣднее время Россини и Мейерберъ управляли и управляютъ отчасти понынѣ музыкальнымъ вкусомъ. Но за то какое множество у Французовъ своихъ природныхъ композиторовъ! Нельзя же сказать, чтобы Мегюль, Рамо, Люли, Гретри, Оберъ, и проч. не были *указчиками* у себя на родинѣ. Слѣдовательно, доискиваясь смысла и значенія вышеупомянутой пословицы, должно нѣсколько измѣнить основное ея предложеніе.

Французское слово *un pays* не всегда означаетъ страну, государство. Подъ этимъ словомъ часто подразумѣвается небольшая частица цѣлаго: провинція, городокъ и даже селеніе. Если въ какомъ нибудь отдаленномъ уѣздѣ родится человѣкъ съ геніяльными способностями, то во-

* Извѣстно, что оперы Моцарта съ большимъ трудомъ проникли въ Италію, успѣхи же Майера и Мейербера представляютъ рѣдкое исключеніе.

первыхъ, трудно ему будетъ, не выѣзжая изъ своего уѣзда, пріобрѣсть художественное образованіе, а если и удастся по какимъ либо особымъ обстоятельствамъ, то вскорѣ ему покажется тѣсно въ ограниченной рамкѣ уѣзднаго быта. Во-вторыхъ, что ни говори, а каждый художникъ желаетъ найти отголосокъ въ общественномъ мнѣніи; онъ ищетъ сочувствія и одобренія, въ уѣздномъ же городкѣ, кто рѣшится подать голосъ или выразить самостоятельное мнѣніе на счетъ *домашняго* художественнаго произведенія? Кто осмѣлится назвать образцовымъ твореніе *доморощенаго* артиста? Опасеніе, что похвалишь не вопадъ, держитъ на привязи мнѣніе каждаго уѣзднаго жителя, къ тому же и не такъ-то легко сознаться что *свой* братъ, такой же обитатель какого нибудь скромнаго городка, переросъ васъ *головою*.

Французская пословица: *Nul n'est prophète dans son pays*, разсматриваемая съ этой точки, имѣетъ, какъ видите, и значеніе, и смыслъ, и основаніе. Если бъ Россини не выѣзжалъ никогда изъ города Пезарро, то, вѣроятно, сдѣлался бы отличнымъ органистомъ сосѣдней приходской церкви; но слава его навряд ли распространилась бы на весь міръ.

Слѣдовательно поговорку: *Свой своему не указчикъ*, можно приспособить къ уѣздному провинціяльному быту, но къ странѣ или къ столицѣ, средоточію умственнаго развитія большаго государства, она не подходитъ. Однако же, такъ какъ нѣтъ правила безъ исключенія, то и на этотъ разъ найдутся кой какія изъятія. Напримѣръ: по непонятной, но вѣроятно весьма похвальной скромности, петербургская публика судитъ съ большою осторожностью

музыкальныя сочиненія, показавшіяся впервые на ея *горизонтѣ*, и въ особенности сочиненія отечественныхъ композиторовъ. Замѣчательнѣйшія произведенія М. И. Глинки, *Жизнь за Царя* и *Руслань и Людмилу*, ѣздили, правда, слушать; но не многіе рѣшались высказать о нихъ откровенно одобрительное мнѣніе, и только нынѣ, когда Глинка замолкъ, и когда оперы его почти никогда не являются на нашей сценѣ, теперь только стали отдавать имъ должную справедливость, и восхищаться тѣмъ, что́ и прежде однако же было художественно-прекрасно.

Этого примѣра достаточно, чтобъ доказать съ какою осторожностью петербургская публика судитъ о произведеніяхъ отечественныхъ композиторовъ. .. Halte là! Стой! Ни слова болѣе ни о композиторахъ, ни о музыкѣ! Говорилъ я вамъ однакоже, что привычка вторая натура. Волею неволею, «а что́ у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ»! Но кто же вамъ запрещаетъ писать о музыкѣ? спросятъ меня. Запретить-то, конечно, не запрещаютъ, но вотъ какое вышло обетоятельство; прошу выслушать.

По окончаніи концертнаго сезона и по миновапіи грознаго облачка, которое пронеслось надъ главами музыкальныхъ критиковъ Сѣверной Пчелы, въ видѣ нѣсколькихъ строкъ, подписанныхъ почтеннымъ и многоуважаемымъ именемъ Н. И. Греча, я отправился въ Москву, повидаться съ родными. Въ Бѣлокаменной проживаетъ (между прочимъ), съ давнихъ временъ, умнѣйшая и добрѣйшая старушка, которую я душевно люблю и уважаю.

По московскимъ патріархальнымъ обычаямъ, она называетъ меня своимъ родственникомъ, хотя, по правдѣ сказать, родство наше теряется въ непроницаемомъ мракѣ

глубокой старины. Но я вѣрю на-слово доброй старушкѣ, и усердно посѣщаю ее каждый разъ, когда бываю въ Москвѣ. Почтенная моя родственница женщина достаточная, довольно веселая и весьма любитъ общество, однако же ни какія убѣжденія не могли склонить ее оставить скромный родовой домикъ, пріютившійся въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Замоскворѣчья.

Таковы уже нѣкоторые изъ Москвичей, дай Богъ имъ здоровья! «Жили тутъ предки, говоритъ добрая старушка, проживемъ авось и мы!» *Мы* относится къ прелестной дочкѣ, которую *я*, по дарованному мнѣ родственному праву, называлъ, *бывало*, съ большимъ удовольствіемъ *Оленькою*. Я говорю бывало, потому что нынѣ зову ее Ольгою Петровной. По истинѣ сказать, Ольга милая, умная, образованная дѣвушка, но, будучи единственною дочерью и любя болѣе всего свою мать, она не замѣтила, какъ четверть столѣтія быстро пронеслась въ нѣжныхъ попеченіяхъ надъ бѣлокурою ея головкою. Когда умная, образованная дѣвушка минуетъ благополучно подводные камни весенней любви, то душевная ея дѣятельность устремляется исключительно къ развитію умственныхъ способностей. На 26-мъ году отъ рожденія, Ольга Петровна сдѣлалась, какъ говорятъ Французы, *un bas bleu*, т. е. разумницею, которая жаждала познаній и съ жаромъ слѣдила за ходомъ современнаго просвѣщенія — трудъ немаловажный для дѣвушки, живущей безвыѣздно въ отдаленнѣйшемъ кварталѣ Замоскворѣчья!

Въ послѣдній свой пріѣздъ въ Москву, я нашелъ, что Ольга Петровна начинала только оправляться послѣ трудной и продолжительной болѣзни.

Розовыя ея щечки поблѣднѣли, руки исхудали, но голубые глаза блистали, какъ яркія звѣздочки.

Я долго и сладко бесѣдовалъ съ милою выздоравливающею; часто заговаривались мы съ нею до глубокой полуночи, не смотря на нѣжные упреки и безпокойство старушки-матери; но Ольгѣ хотѣлось про все распролить, обо всемъ развѣдать, и я, по возможности, старался удовлетворять ея любопытству, разсказывая, что дѣлается у насъ въ Петербургѣ, въ художественномъ и музыкальномъ мірѣ.

Однажды, послѣ уже слишкомъ продолжительной бесѣды, добрая старушка-мать, провожая меня, сдѣлала мнѣ слѣдующее наставленіе:

«Послушай, мой милый! Я знаю, ты у насъ залетная птица, Оля же моя живетъ въ уединеніи, а признаться, сказать, любитъ поговорить; слѣдовательно, что она пользуется твоимъ присутствіемъ и болтаетъ по нѣскольку часовъ сряду, за это сѣтовать не имѣю духу; но нельзя же мнѣ и не позаботиться о здоровьѣ возлюбленной моей дочери. Знаешь что, другъ мой, уговори ты ее такъ поздно не засиживаться, и обѣщай взамѣнъ этого пожертвованія писать къ ней еженедѣльно изъ Петербурга. Ты вѣдь не чужой для насъ человѣкъ, и въ этомъ ничего быть не можетъ предосудительнаго.»

— Съ большимъ удовольствіемъ! отвѣчалъ я, цѣлуя руку доброй старушки.

«Только Оленька очень еще слаба послѣ болѣзни, продолжала почтенная моя родственница: и такъ какъ нервы ея разстроены, то ей запрещаютъ заниматься музыкою, которую, какъ ты знаешь, она страстно любитъ; въ

слѣдствіе этого, пожалуйста, не пиши нѣкоторое время ей ничего о музыкѣ: къ чему, въ самомъ дѣлѣ, дразнить только понапрасну? Впрочемъ, прибавила старушка, простодушно улыбаясь, по мнѣ, пожалуй, хоть и вѣкъ не пиши про музыку, въ этомъ дѣлѣ я рѣшительно ничего не понимаю; да и возможно ли мертвою рѣчью замѣнить живые звуки? О живописи также не пиши ничего. Если будешь хвалить какую либо картину, то, пожалуй, еще Оленька пожелаетъ ее видѣть, и будетъ огорчаться тѣмъ, что лишена этого удовольствія; порицать же, Богъ вѣсть, имѣешь ли ты на это право, мой голубчикъ, да и какъ знать, можетъ быть такого рода сужденіе не понравится Оленькѣ, и мы съ тобою условливаемся, чтобъ тѣшить мое дитя, а не досаждать ему. Надѣюсь также, что ты не будешь писать ни какихъ сплетней, исторій, анекдотовъ, намекая на разныя извѣстныя лица. Оборони Богъ! Оленька можетъ проговориться, и какъ разъ прослыветъ за сплетницу; ты знаешь, другъ мой, какъ недобрая молва быстро распространяется: о порядочной же дѣвушкѣ чѣмъ менѣе говорятъ, тѣмъ лучше. Вообще избѣгай въ твоихъ письмахъ всего, что́ можетъ встревожить или взволновать мою Оленьку.»

Я остолбенѣлъ и смотрѣлъ во всѣ глаза на почтенную старушку, которая, по видимому, не обращала ни малѣйшаго вниманія на мое смущеніе.

«Не трудись также, продолжала она ласково, писать подробно о театральныхъ, литературныхъ произведеніяхъ и о наукахъ: по этимъ предметамъ Ола переписывается съ своимъ дядей.»

Часъ отъ часу не легче, подумалъ я, понуривъ голову! Добрая, попечительная мать, конечно, имѣетъ полное право заботиться о здоровьѣ и спокойствіи своей возлюбленной дочери; но я былъ совершенно озадаченъ.

— О чемъ же наконецъ я буду писать, спросилъ я, подымая голову?

«Какъ, о чемъ? возразила удивленная старушка: мало-ли о чемъ! Пиши, что хочешь только не забалтывайся; мое же дѣло предупредить тебя, мой голубчикъ, и ограждать, по возможности, мою Оленьку отъ излишнихъ волненій, и заботиться о драгоцѣнномъ ея здоровьѣ.»

Разставшись съ почтенною моею родственницей, я долго оставался въ недоумѣніи, не постигая, чего она отъ меня ожидаетъ; но, пообдумавъ хорошенько, нашелъ, что дѣйствительно можно писать безъ полемики, безъ сплетней, безъ личностей, и пр., и пр.; что чѣмъ болѣе человѣкъ уважаетъ лице, къ которому онъ относится, чѣмъ бодѣе дорожитъ его мнѣніемъ, тѣмъ осторожнѣе обязанъ выражаться о предметахъ, имъ описываемыхъ, опасаясь ввести въ заблужденіе необдуманными или поспѣшными сужденіями. Въ слѣдствіе того я мысленно далъ слово доброй старушкѣ, попробовать писать изъ Петербурга, придерживаясь, по возможности, начертанной мнѣ программы почтенною матерью Ольги Петровны.

Письмо II.

7-го іюня 1853 года.

Люди привыкли употреблять выраженія, не совершенно доступныя полному ихъ уразумѣнію. Въ природѣ множество дѣятелей, дѣйствія коихъ ощутительны, очевидны, но причина остается тайною для человѣка. Наука пользуется силою этихъ дѣятелей, примѣняетъ ее къ потребностямъ жизни; чего бы, кажись, болѣе? Но нѣтъ! Горделивый умъ человѣка доискивается начала, часто непостижимаго, и старается дать опредѣленіе неопредѣлимому. Вы, можетъ быть ожидаете по этому вступленію, что я намѣреваюсь бесѣдовать съ вами объ электричествѣ, магнитизмѣ или, по крайней мѣрѣ, о движущихся столахъ! Успокойтесь, я слишкомъ дорожу вашимъ благорасположеніемъ, чтобъ употребить во *зло* данное мнѣ дозволеніе съ вами переписываться. Диссертаціи писать не мое дѣло, и *глубокомысленное* мое вступленіе клонится къ тому только, чтобы остановить вниманіе ваше на страсти человѣка къ *опредѣленіямъ*. Не помню, который изъ Французскихъ *философовъ* (только непремѣнно Французъ, а не другой кто-либо) сравнивалъ *моду* съ повѣтріемъ, основываясь на томъ, что согласно опредѣленію Лексикона Французской Академіи: «l'épidemie est une

maladie qui attaque un grand nombre de personnes á la fois, т. е, повѣтріемъ называется болѣзнь, поражающая разомъ большое число людей.» Сравненіе это, мнѣ кажется, вовсе невѣрно. Во-первыхъ, эпидемія имѣетъ почти всегда менѣе или болѣе опредѣленныя ходъ, т. е. начало, развитіе, высшую степень, уменьшеніе (la décroissance) и наконецъ прекращеніе повѣтрія; мода же хотя и мѣняетъ часто внѣшнюю свою форму, но никогда не утрачиваетъ своей силы.

Во-вторыхъ, отъ повѣтрія принимаютъ предосторожности, избѣгаютъ его вліянія — вліянію же моды многіе люди подчиняются съ удовольствіемъ и увлеченіемъ. Наконецъ, отъ эпидемій или болѣзни пользуютъ медициною, а мода сама собою врачуется, измѣняя по собственному произволу данное ею же направленіе.

Нельзя однако же не согласится, что въ распространеніи моды есть дѣйствительно что-то эпидемическое, или, вѣрнѣе сказать, заразительное; но такъ какъ я доказалъ, что сравненіе французскаго философа не вѣрно, то, подчиняясь врожденной человѣку страсти къ *опредѣленіямъ*, осмѣливаюсь представить на ваше усмотрѣніе опредѣленіе моего собственнаго изобрѣтенія.

Мода, по моему мнѣнію, дѣйствуетъ на человѣка подобно электрическому или магнитическому току; люди воспріимчивые мгновенно подчиняются его вліянію, на другихъ онъ дѣйствуетъ слабѣе, а на иныхъ и вовсе не дѣйствуетъ, по мѣрѣ крайняго удаленія отъ центра исходной точки. При перемѣнахъ или видоизмѣненіяхъ моды замѣчательно, что когда ближайшіе *круги* къ центру изглаживаются, отдаленнѣйшіе обозначаются еще довольно

ясно. Этотъ гидравлическій законъ, свойственный движенію всѣхъ жидкостей, доказываетъ вѣрность моего умозрѣнія (théorie). Главная отличительная черта моднаго тока или струи (du fluide de la mode) есть *своенравіе*; вотъ почему (не сердитесь, пожалуйста) передвиженіе моды, или вѣрнѣе сказать, первый толчекъ (l'impulsion) предоставленъ по бо́льшой части прекрасному полу.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ есть собраніе французскихъ модныхъ картинокъ прошлаго столѣтія. Полюбуйтесь ими, и вы съ трудомъ повѣрите, что имѣете предъ глазами не вымышленныя карикатуры, а дѣйствительно бывалые уборы и одѣянія. У иныхъ на головѣ цѣлый домъ въ два этажа, или корзинка съ цвѣтами, или пейзажъ съ егерями, собаками и оленями; на другихъ фижмы сажени двѣ въ окружности, и тутъ же рядомъ такія узкія платья, что бѣдной женщинѣ, кажется, нельзя сдѣлать шага́ въ вершокъ, не опасаясь разорвать по шву надѣтый на нее чехолъ. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія таліи носили почти подъ мышкою, а нынѣ на экваторѣ человѣческой фигуры; встарину франты носили все въ обтяжку, а нынѣ фраки и сюртуки шьются про-запасъ. Современные денди могутъ толстѣть, сколько имъ угодно: пальто ихъ и *прочая одежда* будетъ надуваться на подобіе воздушныхъ шаровъ, безъ малѣйшаго вреда для петлей и пуговицъ комфортабельнаго ихъ одѣянія. Мнѣ разсказывали, что однажды кто-то изъ записныхъ франтовъ пріѣхалъ съ визитомъ, въ пальто, къ почтенной дамѣ стариннаго *покроя*. Чепорная старушка, сидѣвшая на диванѣ, вытянулась въ струнку; окинувъ взоромъ денди съ ногъ до го-

ловы, она сказала ему, лукаво улыбаясь: «Вашъ сюртукъ что-то очень похожъ на халатъ.» — «Извините меня, вы ошибаетесь, отвѣчалъ денди, развалившись въ покойныхъ креслахъ, на мнѣ халатъ, весьма похожій на сюртукъ!»

Конечно, вы отъ меня не ожидаете описанія современныхъ дамскихъ модъ, что было бы во-первыхъ чрезвычайно для меня затруднительно, а во-вторыхъ, лѣтомъ, какъ вамъ извѣстно, общество разъѣзжается изъ Петербурга. На загородныя гулянья дамы высшаго круга ѣздятъ такъ сказать, *инкогнито*, въ самыхъ простенькихъ шляпкахъ и скромныхъ платьицахъ, слѣдовательно о модахъ ихъ судить невозможно....

Своенравіе моднаго тока (puisque fluide il y a!) отражается, разумѣется, не въ одной одеждѣ, а проявляется повсюду: въ обычаяхъ, въ искусствахъ, въ литературѣ, и даже въ выборѣ времени и мѣста для прогулки. Съ первыми лучами весенняго солнца, большая или вѣрнѣе сказать, средняя аллея Лѣтняго Сада наполняется гуляющими, которые важно прохаживаются, отъ третьяго до пятаго часа пополудни, между обнаженными вѣковыми липами. Бываютъ дни, что солнышко не на шутку разыграется: отъ палящихъ лучей укрыться некуда; во всемъ саду нѣтъ ни малѣйшей тѣни; но, что́ же дѣлать? таково распоряженіе моды, и прекрасный полъ, невинуясь безропотно, усердно подметаетъ длинными подолами барежевыхъ платьевъ горячій песокъ завѣтной аллеи. Замѣтимъ, мимоходомъ, что длинныя платья выдумали *одаренныя* большими ногами; но отъ чего же маленькія и хорошенькія ножки подчиняются этому закону? Странно,

но понятно: стоитъ только принять мою теорію модной струи. Съ появленіемъ первыхъ зеленыхъ листиковъ, Лѣтній Садъ пустѣетъ, и блистательный модный рой исчезаетъ. Куда онъ стремится, куда улетаетъ? Увидимъ далѣе, но во всякомъ случаѣ можно съ достовѣрностью сказать, что въ это время года, когда деревья покрываются первою, яркою, зеленью, нигдѣ въ Петербургѣ и даже въ окрестностяхъ (въ особенности отъ трехъ до пяти часовъ) невозможно найти болѣе пріятной и прохладной прогулки, какъ въ Лѣтнемъ Саду. Кстати: вы конечно, знаете, что Лѣтній Садъ не сохранилъ первобытнаго своего вида, позвольте, однако же, если не для васъ, Ольга Петровна, то для тѣхъ изъ вашихъ подругъ, которыя не любятъ заглядывать въ старинныя Русскія книги, выписать нѣсколько строкъ изъ Описанія Санктпетербурга, сочиненнаго Богдановымъ и изданнаго Рубаномъ въ 1779 году.

«Императорскій домъ лѣтній каменный (говоритъ авторъ) началъ строиться въ 1711, положеніе имѣетъ по Большой Невѣ и Фонтанкѣ рѣчкѣ, при самомъ исходищѣ изъ Невы.

«Сей домъ, хотя строенія небольшаго, но преизрядная; и по сему видно, что Государь Петръ Великій болѣе изволилъ любить жить въ маленькихъ покойцахъ, нежели въ пространныхъ и обширныхъ зданіяхъ.

«При семъ лѣтнемъ домѣ находится довольный и великій садъ, въ которомъ множество всякихъ деревьевъ *съ разными плодами*; притомъ изрядныя алеи и проспективы слишкомъ на 130 саженей простирающіяся, по коимъ разставлены *мраморные* статуи, такъ же фонта-

ны мещущіе воду, при томъ пещера или гротъ, всякими заморскими раковинами убранъ.

«Въ семъ саду Государь Петръ Великій, въ торжественные дни лѣтнимъ временемъ, изволилъ торжественные асаблеи отправлять. Гдѣ позволено было всякому чину входить, кромѣ тѣхъ, кои въ сѣрыхъ кафтанахъ а наче *съ бородами*, оныхъ впущать запрещено.»

Въ другомъ Описаніи Санктпетербурга, изданномъ Г. Безакомъ, въ 1794 году, ничего уже не упоминается *о всякихъ деревьяхъ съ разными плодами*; но авторъ утверждаетъ, что садъ простирался въ то время на двѣсти пятьдесятъ саженъ длины и сто саженъ ширины (если не ошибаюсь, то и нынѣ площадь Лѣтняго Сада занимаетъ такое же пространство). Далѣе г. Безакъ пишетъ, что: «По правую сторону Мойки въ семъ саду, почти предъ самымъ Лѣтнимъ Дворцемъ большой прудъ. Здѣсь были и другія *водяныя увеселенія*, какъ-то водопады, водометы и тому подобное, кои снабжались водою изъ Лиговскаго Канала, но за нѣсколько лѣтъ все сіе уничтожено.»

Вы видите, что старый Лѣтній Садъ былъ роскошнѣе, чѣмъ нынѣ; его украшали, какъ выражается г. Безакъ, *водяныя ѵвеселенія*, т. е. водопады, водометы, прудъ и *тому подобное*; что это можетъ быть «и тому подобное»? Не могу придумать.

Но что важнѣе всѣхъ водяныхъ увеселеній, это назначеніе Лѣтняго Сада встарину. Въ немъ, по словамъ г. Богданова, «въ торжественные, дни лѣтнимъ временемъ, Великій Преобразователь Россіи изволилъ торжественные *асаблеи* отправлять.» Для дополненія сказанія

о прежнемъ величіи Лѣтняго Сада, сдѣлаю выписку изъ письма леди Рондо, супруги англійскаго министра при Россійскомъ Дворѣ, въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны. Конечно, все это вамъ уже извѣстно, многоуважаемая О. П., но, мнѣ кажется, сближеніе отзывовъ старинныхъ авторовъ не лишено интереса даже въ филологическомъ отношеніи. Какая разница въ выраженіяхъ, въ слогѣ и въ правописаніи, и какъ быстро языкъ перемѣняется и совершенствуется. Богдановъ пишетъ, что Лѣтній Дворецъ «положеніе имѣетъ при самомъ *исходищѣ* Фонтанки изъ Невы», Безакъ выражается уже изящнѣе: «тамъ, гдѣ Фонтанка изъ Невы вытекаетъ», говоритъ онъ. У Богданова прилагательныя не въ ладу съ существительными: онъ пишетъ *мраморные статуи, торжественные асаблеи*; у Безака подобныхъ сочетаній вы не найдете. Письмо леди Рондо, которое я прошу дозволенія вписать въ мое посланіе, писано въ 1734 году, но переведено на русскій языкъ въ 1836, слѣдовательно въ немъ и слогъ и правописаніе *почти* нашихъ временъ.

«.... Вы требуете, чтобъ я описала вамъ праздники по случаю взятія Данцига, не смотря на то, что они прошли весьма давно; въ самомъ дѣлѣ, теперь уже на дворѣ очень холодно, а тогда было еще жарко, и потому торжество происходило въ Лѣтнемъ Саду. Дамы одѣты были въ накрахмаленныя бѣлыя гасовыя платья, но чехлы были возможныхъ цвѣтовъ, кому какой нравился. Волоса были у всѣхъ *естественныя*, только немного подстрижены и завиты въ большіе локоны и *букеты цвѣтовъ*! (Завиты въ букеты цвѣто ъ! Какъ вамъ это нра-

вится) Императрица и Императорская Фамилія кушали въ гротѣ, противъ длинной *алеи*, оканчивающейся фонтаномъ и заключенной съ обѣихъ сторонъ изгородою изъ высокаго Голландскаго вяза; во всю длину алеи отъ самаго грота тянулись столы; надъ ними возвышались палатки изъ зеленой шелковой матеріи, которая упиралась на пилястры, обвитыя и увѣшанныя цвѣтами. Между пилястрами въ нишахъ загороди помѣщался буфетъ, съ одной стороны тарелки, съ другой форфоръ. Кто нибудь изъ кавалеровъ получалъ билеты; потомъ мужчины садились съ дамами за столъ *безъ порядка* такъ, что кавалеры и дамы сидѣли по обѣимъ сторонамъ (вѣроятно авторъ хотѣлъ сказать, что кавалеры «séparaient les dames т. е. что каждый кавалеръ сидѣлъ возлѣ дамы). За столомъ сидѣли 300 человѣкъ; 600 тарелокъ нужны были для одной перемѣны; перемѣнъ было двѣ и десертъ. Послѣ обѣда общество раздѣлилось: всѣ разошлись гулять по саду и собрались уже тогда, какъ подъ вечеръ стало холодно, и садъ *запылалъ* огнями иллюминаціи, балъ открытъ былъ въ той же палаткѣ, въ которой обѣдали. Иллюминованныя пилястры представляли прекрасную картину. Музыканты стояли позади изгороды; *можно было подумать, что богиня этой рощи принимала участіе въ нашемъ веселіи!* (Послѣднія миѳологическія восклицанія принадлежатъ совершенно духу времени.) Когда началъ балъ, ввели французскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Данцигомъ.

«Когда они подошли къ рукѣ Ея Величества, то Императрица, обратясь къ начальнику ихъ, графу Де-ла-Мотту, сказала: «Вы конечно, весьма удивляетесь, что

васъ представляютъ Мнѣ въ такое время; это вознагражденіе (вѣроятно возмездіе) за худой пріемъ, сдѣланный вашими соотечественниками моимъ подданнымъ, взятымъ вами въ плѣнъ. Я могла бы теперь *жестокье* отмстить, но, кромѣ этой непріятности, вы не подвергнетесь ни чему. Я знаю, что Французы самый любезный *народъ общества*, и потому надѣюсь что мои дамы заставятъ васъ забыть эту непріятность.»

Сомнѣваюсь, чтобы приведенныя слова были дѣйствительно подлинныя слова Государыни Императрицы Анны Іоанновны; но какъ бы то ни было, плѣнные Французы приняли участіе въ увеселеніяхъ этого праздника, и графъ Деламоттъ, откланиваясь Государынѣ, сказалъ: «Ваше Величество побѣдили насъ вдвойнѣ.»

Въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, въ Лѣтнемъ Саду также бывали великолѣпныя празднества. Современныя хроники упоминаютъ, что Государыня нерѣдко изволила прогуливаться по Лѣтнему Саду въ сопровожденіи Шуваловыхъ, Разумовскаго, Воронцова, Румянцова, Левашова, и пр. и пр.

Нынѣ въ Лѣтнемъ Саду высшее общество прогуливается только до первыхъ листьевъ, въ теченіе двухъ или трехъ недѣль; по вечерамъ являются туда дѣти (въ сопровожденіи нянекъ и дядекъ) поиграть въ серсо; въ воскресные дни, и въ особенности въ Троицынъ и въ Духовъ дни, въ Лѣтнемъ Саду чинно прохаживается толпами купеческое сословіе. Sic transit gloria mundi!

Въ какую же очаровательную страну, изобилующую богатыми произрастеніями, пышными цвѣтами, лучшимъ климатомъ, улетаетъ, спросите вы, блистательный мод-

ный рой, съ появленіемъ нѣжныхъ, зеленыхъ листиковъ на вѣковыхъ липахъ Лѣтняго Сада: какъ вы думаете, куда? Посмотрите! Въ урочный часъ, вереницы микроскопическихъ каретъ съ овальными и четвероугольными стеклами, коляски, тильбюри, кабріолеты, верховыя лошади съ наѣздниками и наѣздницами, все это стремится, окруженное облакомъ густой пыли, на мысъ Елагина Острова— á la pointe какъ говоритъ le beau-monde. Dahin, dahin, wo die Citronen blühen! Но тамъ вовсе нѣтъ ни citronen, т. е. лимоновъ, ни цвѣтовъ, ни даже тѣнистыхъ деревъ. Избранный, осчастливленный мысъ или мысикъ врѣзывается въ болото, при устьѣ одного изъ мельчайшихъ рукавовъ Малой Невки Правда, вдали виднѣется полоса Финскаго Залива, но предъ глазами у васъ болото, усѣянное кое-гдѣ вымерзшимъ и засохшимъ тростникомъ; по правую сторону деревянная брандвахта; налѣво *тундры* Крестовскаго Острова, укрэшенныя рѣдкимъ сосновымъ лѣсомъ. Вотъ картинное мѣстоположеніе, избранное сборнымъ фешіонебельнымъ пунктомъ; прибавьте къ этому описанію удушливую пыль, которая столбомъ стоитъ на дорогѣ, гонится взапуски съ проѣзжающими и безъ церемоніи ложится густымъ слоемъ на локоны и *ланиты* прелестныхъ посѣтительницъ болотнаго мыса. Замѣтьте, что восточная часть Елагина Острова прекрасна: тамъ находится изящный Царскій Дворецъ; тамъ разведены тѣнистыя аллеи, тамъ не видать ни тундръ, ни изсохшаго тростника; тамъ прозрачныя воды широкой Невки утѣшаютъ взоры. Отчего же *модный свѣтъ* избралъ западную часть Елагина Острова для своей прогулки?

Растолкуйте, пожалуйста. Единственная тому причина *импульсія* данная модным токомъ (l'impulsion, donnée par le fluide de la mode). Достойно также замѣчанія, что *не всѣ* ѣздятъ на *pointe* въ урочное время; иные не хотятъ показать, что у нихъ наемныя, некрасивыя лошади, а не цѣнные рысаки; у другихъ (скажу по секрету) вовсе нѣтъ экипажей; не менѣе того, коль скоро съ первою зеленью модный рой вспорхнетъ съ Лѣтняго Сада — мало кто рѣшается посѣщать опустѣлыя его аллеи.

Виноватъ, записался! Съ будущею почтой сообщу вамъ кой-что о загородныхъ нашихъ увеселеніяхъ.

III.

14-го Іюня 1853.

Позвольте, О. П., занять васъ на нѣсколько минутъ слѣдующею литературною замѣткою. Въ № 9-мъ Москвитянина, въ Памятномъ Листкѣ, стр. 65, г. Покровскій полагаетъ, что не должно употреблять слова *ревность* въ смыслѣ *ревнивости*, и порицаетъ слѣдующую фразу (въ Библіотекѣ для Чтенія 1852, стр. 167:) «Ты (мужъ) въ то время окончательно разстроиваешь свою жену, возбуждая въ ней *ревность*.» Въ Академическомъ же Словарѣ сказано: «Ревность — недовѣрчивость въ любви, въ

вѣрности» и приведена даже въ примѣръ слѣдующая фраза: «ревность мужа или жены отравляетъ жизнь супружескую.» Не слѣдуетъ ли въ этомъ случаѣ г. Покровскому и всякому, занимающемуся филологіею, принять за неопровержимый авторитетъ Словарь Академическій, которому всегда слѣдуемъ?

Я ничего не возражаю на замѣтки г. Покровскаго касательно неправильностей моего слога; почтенный филологъ во многомъ совершенно правъ, и я приношу ему чувствительную благодарность за дѣльныя его замѣчанія; но, мнѣ кажется, онъ могъ бы исключить изъ своей рецензіи довольно неудачное восклицаніе. Упоминая о статьѣ, помѣщенной мною въ № 43-мъ Сѣверной Пчелы, г. Покровскій приводитъ слѣдующую фразу. «Мы скажемъ однакоже, что *Риголетто* не есть произведеніе *совершенное*.» Стоило это говорить! восклицаетъ почтенный рецензентъ. А назовите-ка хоть одно *совершенное* человѣческое произведеніе.»

Въ этомъ случаѣ *совершенное* употреблено, разумѣется, въ смыслѣ *относительномъ*, т. е. въ противоположномъ абсолютному, или ограниченномъ, условномъ, и, признаюсь, восклицаніе критика мнѣ кажется употреблено не на своемъ мѣстѣ. Неужели вамъ никогда не случалось слышать, что такое-то произведеніе великаго художника совершенно, или «что исполненіе какого нибудь знаменитаго артиста верхъ совершенства.» Кто же однако жъ сомнѣвается, что человѣкъ все-таки остается въ предѣлахъ человѣческой природы, и никогда, въ теченіе этой жизни, по крайней мѣрѣ, не достигаетъ совершенства! Говоря, что такое-то произведеніе совершенное вы-

ражается мысль, что оно не подходитъ къ образцовымъ произведеніямъ, и больше ничего! Чему же тутъ удивляться? За что́ порицать? Не понимаю!

Извините, пожалуйста: я обѣщалъ поговорить съ вами о загородныхъ нашихъ увеселеніяхъ, и пускаюсь въ философическія пренія; впрочемъ, надѣюсь, что вы не примите этого за проявленіе полемики въ моихъ письмахъ. Я хотѣлъ только объяснить вамъ съ какою осторожностью должно писать критическія статьи.

Вамъ угодно знать, гдѣ петербургское высшее общество проводитъ лѣто? На это не легко отвѣчать; недавно еще, года за четыре предъ симъ, *фешіонебели* почитали обязанностью жить лѣтомъ на островахъ, и предпочтительно на Каменномъ или Аптекарскомъ.

Нынѣ лѣтомъ общество разсыпается: кто уѣзжаетъ за границу, кто въ свои помѣстья, кто живетъ на островахъ, въ Павловскомъ, въ Царскомъ и т. д.

Сборнаго же общеизбраннаго пункта, по прошествіи *сезона Елагинскаго мыса*, по-видимому нѣтъ. Кажется, что съ нѣкоторыхъ поръ модный свѣтъ, *le monde élégant*, какъ говорятъ Французы, лѣтомъ слагаетъ съ себя власть и откладываетъ въ сторону, на время, управленіе модою, оставляя полный разгулъ публичнымъ увеселеніямъ въ окрестностяхъ Петербурга.

Въ прошломъ столѣтіи были великолѣпныя барскія празднества и народныя увеселенія, но публичныхъ не существовало. Для публичныхъ увеселеній необходимо развитіе средняго сословія; публика, посѣщающая ихъ, гораздо взыскательнѣе низшаго сословія; она не прочь заплатить рубль, другой, за свои удовольствія, но съ каж-

дымъ годомъ становится прихотливѣе, разборчивѣе и требуетъ болѣе и болѣе разнообразія и почти роскоши. Роскоши за рубль, серебромъ! Мудрено кажется — а есть люди, которые ухитряются и доставляютъ публикѣ за рубль если не совершенно роскошныя, то, по крайней мѣрѣ, самыя разнообразныя увеселенія.

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія, богатые вельможи, сознавая недостатокъ въ публичныхъ лѣтнихъ увеселеніяхъ, открывали въ это время года для публики великолѣпные свои сады, расположенные почти по всѣмъ направленіямъ въ окрестностяхъ Петербурга.

«На Петергофской дорогѣ, говоритъ г. Безакъ *, на седьмой верстѣ, находился прекрасный садъ оберъ-шталмейстера Ея Императорскаго Величества, Льва Александровича Нарышкина. Садъ сей, простирающійся отъ дороги морскаго залива, не токмо былъ открытъ ежедневно для публики, но и вывѣшенная у входа съ надписью доска приглашала всѣхъ городскихъ жителей воспользоваться свѣжимъ воздухомъ и прогулкою въ саду, для *разсыпанія* мыслей и соблюденія здоровья. Сей садъ, пишетъ почтенный авторъ Описанія С. Петербурга, обыкновенно въ просторѣчіи называется *га! га!*» Кого нынѣ заманишь на *га! га!*

Г. Безакъ упоминаетъ также о большомъ лѣсистомъ Крестовскомъ Островѣ, принадлежавшемъ Графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому. «На семъ островѣ, пишетъ

* Описаніе столичнаго города С. Петербурга, сочиненіе Ѳ. Безака 1894 года.

авторъ, есть разныя прогулки въ лѣсу и по берегамъ у каменнаго охотничьяго замка для увеселенія учреждена *тоня.*» Г. Безакъ не говоритъ, положена ли была какая нибудь плата за право пользоваться тонею? Вѣроятно! За то на Елагиномъ Островѣ, принадлежащемъ гофмаршалу Ивану Перфильевичу Елагину, хозяинъ позволялъ безвозмездно не токмо всѣмъ *порядочно одѣтымъ* людямъ въ воскресные и праздничные дни прогуливаться на островѣ, но и приглашалъ къ тому и увеселялъ *музыкою.*

Въ Выборской части или *безпосредственно* подлѣ оной, пишетъ г. Безакъ, находятся сады графа Александра Сергѣевича Строгонова и графини Александры Андреевны Безбородко, открытые всѣмъ порядочно одѣтымъ людямъ даже при бываемыхъ у владѣльцевъ торжествахъ. Въ оныхъ бываютъ иногда иллюминаціи и фейерверки, музыка и проч. Графъ Строгоновъ содержитъ здѣсь уже нѣсколько лѣтъ сряду въ лѣтнее время въ воскресные и праздничные дни *большое мѣсто* для танцованія, на которомъ, на открытомъ воздухѣ, пятьдесятъ и болѣе паръ вдругъ по хорошей музыкѣ танцовать могутъ. Часто увеселяютъ также мастера разныхъ искусныхъ *тѣлодвиженій* и проч. прогуливающихся безденежно!

Г. Безакъ упоминаетъ о многихъ еще подобныхъ гостепріимныхъ вельможахъ. Онъ называетъ сады: оберъшенка Александра Александровича Нарышкина (по Петергофской дорогѣ), генералъ-прокурора князя Вяземскаго (по Шлиссельбургской), графа Шувалова (въ Парголовѣ) и пр. и пр.

Богатые и знатные вельможи заботились, какъ видите, объ увеселеніи публики; но, съ размноженіемъ се-

мействъ, раздробились и огромныя состоянія; съ другой же стороны среднее сословіе стало годъ отъ году увеличиваться и распространяться. Успѣшная торговля и промышленность, увеличеніе жалованья чиновникамъ подали возможность людямъ и не высшаго сословія веселиться на свои деньги. Не безъ труда однако же развился у насъ вкусъ къ публичнымъ увеселеніямъ; наше патріархальное семейное начало долго боролось, отказываясь отъ смѣшенія разнородныхъ сословій, и въ послѣдствіи только, при повсемѣстномъ развитіи общественныхъ удовольствій, подчинилось, кажется, увлеченію и приманкѣ предпріимчивыхъ *антрепренеровъ* публичныхъ увеселеній.

Самое замѣчательное заведеніе въ этомъ родѣ, по разнообразію увеселеній и многолюдству, безспорно Заведеніе Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ, состоящее подъ руководствомъ изобрѣтательнаго И. И. Ізлера. Вечера на минеральныхъ водахъ текущаго сезона можно назвать *энциклопедическимъ курсомъ публичныхъ увеселеній*. Не твердые въ географіи могутъ тутъ освѣжить свою память: Европа, Африка, Америка, Азія (недостаетъ только Австраліи—но не сомнѣваюсь, что и она со временемъ выступитъ на сцену), всѣ страны свѣта имѣютъ своихъ представителей на минеральныхъ водахъ. Вы желаете имѣть свѣдѣніе о Германіи? Вамъ отвѣчаютъ вальсами Штрауса, Ланнера и пр., исполненными превосходно отличнымъ оркестромъ И. Гунгля; г-жа Ланковъ поетъ вамъ *Grâce* Мейербера на нѣмецкомъ языкѣ; Тирольцы насвистываютъ вамъ на мундгармоникѣ, наигрываютъ на цитрѣ, напѣваютъ національныя пѣсни; *Профессоръ* Беккеръ представляетъ вамъ миѳологическія,

живыя и къ тому же движущіяся картины. Угодно вамъ ознакомиться съ Америкою? Передъ вами развертывается безконечная панорама огромнѣйшей рѣки Миссиссипи, и тутъ же доводятъ до вашего свѣдѣнія, что «больша, рѣка Миссиссипи протекаетъ чрезъ Соединенные Штатыя отъ сѣвера къ югу, и впадаетъ въ Мексиканскій заливъ, пониже Новаго Орлеана. Протяженіе Миссиссипи 4,000 верстъ, изъ конхъ 3,000 судоходны!» Пріятно и полезно знать, не правда ли?

Если предположить, что въ панорамѣ для изображенія одной версты употреблено только по полуаршину полотна, менѣе чего кажется невозможно, судя по величинѣ изображенныхъ предметовъ, то вся панорама, предетавляющая одну судоходную часть Миссиссипи, должна имѣть полотно въ 1,500 аршинъ длины! Не знаю, вѣренъ ли мой разсчетъ, но панорама Миссиссипи движется и показывается въ три пріема и вертится каждый разъ довольно долго—а все таки, кажется, не развертывается до конца.

Но вамъ надоѣла Америка, и въ особенности меркантильные Соединенные Штаты: вы желаете взглянуть на жителей знойной Африки? Пожалуйте въ садъ, тамъ воздвигнутъ небольшой театръ, предъ которымъ играетъ полный хоръ *русской полковой* музыки (замѣтьте, что это уже третій оркестръ, одинъ въ Америкѣ т. е. предъ панорамою Миссиссипи въ залѣ, другой Гунгля въ Германіи, или въ павиліонѣ, третій *русскій* въ Африкѣ, предъ театромъ Кабиловъ). Пока публика собирается густыми толпами посмотрѣть на непостижимыя гимнастическія упражненія Кабиловъ, вы на-ходу почерпаете слѣдующія географическія свѣдѣнія.

«Кабилы, уроженцы сѣверной Африки, обитаютъ въ долинахъ Атласа въ алжирскихъ и мароккскихъ владѣніяхъ; они живутъ независимо, предаваясь набѣгамъ и грабежу. Кабилы раздѣляются на многія колѣна, изъ коихъ замѣчательнѣйшія суть: Бени-Абесы, Кукозы и Генейхазы. По всѣмъ вѣроятіямъ, Кабилы выходцы изъ внутреннихъ варварійскихъ владѣній; ихъ не должно смѣшивать ни съ Арабами, ни съ Маврами, ни съ Турками», прибавляетъ лукаво дающій вамъ географическія эти свѣдѣнія *. Слушая импровизированнаго педагога, вы пробираетесь по возможности сквозь толпу любопытствующихъ, а между тѣмъ завѣса маленькаго театра взвивается, и предъ вами являются семь оливковаго цвѣта легкихъ парней, у которыхъ кости каучуковыя, мускулы желѣзные, глаза огненные. Описать упругость и быстроту ихъ тѣлодвиженій невозможно: эти люди изъ каучука, они отскакиваютъ отъ пола, какъ резинка, и изгибаются, какъ змѣи.

Говорить о всѣхъ разнообразныхъ увеселеніяхъ, предоставляемыхъ публикѣ на Минеральныхъ Вод-хъ, почитаю излишнимъ; Ѳ. Б., въ № 119-мъ Сѣверной Пчелы, насчиталъ ихъ четырнадцать и разсчелъ, что каждое удовольствіе или увеселеніе обходится по семи копѣекъ съ небольшимъ на персону. И дешево, и мило!

Хотя я обѣщался ничего не писать нѣкоторое время о музыкѣ, но невозможно же мнѣ умолчать о достоинствахъ оркестра Ивана Гунгля, который составляетъ такъ ска-

* Dictionnaire national. tome 2, page 307.

зать, Grundsatz, т. е. основу увеселеній на Минеральныхъ Водахъ.

И. Гунгль, даровитый композиторъ множества увлекательныхъ полекъ всѣхъ возможныхъ родовъ (polka simple, tremblante, schottich, и пр.), подобралъ себѣ человѣкъ сорокъ музыкантовъ, и дѣйствуетъ на нихъ гальванически своимъ дирижерскимъ смычкомъ.

Взгрустнулось ли Гунглю—весь оркестръ играетъ вяло, неохотно, понуривъ *голову*, но встепенулся капельмейстеръ—и пошла потѣха; смычки дружно взвизгиваютъ, флейточки заливаются бойкою трелью, фаготы подскакиваютъ, мѣдные инструменты отзываются бурею, барабаны разражаются батальнымъ огнемъ. Либо слушать и глядѣть, потому что оживленіе оркестра быстро переходитъ въ публику, и всѣ лица мгновенно озаряются довольною улыбкой.

Замѣтно, что оркестръ И. Гунгля часто сыгрывается, потому что всѣ инструменты вѣрны и промаховъ не даютъ. Меня въ особенности удивила звучность и чистота исполненія віолончелей: этого рода инструменты рѣдко бываютъ хороши въ загородныхъ оркестрахъ.—Единственное замѣчаніе, которое можно сдѣлать Гунглю, на счетъ его оркестра, состоитъ въ слѣдующемъ: посовѣтовать турецкому барабану укротить свое усердіе! Турецкій барабанъ дѣло хорошее для оркестра, играющаго на воздухѣ, но виртуозъ—барабанщикъ не долженъ увлекаться, и приходить въ излишній восторгъ. Мнѣ также кажется, что интонація волторнъ не такъ безукоризненна какъ у прочихъ инструментовъ; впрочемъ оркестръ весьма хорошъ

и соотвѣтствуетъ вполнѣ увеселительному своему назначенію.

На островахъ было еще нѣсколько заведеній въ родѣ Минеральныхъ Водъ; но И. И. Излеръ, подобно баснословному дракону, поглотилъ ихъ всѣхъ, не поморщившись. Монплезиръ, Конкордія, Алгамбра,—всѣ сдѣлались добычею грознаго соперника. Конечно, есть еще *музыки* на Крестовскомъ, на Петровскомъ Островахъ, въ Александровскомъ Паркѣ, по Петергофской дорогѣ на дачѣ Блока и въ новомъ Монплезирѣ, но эти заведенія второстепенныя, и не представляютъ важнаго совмѣстничества.

Нынѣ у И. И. Излера одинъ достойный соперникъ—Павловскій Воксалъ; туда стекается множество посѣтителей; тамъ бываютъ великолѣпныя празднества; тамъ наконецъ есть постоянная ежедневная приманка: отличный оркестръ Іосифа Гунгля. Оркестръ Павловскаго Воксала составляетъ рѣзкую противоположность съ оркестромъ Минеральныхъ Водъ, хотя и тотъ и другой сформированы прекрасно. Музыканты, подвластные Ивану Гунглю, оживляются, увлекаются, приходятъ въ восторгъ, по мановенію ихъ предводителя; оркестръ Іосифа играетъ всегда чинно, важно, съ невозмутительнымъ спокойствіемъ и безукоризненною вѣрностью. Одинъ *лустикъ* * увѣрялъ меня, что, судя по исполненію, вѣроятно Иванъ Гунгль подчиваетъ своихъ музыкантовъ брандвейномъ или даже шампанскимъ, а Іосифъ отличнымъ баварскимъ пивомъ.

* Забавникъ.

Мнѣ показались въ особенности достойными замѣчанія мѣдные инструменты въ оркестрѣ Іосифа Гунгля; вѣрность ихъ интонаціи и сильная по истинѣ металлическая звучность (которая нерѣдко утрачивается въ инструментахъ съ клапанами) достойны похвалы. Въ угожденіе слушателямъ, Іосифъ Гунгль часто играетъ увертюры Вебера; онъ исполняетъ ихъ прекрасно; но не должно забывать, что эти увертюры *инструментованы* для тетральныхъ залъ, и не предназначались для *воздушнаго* исполненія, что́ составляетъ огромную разницу.

Не читайте вашей матушки, милѣйшая Ольга Петровна, * свѣдѣній моихъ о загородныхъ оркестрахъ; въ слѣдующемъ письмѣ я заглажу свою вину и не скажу ни слова о музыкѣ.

IV.

4-го іюля 1853 г.

«Чрезмѣрныя умственныя наслажденія утомляютъ болѣе чувственныхъ, если человѣкъ напрягаетъ постоянно умъ на одинъ и тотъ же предметъ. Подобное злоупотребленіе умственныхъ силъ (les conséquences d'un pareil abus

* См. письмо первое, введеніе.

des forces intellectuelles) не рѣдко доводитъ человѣка до *монокаміи*.» Зловѣщую эту фразу я вычиталъ въ какомъ-то френологическомъ сочиненіи, и съ тѣхъ поръ принялъ за основное правило разнообразить, сколько возможно, свои умственныя наслажденія. Отъ музыки я перехожу къ исторіи, отъ статистики къ философическому чтенію, отъ романовъ фантастическихъ къ идиллическимъ новѣйшихъ русскихъ писателей. (Однообразія послѣднихъ нужно въ особенности остерегаться.) Предлагаю, между прочимъ, одно изъ испытанныхъ мною врачебныхъ средствъ, противъ излишняго напряженія умственныхъ способностей на одинъ и тотъ же предметъ. Всѣмъ извѣстно, какъ трудно иногда отдѣлаться отъ какой нибудь мысли, которая, безпощадно преслѣдуя васъ, впивается, такъ сказать, въ мозгъ, и не рѣдко даже раздражаетъ его до болѣзненнаго состоянія: въ подобномъ случаѣ совѣтую напѣвать потихоньку (sotto voce) «Ah! vous dirais-je maman», если мысль, васъ преслѣдующая, французскаго свойства; «Ah mein lieber Augustin,» если она нѣмецкаго и «Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ,» если она русскаго происхожденія. Вы не замедлите почувствовать благодѣтельнаго вліянія этого способа врачеванія: раздраженіе мозга вскорѣ успокоится и мелодія, мало по малу, вытѣснитъ изъ головы мысль, васъ угнетающую.

Вышеупомянутыя мелодіи приведены мною въ примѣръ потому, что я неоднократно испытывалъ на себѣ цѣлебное ихъ дѣйствіе. Но шутки въ сторону: для успѣшнаго врачеванія музыкою умственнаго напряженія необходимо избрать кровную, національную мелодію; въ подобныхъ

мелодіяхъ есть какое-то сродство съ мыслію; изъ нея какъ бы образуется новое мелодическое начало, которое имѣетъ свойство убаюкивать ваши раздраженные нервы. Объяснить, на чемъ основано испытанное дѣйствіе, невозможно; но испытайте, и вы убѣдитесь въ правдивости моего показанія. Впрочемъ, прибѣгать къ описанному мною врачебному средству слѣдуетъ тогда только, когда умъ до крайности утомится; удобнѣе же не допускать мозга до болѣзненнаго раздраженія и разнообразить, по возможности, предметы вашихъ умственныхъ занятій. — Придерживаясь этой методы, и утомленный нѣсколько (каюсь чистосердечно) идиллическими романами, повѣстями и разсказами, въ которыхъ только и рѣчи, что о русскихъ мужичкахъ, живописно представленныхъ въ трезвомъ и нетрезвомъ видѣ, въ лаптяхъ или босикомъ, въ сермягахъ или въ поношенныхъ тулупахъ, а еще болѣе утомленный разговорами мужичковъ, которые изъясняются на *сугубомъ* нарѣчіи, котораго ни мы не понимаемъ, ни сами они, вѣроятно, не понимаютъ, — я, на дняхъ, для отдохновенія, прочелъ брошюру извѣстнаго прусскаго физика Рейхенбаха о новооткрытой имъ силѣ, которой онъ далъ названіе *ода* (l'od).

Рейхенбахъ утверждаетъ, что названіе это составлено имъ изъ слова, находящаго въ санкритскомъ языкѣ, съ присоединеніемъ къ нему древне-германскаго слова, и должно выражать «*силу*, или, вѣрнѣе сказать, *токъ*, всепроникающій и безпрестанно истекающій изъ всѣхъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ, находящихся въ природѣ.» Судя по этому опредѣленію, вы можетъ быть, полагаете, что дѣло идетъ объ электриче-

ствѣ, галванизмѣ или магнитизмѣ! Вовсе нѣтъ! Для проявленія вышеупомянутыхъ токовъ, необходимы побудительныя причины; *одъ* же, по увѣренію Рейхенбаха, существуетъ въ природѣ повсемѣстно, и истекаетъ постоянно изъ всѣхъ предметовъ, въ видѣ менѣе или болѣе *свѣтящагося разноцвѣтнаго вещества*, Дѣло, кажется, странное, непонятное, и вы, вѣроятно, спросите: отчего же мы до сихъ поръ не замѣтили или не видали *лучезарнаго свѣта* г. Рейхенбаха.

Въ утѣшеніе, спѣшу васъ увѣдомить, что г. Рейхенбахъ и самъ не видалъ никогда *новоткрытаго* имъ свѣтящагося вещества. Для того, чтобъ наслаждаться этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ (собственное выраженіе автора брошюры), недостаточно быть человѣкомъ, т. е. самымъ совершеннымъ существомъ въ числѣ орудныхъ твореній, необходимо быть *сенситивомъ* (sensitif), то есть до крайности воспріимчивымъ, нѣчто въ родѣ растенія, извѣстнаго подъ именемъ *не тронь меня* (Mimosa pudica) (!!). Какихъ же именно людей Рейхенбахъ причисляетъ къ разряду *сенситивовъ*? Прошу выслушать подлинное объясненіе ученаго физика.

«Встрѣчали ли вы иногда людей, имѣющихъ непреодолимое отвращеніе къ желтому цвѣту? Г. Рейхенбахъ утверждаетъ, что онъ знаетъ весьма многихъ, ненавидящихъ этотъ цвѣтъ, хотя ничего не можетъ быть прелестнѣе и величественнѣе, говоритъ онъ, какъ, напримѣръ, *при закатѣ солнца, золотисто-желтыя облака, сливающіяся съ лазурью небесною.*

«На чемъ же основано это странное отвращеніе? Увидимъ далѣе. Съ другой же стороны, вы не найдете ни

единаго человѣка, который не любилъ бы голубаго цвѣта!!» (Прошу припомнить, что я привожу здѣсь мысли и мнѣнія г. Рейхенбаха, а не собственныя мои умствованія.)

«Разница впечатлѣній, производимыхъ желтымъ и голубымъ цвѣтомъ, чисто ли оптическое т. е. происходящее отъ различія устройства человѣческаго глаза, или же зависитъ отъ того, что есть люди, способные ощущать утонченнѣйшія впечатлѣнія, не доступныя каждому человѣку?»

Послѣднее предположеніе подтверждается слѣдующими данными. «Многія даже весьма красивыя женщины (замѣчаетъ авторъ) не любятъ смотрѣться въ зеркало. (Вотъ по истинѣ, совершенно новое и весьма любопытное открытіе! *) Для нѣкотораго рода людей отъ зеркала (все таки по словамъ Рейхенбаха) вѣетъ какимъ-то *теплымъ, непріятнымъ* воздухомъ, дѣлающимъ для нихъ созерцаніе собственнаго образа невыносимымъ!

«Вамъ не рѣдко случалось, продолжаетъ авторъ, встрѣчать въ омнибусахъ или въ вагонахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, людей, которые, не смотря на холодъ, непогоду, опускаютъ окна и *наслаждаются сквознымъ вѣтромъ*, къ крайнему неудовольствію спутниковъ, вовсе не нуждающихся въ столь сильномъ избыткѣ наружнаго воздуха. Вы, вѣроятно, осуждаете подобныхъ людей въ незнаніи правилъ общежитія; вы называете ихъ неучами, несносными, *капризниками*.

* А между тѣмъ оно дѣйствительно существуетъ. Рейхенбахъ выразился не довольно точно: не любятъ смотрѣться въ зеркало женщины, увѣренныя въ своей красотѣ.

« Воздержитесь отъ вашихъ сужденій! Люди эти дѣйствуютъ подъ вліяніемъ *особенныхъ причинъ*, не доступныхъ еще всеобщимъ понятіямъ.

« Наконецъ есть люди, которые избѣгаютъ большихъ собраній, не любятъ, чтобъ кто нибудь стоялъ близко позади ихъ; иные засыпаютъ предпочтительно на правомъ боку; другіе терпѣть не могутъ пожатія руки, и проч., и проч., и проч.» Всѣ эти причуды, по мнѣнію Рейхенбаха, имѣютъ свое значеніе, и находятся между собою въ тѣсномъ соотношеніи; такъ, напримѣръ, человѣкъ, ненавидящій желтый цвѣтъ, не любитъ смотрѣться въ зеркало; тотъ, который избѣгаетъ большихъ собраній людей, опускаетъ окна въ вагонахъ, и любитъ сквозной вѣтеръ, и такъ далѣе. Вотъ какого рода людей Рейхенбахъ называетъ воспріимчивыми или *сенситивами*, отдавая, впрочемъ, первенство, въ отношеніи къ воспріимчивости, *каталептикамъ*, *лунатикамъ* и *сомнамбуламъ*. (Послѣднее слово, между прочимъ, не значитъ одно и то же, что лунатикъ.)

Въ дополненіе къ *сенситивамъ*, Рейхенбахъ говоритъ, что, если вы затрудняетесь, по означеннымъ признакамъ, найти таковыхъ въ здоровомъ состояніи, то обратитесь къ людямъ болѣзненнымъ, которые спятъ безпокойно, мечутся во время сна или кричатъ и разговариваютъ, людей, которые страдаютъ періодическими мигренями, разстройствомъ желудка, раздражительностью нервной системы, и проч., и проч. Подобные *субъекты*, почти всѣ безъ исключенія, принадлежатъ, по словамъ Рейхенбаха, къ разряду *сенситивовъ*! Все вышесказанное, хотя и странно отчасти, но не имѣетъ еще ничего необыкновен-

наго или сверхъестественнаго; теперь же прошу прислушать, какъ Рейхенбахъ открываетъ вамъ новый *фантастическій* міръ.

«Отыскавъ, по указаніямъ, *субъекта* съ свойствами *сенситива*, возьмите большой кусокъ горнаго кристалла, и положите его на уголъ стола или табурета такъ, чтобъ оконечности его не касались дерева. Предложите тогда избранному вами воспріимчивому *субъекту*, не дотрогиваясь до кристалла, приблизить къ нему ладонь *лѣвой* руки на четыре или на пять вершковъ; по прошествіи не болѣе полуминуты, *субъектъ* скажетъ вамъ, что отъ верхней точки кристалла исходитъ легкое и свѣжее дуновеніе, а отъ основанія кристалла теплое. Свѣжее дуновеніе, по словамъ *сенситива*, пріятно и прохладительно, а теплое, напротивъ, производитъ чрезвычайно непріятное ощущеніе, которое, мало по малу, овладѣвая всею рукою, утомляетъ испытующаго.»

Рейхенбахъ заключилъ изъ этого, что, если воспріимчивый *субъектъ* ощущаетъ впечатлѣнія, не доступныя всѣмъ людямъ; если онъ чувствуетъ попеременно теплое и свѣжее дуновеніе, исходящее изъ кристалла, то, можетъ быть, при нѣкоторыхъ извѣстныхъ обстоятельствахъ, и зрѣніе *сенситива* окажется изощреннѣе зрѣнія обыкновенныхъ людей. Въ слѣдствіе этого разсужденія, Рейхенбахъ, въ Маѣ 1844 года, сдѣлалъ слѣдующій опытъ. Въ совершенно темную комнату, въ которую не могъ проникать ни малѣйшій лучъ свѣта, Рейхенбахъ поставилъ большой кусокъ горнаго кристалла, и затѣмъ ввелъ въ означенную комнату дѣвицу Анжелику Штурманъ, въ присутствіи профессора медицины Липиха (собственныя имена

въ этомъ случаѣ дѣло важное; иначе брошюра Рейхенбаха похожа была бы на восточно-фантастическій разсказъ). Дѣвица Штурманъ, будучи *сенситивою* высшаго достоинства, замѣтила, послѣ самаго непродолжительнаго времени, что вся кристалльная масса проникнута *тонкимъ свѣтомъ*, и что изъ верхней оконечности исходитъ голубое, трепещущее пламя въ четверть вышины, имѣющее форму тюльпана, и оканчивающееся легкимъ, прозрачнымъ дымообразнымъ паромъ. Рейхенбахъ перевернулъ кристаллъ и дѣвица Штурманъ объявила, что изъ основанія кристалла, т. е. отъ тупой стороны, подымается густой, красножелтый паръ. Самъ Рейхенбахъ *не видалъ* ни голубаго, ни красножелтаго пламени; но, довѣряя словамъ дѣвицы Штурманъ (и въ послѣдствіи, какъ онъ говоритъ, *тысячу* другимъ *сенситивамъ*), онъ вписалъ въ лѣтописи науки новооткрытый имъ *токъ*, и назвалъ его небывалымъ именемъ *ода*. — Ученый физикъ утверждаетъ, что открытіе его поведетъ къ истолкованію множества загадочныхъ, таинственныхъ, непонятныхъ явленій въ природѣ, которымъ до сихъ поръ приписывали какое-то мистическое начало, и которыя въ сущности суть не что иное, какъ проявленіе *ода*. Что будетъ? Не знаю, а пока продолжаю *фантасмагорическія* сказанія г. Рейхенбаха, чтобы показать, до чего можетъ довести человѣка ненасытная любознательность всеиспытующаго разума. — Смѣлое воззрѣніе на болѣзнь, предостерегаетъ здороваго человѣка отъ недуга.

Открывъ въ кристаллѣ новый *токъ*, и придумавъ ему названіе, Рейхенбахъ принялся изучать его свойства, и вскорѣ убѣдился, что не все то *освѣщаетъ*, что *свѣ-*

тить, и не все то *согрѣваетъ*, что́ *грѣетъ*! Напримѣръ: «возьмите, говоритъ онъ, стеклянную длинную трубку, внутри пустую, или даже деревянный чубукъ, дайте его въ руку воспріимчивому субъекту, и прикажите ему выставить оконечность предмета на солнечные лучи, а самому оставаться въ тѣни. Вы думаете, что стеклянная труба или чубукъ согрѣются, и что *субъектъ* будетъ чувствовать теплоту? Вовсе нѣтъ! Пока оконечность будетъ находиться на солнцѣ *субъектъ* ощущаетъ *пріятную прохладу*, но какъ скоро трубка поставлена будетъ въ тѣнь, она немедленно *согрѣется*. Слѣдовательно, восклицаетъ Рейхенбахъ, есть весьма *простыя обтоятельства*, которыя не были еще изслѣдованы, и при которыхъ непосредственное дѣйствіе солнечнаго луча не только что не производитъ теплоты, но значительно охлаждаетъ предметъ самымъ *неожиданнымъ* образомъ.» *Неожиданное явленіе* (я думаю!!) холода, исходящаго изъ горячихъ селнечныхъ лучей, подало мысль Рейхенбаху, что это необычайное дѣйствіе происходитъ отъ присутствія *ода* въ солнечномъ свѣтѣ; въ слѣдствіе этого разсужденія онъ провелъ въ темную комнату проволоку, оставивъ снаружи одну изъ ея оконечностей. Лишь только солнечный лучъ коснулся до проволоки, то изъ оконечносчи ея, находящейся въ темной комнатѣ, показалось небольшое пламя, и вся проволока слегка освѣтилась. Рейхенбахъ, убѣдившись въ присутствіи *ода*, направилъ *плѣненный* солнечный лучъ на призматическое стекло, и отразилъ полученную отъ того радугу на ближайшей стѣнѣ, Получивъ, такимъ образомъ, всѣ радужные цвѣта солнечнаго луча въ совершенно темной комнатѣ, физикъ

приступилъ къ изслѣдованію ихъ свойствъ на воспріимчивость *субъектовъ*.

Когда *субъектъ* погружалъ стеклянную трубку или даже свой палецъ въ голубой или фіолетовый цвѣтъ призмы, то чувствовалъ пріятную прохладу, и напротивъ, ощущалъ теплое, тягостное впечатлѣніе, погружая его въ красный или желтый цвѣтъ. Этотъ опытъ доказываетъ, говоритъ г. Рейхенбахъ, что не должно приписывать одному капризу предпочтеніе, которое оказываютъ иные люди голубому цвѣту, въ ущербъ желтаго или краснаго. Тамъ, гдѣ мы видимъ одно различіе вкусовъ, скрывается *глубоко-инстинктивное* чувство, которое непреодолимо влечетъ ихъ къ неузнанному еще, тончайшему и, вѣроятно, благотворнѣйшему веществу. Г. Рейхенбахъ не удовольствовался знаніемъ, какія впечатлѣнія производятъ различные цвѣта радуги на чувства осязанія *сенситивовъ*; онъ вознамѣрился узнать, какое дѣйствіе производятъ они на вкусъ. Для произведенія этого опыта, онъ поставилъ одинъ стаканъ съ водою въ голубой цвѣтъ радуги, а другой въ красножелтый — и... о чудо!... Вода, которая находилась въ голубой полосѣ, оказалась прохладительною, пріятною и слегка кисловатою (словомъ сказать, настоящій лимонадъ); та же, которая стояла въ красножелтомъ цвѣтѣ, оказалась противною на вкусъ, тепловатою, горькою. — Разсказывая объ этомъ дивномъ опытѣ, г- Рейхенбахъ приходитъ въ восторгъ. «Пусть гг. химики, восклицаетъ онъ, разложатъ подобную воду и извлекутъ изъ нея горькое и кислое начало, столь чудно ей сообщенное солнечными лучами! Узнайте же, мм. гг., что изъ солнца и изъ луны истекаетъ безпрерывно

могучая сила, которая, подобно свѣту и теплороду, наполняетъ собою вселенную! (sic.) Вскорѣ я докажу вамъ, какое огромное вліяніе имѣетъ на человѣка, а слѣдовательно и на животное, и на растительное царства новооткрытый мною дѣятель....»

Къ сожалѣнію, *границы* фельетона не имѣютъ *безпредѣльности ода*, и я принужденъ прервать сказанія о дивныхъ открытіяхъ г. Рейхенбаха *на самомъ интересномъ мѣстѣ*, судя по собственнымъ моимъ впечатлѣніямъ; но, какъ я взялся за перо, чтобъ угождать вамъ, а не себѣ, то буду ожидать отъ васъ увѣдомленія, желаете ли вы, или нѣтъ, чтобъ я продолжалъ разборъ брошюры Рейхенбаха? Нынѣ же почитаю долгомъ увѣдомить, что, сверхъ любопытныхъ открытій, находящихся въ брошюрѣ, въ сочиненіи г. Рейхенбаха замѣтно желаніе укротить нѣсколько порывы *мистикомечтателей*, которые приписываютъ магнитизму какую-то непонятную силу.

Умѣренность, или такъ сказать, *le juste milieu* (средина) полезна вообще для человѣка: отыскать ее и умѣть не уклоняться отъ нея, составляетъ верхъ благоразумія человѣка.

V.

13-го Іюля 1753 г.

Поздравьте меня, Ольга Петровна! Я вырвался на нѣкоторое время изъ душнаго города! Я на дачѣ, на бе-

регу моря, или, вѣрнѣе сказать, на берегу... болота, которое, начинаясь трясиною, переходитъ постепенно въ зеленоватыя воды, усѣянныя осокою, далѣе покрывается тростникомъ, и наконецъ сливается съ голубыми волнами Финскаго Залива.

Съ помощью Гершелева телескопа, я могъ бы разглядѣть, какъ петербургскіе пароходы, величественно разрѣзывая прозрачныя воды, направляются въ урочные часы въ Петергофъ, Кронштадтъ и обратно. Въ настоящее время, за неимѣніемъ, вышеупомянутаго телескопа, я часто принимаю пароходы за чайки порядочнаго размѣра, а черноватые клубы дыма за микроскопическія облачка; но не смотря на то, видъ съ берега моего болота очаровательный, могу васъ увѣрить. А какой живительный воздухъ! Правда, что по одну сторону лѣтняго моего жилища, отъ пролегающаго петергофскаго шоссе, пыль стоитъ столбомъ, а съ другой стороны, при малѣйшей наклонности *небеснаго свѣтила къ западному ложу отдохновенія*, поднимается тонкій паръ, принимающій, *въ сырыя свои объятія, сухія, алчущія* облака дорожной пыли.... Но какое дѣло *! Воздухъ здѣсь отличный отъ петербургскаго. И какое спокойствіе! Какая тишина! Здѣсь не слышно, какъ:

«Въ двѣнадцать часовъ, по ночамъ....

Не барабанщикъ, а телѣги и разнородные экипажи, со стукомъ, со скрипомъ, бороздятъ каменную мостовую и потрясаютъ городскія зданія. Здѣсь ночная тишина пре-

* Вы замѣчаете, что я поэтизирую на старинный ладъ; но, не безпокойтесь, это только такъ, съ радости!

рывается подъ часъ лишь пѣснью *филомелы*. или искусною дробью сторожа по деревянной доскѣ. Зачѣмъ онъ стучитъ? Кого желаетъ разбудить, объявляя во всеуслышаніе о несомнѣнномъ присутствіи его на какой нибудь точкѣ обширнаго иногда владѣнія? Кого пугаетъ, хозяевъ или недобрыхъ людей? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности!—Наконецъ, прошу вѣдать, что у насъ здѣсь есть паркъ, съ тѣнистыми аллеями, съ принадлежащими къ нимъ птичками, съ извилистыми дорожками, съ искусственными и не искусственными лужайками, съ прудами стоячей воды, словомъ со всѣми принадлежностями *образованнаго* парка. — Хозяинъ дачи, на которой я пріютился на время, человѣкъ гостепріимный: онъ дозволяетъ гулять всѣмъ и каждому въ своихъ владѣніяхъ. Впрочемъ, если бъ онъ и не позволялъ то результаты вышли бы тѣ же самые, потому что посѣтители нашего парка, какъ увидите, люди предпріимчивые и безцеремонные.

Неподалеку отъ дома, помѣщающагося на склонѣ плоской возвышенности (только не Валдайской, разумѣется), двѣ дорожки, усыпанныя краснымъ пескомъ, *берутъ свое начало*, и, граціозно извиваясь, сбѣгаютъ къ широкому, зеленому лугу. Дорожки эти тщательно содержимыя, окоймлены кустами превосходныхъ, разноцвѣтныхъ, сиреней.— Сидя однажды на балконѣ, я замѣтилъ, что какая-то дама или дѣвица (вѣроятно дама, судя по развязнымъ ея пріемамъ), опустошала безъ пощады одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ кустовъ сирени. Я подошелъ къ *опустошительницѣ*, которая между тѣмъ успѣла уже наломать огромный букетъ цвѣтистыхъ сиреней, и замѣтилъ ей

весьма учтиво, что она поступаетъ безжалостно въ отношеніи къ несчастному кусту сирени. Дама взглянула на меня чрезвычайно сурово, разбросала цвѣты по дорожкѣ и сказала съ презрѣніемъ- «Вотъ невидальщина какая ваша сирень! Да у меня самой ее, столько, что и *куры не клюютъ!*»

— Я охотно вѣрю, что у васъ и куры не клюютъ спреней, сказалъ я, скромно улыбаясь, но зачѣмъ же ломать чужіе кусты?

Дама ничего не отвѣчала; но окинувъ меня взоромъ съ головы до ногъ, грозно прошла мимо, втаптывая въ песокъ несчастные цвѣтки сирени. Я отретировался, пристыженный, съ поникшей головой.

Въ другой разъ (это было прошлаго года, въ Августѣ мѣсяцѣ), мы собрались съ хозяиномъ и съ многочисленнымъ дамскимъ обществомъ за грибами. Надобно сказать, что нашъ паркъ славится въ околоткѣ изобиліемъ грибовъ. Дамы наши, въ ожиданіи обильнаго сбора, запаслись плетеными корзиночками; дома приготовлена была густая отличная сметана; шумно и весело отправилось все общество въ паркъ, вкушая, такъ сказать, заранѣе, удовольствіе поѣсть бѣлыхъ грибовъ, жареныхъ со сметаною на сковородѣ. Но едва дошли мы до завѣтной рощи, разсадника бѣлыхъ грибовъ, и сбирались было разсыпаться по всѣмъ направленіямъ, какъ глазамъ нашимъ представилось страшное зрѣлище... Между деревьями, почти на каждомъ шагу, виднѣлись человѣческія фигуры, въ классическихъ позахъ, исключительно присвоенныхъ искателямъ грибовъ! Ближе всѣхъ была дородная барыня, которая, нагнувшись всѣмъ тѣломъ къ

землѣ, срывала въ ту самую минуту, какъ мы къ ней приблизились, прекрасный, молоденькій, твердый, глянцовитый бѣлый грибокъ. Услышавъ наше приближеніе, она выпрямилась, отерла платкомъ красное, лоснящееся лице, и сказала, оскаливъ черные зубы и указывая на плетеныя корзиночки нашихъ дамъ: «Кажись, и вы собрались за грибками?»

Грустное предчувствіе оковало наши уста; мы хранили молчаніе. Тучная барыня продолжала, насмѣшливо улыбаясь:

— Поздно маленько собрались! Я съ своими дѣтками, спозаранковъ вышла за грибами; мы всѣ почти подобрали; почитай съ полвоза боровичковъ позапасли.

Хозяинъ поморщился. «Не худо было бы малую толику и для насъ оставить», сказалъ онъ наконецъ, съ недовольнымъ выраженіемъ въ голосѣ. «Здѣшніе грибы, кажись, не ваши?»

— Что́ вы это, батюшка! Грибки, я чай, не сѣютъ и не жнутъ; грибки Божья благодать; кто нашелъ ихъ, тотъ имъ и хозяинъ.

«Однако жъ, позвольте, вы находите ихъ въ моей рощѣ — а владѣнія мои обведены оградой!»

— Великое дѣло ограда! Колья, да барочныя доски, больше ничего, отвѣчала презрительно толста любительница грибовъ.

«Но вы подѣлитесь, по крайней мѣрѣ, съ нами,» сказалъ хозяинъ, полушутя, полусеріозно.

Барыня покраснѣла съ досады. — Что́ это вы, сударь, шутите, что́ ли? Что́ мы вамъ за батраки доста-

лись. Грибы даръ Божій, а собственный трудъ особое дѣло.

Но я въ правѣ приказать отобрать у васъ всѣ грибы до одного,» возразилъ раздосадованный хозяинъ.

— Вотъ еще что́ выдумали! Слава Богу! обижать прохожихъ не кому подозволено.

Высказавъ это нравоучительное поученіе, толстая персона величественно прошла мимо насъ, и, покачиваясь съ боку на бокъ, присоединилась къ своимъ чадцамъ и домочадцамъ, выжидавшимъ окончанія щекотливаго разговора.

«Что́ ты будешь дѣлать съ людьми, имѣющими такія *основательныя* понятія о собственности!» воскликнулъ хозяинъ, махнувъ рукой. Тѣмъ дѣло и кончилось, а мы, между тѣмъ, къ величайшему нашему сокрушенію, возвратились домой съ пустыми руками.

Однако жъ безцеремоннымъ посѣтителямъ суждено было наконецъ вывести изъ терпѣнія нашего добродушнаго и гостепріимнаго хозяина.

Въ самомъ живописномъ уголкѣ сада поставлены у насъ качели, гимнастика и разнаго рода увеселенія. Мѣсто это хозяинъ особенно предпочитаетъ: тамъ разставлены скамьи и столики, выкрашенные яркою, свѣжею краской; травка подстрижена, дорожки подчищены, словомъ тамъ такъ, какъ быть подобаетъ.

Разъ собрались мы, послѣ обѣда, пить кофе въ монплезирѣ, (такъ назвалъ хозяинъ мѣсто, гдѣ находились качели). Вообразите же нашъ ужасъ, когда пришедъ въ монплезиръ, мы нашли тамъ формальное нашествіе варваровъ! На качеляхъ, съ визгомъ и крикомъ, качались

дѣвочки; на гимнастикѣ лазили мальчишки; зеленая мурава красивой лужайки страдала подъ гнетомъ шести дюжихъ персонъ; на скамьяхъ и на столахъ красовались кулебяка, жареныя индѣйки, куры, ветчина; по красивымъ дорожкамъ валялись: замасляная, жирная бумага, яичная скорлупа, оглодки куриныхъ и телячьихъ костей, и проч. и проч. Рослый господинъ безъ сертука, въ одномъ жилетѣ, съ засученными рукавами, исправлялъ должность метрдотеля, и распоряжался какъ дома, напѣвая во все горло знаменитый романсъ *Ванька-Танька*.

Пускай бы въ другомъ мѣстѣ, подалѣе отъ дома, расположились докучливые, безцеремонные посѣтители, не велика бѣда! Но тутъ, въ любимомъ, въ хорошенькомъ, въ чистенькомъ монплезирѣ! Это было уже слишкомъ!

Хозяинъ нашъ побагровѣлъ отъ гнѣва, и спросилъ грознымъ голосомъ:

«По какому праву расположились вы здѣсь, какъ на постояломъ дворѣ, милостивый государь?»

Господинъ съ засученными рукавами прервалъ неохотно свое пѣніе, а дамы и съ мѣста не тронулись, только оправили платья и подобрали ноги.

— Какъ-съ? проговорилъ съ разстановкой рослый господинъ, вглядываясь пристально въ разгнѣваннаго хозяина. Въ первый разъ слышу! Извѣстное, кажись, дѣло, что въ саду позволяется всѣмъ гулять.

«Позволяется гулять — да! но не дозволяется превращать въ трактиръ любимаго моего мѣста, заставлять лавки жареною живностью, разбрасывать скорлупу и оглодки по дорожкамъ, мять и портить дернъ...»

— Фи! милостивый государь, какія вы выраженія

употребляете! сказалъ пріостановившись рослый господинъ, продолжая между тѣмъ нарѣзывать кусочки ветчины, если не желаете имѣть у себя въ саду *порядочныхъ посѣтителей*, то поставьте у воротъ швейцара съ булавой, всякой и будетъ знать, что je vous prie — permettez!

«Швейцара я не поставлю, а васъ прошу уйти отсюда» закричалъ раздраженный хозяинъ. Съ этимъ словомъ дамы рѣшились наконецъ подняться съ мягкаго ихъ ложа отдохновенія, и, приговаривая «allons-nous-en, allons-nous-en!!», стали подбирать разбросанныя шляпки, зонтики, мантильи; но господинъ безъ сертука остановилъ ихъ величественнымъ движеніемъ:

— Постойте, mes dames! Признаюсь, хорошо гостепріимство! Удивительная патріархальность нравовъ и обычаевъ! Я ни за что не пригласилъ бы васъ гулять въ этотъ садъ, если бъ зналъ какого рода люди здѣсь проживаютъ. Уйти теперь намъ невозможно — дѣти еще ничего не ѣли. Хорошо, сударь, продолжалъ онъ, обращаясь къ хозяину: мы оставимъ негостепріимный вашъ садъ, и оставимъ навсегда, повѣрьте! прибавилъ онъ съ особымъ удареніемъ, какъ бы желая дать почувствовать, какой потерѣ подвергается хозяинъ за неосторожную вспышку.— Хорошо-съ, дайте мнѣ только накормить дѣтей. Ей, вы! Ваня, Миша, Маша, Саша, и пр. пр., закричалъ онъ громовымъ голосомъ, ступайте сюда! И съ невозмутимымъ хладнокровіемъ и полнымъ сознаніемъ своего достоинства господинъ въ жилетѣ принялся раздавать полновѣсныя тартинки многочисленному своему потомству.

Мнѣ удалось уговорить нашего хозяина возвратиться пить кофе на балконъ. Въ тотъ же день всѣ калитки и ворота были заперты на ключъ, а къ забору прибиты досечки съ надписью: *Въ саду гулять не дозволяется.*

На другое утро на всѣхъ досечкахъ отрицательная частица *не* была выскоблена, а на слѣдующій день надписи вовсе исчезли. По прошествіи еще нѣсколькихъ дней, въ разныхъ мѣстахъ ограды оказались бреши, и въ саду, вдали отъ дома, стали показываться группы гуляющихъ.

Добродушный нашъ хозяинъ махнулъ рукой... Странное имѣютъ у насъ понятіе о правилахъ и условіяхъ общежитія нѣкоторые люди полуобразованнаго класса! Загородите дорогу, они непремѣнно постараются отстранить препятствіе, и проѣдутъ по ней, не помышляя, что чрезъ то портятъ, а можетъ быть и уничтожаютъ долговременный чужой трудъ; запретите ходить по лугу, и они непремѣнно избороздятъ его протоптанными дорожками.

Безпрекословная покорность постановленіямъ, уваженіе къ законамъ — составляютъ несомнѣнный признакъ высокаго образованія.

Невозможно, однако жъ, не сознаться, что нельзя слишкомъ обвинять средняго нашего сословія въ медленныхъ его успѣхахъ въ образованности. Оно и желало бы сблизиться съ образованнымъ обществомъ, но незнаніе иностранныхъ языковъ, къ которымъ такъ пристрастилось это общество, полагаетъ непреодолимыя преграды. Нынѣ, впрочемъ, предпочтеніе иностраннаго изглаживается; Русскіе учатся *по-русски*, и если не всѣ еще чи-

таютъ русскія книги, то, по крайней мѣрѣ, иногда довольно ловко притворяются, что принимаютъ участіе въ успѣхахъ русской литературы. Отъ этого похвальнаго стремленія образовались (разумѣется, помимо людей истиннаго, высокаго образованія, число коихъ болѣе и болѣе увеличивается) три разнородные замѣчательные типа: 1) люди, которые, стараясь пріобрѣсть недостающій имъ навыкъ говорить и писать по-русски, искажаютъ родной языкъ; 2) отсталые люди (преимущественно изъ средняго сословія), которые полагаютъ, что безъ иностраннаго нарѣчія нельзя обойтись, и въ слѣдствіе того искажаютъ иностранные языки, и 3) слишкомъ усердные любители русскаго корнесловія, которые безъ пощады преслѣдуютъ всѣ выраженія, заимствованныя изъ другихъ языковъ, и желаютъ замѣнить слова въ родѣ: биллiардъ— *шарокатомъ*, кій — *шаронихомъ*, галоши— *мокроступами*, и т. д.

Представляю здѣсь примѣры въ подтвержденіе сдѣланныхъ мною подраздѣленій.

Въ весенній сезонъ Елагина мыса (à la pointe), я слышалъ, слѣдующій разговоръ между молодымъ человѣкомъ, принадлежащимъ къ первой категоріи, и пожилымъ господиномъ, принадлежащимъ ко второй.

«Говорятъ, что съ журналѣ... какъ бишь называютъ этотъ журналъ? такой толстый, въ оранжевой оберткѣ— да! въ *отцовскихъ* запискахъ, говоритъ, что тамъ пишутъ очень хорошо о *Шинѣ!*»— «Vous voulez parler, отвѣчалъ его собесѣдникъ, пріятно улыбаясь, des statistes (т. е. статьяхъ) dans les Отечественныя Записки sur le Китай.»

Вы скажете, что подобнаго рода оригиналы составляютъ исключенія? Конечно, но не менѣе того я имѣлъ право указать на нихъ, потому что они существуютъ, и вотъ вамъ примѣръ.

Съ *первообразами* третьей категоріи я имѣлъ случай встрѣтиться недавно, на каменно-островской музыкѣ.

Нѣсколько молодыхъ и не молодыхъ людей, пріятной и непріятной наружности, живописно группировались на Елагинскомъ мосту, вслушиваясь въ прекрасную кавалергардскую музыку. Во время отдыха музыкантовъ, одинъ изъ молодыхъ людей возвысилъ голосъ, и, указывая на клумбу цвѣтовъ, сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе:

«Когда-то выведутся у насъ изъ употребленія нелѣпыя заморскія названія? Зачѣмъ называть эти цвѣтки гортензіями, фуксіями, даліями, и пр.? Вѣдь есть же цвѣтки подъ русскими именами: Анютины глазки, Иванъ да Марья, Не тронь меня; это хорошо и выразительно, и совершенно по-русски. Почему бы и эту *заморщину*, не переименовать въ *красно-цвѣтъ*, *лилово-цвѣтъ*, *бѣло-цвѣтъ*, и т. д. Да вотъ и эти деревья; продолжалъ любитель русскаго корнесловія, указывая на аллею, окаймляющую Малую Невку, отчего эти деревья называются тополями?!!»

— Нѣтъ, ужъ извини, братъ, прервалъ одинъ изъ присутствующихъ, *тополи*, слово чисто русскаго происхожденія!

«Какъ такъ?» спросилъ насмѣшливо первый ораторъ.

— А вотъ какъ! Однажды *славянскіе рыбаки* попали на необитаемый островъ, въ точности гдѣ, не знаю, и тамъ набрели на красивое деревцо съ серебристыми

листьями. Дерево имъ понравилось; они его выкопали, перевезли осторожно на материкъ, посадили въ землю, окопали кругомъ, и ногами *топали, топали*...

«Да и назвали *березой*,» добавилъ какой-то проходящій весельчакъ. Я не слыхалъ продолженія корнесловнаго пренія, потому что одна весьма миловидная дама подозвала меня къ своей коляскѣ, желая знать причину хохота, разразившагося на мосту.

P. S. Имѣю честь увѣдомить, что безъименное письмо отъ неизвѣстнаго мнѣ какого-то жителя Черной Рѣчки, я получилъ, и употреблю всѣ возможныя старанія, для удовлетворенія пламеннаго желанія гласности, которое, по-видимому, сильно тревожитъ почтеннаго анонима. Предупреждаю, однако жъ, что для успѣха предпріятія потребуется довольно продолжительный срокъ времени, потому что я вынужденъ буду обратиться къ издателямъ журналовъ, печатаемыхъ на островахъ Тихаго Океана; у насъ же навряд ли найдутся такіе отважные корректоры, которые рѣшились бы пропустить безъ поправокъ посланіе славолюбиваго анонима. — Корректоръ Сѣверной Пчелы рѣшительно отказывается печатать слово *прейти*, вмѣсто *пройти*, *тераниль* вмѣсто *тиранилъ*, *въ жатый объемъ*, вмѣсто *въ сжатый объемъ*, и такъ далѣе. Я очень хорошо понимаю, что корректоръ нашъ не правъ: возможно ли не допускать нововведеній такого глубокомысленнаго писателя, каковъ почтенный житель Черной Рѣчки, но что́ же дѣлать! Ни какія убѣжденія не могли склонить слишкомъ добросовѣстнаго корректора Сѣверной Пчелы исполнить мою просьбу. А, право, жаль, потому что *жители* Черной Рѣчки (я забылъ сказать, что

письмо подписано во множественномъ числѣ), очень недовольны моими статьями, и утверждаютъ, что я *тешилъ* ихъ зимою напыщенными фразами, говоря о музыкѣ, а теперь въ *Петербургскихъ Письмахъ сбираюсь и в пригоршни бросать въ стѣну горохъ, или представлять кукольную комедію, разыгранную при шарманкѣ*, что я заставляю подписчиковъ Сѣверной Пчелы читать *бредни*, и проч. Вы видите, почтеннѣйшій анонимъ, что я не изъ *самости*, какъ вы выражаетесь, не отдаю въ печать подлиннаго вашего посланія, а собственно изъ уваженія къ вамъ; ваше же мнѣніе на мой счетъ я дѣлаю гласнымъ—надѣюсь, вы довольны. Но, повторяю, жаль, очень жаль, что письмо жителей Черной Рѣчки не соглашаются помѣстить въ Сѣверной Пчелѣ: оно послужило бы явнымъ доказательствомъ, что для того, чтобъ быть писателемъ, недостаточно *пламеннаго желанія гласности*. Я обязанъ, однако жъ, изъявить совершенную мою благодарность неизвѣстному корреспонденту за высокое мнѣніе, которое онъ имѣетъ о моемъ безпристрастіи. Наговоривъ мнѣ множество любезностей, самыхъ щекотливыхъ для моего самолюбія, онъ мнѣ же поручаетъ напечатать его посланіе. Примѣрное простодушіе и утонченное знаніе правилъ общежитія! Почтенный анонимъ оканчиваетъ письмо слѣдующею фразой:

«Мы много уже дѣлаемъ для Сѣверной Пчелы, что въ *сужденіяхъ* нашихъ не жалуемся ни слова въ другія газеты; въ чемъ и обѣщались Н. П. Гречу.»

Душевно желаю, чтобы другія газеты приняли *жалобы* корреспондента на собственныя же его *сужденія* (такъ кажется слѣдуетъ понимать угрозы анонима?) и

наградили читающую публику великолѣпною прозою славолюбиваго жителя Черной Рѣчки. — Въ заключеніе считаю долгомъ объявить, что я всегда приму съ величайшею благодарностью, и постараюсь сдѣлать гласнымъ, всякое дѣльное, основательное и правильно написанное возраженіе.

VI.

19-го іюля 1853 года.

Вы настоятельно требуете, чтобъ я отдалъ вамъ отчетъ о литературной дѣятельности нашей журналистики въ теченіе мая мѣсяца; вы желаете знать, какое впечатлѣніе произвели на нашу публику послѣднія творенія нашихъ литераторовъ, помѣщаемыя въ многорѣчивыхъ нашихъ журналахъ, и спрашиваете это съ такимъ теплымъ, живымъ участіемъ, что я, волею или неволею, обязанъ, по мѣрѣ возможности и по крайнему моему разумѣнію, удовлетворить вашему любопытству. Справедливо замѣтила ваша почтенная матушка, что ваши нервы еще разстроены, милѣйшая Ольга Петровна. Вы сочувствуете художествамъ, вы ищите, жаждете умственныхъ наслажденій; бѣлокурая ваша головка предается мечтательности, а мечтательность болѣе и болѣе развивается отъ уединенной

вашей жизни : словомъ сказать, вы нервозны! У насъ же здѣсь нервы солидные, желудки исправные, не смотря на продолжительное, грозное повѣтріе; мечтать намъ не когда, до умственныхъ наслажденій намъ недосугъ; правда, мы, охотники до музыки, но лѣтомъ предпочитаемъ музыку шумную, съ турецкимъ барабаномъ и китайскими колокольчиками; любимъ, чтобъ оркестръ помѣщался на открытомъ воздухѣ, съ окружающими его зелеными скамьями; намъ надобно Цыганъ, Тирольцевъ, Кабиловъ, эквилибристовъ, прогулку по водѣ и по сушѣ, подъ тѣнію деревъ. Весь Петербургъ спѣшитъ насладиться чистымъ воздухомъ, и въ теченіе какихъ нибудь двухъ съ половиною мѣсяцевъ запастись имъ на остальную часть года. Вы видите, сколько у насъ занятій, какъ много развлеченій! Когда же намъ думать о литературѣ? Посудите сами!

Однако же, въ угожденіе вамъ, я прочелъ, отъ доски до доски, майскую книгу Отечественныхъ Записокъ! idem Современника, Библіотеки, Пантеона и Москвитянина; за неимѣніемъ нынѣ на лице *общественнаго мнѣнія*, не могу сообщить вамъ, какое впечатлѣніе произвели на публику произведенія, о которыхъ вамъ желательно знать; но, согласно вашему желанію, сообщу вамъ собственное, посильное мнѣніе.

Вы вѣроятно не разъ улыбались, читая статьи Жюль Леконта въ фельстонѣ Indépendance Belge.

Новѣйшая наша школа, желая опредѣлить его достоинство, назвала бы его вѣроятно *шутникомъ*, *балагуромъ* или, пожалуй; *балясникомъ*; но я не осмѣливаюсь употреблять о писателѣ столь живописныхъ выраженій, и

скажу, что Жюль Леконтъ гонялись безпрестанно за краснымъ словцемъ, часто спотыкается, или, попросту сказать, заговаривается. Нельзя однако же не согласиться, что иногда онъ попадаетъ въ цѣль весьма мѣтко, и что въ статьяхъ его бываютъ очень дѣльныя замѣчанія

Въ фельетонѣ № 156-го, 5 іюня, Жюль Леконтъ осмѣиваетъ Парижанъ за восторженный пріемъ, сдѣланный ими гасконскому трубадуру Жасмену (poëte et perruquier, prix Monthyon, lauréat chevalier, pensionné et tout ce qu'on peut être, говоритъ фельетонистъ), а между тѣмъ поэзію Жасмена мало кто понимаетъ въ Парижѣ, потому что она писана на гасконскомъ нарѣчіи, которое, говоритъ Жюль Леконтъ, относится къ французскому языку, какъ віотійскій языкъ къ греческому (car le parler de Jasmin ést au français ce qu'était le béotien au grec). Не менѣе того Французская Академія, блюстительница чистоты и правильности французскаго языка, привѣтствуетъ гасконскаго поэта, присуждаетъ ему премію, вѣнчаетъ его и чуть ли не сажаетъ на почетное мѣсто. «Удивительно какіе ученые люди, господа академики! восклицаетъ Жюль Леконтъ: сколько ихъ ни есть, всѣ они, должно быть, понимаютъ, поэтическое нарѣчіе (le patois poétique) гасконскаго поэта, потому, что нельзя же допустить, чтобъ академія увѣнчала поэта, не понимая его стихотвореній!?»

Я обратилъ ваше вниманіе на выходку юмористическаго фельетониста для того, чтобъ оправдать Редакцію Москвитянина, помѣстившую въ № 9-мъ, въ отдѣлѣ *изящной словесности*, повѣсть подъ названіемъ *Титъ Софроновъ Козонокъ*. — Если Французская Академія при-

суждаетъ преміи за стихи, написанные на гасконскомъ нарѣчіи, то и Редакція Москвитянина имѣетъ полное право помѣстить на почетномъ мѣстѣ произведенія, въ которыхъ встрѣчаются слѣдующія простонародныя выраженія:

«Эко дѣло, матка! нука, а! говорила одна баба другой.— Мужикъ-*отъ*, мужикъ-отъ какой былъ: здоровякъ, да дюжій такой, ражій, а? нука *больсь-то* что означаетъ, а? а-а-ахъ-ахъ!» *

Вы, можетъ быть, скажете, что языкъ этотъ не изященъ, что это даже вовсе не языкъ, а какое-то безсмысленное, полудикое лепетаніе, и что слѣдовательно въ отдѣлѣ изящной словесности подобныя выраженія не должны бы находить мѣста. Конечно, ваше возраженіе будетъ отчасти справедливо; но вспомните, что авторъ списываетъ *съ натуры*, что онъ *жанристъ*, какъ выразился недавно одинъ изъ современныхъ критиковъ, слѣдовательно и за то спасибо автору, что онъ не наградилъ насъ гораздо сильнѣйшими выраженіями, подслушанными имъ въ просторѣчіи.

Я привелъ въ примѣръ слова простаго мужичка; посмотримъ, какъ выражается самъ авторъ, удостоившійся почетнаго мѣста въ Москвитянинѣ, когда онъ говоритъ отъ своего лица. Разсказывая о какомъ-то часовомъ мастерѣ, авторъ, описывая задорный его нравъ, и въ слѣдствіе того пристрастіе къ кулачнымъ боямъ, увлекается поэзіею этого возвышеннаго предмета:

«Ученый мужъ, говоритъ авторъ, оказался весьма напрактикованнымъ въ дѣлѣ *рукобитія*, и обѣщался тѣло часовыхъ дѣлъ мастера превратить въ подобіе раздроблен-

* № 9 Москвитянинъ стр. 10.

ныхъ, или въ ступкѣ истолченныхъ часовъ; увѣрялъ, что онъ у него *скулы на скулы помножитъ, зубы въ дроби приведетъ!!* (стр. 24.)

Тутъ уже видна авторская удаль : замѣтна *живописность*, краснорѣчіе. Не подумайте, чтобы содержаніе повѣсти уступало въ своемъ достоинствѣ живописности слога и красотѣ выраженія. О, нѣтъ!

Герой повѣсти, *Титъ Софроновъ Козонокъ*, въ настоящее время, какъ говоритъ самъ авторъ, бѣдный *пьянчужка*-крестьянинъ, былъ сынъ кучера, замѣчательнаго необыкновеннымъ *глубокомысліемъ, разсудительностію* и *любовью къ лошадямъ*; самъ же герой, т. е. Титъ, оказывается нравственности весьма сомнительной. «Вышелъ изъ ученья отъ часоваго мастера, онъ поневолѣ является въ усадьбу, и дворня (говоритъ авторъ) немедленно назвала его *почему-то Козонкомъ*, и это прозвище прилипло къ нему такъ крѣпко, какъ будто бы Титъ съ нимъ родился». Между тѣмъ оказывается, что Титъ малый избалованный, вздорный, безнравственный; несмотря однако же на всѣ эти качества, онъ попадаетъ въ услуженіе къ молодому барину Александру Антоновичу, который также пустой человѣкъ, картежникъ, гуляка. Титъ помогаетъ Александру Антоновичу обвѣнчаться тайно съ какою-то Ульяной (потому только, замѣчаетъ авторъ, что Александръ Антоновичъ, въ пылу восторга, далъ ей страстную клятву жениться или умереть у ея ногъ); но Титъ и не думалъ вовсе о клятвахъ своего молодаго барина, а помышлялъ только, какъ бы угодить его страстямъ, вопреки волѣ отца Александра Антоновича. Чрезъ годъ по смерти своего родителя, сынокъ вступилъ

во владѣніе его помѣстьями и пр. «Между тѣмъ, говоритъ авторъ, Титъ не могъ разстаться съ прежними привычками. Онъ по прежнему любилъ играть въ три листика съ темной, по прежнему любилъ выпить и надуть, кого можно, и пр.» Достохвальное поведеніе, нечего сказать! Наконецъ Титъ Козонокъ надоѣдаетъ и барину и барынѣ (и читателямъ, скажу по секрету). Титъ, который тѣмъ временемъ женился на Аннушкѣ, «смазливенькой горничной съ масляными глазками, живыми манерами и самымъ бойкимъ языкомъ», становится совершеннымъ негодяемъ, пьяницею, и даже *воромъ*; *смазливенькая* Аннушка преобразовывается въ отвратительную, сварливую старуху, которая съ утра до вечера кричитъ на своего мужа, и, кажется, даже покушается на его *личность*, какъ выражается авторъ, и проч. и проч.

Долженъ ли журналъ, имѣющій справедливыя притязанія на образованность и на ученость, допускать въ свой составъ повѣсти въ родѣ *Титъ Софроновъ Козонокъ*? Могутъ ли быть полезны для изящной словесности выраженія въ родѣ: «*Мужикъ-отъ*, мужикъ-отъ какой былъ! а? нука *больсь-то* что означаетъ? а-а-ахъ-ахъ?» Какую пользу можетъ принести описаніе характера безпутнаго человѣка, каковъ Титъ Софроновъ? Меня увѣрялъ одинъ почтенный, даровитый писатель, что необразованное крестьянское сословіе заслуживаетъ особеннаго вниманія романиста, что въ немъ онъ найдетъ обильную жатву.

Совершенная правда! Во всѣхъ сословіяхъ есть много достойныхъ людей, прекрасныхъ, типическихъ характеровъ; выберите одинъ изъ такихъ характеровъ, пожалуй

и въ крестьянскомъ быту, опишите его вѣрно, украсьте вашъ разсказъ хорошимъ слогомъ, живописными описаніями, и каждый образованный человѣкъ скажетъ вамъ спасибо. Посмотрите, напримѣръ, какая разница между повѣстями *Тита Софронова* и *Рыбаками* г. Григоровича, которая печатается въ Современникѣ съ марта мѣсяца.

Какъ твердо обрисованъ характеръ Глѣба Савинова, истиннаго русскаго умнаго мужика, къ которому привязываешься отъ души, не смотря на его грубую, черствую оболочку. Какъ хорошо описанъ скромный и добрый Ваня (младшій сынъ Глѣба); какъ отъ природы благородны всѣ душевныя движенія чистаго его сердца. Г. Григоровичъ, избравъ крестьянскій бытъ для своего повѣствованія, конечно, не заставляетъ дѣйствующихъ своихъ лицъ говорить изысканнымъ языкомъ.

«Чтой-то за парень! говоритъ, напримѣръ, Глѣбъ Савинычъ, глядя на своего пріемыша Гришу. Чтой-то за парень! рослый, плечистый, на всѣ руки и во всякое дѣло парень! Маленечько вотъ только бычкомъ смотритъ, маленечько вороватъ, озорливъ, ну да не безъ этого! и въ хорошемъ хлѣбѣ мякина есть! И то сказать, я вѣдь потачки не дамъ: онъ вороватъ, да я узловатъ!»

Безъ сомнѣнія и Глѣбъ Савинычъ выражается не изящно, но какая же разница между этими простыми, удобопонятными выраженіями и исковерканнымъ русскимъ языкомъ автора повѣсти *Тита Софронова*. Когда авторъ *Рыбаковъ* говоритъ отъ своего лица, то онъ выражается правильно, чисто, краснорѣчиво; въ повѣсти г. Григоровича замѣтно истинное чувство и проглядываютъ кой-гдѣ

поэтическія описанія, какъ, напримѣръ, въ № III-мъ Современника, стр. 86-я:

«Вечеръ былъ уже на исходѣ (говоритъ авторъ). Уже нагорный берегъ дѣлился темносинею стѣною на чистомъ, ясномъ небѣ; темный, постепенно понижающійся берегъ перерѣзывался еще кой-гдѣ въ отдаленіи свѣтло-лиловыми, золотистыми промежутками; то виднѣлись бока долинъ, затопленныхъ косыми лучами солнца, скрывавшагося за горой. Далѣе все завѣшивалось сквознымъ, розово-перламутровымъ паромъ. Холодная, зубчатая тѣнь, бросаемая берегомъ, быстро бѣжала впередъ, захватывая луга и озера, и только рѣка одна, отражавшая круглыя, румяныя облака, величественно еще сверкала въ темно-зеленыхъ берегахъ своихъ.»

Согласитесь, что подобное описаніе изящнѣе краснорѣчиваго описанія кулачнаго боя въ *Титѣ Софроновѣ, гдѣ скулу на скулу помножаютъ и зубы въ дроби приводятъ*!! Въ повѣсти *Рыбаки*, г. Григоровичъ доказалъ вновь, что онъ писатель съ дарованіемъ, умѣющій владѣть русскимъ языкомъ, жаль только, что почтенный авторъ почитаетъ какъ бы обязанностью избирать предметомъ своихъ повѣствованій низшіе слои общества! Безъ сомнѣнія, повторяю, и въ простонародномъ быту есть превосходные, благородные типы, но, описывая ихъ, авторъ поневолѣ иногда прибѣгаетъ къ языку грубому, необработанному; обязанность же изящной словесности совершенствовать родной языкъ, а не искажать его. Конечно, нельзя не согласиться, что весьма полезно знакомить читателей съ нравами, обычаями, занятіями, промышленостью, пожалуй даже и съ языкомъ, нашихъ хлѣ-

бопашцевъ, промышленниковъ и ремесленниковъ; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ прибѣгать къ вымышленнымъ повѣствованіямъ? Разсказывайте, что̀ видѣли на дѣлѣ, что̀ слышали сами, и повѣрьте, васъ будутъ читать съ удовольствіемъ. Примѣромъ тому служатъ статьи г. Небольсина, подъ названіемъ *Разсказы проѣзжаго о странствованіяхъ по Заволжью, Уралу и по Волгѣ* (въ Отечественныхъ Запискахъ); статьи дѣльныя, практическія, полезныя и въ высшей степени занимательныя. Г. Небольсинъ не занимается пустыми вымыслами, но представляетъ русскій бытъ во всей его простотѣ и дѣйствительности. Въ *Разсказахъ проѣзжаго* можно почерпнуть много полезныхъ статистическихъ свѣдѣній; авторъ говоритъ, какъ человѣкъ бывалый, и о хлѣбопашествѣ, и о промыслахъ; ему хорошо извѣстны и крестьянскій бытъ, и бытъ ремесленника; поневолѣ вѣришь человѣку, который разсказываетъ о такихъ предметахъ, которые онъ самъ пересмотрѣлъ вдоль и поперегъ. Къ тому же г. Небольсинъ разсказываетъ увлекательно; слогъ у него бойкій, живой, правильный, и мѣстами живописный. Прочтите въ № 5-мъ Отечественныхъ Записокъ, стр. 14-я, въ Смѣси, какъ описана ярмарка въ селѣ Промзинѣ, и вы убѣдитесь, что можно и о ярмаркѣ говорить, не уклоняясь отъ правилъ изящнаго вкуса. Кстати, замѣтьте съ нѣкоторыхъ поръ большая часть современныхъ писателей предпочтительно описываютъ народный бытъ, какъ бы желая этимъ доказать, что образованный міръ не представляетъ болѣе ни какой занимательности для ихъ изысканій. Странное понятіе о предметахъ, но впрочемъ не новое!

Въ Отечественныхъ Запискахъ помѣщена третья статья

о Китаѣ г. Ковалевскаго. Редакція заслуживаетъ полной признательности за помѣщеніе подобныхъ дѣльныхъ и занимательныхъ статей; но, по какому непонятному заблужденію, та же редакція допускаетъ въ своемъ журналѣ выходки, напоминающія варварскія времена журналистики во Франціи, когда бывало литературные противники, выходя на чернильный бой, забывали всякое приличіе. По счастію времена эти прошли; вотъ почему мнѣ кажутся вовсе неумѣстными и не современными нападки на какого-то господина въ коричневомъ пальто и на *ветерана-фельетониста*, помѣщенныя въ Петербургскихъ Замѣткахъ Отечественныхъ Записокъ (Смѣсь, стр. 129-я.) Смѣяться надъ костюмомъ и шерстяными перчатками пожилаго человѣка неприличнѣе, чѣмъ ходить въ коричневомъ пальто съ роговыми пуговицами.

P. S. Виноватъ! Забылъ вамъ доложить, что въ 5-мъ нумерѣ Пантеона, исключая весьма миленькихъ стиховъ г. Данилевскаго и продолженія статьи г. Сѣрова о Моцартѣ (о которой если заговорить, такъ до конца года не кончишь), остальныя статьи переводныя. Requiescat in pace!

VII.

25-го іюля 1853 г.

Исполняя изъявленное вами желаніе продолжать разборъ брошюры Рейхенбаха, о новооткрытомъ имъ дѣятелѣ

(*ода*), почитаю неизлишнимъ увѣдомить васъ? что, еще до полученія вашего письма, я удостоился получить нѣсколько записокъ по этому предмету. Нѣжность почерка и *деликатность* выраженій ясно изобличаютъ, что лица, писавшія эти записки, принадлежатъ къ прекрасному полу: явное доказательство любознательности нашимъ дамъ. Въ одной изъ записокъ, между прочимъ, замѣчаютъ весьма вѣжливо, что, вѣроятно, я не имѣю притязанія выдавать фантазіи г. Рейхенбаха, за серіозное и дѣльное открытіе; что нѣтъ женщины, которая не любила бы смотрѣться въ зеркало, и что даже чѣмъ болѣе женщина увѣрена въ своей красотѣ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ прибѣгаетъ къ собственному созерцанію (послѣднее возраженіе касается не до меня, а относится къ редактору Сѣверной Пчелы), и пр. и пр.

Сужденія своего, на счетъ дѣйствительности существованія *ода*, я не излагалъ, но мнѣ кажется, что всякое умозрѣніе, если оно безвредно въ нравственномъ отношеніи, можетъ и должно занимать образованныхъ читателей. Мое дѣло довести до вашего свѣдѣнія, что такой-то философъ, или ученый, или литераторъ придумалъ то–то, а потомъ уже ваше дѣло, соображаясь съ вашими познаніями, собственнымъ мнѣніемъ или личнымъ вашимъ вкусомъ, принять или отвергнуть предлагаемыя мысли. Прочія полученныя мною записки ограничиваются приглашеніемъ продолжать описаніе мнимыхъ открытій г. Рейхенбаха, въ слѣдствіе чего, безъ *дальнѣйшихъ отлагательствъ*, приступаю къ дѣлу.

Въ четвертомъ письмѣ я описалъ, какъ *сенситивы* въ темной комнатѣ Рейхенбаха видятъ свѣтящійся *одъ*,

исходящій изъ кристалла, и ощущаютъ то пріятную прохладу, то теплое, *тягостное* впечатлѣніе, по мѣрѣ того какъ они находятся подъ вліяніемъ голубаго или желтаго цвѣта *ода*. — Рейхенбахъ, продолжая свои наблюденія надъ способностью *сенситивовъ* видѣть въ потемкахъ, убѣдился, что изъ сѣвернаго полюса магнита исходитъ голубое, блистательное искрящееся пламя, а изъ южнаго полюса желто-красное. — «Если магнитъ, надъ которымъ вы производите наблюденія, довольно силенъ, то пламя возвысится до потолка, и отразится на немъ свѣтящимся кругомъ, въ два или три фута въ поперечникѣ. Самые любопытные и замѣчательные выводы получаются отъ сильнаго магнита, имѣющаго видъ лошадиной подковы; изъ обоихъ концовъ исходятъ разные роды пламени, высоко поднимающіеся параллельно одно подлѣ другаго, но не притягивающіе другъ друга и не сливающіеся. Свѣтъ подобнаго магнита такъ изобиленъ, что ясно освѣщаетъ всѣ окружающіе предметы.» Главный признакъ этого явленія заключается въ томъ, что *сенситивы* замѣчаютъ пламя не только въ окопечностяхъ магнита, но увѣряютъ, что вся *масса* проникнута легкимъ, бѣловатымъ свѣтомъ. «Это *ясно доказываетъ*, говоритъ г. Рейхенбахъ, что замѣчаемый въ этомъ случаѣ свѣтъ происходитъ не отъ электричества или магнитизма, а изъ другаго, до сихъ поръ неизвѣстнаго источника, то есть, что это зависитъ отъ проявленія *ода*, коего дѣйствіе, сила, проникаемость ни въ чемъ не уступаютъ прежде извѣстнымъ токамъ.» Высказавъ этотъ афоризмъ. Рейхенбахъ дѣлаетъ слѣдующее предложеніе:

«Съ нѣкоторыхъ поръ начали вновь сильно поговари-

вать о необычайномъ явленіи, которое, слишкомъ за восемьдесятъ лѣтъ предъ симъ, Месмеръ назвалъ животнымъ магнитизмомъ. Предки наши отвергали магнитизмъ, не вѣрили ему; отчего же нынѣ о немъ вновь заговорили? Что̀ поддерживаетъ эту мысль? Обманъ воображенія, или дѣйствительность явленія? Дѣло объяснится при помощи *ода*, восклицаетъ Рейхенбахъ: имѣйте только терпѣніе продержать *нѣсколько часовъ къ ряду* воспріимчиваго субъекта въ совершенно темной комнатѣ.» Всѣ находящіеся въ той же комнатѣ предметы, одушевленные и неодушевленные мало по малу, сдѣлаются видимы для *сенситива*. Однажды, продолжаетъ Рейхенбахъ, я поставилъ предъ извѣстнымъ ботаникомъ Эндлихеромъ горшокъ съ цвѣтами. Не смотря на совершенное отсутствіе свѣта, Эндлихеръ, къ величайшему своему удивленію, вскорѣ распозналъ и цвѣтъ, и форму находящагося предъ нимъ растенія. «Да это голубой цвѣтокъ, Glocinia speciosa coerulea!» воскликнулъ онъ почти съ ужасомъ. Послѣ первыхъ минутъ изумленія и восторга, ученый ботаникъ объявилъ, что сначала онъ, разумѣется, ничего не видалъ въ темной комнатѣ, но что вскорѣ цвѣтокъ сталъ, какъ бы отдѣляться, въ видѣ сѣроватаго облака, отъ окружающей его темноты, потомъ образовались въ различныхъ мѣстахъ цвѣтка свѣтловатыя точки, и наконецъ освѣтились нѣжнымъ, слабымъ свѣтомъ, вѣнчикъ, завязь, тычинки и пыльники; стебельки свѣтились замѣтнѣе, нежели листья, которые издавали свѣтъ нѣсколько матовый. Свѣтъ этотъ, по словамъ Эндлихера, исходитъ изъ самаго растенія! — Обратите вниманіе *сенситива* на собственную его особу, говоритъ Рейхенбахъ, и субъектъ скажетъ вамъ, что

руки, ноги, грудь, словомъ все тѣло проникнуто какимъ-то необъяснимымъ свѣтомъ.

Руки кажутся длиннѣе обыкновенной ихъ формы; изъ оконечностей пальцевъ исходитъ родъ пламени, длина коего бываетъ различна, смотря по обстоятельствамъ (по какимъ именно, увидимъ далѣе); наконецъ *субъектъ* доведетъ до вашего свѣдѣнія, что свѣтъ, проникающій человѣческое тѣло, не вездѣ одинаковаго цвѣта. Правая рука свѣтится голубымъ пламенемъ, а лѣвая желтокраснымъ, въ слѣдствіе чего первая нѣсколько темноватѣе, а другая ярче. Различіе это простирается вообще отъ головы до ногъ человѣка.

Изъ этого (конечно безпримѣрнаго явленія) Рейхенбахъ заключаетъ, что, подобно магниту или кристаллу, и въ человѣкѣ находятся *положительные* и *отрицательные* полюсы, присутствіе коихъ должно обозначаться, попеременно, то *свѣжимъ*, то *теплымъ* ощущеніемъ. — Въ Августѣ 1845 года, Рейхенбахъ подвергнулъ Больмана (вѣнскаго столяра) слѣдующимъ испытаніямъ: завязавъ ему глаза, Рейхенбахъ приближалъ къ лѣвой рукѣ *сенситива* то правую, то лѣвую свою руку. Результатъ оказывался постоянно одинъ и тотъ же: отъ прикосновенія правой руки (и вообще всей правой стороны человѣка), субъектъ ощущаетъ прохладу, а отъ лѣвой теплоту. — «Опыты эти я распространилъ, говоритъ Рейхенбахъ, на кошекъ, куръ, лошадей, собакъ, быковъ, на растенія (!), и постоянно получалъ отъ *сенситивовъ* одни и тѣ же показанія. Слѣдовательно вся природа проникнута въ изобиліи токомъ *ода;* вникните въ признаки этого чуднаго явленія, и загадочный вопросъ *животнаго*

До сихъ поръ, какъ видите, Рейхенбахъ не научилъ еще, какъ употреблять *его открытіе* во врачебномъ отношеніи, хотя и упоминаетъ будто бы ему удалось уничтожить *конвульсіи* и *судороги*.

Говорятъ, что этого достигаютъ и магнитизеры; но вотъ въ чемъ существенная разница. Магнитизеры производятъ *пассы* руками или дѣйствуютъ на субъектовъ (какъ увѣряютъ) силою воли; Рейхенбахъ же утверждаетъ, что можно произвести желаемое дѣйствіе не только руками, но и противоположными полюсами кристалла или магнита (?).

При химическомъ сродствѣ или даже при химическихъ соединеніяхъ, *одъ* также проявляется, по словамъ Рейхенбаха, въ менѣе или болѣе сильной степени.—«Откупорите, напримѣръ, говоритъ ученый физикъ, въ присутствіи сенситива и, разумѣется, въ темной комнатѣ, бутылку *шампанскаго*. Субъектъ вашъ вскрикнетъ отъ восторга! Съ выскочившею пробкою (шампанское Рейхенбаха, какъ видите, теплое, слѣдовательно не гастрономически приготовлено) подымется къ потолку огненная струя, окруженная свѣтлымъ, волнующимся, прозрачнымъ облачкомъ, и вся бутылка освѣтится бѣло-снѣжнымъ, тонкимъ пламенемъ. (Хорошо было бы приспособить это новое открытіе къ пиротехническимъ увеселеніямъ, но жаль, что подобный фейерверкъ видимъ будетъ только сенситивами Рейхенбаха.) — Такимъ образомъ Рейхенбахъ изслѣдовалъ множество химическихъ процесовъ, и всегда получалъ (въ глазахъ сенситивовъ) менѣе или болѣе свѣтящееся вещество. «Очевидно, восклицаетъ Рейхенбахъ, что въ природѣ есть множество весьма естест-

венныхъ явленій, которыя не доступны еще нашему разуму!»

Г. Рейхенбахъ долженъ былъ бы сказать, мнѣ кажется, что человѣческому разуму назначены предѣлы предусмотрительною благостію Творца Вселенной. Сколькихъ величайшихъ душевныхъ наслажденій лишается человѣкъ, если начинаетъ взвѣшивать на вѣсахъ утлой своей науки всѣ таинственныя явленія, встрѣчающіяся въ природѣ!!

Объяснить *симпатію* или *антипатію* посредствомъ *ода*, разбирать или разлагать чувствительность при помощи химическихъ процесовъ, значитъ посягать на обширность значенія духовнаго начала, столь щедро дарованнаго человѣку.

Дальнѣйшее подробное описаніе открытій Рейхенбаха, почитаю излишнимъ, скажу вкратцѣ, что ученый физикъ увѣряетъ, напримѣръ, между прочимъ, что человѣкъ, отгадывающій присутствіе воды подъ землею, и указывающій гдѣ слѣдуетъ рыть колодезь, ни что иное, какъ *сенситивъ*!

Рейхенбахъ полагаетъ, что со временемъ подобнаго рода люди будутъ весьма полезны *для открытія руды*, а мнѣ кажется, что геогнозія и минералогія представляютъ, по сему предмету, надежнѣйшія основанія.

Наконецъ Рейхенбахъ, который увѣрялъ, что правая сторона человѣка свѣтится *голубымъ* пламенемъ, а лѣвая *красно-желтымъ*, кажется, нѣсколько сбивается въ своихъ показаніяхъ, утверждая, что верхняя часть тѣла заключаетъ въ себѣ *отрицательный* одъ, а нижняя *положительный*.

На этомъ основаніи, г. Рейхенбахъ совѣтуетъ ставит

всегда кровать такимъ образомъ, чтобы голова обращена была къ сѣверу; положеніе это, по его мнѣнію, sine qua non сохраненія цвѣтущаго здоровья *.

Въ заключеніе всего вышеозначеннаго, не худо, я полагаю, припомнить басню знаменитаго нашего баснописца «Мудрецъ и колодезь.»

Не подвергнулся бы и г. Рейхенбахъ участи мудреца? Чего добраго!

VIII.

16-го Августа.

Въ удѣлъ чувствительному человѣку часто достается грусть. Грустить иногда и можно и должно; но не понятно, какъ образованный человѣкъ можетъ иногда скучать! Грусть овладѣваетъ думою при временной или вѣчной разлукѣ съ милыми сердцу; въ скорбныя минуты жизни мрачный покровъ застилаетъ окружающіе насъ предметы, ложится тяжелымъ свинцомъ на наши мышленія,

* Замѣтимъ кстати, что г. Мочульскій, въ брошюрѣ, подъ названіемъ «О физическомъ условіи холернаго начала», вышедшей въ нынѣшнемъ году, высказалъ подобную же теорію. Случайная ли эта встрѣча мыслей или заимствованіе? не знаю.

но во всякомъ случаѣ чувство грусти, почерпая свое начало изъ благороднѣйшаго источника, часто превозмогая уныніе, возвышаетъ душу, очищаетъ наши помыслы, и придаетъ новый порывъ душевной дѣятельности. Скука же — это клеймо бездарности, признакъ слабаго или потухшаго воображенія, несчадіе лѣности и тунеядства. — Дозволено ли намъ, Русскимъ, скучать, когда необъятное пространство благословенной нашей родины вызываетъ наблюдательность, открываетъ обильное поле для полезныхъ изысканій? Не должно ли восторженно биться сердце въ груди каждаго Русскаго при сознаніи, что со всякимъ днемъ величіе возлюбленнаго отечества растетъ и вызывается; что каждый шагъ могучей власти, управляющей земными судьбами Россіи, ведетъ ее къ новому величію. Безъ труда можно было бы доказать людямъ не дальновиднымъ, не свѣдущимъ и не благодарнымъ, гдѣ бы они ни были, что многогласный говоръ надменныхъ западныхъ витій и промышленниковъ скрываетъ, подъ личиною заступничества, одно любостяжаніе, а что дивныя слова Россіи: *Пойдемъ впередъ за Вѣру Православную* истекаютъ изъ чистѣйшаго источника незыблемой Вѣры, и встрѣчаютъ сочувствіе и отголосокъ всѣхъ истинныхъ Христіанъ. — Душа рвется высказать многое на счетъ сего священнаго для насъ предмета; но самое величіе его оковываетъ мои уста, и я съ сокрушеніемъ вспоминаю, что письмамъ моимъ положены границы, изъ которыхъ выходить мнѣ не слѣдуетъ. Возвращусь же къ предметамъ скромнаго фельетона и скажу, что хотя я и не испытывалъ еще неблагороднаго чувства скуки, однако, на прошлой недѣлѣ, рѣшился, собственно изъ одной любознатель-

ности, оставить *семейный кровъ* и побывать въ ученомъ Дерптѣ. Конечно, вы не ожидаете отъ меня, чтобъ я углубился въ *бездны премудрости*, и описалъ бы вамъ подробно избранной системы преподаванія въ Дерптскомъ Университетѣ. Зачѣмъ браться не за свое дѣло? Во-первыхъ, я человѣкъ далеко не ученый, а во-вторыхъ и васъ наврядъ ли это будетъ интересовать. Въ слѣдствіе сего ограничусь сообщеніемъ вамъ нѣкоторыхъ впечатлѣній, произведенныхъ на меня какъ поѣздкою, такъ и самымъ Дерптомъ.

Я отправился изъ Петербурга въ почтовой каретѣ. Насъ было всего трое пассажировъ; одинъ помѣщался со мною въ каретѣ, а другой снаружи, въ кабріолетѣ. Оба спутника, по счастію оказались дерптскими студентами, слѣдовательно дорогою я могъ разспросить про университетъ и ознакомиться съ его обычаями. Признаюсь откровенно, я отъ природы не молчаливъ, а въ путешествіи и подавно; вотъ почему, не доѣзжая еще до второй станціи (Кипени), я узналъ уже, что сосѣдъ мой уроженецъ Казанской губерніи, что онъ нынѣ аптекарскій ученикъ, и отправляется въ Дерптъ для полученія степени провизора. Аптекарскій ученикъ, конечно лицо не важное; но вскорѣ, къ величайшему моему удивленію и удовольствію, я убѣдился, что сосѣдъ мой, молодой человѣкъ, весьма образованный, получившій вовсе неодностороннее, а довольно универсальное воспитаніе. Въ разговорѣ нашемъ мы переходили отъ одного предмета къ другому; говорили о фармакологіи, о медицинѣ и различныхъ ея системахъ, о физикѣ, химіи, коснулись литературы и живописи, и даже поспорили о музыкѣ. Долго я не могъ сообразить,

почему молодой человѣкъ, получившій такое многостороннее образованіе, добивается скромнаго званія провизора, и почему казанскій уроженецъ не оканчиваетъ курса въ Казанскомъ Университетѣ. Въ объясненіи этихъ загадочныхъ для меня вопросовъ помогла *почтовая карета*, которая имѣетъ чудное свойство сближать людей въ двѣнадцать часовъ времени болѣе, чѣмъ въ нѣсколько мѣсяцевъ знакомства на воздухѣ или въ гостиной. На слѣдующее утро я узналъ, что сосѣдъ мой лишился своего отца, не съ большимъ за годъ предъ симъ, что мать его, лифляндская уроженка, возвратилась на родину немедленно послѣ смерти мужа, что собесѣдникъ мой ѣздилъ въ Казань для окончанія кой-какихъ дѣлъ, относительно къ небольшему наслѣдству, доставшемуся ему послѣ покойнаго отца, которому онъ обѣщалъ не оставлять аптекарскаго поприща, и что, наконецъ, онъ, т. е. мой собесѣдникъ, рѣшается поселиться въ Дерптѣ, чтобы не разлучаться съ своею матерью, которой онъ единственная опора и утѣшеніе.

Все это просто, естественно и достойно всякаго уваженія. — «Но, помилуйте,» сказалъ я, всматриваясь въ свѣтлый и умный взоръ молодаго моего спутника, «съ вашимъ многостороннимъ образованіемъ, вы могли бы избрать занятіе получше и позанимательнѣе. Неужели васъ не пугаетъ мысль, что вся ваша жизнь пройдетъ въ развѣшиваніи медикаментовъ, составленіи микстуръ, катаніи пилюль, и проч., и проч.? Пустое, заносчивое честолюбіе одна изъ злокачественныхъ язвъ человѣческой души: это неоспоримая истина. Но каждому образованному человѣку дозволено расширять, по возможности, горизонтъ

своей умственной дѣятельности, и вамъ, напримѣръ, не мѣшало бы попытаться выйти изъ душной атмосферы антекарской лабораторіи.»

Сосѣдъ мой улыбнулся. — «Судя, по вчерашнему нашему разговору, вы, кажется, отъявленный врагъ аллопатическихъ лекарствъ, и это причиною, что званіе антекаря кажется вамъ чѣмъ-то ужасающимъ. Чего добраго, мы, можетъ быть, въ вашихъ глазахъ, отравители рода человѣческаго,» прибавилъ онъ, заливаясь юнымъ, непритворнымъ смѣхомъ. «Отецъ мой провелъ тридцать лѣтъ своей жизни въ антекарской лабораторіи, и, благодаря Бога, никого не отравилъ, и самъ не задохся въ душной атмосферѣ, какъ вы ее называете. Мысли его не помрачились, не притупились отъ однообразныхъ, какъ вы полагаете, антекарскихъ занятій; напротивъ того, находясь ежедневно лицемъ къ лицу съ дивными врачебными средствами, изучая чудную, таинственную силу, сокрытую попеченіемъ и благостію Провидѣнія въ бо́льшей части растеній и минераловъ, отецъ мой возносился душею ко Всевышнему, и непрестанно благословлялъ всещедрость Его дѣяній. Лишь отцу моему, ему одному, обязанъ я своимъ воспитаніемъ; онъ, съ малолѣтства моего, внушилъ мнѣ, что нѣтъ сословія, ремесла, поприща жизни, которое человѣкъ не могъ бы облагородить строгимъ и честнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей. — Подвизаться, по возможности, на пользу ближняго, вотъ единственная и дозволенная цѣль для честолюбія; но не придуманы еще вѣсы, на которыхъ люди могли бы вавѣсить *доставленную пользу*; наши граны, скрупулы, драхмы для этого не годятся. Одному предназначено подвизаться на пользу

ближняго со славою, другому въ тѣни и забвеніи. Который изъ двухъ достигаетъ ближе предназначенной цѣли предъ лицемъ Всевышняго? Рѣшать не намъ! Я убѣжденъ, что отецъ мой исполнилъ честно и безукоризненно обязанности, доставшіяся ему въ удѣлъ: безмятежная Христіанская его смерть служитъ мнѣ въ томъ порукою. Зачѣмъ же мнѣ искать обширнѣе поприща? Зачѣмъ же мнѣ не довольствоваться участью, которою довольствовался мой почтенный отецъ? Одно меня немного смущаетъ, прибавилъ съ нѣкоторою грустью достойный молодой человѣкъ, переселеніе мое въ этотъ край. Но что же дѣлать! Въ Казани матушка моя скучала бы по возлюбленной своей родинѣ; матушка моя уже престарѣлыхъ лѣтъ, а я молодъ. Къ тому же, въ Россіи, Русскому вездѣ родина, и кто же мнѣ мѣшаетъ утѣшаться мыслію, что я ѣду не въ остзейскій Дерптъ, а въ Юрьевъ Ярослава».

Я съ особеннымъ чувствомъ пожалъ руку благородному моему собесѣднику, а между тѣмъ мы подъѣзжали къ Нѣвра. «Ville de funeste mémoire» сказалъ бы Французъ. Конечно, по прошествіи 152-хъ лѣтъ, поминать лихомъ не слѣдуетъ, но признаюсь откровенно: при видѣ равнинъ, окружающихъ Нарву, досталось отъ меня памяти герцога фонъ-Кроя. Нынѣ объ окрестностяхъ Нарвы можно выразиться словами одного изъ умнѣйшихъ нашихъ литераторовъ, который увѣрялъ, что «около Нарвы природа съ съ величайшими усиліями и похвальною дѣятельностію производитъ... вѣники!»

Почтовая карета свободно проѣхала по подъемному крѣпостному мосту, довольно легко взобралась на крутую изъ мощенную гору, но не такъ-то легко пробралась сквозь

лабиринтъ маленькихъ, узенькихъ, извилистыхъ улицъ до мѣста своего назначенія. Я воспользовался часовою остановкою, назначенною для сдачи почты въ контору, и отправился взглянуть на знаменитый Нарвскій водопадъ. — Нарова, раздѣленная надвое врѣзавшимся въ нее утесомъ, падаетъ отвѣсно съ десяти-футовой вышины въ гранитное русло. Зрѣлище клубящейся бѣлоснѣжной пѣны, радужное отраженіе водяныхъ брызгъ, упорное стремленіе раздраженной препятствіемъ рѣки — все это безподобно! Но къ сожалѣнію, промышленость воспользовалась дивнымъ явленіемъ природы, и заставила его пилить доски, молоть зерно, толочь сѣмя! — Вообразите себѣ Аполлона Бельведерскаго, таскающаго на спинѣ кули съ мукою! Обидное униженіе!

Въ Нарвѣ я пересѣлъ въ кабріолетъ, частію, чтобы насладиться предстоявшими хорошими видами, а болѣе для того, чтобъ познакомиться съ другимъ моимъ спутникомъ «La contrée c'est le dècor et les habitants sont les acteurs du grand drame de la vie» сказалъ какой-то французскій писатель. Дѣйствительно, чтобъ хорошо узнать какую либо страну, необходимо изучить нравы и обычаи ея жителей. Второй мой спутникъ оказался студентомъ Дерптскаго Богословскаго Факультета. Представьте себѣ бѣлокурую, хорошенькую семнадцатилѣтнюю дѣвушку, съ розовыми щечками и свѣтлоголубыми глазами, и вы получите полное понятіе о наружности молодаго студента. Въ то время, какъ я усаживался подлѣ него въ кабріолетъ, его болѣе всего безпокоило, какъ мнѣ казалось, густая пыль, поднимавшаяся отъ довольно быстраго движенія нашего экипажа. Миловидный студентъ

усердно отъ нея отмахивался и платкомъ, и маленькою, толстою книжкой. Первою заботою моею было помочь новому моему сосѣду, и я сталъ также усердно отмахиватъся. Не знаю, соединенныя ли наши усилія испугали пыль, или, можетъ быть, незамѣтный вѣтерокъ перемѣнилъ ея направленіе, только вскорѣ горизонтъ для насъ прояснился, и мы стали дышать свободнѣе. На этотъ разъ я не старался разнообразить разговора, зная заранѣе, что имѣю дѣло съ студентомъ Богословскаго Факультета: я только и говорилъ о предметахъ его науки. — Нельзя себѣ представить съ какимъ увлеченіемъ, съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ молодой человѣкъ говорилъ о серіозныхъ своихъ занятіяхъ. Я не могъ довольно надивиться, что подобный юноша имѣетъ такой твердый и ясный взглядъ на столь отвлеченные предметы. Въ послѣдствіи я узналъ, что миловидный, дѣвообразный юноша — молодой человѣкъ двадцати двухъ лѣтъ, но не менѣе того, воззрѣніе его на богословскіе вопросы сдѣлало бы честь зрѣлому ученому. Я обратилъ, между прочимъ, особое вниманіе на замѣчательную фразу въ устахъ молодаго человѣка, находящагося еще въ полномъ развитіи страстей: «Чистота помышленій и дѣвственность *ipso facto* такъ же необходимы для сохраненія душевной чистоты, какъ опрятность нужна для тѣлеснаго здоровья.» — Меня въ особенности поразило выраженіе лица молодаго *предикатора* въ то время, какъ онъ высказывалъ это неоспоримое, но, къ сожалѣнію, мало послѣдуемое правило.

Взоръ юнаго ученаго былъ ясенъ и спокоенъ; всѣ черты его лица дышали такою правдивостію и убѣжденіемъ, что я не осмѣлился возражать, и перемѣнилъ предметъ

разговора. Долго мы бесѣдовали съ новымъ моимъ знакомымъ: онъ, увлекаясь любимымъ своимъ предметомъ, а я, наслаждаясь чистотою и ясностію его воззрѣній. Наконецъ, смотря на его цвѣтущую молодость, у меня невольно вырвались слова: «Подумайте, однако же, не тягостно ли вамъ будетъ поселиться навѣкъ въ какой нибудь отдаленной деревушкѣ?» — «Помилуйте, возразилъ онъ съ восторгомъ; да это верхъ моихъ желаній: удостоиться паствы значитъ для меня стать твердою ногою на избранной стезѣ. Всѣ мои сладчайшія надежды устремлены къ этой цѣли!»

Каково же мое счастіе, скажете вы, что я такъ удачно напалъ на двухъ примѣрныхъ молодыхъ людей, съ такими скромными желаніями! Какъ стали бы смѣяться наши сиртсмены и полу-Французы (если бъ они читали по-русски) надъ аптекарскимъ ученикомъ, коего маршальскій жезлъ — степень провизора, и надъ студентомъ, коего верхъ надеждъ — пасторство въ отдаленнѣйшей деревушкѣ!

Французы мѣтятъ, по крайней мѣрѣ, въ министры или въ маршалы, но за то таково ихъ и французское дѣло!!

Скромность и ограниченность въ желаніяхъ говорятъ философы, ведутъ народы къ благоденствію.

Конечно, въ приведенныхъ мною случаяхъ, я, можетъ быть, удачно напалъ на хорошихъ людей, однако жъ я убѣжденъ, что если не желаешь безпрестанно рыться въ грязи человѣческихъ недостатковъ, то въ жизни открываешь чаще доброе, чѣмъ злое.

За Нарвою нѣтъ шоссе, или вѣрнѣе сказать, нѣтъ *эпэкадама*, то есть, не видно насыпи, полотна, канавъ

и прочихъ принадлежностей искуственнаго шоссе, а между тѣмъ дорога прекрасная, твердая, накатанная, и даже въ песчаныхъ мѣстахъ тяжелый экипажъ не вязнетъ, не проваливается. Какъ это дѣлается, не знаю; но невольно позавидуешь, когда сравнишь эту дорогу съ нѣкоторыми другими.

Станціи за три до Пейпуса или Чудскаго озера, съ правой стороны видны живописные берега моря; потомъ верстъ на двадцать слишкомъ тянутся плоскіе и песчаные берега Пейпуса, далѣе виднѣются чисто обработанныя поля, сбереженныя рощи, и наконецъ показывается Дерптъ, осѣненный развалинами древней каѳедральной церкви. Навридъ ли достославной памяти Великій Князь Ярославъ I узналъ бы въ городкѣ, съ высокими черепичными крышами, съ извилистыми улицами, крѣпость Юрьевъ, основанную имъ для охраненія Псковской Области. Въ городѣ все чисто, опрятно. Въ зданіи университета есть небольшіе, довольно полные зоологическіе и минералогическіе кабинеты; залы, гдѣ читаютъ лекціи, просторны и свѣтлы. Самый многолюдный Факультетъ Богословскій и немудрено: одинъ Дерптскій Университетъ снабжаетъ лицами духовнаго званія Остзейскія губерніи и всѣ приходы лютеранскаго исповѣданія, находящіеся въ Россіи. Послѣ Богословскаго, числительностью, занимаетъ первое мѣсто Медицинскій Факультетъ. Достойны замѣчанія вновь сооруженная клиника, родильное отдѣленіе и анатомическій театръ. весьма удобно устроенный. Всѣ эти зданія, исключая главнаго корпуса университета, помѣщаются на горѣ, неподалеку отъ развалинъ древней каѳедральной церкви; въ которой значительная часть во-

зобновлена для помѣщенія университетской библіотеки. На той же горѣ, или, вѣрнѣе сказать, на томъ же возвышеніи устроено прелестное гулянье, т. е. насажены тѣнистыя деревья, поставлены скамьи и проведены широкія дорожки. Видъ отсюда очаровательный и простирается на значительно далекое разстояніе. Нѣкоторые сравниваютъ этотъ видъ съ мѣстоположеніемъ Гейдельберга. Правдивость заставляетъ меня сказать, что притязаніе это нѣсколько тщеславно. Впрочемъ видъ съ *Домъ-прогулки* дѣйствительно прекрасенъ но слѣдуетъ глядѣть вдаль и избѣгать близкихъ предметовъ, потому что вдоль самого гулянья, у подошвы возвышенія, тянутся деревянные полуразвалившіеся заборы, а за ними весьма полезные, но вовсе не поэтическіе овощи: рѣдька, морковь, капуста, и пр.

Въ Дерптѣ мнѣ захотѣлось побывать и въ окрестныхъ имѣніяхъ или на мызахъ, славящихся отличнымъ, раціональнымъ хозяйствомъ. Къ величайшему моему удовольствію, я былъ радушно принятъ однимъ гостепріимнымъ, истинно патріархальнымъ семействомъ. Не стану описывать, какъ проводили мы время на лифляндской мызѣ, скажу только, что часы протекали быстро въ занимательной бесѣдѣ съ умнымъ, образованнымъ хозяиномъ. Многочисленное и прекрасное семейство хозяина (въ полномъ смыслѣ слова *прекрасное*, потому что всѣ дѣти этого семейства отличаются красивою наружностію) не мало способствовало, веселымъ, ласковымъ и непринужденнымъ своимъ обхожденіемъ, къ пріятному препровожденію для меня времени. Два дня протекли для меня незамѣтно, а на третій радушный хозяинъ захотѣлъ пока-

зать мнѣ другое имѣніе, находящееся близъ Дерпта. Это уже не мыза и не дача, а настоящій замокъ съ многочисленными, богато-убранными комнатами, залами, съ картинною галереею, съ фамильными портретами, съ великолѣпною библіотекою, и пр. и пр. Хозяйство въ этомъ имѣніи доведено до замѣчательной степени совершенства. Тутъ не видать гибельнаго пароваго поля, разсадника сорныхъ травъ; здѣсь хромая соха неизвѣстна, а земля пашется прочнымъ непромашистымъ плугомъ; здѣсь бороны желѣзныя и катки зубчатые. За то на поля приготовленныя къ посѣву весело посмотрѣть, хоть — шаромъ кати: ни комочка, ни камешка! Кормовыя травы здѣсь косятъ по два и по три раза въ годъ. Ячмень въ мое время стоялъ еще темнозеленаго цвѣта, но тучный, съ предлинными усами; яровая пшеница тянулась чистая наливная; рожь громоздилась почти сплошными копнами по полю! Замѣтьте однако же, что нынѣшнее лѣто погода была не совсѣмъ благопріятна для хлѣбопашества: почти постоянно стояли продолжительныя засухи, и, не смотря на то, урожай здѣсь удивительный! Толкуйте, послѣ этого, противъ раціональнаго хозяйства!

Но пора и честь знать! Теперь я записался, а у гостепріимнаго хозяина въ Лифляндіи чуть-чуть не зажился. По счастію, я вспомнилъ во-время, что надоѣдать никогда никому не должно, и исполненный пріятнѣйшихъ воспоминаній, отправился на четвертый день моего пребыванія въ окрестностяхъ Дерпта на почтовую станцію, во время вечерняго проѣзда почтовыхъ каретъ.—Оба мѣста въ каретѣ оказались свободными, и я отправился

въ путь, довольный на этотъ разъ, не зная самъ почему, случайному одиночеству.

На противоположномъ концѣ города, у почтовой конторы, карета остановилась, и я замѣтилъ съ неудовольствіемъ, хотя и не могъ порядочно разглядѣть за темнѣніемъ фонарей и луннаго свѣта, что къ почтовой каретѣ приближалось нѣсколько лицъ обоего пола, съ явнымъ намѣреніемъ занять порожнія мѣста въ экипажѣ. Дѣйствительно, вскорѣ послышались назидательные совѣты на счетъ предстоящаго путешествія, потомъ начались проводы, прощанья, поцѣлуи; наконецъ дверцы кареты отворились, и возлѣ меня помѣстилась особа женскаго пола: мы тронулись съ мѣста, сопутствуемые окончательными прощальными восклицаніями. — Право не знаю, почему я былъ не въ духѣ, и мы проѣхали молча верстъ пять, шесть. Я сказалъ уже, что у насъ фонарей не было, а ночь была облачная, довольно темная; мнѣ показалось, однако же, что сосѣдка моя пристально всматривалась въ облака и въ кое-гдѣ мелькавшія звѣзды. Я принялъ это за желаніе съ ея стороны разсѣять окружающій насъ мракъ, и предложилъ зажечь свѣчу. Согласіе мнѣ было дано такимъ сребристымъ, мелодическимъ голоскомъ, что я поспѣшилъ чиркнуть фосфорическою спичкой, и представьте же себѣ мой ужасъ, когда въ моей спутницѣ, въ той, съ которою я осужденъ былъ провести тридцать шесть часовъ въ четырехъ-футовомъ пространствѣ волшебной почтовой кареты, сближающей ѣдущихъ въ ней въ двѣнадцать часовъ времени болѣе, чѣмъ шестимѣсячное знакомство на воздухѣ, — вообразите же себѣ мой ужасъ, повторяю я, когда я увидѣлъ... прелестную, но

лодую Нѣмочку съ темносиними глазами, съ черными, шелковистыми локонами, съ нѣжнымъ, бѣлымъ цвѣтомъ лица, съ розовыми щечками, съ пурпуровымъ ротикомъ, и пр. и пр. Я такъ оторопѣлъ, что невольно потушилъ немедленно свѣчу, и мы вновь очутились въ совершенныхъ потемкахъ. Сосѣдка моя, кажись, засмѣялась, но я продолжалъ хранить молчаніе. Въ послѣствіи мы, разумѣется, разговорились, и хотя рѣчь наша шла ни о медицинѣ, ни химіи, ни...., но прошу васъ быть увѣренной, милая Ольга Петровна, что разговоръ нашъ былъ весьма интересенъ, и въ высшей степени нравственно-поучительный.

IX.

23-го Августа.

Прошедшею зимою, въ статьѣ, написанной по поводу оперы *Отелло*, я пытался доказать, что меньшее или большее развитіе той или другой отрасли искусства зависитъ болѣе отъ направленія и требованія общаго вкуса, чѣмъ отъ выбора художниковъ. Съ перваго взгляда это предположеніе кажется вовсе неосновательнымъ. Возможно ли, чтобъ геніальность подчинялась требованію толпы? возразите вы, съ неудовольствіемъ. Конечно,

Но геніяльный человѣкъ, не *подчиняется*, а *увлекается* вкусомъ большинства Въ Греціи и у древнихъ Римлянъ скульптура предпочиталась живописи, потому что вся общественная жизнь Грековъ и Римлянъ происходила на открытомъ воздухѣ, а мраморъ и металлъ не боятся непогоды. Съ распространеніемъ Христіанства, а въ послѣдствіи съ сооруженіемъ великолѣпныхъ храмовъ, оказалась потребность въ живописи, и великіе живописцы стали появляться одинъ за другимъ.

Пока живопись не оставляла колыбели своей (Италіи), всѣ дѣятельныя силы художниковъ устремлены были на духовные предметы; съ распространеніемъ же ея въ другихъ странахъ, болѣе матеріяльное направленіе породило Фламандскую Школу, и произвело на свѣтъ фанъ-Дейка, Поль-Потера, Теніера, и пр. Въ Италіи религіозное направленіе имѣло такое же вліяніе и на музыку. Тамъ, въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ, исключая духовной музыки, почти ничего не писали; симфоническая и такъ называемая камерная музыка обязана своимъ развитіемъ *домосѣдной* (casaniére) Германіи. Недостатокъ хорошихъ голосовъ и самый нѣмецкій языкъ, не удобный для пѣнія, породили въ Германіи вкусъ къ инструментальной музыкѣ. Было бы время, и достало бы у васъ терпѣнія слушать, а то за доказательствами не стало бы дѣла, а пока обратите ваше вниманіе съ этой точки зрѣнія на литературу, и вы увидите, что и въ этой области человѣческаго разума дѣятельность геніяльныхъ людей вызывается требованіями эпохи.—Демосѳенъ, Цицеронъ и другіе были великими ораторами, потому что отъ нихъ требовали ораторскаго многословія, Гомеръ, Виргилій,

Данте, Тассо писали стихами, а не прозою, потому что прозу ихъ, вѣроятно, не стали бы и читать. Долгое время гармонію стиха принимали за *міру* поэта, и требовали, чтобъ созвучіе словъ прикрывало величіе мысли. Отчего Ламартинъ и Викторъ Гюго, величайшіе современные поэты, принялися писать прозою? Конечно, не отъ недостатка вдохновенія! Что же могло побудить ихъ отказаться отъ восторженной лиры, если не увлеченіе общаго вкуса? Промышленное матеріальное направленіе вѣка повело за собою разочарованіе къ поэзіи. Какая нужда въ созвучіи словъ для какого нибудь коммерческаго акта? Не описывать же въ стихахъ Эрикссонову машину, или неудачныя попытки г. Петена управлять, по произволу, воздушными шарами? Безспорно, что въ большинствѣ людей, занимающихся чтеніемъ, каждый человѣкъ, взятый отдѣльно, имѣетъ и менѣе образованности и менѣе умозрительности, чѣмъ геніяльные писатели, озаряющіе, по временамъ, цѣлый міръ произведеніями своего ума; но отъ общей массы сужденій зависитъ всегда направленіе и искусствъ и литературы. Съ умноженіемъ числа читателей въ малообразованныхъ классахъ общества, писатели невольно и почти безсознательно стали поддѣлываться подъ вкусъ большинства читающей публики. Въ Америкѣ (въ Соединенныхъ Штатахъ), въ ежедневныхъ газетахъ, господствуетъ самый тривіальный тонъ; въ Англіи Диккенсъ и Теккерей преклонятъ также колѣни предъ кумиромъ популярности, и посвящаютъ свои неотъемлемые таланты почти исключительно описанію часто грязной и вовсе не поэтической дѣйствительности. На этомъ же основаніи и наша литературная дѣятель-

ность ищетъ сочувствія и одобренія не отборныхъ цѣнителей, а большинства читателей, — описывая предпочтительно купеческій и крестьянскій бытъ, и почерпая, къ сожалѣнію, весьма часто свое вдохновеніе въ самыхъ жалкихъ и печальныхъ картинахъ пошлой дѣйствительности. Самый геніальный человѣкъ все таки человѣкъ, и слѣдовательно понятно и даже извинительно, если онъ ищетъ сочувствія наибольшаго числа читателей, цѣнителей и поклонниковъ; но критика должна ли подчиняться увлеченію большинства или выжидать минуты охлажденія чтобъ высказать свое мнѣніе? Въ этомъ я сомнѣваюсь. Мнѣ кажется что, обязанность критика итти всегда впередъ, не останавливаясь, по пути, проложенному изящнымъ вкусомъ. Но вотъ бѣда! многіе изъ гг. журналистовъ утверждаютъ, что у насъ нѣтъ нынѣ вовсе литературной критики! Куда же она дѣвалась? И какъ: нѣтъ, что же подразумѣвается подъ словомъ критика? Разсмотримъ эти вопросы:

La critique est aisée,
Mais l'art est difficle.

т. е. «критиковать легко, а писать или вообще производить трудно, «говоритъ Детушъ; но это не опредѣленіе критики, а только критика на критику.

Лабрюеръ увѣряетъ, что «критика часто не искусство, а только ремесло, для котораго нужно болѣе силъ тѣлесныхъ, чѣмъ умственныхъ, и болѣе навыка, чѣмъ познаній.» Немного строгое, но довольно практическое замѣчаніе. Наконецъ Французскій Академическій Лексиконъ гласитъ слѣдующее: «эстетическая или литературная критика есть искусство обсуждать литературныя и

художественныя произведенія, по законамъ возвышеннаго вкуса, указывая какъ на красоты ихъ, такъ и на недостатки.»

Коротко и не совсѣмъ ясно!

Легко сказать «обсуживать по законамъ возвышеннаго вкуса; но возможно ли подвести подъ одинъ уровень *вкусы*, даже возвышенные? Другое дѣло, если бъ было сказано «соображаясь съ извѣстными эстетическими правилами», да и тѣ измѣняются, какъ оказывается на опытѣ.

Мнѣ кажется, что въ академическомъ опредѣленіи главное пропущено, т. е. что критика должна быть безпристрастна, что рецензентъ обязанъ не увлекаться посторонними мнѣніемъ, и, разбирая какое нибудь произведеніе, имѣть только его въ виду, забывая личность автора или художника (обстоятельство это весьма затруднительно при литературныхъ дружелюбныхъ или непріязненныхъ отношеніяхъ); наконецъ, критикъ необходимо долженъ быть человѣкомъ весьма образованнымъ и спеціально свѣдущимъ въ предметахъ, подлежащихъ его рецензіи. Добросовѣстный критикъ *обязанъ* предварительно изучить если не всѣ, то бо́льшую часть предшествовавшихъ образцовыхъ произведеній, прежде чѣмъ приступить къ разбору новѣйшихъ, потому что отчетливое сравненіе есть вѣрнѣйшее мѣрило въ изящныхъ произведеніяхъ. Для увеличенія этихъ почти непреодолимыхъ препятствій къ достиженію хорошей критики, присовокупите, что исключая направленія всеобщаго вкуса, или, вѣрнѣе сказать, направленія большинства, которое, по моему, имѣетъ огромное и рѣшительное вліяніе на искусства и литературу, есть множество частныхъ личныхъ вкусовъ,

и что отъ критики требуютъ, чтобъ она имѣла въ виду воззрѣніе на предметы и этихъ частностей. Иные, напримѣръ, чрезвычайно любятъ историческіе романы, а другіе не могутъ терпѣть ихъ (въ томъ числѣ и остроумный «Новый Поэтъ» Современника); молодые люди (обоего пола) страстно любятъ описаніе любовныхъ похожденій, со всѣми эпизодами и нѣжными подробностями; а люди положительные и (скажемъ по секрету) устарѣлые, охладѣвшіе, отзываются съ презрѣніемъ о таковыхъ описаніяхъ, и т. д.

Послѣ всего вышесказаннаго, вы можете себѣ представить, что я не имѣю ни какого притязанія выступить на трудное поприще литературнаго критика! У меня не станетъ на то ни силъ, ни умѣнья, ни даже охоты; однако же, чистосердечное сознаніе въ неспособности моей быть записнымъ критикомъ, не помѣшаетъ мнѣ постараться удовлетворить, по возможности, вашей любознательности, любезная Ольга Петровна, предлагая изрѣдка краткій обзоръ нашей журнальной дѣятельности.

Отдѣлы изящной словесности Пантеона и Библіотеки для Чтенія украшены въ Іюнѣ и въ Іюлѣ новыми попытками въ родѣ историческихъ романовъ. — Признаюсь, я вовсе не раздѣляю предубѣжденія «Новаго Поэта» (въ Современникѣ) противъ историческихъ романовъ. Неужели почтенный рецензентъ получилъ отвращеніе къ литературнымъ произведеніямъ этого рода, читая Вальтеръ-Скота? Не можетъ быть! Вѣроятнѣе, многотомныя повѣствованія Александра Дюма причиною негодованія «Новаго Поэта». Александра Дюма, дѣйствительно, можно упрекнуть въ излишнемъ многословіи, пожалуй, даже въ

невѣрности очертанія нѣкоторыхъ историческихъ лицъ; но, конечно, нельзя отказать ему въ остроуміи и въ увлекательности разсказа. По моему же мнѣнію, лучше имѣть не совершенно вѣрное понятіе о характеристикѣ второстепенныхъ историческихъ лицъ (что, впрочемъ, всегда можно исправить историческою повѣркою), чѣмъ вовсе не знать о ихъ существованіи. Безъ историческихъ романовъ или разсказовъ, многія лица ускользнули бы отъ нашего вниманія, и, мнѣ кажется, полезнѣе знать, что жилъ на свѣтѣ храбрый и достойный подполковникъ Симановъ, комендантъ Яицкаго городка (въ Пантеонѣ, *Знахарь* г. Савинова), чѣмъ слѣдить за похожденіями какого нибудь *Тита Софронова Козанка* (Москвитянинъ, № 10-й).

Простите великодушно! Мѣста и такъ ужъ мало осталось, а я забалтываюсь не въ мѣру. И такъ спѣшу вамъ сказать, что я, съ своей стороны, весьма благодаренъ г. Савинову за опытъ его въ историческомъ повѣствованіи, помѣщенный имъ въ 6-мъ и 7-мъ нумерахъ Пантеона, подъ нѣсколько громкимъ названіемъ *историческаго романа въ трехъ частяхъ*.

Знахарь г. Савинова читается легко, съ удовольствіемъ, и, какъ первый опытъ автора въ этомъ родѣ, заслуживаетъ, по моему мнѣнію, сочувствія и одобренія *. Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, содержаніе новой повѣсти г. Савинова.

Въ концѣ 1773 года пробирался къ Яицкому укрѣ-

* Шихъ-Мансуръ того же автора, кажется, несовсѣмъ принадлежитъ къ историческимъ повѣствованіямъ.

ленію, осажденному Пугачевскою сволочью, нѣкто Сила Львовичъ (названный въ послѣдствіи барономъ, но о фамиліи его нигдѣ не упоминается). Сила Львовичъ, принадлежалъ, по словамъ автора, къ эпохѣ, въ которую «наши русскіе дворяне, едва сбросивъ съ себя кору старины и невѣжества, завязавъ глаза и распустивъ поводья разума, офранцуживались съ охотою, какъ говорится, душей и тѣломъ до самыхъ оконечностей своихъ ногтей.» Словомъ сказать, Сила Львовичъ, получивъ блестящее европейское воспитаніе, хотя и подверженъ былъ нѣкоторымъ странностямъ, но оказывается, въ теченіе повѣсти, добрѣйшимъ, пролюбезнымъ малымъ съ возвышенною душею, доступною къ величайшимъ самопожертвованіямъ.

Вотъ какого рода молодой человѣкъ заѣхалъ въ глушь, въ захолустье, въ степной городокъ Яикъ, гдѣ отдаленный его родственникъ, храбрый и достойный подполковникъ Симоновъ, «командуя, говоритъ авторъ, отборными молодцами, вѣрными слугами Престола, не смотря на всѣ ужасы, какими сопровождались взятіе и разореніе пугачевскими разбойниками крѣпостей Илецкой, Раесыпной, Озерной, Татищевской и Чернорѣчинской, рѣшился умереть на стѣнахъ своего маленькаго укрѣпленія, и отслужить присягѣ съ честію храбраго солдата.» — Семейство подполковника составляли: жена его Марья Ивановна, добрая, но довольно пустая старушка, и племянница, Варенька, прелестная, но нѣсколько своенравная дѣвушка, просватанная за поручика 7-й егерской команды Полстовалова, достойнѣйшаго храбрѣйшаго молодаго человѣка но до крайности скромнаго, застѣнчиваго и даже роб-

каго предъ невѣстою, въ которую онъ влюбленъ безъ памяти. — Надобно сказать, что еще до прибытія въ крѣпостцу Яикъ, Сила Львовичъ, укрывшись отъ вьюги, встрѣтился съ Варенькою на какомъ-то постояломъ дворѣ, куда и прелестная дѣвушка (переодѣтая въ мужское платье для безопасности по дорогамъ, наполненнымъ пугачевскими разбойниками) попала по той же причинѣ. Встрѣча эта описана авторомъ весьма граціозно. Изъ объясненій, послѣдовавшихъ между Силою Львовичемъ и хорошенькою Варенькою, оказывается: 1) что дѣвушка возвращается въ Яикъ изъ Оренбурга подъ прикрытіемъ вѣрнаго и хитраго писаря Таликова, который выдаетъ себя за пугачевскаго приверженца и для пущей важности, за *знахаря*; 2) что подполковникъ Симоновъ былъ дядя Варенькѣ, равно какъ и Силѣ Львовичу. Изъ этого слѣдуетъ, что молодые люди, встрѣтившіеся случайно, на постояломъ дворѣ, находятся въ родствѣ. Сила Львовичъ въ восхищеніи отъ этого открытія, и при семъ удобномъ случаѣ, разумѣется, влюбляется въ свою прелестную кузину. Начинаются различныя приключенія. На постоялый дворъ является шайка разбойниковъ; Таликовъ ворожитъ, по извѣстнымъ даннымъ, на манеръ знаменитаго Кирши (вообще вліяніе Юрія Милославскаго, г. Загоскина, весьма ощутительно въ произведеніи г. Савинова), и мнимому знахарю удается увезти Вареньку съ постоялаго двора. Съ своей стороны, Сила Львовичъ, спавшій богатырскимъ сномъ (!) при отъѣздѣ своей кузины, успѣваетъ ускользнуть отъ разбойниковъ, при содѣйствіи удалаго казака Недорѣза и своего слуги Марки, который, пользуясь примѣромъ Таликова, выдаетъ себя также за зна-

харя. Слѣдовательно оказываются уже *два знахаря*, а не одинъ.

Послѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ похожденій, и Варенька, и Сила Львовичъ благополучно достигаютъ Яика, и главное дѣйствіе повѣсти сосредоточивается въ этомъ укрѣпленіи. Варенька любитъ своего жениха, достойнаго поручика Полстовалова, но необычайная его скромность (урокъ слишкомъ скромнымъ женихамъ!) подаетъ ей желаніе возбудить чувство ревности въ своемъ нареченномъ, и она кокетничаетъ съ блистательнымъ Силою Львовичемъ. Несчастный Полстоваловъ томится, страждетъ, но молчитъ. Наконецъ надъ гарнизономъ и жителями Яика обрушиваются ужаснѣйшія бѣдствія. Окруженные со всѣхъ сторонъ буйными ватагами, подъ предводительствомъ самого Пугачева, изнуренные частыми приступами и вылазками, защитники крѣпостцы только что не умираютъ съ голоду; но храбрый Симоновъ и не помышляетъ о сдачѣ, а напротивъ, грозитъ взбунтовавшейся черни, требующей сдачи крѣпости, взорвать и гарнизонъ и всѣхъ жителей на воздухъ, при малѣйшемъ покушеніи открыть ворота пугачевской сволочи. Между тѣмъ поручикъ Полстоваловъ, раненый въ плечо пулею, а кокетствомъ своей невѣсты съ пріѣзжимъ родственникомъ въ сердце, лежитъ, почти безъ чувствъ, на *ложѣ страданій*. — Въ этомъ мѣстѣ повѣсти есть прекрасное эпизодическое лице — солдатъ Сапугольцевъ, ухаживающій за раненымъ поручикомъ. — Однажды, Сила Львовичъ, движимый, вѣроятно, чувствомъ состраданія, зашелъ къ страдальцу поручику, и, не желая прерывать минутнаго его забвенія, принялся разсматривать предметы, находившіеся

въ скромной комнатѣ Полстовалова. Переходя отъ предмета къ предмету, Сила Львовичъ напалъ на журналъ (!) поручика, и былъ пораженъ безпредѣльною, чистою, покорною любовью Полстовалова къ очаровательной Варенькѣ. «Совершенно теперь понимая, говоритъ авторъ, что любовь Петра Николаевича (поручика) сжилась съ его сердцемъ, съ его думами и жизнію, баронъ великодушно рѣшился отказаться отъ своихъ исканій, не желая лишить бѣднаго молодаго человѣка единственнаго счастія, которое онъ впервые повстрѣчалъ въ своей жизни.» — Странно, что блистательный баронъ прежде объ этомъ не догадывался; какъ бы то ни было, но Сила Львовичъ немедленно принимаетъ благородное намѣреніе сблизить жениха и невѣсту, и, не смотря на собственную любовь къ Варенькѣ, приступаетъ къ дѣлу: Полстовалова онъ утѣшаетъ, увѣряя, что присланъ къ нему его невѣстою, а Вареньку разочаровываетъ на свой счетъ, утверждая, что у него въ Москвѣ осталась невѣста, которая *прекраснѣе Вареньки.* — Пока великодушный Сила Львовичъ приводитъ въ исполненіе свои намѣренія, въ виду крѣпости появляется отрядъ Михельсона, и освобождаетъ ее отъ скопищъ пугачевскихъ. Счастливый Подстоваловъ оправляется отъ своихъ ранъ, и женится на прелестной Варенькѣ, а баронъ уѣзжаетъ въ Москву.

Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе, повѣсти г. Савинова. Знахарь или знахари, какъ видите, въ ней лица совершенно постороннія, и къ тому же *знахорство* — пружина уже довольно избитая, но не менѣе того, повторяю, новая повѣсть г. Савинова читается съ удовольствіемъ; въ ней замѣтно неотъемлемое дарованіе автора

и неподдѣльное чувство, что, по моему мнѣнію, составляетъ одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ писателя повѣстей. Я васъ спрашиваю, не полезнѣе ли прочитать даже въ видѣ романическаго разсказа, что происходило въ 1773 году въ крѣпостцѣ Яикѣ, и узнать, о дѣяніяхъ второстепенныхъ историческихъ лицъ, каковы напримѣръ, подполковникъ Симоновъ и поручикъ Полстоваловъ, чѣмъ слѣдить за пошлыми похожденіями какого нибудь Тита Софронова. Душевно желаю, чтобъ совѣты новѣйшей школы не совратили г. Савинова съ избраннаго имъ пути, а между тѣмъ дозволяю себѣ сдѣлать ему нѣкоторыя замѣчанія. — Во-первыхъ, не слѣдовало бы называть повѣсть, заключающуюся въ 160-ти страницахъ, громкимъ именемъ *историческаго романа въ трехъ частяхъ*, тѣмъ болѣе, что самая сжатость очерка характеровъ доказываетъ, что произведеніе г. Савинова повѣсть, а не романъ; во-вторыхъ, не худо было бы просмотрѣть повнимательнѣе корректуру своего сочиненія, ибо въ настоящемъ видѣ выходятъ обмолвки, весьма странныя; напримѣръ: въ 6-мъ нумерѣ, въ заглавіи, выставлено «Знахарь, историческій романъ *«въ двухъ частяхъ»*, а въ 7-мъ нумерѣ, *«въ трехъ частяхъ.»* На стр. 10-й 7-го нумера поставлено небывалое слово *ихлегическіе сюжеты*, а на страницѣ 22-й *иллидическое имя* (вѣроятно, *идиллическое*), Конечно, подобные промахи ничтожны, но даровитый авторъ можетъ и долженъ ихъ избѣгать. Наконецъ, полагаю, послѣдняя фраза повѣсти совершенно неудачна.

Достойный, благородный Сила Львовичъ, исполнивъ великодушный свой подвигъ, и оставляя на вѣкъ соеди-

ненную имъ чету, вопреки собственнымъ пламеннымъ чувствамъ къ Варенькѣ, обращается къ своему слугѣ съ словами: «*Марка, поправь мнѣ очки*! Это лишняя фраза обдаетъ холодомъ читателя, и бросаетъ невыгодную, смѣшную тѣнь на главное дѣйствующее лице повѣствованія.

Другой опытъ историческаго повѣствованія помѣщенъ въ седьмой книжкѣ Библіотеки для Чтенія, подъ скромнымъ названіемъ: *Лейтенантъ и поручикъ, быль временъ Петра Великаго*, сочиненіе г. Масальскаго. Я дождусь ея окончанія, и тогда сообщу вамъ, какое впечатлѣніе произвела она на меня.

Въ Отечественныхъ Запискахъ (въ Іюнѣ и въ Іюлѣ) помѣщены первыя двѣ части романа г. Михайлова: *Марья Ивановна*. Конечно, г. Михайловъ писатель, подающій большія надежды, и даже съ замѣтнымъ дарованіемъ: въ новомъ его произведеніи нѣтъ недостатка ни въ бойкости слога, ни въ живописности описанія; но, къ сожалѣнію, выборъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ несовсѣмъ удаченъ. Герой его романа человѣкъ пустой, слабый, безхарактерный, не имѣющій ни цѣли, ни возвышенныхъ желаній; героиня его сварливая, необразованная и, по-видимому, безнравственная женщина. Отецъ героини, добрый *колпакъ* или *тюфякъ* (по выраженію г. Писемскаго), впрочемъ, это лице превосходно очерчено авторомъ. Мать, несносная баба, которая только что не бьетъ мужа, и такъ далѣе, всѣ, безъ исключенія, дѣйствующія лица представляютъ жалкіе типы, съ которыми и въ жизни скучно встрѣчаться, а въ изящныхъ произведеніяхъ коихъ цѣль возвышать нашу душу, и подавно.

Въ седьмой книжкѣ Современника напечатанъ разсказъ г. Полонскаго *Тифлисскія сакли*. Г. Полонскій — жертва современнаго равнодушія къ стихамъ; по призванію, онъ поэтъ, и только непреодолимая потребность въ сочувствіи, столь свойственная всѣмъ людямъ съ дарованіемъ, вынудила его, какъ мнѣ кажется, писать прозою.

Въ *Тифлисскихъ саклях*ъ нѣтъ, такъ сказать, ни плана, ни завязки, ни рѣзкихъ характеровъ, а между тѣмъ читаешь ихъ съ удовольствіемъ. Не знаю, понятно ли вамъ будетъ мое объясненіе; но, читая разсказъ г. Полонскаго, я чувствовалъ какое-то музыкально-мелодическое ощущеніе. Не доказываетъ ли это, можетъ быть, что и у автора звучали въ душѣ поэтическія струны въ то время, какъ онъ писалъ прозою свое повѣствованіе.

Я желалъ бы промолчать о разсказѣ, носящемъ названіе *Деревенская интрига*, но знаю, что вы потребуете у меня отчета объ изящномъ отдѣлѣ тринадцатой книжки Москвитянина, и, волею неволею, долженъ, васъ предостеречь противъ *Деревенской интриги*, тѣмъ болѣе, что разсказъ этотъ не лишенъ занимательности, а между тѣмъ основанъ на безнравственномъ поступкѣ женщины высшаго круга, слѣдовательно образованной, которая, переодѣтая крестьянкою, а въ послѣдствіи служанкою, заводитъ интригу съ молодымъ новопріѣзжимъ сосѣдомъ!!

Надѣюсь, что на этотъ разъ журналистика наша не заслуживаетъ упрека въ скудости по части отдѣловъ изящной словесности : во всѣхъ книжкахъ, безъ исключенія, есть что нибудь менѣе или болѣе замѣчательное.

Говорить объ ученой части нашихъ журналовъ не мое дѣло, но я съ наслажденіемъ прочелъ статью г. Шполевскаго, подъ названіемъ: *Путешествіе по Полѣсью и Бѣлорусскому краю*, въ седьмой книжкѣ Современника. Почтенный путешественникъ достойный соревнователь г. Небольсина. У г. Шполевскаго нѣтъ, можетъ быть, практической наглядности, для мелочей крестьянскаго и ремесленнаго быта, какъ у автора *Разсказовъ проѣзжаго*, но онъ обладаетъ такою же живостію изложенія, и, кажется, имѣетъ болѣе свѣдѣній въ археологіи.

Пора кончить — а не хотѣлось бы. Погода у насъ дождливая, сырая, непріятная! Поневолѣ вспомнишь славной памяти Тредьяковскаго:

«О лѣто, лѣто ты любовно,
Но увы! лишь кратко — *словно!*»

P. S. Вскрываю письмо, чтобъ обратить ваше вниманіе на прелестный, живой, истинно національный очеркъ русскихъ ямщиковъ В. Толбина, напечатанный въ 7-мъ нумерѣ Пантеона. — Прочтите, пожалуйста! Я радовался и смѣялся отъ души, такъ вѣренъ показался мнѣ этотъ извѣстный типъ. «Ямщикъ,» говоритъ, авторъ.... «какъ вамъ опредѣлить съ Германскою точностію, что такое именно ямщикъ? Онъ крестьянинъ и не крестьянинъ, потому что рукамъ его некогда держать борону и соху: онъ, скорѣе, промышленникъ, торгующій пространствомъ и временемъ, человѣкъ, богатѣющій отъ быстроты и постояннаго сбыта живаго, мыслящаго груза отъ *извѣстнаго ему* мѣста до *извѣстнаго вамъ*.» Это уже не наборъ пустыхъ словъ, а кованыя, неподдѣльнаго золота, сжатыя мысли. Остальное все взято живьемъ изъ при-

роды, и передано *животрепещущею рѣчью* (au langage palpitant). Прошу васъ также замѣтить, въ томъ же нумерѣ Пантеона, весьма замѣчательную статью г. Бранта подъ заглавіемъ *Замѣтки о русской журналистикѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ*. Изъ нея вы усмотрите, какія услуги въ литературномъ дѣлѣ оказала Сѣверная Пчела въ 28-ми-лѣтнее свое существованіе, и прочтете, съ большимъ удовольствіемъ краткія, но весьма интересныя характеристики Полеваго, Измайлова и Воейкова—какова же наша современная журналистика! Что это съ нею сдѣлалось? Дай Богъ ей здоровья! и въ лѣтніе мѣсяцы не *кейфуетъ*! Молодцемъ отличилась!

X.

30-го Августа 1853 г.

..... На дняхъ я прочелъ (въ № 232-мъ Indépendance Bege) фельетонъ Александра Дюма (la bête noire) толстыхъ нашихъ журналовъ), и признаюсь, удивился живости, огню и находчивости этого заслуженнаго представителя легкой французской литературы.

Издатель Indépendance Belge просилъ Дюма написать нѣсколько строкъ объ испанской танцовщицѣ Петрѣ Камарѣ (*Petra Camara*), по случаю пріѣзда ея въ Брюс-

сель. Дѣло простое, обычное и вовсе не головоломное! Другой фельетонистъ составилъ бы біографическій очеркъ танцовщицы, назвалъ бы всѣ города, гдѣ она танцовала, испестрилъ бы свою статью цифрами, числами, годами; изукрасилъ бы ее напыщенными метафорами и похвалами. Дюма не удовольствовался этимъ. По случаю пріѣзда Петры Камары въ Брюссель, онъ представилъ живую характеристику испанскаго быта; мысленно перенесъ читателей въ живописную Андалузію, и минутно заставилъ ихъ жить и дышать жизнію сыновъ знойнаго юга. Съ пріѣздомъ новой танцовщицы въ Брюссель, мы узнали, что поцѣловать руку, по французскому обычаю, почитается Испанскою за оскорбленіе; что у каждой изъ этихъ черноглазыхъ, пламенныхъ дѣвъ есть свой *novio*, то же почти, что италіянскій *patito*, т. е. вздыхатель, страдалецъ, который томится нерѣдко годъ и два, прежде чѣмъ получитъ право почтительно прижать къ устамъ своимъ кончики розовыхъ пальчиковъ своей возлюбленной, что ... не мало ли чего мы не узнали изъ статьи Дюма, и все это по поводу объявленія о пріѣздѣ въ Брюссель новой танцовщицы. По возможности, я постараюсь передать вамъ одушевленный разсказъ Дюма, но навряд ли мнѣ удастся выразить его искрометную, огненную рѣчь.

Вы уже знаете, какъ Дюма кичится свою извѣстностью; онъ при всякомъ удобномъ случаѣ доводитъ до свѣдѣнія публики, что его знаютъ и цѣнятъ во всей Европѣ, въ Азіи, въ Африкѣ и въ Америкѣ. Иногда смѣшитъ меня это притязаніе, но, признаюсь, не имѣю духа сердиться на эту слабость трудолюбиваго автора. Въ

статьѣ, которую я намѣреваюсь вамъ передать, Дюма не преминулъ упомянуть, что разгнѣванная Петра Камара немедленно умилостивилась, когда узнала, что дерзкій, смертный, покусившійся поцѣловать ея ручку, вопреки принятымъ обычаямъ въ Испаніи, ни кто другой, какъ знаменитый Дюма. Послѣ того прелестная Испанка не только не гнѣвалась болѣе, но какъ она, такъ и другія первыя танцовщицы, *Anita* (Анита) и *Carmen* (Кармепъ), подставили хорошенькія свои головки подъ родительскіе поцѣлуи толстыхъ, арабскихъ губъ Дюма, и предложили устроить, въ честь знаменитаго писателя, *домашніе танцы*, увѣряя, что танцы ихъ на театрѣ въ сравненіи съ *домашними*, то же, что *снятое молоко предъ густыми сливками*. Дюма, разумѣется, принялъ съ восторгомъ подобное предложеніе. И вотъ дня черезъ два послѣ перваго знакомства съ этими *цвѣтками Андалузіи, бабочками Гренады, пчелками Севильи*, какъ называетъ Дюма испанскихъ танцовщицъ, вечеромъ, въ одномъ изъ кофейныхъ домовъ Севильи собралось довольно значительное общество, составленное преимущественно изъ Испанцевъ. Представительницами Терпсихоры были три вышеупомянутыя танцовщицы: Петра, Анита и Кармепъ. Зала, въ которой собралось общество, не блистала своимъ убранствомъ: стѣны ея были выкрашены мѣломъ; низенькій потолокъ поддерживался толстыми, неуклюжими балками; полъ устланъ краснымъ четвероугольнымъ плитнякомъ. Четыре плохо горѣвшія лампы освѣщали залу, а бальный оркестръ состоялъ изъ смуглаго Цыгана, съ сигаркою въ зубахъ и гитарою за спиной. Обстановка, какъ видите, не затѣйливая, къ то-

му же и самые костюмы мужчинъ полу-французскіе, полу-испанскіе, т. е. снизу обыкновенные европейскіе сапоги и исподнее платье, на плечахъ андалузская куртка, а на головѣ испанскій *sombrero*, шляпа съ широкими полями и съ остроконечною тульей, обвязанною лентами, все это не придавало изящнаго вида собравшемуся обществу мужчинъ. Но за то Петра, Анита и Кармепъ отдѣлялись отъ мрачной толпы, какъ яркія звѣздочки на темномъ небѣ. Ихъ газовыя бѣлыя юбочки, черные или голубые корсажи, шитые золотомъ или серебромъ, ихъ причудливыя прически съ лепточками, съ блестками, съ бахрамой, чудно красовались и приковывали взоры толпы.

Когда всѣ приглашенные на хореграфическое торжество собрались, говоритъ Дюма, раздались звуки цыганской гитары. Карменъ, какъ младшая изъ танцовщицъ, не ожидая приглашенія, немедленно встала, и, сбросивъ съ плечъ мантилью, вступила въ небольшое пространство, астявленное посреди залы для танцевъ. Зрители, окружавшіе танцующихъ, представляли въ это время амфитеатръ человѣческихъ головъ. Первый рядъ присутствовалъ при зрѣлищѣ почти лёжа, второй сидя, а остальные, стоя или взобравшись на стулья и касаясь головами потолка. Танецъ, исполненный Карменъ, не возбудилъ особеннаго восторга. Это было вступленіе прелюдія, такъ сказать, къ послѣдующимъ наслажденіямъ.

Послѣ Карменъ въ кружокъ взошла Анита. «*El vito! el vito!*» закричали нѣсколько голосовъ. Я присоединился къ нимъ, не зная самъ чего требую. Однако же, по первымъ звукамъ прелюдіи, я догадался, что *el vito* — танецъ живой, характеристическій. Это что-то въ родѣ

сотрясенія (*vibratio*), начинаемаго съ томностію и безпечностью скучающей женщины, принимающаго мало по малу нетерпѣливый характеръ раздраженной женщины, и наконецъ танецъ оканчивается бурными порывами почти помѣшанной женщины.

Описать этотъ танецъ не возможно; у пера недостаетъ для того красокъ, а у кисти движенія. — Перегнутый станъ, заброшенная назадъ граціозно головка, пламенные взгляды этихъ дщерей полуденнаго солнца, называемыхъ Испанками, всего этого нельзя выразить холодными словами. Но что всего замѣчательнѣе, что ускользаетъ отъ понятій сѣверныхъ жителей, и въ чемъ, однако же, вы убѣдитесь, увидавъ красивыхъ испанскихъ танцовщицъ, то, что странныя, необычайныя ихъ движенія дышутъ сладострастіемъ, не выходя изъ предѣловъ приличія, какъ древнія изящныя обнаженныя статуи не оскорбляютъ цѣломудрія.

Успѣхъ Аниты былъ чрезвычайный, Всѣ *sombrero* (шляпы) повержены были къ ея стопамъ. Этотъ странный обычай изъявленія восторга требуетъ, чтобъ танцовщица, съ своей стороны, для изъявленія своей благодарности. выбрала одну изъ шляпъ, и потоптала ее порядкомъ своими гибкими ножками.

Избрать чью нибудь шляпу. значитъ оказать ея владѣльцу вниманіе и почетъ.

Анита, не медля, выбрала мою шляпу, вскочила на нее съ быстротою и ловкостью миленькаго котенка, и топтала ноженками до тѣхъ поръ, пока не превратила ее въ блинъ. Мнѣ оставалось только благодарить за оказанную мнѣ почесть. По окончаніи *el vito*, Аниту окру-

жили и осыпали похвалами. Самая утонченная похвала заключается въ эпитетѣ *salada*! т. е. *соленая!* что, однако же, не обозначаетъ, чтобъ Анита пересолила въ своихъ танцахъ.

Прошло нѣсколько минутъ общаго увлеченія, говора и восклицаній; кружокъ вновь образовался, и въ него вошла, или, точнѣе сказать, впорхнула легкокрылая птичка, перлъ танцовщицъ — обворожительная Петра Камара. Всѣ присутствующіе Испанцы съ неистовствомъ и въ одинъ голосъ закричали *l'ole! l'ole!* и я разумѣется, присоединилъ свой голосъ къ прочимъ.

Какъ вамъ объяснить, что такое танецъ, называемый *l'ole*? Право не знаю! Все дѣло въ выразительности. Въ немъ каждое движеніе живописно и дышитъ южною нѣгою! Это нѣчто похожее на пирическій греческій танецъ или шику индійскую; во всякомъ же случаѣ *l'ole* есть самый увлекательный, упоительный танецъ, который когда либо удавалось мнѣ видѣть на свѣтѣ, и мнѣ понятно, почему Испанцы приходятъ отъ него въ неописанный восторгъ.

Такъ случилось и на этотъ разъ. Трудно представить себѣ, какъ впечатлѣніе зрителей видимо росло, возвышалось; и къ наконецъ вся зала огласилась продолжительными, неумолкаемыми кликами, и какъ всѣ *sombrero*, всѣ до одного, полетѣли къ ногамъ неподражаемой, чудной танцовщицы.

Да, повторяю, танецъ этотъ восхитителенъ, и Петра обворожительна, тѣмъ болѣе, что *l'ole* въ сущности не танецъ, и Петра по нашимъ понятіямъ вовсе не танцовщица.

По-моему, наши танцовщицы * представляютъ самое печальное зрѣлище; онѣ подпрыгиваютъ съ видимымъ напряженіемъ; трудъ, усталость проглядываютъ въ постоянной стереотипной улыбкѣ, украшающей ихъ уста. Ревностныя ихъ усилія устремлены на одинъ предметъ — затмить, хотя на минуту, воспоминанія о Фанни Эльслеръ или Тэліони!! Жалкая цѣль! Напрасныя усилія! Танцовщицы-наши усердно приводятъ въ движеніе однѣ ноги, и изрѣдка только, какъ бы невзначай, взмахиваютъ руками. Но въ Испаніи совершенно иначе. Танецъ тамъ доставляетъ величайшее наслажденіе самой танцовщицѣ; танецъ проникаетъ все ея существо! За то посмотрите: вся она оживляется! Каждый мускулъ, каждая жилка приходятъ въ движеніе: глаза, руки, грудь, плечи трепещутъ и сопровождаютъ малѣйшее движеніе ногъ. Испанка то подпрыгиваетъ или нетерпѣливо топаетъ ножкой, то сладострастно вскрикиваетъ, то изгибается какъ змѣя или скачетъ какъ разъяренная львица! Смотрите!! На кончикахъ своихъ гибкихъ пальчиковъ она медленно крадется къ мужчинѣ, тихо обходитъ его кругомъ, и вдругъ, какъ испуганная лань, быстро отъ него отскакиваетъ, и потомъ вновь ближе и ближе къ нему подходитъ, обдавая его теплою магнитическою струею, исходящею лавою изъ воспламененныхъ страстію персей и ланитъ. Понятно, что мужчины чувствуютъ приближеніе этого живаго тока наслажденія! Понятно, что и къ нимъ переходитъ огнь обаятельной женщины: они трепещутъ, содрогаются,

* Прошу не забыть, что все это слова Дюма, а не мое мнѣніе.

слѣди за каждымъ ея движеніемъ, и вскорѣ неистовые крики и восклицанія выражаютъ ихъ впечатлѣнія.

По правдѣ сказать (это уже я говорю, а не Дюма), описаніе *l'ole* переходитъ нѣсколько за предѣлы изящнаго; кисть увлеченнаго писателя становится въ этомъ мѣстѣ слишкомъ грубою, матеріяльною, но я не почелъ себя въ правѣ выпустить эти строки изъ характеристическаго фельетона Дюма, хотя и смягчилъ ихъ по возможности.

Вотъ въ чемъ собственно состоитъ, продолжаетъ Дюма, танецъ, называемый *l'ole*. Танцовщица беретъ сама или принимаетъ изъ чьихъ либо рукъ, первую попавшуюся шляпу, но не нашу глупую, круглую шляпу, а кокетливый *sombrero* Андалузіи. Танцовщица начинаетъ съ того, что надѣваетъ *sombrero* къ себѣ на голову различными манерами, то на бекрень, какъ шалунъ, то назадъ, какъ Англичанинъ, то на лобъ, какъ ворчаливый педагогъ.

И такъ Петра нѣкоторое время примѣряла *soubrero*, измѣняя, по мѣрѣ надобности, выраженіе своего хорошенькаго личика, и продолжая скользить по полу съ соотвѣтствующими движеніями представляемаго ею лица цаконецъ подлетала къ одному изъ зрителей, снимала шляпу и округляла ручку, какъ бы желая надѣть *sombrero* на голову избраннаго; но при первомъ движеніи счастливца, ускользала и, съ легкостью призрака переносилась въ противоположную сторону!

Не возможно описать съ какою быстротою и граціею производила Петра свои движенія! Ни какая легкокрылая

бабочка, ни какая колибри не перепархиваетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ милѣе, быстрѣе и легче.

Такъ какъ хореграфическое торжество давалось въ честь мою, то *sombrero* окончательно остался на моей головѣ.

Настала минута отдыха. Кажись, *l'ole* утомилъ всѣхъ жгучими своими впечатлѣніями!!

Подали угощенія. Но какія угощенія? На 60 или болѣе человѣкъ какую нибудь дюжину бутылокъ монтиласкаго вина. — Вамъ покажется это весьма страннымъ, тѣмъ болѣе, что подобные балы или праздники, зовите какъ угодно, бываютъ весьма рѣдко; ими угощаютъ только самыхъ *почетныхъ иностранцевъ*, а между тѣмъ и убранство залы, какъ видно, было не затѣйливое, и угощеніе не завидное. Конечно, въ числѣ присутствующихъ находились и богатѣйшіе *гидальго*, которымъ ничего не стоило бы бросить тысячи для подобнаго удовольствія; но за то были тутъ и бѣдные дворяне, для которыхъ и нѣсколько дуро составляетъ счетъ.

Это удовольствіе Испанцы желали сдѣлать доступнымъ каждому, чтобъ и богатый, и бѣдный наслаждались одинаково обворожительными улыбками прелестныхъ нашихъ волшебницъ, и любовались ихъ упоительными танцами.

Я выпилъ, какъ и прочіе, стаканъ густаго монтиласкаго вина, доставшагося на мою долю, а между тѣмъ посматривалъ на Петру, которая, только омочивъ пурпуровыя свои губки въ стаканѣ вина, отдала его стоявшему подлѣ нея Испанцу, поручивъ доставить его ко мнѣ.

«Отъ Петры Камары,» сказалъ мнѣ съ важностью посланный.

Я посмотрѣлъ вопросительно на моего сосѣда.

«Пейте до дна, сказалъ онъ мнѣ въ полголоса: это новая учтивость со стороны Камары».

Я выпилъ, не останавливаясь. Петра поблагодарила меня взглядомъ. И что за глаза! Вы увидите: длинные, бархатные, похожіе на глаза испуганной серны.

Минутъ черезъ пять та же самая продѣлка повторилась съ Анитою. Наконецъ дошла очередь до Карменъ; но Карменъ, какъ самая младшая, не имѣя еще *novio* для посылокъ, сама подошла ко мнѣ, и подавая стаканъ, сказала, потупивъ глазки:

«Хотя я и не имѣю достоинствъ Петры и Аниты, но не сдѣлаете ли вы мнѣ ту же честь, которую оказали имъ.»

Я выпилъ вино и возвратилъ стаканъ.

«Теперь, сказала Карменъ съ чувствомъ, я сохраню этотъ стаканъ во всю свою жизнь!»

(Oh! Monsieur Dumas! oh!!

Между тѣмъ настало время ужинать; въ залѣ накрыли наскоро три стола; за каждымъ изъ нихъ предсѣдала одна изъ нашихъ фей. Ужинъ былъ неслишкомъ изобильный и вовсе не вычурный: два, три блюда самыя простыя. нѣсколько бутылокъ туземнаго вина — и только; а между тѣмъ трудно себѣ представить до какой степени ужинъ былъ оживленъ! Пили мало, потому что и вина было немного, но всѣ казались упоенными. Упоенные собственнымъ веселіемъ, упоенные жизнію, кто пѣлъ, кто декламировалъ стихи въ честь одной изъ танцовщицъ, кто брянчалъ на гитарѣ, кто просто кричалъ, произнося несвязныя слова, изобличавшія душевное волненіе.

Наконецъ говоръ, смятеніе, восторгъ достигли до крайнихъ предѣловъ, и вдругъ десятки голосовъ разразились крикомъ.

«*Petra, Petra, el vito! el vito! Petra* на столъ!!»

Петра не долго колебалась. Сначала она встала и окинула взоромъ толпу. Крики усилились. Петра поставила ножку на стулъ. Крики еще усилились. Петра выпрямилась на стулѣ. Толпы съ шумомъ оставили другіе столы и лавою кинулись къ тому, возлѣ котораго стояла Петра. Еще порывъ криковъ и восторга — и Петра, какъ птичка, вспорхнула на столъ!!...

Но... stop — довольно! Какъ порхала эоирная Петра по столу, какъ потомъ она плясала фанданго съ нѣжною Аннтою, чѣмъ кончилось это угорѣлое празднество, отъ чего разбился стаканъ, который Карменъ обѣщалась сохранить на память Дюма во всю жизнь, все это предоставляю желающимъ прочитать въ Indépendance Belge. Я желалъ показать, что хотя Дюма нѣсколько и многословенъ (это правда), хотя подъ часъ онъ и не жалѣетъ яркихъ красокъ, для описанія грубой существенности (что совершается всегда вопреки изящнаго вкуса и эстетическаго чувства), однако никакъ нельзя отказать ему въ дарованіи, въ мысляхъ; нельзя не согласиться, что слогъ его оживленъ, и что, наконецъ, не каждому прійдетъ въ голову сдѣлать живой, характеристическій очеркъ цѣлой страны, для того только, чтобы объявить, что новая танцовщица пріѣхала въ такой-то городъ.

Я полагаю, что въ жизни вообще не мѣшало бы брать примѣръ съ пчелы (не пугайтесь, гг. журналисты, не съ Сѣверной, а съ настоящей пчелы). Трудолюбивая

пчелка собираетъ медъ и съ пышныхъ и съ скромныхъ цвѣтовъ, а до ядовитыхъ соковъ не касается, хотя зачастую они находятся подлѣ, на томъ же цвѣткѣ, съ котораго пчелка собираетъ свои душистые соты.—Vale!

XI.

7-го Сентября.

Stop! Англійскій *stop* то же, что русскій *стой*! только въ звукѣ англійскаго слова болѣе силы и выразительности, чѣмъ въ русскомъ. Вѣроятно, это зависитъ отъ согласной буквы, которая плотнѣе замыкаетъ слово *stop*, чѣмъ двѣ гласныя, которыя, въ словѣ *стой* разносятъ, улетучиваютъ, такъ сказать, звукъ.

Долгое время я не обращалъ ни какого вниманія на выразительность слова *stop*, пока особенный случай не вынудилъ меня питать къ нему, и оказывать ему полное уваженіе.

Однажды, стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ доставило мнѣ удовольствіе плаванія на военномъ пароходѣ. Смѣло скажу, что кто ѣздилъ только на частныхъ пароходахъ, тотъ не испыталъ наслажденія путешествовать по

морю, подъ прикрытіемъ строжайшаго порядка, дисциплины и совершеннаго знанія дѣла. На частномъ пароходѣ человѣкъ все таки представляетъ собою самостоятельную единицу, онъ путешественникъ, отданный на время на попеченіе шкипера, но звѣно, соединяющее его съ землею, не совсѣмъ еще прервано. На военномъ же пароходѣ есть только капитанъ, т. е. воплощенная мысль, разумъ и власть, и орудіе или вспомогательная сила — экипажъ, долженствующій двигать и охранять корабль. Остальныя личности исчезаютъ, и частный человѣкъ, попавшій случайно на военный корабль, теряетъ на время свои права гражданства, утрачиваетъ свою *субъективность*, до тѣхъ поръ, пока не высадятъ его на берегъ. Вѣроятно на твердой землѣ мнѣ никогда не пришла бы въ голову мысль поручить охраненіе собственной моей особы кому либо другому; но на зыбкой, вѣроломной, бурной стихіи, я ощущалъ необычайное удовольствіе помышлять, что я нуль, что особа моя не существуетъ, но что капитанъ, заботясь о сохраненіи корабля, охраняетъ и меня. Въ слѣдствіе этого убѣжденія мною овладѣла какая-то невыразимо пріятная безпечность, какое-то *dolce far niente*; не думая вовсе о своей особѣ, я вполнѣ предавался созерцанію окружающей меня безпредѣльности. Мнѣ кажется, что если бъ насъ постигла ужаснѣйшая буря, или даже и кораблекрушеніе, то и тогда я оставался бы спокойнымъ, предоставивъ себя вполнѣ попеченіямъ капитана.

И то правду сказать, что капитанъ, подъ покровительствомъ котораго мнѣ посчастливилось плавать на военномъ пароходѣ, заслуживалъ полной довѣренности.

Молчаливый и угрюмый отъ природы, онъ былъ не словоохотливъ, не сообщителенъ, но всѣ его мысли, заботы, попеченія были ежеминутно сосредоточены на единственномъ предметѣ — на ввѣренномъ ему пароходѣ. Съ утра до вечера, онъ осматривалъ со вниманіемъ каждую снасть, каждый шкотъ; не проходило часа или двухъ, чтобъ онъ не заглянулъ въ машинное отдѣленіе и не освидѣтельствовалъ всего, отъ поршней до кочерги кочегаровъ; каждый гвоздикъ, планочка, каждое пятнышко на палубѣ, ничто не ускользало отъ его орлинаго взора.

Въ теченіе пяти или шести дней моего пребыванія на пароходѣ, я не слыхалъ отъ капитана другихъ словъ, какъ только относящихся къ прямымъ его обязанностямъ. «Сколько узловъ?» бывало спроситъ отрывисто, или «которая стклянка?», * и такъ далѣе. За то любо было посмотрѣть, въ какой дисциплинѣ находились всѣ мы у него, отъ перваго до послѣдняго! За десять шаговъ отъ него, бывало, шапку ломаемъ или руку къ козырьку прикладываемъ. Когда капитанъ нашъ прохаживался по палубѣ, то каждаго встрѣчнаго обдавалъ какимъ-то холодомъ, сопряженнымъ, однако жъ, съ чувствомъ невольнаго почтенія. Нашему брату, случайному пассажиру, и въ голову не приходило закурить, напримѣръ, сигару на палубѣ. Куда! Капитанъ, того гляди, и сигару, и пассажира за бортъ спровадитъ. — И такъ на пароходѣ у насъ все шло чинно, порядочно и пока обстояло благополучно. Однажды, послѣ долгаго плаванія, мы зашли въ

* Сколько узловъ? т. е. какъ быстро идетъ пароходъ? Которая стклянка? т. е. который часъ?

одинъ портъ; капитанъ съѣздилъ на берегъ, сдалъ какія-то депеши, и въ тотъ же вечеръ, при боковомъ вѣтрѣ, мы вновь вышли въ открытое море. Съ каждымъ поворотомъ колеса, вѣтеръ свѣжѣлъ и крѣпчалъ. Убрали сначала лисели, потомъ вскорѣ и остальные паруса; кажись, убавили ходу, а возвращаться въ портъ капитанъ и не думалъ: не такого нрава былъ человѣкъ! Ужъ если пошелъ, такъ впередъ, а до *попятнаго* онъ былъ не охотникъ. Между тѣмъ, *вѣроломная* стихія не на шутку расходилась. Порывистый вѣтеръ выл, словно сотни тысячъ жалобныхъ голосовъ; кругомъ ни зги не видать, лишь мерцаютъ бѣлыя, длинныя пѣнящіяся ленты валовъ. — Я засмотрѣлся на бушующую стихію, и не обращалъ ни какого вниманія на то, что происходило на пароходѣ. Около полуночи, я собрался было на покой, какъ вдругъ замѣтилъ, что, не смотря на позднее время, почти весь экипажъ находился на палубѣ и ожидалъ, въ совершенномъ молчаніи, какихъ-то приказаній. Это меня заняло, тѣмъ болѣе, что я увидѣлъ подлѣ рулеваго, при слабомъ освѣщеніи фонаря, капитана и штурмана, которые внимательно разсматривали карту, дѣлали вычисленія и часто посматривали на компасъ. — Вдругъ капитанъ взялъ рупоръ, и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, по направленію къ машины, закричалъ громовымъ голосомъ: «*Stop* машина! Изъ бухты вонъ! Отдать якорь!» Не прошло минутѣ какъ пароходъ дрогнулъ отъ напряженія цѣпи забравшаго якоря, и медленно повернулся нѣсколько по направленію вѣтра; въ то же время за лѣвымъ бортомъ послышался трескъ, и нижняя часть одного колеса разлетѣлась въ дребезги. Капитанъ

нагнулся за бортъ, пристально посмотрѣлъ на мутныя пѣнящіяся волны, и, убѣдившись, что якорь забралъ, проговорилъ сквозь зубы: «А проклятый, какъ разъ тутъ!» Дѣло въ томъ, что, съ самаго выхода изъ порта, вѣтеръ, не смотря на усилія паровъ, уклонялъ насъ мало по малу къ берегу: капитанъ разсчиталъ, съ математическою точностью, что при этомъ уклоненіи намъ не миновать извѣстнаго ему какого-то камня или утеса, и громовымъ своимъ *stop* спасъ пароходъ отъ явной погибели.

Вѣтеръ и море, какъ бы негодуя сами на себя за упущенную добычу, вскорѣ стихли, и на слѣдующее утро, при хорошей, ясной погодѣ, исправивъ незначительное поврежденіе въ колесѣ, мы продолжали свой путь.

Не знаю отчего я вздумалъ полюбезничать съ нашимъ угрюмымъ капитаномъ, и, принявъ самое умильное выраженіе лица, подошелъ къ нему во время его прогулки по палубѣ. «Признаться сказать, ночью дѣло выходило серіозное, замѣтилъ я, пріятно улыбаясь, и, безъ вашего совершеннаго знанія мѣстности и вашего хладнокровія, пароходу не сдобровать бы. Впрочемъ и вы, кажется, капитанъ, не совсѣмъ были спокойны, потому что обмолвились и вмѣсто «*стой* машина» скомандовали «*stop* машина! — «Обмолвки тутъ нѣтъ ни какой, отвѣчалъ отрывисто капитанъ: такъ и слѣдуетъ говорить *stop*, а не по вашему *стой*! У всякаго сословія свой нравъ и обычай; вы, *земляки*, отвѣчаете, когда у васъ спрашиваютъ сдѣлано ли такое-то дѣло, *готово*, а мы отвѣчаемъ *есть:* это коротко и ясно! Ошибки тутъ не было, сударь, ни какой, *а всякій сверчокъ знай свой шестокъ*, вотъ это такъ славная поговорка! Охъ, ужъ эти

мнѣ *земляныя грушы*!!» проворчалъ капитанъ, поворачиваясь ко мнѣ спиною, и желая, вѣроятно, намекнуть, что я *земляное*, а не *морское* произрастеніе. Моя физіономія изъ сладкой и улыбающейся превратилась въ довольно кислую, но съ тѣхъ поръ я получилъ необыкновенное уваженіе къ слову *stop*, и вскорѣ открылъ въ немъ тьму не подозрѣваемыхъ мною достоинствъ. Я убѣдился, что выразительнымъ словомъ *stop* можно отклонять и укрощать дурныя наклонности, вредныя искушенія и даже бурныя страсти; въ слѣдствіе этого я принялъ слово *stop* за вѣрнаго спутника моей жизни, и совѣтую... многимъ прибѣгать къ его спасительному вліянію.

Вообразите себѣ, напримѣръ, молодаго человѣка, вынужденнаго, непогодою или другими какими обстоятельствами, искать убѣжища подъ кровомъ *всѣмъ пріютъ дающей* красной невской кареты. Молодой человѣкъ машетъ, экипажъ пріостанавливается; молодой человѣкъ, не касаясь подножки, ловко проникаетъ въ карету, дверцы съ шумомъ захлопываются, и онъ садится рядомъ съ хорошенькою, быстроглазою особой. Сосѣдка молодаго человѣка прилично и даже изящно одѣта: на ней маленькая шляпка съ полуопущеннымъ вуалемъ, модный бурнусъ; у нее пурпуровый ротикъ, бѣленькіе зубки, и пр. и пр. Съ каждымъ новымъ пассажиромъ, кучеръ кареты круто сдерживаетъ своихъ пегасовъ, отчего происходитъ невольное столкновеніе. При этомъ движеніи хорошенькая особа кокетливо улыбается, кусая себѣ губки, а воображеніе молодаго человѣка начинаетъ разыгрываться. Онъ внимательнѣе всматривается въ свою сосѣдку, заговариваетъ съ нею, и когда она, дернувъ за шнурокъ,

выходитъ у Литейной, то и онъ покидаетъ карету. Хорошенькая особа, оправивъ складки своего не много измятаго платья, направляетъ шаги къ Литейной, не позабывъ бросить испытующій взоръ на своего минутнаго спутника; молодой человѣкъ колеблется.... но стоитъ ему произнести магическое слово *stop*, и онъ очутится на Владимірской улицѣ, спиною къ Литейной, сознавая ясно, что увлеченіе тутъ не умѣстно, и что за хорошенькою женщиной, которая съ первой встрѣчи смотритъ на васъ умильно, слѣдить не подобаетъ.

Но энергическое слово *stop* полезно и не для однихъ молодыхъ людей. Случается, что человѣкъ зрѣлый, семейный, пожелаетъ взглянуть на пресловутыя вечернія увеселенія минеральныхъ водъ. Почему же нѣтъ? Отчего не полюбоваться великолѣпною, замысловатою иллюминаціею, пестрою толпою, и не усладить своего слуха прекраснымъ оркестромъ Гунгля? Но вотъ проходятъ часъ за часомъ, свѣтящіяся гирланды, транспаранты мало по малу потухаютъ, а на зеленыхъ столикахъ тамъ и сямъ появляются зажженыя свѣчи; толпа въ саду рѣдѣетъ, и все принимаетъ новый видъ. Степенный человѣкъ останавливается на ступеняхъ, ведущихъ въ залы, желая въ послѣдній разъ окинуть взоромъ полуопустѣвшую арену минувшаго праздника, и вотъ до него долетаютъ веселый говоръ, чоканье стакановъ, непритворный, юный, увлекательный смѣхъ. За однимъ столомъ онъ слышитъ *знакомые* мужскіе голоса и *незнакомые* женскіе; шампанское льется пѣнистою, желтою струею; кипятъ живыя, искрометныя рѣчи! Былое мгновенно возстаетъ въ памяти степеннаго человѣка: онъ припоминаетъ недавно ми-

нувшую пылкую молодость, дѣлаетъ шагъ, другой по направленію къ приманчивому столу, вдругъ произноситъ рѣшительный *stop*, и твердыми шагами оставляетъ садъ, сознавая, по милости магическаго слова, что семейный человѣкъ долженъ обдумывать каждый свой шагъ, и не подвергать себя опасности краснѣть при встрѣчѣ съ знакомыми незнакомками.

Но услуги, оказываемыя чуднымъ словомъ въ указанныхъ мною случаяхъ, ничто еще въ сравненіи съ его пользою въ истинно-нравственныхъ недугахъ. Сгруснется вамъ, сердце сжимается и чувствуетъ печальную истому, душа жаждетъ сочувствія, и вотъ, подъ личиною благородныхъ чувствъ самопознанія и любви къ ближнему, самолюбіе опутываетъ, какъ паутиною, сокровеннѣйшіе изгибы вашей души; демонъ самохвальства шепчетъ вамъ на ухо раскаленнымъ дыханіемъ: Не ты ли пламенно любишь родъ человѣческій? Не ты ли гнушаешься порока? Не дышитъ ли каждое твое слово благонамѣренностью? А ты одинокъ! Кругомъ тебя пустыня! Кто тебѣ сочувствуетъ? Кто тебя одобряетъ?» И тлетворное вліяніе самохвальства болѣе и болѣе отуманиваетъ ваши понятія; ядовитое начало проникаетъ глубже и глубже въ ваше мышленіе, но.... *stop*! довольно! восклицаетъ торжествующій вашъ разумъ. Прочь унынie! Прочь самохвальство! Опомнись самолюбивый! Такихъ людей какъ ты, тма тмущая на свѣтѣ; ты жаждешь похвалы, но стоишь ли ея? Смирись, и падни ницъ предъ Провидѣніемъ! Со слезами умиленія благодари всечасно за жребій, доставшійся тебѣ въ удѣлъ! Ты сѣтуешь на твое одиночество, ты говоришь, что кругомъ

тебя пустыня, а у тебя есть семья есть скромный пріютъ! Ты жалуешься на порывы твоего воображенія, но радуйся, что ты понимаешь щебетаніе птичекъ, говоръ ручья; радуйся, что умѣешь наслаждаться твореніями Зиждителя при видѣ моря, облаковъ, при созерцаніи восхода или заката солнца!!... И повѣетъ на васъ теплою отрадою, и освободится душа отъ гнуспыхъ узъ самолюбія, и легко и весело станетъ на сердцѣ!

Признаюсь откровенно, что и мнѣ, по поводу «Петербургскихъ посланій» самолюбіе не рѣдко, подъ благовиднымъ предлогомъ участія, шептало на ухо слово *stop*! «Писать подобныя письма, говорило оно, то же, въ умственномъ отношеніи, что размѣнивать золотую монету на мельчайшія мѣдныя деньги. Если неумущему достанется какая нибудь полушка, что пріобрѣтетъ онъ на нее? Съ трудомъ кусокъ черстваго хлѣба! А если собрать мѣсячную *ленту воедино*, такъ достанется бѣдному цѣлый калачъ, да пожалуй еще и на *пару* горячаго чая.

«Фельетонъ можно сравнить, продолжало шептать самолюбіе, съ лимономъ, или вѣрнѣе еще — съ яйцемъ, сваренымъ въ смятку; утромъ, за завтракомъ, пожалуй, найдется охотникъ, который осторожно выпуститъ изъ него желтокъ въ хрустальную рюмку, а скорлупу съ бѣлкомъ выбросить за окошко, и прохожій, не обращая на нее вниманія, втопчетъ ее въ грязь», и проч., и проч. Вотъ что не разъ шептало мнѣ самолюбіе, но я отвергнулъ коварныя и самолюбивыя наущенія по слѣдующимъ побудительнымъ причинамъ.

Въ обширномъ саду лѣтняго моего пребыванія, сирени давно уже отцвѣли, но за то всѣ клумбы наполнены ро-

сконнѣйшими, разноцвѣтными и разнородными даліями (георгинами). Къ величайшему моему удовольствію, всѣ двери и калитки нашего сада попрежнему отворены для проходящихъ посѣтителей. На дняхъ, совершая утреннюю мою прогулку, я напалъ на двухъ миловидныхъ гуляющихъ дамъ; онѣ не замѣчали меня, и одна изъ нихъ, подойдя къ удивительной, двуцвѣтной бархатнаго отлива даліи, собиралась, кажется, сорвать ее, но подруга остановила ее: «Что́ ты дѣлаешь, Вѣра? сказала она съ живостью вспомни *опустошительницу* сиреней!» * И обѣ хорошенькія дамы громко засмѣялись и прошли мимо цвѣтовъ. Я сконфузился, покраснѣлъ, и спрятался за кустъ, забывъ, что эти дамы меня и не знаютъ, и, конечно, не могутъ догадаться, что предъ ними находится *сатирическій пѣвецъ* дѣяній людей, имѣющихъ не совсѣмъ основательныя понятія о приличіяхъ и неприкосновенности правъ собственности. Однако же, не смотря на минутное мое замѣшательство, я несказанно обрадовался услышанному мною замѣчанію. Что, если, подумалъ я, изъ нѣсколькихъ тысячъ людей, читающихъ Сѣверную Пчелу, хотя сотая доля обратитъ вниманіе на мои письма, въ такомъ случаѣ есть надежда, что найдутся люди, которые, раздѣляя мои мнѣнія, проникнутся убѣжденіями: 1) что можно писать безъ грубой полемики, безъ сплетней и личностей, довольствуясь предѣлами, означенными благоразуміемъ. ** 2) Что мода, передаваясь почти без-

* См. письмо П. П. 155-й Сѣв. Пчелы.

** Смотри Введеніе V 122-й Сѣверной Пчелы и послѣдующіе №№ 127, 155, 160, 172, 182, 187, 193, 199. Означенные нумера соотвѣтствуютъ по порядку вышеприведеннымъ девяти параграфамъ.

сознательно отъ человѣка къ человѣку, принимаетъ часто не совсѣмъ благоразумное направленіе, и что слѣдовательно уклоняться отъ ея вліянія, бываетъ иногда полезно и въ нравственномъ, и въ физическомъ отношеніяхъ. 3) Что безпрекословная покорность постановленіямъ и уваженіе къ законамъ составляютъ несомнѣнный признакъ высокаго образованія. 4) Что повѣсти въ родѣ «Тити Софронова Казанка» не представляютъ утѣшительнаго явленія въ литературѣ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ филологическомъ отношеніяхъ. 5) Что не слѣдуетъ злоупотреблять дивной способности мышленія, столь щедро дарованной намъ Провидѣніемъ, и что нѣтъ необходимости стараться подводить подъ законы утлой нашей науки то, чему предназначено оставаться тайною для нашего разума. 6) Что ограниченность въ желаніяхъ, умѣніе довольствоваться своею судьбою, суть чувства, ведущія народы къ благоденствію, и что человѣкъ, который не безпрестанно роется въ грязи людскихъ недостатковъ, а смотритъ съ возвышенной точки на жизнь, открываетъ болѣе добраго, чѣмъ злаго. 7) Что журналистика не должна быть почитаема дѣломъ торговымъ, промышленнымъ, и что приступать къ изданію журнала можно только по призванію; что рецензентъ долженъ поступать добросовѣстно и не карать другихъ журналовъ собственно изъ однихъ видовъ корыстолюбія. 8) Что слѣдуетъ, подобно настоящей *пчелкѣ*, собирать медъ съ цвѣтовъ, не касаясь ядовитаго начала, и не должно отвергать безусловно произведеній, потому что въ нихъ и въ хорошемъ находятся кой-какіе недостатки. И наконецъ 9) что силою нравственной воли, дарованной намъ Всевышнимъ, мы мо-

жемъ избѣгать искушеній, отталкивать душевные недуги самохвальства и унынія, и довольствоваться вполнѣ исполненіемъ скромныхъ нашихъ обязанностей.

Если надежды мои осуществятся, то мнѣ не дозволено роптать на ничтожество и на скромность лѣтнихъ моихъ занятій, а, напротивъ, слѣдуетъ утѣшаться мыслію, что и я принесъ убогую лепту въ сокровищницу общественной пользы.

XII.

14-го Сентября.

Раскаяніе овладѣло мною! Бесѣдуя съ вами почти о всѣхъ нашихъ журналахъ (исключая, разумѣется, ученоспеціальныхъ, какъ, напримѣръ, Военно-Медицинскій Журналъ, въ которомъ появляются прекрасныя и въ высшей степени любопытныя статьи), я ни разу не упомянулъ объ одномъ весьма полезномъ изданіи, которое другіе журналы не превозносятъ *, о которомъ мало говорятъ,

* Въ Сѣверной Пчелѣ Ѳ. Б. не разъ указывалъ публикѣ на это полезное изданіе. *Ред.*

не выписывают подробно его оглавленія, а между тѣмъ этотъ полезный журналъ расходится довольно въ значительномъ числѣ экземпляровъ, и въ тиши, безъ шума, безъ громкихъ объявленій, достигаетъ мало по малу своей благородной цѣли. Этотъ журналъ, на который я отъ души желаю, чтобъ вы обратили вниманіе, носитъ скромное названіе! *Журналъ для дѣтей* **. Дѣйствительно, содержаніе его можно уподобить дѣтской невинной душѣ; этотъ журналъ вмѣщаетъ въ себѣ только чистые помыслы, безукоризненную нравственность и незыблемое религіозное чувство. И не одни дѣти найдутъ въ немъ полезное и поучительное: каждый благомыслящій человѣкъ прочтетъ его съ наслажденіемъ. Конечно, читатели, ищущіе *бурныхъ* впечатлѣній, люди, жаждущіе описаній пошлой, грязной дѣйствительности, не найдутъ въ немъ пищи для ихъ *любознательности*; но кто дорожитъ чистотою роднаго языка, любитъ изящное и не гнушается почерпать полезныя свѣдѣнія и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, сознавая, что *всепознаніе* не свойственно человѣку, тотъ смѣло можетъ прибѣгнуть къ журналу г. Чистякова, и я не сомнѣваюсь, что они отъ души поблагодарятъ почтеннаго издателя за его полезное предпріятіе. Въ подтвержденіе вышесказаннаго я приведу нѣсколько примѣровъ изъ *Журнала для дѣтей*, и вы убѣдитесь, что мысли и воззрѣнія, въ немъ встрѣчающіяся, годятся и не для одного дѣтскаго разума. Журналы наши жалуются, что нынѣ у насъ нѣтъ литературной критики, что нѣтъ основательной оцѣнки произведеній изящной словесности: не угодно ли заглянуть въ журналъ г. Чистякова за про-

** Журналъ для дѣтей издается М. Б. Чистяковымъ.

шедшій 1852 годъ? * Вы найдете тамъ: 1) разборъ стихотворенія Пушкина: *Два ключа*; 2) разборъ *Урожая*, Кольцова; 3) разборъ стихотворенія *Разбитый корабль*, Козлова; 4) idem *Отвѣтъ Анониму*, Пушкина и 5) idem народной пѣсни: *Ужъ какъ палъ туманъ на сине море*.

Въ стихотвореніи *Два ключа*, Пушкинъ упоминаетъ, какъ вамъ извѣстно, о *живой* и *мертвой* водѣ. Вотъ какъ авторъ разбора объясняетъ это баснословное преданіе: «Въ каждомъ народномъ повѣрьѣ и преданіи есть хотя тѣнь истины или иносказательное аллегорическое изображеніе мысли. Разсказъ о колодезяхъ живой и мертвой воды, можетъ быть, служитъ темнымъ указаніемъ на минеральные цѣлебные ключи нашего Кавказа. Сказка о змѣѣ-горынычѣ произошла отъ, того, что тамъ, въ самомъ дѣлѣ, множество змѣй такъ что истребить ихъ, конечно, нѣтъ возможности; сбей одну змѣиную голову, покажутся другія. Спрыснутый мертвою водою человѣкъ, живъ, но спитъ непробудно: это, можетъ быть, выражаетъ мысль, что усыпленіе есть *видъ* смерти, что сонный человѣкъ живетъ не полною жизнію. — Преданіе о живой водѣ было и у Индійцевъ: они говорили, что истоки рѣки Ганга не доступны потому, что охраняются тремя змѣями, и пр.» Далѣе авторъ, разбирая происхожденіе слова *вѣдьма*, говоритъ, что оно происходитъ отъ слова *вѣдать*, знать, слѣдовательно значитъ — знахарка, колдунья, волшебница. «Такимъ образомъ въ просто-

* Я говорю предпочтительно о *Журналѣ для дѣтей* за 1852 годъ, потому что нумера за этотъ годъ переплетены у меня въ одну книгу.

душномъ понятіи русскаго крестьянина, продолжаетъ авторъ, мысль о *знаніи* сливается въ одно съ мыслію о чемъ-то сверхъ-естественномъ, чудномъ, таинственномъ, очаровательномъ. Удивительный намекъ на то, что знаніе есть открытіе вѣчнотворящихъ, непостижимо могучихъ силъ природы, тайныхъ свойствъ минераловъ, растеній; животныхъ, и проч.»

Разбирая значеніе нѣкоторыхъ эпитетовъ въ стихотвореніи Пушкина, авторъ обращаетъ вниманіе читателя на слѣдующіе стихи:

«Течетъ волной *живою*,
По камнямъ весело журча.»

«Точно, говоритъ онъ, живой ручей оживляетъ мертвую тишину своимъ неумолкаемымъ говоромъ; оживляетъ однообразіе, мертвенность пустыни, чуждой всякаго движенія, своими игривыми струями, которыя вѣчно куда-то бѣгутъ, торопятся, догоняя и перегоняя другъ друга. Онъ же несетъ жизнь цвѣтамъ и деревьямъ,» и проч.

Рецензентъ не упускаетъ случая указать и на недостатки стиховъ, въ случаѣ надобности.

«Чета духовъ съ начала *міра*,
Безмолвная на лонѣ *мира*,
Дремучій берегъ стережетъ.»

Авторъ разбора замѣчаетъ, что *міра* и *мира* — плохія риемы. Это не подобозвучіе, говоритъ онъ, а однозвучіе; за то его поражаетъ, по справедливости, эпитетъ *дремучій берегъ*. «Слово *дремучій* обыкновенно употребляютъ только для означенія глухаго, темнаго лѣса, но Пушкинъ сдѣлалъ изъ него новое, счастливое употребленіе въ своемъ гармоническомъ стихѣ, и выразилъ

вдругъ, и пустырь, и глушь, и безмолвіе береговъ мертваго ручья.»

Во второй изъ вышепоименованныхъ статей, авторъ разбираетъ прекрасное стихотвореніе Кольцова *Урожай*! Вотъ истинная народная поэзія! Тутъ каждое слово мысль, каждый стихъ живая картина. Языкъ, которымъ выражается поэтъ въ этомъ стихотвореніи, конечно, не ученый, не книжный, такъ сказать; тутъ не найдете, однако же, выраженій въ родѣ слѣдующихъ *мужикъ отъ мужикъ-отъ какой ражій*; тутъ *скулу на скулуне помножаютъ, зубы въ дроби не приводятъ* *, а между тѣмъ читатель сознаетъ, что стихи Кольцова писаны простонароднымъ языкомъ, но языкомъ поэтическимъ, возвышеннымъ! Да, возвышеннымъ, потому что высокія чувства и въ уста народа влагаютъ возвышенныя рѣчи. Подражать и въ низшей словесности подобной рѣчи можно и даже должно, потому что это значитъ усвоивать себѣ духъ народнаго слова, но выставлять на показъ глупыя, безграмотныя рѣчи, не слѣдуетъ.

Привожу подлинныя слова автора разбора стихотворенія Кольцова:

«Весною прошелъ дождь; мужики обрадовались, поѣхали сѣять, посѣяли, *помѣшали* землю и *заскородили*. Уродился славный хлѣбъ, созрѣлъ. Они сняли его свозили и склали въ скирды. Вотъ и все, о чемъ тутъ говорится. Вещи самыя простыя, занятія обыкновенныя, работа черная, и народъ черный!.... Зачѣмъ бы кажется и писать объ этомъ? Но, однако жъ, чувствуешь, что

* См. №. 10-й Москвитянина.

описаніе, сдѣланное Кольцовымъ, имѣетъ въ себѣ много привлекательнаго: оно оставляетъ въ душѣ такое же впечатлѣніе, какъ будто сейчасъ былъ въ деревнѣ, въ полѣ, на свѣжемъ воздухѣ, на солнцѣ, на крестьянскихъ работахъ, среди плодородныхъ полей, среди богатыхъ жатвъ, и видѣлъ въ добрыхъ и умныхъ лицахъ поселянъ, сквозь грубыя черты, сквозь загаръ, пробивающееся выраженіе довольства и сознаніе благороднаго труда. Отъ чего жъ бы это? Не отъ того ли, что стихотвореніе это написано просто? Или, можетъ быть, тутъ незамѣтно чувствуешь всю важность, все высокое значеніе скромныхъ и тяжелыхъ крестьянскихъ работъ, плодомъ которыхъ бываетъ даръ Божій — хлѣбъ, главное богатство народа, источникъ всякаго другаго богатства? Или отъ того, что земледѣліе есть самое чистое, самое невинное занятіе; что земледѣлецъ никогда не разлучается съ природой *работаетъ съ ней за одно*, что его грѣетъ солнце, освѣжаетъ дождь и прохлада утренняя, и прохлада вечерняя, что онъ безпрерывно видитъ зелень, цвѣты, небо, каждую минуту чувствуетъ красоту, стройный ходъ созданія и *незамѣтно*, въ простотѣ душевной, проникается благоговѣніемъ къ Творческой Силѣ, объемлющей и хранящей все Своею безконечною любовью.» и пр.

Какія прекрасныя мысли! какое безподобное воззрѣніе на предметы, описанные поэтомъ. Продолжая обзоръ стихотвореній Кольцова, авторъ обращаетъ вниманіе читателя на слѣдующіе стихи:

За одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

«Весной, говоритъ рецензентъ, все въ природѣ начинаетъ работать, все спѣшитъ, торопится какъ можно скорѣе и во-время сдѣлать свое дѣло. И у крестьянъ первыя заботы о своевременномъ трудѣ. Весна говоритъ имъ что́ надо дѣлать; *закипѣвшая дѣятельность* (дѣятельность природы) вызываетъ и ихъ на поле.

«Но плодотворный воздухъ, плодотворный дождь, плодотворное солнце, сохраненіе сѣмянъ, развитіе и возрастаніе ихъ, все это *дѣло Божіе, тайна Божія.*—И вотъ крестьяне, приготовивъ все къ посѣву, съ благоговѣніемъ остановились предъ этой непостижимой тайной, и эту-то:

«Третью думушку
Какъ задумали
Богу — Господу
Помолилися.

«И Богъ благословилъ ихъ трудъ! Поэтъ, которому нѣтъ ничего чужаго ни въ природѣ, ни въ людяхъ, Христіанинъ и мыслитель, приходитъ и радуется. — И какъ не радоваться? Посмотрите, какая чудная картина:

«Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли;
Словно Божій день,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается,
Золотой волной
Разбѣгается.

«Природа и человѣкъ сдѣлали свое дѣло и небо озолотило его.

«Но вотъ работы кончены; все пожато, свезено, сложено. Для немыслящаго, неразумнаго существа этого бы и довольно: только ѣшь, пей, вотъ, и все тутъ; для природы неодушевленной — зрѣлостью плода, образованіемъ сѣмени, вполнѣ достигнута цѣль.

«Но человѣкъ, послѣ матеріяльнаго труда, возвращается къ душевному чувству. — Онъ съ благоговѣніемъ началъ, онъ съ благоговѣніемъ и завершаетъ свой трудъ. Когда уже укатилось лѣтнее солнце и земля захолодѣла, въ немъ осталась и навсегда сохранится сердечная теплота—скромный символъ, который:

....«Жарко свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.»

Какъ въ этомъ разборѣ все просто высказано, но какъ ясно и вѣрно возрѣніе рецензента, какъ сочувствуетъ онъ мыслямъ поэта, и какъ хорошо умѣетъ понимать ихъ. Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно, чтобъ доказать, что въ *Журналѣ для дѣтей* мысли не совершенно дѣтскія, и что критическіе обзоры, въ немъ помѣщаемые, если не отличаются ѣдкимъ, саркатическимъ тономъ, то, по крайней мѣрѣ, согрѣты истиннымъ чувствомъ и совершеннымъ сочувствіемъ къ обозрѣваемому предмету. — Въ текущемъ году въ № 28-мъ помѣщена статья подъ названіемъ: «Картины изъ древней Индійской поэзіи.»

«Всѣ народы, говоритъ авторъ въ началѣ этой статьи,

болѣе или менѣе любятъ поэзію. Она содѣйствуетъ счастію людей, потому что *смягчаетъ ихъ нравы*; она составляетъ украшеніе ихъ жизни, потому что знакомитъ съ *духовными нравственными* наслажденіями, а кто находитъ удовольствіе въ размышленіи, въ чтеніи умныхъ и изящныхъ сочиненій, тотъ и въ помыслахъ, и *въ разговорахъ*, и въ поступкахъ будетъ *благороденъ* и нравственно чистъ. Его чувству противно всякое дѣло, которое клонится ко вреду другаго, всякое слово, которое своею *жесткостію, грубостію* можетъ оскорбить другаго.»

Не худо было бы и нашимъ современнымъ писателямъ повѣстей прочесть и даже затвердить эти строки, авось они тогда убѣдились бы, что назначеніе не одной поэзіи, но и вообще изящной словесности *смягчать нравы* и быть украшеніемъ нашей жизни, возвышая душу до области духовныхъ и нравственныхъ наслажденій. Но, увы, нынѣ писатели по большой части предпочитаютъ потворствовать вкусу необразованныхъ читателей; имъ нужно одобреніе большинства, и они льстятъ толпѣ. Странная вещь! Какъ отзоветесь вы о человѣкѣ, который станетъ предъ вами превозносить какого нибудь богатаго, но невѣжественнаго мецената, называя тупоуміе его — прозорливостію, неряшество и неопрятность — оригинальностію, достойною подражанія, вспыльчивую его свирѣпость — твердостію характера? Конечно, вы назовете подобнаго человѣка, по малой мѣрѣ, льстецомъ, а между тѣмъ, есть люди, которые, безъ зазрѣнія совѣсти, дѣлаютъ то же самое. Они превозносятъ чернь, и превозносятъ въ ней именно то, что достойно порицанія. Необразованность ея они называютъ первобытною невин-

ностью и чистотою нравовъ, неопрятность — похвальнымъ презрѣніемъ къ изнѣженности и удобствамъ жизни, грубость выраженій — живымъ языкомъ народа, и всячески стараются подражать ему. — Заблужденіе это дошло до того, что недавно одинъ писатель, разсказывая, какъ *плотный парень считалъ поросенковъ* (!) т. е. окунывался безъ отдыха — множество разъ, пришелъ въ такой восторгъ, что воскликнулъ съ увлеченіемъ: «О русская удаль!! русская мощь!! промолвилъ я (т. е. авторъ) съ *благоговѣніемъ*, 250 разъ, навѣрное 300 нырнуть безъ отдыха! И это не почемъ, такъ, шутя»....* Какъ вы полагаете, стоитъ ли *благоговѣть* предъ подобнымъ предпріятіемъ? Кстати скажу, что разсказъ, изъ котораго я выписалъ вышеприведенное странное восклицаніе, самъ по себѣ хорошъ и трогателенъ; но, къ сожалѣнію, онъ испорченъ притязаніемъ передать въ точности простонародный языкъ, и передать не такъ какъ передаетъ намъ его Кольцовъ, т. е. во всей его наивной поэзіи и живописности, нѣтъ, во всей его грубости и неправильности.

Въ разсказѣ, о которомъ идетъ рѣчь, безпрестанно встрѣчаются слова въ родѣ слѣдующихъ: *надать. напратно легше, што, некруты, бяды* (вмѣсто бѣды) и такъ далѣе. Я удивляюсь, какъ это еще набираютъ въ типографіи подобныя слова, какъ понимаютъ смыслъ фразы, какъ догадываются, что *напратно* значитъ напрасно, и къ чему служатъ послѣ этого грамотные корректоры: каково-то имъ просматривать подобныя корректуры?—

* См. № 14-й Москвитянина, стр. 58, разсказъ Рыбакъ.

Хвалите, гг. писатели, хвалите отъ души и перенимайте, сколько угодно, хорошія качества и добродѣтели нашего народа; превозносите пламенную его любовь къ отечеству, безпредѣльную къ Православію; восхваляйте его смиреніе, умѣренность желаній, умѣнье довольствоваться малымъ; но, ради Бога, не потворствуйте его необразованности, грубости и порокамъ.

Виноватъ! увлекся. Простите великодушно! Въ заключеніе скажу вамъ, что въ *Журналѣ для дѣтей*, когда рѣчь идетъ о нашихъ православныхъ мужичкахъ, то превосходныя ихъ качества описываются яркими красками, разговоры ихъ передаются живымъ, естественнымъ языкомъ, но о варварскомъ нарѣчіи и о косноязычіи и помина нѣтъ. — Сверхъ вышеупомянутыхъ разборовъ, въ прошломъ 1852 году, въ *Журналѣ для дѣтей* были помѣщены многія весьма замѣчательныя статьи, по части астрономическихъ, физическихъ и естественныхъ наукъ: описанія луны, солнца, созвѣздій, туманныхъ пятенъ, и проч.; теоріи различныхъ термометровъ; о пчелахъ и пчеловодствѣ; о воздушныхъ шарахъ, и проч. По части, исторической и географической: *Древняя Шотландія Путешествіе по Сахарѣ изъ Уадая въ Марзанъ Александръ Македонскій и Дарій*; *Прутскій походъ Петра Великаго*; *Калифорнія*, и проч., и проч. По части повѣствовательной: прекрасный разсказъ подъ названіемъ: *Какъ поймать солнечный лучъ*, *Святославъ князь Липецкій*, и проч., и проч., всего не перечтешь! Словомъ, въ 52-хъ нумерахъ, составляющихъ годовое изданіе, заключается *800 страницъ*, и на каждой страницѣ вы непремѣнно найдете что нибудь или поучи-

тельное, или занимательное: каждый нумеръ украшенъ прекрасными картинками, и, не смотря на изящность изданія, не смотря на разнообразіе предметовъ (что́ необходимо увеличиваетъ расходы подобнаго предпріятія), издатель, желая сдѣлать *Журналъ для дѣтей* доступнымъ наибольшему числу семействъ, назначилъ ему умѣренную плату — 5 р. сер. Весьма сожалѣю, что я лично не знакомъ съ г. Чистяковымъ. Хотѣлось бы пожать ему съ чувствомъ руку, и поблагодарить отъ души,

Ростиславъ.

СОВРЕМЕНЫЯ СТАТЬИ.

ДВУКРАТНОЕ ПРОКЛЯТІЕ

НАПОЛЕОНА ПЕРВАГО.

(РАЗСКАЗЪ ИНВАЛИДА.)

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ Парижскомъ Домѣ Инвалидовъ, громадномъ пріютѣ храбрыхъ, гдѣ еще недавно елва могли вмѣститься достославные остатки великой арміи, наполнявшей міръ своими кровавыми подвигами, живутъ нынѣ лишь немногіе представители того воинственнаго первообраза, который былъ и славою, и причиною паденія генія, почитавшаго себя непобѣдимымъ въ главѣ столькихъ героевъ.

Между сими остатками мужественныхъ дружинъ, обращаетъ на себя вниманіе почтенный, слишкомъ осьми-

десятилѣтній старикъ, который сохранилъ еще гордую и величественную осанку, обличающую заслуженнаго воина. Его-то, говорятъ, и обнялъ Наполеонъ въ Фонтенебло, прощаясь съ знаменитыми воркотунами старой гвардіи.

Когда вѣсть о нынѣшнемъ союзѣ между Франціей и Англіей достигла Инвалиднаго Дома, почтенный ветеранъ вздрогнулъ, встрепенулся, и, опоясавшись своею благородною шпагою, пошелъ твердымъ шагомъ въ Тюльерскій Дворецъ. Двери стариннаго жилища королей Франціи распахнулись безпрепятственно для представителя національной славы, и онъ предсталъ предъ того, кто, во имя достославнаго воспоминанія, дерзнулъ потребовать у Франціи короны.

I.

«Государь!» сказалъ ветеранъ торжественнымъ голосомъ: «мы не занимаемся въ Инвалидномъ Домѣ политикою, но заботливо слѣдимъ за судьбами племянника нашего великаго Императора. Правда ли, что вопреки самымъ священнымъ преданіямъ, вы подаете руку вѣроломнымъ, и ищите союза съ вѣковыми врагами Франціи? Вспомните, государь, что страшное проклятіе вашего дяди тяготѣетъ надъ тѣмъ изъ его потомковъ, который побратается съ его подлыми палачами. Въ жизни моей я слышалъ два раза, какъ великій Императоръ проклиналъ Англію, и каждое его слово запечатлѣлось въ моей памяти.

II.

«Въ первый разъ, это было въ Сентябрѣ 1807 года. Императоръ подписалъ славный Тильзитскій миръ; вся Франція была упоена радостію, и ошеломленная Европа воспользовалась кратковременнымъ спокойствіемъ, чтобъ перевести духъ. Наполеонъ удалился въ Фонтенебло, и я былъ тамъ въ качествѣ ординарца. Однажды, вечеромъ, собрались въ большой пріемной, предъ кабинетомъ Императора, архиканцлеръ Камбасересъ, Ланнъ, храбрый изъ храбрыхъ, Дюрокъ, вѣрный изъ вѣрныхъ, и много другихъ, которые тогда были *всѣ вѣрны*, потому что звѣзда Императора достигла высшей точки своего свѣтозарнаго теченія. Въ этомъ славномъ и блистательномъ собраніи, одинъ я былъ человѣкъ ничтожный, и сознавая свое ничтожество, помѣстился въ концѣ комнаты, у наружной двери, гдѣ стоялъ неподвижно, устремивъ глаза на дверь императорскаго кабинета. Разговоръ шелъ *быстрымъ шагомъ* между этими людьми, бравшими приступомъ цѣлыя царства; пламенная рѣчь ихъ дышала благородною гордостью: вдругъ дверь кабинета отворилась съ шумомъ, и Наполеонъ вошелъ въ пріемную. И какъ вошелъ! Взглянувъ на его блѣдное лице. на его стиснутыя губы, видя его неровную поступь, мы всѣ вздрогнули съ головы до ногъ. За нимъ шелъ Бертіе. Императоръ прорѣзалъ толпу съ быстротою пушечнаго ядра, пронесся до противоположнаго конца комнаты, и тамъ, остановясь со скрещенными руками, въ томъ историческомъ положеніи,

которое всѣмъ намъ было такъ знакомо, обратился къ изумленнымъ.

«О, изверги! О, под...! воскликнулъ онъ въ бѣшенствѣ. Бомбардировать городъ въ мирное время, и три дня сряду!... Истребить болѣе двухъ тысячъ человѣкъ! Громить картечью безоружныхъ обывателей, женщинъ, дѣтей, стариковъ! И безчеловѣчные виновники этого подвига не могли даже оправдать себя собственною опасностью, потому что были покрыты, и не лишились ни одного человѣка. * О! тысячу кратъ проклятое племя разбойниковъ!»

«Слова Императора были темны, загадочны, но всякъ понималъ, что рѣчь шла о какомъ нибудь новомъ вѣроломствѣ Англіи.

«Что́ скажете, господа, продолжалъ Наполеонъ, вырвавъ изъ рукъ Бертіе депеши, что скажете о какомъ-то господинѣ Джаксонѣ, который оттѣснилъ Принца-Регента Даніи до Гольстиніи для того, чтобы сдѣлать ему любезное предложеніе о сдачѣ Англійской арміи крѣпости Кронборга, которая командуетъ Зундомъ, порта Копенгагенскаго; и наконецъ самаго флота, обѣщавъ сохранить все въ цѣлости и возвратить по миновании опасности! Этотъ господинъ Джаксонъ увѣрялъ очень любезно, что Данія не потеряетъ ничего, сдѣлавъ *такую ничтожную уступку*, что Англичане будутъ поступать съ нею какъ друзья и союзники, и что Британскія войска *заплатятъ* за все, ими взятое.

* L'Histoire du Consulat et de l'Empire, par Thiers, t. VIII. p. 156.

«А чѣмъ, отвѣчалъ съ негодованіемъ Принцъ-Регентъ; *заплатите вы* за наше безчестіе, если мы согласимся на ваше постыдное предложеніе?» * Этотъ благородный отвѣтъ подвергъ Копенгагенъ одной изъ тѣхъ жестокихъ мѣръ, на которыя, кажется, одна Англія имѣетъ печальное преимущество. Оправдать безчеловѣчный поступокъ покъ Англичанъ можно только однимъ: алчностью, желаніемъ разграбить флотъ, и въ особенности арсеналъ который считался весьма богатымъ. И такъ, 1-го Сентября, генералъ Каткаръ, имѣя на батареѣ 68 орудій, въ томъ числѣ 48 мортиръ и гаубицъ, предложилъ Копенгагену сдать портъ, арсеналъ и флотъ, а 2-го числа вечеромъ, получивъ отрицательный отвѣтъ, *достойный* генералъ осыпалъ несчастную столицу Даніи ядрами, бомбами и конгревовыми ракетами. 5-го Сентября, разрушеніе достигло крайней степени; половина города горѣла, прекраснѣйшія церкви превращены въ развалины; огонь коснулся арсенала. Защитникъ Копенгагена генералъ Пейманнъ, тяжело раненый, не могъ далѣе вынести ужаснаго зрѣлища, устрашился угрозъ Англичанина до тла истребить столицу, и сдалъ Копенгагенъ свирѣпымъ завоевателямъ.»

«Что думаете вы, господа, о націи, которая поступаетъ такимъ образомъ?» спросилъ Императоръ, устремивъ огненный взглядъ на изумленное собраніе. Ему отвѣчалъ одинъ ропотъ ужаса. «Но, подождите, это еще не все,» продолжалъ Наполеонъ съ большимъ негодованіемъ. «Англичане вступили въ Копенгатенъ, и матросы ихъ ринулись на арсеналъ. Ни какое зрѣлище со времени

* Thiers, page 151, tome, VIII.

вступленія. Англичанъ въ Тулонъ (не забывайте и этого обстоятельства!) не можетъ сравниться съ тѣмъ, что произошло здѣсь. Въ виду пораженныхъ отчаяніемъ жителей, которые видѣли свои домы разграбленными, и посреди себя тысячи жертвъ, лишенныхъ жизни или умирающихъ, которые, кромѣ своихъ частныхъ бѣдствій, чувствовали тяжесть злосчастій общественныхъ, потому что потеря датскаго флота казалась каждому гибелью его собственнаго достоянія, въ виду безутѣшныхъ жителей, матросы, сшедшіе въ большомъ числѣ на берегъ, бросились на арсеналъ съ неслыханнымъ звѣрствомъ. Англійскій обычай отдавать морякамъ большую часть военныхъ призовъ, обычай достойный націи подлыхъ торгашей, усиливалъ ихъ ненависть ко всѣмъ европейскимъ флотамъ, и, подъ вліяніемъ личнаго корыстолюбія, офицеры и матросы съ необыкновеннымъ усердіемъ и дѣятельностью выводили въ море всѣ суда, какія только могли держаться на водѣ. Всего было заграблено *шестнадцать линѣйныхъ кораблей и больше двадцати фрегатовъ и бриговъ*, съ такелажемъ, хранившимся въ хорошихъ магазинахъ. Разрушительное усердіе разбойниковъ не удовольствовалось этою добычею. Два корабля еще не были достроены: они ихъ истребили!! — Лѣсъ, снаряды, находившіеся въ арсеналѣ, все было перенесено на англійскую эскадру. Англичане захватили даже инструменты мастеровыхъ, а чего не могли взять, то уничтожили. «Вотъ, господа,» прибавилъ Императоръ въ порывѣ величайшаго раздраженія: «вотъ честный поступокъ постыднаго правительства съ государствомъ, съ которымъ оно не было въ войнѣ, единственно изъ видовъ грабежа, и въ предположеніи, что

датскій флотъ можетъ когда нибудь послужить мнѣ на пользу *. Да будетъ проклятіе всѣхъ образованныхъ народовъ надъ правительствомъ безсовѣстнымъ и вѣроломнымъ!»

III.

«Второе проклятіе, которое касается именно васъ, государь, племянника Императора, было произнесено при обстоятельствахъ еще болѣе печальныхъ и злополучныхъ. По неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, опальный Императоръ бѣжалъ, сначала въ Рошфоръ, потомъ на островъ Эксъ. Звѣзда его подернулась облаками; блестящій штабъ исчезъ, и 14-го Іюля 1815 года мы, самое малое число вѣрныхъ, собрались вокругъ человѣка, который еще недавно заставлялъ трепетать міръ движеніемъ бровей. Надлежало провезти Императора въ Соединенные Штаты, но всѣ фарватеры были блокированы Англійскими кораблями. Сдѣлано было предложеніе отправить Императора на фрегатѣ съ парламентернымъ флагомъ: Англичане отвѣчали, что онъ будетъ атакованъ. Упомянули о переѣздѣ его на нейтральномъ кораблѣ: они отвѣчали, что всякое нейтральное судно подвергнется строгому досмотру, и статься можетъ, будетъ отведено въ Англійскіе порты, но совѣтовали Императору отправиться въ Англію, *увѣряя*,

* Thiers.

что тамъ онъ будетъ въ безопасности *. Для собранія, по этому предмету, подробнѣйшихъ, свѣдѣній генералъ Лаллеманъ поѣхалъ на англійскій фрегатъ «Беллерофонъ.» капитанъ Мейтландъ принялъ его съ льстивою предупредительностью, восторженно говорилъ съ нимъ объ Императорѣ, сочувствовалъ его великому бѣдствію, и, на вопросъ генерала, можетъ ли человѣкъ, угрожаемый политическими смутами своего отечества, опасаться быть выданнымъ Франціи, если добровольно поручитъ себя покровительству Англіи, капитанъ отвѣчалъ съ негодованіемъ, и отвергнулъ подобное предложеніе какъ обиду. По возвращеніи генерала Лаллемена съ «Беллерофона», Императоръ собралъ насъ на совѣтъ. Разсуждали о всякихъ случайностяхъ. Цѣпь англійскихъ крейсеровъ была признана непроходимою, и оставалось или воротиться на твердую землю, и предпринять междоусобную войну, или довѣриться капитану Мейтланду. Принята была послѣдняя мѣра: непостижимое ослѣпленіе! Со вступленіемъ на «Беллерофонъ», говорили совѣтчики, Императоръ будетъ уже на англійской почвѣ; съ этой минуты, Англичане будутъ связаны долгомъ гостепріимства, священнымъ даже у дикихъ народовъ, и проч. Тогда Императоръ написалъ Принцу-Регенту Англіи:

«Ваше Королевское Высочество! Гонимый партіями, раздирающими мое государство, и враждою сильнѣйшихъ державъ Европы, я почитаю свое политическое поприще конченнымъ. Подобно Ѳемистоклу, водворяюсь у очага британскаго народа, отдаю себя подъ покровительство его

* Mémorial de Ste-Hélène par le Comte de Las-Cases.

законовъ, котораго и прошу у Вашего Королевскаго Высочества, какъ у самаго могущественнаго, самаго *постояннаго*, самаго *великодушнаго* изъ моихъ враговъ.»

«Императоръ, въ эту минуту, забылъ проклятіе свое на вѣроломное правительство, подъ защиту котораго хотѣлъ отдать себя такъ неблагоразумно, и вы знаете, государь, чѣмъ поплатился онъ за такое забвеніе! Надлежало быть ослѣпленну несчастіемъ, чтобъ отдать себя въ руки враговъ, недобросовѣстность которыхъ была извѣстна; но жребій былъ брошенъ, злой рокъ обрекалъ Императора на мученія. Прошли одиннадцать дней въ томительномъ ожиданіи. Наконецъ, 26-го Іюля, «Беллерофонъ» бросилъ якорь въ Плимутѣ, и Императоръ былъ объявленъ плѣнникомъ Англіи, присужденъ къ заточенію на островѣ Св. Елены!! Англичане пересмотрѣли его бумаги, его вещи, конфисковали четыре тысячи наполеондоровъ, и объявили генералу Бонапарте (!), что если онъ покусится бѣжать, то будетъ посаженъ въ тюрьму (въ тюрьму!!), а въ послѣдствіи парламентскій билль возвѣстилъ, что если кто изъ приближенныхъ къ Бонапарту будетъ содѣйствовать побѣгу, тотъ подвергнется *смертной казни*.

«Императоръ, прежде нежели перешелъ на корабль «Нортумберландъ» долженствовавшій отвезти его на островъ Св. Елены, написалъ *протестъ*, который одинъ достаточенъ для покрытія Англіи вѣчнымъ стыдомъ. «Протестую торжественно,» говорилъ онъ: «предъ лицемъ Бога и предъ людьми, противъ сдѣланнаго мнѣ насилія, противъ нарушенія моихъ священнѣйшихъ правъ, попранныхъ насильственнымъ лишеніемъ меня свободы. Я добровольно явился на «Беллерофонъ»; я не плѣнникъ, я

гость Англіи. Я явился по *внушенію* самого капитана, который сказалъ, что имѣетъ *повелѣніе правительства* принять и отвезти меня съ моею свитою въ Англію, если то будетъ мнѣ угодно. Я явился довѣрчиво, желая отдать себя подъ защиту законовъ Англіи. Ступивъ на «Беллерофонъ», я уже былъ среди британскаго народа. Если правительство, давая приказаніе капитану «Беллерофона» принять меня и моихъ спутниковъ, хотѣло только заманить меня въ засаду, то *оно поступило противъ чести и посрамило свой флагъ*. — По приведеніи въ дѣйство такого поступка, Англичане напрасно стали бы говорить о своей честности, о своихъ законахъ и о своей свободѣ: *Британское правдушіе погибнетъ въ гостепріимствѣ «Беллерофона»*. Взываю къ исторіи: она скажетъ, могъ ли непріятель, двадцать лѣтъ воевавшій съ англійскимъ народомъ и, въ несчастіи, добровольно искавшій убѣжища подъ сѣнію англійскихъ законовъ, могъ ли онъ представить разительнѣйшее доказательство своего уваженія и довѣренности? Но какъ отвѣчали въ Англіи на подобное великодушіе? Притворно протянули гостепріимную руку этому непріятелю, а когда онъ предалъ себя довѣрчиво, *его принесли въ жертву*».

«Слова эти были подписаны вашимъ дядею, государь, и каждую букву этого протеста должно было бы начертать неизгладимо въ вашей памяти; но вамъ, по видимому, неизвѣстны предсмертныя слова, исторгнутыя у великаго Императора тѣми нравственными муками, которыя отравили даже его послѣднія минуты, и которыми месть Англіи упоила его по каплѣ чрезъ посредство олицетворенной низости, называвшейся Гудсономъ Лоу. «Въ эту минуту,»

сказалъ Императоръ умирающимъ голосомъ: «я могъ бы простить врагу самому ожесточенному, самому неумолимому, если бъ этотъ врагъ побѣдилъ меня честно; но воспоминаніе о самомъ низкомъ вѣроломствѣ должно сойти со мною въ могилу. Король Римскій не будетъ царствовать, такъ говоритъ мнѣ грустное предчувствіе; но Франція долго будетъ помнить о славѣ, которою была мнѣ обязана, и если когда либо одинъ изъ моихъ потомковъ достигнетъ верховной власти, завѣщаю ему, вмѣстѣ съ скипетромъ, которымъ онъ будетъ обязанъ блеску моего имени, *завѣщаю ему мою ненависть къ Англіи*, а если онъ забудетъ мое справедливое негодованіе!!! (при этомъ словѣ *безсмертный* умирающій приподнялся на своемъ смертномъ одрѣ, и прибавилъ, протянувъ съ напряженіемъ послѣднихъ силъ руку) о! если онъ забудетъ, то да постигнетъ его на престолѣ замогильное *мое проклятіе!*» *

«Съ тѣхъ поръ, нашъ великій Императоръ хранилъ молчаніе, но теперь онъ говоритъ вамъ моимъ голосомъ. Прежде нежели явился я у подножія вашего престола, я ходилъ въ склепъ, ввѣренный моему храненію, я желалъ вопросить великіе останки, которые хотя и обратились въ прахъ, были однако столь сильны, что вручили вамъ скипетръ. Вы знаете, государь, доступно ли суевѣріе старымъ воинамъ; но, спустившись въ склепъ, я, казалось, видѣлъ тѣнь славнаго Императора, возстающую до самаго свода. «Потомокъ Принцевъ Орлеанскихъ пере-

* См. въ современныхъ запискахъ различныя сказанія о духовномъ завѣщаніи Наполеона.

несъ мой прахъ со скалы изгнанія,» произнесла грозная тѣнь: «властелинъ сѣверной страны, мною опустошенной, воздвигъ мнѣ порфировую гробницу, а *онъ* чѣмъ почтилъ мою память? Тщеславясь моимъ именемъ, онъ употребилъ въ свою пользу память, сохраненную обо мнѣ Франціею, и, воспользовавшись властью, которою обязанъ моему имени, братается съ моими палачами!!» Слова его еще отдаются въ моихъ ушахъ, сердце мое полно ими! И я пришелъ къ вамъ, государь! Еще есть время: откажитесь отъ преступнаго союза! Восемь милліоновъ голосовъ избрали васъ президентомъ, столько же голосовъ провозгласили васъ императоромъ; но если вы забываете завѣщаніе того, кто далъ вамъ престолъ, если вы отрекаетесь отъ его ненависти, кто же вы? По какому праву требуете вы повиновенія у Франціи? Если вы недостойный потомокъ дяди, оставьте престолъ, онъ не для васъ! Вы дружитесь съ Англіею, но она измѣнитъ вамъ, какъ всегда и всѣмъ измѣняла, и тогда вы довершите гибель Франціи! Можете ли вы довѣряться націи, которая разставила коварныя сѣти вашему дядѣ для того, чтобы привольнѣе терзать его? Можете ли вы полагаться на правительство, которое, послѣ безсовѣстнаго бомбардированія Копенгагена, позволяетъ говорить одному изъ своихъ лордовъ, своихъ министровъ, въ засѣданіи Парламента, что онъ, лордъ, съ негодованіемъ слышитъ о торжествѣ народа по случаю побѣды, одержанной во время войны, въ битвѣ, данной для воспрепятствованія доставки оружія враждебному народу!—Не явное ли это лицемѣріе! а кто лицемѣритъ, тотъ низокъ, а кто низокъ, тотъ коваренъ. Англичане, посреди мира бомбардировавшіе Копенгагенъ,

слабѣе ли были Датчанъ? Не смотря на то, лордъ приходитъ въ негодованіе, что Русскіе воспользовались своимъ численнымъ превосходствомъ, и разгромили непріятеля, который однако оборонялся, тогда какъ въ Копенгагенѣ *Англичане были прикрыты такимъ образомъ, что не потеряли ни одного человѣка*, говоритъ исторія!

«Англія разставляетъ сѣти Франціи, это очевидно. Племя торгашей хочетъ пріурочитъ Францію къ своимъ барышамъ. Но что общаго между продавцами хлопчатой бумаги, торгашами человѣческой крови (въ Индіи Англичане торгуютъ людьми, кто опровергнетъ это?), что общаго между гнусными ростовщиками и благородною Франціею? Пусть они облекаются въ чалму, пусть заковываютъ Христіанъ въ цѣпи, покрываютъ себя позоромъ и безчестіемъ отъ страха лишиться малой толики золота и подвергнуться невыгодному тарифу; но, заклинаю васъ именемъ Бога и прахомъ вашего дяди, отвергните ихъ чудовищный союзъ!» *Ростиславъ.*

ПЕРВЫЙ ВЫСТРѢЛЪ СОЮЗНИКОВЪ МАГОМЕТАНЪ

ВЪ ХРИСТІАНСКІЙ ГОРОДЪ ОДЕССУ *.

I.

Въ Страстную Пятницу, около четырехъ часовъ пополудни, православные толпами выходили изъ церквей, отслушавъ вечерню. Сердце каждаго Христіанина исполнено было умиленія, и содрогалось еще отъ божественныхъ словъ благовѣстителя о страстяхъ Господнихъ. Приложившись къ пречистой плащаницѣ. и облобызавъ нетлѣнныя раны добровольно пострадавшаго за насъ Искупителя, каждый проникнутъ былъ до глубины души таинствомъ искупленія, и вознесся мыслею въ горнія, *идѣ же несть болѣсть, ни воздыханія*. Православные, выходя изъ церкви, повторяли поученіе, почерпаемоемое каждымъ Христіаниномъ у Гроба Господня. «Коль Сынъ Божій пострадалъ за насъ, грѣшныхъ, намъ ли жалѣть живота для защиты Православія?»

Вдругъ разнесся слухъ, что въ виду города показались Англо-Французы. Народъ, услышавъ это извѣстіе,

* Этотъ разсказъ почерпнутъ изъ частныхъ писемъ, полученныхъ изъ Одессы.

не упалъ духомъ, не пришелъ въ унынiе, но, осѣнивъ себя крестнымъ знаменiемъ, устремился густыми толпами на берегъ моря, посмотрѣть на невиданное зрѣлище, убѣдиться собственными глазами, что Англо-Французы не однимъ словомъ, *а дѣломъ* дерзаютъ грозить Христолюбивому воинству и народу.

Высоко еще стояло солнце на небѣ, озаряя золотистыми лучами зеркальную поверхность совершенно спокойныхъ водъ необъятнаго моря. Безоблачный, лазурный небосклонъ, склонясь къ морю, замыкалъ горизонтъ, на которомъ рѣзко обрисовывались черные очерки громадныхъ непрiятельскихъ кораблей. Двадцать восемь судовъ различныхъ размѣровъ выстроились на стражѣ полукругомъ, угрожая пока изъ дали заступникамъ Животворящаго Креста. Тишина прекраснаго весенняго вечера нарушалась лишь говоромъ собравшейся толпы на берегу моря. **

II.

«Вишь во́роны,» замѣтилъ дюжiй мужичекъ, расправляя окладистую русую бороду: «вишь плавать научились Эва-та крылья распустили, да клюва завострили. А что́, служба, продолжалъ мужичекъ, обращаясь къ проходяще-

* Слѣдующiе разговоры приведены нами съ намѣренiемъ показать необычайное спокойствiе и присутствiе народнаго духа во время подобныхъ тяжелыхъ и важныхъ обстоятельствъ.

му солдату: чай нехристи припасли не малую толику *крупнаго гороху* православнымъ на угощенье?»

— Не замай, отвѣчалъ солдатъ, пусть ихъ куражатся: ино намъ гороху поднесутъ а мы уважимъ ихъ да киселя наварим.

«А для чего жъ они такъ далеко остановились? Почитай версты съ три отъ пристани будетъ,» сказалъ парень изъ толпы: «аль кого еще поджидаютъ что́ ли?».

— Вишь, говорятъ, отписали начальству нашему грамоту: выдавай-молъкорабли, а не то такъ и такъ живьемъ возьмемъ, камень на камнѣ не оставимъ, церкви Божіи разоримъ... А вотъ начальство и отвѣту не дало, а только плюнуло ворогу въ бороду: «полѣзай молъ самъ въ печь, да хлѣбъ доставай, коли есть хочешь.» Вотъ они я-чай и выжидаютъ, пока печь истопится, да *ухваты* снаряжаютъ, а мы кочергой помѣшиваемъ, да дровецъ подкидываемъ.

Въ это время нѣкоторыя суда соединеннаго флота пришли въ движеніе, медленно выступая впередъ съ очевиднымъ намѣреніемъ приблизиться къ пристани. Народъ, замѣтивъ это, умолкъ на минуту, съ любопытствомъ слѣдя за движеніемъ непріятельскихъ пароходовъ; при воцарившемся молчаніи до толпы долетали звуки веселой военной музыки, расположенной на палубѣ линѣйныхъ кораблей, замыкавшихъ непріятельскую операціонную линію.

«Тьфу ты», замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ: «и въ Страстную Пятницу пѣсни играютъ, да еще ду-

шегубство замышляютъ. Съ нами крестная сила! Прости, Господи!»

И весь народъ снялъ шапки, и набожно перекрестился.

Между тѣмъ девять пароходовъ медленно выступали, стройно равняясь въ одну линію, и наконецъ, повернувшись бортомъ къ угрожаемому городу, бросили якоря, и выстроились внѣ пушечнаго выстрѣла.

«Что жъ это они? аль палить сбираются?» заговорулъ статный парень, засучивъ рукава и по-молодецки подбоченясь.

«Эхъ ты, пустая голова,» прервалъ его служивый: «далече больно! зубъ нехватитъ; вишь ты, солнышко садится, на ночлегъ собрались, якоря спустили.»

Дѣйствительно, небесное свѣтило быстро склонялось къ горизонту; черные очерки кораблей, казалось, принимали еще болѣе громадные размѣры, и весь западъ покрылся пурпуровымъ отливомъ, какъ бы краснѣя за недостойные поступки западныхъ державъ. Вскорѣ наступили сумерки, на корабляхъ показались сторожевые огни, а народъ все толпился на берегу моря.

«Полно вамъ тутъ глазѣть, ребята,» сказалъ наконецъ одинъ изъ присутствующихъ: «пошли по домамъ а то ужо ударитъ колоколъ къ заутрени, а вы и глазъ не продерете.

«Вѣстимо правда, что дѣло такъ дѣло!» И толпы стали расходиться, оставивъ наблюденіе надъ дѣйствіемъ враговъ неусыпному русскому воинству, денно и нощно защищающему предѣлы благословеннаго Отечества.

III.

Въ три часа пополуночи (съ Пятницы на Субботту) зазвучалъ соборный колоколъ; священному призыву отозвались во всѣхъ церквахъ, и вскорѣ, *храмы наполнились народомъ, который, какъ въ обыкновенное время, съ умиленіемъ возносилъ молитвы ко Всевышнему* *.

Началось поучительное, трогательное богослуженіе, въ которомъ каждое слово гласитъ о небесной любви къ роду человѣческому божественнаго нашего Искупителя Іисуса Христа.

Стеченіе православныхъ такъ увеличилось, что паперти и окрестности церквей покрылись молящимися. Блистательное освѣщеніе внутренности храмовъ, зажженныя свѣчи молящихся, извнѣ ярко озаряли Христіанскій городъ, составляя рѣзкую противоположность съ мракомъ, въ которомъ утопали грозящіе союзники невѣрныхъ.

Долго православные возносили теплыя мольбы къ Престолу Всевышняго, забывая земныя угрозы, и вникая въ силу небесныхъ обѣтованій. При возгласѣ: «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ,» съ *востока* показалось дневное свѣтило, и, разсѣявъ мракъ, покрывающій поборниковъ исламизма, вновь изобличило преступные ихъ замыслы.

* См. Донесеніе генералъ-адъютанта барона Остенъ Сакена въ № 87-мъ Сѣв. Пчелы.

Пока храмы оглашались божественнымъ пѣніемъ «Слава въ вышнихъ Богу,» непріятельскіе корабли быстро приближались къ городу, какъ бы движимые чудовищною, адскою злобою, и желая покорать спокойно молящихся Христіанъ.

Наконецъ началось шествіе погребенія Пречистаго Тѣла Господня; изъ отверзтыхъ дверей храмовъ показались хоругви, образа, церковнослужители, поющіе «Святый Боже, святый крѣпкій,» и пречистая плащеница. При появленіи шествія, народъ, находившійся внѣ церкви, съ умиленіемъ преклонилъ колѣни, и въ эту самую минуту воздухъ поколебался отъ сильнаго взрыва, содрогнулись далекія окрестности—злодѣяніе совершилось, и непріятель пустилъ первое ядро въ Христіанскій городъ; но злобное ихъ намѣреніи не увѣнчалось успѣхомъ: православные невредимо продолжали шествіе, и только къ пѣнію клироса присоединились голоса народа, спокойно и съ упованіемъ на благость Всевышняго воспѣвавшіе «Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ!»

IV.

По окончаніи утрени, почти все народонаселеніе собралось на берегу моря. Никто не помышлялъ объ опасности, и каждому хотѣлось полюбоваться храбростью, хладнокровіемъ, стойкостью славнаго нашего воинства. Озлобленные враги подходили ближе и ближе къ нашимъ

батареямъ, предполагая устрашить многочисленностью своихъ орудій, но наши упорно отвѣчали имъ, и храбрый Прапорщикъ Щеголевъ доказалъ имъ, что и четыре орудія не легко заставить умолкнуть даже громомъ трехъ сотъ пятидесяти пушекъ. *

Не намъ описывать доблести Русскаго оружія: онѣ запишутся на скрижаляхъ отечественной исторіи; но напомнимъ здѣсь, что бой продолжался около двѣнадцати часовъ, и что непріятельскія суда, не смотря на ихъ многочисленность и прочное вооруженіе, отошли въ первый день изъ-подъ выстрѣловъ нашихъ батарей, не успѣвъ въ своемъ предпріятіи.

Неоднократно командующій войсками посылалъ сказать жителямъ, и въ особенности женщинамъ, толпившимся на бульварѣ и на пристани, что они безполезно подвергаются опасности, но они отвѣчали, что «жизнь ихъ и смерть въ волѣ Божіей, а что русское сердце просится оставаться тамъ, гдѣ подвизаются защитники родины.»

Очевидцы разсказываютъ, что во время бомбардированія, два юные воспитанники Лицея, желая быть полезными, добровольно передавали приказанія командующаго на 6-ю батарею, находившуюся подъ начальствомъ прапорщика Щеголева, на которую преимущественно устремлялись выстрѣлы непріятеля.

Богъ охранилъ юныхъ ревнителей-новобранцевъ: они вышли невредимо изъ перваго подвига, совершеннаго ими на защиту Отечества.

* См. Донесеніе генералъ-адъютанта барона Остенъ Сакена.

Командующій одесскими войсками оканчиваетъ донесеніе свое слѣдующими словами: «Завтра непріятель вѣроятно употребитъ всѣ свои силы, но я добросовѣстно приму неравный бой въ день Воскресенія Христа Спасителя.»

Не разсѣялся еще дымъ, столбомъ стоявшій надъ городомъ отъ недавняго бомбардированія, не успокоились еще окрестности отъ страшныхъ потрясеній непріятельскихъ орудій, какъ соборный колоколъ вновь зазвучалъ, призывая къ молитвѣ, и вскорѣ храмы огласились общимъ торжественнымъ пѣніемъ: «Христосъ воскресе!» Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!

Ростиславъ.

РАЗСКАЗЪ * ПОВОЙНАГО БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА **

О БОМБАРДИРОВАНІИ ОДЕССЫ.

«Я не успѣлъ еще оправиться отъ трудной переправы чрезъ страшный Ахеронъ, какъ услышалъ уже въ толпѣ, собравшейся привѣтствовать меня съ благополучнымъ при-

* Разсказъ этотъ составленъ изъ отзывовъ иностранныхъ газетъ и донесеній французскихъ и англійскихъ адмираловъ.

** Баронъ Мюнхгаузенъ, служившій въ войнѣ Россіи съ Турціею въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, поселился затѣмъ въ Германіи, гдѣ и прославился своими вымышленными разсказами и анекдотами, давшими поводъ къ составленію всѣмъ извѣстной книги: «Не любо не слушай, а лгать не мѣшай». *Ред. Съв. Пч.*

бытіемъ въ царство Плутона, что на Земномъ Шарѣ съ тѣхъ поръ, какъ я его покинулъ, произошли самые странные и неожиданные политическіе перевороты.

«Не удивляйтесь, говорили, привѣтливые мои новые сограждане, что мы спѣшимъ увѣдомить васъ о переворотахъ, происшедшихъ на Земномъ Шарѣ во время вашего странствованія. Мы знаемъ по опыту, какъ сильно интересуетъ всѣхъ смертныхъ мірская суета. Вы, можетъ быть, полагаете, что земныя обстоятельства извѣстны вамъ лучше нашего? Разувѣрьтесь! Прошли многіе и многіе годы съ тѣхъ поръ, какъ преданы землѣ бренные ваши останки, и во время долгаго вашего странствованія, вы не могли имѣть ни какихъ извѣстій о земныхъ происшествіяхъ; намъ же здѣсь все извѣстно!»

По свойственной мнѣ осторожности, узнавъ изъ собственнаго опыта, какъ сильно увлекаешься желаніемъ прикрасить свою рѣчь; я слушалъ моихъ товарищей съ нѣкоторымъ недовѣріемъ; но мнѣ поразсказали такія вещи и съ такими доводами, что я принужденъ былъ убѣдиться, что, со времени моей переправы чрезъ Ахеронъ, дѣйствительно на Земномъ Шарѣ произошли неожиданные-чудные перевороты. Послѣ множества росказней, одинъ изъ призраковъ, котораго я тотчасъ призналъ, по произношенію, за истаго Парижанина, обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: «Вотъ вы, напримѣръ, полагаете, что мы все еще въ враждѣ съ Англичанами. Отвѣчай, my dear, продолжалъ онъ, ласково и дружески опираясь на руку стоящаго подлѣ него призрака: вѣдь мы теперь вѣрные союзники? закадычные друзья?

— O yes! отвѣчалъ призракъ, пріятно улыбаясь.

Въ изумленіи я быстро отступилъ, и едва не свалился обратно въ Ахеронъ.

«Васъ это удивляетъ, продолжалъ Французъ, протягивая мнѣ руку, и удерживая меня отъ паденія, но выслушайте, какъ было дѣло, и согласитесь, что другаго результата и ожидать было невозможно. Вамъ, конечно, извѣстно, какое дѣятельное участіе нація наша всегда принимала въ крестовыхъ походахъ.

«И такъ весьма естественно, что одинъ изъ нашихъ, движимый похвальнымъ усердіемъ, выхлопоталъ себѣ ключъ отъ іерусалимскаго храма и еще кой-какія права и привилегіи для своихъ единовѣрцевъ *.

«Въ дѣлахъ политическихъ стоитъ только показать примѣръ. Нѣмцы, увидѣвъ, что домогательство нашего соотечественника увѣнчалось успѣхомъ, разсудили довольно благоразумно: зачѣмъ же и намъ не отвѣдать счастія? Вотъ они и отправили въ Константинополь рѣшительнаго человѣка, который развелъ пары на своемъ пароходѣ предъ самымъ дворцемъ Султана, да и сказалъ: Отвѣчайте, да или нѣтъ: или я сейчасъ же получу тѣ же права, которыя дарованы Французамъ, или войска наши немедленно займутъ Турецкія провинціи, смежныя съ нашими предѣлами **! Согласитесь, что это было уже нѣсколько обидно для нашего правительства. Однакожъ нечего было дѣлать: Султанъ согласился. Но вотъ бѣда! грозный сѣверный сосѣдъ, узнавъ объ этихъ продѣлкахъ, пришелъ въ негодованіе; онъ напомнилъ о прежнихъ трактатахъ, и

* Г. Лавалеттъ, французскій посланникъ въ 1852 г.
** Цѣль миссіи графа Лейнингена.

потребовалъ для своихъ единовѣрцевъ тѣхъ же правъ. Согласитесь, продолжалъ Французъ съ жаромъ, что подобное требованіе уже совершенно нарушаетъ международное право: у Россіи болѣе одиннадцати милліоновъ единовѣрцевъ въ Турціи, а у насъ какихъ нибудь полтора или два милліона, это большая разница!»

— Но мнѣ кажется, отвѣчалъ я нѣсколько запинаясь, что именно по этой-то причинѣ Россія и имѣетъ болѣе правъ чѣмъ кто либо, заботиться о безопасности своихъ многочисленныхъ единовѣрцевъ.

«Это вамъ только такъ кажется, возразилъ призракъ. Дѣло въ томъ, что изъ этого непонятнаго притязанія, возникъ самый сложный вопросъ, извѣстный подъ названіемъ восточнаго вопроса. Четыре державы предложили свое содѣйствіе, предваривъ Турцію, чтобъ она не вмѣшивалась въ дѣло, и положилась совершенно на нихъ. Турція согласилась. Начались переговоры, долго судили, рядили и наконецъ подписали въ Вѣнѣ ноту или конвенцію, которую Россія приняла безъ малѣйшаго измѣненія. Дѣло казалось конченнымъ; но не тутъ-то было. Турція наотрѣзъ отказалась подписать конвенцію, признанную и одобренную заступающимися за нее державами. Вотъ тутъ подивитесь необычайнымъ успѣхамъ человѣческихъ мышленій! По прежнимъ законамъ логики, слѣдовало бы державамъ, предложившимъ свое посредничество, вооружиться противъ Турціи, или, по крайней мѣрѣ, пугнуть ее порядкомъ за то, что она отвергаетъ предложенную ей конвенцію, согласившись предварительно принять ихъ содѣйствіе. Но, по выводамъ усовершенствованной логики, державы, напротивъ, одобрили упорство Турціи, и двѣ

изъ нихъ тотчасъ же вооружались на Россію, принявшую ихъ предложеніе!»

Я хотѣлъ возражать: «Милостивый государь, г. призракъ,» началъ было я, нахмуривъ брови,... но призракъ прервалъ мою рѣчь.

«Дослушайте и потомъ судите. Виданное ли дѣло, сказала Франція (все таки подъ вліяніемъ усовершенствованной логики), чтобы сильная держава могла заступаться за одиннадцать милліоновъ единовѣрцевъ, находящихся подъ притѣснительнымъ владычествомъ слабѣйшей державы! Невозможно допустить вмѣшательства Россіи: такимъ образомъ, чего добраго, вся Европа можетъ со временомъ сдѣлаться православною. Не бывать тому! закричали Французы. Goddam! не бывать тому, отвѣчали Англичане. Страшно! Вотъ Франція и Англія сблизились, подружились и вошли въ тѣсный союзъ съ Турціею. Составимъ, говорятъ, новый неслыханный *крестовый походъ* въ защиту исламизма, и сотремъ православныхъ съ лица земли. Ново, неожиданно, славно!» заключилъ призракъ, нѣжно пожимая руку вновь пріобрѣтенному имъ союзнику.

— М. г., г. призракъ, сказалъ я наконецъ съ негодованіемъ! вы издѣваетесь надо мною. Правда, что въ бытность мою на землѣ, я написалъ книгу подъ заглавіемъ *Не любо не слушай, а лгать не мѣшай*, но это не подаетъ вамъ ни малѣйшаго права, въ нынѣшнемъ моемъ положеніи, насмѣхаться надъ прежними моими проступками, и выдумывать совершенно невѣроятныя небылицы.

«Какія тутъ небылицы? возразилъ обиженный призракъ: я говорю вамъ сущую правду; впрочемъ, продол-

жалъ онъ съ пріятною улыбкою, понятно, что вы сохранили еще нѣкоторые предразсудки, но мнѣ легко будетъ убѣдить васъ въ справедливости моихъ словъ. Пойдемте со мною; у насъ здѣсь есть удивительная обсерваторія, съ которой видно какъ на ладони все, что́ дѣлается на Земномъ Шарѣ.»

Мною еще болѣе овладѣло недовѣріе, однако же я почти машинально послѣдовалъ за своимъ проводникомъ. Вскорѣ очутились мы предъ большимъ отверзтіемъ, въ которое вставлено была гигантская зрительная труба особаго какого-то устройства.

«Посмотрите, сказалъ мнѣ проводникъ, усаживая меня передъ трубою: я васъ мигомъ научу, какъ пользоваться этимъ дивнымъ инструментомъ.»

Приставивъ глазъ къ трубѣ, я вскрикнулъ отъ удивленія. Никогда, въ теченіе жизни моей, мнѣ и въ голову не приходили подобныя чудеса. Я увидѣлъ море волнующагося расплавленнаго золота, громадныя скалы разноцвѣтныхъ алмазовъ, озеро наполненное чистымъ серебромъ, и пр. и пр.

«Вы увлекаетесь зрѣлищемъ солнца, звѣздъ и луны, сказалъ мнѣ мой проводникъ, слѣдившій за моими движеніями. Всмотритесь хорошенько въ самыя отдаленныя туманныя пятна: между ими вы отыщете и Земной Шаръ.»

Не хотѣлось мнѣ отводить глазъ отъ великолѣпнаго, свѣтозарнаго зрѣлища, впервые представшаго моимъ взорамъ; но я какъ-то невольно взглянулъ по указанному направленію, и тотчасъ же увидѣлъ небольшое пятнышко, окруженное густымъ туманомъ, и странно: съ той же минуты всѣ мои помыслы устремились единственно къ

этой точкѣ, которая стала мало по малу расти, увеличиваться, и наконецъ приняла столь знакомые и увы! столь еще милые моему сердцу очерки земнаго нашего обиталища!

«Намъ пока еще недоступно созерцаніе высшихъ чудесъ мірозданія: земные помыслы тяготѣютъ еще надъ нами и приковываютъ наше вниманіе исключительно къ колыбели человѣческихъ страстей.» Слова эти произнесены были моимъ проводникомъ съ нѣсколько восторженною и измѣнившеюся интонаціею, но, послѣ минутнаго молчанія, онъ заговорилъ съ прежнею безпечностью сильно ударяя на нѣкоторыя гласныя буквы, и какъ бы кичась своимъ парижскимъ произношеніемъ:

«Вотъ вамъ и доказательство справедливости моихъ словъ. Посмотрите на эту зеркальную поверхность, окаймленную съ сѣвера и съ запада гористыми берегами. Это древній Понтъ Эвксинскій, по-нынѣшнему Черное море, а бѣлый красивый городокъ, который виднѣется на сѣверномъ его берегу, это такъ называемая житница Европы, русскій городъ Одесса. Замѣтьте, что къ нему подходитъ англійскій фрегатъ подъ парламентернымъ флагомъ. Флагъ этотъ ясно доказываетъ, что Англія въ войнѣ съ Россіею, а присутствіе англійскаго военнаго корабля въ Черномъ морѣ служитъ доказательствомъ, что если Англія не совсѣмъ еще завладѣла непроходимымъ Геллеспонтомъ, или Дарданельскимъ проливомъ, то по крайней мѣрѣ, пользуется уже сильнымъ вліяніемъ въ Константинополѣ. Attention! Фрегатъ спустилъ шестерку (шлюпку), также подъ парламентернымъ флагомъ: ее подпускаютъ къ пристани, принимаютъ отъ нея депешу и да-

ютъ отвѣтъ. Все это въ порядкѣ. — По военно-морскимъ законамъ, фрегатъ долженъ ожидать возвращенія посланнаго, не трогаясь съ мѣста. Но вотъ онъ пошелъ впередъ, приближается къ пристани: чтóбы это значило?»

— Мнѣ кажется замѣтилъ я, слѣдя съ лихорадочнымъ вниманіемъ за происходившимъ, что новые ваши пріятели просто дѣлаютъ промѣръ, и желаютъ поближе разсмотрѣть оборонительные способы гавани.

«Ого! да вотъ и выстрѣлъ!» вскрикнулъ проводникъ мой, стиснувъ зубы.

— Это только предостереженіе, чтобъ фрегатъ не продолжалъ противузаконныхъ своихъ занятій.

«Ого! да вотъ и другой!»

На томъ же основаніи, отвѣчалъ я хладнокровно.

«Уфъ! вотъ и третій. Божé мой! варвары! безбожники! злодѣи попали, попали! Каково вамъ это покажется? стрѣлять въ корабль подъ парламентернымъ флагомъ! Да это неслыханное, варварское дѣло!» возопилъ мой проводникъ въ припадкѣ негодованія. *

—Помилуйте, не сами ли вы говорили, что, по военно-морскимъ законамъ, фрегату слѣдовало, не трогаясь съ мѣста, ожидать возвращенія посланнаго, а онъ сталъ приближаться къ пристани, не смотря на предостереженіе двумя холостыми зарядами.

«Все равно! кричалъ французскій призракъ: все равно! Русскіе кругомъ виноваты; вотъ увидите, какое получитъ возмездіе этотъ недостойный, беззащитный городишка.»

* См. Донесеніе адмираловъ.

Не успѣли мы, чтб называется мигнуть глазомъ, какъ въ небольшомъ разстояніи отъ Одессы показалась эскадра англійскихъ и французскихъ судовъ различнаго размѣра.

«О трогательный союзъ просвѣщенныхъ державъ противъ варварскаго народа! воскликнулъ мой проводникъ: привѣтствую васъ, о славные флаги дружескихъ народовъ, привѣтствую васъ, о громоносныя суда, и васъ, храбрые воины, подвизающіеся за святое дѣло! *. Просвѣщеніе погибало, но вы, свѣтильники міра земнаго, Франція, Англія.....»

— И Турція, подсказалъ я невольно.

«И Турція, повторилъ машинально мой восторженный проводникъ. Вы спасли его отъ погибели, и, водрузивъ знамя, прославившееся еще въ крестовыхъ походахъ, вы содѣлались поборниками...»

— Исламизма, добавилъ я лукаво.

Проводникъ мой сталъ въ тупикъ.

«Помилуйте, м. г., сказалъ онъ запальчиво: что вы меня путаете! Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что дѣло наше правое, и мы докажемъ это нашимъ врагамъ.»

Не успѣлъ еще проводникъ мой кончить своей фразы, какъ разразился громъ орудій, и на *беззащитный* городъ, какъ самъ Французъ называлъ Одессу, посыпались градомъ ядра, бомбы и гранаты. Въ это мгновеніе въ выраженіи лица проводника моего совершилась быст-

* См. Пастырское письмо парижскаго архіепископа.

рая перемѣна: онъ видимо смутился, и, обратившись ко мнѣ, сказалъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ:

«Не воображайте, пожалуйте, чтобы французская эскадра могла имѣть гнусное намѣреніе разгромить беззащитный городъ. — Слѣдуетъ наказать его за нарушеніе между-народнаго права, но частныя жилища, частная собственность не потерпятъ, повѣрьте мнѣ, отъ огня союзныхъ кораблей.»

— мнѣ кажется, замѣтилъ я, что *беззащитный* городъ не такъ-то худо защищается. Посмотрите на эту четырехъ-пушечную батарею: на ней, повидимому, только 24-фунтовыя орудія, однако жъ отъ нее порядкомъ достается союзнымъ пароходамъ.

«Какая это батарея? возразилъ съ жаромъ вновь раздосадованный мой собесѣдникъ: это цѣлая *цитадель*; наши разгромятъ ее и сроютъ до тла. — О какихъ двадцати-четырехъ-фунтовыхъ орудіяхъ вы говорите? Цитадель вооружена сороко-осьми-фунтовыми пушками!! (донесеніе адмирала Гамелена.) Эти варвары приковываютъ артиллеристовъ своихъ къ пушкамъ, а то они давно бы уже всѣ разбѣжались отъ адскаго огня побѣдоносныхъ нашихъ орудій.»

— Вы правду говорите, замѣтилъ я: Русскіе, дѣйствительно, прикованы къ пушкамъ, только не цѣпями, а долгомъ и честью.

«Вотъ еще выдумали! сердито возразилъ вспыльчивый мой собесѣдникъ. Посмотрите, какъ наши исполняютъ свой долгъ, и подивитесь, до чего доводитъ человѣка истинное просвѣщеніе, раціональное изученіе военнаго

дѣла и мѣткость стрѣльбы. * Я убѣжденъ, что нашимъ артиллеристамъ приказано будетъ стрѣлять только по *укрѣпленіямъ*, по *арсеналу*; по *безчисленнымъ батареямъ*....»

— Да гдѣ же вы все это видите? спросилъ я съ недоумѣніемъ—вѣдь Одесса, говорили вы городъ беззащитный.

«Ахъ, Боже мой! Неужели вы не замѣчаете, что способы защиты ежеминутно увеличиваются, и вырастаютъ какъ бы изъ земли!»

— Право не вижу!

«Нужды нѣтъ! я вижу — повѣрьте же мнѣ. Дѣло въ томъ, что если наши будутъ стрѣлять по городу, въ домы коренныхъ русскихъ жителей, а до жилищъ иностранцевъ и не дотронутся.»

— По какъ же они могутъ знать, который домъ принадлежитъ иностранцу, и который Русскому?

«А вотъ увидите! Науки, искусство, просвѣщеніе великое дѣло!»

Не знаю, отуманилъ ли меня проводникъ, но тутъ я увидѣлъ диво дивное, чудо неслыханное. Девять большихъ пароходовъ, тщетно истощивъ свои усилія противъ *цитадели* (т. е. противъ Щеголевской батареи), въ припадкѣ безсильной злости направили выстрѣлы свои противъ города, хотя Французъ и говорилъ още недавно: «C'est sur la partie militaire de la ville (?), sur ses établissements de guerre que nos marins ont concentré leur feu; et l'Europe remarquera avec quels scrupules,

* См. Indépendance Belge, 7-го Мая, Correspondance № 2-й.

d'humamité, avec quelle précision de mouvement ils ont maintenu la lutte en dehors de la vilre marchande et epargné toute atteinte aux batiments de commerce ainsi qu'à la proprieté des neutres.» * Какъ бы то ни было, но въ городъ стали стрѣлять и стрѣлять не нашутку; вотъ при этомъ-то случаѣ я убѣдился, что искусство союзниковъ Магомета доведено до высочайшаго совершенства. Вообразите себѣ мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что летитъ, напримѣръ, бомба; подлетая къ дому, она всматривается въ надпись и, убѣдившись, что домъ принадлежитъ иностранцу, а не Русскому, вдругъ отскакиваетъ назадъ, и перемѣняетъ направленіе. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ, но принужденъ былъ наконецъ убѣдиться и повѣрить собесѣднику, моему, Французу, который не переставалъ восхвалять чудеса военнаго искусства своей благороднѣйшей націи.

Однако же справедливость требуетъ упомянуть, что промежду англійскихъ и французскихъ бомбъ точно такъ же, какъ и промежду людей, есть ученыя и недоученыя. Иныя не узнавали иностранной и нейтральной собственности, и громили ее безъ пощады; другія (и значительное число) лѣнились, и не разрывались вовремя, или даже вовсе не лопались. Одна изъ нихъ, по свойственной Французамъ запосчивости, залетѣла далеко отъ берега,

* Наши моряки сосредоточивали свой огонь на военной части города (?), на ея военныхъ укрѣпленіяхъ, и Европа увидитъ съ какимъ человѣколюбіемъ и съ какою точностью въ дѣйствіи они поддерживали битву внѣ коммерческаго города, и отстранили всякое покушеніе на купеческія суда и на нейтральную собственность (Монитеръ, 6-го Мая).

въ дѣвичій институтъ; другая попала въ подвалъ архіепископскаго дома, третья рухнулась на площадь базара въ самомъ центрѣ города. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Французъ хмурилъ брови, и бормоталъ сквозь зубы «*Fi la mal-apprise* (неученая!). Дѣло въ томъ, что всѣ эти *недоученыя* бомбы, не смотря на страшное ожесточеніе *грознаго, побѣдоноснаго* союзнаго воинства, не произвели большаго вреда. Будучи безпристрастнымъ свидѣтелемъ, я могу вполнѣ засвидѣтельствовать, что ни *одного дома не разрушено до основанія,* (какъ это показалось Французу, пришедшему въ то время въ совершенное бѣшенство), что *цитадель*, о которой онъ упоминалъ, никогда и не существовала. Скажу наконецъ, что вообще разсказы собесѣдника моего, коего земное имя я узналъ въ послѣдствіи (онъ величалъ себя *François Moniteur dit l'Universel* *), не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія. Въ доказательство приведу небольшую размолвку, случившуюся между нами во время бомбардированія. Союзники, желая дѣйствовать съ большимъ удобствомъ конгревовыми ракетами (съ очевиднымъ намѣреніемъ сжечь городъ), отправили нѣсколько лодокъ съ значительнымъ числомъ людей для высадки ихъ на мѣстѣ, называемомъ Пересыпью.

Voyez cette poignée de braves! (т. е. полюбуйтесь на эту горсть храбрецовъ), воскликнулъ мой собесѣдникъ,

«Ну! эту горсточку и въ подолъ не уберешь, отвѣчалъ я улыбаясь. Посмотримъ, какъ-то еще ее встрѣтятъ.»

* Т. е. Франсуа ле Монитеръ, по прозвищу Всеобщій.

— У васъ двоится въ глазахъ, возразилъ съ сердцемъ Французъ: вы плохо видите; храбрецы наши въ маломъ числѣ, но ничто не устоитъ противъ ихъ натиска; никто не посмѣетъ даже воспротивиться ихъ высадкѣ!

Однако же храбрецовъ встрѣтили дружнымъ картечнымъ огнемъ; произошла ужасная суматоха, и лодки пустились поспѣшно въ обратный путь.

— Видите, видите, кричалъ Французъ: а наши все впередъ лѣзутъ!

«Да нѣтъ! назадъ утекаютъ.»

— Не бывать этому никогда, м. г., возопилъ раздраженный мой собесѣдникъ: Французы не обратятся вспять! Французы не откажутся ни за что отъ своего препріятія. Смотрите, они выходятъ на берегъ! Гонятъ, рубятъ, истребляютъ несмѣтныя непріятельскія полчища! Vivat! Они захватываютъ сотни орудій и тащатъ ихъ по морю, аки по суху, на побѣдоносные корабли славныхъ союзниковъ. — Vivat!

Французъ мой видимо обезумѣлъ, и возражать ему я почелъ излишнимъ. *Ростиславъ.*

ДВѢ ЭПОХИ.

БУЛОНСКІЙ ЛАГЕРЬ ВЪ 1804 г. И ВЪ 1854 ГОДУ.

(Бесѣда въ Парижскомъ Инвалидномъ Домѣ).

Послѣ безплодной попытки, сдѣланной въ Мартѣ 1854 года почтеннымъ ветераномъ Дома Инвалидовъ *, старые бонапартисты отказались отъ всѣхъ мечтаній, и стали равнодушно смотрѣть на странныя дѣйствія того, который, для полученія престола, воззвалъ къ воспоминанію о славномъ имени, а потомъ отрекся даже отъ законной ненависти того, кому былъ обязанъ короною. Но надежда легковѣрна и долговѣчна! Движеніе англійскихъ войскъ чрезъ Францію, отмѣненное изъ опасенія пробудить національную антипатію, затрудненія, возникшія отъ сердечнаго согласія въ Галлиполи, упорное намѣреніе правительства имѣть на Востокѣ бо́льшее число войскъ нежели сколько имѣютъ вѣрные союзники, Англичане, и нако-

* См. *Двукратное Проклятіе*, помѣщенное на стр. 403. Эта статья, написанная первоначально по-французски, и помѣщенная въ J. de St. Pétersbourg, была переведена на языки нѣмецкій и польскій, и перепечатана въ одиннадцати различныхъ журналахъ.

нецъ повтореніе Булонскаго лагеря, все это возродило надежды въ истыхъ бонапартистахъ.

— «Племянникъ затѣваетъ что нибудь, говорили въ Инвалидномъ Домѣ, и старые воркотуны выпрямляли свой станъ, согбенный лѣтами, и съ важностью поглаживали свои сѣдые усы. Но тотъ самый старикъ, который, отъ имени всѣхъ, являлся, въ Мартѣ, къ императору, грустно покачивалъ головою, «ничего не будетъ, друзья!» сказалъ онъ однажды, прочитавъ Монитеръ 14-го Іюля. «Чего вы можете надѣяться отъ человѣка, который разрушаетъ всѣ воспоминанія! Какъ вы думаете, какой фрегатъ выбралъ онъ для посѣщенія англійскаго флота? Тотъ, который носитъ имя *Королевы Гортензіи*! Какая горькая насмѣшка! Онъ отрекается отъ всего, издѣвается надо всѣмъ! это очевидно. Зачѣмъ онъ не переименовалъ этого несчастнаго фрегата? Надобно было бы назвать его *Беллерофономъ*... И почему же нѣтъ! По моему мнѣнію, это было бы разительнѣе».

— Но, быть можетъ, генералъ, возразилъ одинъ изъ инвалидовъ, *этотъ* забываетъ на время старинную вражду единственно для того, чтобъ отмстить за бѣдственную участь великой арміи.

«Бѣдственная участь! Но эта участь была слѣдствіемъ войны. Счастіе не повезло, вотъ и все! А припомните, зачѣмъ *тотъ*, великій-то учредилъ Булонскій лагерь? Надобно было отмстить за образованный міръ, положить предѣлъ самоуправству Англіи *. Съ тѣхъ поръ, какъ успѣхи образованности смягчили законы войны, христіан-

* Thiers и Lavallée, 8-е изданіе.

скія государства приняли за основу морскаго права, что нейтральныя державы могутъ производить торговлю съ воюющими сторонами, только не военными припасами; что товары, принадлежащіе подданнымъ воюющихъ государствъ, неприкосновенны на нейтральныхъ судахъ; что порты, объявленные въ блокадѣ одною изъ воюющихъ державъ, должны быть дѣйствительно блокированы, чтобы нейтральныя государства не имѣли съ ними сообщенія. Одна Англія не согласилась признать сихъ правилъ, безъ которыхъ не можетъ быть свободнаго плаванія по морямъ; она запретила не только военные припасы, но и лѣсъ, пеньку, желѣзо, хлѣбъ; она захватываетъ все, принадлежащее подданнымъ враждебной державы; она утверждаетъ, что портъ уже блокированъ, коль скоро ею объявлено объ этомъ, если бъ даже она не имѣла предъ этимъ портомъ ни одной лодки. Другими словами: «*Англія хочетъ господствовать на моряхъ*». «Надобно, сказалъ лордъ Чатамъ, чтобъ ни одинъ выстрѣлъ на океанѣ не былъ производимъ безъ нашего вѣдома», а сынъ его (Питтъ) прибавилъ: *Если бъ мы были справедливы хотя на одинъ день, то не прожили бы и года!!*

«Прекрасныя правила! Милое признаніе перваго министра! А между тѣмъ, весь міръ, за исключеніемъ Франціи и Соединенныхъ Штатовъ, преклонялъ голову предъ чудовищными притязаніями дерзкихъ пиратовъ! «Раскройте исторію Англіи, сказалъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, и вы найдете только разрушительныя войны, набѣги морскихъ разбойниковъ, коварные подкупы, низкія козни, подущеніе къ мятежамъ, нарушеніе договоровъ, тираннію, смертоубійство, жестокость, нетерпи-

ность, присвоеніе чужаго, и все это *для сохраненія монополіи всемірной торговли!*» Имѣйте же дѣло съ правительствомъ, о которомъ отзываются, и по справедливости, подобнымъ образомъ! Послѣ поступка съ Мальтою въ 1803 году, когда нашъ императоръ былъ еще консуломъ, онъ убѣдился, на что̀ способенъ коварный Альбіонъ.

«Плутовская штука съ островомъ Мальтою осталась необъяснимою, но положительно извѣстно, что когда наименѣе ожидали того, британское адмиралтейство наложило амбарго на французскія и батавскія * суда, и отправило эскадры въ погоню за тѣми кораблями, которые, основываясь на договорахъ, плавали по морямъ. Тысяча двѣсти судовъ были захвачены съ ихъ экипажами и пассажирами, *и разбой, который доставилъ слишкомъ двѣсти милліоновъ*, былъ одною изъ побудительныхъ причинъ возобновленія войны. Консулъ протестовалъ противъ нарушенія народнаго права; ему отвѣчали: *таковъ у Англіи обычай*. Было отъ чего вознегодовать честнымъ людямъ. Франція рѣшилась отмстить за образованный міръ. Департаменты и города съ величайшимъ соревнованіемъ жертвовали суммы на корабли, на пушки, на лодки для флотиліи; порты Булонскій, Этампльскій Амблетерскій были распространены и укрѣплены, какъ средоточія вооруженій; отъ Бреста до Флиссингена, всѣ гавани и устья рѣкъ превратились въ корабельныя верфи. Первый консулъ самъ осмотрѣлъ берега Ламанша, повсюду ускорялъ вооруженія, отдавалъ приказанія отно-

* Голландскія.

сительно закупки матеріяловъ, размѣщенія батарей, прорытія каналовъ, сбора судовъ, и наконецъ учредилъ тотъ грозный Булонскій лагерь, который заставилъ трепетать Англію.

«Англичане, въ свою очередь, приготовили огромныя средства къ оборонѣ. Устья рѣкъ и всѣ заливы были обставлены войскомъ и батареями; входъ въ Темзу былъ запертъ линіей блокшифовъ; въ южныхъ графствахъ сформировали лагерь въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ; приняты были мѣры къ поголовному вооруженію; подведены подкопы подъ дороги и мосты; *приказано истреблять все по приближеніи французскихъ войскъ* (какова предусмотрительность!). Тогда Англія имѣла для своей защиты 511 военныхъ судовъ, 680 канонирскихъ лодокъ, 123 тысячи матросовъ и морскихъ солдатъ, 180 тысячъ сухопутнаго войска и 280 тысячъ человѣкъ милиціи. И, не смотря на эту огромную силу, Джонъ Буль дрожалъ какъ въ лихорадкѣ! И, сказать правду, нельзя было не дрожать ему: менѣе нежели въ два года, первый консулъ, ставъ императоромъ, сформировалъ флотилію изъ 2,293 судовъ, вооруженныхъ пятью тысячьми пушекъ, и выставилъ десантную армію въ 176 тысячъ человѣкъ, 14 тысячъ лошадей и 572 орудія, кромѣ чрезвычайныхъ запасовъ военныхъ и продовольственныхъ предметовъ, 14 милліоновъ патроновъ, четырехъ милліоновъ раціоновъ сухарей и проч. и проч.—«Если намъ удастся овладѣть проливомъ въ теченіе шести часовъ, писалъ Наполеонъ Латушъ-Тревилю, конецъ существованію Англіи!» И онъ говорилъ правду. Если бъ неустрашимый Латушъ не умеръ скоропостижно, если бъ Вилльнёвъ

былъ человѣкъ способный, испустила бы послѣдній вздохъ надменная нарушительница общаго спокойствія, и Франція въ нѣсколько часовъ отмстила бы за цѣлые вѣка униженія и безпримѣрныхъ коварствъ.

«Согласитесь, что цѣль была благородная. Франція находилась тогда на вершинѣ могущества, потому что, даже послѣ битвы при Трафалгарѣ, Пресбургскій миръ повергъ Англичанъ въ уныніе. Питтъ былъ пораженъ имъ въ самое сердце; онъ отчаялся въ успѣхѣ, усомнился въ своей политической системѣ; трепеталъ за участь приготовленную имъ Англіи, и умирая воскликнулъ: » О несчастное мое отечество! »

«Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, императоръ, дядя того, кто нынѣ братается съ Англичанами, обнародовалъ слѣдующій декретъ: «Принимая во вниманіе, что Англія не признаетъ народнаго права, которому подчиняются всѣ образованные народы, что слѣдуетъ противопоставить непріятелю оружіе, которымъ онъ дѣйствуетъ самъ, если онъ отвергаетъ *всѣ понятія о справедливости* и всѣ благородныя чувства, мы рѣшились примѣнить къ Англіи обычаи, утвержденные ею въ морскомъ законодательствѣ, и положить ихъ въ основу имперіи до тѣхъ поръ, пока Англія не согласится, что народное право на морѣ одно и то же, что и на сушѣ; что оно не можетъ простираться *ни на частныя имущества, ни на частныя лица, не принадлежащія къ военному сословію*, и что право блокады должно быть ограничиваемо крѣпостями, которыя дѣйствительно заняты достаточнымъ гарнизономъ... Британскіе Острова объявляются въ блокадѣ,

и всякое съ ними сношеніе или переписка воспрещаются (21-го Ноября 1806).»

«Такова была воля нашего императора, и Булонскій лагерь, это страшилище Джона Булля, былъ учрежденъ для того, чтобъ пугнуть насъ. А что сдѣлалъ племянникъ изъ этого лагеря? Онъ отправился отсюда на фрегатѣ, носящемъ имя Королевы Гортензіи, чтобъ отдать благодарственный визитъ сборищу *Беллерофоновъ*, которые, оглашая воздухъ притворными кликами, едва не задыхаются отъ смѣха! Посреди нашего Булонскаго лагеря возвышалось знамя справедливости противъ неправды и вѣроломства, а теперь что тамъ? Знамя, запятнанное чудовищнымъ союзомъ, украшенное, можетъ быть, полумѣсяцемъ, леопардами! Знамя, которое призываетъ Христіанъ на угнетеніе ихъ братій, которое распущено для прикрытія страданій старцевъ, женъ, дѣтей, гибнущихъ подъ ножемъ мусульманскимъ! Знамя, которое осѣняетъ собою хищническую добычу морскихъ разбойниковъ, грабителей частнаго имущества!... Французы, берегитесь! Это знамя—саванъ вашей чести! Англія хочетъ отмстить на нынѣшнемъ поколѣніи за страхъ, внушенный ей Булонскимъ лагеремъ; она хочетъ увлечь васъ въ свой позоръ, и тащитъ васъ на буксирѣ по пути неправды!»

Достопочтенный старшина инвалидовъ былъ въ сильномъ волненіи, и потому одинъ изъ сотоварищей хотѣлъ успокоить его. «Полноте, генералъ, сказалъ онъ примирительнымъ голосомъ, зачѣмъ отчаяваться? Всегда остается хотя малый лучъ надежды. *Племянникъ-сфинксъ* вѣдь не сказалъ еще своего послѣдняго слова. Кто разгадаетъ его замыслы? Онъ, можетъ быть, пріучаетъ своихъ Фран-

цузовъ ходитъ по палубамъ англійскихъ кораблей. Сегодня онъ требуетъ двѣнадцати кораблей для перевозки своихъ войскъ; завтра потребуетъ двадцати четырехъ, можетъ быть, пятидесяти, и когда удалитъ ихъ, кто знаетъ? *шесть часовъ*, которыхъ требовалъ дядя для овладѣнія проливомъ, явится, можетъ быть, на данной точкѣ, и тогда... покойной ночи, Альбіонъ!...»

Выслушавъ эту странную программу будущихъ подвиговъ племянника-сфинкса, ветеранъ покачалъ головою....

Ростиславъ.

СМѢСЬ.

СТАТЬИ МУЗЫКАЛЬНЫЯ.

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ И РОБЕРТЪ,

(ROBERTO IL DIAVOLO),

опера Мейербера.

I.

Содержаніе: Ужинъ послѣ оперы. — Какъ обратить на себя вниманіе?—Незваный гость.—Бѣглецъ съ афиши.—Ужасъ!—Художническіе періоды.— О колоритѣ въ музыкѣ.— Ma Fanchon est charmante въ умъ не прійдетъ.—О неудобствѣ увертюръ.—Описаніе интродукціи Роберта.—Нескромность одной музыкальной фразы.— Пагубныя слѣдствія игры.—Непріятный игрокъ.

Однажды, послѣ Италіянской Оперы, собралось насъ человѣкъ десять, поужинать и поболтать. Разумѣется, разговоръ шелъ о музыкѣ, артистахъ, композиторахъ и проч. Тутъ были и восторженные поклонники г-жи Гризи, и усердные цѣнители г-жи Персіани. Новая же школа восхищалась г-жею Медори, и такъ далѣе.

— Больше всего радуетъ меня, сказалъ я послѣ первой перестрѣлки, что вкусъ нашей публики образовывается и утончается съ каждымъ днемъ. Я замѣчалъ неоднократно, что партеръ нынѣ не увлекается уже безъ всякихъ причинъ, слушаетъ внимательно, и цѣнитъ безошибочно. Публикѣ случается сильно рукоплескать не отъявленному любимцу, а иногда промолчать, послѣ исполненія аріи любимѣйшею примадонною. Желательно, продолжалъ я, чтобъ теперь выискался человѣкъ, который взялся бы познакомить оперную публику съ самыми лучшими музыкальными произведеніями, разсмотрѣлъ бы ихъ въ подробности съ художественной ихъ стороны; разобралъ бы тщательно намѣренія, стиль, красоты и оттѣнки каждаго замѣчательнаго произведенія. Но вотъ бѣда: какимъ образомъ обратить вниманіе публики на статью подобнаго рода? Какъ заставить ее выслушать себя? Нельзя же подписаться: *Мейерберъ* или даже *Берліозъ*? А статью, подписанную неизвѣстнымъ именемъ *Ростислава*, и читать никто не станетъ.

— Будь человѣкъ съ дарованіемъ, возразилъ одинъ изъ присутствующихъ, и тебя выслушаютъ.

— Конечно, но чтобъ заслужить извѣстность посредствомъ дарованія, на это нужно время.

— Потерпи.

— Не терпится.... некогда!

— Ну, такъ молчи! заключилъ мой пріятель.

Я задумался.... Минутное молчаніе прервано было молодымъ франтомъ, съ зачесанными назадъ волосами, въ бѣломъ жилетѣ и въ низенькомъ галстухѣ, съ огромными

воротничками. Этотъ молодой человѣкъ много путешествовалъ.

— Я нахожу, замѣтилъ онъ, что въ Италіи шарлатаны поступаютъ весьма благоразумно. При нихъ находится трубачъ; шарлатанъ предъ тѣмъ, что обращается къ публикѣ, приказываетъ трубачу громко протрубить: составится кружокъ любопытныхъ, и шарлатана слушаютъ.

— Въ такомъ случаѣ не лучше ли ужъ возить съ собою колокола? замѣтилъ одинъ почтенный меломанъ.

Всѣ расхохотались.

— Я знаю средство заставить читать статью любаго изъ васъ, сказалъ вдругъ насмѣшливый, гнусливый и непріятный голосъ.

Мы всѣ вздрогнули. Голосъ этотъ показался намъ вовсе незнакомымъ. Мы переглянулись и замѣтили, что дѣйствительно между нами очутился *одиннадцатый* собесѣдникъ. Взоры всѣхъ обратились на него: то былъ старичекъ оригинальной наружности; лице у него было маленькое, костлявое, выдавшееся впередъ; сѣдые, рѣденькіе волосы стояли торчкомъ надъ широкимъ лбомъ; орлиный носъ сходился съ острымъ подбородкомъ; старикъ носилъ зеленые очки; бѣлья на немъ не было замѣтно ни какого; черный фракъ застегнутъ до самаго галстуха, манжетокъ нѣтъ.

Въ то время, какъ на него устремились глаза всѣхъ, онъ держалъ худощавою рукою, украшенною длинными, твердыми ногтями, бокалъ шампанскаго, и разсматривалъ со вниманіемъ броженіе пѣнистой влаги.

Мы всѣ молчали отъ изумленія.

— Да, продолжалъ старичекъ, любаго изъ васъ бу-

дутъ читать, примите только предосторожность написать въ заглавіи статьи: «Вѣрное средство составить себѣ большое состояніе въ самое короткое время», — а тамъ пишите что́ хотите! Разсуждайте, если угодно о Конфуціѣ и его поступкахъ, разбирайте Канта, критикуйте Сведенборга, упомяните обо мнѣ, если хотите, нужды нѣтъ! Вашу статью навѣрное пробѣгутъ, и даже будутъ читать со вниманіемъ, доискиваясь смысла и значенія.

Таинственный старичекъ поднялъ очки на лобъ, окинулъ насъ тусклымъ, но ѣдкимъ взоромъ, и продолжалъ, обращаясь ко мнѣ: Совѣтую вамъ приступить къ дѣлу; начните съ меня, позаймитесь моею особой.

Мы молчали въ остолбенѣніи.

— Да что́ жъ вы всѣ выпучили на меня глаза? воскликнулъ старикъ неучтиво. Велика важность, что я среди васъ! Я не понадобился сегодня на русской афишкѣ, воспользовался этимъ случаемъ, и пришелъ выпить съ вами бокалъ шампанскаго. Вотъ и вся штука!

Мы взглянули на афишу, которая лежала на столѣ и съ ужасомъ замѣтили, что на ней напечатано было просто «Робертъ»....

— Впрочемъ, не безпокойтесь, продолжалъ старичекъ, выпивая шампанское, я къ вамъ не надолго!

Дѣйствительно, руки незваного гостя стали исчезать. Пустой бокалъ стукнулся объ столъ, и разбился въ дребезги; потомъ стали сглаживаться понемногу плечи, туловище, затылокъ; нѣкоторое время видѣнъ былъ орлиный носъ, иронически улыбавшійся ротъ, зеленые очки, и наконецъ все исчезло.

Мы вздохнули свободнѣе, и чтобы преодолѣть тяжелое

чувство, разомъ расхохотались; но намъ отвѣтилъ такой пронзительный и страшный хохотъ изъ угла комнаты, что мы поспѣшно встали, и, не допивъ вина, разошлись по домамъ.

На другой день я удалилъ, разумѣется, съ презрѣніемъ, внушеніе страшнаго незнакомца; но мысль моя невольнымъ образомъ останавливалась на «Робертѣ». Я подумалъ.... подумалъ.... и рѣшился написать что нибудь объ этомъ замѣчательнѣйшемъ произведеніи Мейербера.

Знаменитый маэстро, подобно почти всѣмъ великимъ художникамъ въ музыкѣ и въ живописи, не удовольствовался одною *манерою*, однимъ *стилемъ* на художническомъ своемъ поприщѣ. У Рафаэля, напримѣръ, замѣчаютъ три разные періода: первый—явное подражаніе учителю его Піетро-Перуджино; второй—переходъ къ самостоятельности; третій, наконецъ, обезсмертилъ его въ картинахъ: «Преображеніе», «Мадона» della «Seggiola» и другихъ.

Мейерберъ имѣетъ два замѣчательные періода въ своихъ произведеніяхъ. «Roberto il Diavolo» «Гугеноты», «Силезскій Лагерь», «Пророкъ», принадлежатъ исключительно ко второму періоду. Можетъ быть, возразятъ, что «Crociato in Egitto» и другія подобныя оперы писалъ онъ для Италіи, а «Роберта», «Гугенотовъ» и «Пророка», для Парижа, и что именно это обстоятельство и послужило поводомъ къ перемѣнѣ стиля. Отчасти правда, но я сомнѣваюсь, чтобы Мейерберъ согласился возвратиться къ прежнему своему стилю.

Избранная имъ нынѣ стезя останется его любимою и, вѣроятно, послѣднею стезею.

Второй музыкальный періодъ Мейербера отличается выраженіемъ, энергіею, колоритомъ и особымъ важнымъ значеніемъ, которое онъ придалъ оркестру. Всѣ помнятъ знаменитое, поражающее ужасомъ хроматическое *crescendo* въ третьемъ актѣ «Гугенотовъ», во время кроваваго заговора. Первоначальная фраза «Pour cette cause sainte» и проч. не имѣетъ сама по себѣ ничего замѣчательнаго, но она съ каждымъ повтореніемъ развивается, растетъ, и наконецъ разражается потрясающимъ душу уписономъ и crescendo, которое невозможно слышать безъ содроганія. Я привелъ въ примѣръ означенное мѣсто изъ «Гугенотовъ» для объясненія что́ именно называю я *колоритомъ* въ музыкѣ. Это — искусство окружать самую, повидимому, обыкновенную фразу всею роскошью гармоніи, инструментаціи, голосныхъ массъ и прочее. Колоритъ въ музыкѣ есть умѣнье придать каждому лицу, каждому инструменту особый, свойственный ему характеръ. Смѣшно было бы, напримѣръ, дать военную, громкую фразу двумъ гобоямъ, или мелодію, выражающую нѣжную любовь, трубамъ и офиклеиду.

Въ предпринятомъ мною разборѣ «Роберта» ясно выкажется, какъ удивительно Мейерберъ понялъ важность музыкальнаго колорита. «Робертъ» съ перваго представленія имѣлъ огромный успѣхъ, и врядъ ли какая нибудь опера въ мірѣ выдержала столько представленій, а между тѣмъ нашлись люди, которые увѣряли, что, исключая нѣсколькихъ истинно вдохновенныхъ мелодій, «Робертъ» не блеститъ новизною мотивовъ, и что въ немъ встрѣчаются воспоминанія многихъ старинныхъ французскихъ романсовъ. Согласенъ, но въ такомъ случаѣ я увѣренъ,

что это сдѣлано не безъ умысла. Великій художникъ пользовался отрывками этихъ фразъ, какъ пользовался Державинъ въ одѣ «Богъ» словами Русскаго языка, на которомъ нескладно выражается каждый поселянинъ. Мало найдется слушателей, которые узнаютъ Французскія мелодіи въ блестящей, роскошной партитурѣ Мейербера *.

Извѣстно, что Мейерберъ ни для одной изъ трехъ громадныхъ своихъ оперъ не писалъ увертюръ (для «Гугенотовъ» написана имъ увертюра гораздо послѣ постановки ея на Парижской сценѣ). Намъ кажется, что онъ правъ въ этомъ случаѣ. Если увертюру написать изъ мотивовъ оперы, то они преждевременно теряютъ свою свѣжесть; если же въ ней выразить въ сжатомъ объемѣ все чувство и мысль творенія, то она можетъ сгубить самую оперу. Бетговена увертюра, написанная для «Коріолана», сама по себѣ цѣлая поэма, и послѣ нее, не нашему мнѣнію, трагедія почти уже ненужна. Намъ укажутъ вѣроятно на увертюру «Донъ-Жуана», но «Донъ-Жуанъ» безсмертное исключеніе. Онъ можетъ служить образцемъ, но никогда и никому примѣромъ. Увертюра «Фрейшюца» прекрасна какъ отдѣльное твореніе, но мы сомнѣваемся, чтобъ послѣ *fortissimo* въ *c-dur* всего оркестра, тотъ же самый мотивъ въ послѣдствіи, въ аріи Агаты могъ произвести эфектъ, котораго ожидалъ композиторъ. Онъ прелестенъ и въ аріи, объ этомъ ни слова, но поразилъ

* Кто, напримѣръ, отыщетъ въ партитурѣ мотивы романсовъ: «Ma Fanchon est charmante». «C'est l'amour, l'amour» и проч. «Je suis sergent, ferme et galant....» И однако жъ отрывки этихъ мелодій дѣйствительно находятся въ «Робертѣ».

бы слушателей болѣе, если бъ не былъ выраженъ прежде въ сильной массѣ оркестра. Вспомните увертюры Мендельсона. Послѣ подобныхъ произведеній возможно ли выдержать большую оперу въ три или четыре акта, которая не помрачилась бы отъ сравненія съ ними?

Впрочемъ это вопросъ совершенно отвлеченный. Возвратимся къ «Роберту». Прелюдія этой оперы основана на фразѣ заклинанія третьяго акта и прелестной скрипичной фразы (trait de violon) изъ хора пилигримовъ послѣдняго акта. Авторъ переноситъ попеременно въ разныя группы инструментовъ то *мажорное*, то *минорное* изложеніе фразы заклинанія, и наконецъ выражаетъ ее всею массою оркестра. По этому вступленію невозможно уже сомнѣваться, что въ операѣ явится упорная, сверхъестественная сила, что будетъ происходить сильная, духовная борьба. Прелестная скрипичная фраза хора пилигримовъ отзывается надеждою, благоговѣніемъ; все это выражено поэтически, и мы только сожалѣемъ, что побѣда остается, такъ сказать, за фразою заклинанія. Когда мы еще не знали оперы, то вздрогнули за Роберта Нормандскаго: онъ казался намъ обреченнымъ на погибель, вражья сила долженствовала, повидимому, одолѣть — но въ послѣдствіи оказалось, что въ мысляхъ композитора это относилось только къ минутному искушенію, до похищенія вѣтки на кладбищѣ Розаліи.

При поднятіи завѣсы, рыцари и Робертъ пируютъ. Интродукція исполнена жизни и огня. Мотивъ *staccato* въ *fa majeur* «Versez, versez» и проч. живъ и увлекателенъ. Дополненіе его, или лучше сказать отвѣтъ въ *ré bemol* посредствомъ энармоническаго перехода, тот-

часъ передается въ *là-majeur*, это ново, оригинально (по крайней мѣрѣ было ново до Мейербера), и придаетъ какую-то неопредѣленность, волненіе буйной пѣснѣ молодыхъ рыцарей.

Слѣдующій затѣмъ мотивъ исполняется скрипками, и дышитъ свѣжестью первой молодости: онъ безпеченъ, игривъ и прелестенъ во всей силѣ слова; игривость его изрѣдка прерывается мрачными возгласами Бертрама, искусителя и злаго генія Роберта.

Начальная мелодія баллады Рембо дана въ ретурнеллѣ четыремъ валторнамъ. Странно кажется съ перваго взгляда, что пѣснѣ простаго крестьянина предшествуютъ тяжелые мѣдные инструменты. Но Рембо разсказываетъ рыцарское преданіе; дѣло идетъ не о поселянинѣ, но о витязѣ, про котораго носятся недобрые слухи, и Мейербер, какъ удивительный колористъ, заковалъ мелодію баллады въ мѣдныя латы. Скажемъ мимоходомъ, что у насъ оркестръ не совсѣмъ понимаетъ это намѣреніе композитора, и выполняетъ означенную фразу *piano* и почти нѣжно, а ее нужно было бы выразить *громко* и *тяжеловѣсно*.

Отвѣтъ хора, почти говоркомъ, превосходно выражаетъ насмѣшливую недовѣрчивость къ разсказу Рембо. Аккомпанементъ втораго куплета, *pizzicato*, начинающійся въ басахъ и продолжающійся въ скрипкахъ, очарователенъ.

По окончаніи баллады, Робертъ въ негодованіи, что про него распускаютъ нелѣпые слухи, осуждаетъ на смерть вассала своего, неосторожнаго Рембо; но, узнавъ, что у него хорошенькая невѣста, соглашается даровать ему

жизнь, съ тѣмъ чтобы дѣвушка явилась въ кругу пирующихъ рыцарей.

Приводятъ Алину: она умоляетъ рыцарей дозволить ей продолжать путь съ женихомъ. Музыкою невозможно лучше выразить просьбы хорошенькой наивной дѣвушки. Хоръ отвѣчаетъ ей новымъ мотивомъ, въ которомъ очень вѣрно изображено невниманіе къ подобнаго рода просьбамъ безпечной молодежи.

Робертъ замѣчаетъ наконецъ невѣсту Рембо, узнаетъ въ ней крестную сестру свою, и, разумѣется, заступается за нее. Въ этомъ мѣстѣ возвращается первый мотивъ *staccato* интродукціи на аккордѣ $^4/_8$, что производитъ весьма хорошій эфектъ. Интродукція кончается *pianissimo* хоромъ, который удаляется съ недовольнымъ Робертомъ. Въ самомъ концѣ, въ оркестрѣ слышенъ мотивъ баллады. Геніяльная мысль! Кажется, такъ и угадываешь, что недовольные, переговариваясь между собою, намѣкаютъ на разсказъ Рембо, и начинаютъ ему вѣрить.

Изъ обзора интродукціи очевидно, что Мейерберъ придастъ удивительный колоритъ, или оттѣнокъ, каждому лицу, музыкально имъ обрисованному, и пользуется прекрасно оркестромъ для оживленія картины. Изумительно также богатство мыслей! Въ интродукціи хоръ имѣетъ три мотива, совершенно отдѣляющіеся одинъ отъ другаго; въ балладѣ проявляется новая мелодія, и наконецъ прелестная фраза Алисы обрисовываетъ еще одну новую, свѣжую мысль.

Рыцари удаляются. Алиса остается вдвоемъ съ Робертомъ. Мы тотчасъ догадались, что въ этой сценѣ главное дѣйствующее лице будетъ Алиса, а не Робертъ, по-

тому что сочинитель помѣстилъ тутъ ретурнель, исполненную граціи. Слушая ее, чувствуешь, что говорить будетъ хорошенькая, невинная лѣвушка, а не рыцарь, подгулявшій съ пріятелями.

Въ прекрасномъ романсѣ Алиса разсказываетъ своему крестному брату, что мать его скончалась. Тріолетная фраза віолончелей очень хорошо изображаетъ волненіе, которое необходимо должна ощущать Алиса, сообщая столь печальное извѣстіе. (Г–жа Медори поетъ этотъ романсъ съ большимъ чувствомъ, и удивляетъ звучнымъ и обширнымъ голосомъ). Послѣ разсказа, Алиса, удаляясь, встрѣчается съ Бертрамомъ. Она пугается, вскрикиваетъ и объявляетъ Роберту причину своего испуга: она нашла въ Бертрамѣ сходство съ нечистымъ духомъ, который изображенъ на картинѣ, находящейся въ деревенской ихъ церкви. Во время ея повѣствованія проявляется въ оркестрѣ знакомая фраза баллады, но уже не въ *do majeur*, а въ *mi mineur*. *Tremolo* скрипокъ *pianissimo* на верхнемъ *si* изображаетъ трепетъ дѣвушки, а минорные звуки мотива грустныя ея предчувствія.

Бертрамъ остается одинъ съ Робертомъ, и, желая развлечь его отъ печальныхъ впечатлѣній, совѣтуетъ ему прибѣгнуть къ игрѣ. Сзываютъ рыцарей; раздается Сицилійская пѣсня, и музыка принимаетъ вновь безпечный и разгульный характеръ. Начинается игра. Легкій *tremolo* и хроматическія гаммы малой флейты прекрасно изображаютъ игру въ кости.

За симъ слѣдуетъ мотивъ беззаботный, веселый, почти удалой, но удальства благороднаго. Мнѣ даже жаль, что онъ подвернулся на этотъ случай подъ перо великаго ма-

эстро, потому что въ послѣдствіи оказывается, что игроки просто шулеры, которые навѣрное обыгрываютъ Роберта. Нормандскій принцъ, попавшись въ такое пріятное общество, конечно, проигрываетъ, и ему, разумѣется, невесело. *Tremolo*, выражающее игру (о которомъ мы уже говорили), со втораго раза переходитъ въ *do mineur* изъ *majeur*. Между тѣмъ Бертрамъ, исполняя пагубное свое предопредѣленіе, тащитъ въ бездну Роберта, и уговариваетъ его продолжать игру. Игра все болѣе и болѣе оживляется; *tremolo* въ третій разъ проявляется въ диссонансѣ. Бертрамъ продолжаетъ подстрекать Роберта. Принцъ, проигравъ всѣ деньги, снимаетъ съ себя оружіе, цѣпь, доспѣхи, и кладетъ ихъ на столъ. Бросаютъ кости... Tremolo въ волненіи переходитъ отъ *ré-bemol* къ *mi-majeur;* оркестръ шипитъ, извивается—все кончено! У Роберта ничего не осталось. Замѣтимъ мимоходомъ, что Робертъ непріятный игрокъ. Проиграешь—жаль, больно, но что́ же дѣлать? отмалчиваешься съ горя! Но Робертъ не того мнѣнія, чему я впрочемъ очень доволенъ, потому что въ прекрасномъ *allegro* въ *ré-mineur* онъ сильно укоряетъ рыцарей, его обыгравшихъ. Споръ, или, лучше сказать, брань увеличивается не на шутку; всѣ горячатся, но Бертрамъ вмѣшивается въ разговоръ, и, напоминая, что «l'or est une chimère», высказываетъ этотъ ложный афоризмъ на мотивъ Сицилійской пѣсни, на недалѣ поразительнаго эфекта.

Съ этой минуты финалъ быстро подвигается къ концу. Мы обратимъ, однако жъ, вниманіе на совершенно новую фразу, которую сочинитель вставляетъ въ нодѣ: фраза эта отлично обрисовываетъ всеобщее волненіе. Сицилій-

ская пѣсня слышится въ различныхъ отдаленныхъ тонахъ, прерывается минутно отрывистымъ диссонансомъ, и завѣса опускается надъ первымъ актомъ «Роберта», громаднаго, величественнаго произведенія Мейербера.

II.

Содержаніе: Непріятный сосѣдъ.—Смѣшное недоразумѣніе.—Цвѣтъ волосъ г-жи Маррай.—Необходимость хорошенькихъ хористокъ.—Невинная жертва.—Тромбонное соло въ аду.—Весна на сценѣ. — Неподражаемый дуэтъ. — *Mea culpa.* — Фантастическій маршъ. — Два скелета. — Адское веселіе.—Любовь величайшее искушеніе. — Страшные призраки. — Пагубныя слѣдствія страстей.

Въ первое представленіе оперы Даргомыжскаго «Эсмеральда», о которой между прочимъ я уже слегка поговорилъ въ фельетонѣ (du Journal de St. Pétérsbourg), одинъ изъ моихъ.... (какъ сказать малочисленныхъ или многочисленныхъ пріятелей, право, не знаю, раскланиваюсь я, какъ говорится гиперболически, съ полъ-городомъ;—впрочемъ это все равно!) одинъ изъ моихъ знакомыхъ, это вѣрнѣе, я полагаю, имѣлъ безпокойнаго сосѣда въ креслахъ. Сосѣдъ моего знакомаго былъ лысый старичекъ съ крошечною бородкой, въ длиннополомъ сертукѣ и въ скрипучихъ сапогахъ. Съ самаго начала представленія онъ отплевывался, вертѣлся, вставалъ, упираясь на ручки креселъ, поворачивался то вправо, то влѣво,

пристально всматривался въ сцену, и бормоталъ что-то про себя, пошевеливая безпрестанно губами. Знакомому моему надоѣли эти продѣлки (впрочемъ, признаюсь, что онъ права нетерпѣливаго). Улучивъ минуту, когда старичекъ сильно накренился на его сторону, такъ что сосѣду приходилось смотрѣть чрезъ лысую его голову, знакомый мой спросилъ у старичка:

«Что, вамъ вѣрно не ловко сидѣть?»

— Не то, *почтеннѣйшій*, отвѣчалъ старичекъ, обнаруживая однимъ словомъ сидѣльца Перинной или другой какой нибудь Линіи Гостинаго Двора, — не то, а я не смѣкну, отчего Каратыгинъ *большой* (также техническое выраженіе нѣкотораго рода публики, хотя и второй Каратыгинъ нельзя сказать чтобы былъ *маленькій*) не выходитъ на сцену.

«Да вы на какую піесу пріѣхали смотрѣть?» спросилъ мой знакомый.

— Извѣстное дѣло, почтеннѣйшій, отвѣчалъ старичекъ: на *Эсмиральдину драму*.

«Но вѣдь Каратыгина нѣтъ на афишѣ.»

— Не посмотрѣлъ, почтеннѣйшій, но ужъ это такъ водится, въ драмѣ Каратыгинову подобаетъ быть.

Знакомый мой посмотрѣлъ свысока на своего сосѣда и замолчалъ. Послѣ финала втораго акта, когда начали вызывать автора, старичекъ обернулся къ моему знакомому, и сказалъ съ самодовольною улыбкой:

«Вишь горланятъ: автора! автора!! а авторъ-то Талья-нецъ, чай, проживаетъ въ Парижѣ, да пожалуй еще и умеръ уже, чего добраго.» Знакомый мой взглянулъ какъ-то выразительно, и вышелъ въ буфетъ.

Пожалуйста не сердитесь за мой анекдотъ—это только такъ, пришлось къ слову: всякому извѣстно, что человѣкъ человѣку рознь, и публика публикѣ тожъ.

Обратимся къ Роберту, котораго я описываю, если припомните, по заказу страшнаго незванаго гостя. Второй актъ начинается аріею принцессы Изабеллы. Кстати скажемъ нѣсколько словъ объ артисткѣ, исполняющей эту партію въ настоящій оперный сезонъ.

Г–жа Маррай не заслужила еще Европейской репутаціи. Эта пѣвица весьма бѣлокура, слѣдовательно сомнительно–италіянскаго происхожденія, голосъ ея не оглушителенъ: много причинъ, чтобы не возбуждать должнаго вниманія большинства публики. Между тѣмъ г–жа Маррай поетъ отлично, голосъ ея необычайной вѣрности, пассажи дѣлаетъ легко, отчетливо; украшенія ея въ ферматахъ граціозны, непринужденны; трель у нея выходитъ почище многихъ трелей, и наконецъ у ней бездна чувства, конечно, немного робкаго, скромнаго, но тѣмъ не менѣе истиннаго чувства. Я совѣтую г–жѣ Маррай на будущее время..... вы готовы смѣяться, но я серіозно совѣтую ей окрасить волосы и пріободриться немного: тогда ей, навѣрное, будутъ рукоплескать усерднѣе.

Второй актъ, сказалъ я, начинается аріею Изабеллы. Признаться, я не большой охотникъ до этой аріи вообще: во–первыхъ, въ ней нѣтъ достаточнаго колорита, характеръ принцессы вовсе не обрисованъ, и въ аллегро есть такія фіоритуры, скачки, что ни какое сопрано въ мірѣ не въ состояніи выдѣлать ихъ удовлетворительно, не отъ трудности ихъ, нѣтъ, а отъ неудобства: это арпеджіи скорѣе инструментальныя, чѣмъ голосныя.

Маленькій женскій хоръ просительницъ очаровательно милъ; сопраны перекликаются съ альтами невыразимо прелестно.

Для этого хора необходимо подбирать самыхъ хорошенькихъ хористокъ: дурныя тутъ не у мѣста. Жаль только, что этотъ истинно красивый цвѣтокъ непродолжительно цвѣтетъ, и тотчасъ же умираетъ.

Когда Роберта давали въ Парижѣ (да и у насъ встарину), за аріею слѣдовалъ дуэтъ съ Робертомъ, потомъ обворожительные танцы, хоръ, и наконецъ финалъ. Нынѣ все это выпускается, и прямо переходятъ къ третьему акту, составляющему теперь продолженіе втораго. Изъ всего выпущеннаго мы болѣе всего сожалѣемъ о танцахъ, въ особенности прелестный мотивъ въ *si bémol* и хоръ, начинающійся *pianissimo* литаврами и глухимъ таинственнымъ *pizzicato* контробасовъ. Здѣсь кстати замѣтить, что мотивъ этого хора походитъ на Оберовъ романсъ изъ *Любовнаго Напитка*: Je suis sergent — ferme et galant; но я спрашиваю: кому онъ прійдетъ въ голову при этомъ способѣ изложенія? Въ настоящемъ распредѣленіи нумеровъ, послѣ аріи Изабеллы сцена перемѣняется, и видна какая-то долина и пирамида.

Бертрамъ-искуситель встрѣчается съ крестьяниномъ Рембо, и такъ, для препровожденія времени, чтобы не потерять привычки, соблазняетъ его коварными совѣтами. Дуэтъ Рембо и Бертрама имѣетъ много колорита, выраженія, но къ сожалѣнію, написанъ не слишкомъ ловко для голосовъ.—У Рембо, напримѣръ, есть фраза на *re* и даже на *do dies* нижнемъ, то есть, на небывалыхъ почти нотахъ въ теноровомъ голосѣ, въ особенности въ

аллегро, требующемъ нѣкоторой силы, и при безпрестанной потребности въ томъ же дуэтѣ верхняго *sol* и *la*. Это и неловко и неблагозвучно. Впрочемъ совѣстно почти указывать на такіе ничтожные недостатки, и повторяемъ, что колоритъ, выраженіе въ этомъ дуэтѣ удивительны; остальное въ такомъ случаѣ почти не заслуживаетъ вниманія.

Бертрамъ остается одинъ. Изъ глубины пещеры, находящейся вправо отъ зрителей, слышно нѣсколько дикихъ, рѣзкихъ звуковъ, и начинается извѣстный *адскій вальсъ* (walse infernale).—Дѣйствительно, вальсъ имѣетъ нѣчто адское, дикое, раздирающее; но странно слышать въ аду маленькую флейточку, треугольникъ и тромбонное соло.

Арія, или, правильнѣе сказать, отвѣтъ Бертрама, очень хороша, но ему поневолѣ приходится пѣть въ $^3/_8$, что портитъ немного мрачный характеръ, который придалъ ему сочинитель съ самаго начала оперы. Тутъ есть одна фраза *синкопами*, истинно раздирающая душу.—Сцена эта кончается выразительнымъ, энергическимъ аллегро, весьма труднаго впрочемъ исполненія. Бертрамъ проникаетъ въ пещеру. Помрачившійся день, во время адской сцены, принимаетъ прежній видъ. И свѣтло и радостно; цвѣты благоухаютъ; птички заливаются сладкими пѣснями.

О *удивительный*, неподражаемый маэстро! Сколько у него поэзіи высказано въ небольшой прелюдіи, предшествующей входу Алисы; оркестръ молчитъ..... одни флейты, кларнеты и гобои распѣваютъ какъ птички въ ясномъ небѣ; и свѣтло и радостно, повторяемъ мы отъ глубины души; весеннимъ воздухомъ такъ и вѣетъ!!.. Прелестный романсъ «Quand je quittai la Normandie» не

помрачаетъ сладкаго впечатлѣнія; онъ съ родни звукамъ прелюдіи: слушая его, становится и легко и свободно.— Но вотъ въ пещерѣ снова раздается дикая радость отчужденныхъ. Алиса ужасается! Она слышитъ приговоръ, слышитъ имя Роберта, обреченнаго на вѣчную погибель, произноситъ краткую молитву, и упадаетъ безъ чувствъ подъ сѣнію столпа.

Бертрамъ въ изступленіи выбѣгаетъ изъ пещеры. Замѣтимъ слегка, что Алиса очень неосторожно дѣлаетъ, что падаетъ безъ чувствъ по эту сторону столпа, т. е. противъ пещеры. Въ этомъ положеніи непонятно, какъ она не бросится прямо въ глаза Бертрама, а между тѣмъ онъ ея не замѣчаетъ, и догадывается о ея присутствіи тогда только, когда Алиса, приходя въ себя, испускаетъ жалобный вопль.

Въ этомъ дуэтѣ всякое слово, каждый звукъ имѣетъ значеніе. Бертрамъ допрашиваетъ бѣдную дѣвушку.— Первая фраза, исполненная віолончелями и фаготами *pianissimo* и *legato*, имѣетъ что-то змѣиное, ползущее, ядовитое. Страшно за Алису! Легкія тріолетовыя гаммы духовыхъ инструментовъ и небольшое тремоло скрипокъ выражаютъ трепетъ несчастной дѣвушки. Бертрамъ злобно усмѣхается, обѣщая себѣ новую жертву, и съ силою атакуетъ фразу «Triomphe que j'aime» и проч.

Обратимъ вниманіе на ходъ гармоніи въ этомъ мѣстѣ. Дуэтъ начинается въ *si bémol* и въ четыре четверти; при вышеупомянутой фразѣ сочинитель переходитъ изъ *si bémol* въ *si majeur* въ $^{12}/_{8}$.—Этотъ быстрый, крутой скачекъ отъ двухъ бемолей къ пяти діезамъ поражаетъ своею неожиданностью. — Отвѣтъ Алисы: «Hélas je tremble, je

chancelle» и проч. выражаетъ робкую, невинную, но преданную и любящую душу.

Бертрамъ кличитъ, подзываетъ къ себѣ Алису, но она почерпаетъ новыя силы въ преданности своей къ Роберту — и съ душевнымъ воплемъ говоритъ искусителю, что она его не страшится.

Бертрамъ не дерзаетъ отторгнуть ея отъ избраннаго ею убѣжища, но пугаетъ ее зловѣщими обѣщаніями.— «Ты погибнешь, говоритъ онъ ей, ужасною смертію, если вымолвишь хоть одно слово изъ слышаннаго тобою; погибнетъ также твой престарѣлый отецъ.... всѣ, всѣ, кого ты любишь.»—При этихъ ужасныхъ заклинаніяхъ Алиса невольно покидаетъ свое убѣжище, и понемногу приближается къ Бертраму; онъ быстрымъ движеніемъ схватываетъ ее за руку и повергаетъ къ своимъ ногамъ.

Въ эту минуту въ оркестрѣ появляется вновь первая змѣиная, шипящая фраза: Бертрамъ съ язвительною улыбкою продолжаетъ распрашивать испуганную дѣвушку: «Такъ ты ничего не слыхала и не видала? Не правда ли?— «Нѣтъ! нѣтъ!» отвѣчаетъ трепетно Алиса.

Поразительный, превосходный дуэтъ! повторяемъ мы въ избыткѣ нашего чувства. Но какъ могла прійти въ мысль великаго художника, непостижимая, неслыханная почти неисполнимая фермата, которую онъ помѣстилъ въ дуэтѣ?—Разстояніе между голосами огромное, и отдѣльныя прерывающіяся фразы ничего не выражаютъ.

По окончаніи этого дуэта, который можетъ служить безподобнымъ образцемъ истинно-драматической и поэтической музыки, входитъ Робертъ. Терцетъ безъ акомпанемента, начинающійся съ его приходомъ, пользуется

всеобщею извѣстностью.—Дѣйствительно, онъ превосходно обработанъ, голоса въ немъ сочетаются очень удачно; какъ трудность исполненія, по причинѣ интонацій, не поддержанныхъ оркестромъ, онъ не имѣетъ себѣ подобнаго, но не удовлетворяетъ насъ вполнѣ, во-первыхъ, потому что охлаждаетъ драматическое дѣйствіе, а во-вторыхъ, что предъ фермато́ю сопрано есть рѣзкій переходъ, который производитъ на насъ тяжкое впечатлѣніе.

Объяснимся: энармоническій переходъ изъ *la bemol* въ *mi majeur* весьма принятъ, но съ *la bémol* попасть на *si бекаръ* какъ-то трудно и почти невозможно, въ особенности для сопрано на такихъ высокихъ нотахъ *.

Нынѣшній годъ этотъ тріо исполняется у насъ... сколько возможно удовлетворительно и даже хорошо. Г. Формезъ въ особенности поражаетъ звучнымъ нижнимъ *mi bémol*.

По окончаніи тріо, Бертрамъ остается съ Робертомъ. Въ прекрасномъ речитативѣ онъ уговариваетъ его прибѣгнуть къ волшебству, для чего необходимо отправиться на кладбище Розаліи, совершенно одному, и похитить вѣтвь, находящуюся въ рукахъ ея изображенія.

Бертрамъ сомнѣвается, достанетъ ли на это духу у Роберта; сомнѣніе это подаетъ поводъ къ прекрасной рыцарской фразѣ, напоминающей трубный звукъ.

«Des chevaliers de ma patrie,
L'honneur fut toujours le soutien!»

* Намъ возразятъ, что *sol dies* и *la bémol* одно и тоже; мы положительно утверждаемъ, что для правильной интонаціи голоса, между этими нотами большая разница, и ссылаемся на всѣхъ опытныхъ пѣвцовъ.

восклицаетъ Робертъ. Весь этотъ дуэтъ постоянно сохраняетъ рыцарскій колоритъ, и выраженъ отлично.

Сцена сиѣняется; мы на кладбищѣ Розаліи. Въ оркестрѣ глухо раздаются мрачные, таинственные звуки. — На кладбищѣ пусто. Сквозь аркады виднѣется луна, голубое небо и яркія звѣзды. Подъ сводами лунный свѣтъ прокрадывается длинными лучами, и слабо озаряетъ гробницы склепа. И холодно и страшно. Бертранъ входитъ одинъ и начинаетъ заклинаніе.—Эхо печальныхъ сводовъ пробуждается, и жалобно повторяетъ звуки искусителя *. Послѣ заклинанія показываются блуждающіе огоньки; въ оркестрѣ пробѣгаютъ легонькія неуловимыя фразы, и наконецъ начинается неподражаемый фантастическій маршъ усопшихъ дѣвъ. Маршъ въ *do mineur* въ $^3/_4$. Первую четверть исполняютъ *pizzicato* контрабасы и литавры *pianissimo*; вторую и третью наполняютъ мѣдные инструменты, также *pianissimo*.

Послѣдній тактъ *ритма* звучитъ въ *do-majeur*, это придаетъ мотиву фантастическую оригинальность. Потомъ мотивъ переходитъ въ *la-bémol*, и кончается опять въ *do majeur*. Послѣ перваго изложенія, оркестръ замолкаетъ, и остаются только два фагота, которые гнусаво и таинственно высказываютъ какую-то чудную фразу тріолетами.—Можетъ быть, наше мнѣніе странно, но намъ кажется, что сочинитель хотѣлъ этими звуками изобразить скелетовъ, покидающихъ холодное свое ложе. Пока маршъ развивается и оглашаетъ кладбище неподражаемыми

* Мы не можемъ не замѣтить, что вѣроятно знаменитое Tuba mirum Моцарта подало мысль сочинителю тромбоннаго сола.

звуками, гробницы открываются, и со всѣхъ сторонъ появляются бѣлыя тѣни.

Бертрамъ даетъ окончательныя наставленія и уходитъ.— Вдругъ кладбище озаряется яркими огнями; тѣни сбрасываютъ саваны, и являются прекрасными дѣвами съ распущенными волосами.

Дикая радость оживляетъ всѣ ихъ движенія.... онѣ пляшутъ, прыгаютъ, веселятся.—Удивительно изобразилъ великій маэстро эту первую минуту неземнаго, адскаго скорѣе, веселья. Первая фраза танцевъ, которая не что больше, какъ простая гамма въ *re mineur*, начиная съ верхней квинты, не менѣе того поражаетъ своимъ изложеніемъ.

Причина эфекта — оригинальная инструментація. Три флейты, изъ коихъ одна маленькая, треугольникъ, кларнеты, гобои, четыре валторны и болѣе ничего. Струнная масса входитъ въ девятомъ тактѣ какими-то буйными, страшными скачками.

Является Робертъ. Его окружаютъ падшія дѣвы, и различными искушеніями стараются склонить его сорвать вѣтвь Розаліи!... Онъ не рѣшается. Тогда прелестницы прибѣгаютъ къ послѣднему средству.... къ искушенію посредствомъ любви. Обратимъ вниманіе на очаровательную фразу этого пиесажа, которую наши превосходные віолончелисты, Мейнгардъ, Шубертъ, Кнехтъ и проч., исполняютъ прекрасно. Робертъ колеблется, уступаетъ, и наконецъ срываетъ вѣтвь Розаліи! Раздается громовый ударъ, появляются страшные призраки, и оркестръ повторяетъ первую фразу въ *re mineur*, но уже съ оглушительнымъ шумомъ, всею массою инструментовъ.

Актъ этотъ удивительно хорошъ; невозможно достигнуть большаго колорита и вымысла.

Переведемъ духъ, а тамъ, не смотря на нахмуренныя брови нѣкоторыхъ заклятыхъ враговъ русской музыкальной критики, или, правильнѣе сказать въ настоящемъ случаѣ, музыкальнаго разбора, приступимъ къ описанію слѣдующихъ актовъ.

III.

Содержаніе: Противорѣчіе.—Анатомія и музыка.— Цѣнь людей.—Расположеніе Мейербера къ прекрасному полу.— Удивительная гармонія.— Dèc plus ultra музыкальнаго колорита причина юношескихъ слезъ.—Громовое восклицаніе. — Неприличное помѣщеніе для сна «это онъ, это, онъ».—Пилигримы.—Голосъ съ того свѣта. — Опять незванный гость. — Странный нарядъ. — Докучливый разговоръ. — Фантасмагорія и сонъ.

Музыканты, живописцы, писатели, всѣ вообще жалуются на равнодушіе публики къ отечественнымъ произведеніямъ; къ сожалѣнію, оно отчасти справедливо.... однако есть и исключенія, и я, право, не понимаю, напримѣръ, какимъ образомъ со дня напечатанія первой статьи Незваннаго Гостя, не смотря на то, что я прикрылся скромнымъ и неизвѣстнымъ именемъ Ростислава, я выдерживаю не менѣе того формальный приступъ: вопросы, совѣты, назиданія картечью сыплются вокругъ меня. Главною причиною этого натиска, я полагаю помѣ-

щеніе статьи въ Сѣверной Пчелѣ, пользующейся неотъемлемымъ преимуществомъ обращать на себя ласковое вниманіе нѣкоторыхъ писателей. Какъ бы то ни было, но меня обстрѣливаютъ со всѣхъ сторонъ. Иные укоряютъ, что я началъ статью Гофманской сказкой, впуталъ въ нее присказки, юмористику и проч.: по ихъ мнѣнію, о музыкѣ надобно писать съ постнымъ выраженіемъ лица и на голосъ *Requiescat in pace*; другіе, напротивъ, увѣряютъ, что у меня умъ за разумъ зашелъ, что я слишкомъ серіозно говорю объ искусствѣ, котораго непосредственное назначеніе ублажать наши чувства, и что я въ какомъ нибудь тремоло скрипокъ или хроматической гаммѣ признаю мысль, поэтическое намѣреніе, тогда какъ они выражаютъ одни звуки и болѣе ничего. Нашелся даже человѣкъ, впрочемъ весьма милый, образованный (но совершенно эпикурейскаго направленія), который назвалъ меня несноснымъ педантомъ, и увѣрялъ, что меня никто не пойметъ.—Я рѣшительно расхохотался.

Но какъ согласовать противоположныя мнѣнія? возразилъ я наконецъ: для одного я поверхностенъ и легокъ, —для другаго тяжелъ и непонятенъ. Надобно какъ нибудь умудриться и привести къ одному знаменателю всѣ эти противорѣчія.—Положимъ, что я дѣйствительно педантъ, и для ясности сравненія положимъ еще, что я какой нибудь профессоръ, анатомъ, напичканный учеными и техническими терминами, который изъ любви къ наукѣ съ ножемъ въ рукахъ, рѣжетъ безъ пощады нѣжныя ткани прелестной женщины, копается въ фибрахъ... и проч.,

и не менѣе того въ своихъ занятіяхъ находитъ высокую поэзію.

Вы же, почтеннѣйшій поклонникъ Эпикура, въ музыкальномъ отношеніи, и, продолжая сравненіе, молодой человѣкъ пріятный, образованный, веселый, который смотритъ на хорошенькую женщину, какъ на милое созданіе, любуется, цвѣтомъ ея лица, бѣлизною ея кожи, но которому и въ голову не прійдетъ наблюдать процесъ кровообращенія или называть техническими терминами синія жилки, оттѣняющія виски и плечики красавицы, которою онъ любуется. Согласитесь, продолжалъ я, что въ такомъ случаѣ между мною и вами огромное разстояніе, и что это разстояніе, однако же, непремѣнно чѣмъ либо наполняется, именно: людьми, составляющими переходъ отъ меня къ вамъ.

Послѣ профессора (продолжая сравненіе) слѣдуетъ практикующій медикъ, потомъ аптекарь, студентъ, фельдшеръ и такъ далѣе; вы же, не забудьте, вы молодой человѣкъ, наслаждающійся здоровьемъ и жизнью и не принимающій ни какого участія въ нашихъ изысканіяхъ.

Статьи, подобныя настоящей, пишутся для этой цѣпи людей, которая насъ раздѣляетъ или соединяетъ, какъ угодно, и повѣрьте, что цѣпь эта весьма многочисленна.

Безъ техническихъ терминовъ и тщательныхъ изысканій музыкальная статья для посвященныхъ въ таинства науки, не будетъ имѣть большой приманки; между тѣмъ въ толпѣ много молодежи и несовершенно серіозныхъ людей, для которыхъ неизлишнимъ бываютъ юмористика, присказки и проч.

Не знаю, удовлетворительно ли было мое объясненіе, но мнѣ некогда, извините! Пора приступить къ дѣлу.

Третій актъ «Роберта» начинается женскимъ хоромъ Вѣроятно, Мейерберъ большой обожатель прекраснаго пола, потому что у него всѣ женскія фразы обработаны съ особенною любовью и исполнены прелести. Первый хоръ третьяго акта чрезвычайно милъ, но какъ онъ у насъ весьма сокращается, то я почитаю излишнимъ обращать вниманіе на нѣкоторыя выходки композитора.

Послѣ незначительнаго речитатива на сцену выходятъ лица, принадлежащія ко двору принцессы Изабеллы, съ поздравленіемъ на счетъ скораго ея бракосочетанія, не знаю право съ кѣмъ, но только не съ Робертомъ.

Мотивъ хора тотъ же самый, какъ и во второмъ актѣ (начинающійся литаврами и pizzicati контрабасовъ), но здѣсь онъ развитъ во всей силѣ и прелести самой богатой гармоніи. Движеніе басовъ подъ мотивомъ весьма оригинально. Мѣдные инструменты звучно и съ удареніемъ высказываютъ мелодію, а струнная масса тяжелыми зигзагами двигается къ ней на встрѣчу. Тутъ тучи *имитацій* и неожиданныхъ гармоническихъ оборотовъ. Мейерберъ изъ фразы, незначительной для всякаго другаго, или, по крайней мѣрѣ, для большаго числа музыкантовъ, съ умѣлъ составить замѣчательное цѣлое: онъ развилъ эту фразу до крайнихъ ея предѣловъ, и извлекъ изъ нея все, что́ можно было извлечь.

Хоръ прерывается аккордомъ усѣкновенной септимы (7-me diminuée). Робертъ показывается вдали и чарами заколдованной вѣтви усыпляетъ всѣхъ присутствующихъ (только не слушателей, за это я смѣло поручусь).

Оставимъ безъ вниманія довольно ничтожную, небольшую кантилену, которую поетъ Робертъ, любуясь спящею Изабеллою; но вотъ страсти (дурныя страсти) начинаютъ въ немъ пробуждаться; струнные инструменты волнуются въ отрывистой тріолетной фразѣ, которая изрѣдка прерывается речитативомъ.

Робертъ разгоняетъ очарованный сонъ принцессы. Изабелла пробуждается, узнаетъ Роберта и испускаетъ пронзительный крикъ. Вопленъ ея начинается прекрасный, выразительный дуэтъ. Волненіе оркестра придаетъ необыкновенно-страсный характеръ первой части дуэта. Робертъ упрекаетъ Изабеллу въ томъ, что она, забывъ вѣрность, намѣревается отдать свою руку другому, и грозитъ отмстить своему сопернику.

Отвѣтъ принцессы прекрасно выражаетъ характеръ женщины того времени: »Ты могъ на полѣ брани заслужить мою руку или умереть съ честью«, отвѣчаетъ она.

Слѣдующій мотивъ въ *do majeur* исполненъ страстнаго огня. Робертъ умоляетъ не отвергать его любви; онъ предается отчаянію, проситъ, жаждетъ, требуетъ взаимности. Изабелла, встревоженная, испуганная, вскрикиваетъ и въ страхѣ падаетъ на колѣни. Оркестръ умолкаетъ!! Слышны тихія арпеджіи арфы.

Непорочная Изабелла призываетъ къ себѣ на помощь невидимыя силы. Глухо, со слезами, у ногъ Роберта, она начинаетъ знаменитую каватину «*Grace* въ *fa mineur*.

Лишь арфа и англійскій рожокъ акомпанируетъ трепетной мольбѣ взволнованной Изабеллы. Она тихо повторяетъ: «*Grace, grace, pour moi.*» Робертъ непоколебимъ!

Долго со слезами, въ самыхъ трогательныхъ выра-

женіянъ, она его умоляетъ; волненіе ея увеличивается, *crescendo* растетъ—альты присоединяются къ прежнимъ двумъ инструментамъ. Изабелла встаетъ, судорожно беретъ Роберта за руку, и изъ глубины сердца восклицаетъ «*Grace, grace* » Въ эту минуту оркестръ, замолкнувшій предъ чистою мольбою непорочной дѣвушки, вдругъ пробуждается отъ своего оцѣпенѣнія, и разражается всею массою съ послѣднимъ душевнымъ воплемъ Изабеллы!!

Когда я въ первый разъ услышалъ это громовое восклицаніе, то вскочилъ со стула и ушелъ изъ театра. Мнѣ стало совѣстно! Я плакалъ какъ дитя!—Нынѣ, разбирая хладнокровно свои юношескія впечатлѣнія, я вижу ясно, что не музыкальная фраза «Grace» меня прельстила, ни даже затруднительное положеніе Изабеллы... нѣтъ, чисто одинъ музыкальный колоритъ. Замѣтьте, какъ мастерски распорядился композиторъ: онъ вдоволь нашумѣлъ въ дуэтѣ, истощилъ до возможности все страстное чувство;—что же оставалось ему? скажите: ударить въ барабаны? забить въ набатъ, или опустить завѣсу? и тогда Богъ знаетъ, какія предположенія пришли бы въ голову! Мейерберъ удивительно вывернулся изъ бѣды: онъ вдругъ притихъ, притаился, повѣялъ на слушателя какими-то мистическими звуками арфы—поставилъ Изабеллу на колѣни, и наконецъ опять воспрянулъ и разразился громовымъ, неожиданнымъ ударомъ.

Робертъ не могъ не уступить просьбѣ, выраженной при помощи такихъ убѣдительныхъ вспомогательныхъ силъ. Онъ ломаетъ мѣтвь — очарованіе превращается, и придворные, рыцари и дамы, которые почивали на ступеняхъ

залы, у самыхъ дверей пріемной принцессы, просыпаются и входятъ толпой, протирая глаза. Придворные, увидѣвъ Роберта, неучтиво указываютъ на него и поютъ хоръ: «Это онъ, это онъ, какъ онъ смѣлъ, какъ онъ смѣлъ, тайно здѣсь, тайно здѣсь вдругъ явиться, и проч.» Этотъ хоръ имѣетъ неоспоримыя гармоническія и даже мелодическія достоинства; но, во-первыхъ, онъ слишкомъ близокъ къ поразительному эфекту послѣдняго «grace»; во-вторыхъ, я знаю множество анекдотовъ, приспособленныхъ къ нему, и, признаюсь къ стыду моему, не могу безъ смѣха вспомнить фразу «это онъ, это онъ». Въ-третьихъ, наконецъ, какъ вы вѣроятно замѣтили, я разбираю «Роберта» въ поэтическомъ, колористическомъ его отношеніи, а не съ технической стороны. Къ тому же этотъ хоръ у насъ значительно сокращается. Въ слѣдствіе вышеизложенныхъ причинъ я приступаю къ описанію четвертаго акта.

Послѣдній актъ начинается хоромъ пилигримовъ. Въ четвертомъ актѣ всего три нумера, но каждый изъ нихъ удивительно оттѣненъ и обрисованъ. Возвратимся къ хору пилигримовъ. Первая фраза величественно и нѣсколько тяжело выражается басами и тромбонами. Ей отвѣчаютъ тихо и спокойно духовые инструменты. Двѣ эти массы переговариваются шестнадцать тактовъ; въ послѣдствіи входятъ скрипки прелестною фразой, о которой мы говорили въ прелюдіи. Замѣтимъ здѣсь весьма удачный гармоническій эфектъ. Весь хоръ и вступленіе въ него въ *do mineur;* на второмъ тактѣ сочинитель останавливается на одинъ лишь тактъ на аккордѣ *sol majeur* доминантѣ тона, и дѣлаетъ на немъ, такъ называемую, каденцу, при этомъ

случаѣ онъ долженъ употребить *fa-dies*, что производитъ весьма свѣжее и новое впечатлѣніе.

Весь хоръ написанъ *унисоно* для басовъ. Съ голосами входятъ трубы и валторны, и на рисункѣ мотива всѣхъ низкихъ массъ отбиваютъ рѣзкіе аккорды.

Хоръ кончаетъ *piano* прекраснымъ *pizzicato*. Пилигримы проникаютъ въ храмъ. За кулисами слышны органъ и пѣніе. Мы не находимъ словъ, чтобы достойно выразить всю высокую прелесть духовной пѣсни, исполненной органомъ. И сладко, и утѣшительно; невольно слезы навертываются на глазахъ, когда слушаешь сію божественную пѣснь.

По окончаніи гимна, входятъ Бертрамъ и Робертъ. Искуситель страшится близости храма. Онъ старается увлечь Роберта, и обѣщаетъ ему побѣду надъ соперникомъ, если онъ согласится совершенно предаться его власти. Робертъ колеблется; въ то же время вновь слышно духовное пѣніе. Съ невыразимымъ чувствомъ Робертъ вспоминаетъ юные свои годы, чистую молитву, заученную имъ на колѣнахъ покойной матери; онъ останавливается, съ благоговѣніемъ слушаетъ дивные звуки, и повторяетъ ихъ...

Тутъ музыкальный разборъ становится невозможнымъ. Намъ остается, въ избыткѣ чувствъ, преклонить колѣни и пригласить избранныхъ, способныхъ оцѣнивать истинно великое и художественное, выслушать это мѣсто, и раздѣлить съ нами теплое, сердечное чувство восторга къ изящному!!

Духовная пѣснь умолкаетъ. Робертъ, предавшійся сладкимъ воспоминаніямъ невинной молодости, безмолвствуетъ

въ раздумьѣ. Искуситель старается разсѣять его задумчивость, растравляетъ его раны, напоминаетъ, что вскорѣ храмъ огласится брачною пѣснью Изабеллы съ соперникомъ Роберта; наконецъ разсказываетъ старинное преданіе, объявляетъ, что онъ ему отецъ, и что если Робертъ сегодня же не предастся вполнѣ его власти, то онъ, Бертрамъ, погибнетъ навѣки! «Пойдемъ, удалимся отсюда,» повторяетъ искуситель въ волненіи.

На сценѣ появляется Алиса: она ищетъ Роберта, желая избавить его отъ вліянія Бертрама, и возвратить къ прежней спокойной и тихой жизни. Начинается терцетъ, безсмертное произведеніе великаго художника.

Четыре віолончели, раздѣленныя на четыре голоса, выражаютъ прелестную мелодію въ *si mineur*. Окончаніе фразы подхватываетъ валторна и тихо досказываетъ мотивъ.

Робертъ повинуется влеченію своего сердца, и почитаетъ долгомъ слѣдовать за отцемъ. Алиса ужасается; искуситель уже изобличенъ въ ея глазахъ. Новою, свѣжею, мелодіею въ *si majeur* она возсылаетъ къ небу тихую молитву. Мотивъ прерывается минорною треолетною фразою Бертрама, который уговариваетъ Роберта идти съ нимъ. Мотивъ молитвы вновь возвращается,— всѣ три голоса сливаются, но каждое дѣйствующее лице сохраняетъ свой неотъемлемый характеръ. Бертрамъ, тщетно умоляющій Роберта, показываетъ ему адскій договоръ, и упрашиваетъ его укрѣпить мрачное обѣщаніе отца. Сочинитель, въ этомъ мѣстѣ, вводитъ новую дикую отрывистую фразу въ *sol mineur*. Бертрамъ въ сильнѣйшемъ

Нѣмецъ, что вдругъ рѣшительно высказали ваше мнѣніе? Берегитесь: у меня есть знакомые въ Парижѣ, продолжалъ проклятый посѣтитель, люди умные, просвѣщенные, отличные музыканты и сочинители; правду сказать, они не пишутъ для публики.... но все равно, люди съ большимъ дарованіемъ, вы можете невѣрить мнѣ на слово. Да помилуйте, они васъ живаго съѣдятъ.

— Господинъ.... не знаю, какъ васъ звать, воскликнулъ я наконецъ съ нетерпѣніемъ: во-первыхъ, по какому праву входите вы въ мою комнату ночью? во-вторыхъ, прошу васъ знать, что я ни какихъ совѣтовъ отъ васъ не принималъ и не принимаю,—а писалъ такъ потому, что я искренній поклонникъ Мейербера, и оттого, что мнѣ хотѣлось писать—вотъ и все. Что же касается до вашихъ даровитыхъ знакомыхъ, то я весьма буду сожалѣть, если заслужу ихъ негодованіе; ночто́ же дѣлать, на всѣхъ не угодишь!

Ночной посѣтитель принялся насвистывать «Je suis sergent ferme et galant.» Я разсердился не на шутку и неучтиво потушилъ свѣчу. Въ комнатѣ стало свѣтлѣе; глаза проклятаго старика горѣли какъ раскаленные уголья, а остальная часть лица свѣтилась фосфорическимъ пламенемъ. Я бросился къ постели, и спряталъ голову въ подушки. Незванный гость свистѣлъ, трубилъ, оралъ во все горло и на всѣ тоны. «*Je suis sergent*», «*Ma Fanchon est charmante*», «*C'est l'amour, l'amour.*» — Я съ досады схватилъ первый предметъ, попавшійся мнѣ подъ руку, и съ силою пустилъ по тому направленію, гдѣ свѣтились глаза проклятаго моего гонителя. Предметъ разлетѣлся въ дребезги. Отъ шуму я проснулся. На столѣ свѣчи догорали блѣднымъ огнемъ; самъ я не знаю какъ

очутился въ постелѣ. Я повернулся на другую сторону, перекрестился, и пожелалъ себѣ спокойной ночи.

Ростиславъ.

ОТЕЛЛО, РОССИНИ.

Вмѣсто эпиграфа: графъ П.... ди.... Б. часто говаривалъ: «Если хотите убѣдить слушателей, начинайте всегда вашу рѣчь съ допотонныхъ временъ; переходя отъ предмета къ предмету, и отъ происшествія къ происшествію, вы непремѣнно попадете на мысль, которая затронетъ, а можетъ быть и увлечетъ вашихъ слушателей.»

Мы не намѣрены слушаться вполнѣ совѣта знаменитаго дипломата; однако же желая испытать дѣйствительность его теоріи, начнемъ довольно издалека.... Извините!...

Искусства, подобно внѣшней природѣ, подходятъ подъ общіе законы *возрастовъ*: они также имѣютъ дѣтство, развитіе или отрочество, возмужалость и, къ сожалѣнію, старость, выражающуюся упадкомъ въ художествахъ (par la décadence). Общее развитіе душевныхъ и умственныхъ силъ и способностей, конечно, причиною различія возрастовъ въ искусствахъ; но почему случается, что одна отрасль опережаетъ другую, развивается не по времени, и становится вдругъ на недосягаемую высоту для прочихъ, почти однородныхъ искусствъ? Объяснить

это явленіе мы не беремся, но для примѣра приведемъ ваяніе и живопись. Греческіе ваятели не довольствовались пластическимъ изображеніемъ красоты формъ: одушевляя мраморъ, они придавали ему выраженіе (expressio), вѣрнѣйшій признакъ присутствія мысли и чувства.

Аполлонъ и Венера изображаютъ идеальную красоту человѣка; Геркулесъ, могущество и силу въ спокойствіи; Лаоконъ, физическія страданія; Ніобея, душевныя. Во всѣхъ этихъ художественныхъ произведеніяхъ искусство достигло полнаго развитія; тутъ формы проникнуты и одушевлены мыслію. Конечно, нельзя допустить, чтобы ваятели той эпохи были исключительно избранные, и чтобъ имъ однимъ доступно было въ то время вдохновеніе и полное развитіе душевныхъ и умственныхъ силъ. Но по какому же непонятному чуду, спустя много столѣтій, живопись, родная сестра ваянія (une soeur jumelle qui plus est!), представляется намъ въ ребяческомъ возрастѣ, почти въ пеленкахъ? Въ первый періодъ, напримѣръ, Римской Школы (въ концѣ XV-го столѣтія), живописцы не списывали съ природы, а рисовали какія-то вымышленныя лица съ маленькими, продолговатыми глазами, съ растопыренными ножками, и разрисовывали свои вымыслы неестественнымъ колоритомъ. Аббатъ Ланци, говоря о Піетро Перуджино, учителѣ безсмертнаго Рафаэля, отзывается о немъ слѣдующимъ образомъ.

«Кисть его груба, какъ и у всѣхъ вообще современныхъ живописцевъ; фигуры въ его картинахъ неестественны, и одѣты въ узкія, весьма плохо драпированныя одежды. Безчисленное множество картинъ Піетро Перуджино, представляющія снятіе со креста Спасителя, всѣ

на одно лицо, что доказываетъ отсутствіе вдохновенія и мысли *», и проч.

Въ началѣ XVI столѣтія появляется Рафаэль. До 1504 года онъ не дерзаетъ отступать отъ принятыхъ обычаевъ, и слѣпо подражаетъ Перуджино; но мало по малу юный геній его окрѣпляется, порывы его вдохновенія обозначаются явственнѣе, и Рафаэль прокладываетъ себѣ новую стезю, избравъ такъ называемую вторую манеру своей живописи (до 1514; 2-e manière de Raphael). Рисунокъ его становится правильнѣе, кисть мягче, колоритъ живѣе; но великій художникъ не излилъ еще всего вдохновенія, наполнявшаго его душу, и не начерталъ еще произведеній, содѣлавшихъ имя его безсмертнымъ. Однако же вся Италія смотрѣла уже съ удивленіемъ на его творенія.

Вазари *, описывая одну картину, оканчиваетъ слѣдующимъ образомъ: «Вверху картины художникъ изобразилъ небольшой храмъ, окруженный колоннами; храмъ этотъ исполненъ такъ искусно и такъ отчетливо, что нельзя не удивляться художнику, преодолѣвающему такія трудности. (!!) Картина эта несравненна!» восклицаетъ почтенный біографъ.

Очевидно, что сужденія Вазари суть отголосокъ общаго мнѣнія того времени.

Небольшой храмъ, искусно написанный и помѣщенный въ облакахъ, не казался современнымъ любителямъ худо-

* Аббатъ Ланци, извѣстный цѣнитель изящныхъ искусствъ, писавшій въ XVIII столѣтіи.

** Вазари знаменитый біографъ живописцевъ, жившій въ XVI столѣтіи.

жественною несообразностью. Но вскорѣ стиль (манера) Рафаэля (отъ 1514 до 1520) болѣе и болѣе преобразуется. Ему недостаточно правильности рисунка, естественности колорита; онъ старается передать полотну страданія, чувства, мысль.

Вся сила его вдохновенія вполнѣ выражается въ послѣдней его картинѣ, извѣстной подъ названіемъ «Преображенія Господня» (La transfiguration du Christ). Менѣе чѣмъ въ двадцать лѣтъ Рафаэль возвелъ живопись изъ дѣтства до полнаго развитія или возмужалости *. Но какимъ образомъ искусство живописи *оставалось* въ дѣтствѣ до Рафаэля? Неужели болѣе нежели въ осьнадцать столѣтій не нашлось ни одного геніальнаго художника? Невозможно! Вѣроятнѣе же всего, что «дѣятельность великихъ художниковъ вызывается требованіемъ эпохи.» Мы опять не беремся развить эту аксіому до крайнихъ ея предѣловъ, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, но позволимъ себѣ указать на нѣсколько фактовъ, подтверждающихъ наши выводы.

У древнихъ Грековъ и Римлянъ семейная и домашняя жизнь была не въ большой чести; оттого, напримѣръ, и архитектура частныхъ жилищъ была въ пренебреженіи, тогда какъ публичныя зданія были великолѣпны. Жизнь тогда сосредоточивалась бо́льшею частію на площадяхъ (forum), которыя украшались художественны-

* Мы упоминаемъ только о Рафаэлѣ, какъ о высшемъ представителѣ тогдашняго искусства живописи. — Леонардо да Винчи, Тиціанъ и даже Микель Анджело вызваны порывомъ Рафаэлева генія.

ми изваяніями. Мраморъ не боится непогоды; живопись же была бы тутъ вовсе не у мѣста. Когда, съ водвореніемъ и постепеннымъ распространеніемъ Христіанства, родилось желаніе украшать внутренность храмовъ, понадобились картины. Конечно, и у древнихъ была живопись, но общій вкусъ не вызывалъ на эту отрасль искусствъ дѣятельности геніяльныхъ художниковъ *. — Когда общее стремленіе обратилось къ живописи, явились и великіе художники. Вліяніе общаго и даже иногда мѣстнаго требованія такъ велико на художества, что часто вѣтвь или отрасль одного и того же искусства опережаетъ прочія. Въ Германіи, странѣ *семейнаго быта*, камерная, а затѣмъ симфоническая музыка опередили драматическую.

Гайднъ, напримѣръ, написалъ множество квартетовъ и до сотни симфоній; Моцартъ также весьма много писалъ въ этомъ родѣ, прежде чѣмъ приступилъ къ сочиненію безсмертныхъ своихъ оперъ. Въ XVI столѣтіи, правленіе Рима, распространяя свое вліяніе на всю Италію, вызвало духовную живопись и духовную музыку. Палестрина (1529—1594), прозванный современниками отцемъ музыки, сочинялъ предпочтительно гимны, литаніи, мизерери, и проч. Дуранте, Мартини (1706 — 1774) и многіе другіе композиторы слѣдовали по его стопамъ, до

* Мы глубоко уважаемъ сужденія знаменитаго Винкельмана, но сомнѣваемся, чтобъ живопись, безъ анатомическаго изученія модели и безъ естественности колорита, могла приводить въ восторгъ.

тѣхъ поръ, пока общее направленіе вкуса не вызвало художниковъ на драматическое поприще *.

Скарлати и въ особенности Чимароза положили основаніе (въ Италіи) мелодическому развитію музыки. Вскорѣ фуги, контрапункты, каноны и другія трудности, почитающіяся необходимыми принадлежностями духовной музыки, были отброшены и забыты новымъ поколѣніемъ.— Здѣсь опять должно обратить вниманіе на вліяніе *мѣстнаго* вкуса и требованія на искусства.—Италія родина прекрасныхъ голосовъ; хорошій же человѣческій голосъ несравненно выше всѣхъ возможныхъ инструментовъ: вотъ почему, пока инструментальное и симфоническое искусство росло и развивалось въ Германіи, подъ магическимъ вліяніемъ Гайдна и Моцарта, въ Италіи слушали съ упоеніемъ дивныя мелодіи Чимарозы: объ инструментальной же музыкѣ и знать ничего не хотѣли.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ появился Россини. Окруженный съ дѣтства восторженными поклонниками мелодіи, воспитанный въ мысли, что въ области музыки выше человѣческаго пѣнія нѣтъ ничего въ мірѣ, онъ предался исключительно мелодическому роду, и отвергнулъ всѣ прочія отрасли искусства музыки. Понятно, отчего онъ не присвоилъ себѣ успѣховъ, сдѣланныхъ до него искусствомъ въ симфоническомъ и инструментальномъ родѣ; но выше нашихъ понятій то обстоятельство, что онъ не воспользовался для своихъ многочисленныхъ оперъ (написанныхъ имъ для Италіи) драматическими со-

* Со временемъ мы опишемъ подробнѣе постепенный переходъ отъ духовной музыки къ драматической.

кровищами, которыми изобилуютъ творенія Глука и Моцарта.

Мелодіи, формы Донъ-Жуана могутъ, быть можетъ, со временемъ устарѣть; но истинно поэтическая и творческая мысль, которою проникнуто это высокое художественное произведеніе, останется вѣчнымъ незыблемымъ основаніемъ для будущихъ поколѣній. Въ Донъ-Жуанѣ, Моцартъ предпринялъ очертать звуками различные характеры дѣйствующихъ лицъ драмы, и исполнилъ свое предпріятіе съ поразительнымъ успѣхомъ.

Никому не прійдетъ въ голову, чтобы музыкальная фраза, назначенная Лепорелу, могла быть исполнена командоромъ, или арія Доны Анны спѣта нѣжною и граціозною Зерлиною. Звуки, издаваемые статуею командора, звуки неземные, и конечно не могутъ быть приписаны никому изъ дѣйствующихъ лицъ. Очевидно, что Моцартъ сознавалъ недостаточность одной мелодіи; онъ чувствовалъ, что въ операѣ, для произведенія полнаго впечатлѣнія на слушателей, нуженъ колоритъ, выраженіе, мысль; одна же чистая мелодія, то же что абрисъ, или контуръ въ картинѣ.

Возможно ли сомнѣваться, что въ Донъ-Жуанѣ положены начала огромнаго переворота въ драматической музыкѣ? Конечно нѣтъ! Самъ Россини и въ послѣдствіи Мейерберъ доказали, что зерно пало на обильную, неистощимую почву; но въ то время Россини не обращалъ ни какого вниманія на музыкальный драматизмъ. Италія просила, жаждала мелодій—и мелодіи полились рѣкою изъ неистощимаго источника вдохновеній даровитаго маэстра!

Во всѣхъ операхъ *seria*, первой своей манеры, Рос-

сини думалъ только о мелодіи и объ искусствѣ пѣнія; объ инструментаціи же и о драматическомъ выраженіи заботился мало. Въ отношеніи выраженія и колорита слѣдуетъ впрочемъ исключить комическія его оперы, и въ особенности *Сивильскаго Цирюльника*. Въ этой оперѣ Россини такъ удачно напалъ на сюжетъ, соотвѣтствующій неистощимой его веселости (юмору), что невольно очерталъ музыкально-безпечный характеръ Фигаро. Вызванный всеобщею славою въ 1825 году въ Парижъ, знаменитый маэстро написалъ для Французской Оперы *Осаду Коринѳа*, частью передѣланную изъ Магомета, *Моисея*, *графа Ори* и наконецъ *Вильгельма Телл*, величайшее и совершеннѣйшее его твореніе, въ которомъ онъ видимо отступилъ отъ первой и даже второй своей манеры. * Въ *Вильгельмѣ Телѣ*, съ начала до конца, есть мѣстный (Швейцарскій) колоритъ и глубокое драматическое чувство. Оркестръ въ этой оперѣ имѣетъ уже собственное, важное значеніе.

Съ 1829 года Россини умолкъ для сцены. И нынѣ онъ представляетъ необычайное явленіе великаго художника, для котораго еще при жизни наступилъ судъ потомства **.

Изъ всего вышесказаннаго мы полагаемъ себя въ правѣ вывести слѣдующее заключеніе: 1) что въ искусствахъ часто одна отрасль опережаетъ другую, смотря

* Къ послѣдней, второй манерѣ можно отнести оперы, писанныя послѣ 1817 года; о нихъ поговоримъ въ другой разъ.

** Эта болѣе или менѣе поэтическая мысль (смотря по вкусамъ) принадлежитъ, кажется, Берліозу.

помѣстному направленію вкуса; 2) что сужденіе о художественныхъ произведеніяхъ тогда только можетъ быть вѣрно и безпристрастно, когда цѣнитель нѣсколько отдаленъ отъ среды общаго увлеченія, и 3) что драматическія оперы Россини, написанныя до Вильгельма Теля; не соотвѣтствуетъ вполнѣ современнымъ требованіямъ музыкодраматическаго искусства.

На основаніи послѣдняго заключенія, руководимые истиннымъ убѣжденіемъ и совершеннымъ безпристрастіемъ, приступимъ (хоть и не безъ страха) къ разбору оперы *Отелло*.

Увертюра, если она написана не какъ только вступленіе въ оперу (preludio), а въ симфоническомъ родѣ, должна составлять полное, строго обдѣланное цѣлое, выражающее въ сжатомъ объемѣ общую мысль предстоящей драмы. *Отелло* сюжетъ мрачный. Шекспиръ изобразилъ въ немъ яркими красками ревность, ужаснѣйшій изъ душевныхъ недуговъ. Въ увертюрѣ *Отелло* нѣтъ ни одного звука, который приготовилъ бы слушателей къ страшной драмѣ, для которой она служитъ вступленіемъ. Увертюра начинается неопредѣленнымъ, переходнымъ аккордомъ $^4/_6$; послѣ десяти тактовъ, ровно ничего не выражающихъ, композиторъ круто переходитъ изъ *la majeur* въ *fa*, и слегка обрисовываетъ плавную и тихую, впрочемъ также малозначащую фразу (соло кларнета!), и и опять тотчасъ же переходитъ въ *la*, какъ въ доминанту слѣдующаго аллегро въ *re*, составляющаго основную мысль увертюры. Приготовительные тридцать тактовъ анданте совершенно ничего не выражаютъ: въ нихъ нѣтъ ни мысли, ни интересной гармоніи, ни даже замѣ-

чательной чѣмъ нибудь инструментаціи. Слушатель ожидаетъ сильнаго, выразительнаго аллегро, но напрасно! Россини подвернулся подъ перо легонькій, балетный мотивъ тріолетами, и онъ, ни мало не стѣсняясь врачнымъ сюжетомъ *Отелло*, немедленно вставилъ его въ увертюру.

Въ особенности поражаетъ неумѣстный *легато* скрипокъ съ *fa dies* на *do dies*; это взвизгиваніе (извините!) такъ и просится въ какую нибудь польку или вальсъ Гунгля. Вы ожидаете развитія какихъ нибудь поразительныхъ эпизодическихъ фразъ? Опять напрасно! Оркестръ шумитъ въ *re*, шумитъ въ *si*, въ *mi majeur*, но ничего не выражаетъ. Наконецъ является новая, довольно мелодическая мысль, но и та не соотвѣтствуетъ характеру драмы, и къ тому же въ нее вкрались такіе забавные пассажи флейточекъ, что и въ голову не прійдетъ трагическое содержаніе оперы.—Но вотъ слушатели ожидаютъ, что во второмъ отдѣленіи увертюры, по обычаю, исключительно предоставленномъ въ симфоническомъ родѣ для полнаго развитія основныхъ мыслей, что въ этомъ мѣстѣ наконецъ маэстро дастъ полный разгулъ своему вдохновенію. Еще разъ напрасное ожиданіе! Россини вставляетъ тутъ *crescendo*, основанное на двухъ аккордахъ (*la, mi*), и возвращается къ первому мотиву въ томъ же тонѣ и съ совершенно тою же инструментаціею.

Вообще въ увертюрѣ Отелло нѣтъ ни симфоническаго, ни даже мелодическаго достоинства, потому что мотивы, заключающіеся въ ней, не подходятъ подъ драматическое требованіе сюжета оперы.

По окончаніи увертюры начинается интродукція въ *fa*. По этому случаю мы дозволимъ себѣ сдѣлать техническое замѣчаніе. Какъ бы то ни было, но увертюра все таки служитъ, такъ сказать, вступленіемъ въ оперу, слѣдовательно между увертюрой и оперой должны быть соотношенія. *Тональность* (la tonalité) послѣдней части увертюры должна нѣкоторымъ образомъ приготовлять къ тону слѣдующей интродукціи.

Окончивъ увертюру въ *re*, начать интродукцію въ *fa*, это то же самое, что послѣ длинной приготовительной рѣчи заговорить вдругъ о совершенно постороннемъ предметѣ. Отсутствіе діезовъ въ новомъ тонѣ (на *do* и на *fa*) производитъ въ первыхъ тактахъ какое-то неловкое впечатлѣніе. Но вскорѣ это впечатлѣніе разсѣвается, и и ясный, свѣжій мотивъ, чисто Россиніевскаго пера, заставляетъ васъ забыть гармоническую непослѣдовательность.

Торжественный маршъ, предшествующій выходу Отелло, прекрасенъ мелодически, но, къ сожалѣнію, онъ состоитъ только изъ шестнадцати тактовъ; остальное же не можетъ быть названо развитіемъ, а просто только довольно шумное дополненіе. Первая фраза аріи Отелло *Ah! si per voi»* задумана отлично; она дышитъ благородною гордостью. Въ звукахъ Мавра слышно сознаніе собственныхъ его силъ; обращаясь къ патриціямъ съ благодарностью за полученныя награды, Отелло не забываетъ, что онъ побѣдитель враговъ Венеціи. Замѣтимъ здѣсь, что Тамберликъ весьма хорошо исполняетъ эту арію; но онъ принужденъ мѣнять нѣкоторыя основныя фразы, какъ, напримѣръ: «*Per voi d'un nuovo affetto*», доходящую до нижняго *re*. У Тамберлика эти ноты вы-

или бы слишкомъ глухо, и онъ замѣняетъ ихъ высшими, болѣе эфектными для свойства его голоса; но, къ сожалѣнію, эти измѣненія выходятъ не всегда удачны и портятъ иногда смыслъ музыкальной фразы. Слѣдующее анданте «*Premio maggior di queste*» гораздо слабѣе, и кажется намъ слишкомъ нѣжно для Отелло. — Кабалета «*Amor di rada il nembo*» носитъ несомнѣнный Россиніевскій отпечатокъ, а потому и слушается съ удовольствіемъ, хотя мелодія ея видимо отклоняется, въ первыхъ двѣнадцати тактахъ, отъ воинственнаго выраженія, приданнаго Отеллу въ началѣ аріи. Тамберликъ оканчиваетъ арію чрезвычайно эфектно. Прежде окончательной каденцы на *re*, онъ беретъ сильно и звучно верхніе *si* и *la*.

Въ оперной труппѣ, для которой Россини писалъ *Отелло* *, былъ избытокъ теноровъ и недостатокъ въ басахъ **; по этому случаю въ «Отелло» три партіи теноровыя: Мавръ, Родригъ и Яго.

Нынѣ хорошіе теноровые голоса стали рѣдки, и роль Яго почти всегда исполняетъ баритонъ. Нельзя не быть признательнымъ Ронкони за исполненіе неблагодарной партіи Яго, но нельзя и не замѣтить, что звукъ ноты *fa*,

* Отелло писанъ былъ для Гарціи, но въ первый разъ исполнялъ эту партію Нодзари. Весьма замѣчателенъ діапазонъ роли Отелло: въ пассажахъ онъ иногда доходитъ до нижняго *fa*, а вся тесситура пѣнія заключается между нижнимъ *re* и верхнимъ *la*. Въ дуэтѣ съ Родригомъ есть даже верхній *do*!!

** *Отелло* написанъ въ 1816 году для театра Санъ-Карло въ Неаполѣ. Тенора тогда были Нодзари, Гарція, Давидъ и Доницетти.

которою начинается дуэтъ съ Родригомъ, слишкомъ напоминаетъ, усиліемъ, съ какимъ онъ произведенъ, что эта нота принадлежитъ баритону, а не тенору. — Разбирая интродукцію, мы указали на намѣреніе Россини очертить въ первой фразѣ аріи Отелло гордый, воинственный характеръ Мавра; но, увы! это былъ только минутный проблескъ драматизма: въ дуэтѣ, злобный, завистливый характеръ Яго, рыцарскій и благородный характеръ Родрига; все это сливается вмѣстѣ, и въ послѣднемъ аллегро выражается, къ сожалѣнію, самою тривіальною кабалетою.

Весьма затруднительно положеніе оперныхъ дирекцій въ наше время! Публика любитъ разнообразіе, желаетъ слышать новыхъ и хорошихъ пѣвцовъ, а достать ихъ негдѣ!

Женни Линдъ болѣе не поетъ; Зонтагъ уѣхала въ Америку; Крувелли *неуловима*; о Вагнеръ много пишутъ, но мало кто ее слышалъ. Наша дирекція не щадитъ расходовъ для составленія оперной труппы; но гдѣ же достать хорошихъ, *новыхъ* пѣвцовъ, когда ихъ нѣтъ?!

Гризи, Маріо, Тамберликъ, Ронкони и даже Медори и Маррай — повѣрьте, что эти артисты истинно цвѣтъ современныхъ пѣвцовъ. Чего же намъ болѣе? И если намъ приходится иногда слушать дебютантовъ, которые неподстать первокласснымъ артистамъ, то, оцѣнивъ ихъ по достоинству, вспомнимъ, однако же, что всѣмъ пѣвцамъ невозможно быть первоклассными.

Въ роли Дездемоны появилась у насъ, въ нынѣшнемъ году, новая примадона, г-жа Спеція; но, къ сожалѣнію, голосъ ея сдѣлался уже жертвою господствующей нынѣ

въ Италіи системы пѣнія. Звуки ея голоса форсированы; рѣзки и нетверды; методы ея намъ невозможно похвалить: рулады, быстро, но не совсѣмъ искусно пущенныя, вовсе не производятъ того дѣйствія, на которое, можетъ быть, разсчитываетъ пѣвица.

Въ партитурѣ Россини, при появленіи на сцену Дездемоны, написанъ дуэтъ для двухъ сопрано, но примадонны замѣняютъ его обыкновенно аріею. Конечно, арія представляетъ болѣе средствъ примадоннѣ выказать свое искусство, тѣмъ болѣе, что дуэтъ, помѣщенный въ этомъ мѣстѣ, не совсѣмъ блистателенъ; но полагаемъ, что слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, выбирать арію, которая соотвѣтствовала бы характеру оперы. Впрочемъ мы вообще не охотники до вставныхъ арій, и въ особенности до арій въ родѣ той, которую г-жа Спеція выбрала для своего дебюта.

Возможно ли было вставить какую-то польку-мазурку въ партію Дездемоны!!

По окончаніи аріи, Дездемона уходитъ, и сцена остается пустою! Это длится довольно долго, потому что нужно дать время Дездемонѣ одѣться въ свадебное платье. Замѣтимъ, что это весьма охлаждаетъ ходъ драмы.

Публика смотритъ на пустую сцену на обезжизненныя отсутствіемъ дѣйствующихъ лицъ декораціи: кой-гдѣ въ оркестрѣ раздается звукъ отъ нескромнаго прикосновенія руки къ струннымъ инструментамъ. Публика *слушаетъ молчаніе*, ждетъ, и, въ ожиданіи, не знаетъ что дѣлать, пока, наконецъ, новыя декораціи, слетая съ шумомъ и трескомъ, не замѣнятъ прежнихъ. Удобнѣе было

бы, кажется, если бъ Дездемона пропѣла свою арію въ свадебной одеждѣ.

Финалъ перваго акта начинается хоромъ. — Патриціи и другія знатныя лица Венеціи собрались праздновать свадьбу Дездемоны.

Неужели Россини хотѣлъ выразить музыкою этого впрочемъ прекраснаго хора, предчувствіе, что бракъ Дездемоны съ Родригомъ не состоится, и что несчастную Дездемону ожидаетъ трагическій конецъ? Странно! Но дѣйствительно хоръ, «*Santo imen, le guidi amore*», скорѣе напоминаетъ похоронный маршъ, чѣмъ торжественный гимнъ. Терцетъ, въ которомъ Родриго объясняется въ любви своей къ Дездемонѣ «*Ti parli l'amore*» прекрасенъ мелодически, но, къ сожалѣнію, преисполненъ такими руладами, что чувству остается тутъ весьма мало мѣста. Съ появленіемъ Отелла, который объявляетъ права свои на Дездемону, можно было бы ожидать энергическихъ, вдохновенныхъ звуковъ, но тщетно! Гнѣвъ Мавра, страхъ Дездемоны, негодованіе отца ея, ревность Родрига, всѣ эти чувства маэстро выражаетъ малозначащими фразами, какъ въ мелодическомъ, такъ и въ гармоническомъ отношеніи.—Наконецъ отецъ Дездемоны обрекаетъ ее проклятію! Дездемона вскрикиваетъ и падаетъ безъ чувствъ; но слушатели болѣе удивлены, чѣмъ поражены этимъ проклятіемъ, потому что музыкально они вовсе не были подготовлены къ этому ужасному событію. — Послѣ нѣсколькихъ тактовъ, назначенныхъ для перехода въ *la be mol*, начинается знаменитый квинтетъ «*Incerta l'anima*». Дѣйствительно, прекрасная мелодія этого квинтета проникнута истиннымъ чувствомъ: подобныя мелодіи даются

только вдохновеннымъ композиторамъ. Но возможно ли, чтобъ Отелло и соперникъ его Родриго, и Дездемона, обреченная проклятію отца ея, и отецъ, проклявшій свою дочь, возможно ли, чтобы всѣ эти разнородные характеры, и чувства выражались одними и тѣми же словами и совершенно тѣми же звуками? Вспомните также, что на сценѣ хоръ, остающійся въ молчаніи, содѣйствіе котораго могло бы увеличить музыкальный эфектъ. Конечно, квинтетъ «*Incerta l'anima*» есть и останется навсегда прекраснѣйшимъ отдѣльнымъ произведеніемъ; но тутъ, посреди драмы, онъ оставляетъ многаго желать, и тѣмъ болѣе, что прелестный вдохновенный мотивъ вызываетъ такъ сказать, совершеннѣйшее драматическое и гармоническое развитіе.

Про аллегро финала нечего почти сказать. Правда, что хоръ выходитъ наконецъ изъ оцѣпенѣнія; но тутъ нѣтъ ни имитацій, ни гармоническаго интереса, ни даже мелодическихъ мыслей: оркестръ и хоръ шумно вращаются между аккордами *ut* и *sol* въ продолженіе шестидесяти или осьмидесяти тактовъ, и аллегро кончается, не выразивъ ничего.

Второй актъ начинается аріею Родрига, но какъ на нашей сценѣ ея не исполняютъ, то мы прямо перейдемъ къ дуэту Отелла съ Яго. Яго, побуждаемый завистью и злобою, клевещетъ на Дездемону, и осуждаетъ ее въ измѣнѣ.

Этотъ прекрасный дуэтъ, глубоко и съ чувствомъ обдуманный, раздѣленъ на три часто: адажіо, андантe, аллегро.—Въ первой части, Отелло, пораженный ужасною вѣстью, выражаетъ прерывающимися звуками вол-

неніе своей души «*Non m'inganno, é il mio rivale*» но онъ еще колеблется и отталкиваетъ отъ себя страшную мысль измѣны. Въ анданте, Мавру невозможно уже сомнѣваться въ своемъ несчастіи: Яго вручилъ ему предательскія доказательства! «*Il cor mi si divide.*» Эта фраза вырывается, какъ вопль изъ страждущей души. — Тамберликъ прекрасно исполняетъ анданте, и дѣлаетъ весьма удачную перемѣну въ окончаніи. Вмѣсто нижняго *la*, какъ написанно у Россини, онъ беретъ верхній съ большою силою и выраженіемъ.—Въ аллегро Отелло является, наконецъ, въ томъ видѣ, въ какомъ представилъ его Шекспиръ, т. е. олицетвореніемъ ревности. «Погибну я, восклицаетъ онъ, но прежде и Дездомона умретъ отъ моей руки! «*Morro ma vendicato*». Замѣтимъ, что въ этой кабалетѣ Россини въ первый разъ, въ теченіе всей оперы, вздумалъ придать оркестру собственное, отдѣльное значеніе.

Струнные инструменты сильно волнуются тріолетами, не покрывая впрочемъ вовсе пѣнія.

Въ концѣ кабалеты, Тамберликъ беретъ знаменитый *do dies* (т. е. сиксту аккорда, потому что въ басѣ *mi*). Дѣйствительно, сила и вѣрность этого звука поражаетъ слушателей, тѣмъ болѣе, что въ предъидущей фразѣ Тамберликъ доходитъ до нижняго *do dies*. Мы съ наслажденіемъ распространили описаніе этого замѣчательнаго дуэта: въ немъ есть и глубокое драматическое чувство, и вдохновенныя мелодическія мысли.

По окончаніи дуэта (вспомните, двухъ теноровъ), приходитъ Родриго и вызываетъ Отелла на поединокъ; опять дуэтъ двухъ теноровъ? Въ такомъ случаѣ впечатлѣнія

слушателей должны бы идти, возвышаясь: но здѣсь второй дуэтъ совершенно убиваетъ воспоминаніе о предъидущемъ.

«*Ah! vieni nel tuo sangue*» бравурная, довольно избитая фраза, но какое же удивленіе слушателя, когда, при словахъ «*Il traditor qie parmi*», онъ узнаетъ прекрасную фразу, которою только что восхищался въ предшествующемъ дуэтѣ «*Il cor mi si divide.*» Но, увы! здѣсь она утратила свою прелесть; ее помрачаютъ рулады и пассажи, вовсе не соотвѣтствующіе драматическому характеру дѣйствующихъ лицъ.

Дездемона прибѣгаетъ, чтобы разлучить соперниковъ; душевное волненіе должно было бы увеличиться, вдохновеніе композитора расти и развиваться сильнѣе — но, къ несчастію, Россини, подвертывается подъ перо совершенно комическій мотивъ «*Fra tante smanie*», и онъ вставляетъ его въ драматическій терцетъ. Удивительно и непонятно!...

Слѣдующая за терцетомъ арія Дездемоны написана въ старинномъ стилѣ и прекрасна во многихъ отношеніяхъ, но за то хоръ, прибѣгающій къ ней на помощь, утомителенъ до безконечности. Это *crescendo*, вращающееся слишкомъ восемьдесятъ тактовъ на однихъ и тѣхъ же аккордахъ; тридцать семь тактовъ слышенъ въ басѣ *sol*, а потомъ столько же тактовъ *mi*.

Къ счастію, этотъ однообразный шумъ прерывается наконецъ выразительнымъ анданте.

Дездемона, у ногъ своего отца, умоляетъ его о пощадѣ «*L'error d'un infelice*» и пр. Но, къ сожалѣнію,

чувство здѣсь затмѣвается повтореніемъ пять разъ сряду нисходящей гаммы.

При словахъ «*Se il padre m'abbandona*« слушатели опять узнаютъ любимую ими фразу «*Il cor mi si divide*» *, но вдругъ она прерывается, и пѣвица разражается такими отчаянными руладами, что нужно удивительно хорошее исполненіе, чтобъ заставить забыть всю неумѣстность подобнаго пѣнія.

Третій актъ *Отелло*, по справедливости, считается совершеннѣйшимъ въ операѣ; онъ проникнутъ глубокимъ и мрачнымъ чувствомъ. Послѣ прелюдіи и небольшаго, но трогательнаго речитатива Дездемоны, слышна за сценой баркаролла на знаменитыя слова Данта: «*Nessun maggior dolor*» т. е. «Нѣтъ ужаснѣе страданій, какъ воспоминаніе о минувшемъ блаженствѣ въ скорбныя минуты несчастія!» Отъ этой баркароллы вѣетъ безнадежною грустью; сердце невольно сжимается; тихій тремоло въ оркестрѣ и простое, но задушевное пѣніе наводятъ какой-то ужасъ на слушателей. Подобнаго рода драматическіе проблески въ операхъ первой Россиніевской манеры предвѣщаютъ будущаго творца *Вильгельма Телля*, и доказываютъ, что Россини и въ то время наполнилъ бы свои произведенія истиннымъ драматическимъ чувствомъ, если бъ онъ не былъ увѣренъ, что публика, для которой

* Фраза «Si il padre m'abbandona» написана иначе, т. е. тутъ просто равномѣрная гамма отъ *sol* до *mi*, и потомъ отъ *si* до *sol*; но всѣ примадоны ставятъ между осьмушками точки, что преобразуетъ эту фразу въ совершенно подобную фразѣ дуэта.

онъ писалъ, не могла или *не хотѣла* понять и оцѣнить подобнаго рода музыку *.

Знаменитый романсъ, извѣстный подъ названіемъ «*La romance du saule*», самая прелестная и вдохновенная мелодія. Въ этихъ трогательныхъ звукахъ отзываются и грусть, и предчувствіе, и невинность непорочной души Дездемоны. Но, Боже мой, и здѣсь мучительныя рулады, грустное порожденіе тогдашней эпохи, угнетаютъ и портятъ теплое, сердечное чувство!

Окончательный дуэтъ написанъ нѣсколько въ Глуковскомъ драматическомъ стилѣ. Для произведенія полнаго впечатлѣнія онъ требуетъ весьма энергическаго исполненія; у насъ онъ не достигаетъ цѣли, потому что тутъ произвольныя измѣненія невозможны, а низкія и среднія ноты, на которыхъ онъ написанъ, невыгодны для голоса Тамберлика.

Въ заключеніе, разскажемъ анекдотъ, характеризующій незабвенную Малибранъ. Всѣ существовавшія до нея Дездемоны, истощивъ предъ ревнивымъ Отелло убѣжде-

* Мы подчеркнули слово *не хотѣла*, потому что не разъ случалось наблюдать, какъ *массы* уклоняются отъ новаго для нихъ впечатлѣнія. Если публика въ грустномъ настроеніи, она отталкиваетъ веселость, и наоборотъ. Какимъ образомъ разнородная масса людей можетъ подвергнуться одному общему чувству грусти или веселости! Это психологическій фактъ, который трудно объяснить, но намъ безпрестанно случается слышать отъ артистовъ; сегодня публика хорошо или дурно расположена, и это весьма справедливо. Сверхъ этого, такъ сказать, ежедневнаго характера публики, она по эпохамъ пристращается къ трагедіи или къ самымъ пошлымъ фарсамъ, къ безконечнымъ драмамъ или миніатюрнымъ пословицамъ, къ оперѣ или къ балету.

нія въ ихъ невинности, представляли съ покорностью грудь кровожадному его кинжалу. Малибранъ, вѣрная преданіемъ, дѣлала то же самое; но однажды знаменитая пѣвица, имѣвшая весьма раздражительныя нервы, подойдя къ Отелло *, такъ ужаснулась выраженія его лица, что обратилась въ бѣгство. Публика, пораженная этимъ весьма естественнымъ движеніемъ, привѣтствовала его восторженными рукоплесканіями. Съ тѣхъ поръ всѣ Дездемоны безпремѣнно *обращаются въ бѣгство*.

Мы осмѣлились разобрать *Отелло*, руководствуясь современною и наукою современнымъ драматическимъ чувствомъ. Разбирая эту оперу, мы убѣдились, что драматизмъ подавленъ въ ней мелодическимъ требованіемъ тогдашней эпохи, и желаніемъ выказать искусство пѣвцовъ. Скажемъ болѣе: мы убѣждены, что опера *Отелло*, не смотря на неоспоримыя первоклассныя ея красоты, проявляющіяся впрочемъ мѣстами, не могла бъ такъ продолжительно удержаться на сценѣ, если бы не способствовало къ тому искусство первоклассныхъ пѣвцовъ, какъ напримѣръ: Нодзари, Донзелли, Гарція, Рубини, Давидъ, Паста, Малибранъ, Зонтагъ, Віардо и Гризи.

Да простятъ насъ великодушно восторженные поклонники Россини! Въ музыкальной рецензіи односторонность и безусловный восторгъ воспрещаются; когда же дѣло дойдетъ до *Сивильскаго Цирюльника*, этого chef-d'oeuvres въ своемъ родѣ, и въ особенности до *Вильгельма Теля*, саро d'орега Россини, мы никому не уступимъ ни въ увлеченіи, ни въ восторженныхъ похвалахъ.

Ростиславъ.

* Роль Отелла исполнялъ Грація, отецъ Малибранъ, которое она всегдавпрочемъ побаивалась.

ГОМЕОПАТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ИСТОРІИ

И

Теоріи современнаго искусства пѣнія.

Странные толки, опасное краснорѣчіе. — Три эпохи: Россини, Беллини, Верди. — Злоупотребленіе рудалное, злоупотребленіе декламаціонное и злоупотребленіе шумное. — Теорія голоса и тенороваго въ особенности. — Тамберлика do dies. — Громовый голосъ Лаблаша.

Почтеннѣйшіе читатели! Простите великодушно, что я дозволю себѣ предложить вамъ, на этотъ разъ, самый маленькій, крошечный, чисто гомеопатическій.... курсъ исторіи и теоріи *современнаго искусства пѣнія*. — Вамъ это покажется излишнимъ, вѣроятно, но въ такомъ случаѣ до васъ никогда не доходили странныя, удивительныя, непостижимыя сужденія, которыя разражаются въ партерѣ по окончаніи какого нибудь акта Италіянской Оперы, когда *завѣса* опускается, и публика, шумно сотавляя свои мѣста, приходитъ въ движеніе.

«Замѣтилъ ли, какъ Гризи отдѣлала руладу *октавами*?» говоритъ одинъ дилеттантъ, быстро проводя растопыренными пятью пальцами по воздуху.

— Удивительно! замѣчаетъ съ важностью и глубокомысленно другой дилеттантъ: какъ Персіани исполнила пассажъ *двойными нотами*, и сдѣлала разомъ трель въ различныхъ тонахъ!

«Боже мой» говоритъ третій, всплеснувъ руками: «а Тамберликъ-то? грудью въ поднебесье забрался.»

Конечно, повторяю, почтеннѣйшіе читатели, можетъ быть, до васъ не доходили подобные толки, но мнѣ не разъ приходилось ихъ выслушивать, и даже однажды, приведенный въ *азартъ* такого рода выходками, вознамѣрился было объявить во всеуслышаніе, что пассажи октавами предоставлены почти исключительно-фортепіанамъ и нѣкоторымъ струннымъ инструментамъ, что рулады двойными нотами для одного голоса невозможны, и что, наконецъ, грудью въ поднебесье не забираются; но, къ счастію, я опомнился во-время, и не отважился на неумѣстное краснорѣчіе.

Нынѣ, принимаясь хладнокровно за перо, я почитаю однако же не излишнимъ предложить не вамъ, почтенные читатели, а вышепомянутымъ гг. дилеттантамъ, микроскопическую теорію человѣческаго голоса и пѣнія вообще.

Въ послѣднее тридцатилѣтіе италіянская музыка прошла чрезъ три періода, рѣзко отличающіеся одинъ отъ другаго, а именно: чрезъ эпохи Россини, Беллини и Верди; на послѣдней она остановилась и нынѣ неблагополучно пребываетъ! Во всѣхъ искусствахъ есть перевороты, переломы, которые вызываются требованіемъ эпохи, и совершаются людьми, болѣе или менѣе геніяльными. При появленіи Россини, въ Италіи было уже множество консерваторій, въ которыхъ основательно изучали пѣніе.

Пѣвцу недостаточно было знать интервалы, и умѣть въ извѣстныхъ предѣлахъ плавно, протяжно и вѣрно вытягивать данную ноту: отъ него требовали быструю восходящую и нисходящую гамму, группето, мордепто и даже трель. Трудныя Крешентиніевскія солфежіи показались въ свѣтъ, и доказали, до какой неимовѣрной гибкости можно довести человѣческій голосъ. Россини пришло въ мысль перенести на сцену школьныя фіоритуры, украсивъ ими и безъ того уже прелестные мотивы, которые въ изобиліи лились изъ неисчерпаемаго источника вдохновенія великаго маэстра.

Сначала онъ употребилъ фіоритуры только какъ украшенія или легкія арабески при окончаніи музыкальныхъ фразъ, въ фермататахъ; но мало по малу, развивъ въ публикѣ вкусъ къ преодолѣнію голосныхъ трудностей, Россини ввелъ также рулады и фіоритвуры въ самый составъ мелодій.

Изъ этого вышло, что Дездемона, напримѣръ, въ самую драматическую минуту, простертая у ногъ отца своего, который грозитъ ей проклятіемъ, занимается исполненіемъ нѣсколько разъ сряду нисходящей гамы. Публика, увлеченная прелестью мотивовъ даровитаго композитора, довольная хорошимъ исполненіемъ примадонны, приходитъ въ восторгъ, рукоплещетъ, и, одобряя такимъ образомъ драматическую несообразность, упрочиваетъ на нѣкоторое время руладную и фіоритурную эпоху.

Я надѣюсь что почтеннѣйшіе читатели не припишутъ моёй намѣренія посягнуть на славу знаменитаго и очаровательнаго Россини. Геніяльность его не подлежитъ ни какому сомнѣнію: изобиліе и свѣжесть его мелодій изу-

мительны. Россини вызванъ былъ на руладный родъ музыки требованіемъ эпохи. Искусство пѣнія, доведенное до большаго совершенства въ его время, требовало пространнѣйшаго поприща, и, не довольствуясь тѣснымъ пребываніемъ въ стѣнахъ консерваторій, просилось на бѣлый свѣтъ.

Россини удовлетворилъ вполнѣ желанію: онъ открылъ для руладъ обширное поприще на драматической или лирической сценѣ, и поставилъ пѣвцовъ на недосягаемый дотолѣ піедесталъ. *Ченерентола*, *Севильскій Цирюльникъ*, *Сорока-воровка*, *Отелло*, *Семирамида* и множество другихъ оперъ написаны съ цѣлью выставить во всемъ возможномъ блескѣ искусство пѣвцовъ.

Въ то время нельзя было предстать предъ публикою не изучивъ основательно искусства пѣнія; нѣсколько лѣтъ неусыпныхъ трудовъ, ежедневныхъ солфежей, едва были достаточны чтобъ приготовить пѣвца для сцены. Необычайный успѣхъ Россиніевой музыки, увлеченія публики, которая не могла достаточно натѣшиться голосными скачками и упражненіями ея любимцевъ, породили наконецъ злоупотребленіе руладъ и украшеній. Нѣкоторые слушатели съ истиннымъ драматическимъ чувствомъ, опомнившись немного, и удалясь изъ среды всеобщаго восторга, стали задумываться, и слегка порицая водворившуюся систему, начали ирінскивать средства, какъ бы возвратиться къ болѣе естественному выраженію драматическаго чувства. Мнѣніе это, какъ и всѣ вообще мнѣнія, хорошія и дурныя, нашло приверженцевъ, и, возрастая болѣе и болѣе, выразилось наконецъ появленіемъ Беллини.

Новый маэстро, далеко однако же уступавшій въ дарованіи блистательному своему предшественнику, началъ

съ того, что удалилъ изъ среды своихъ мотивовъ рулады и украшенія. и изгналъ ихъ въ фермaты и окончанія музыкальныхъ фразъ. Мелодіи Беллини плавны, нѣжны, проникнуты глубокимъ чувствомъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ однообразны. Исключая нѣкоторыхъ бравурныхъ попытокъ, какъ напримѣръ кабалеты финальной аріи Сонамбулы, полакки въ Пуританахъ и проч., мотивы Беллини сентиментальны, элегичны, но мало имѣютъ энергіи, и не совсѣмъ блистательны.

Не менѣе того онъ достигъ своей цѣли, упростивъ пѣніе, и сдѣлавъ его, такъ сказать, естественнымъ во время драматическаго дѣйствія. Оперы Страніера, Пиратъ, Беатриче, Соннамбула и проч. написанн съ цѣлію означеннаго преобразованія. Обращая вниманіе на текстъ, и стараясь выразить звуками драматическое положеніе дѣйствующихъ лицъ, Беллини поставилъ пѣвцовъ въ необходимость декламировать правильно, и ясно выговаривать слова.

Принудивъ италіянскихъ пѣвцовъ выговаривать отчетливо, молодой композиторъ не малую оказалъ услугу лирическому искусству. Онъ замѣнилъ наслажденія слуха наслажденіями сердечными; но къ сожалѣнію, масса слушателей неспособна къ слишкомъ разнообразнымъ впечатлѣніямъ, и хоти Беллини оставилъ, какъ я упомянулъ выше, въ фермaтахъ и нѣкоторыхъ окончательныхъ кабалетахъ, фіоритуры и различныя трудности, публика, затронутая глубокими, душевными впечатлѣніями, перестала обращать исключительное вниманіе на искусство пѣвцовъ. Слушатели приходили въ восторгъ отъ выразительнаго пѣнія, и холодно выслушивали рулады.

Конечно, направленіе это весьма было похвально;

чувство всегда слѣдуетъ предпочитать искусству, но если говорится что *нѣтъ худа безъ добра*, то бываетъ и наоборотъ. Пѣвцы, замѣтивъ вкусъ публики, стали пренебрегать солфежіями, и вообще основательнымъ изученіемъ труднаго искусства пѣнія. Звучный и вѣрный голосъ, хорошій выговоръ и менѣе или болѣе чувства, были достаточными орудіями для совершеннаго успѣха.

Разумѣется, что рѣчь идетъ о массѣ пѣвцовъ: артисты же, подобные Рубини, Тамбурини, Віардо, Персіани и проч., составляютъ исключеніе. Они хотя иногда, повидимому, и подчиняются вкусу большинства публики, но истинно артистическая ихъ природа побуждаетъ ихъ изучать сокровеннѣйшія и драгоцѣннѣйшія тайны искусства, почему и бываютъ замѣтны въ ихъ исполненіи проблески, обезначающіе другую эпоху исскусствъ. различную съ современнымъ направленіемъ.

Однако же Россиніевская школа положила слишкомъ прочныя основанія пѣнію, чтобы искусство могло вдругъ прійти въ упадокъ; это совершалось мало по малу. Сначала покинули настоящую, звучную и быструю трель, и замѣнили ее какимъ-то дрожаніемъ голоса; встарину *il sostener la voce*, *filer le son*. т. е. продолжительно держать одну ноту, не переводя дыханія и увеличивая постепенно звукъ, почиталось необходимою принадлежностью хорошаго пѣнія; дѣйствительно, пѣвецъ въ такомъ случаѣ вполнѣ владѣетъ своимъ голосомъ: онъ не раздробляетъ безъ нужды музыкальныхъ фразъ, и не переводитъ духъ на половинѣ слова. Но чтобы достигнуть этого, слѣдовало преодолѣть постепенныя трудности школы, и вскорѣ артисты стали замѣнять *il sostener la voce* неизбѣжною аподжіатурой и

монотонною вибраціею въ голосѣ. Вмѣсто быстрыхъ восходящихъ и нисходящихъ гаммъ, которыя стройно и звучно переливались какъ ровные перлы, нетерпѣливые пѣвцы стали дѣлать какія-то хроматическія гаммы, въ которыхъ ухо часто различаетъ неслыханные интервалы.

Такимъ образомъ основныя начала и правила хорошей методы исчезали понемногу, и послѣ смерти Беллини едва остались въ Италіи нѣсколько избранныхъ артистовъ, вѣрныхъ старинным преданіямъ, но и тѣ спѣшили оставить родину, и разсѣялись по Европѣ. Къ тому же всегда находятся люди, стремящіеся къ преувеличенію. Беллини удачно выражалъ тихія, сердечныя, меланхолическія чувства; энтузіасты не довольствовались этимъ: имъ хотѣлось перенести на лирическую сцену порывы бурныхъ страстей, изступленія, гнѣва и ревности. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ появился въ Италіи Верди.

Онъ засталъ искусство пѣнія въ упадкѣ и, вкусъ публики, стремящимся къ преувеличенію истиннаго драматическаго чувства. Трудно устоять противъ всеобщаго влеченія! У Верди недоставало дарованія, чтобъ возвратить утраченное, возсоздать прежнюю школу; не находя хорошихъ пѣвцовъ, онъ прибѣгнулъ къ вспомогательнымъ средствамъ шумнаго оркестра; онъ ввелъ безпрестанное употребленіе громкихъ инструментовъ, трубъ, тромбоновъ, офиклеидъ и даже турецкаго барабана.

Пѣвцы, нерѣдко заглушенные громкими своими сотоварищами. т. е. инструментами оркестра, котораго непосредственное назначеніе должно было бы помогать пѣнію, а не заглушать его, стали неимовѣрно форсировать голосъ, надрываться и наконецъ кричать.

Изъ-этого вышло, что въ Италіи, въ отчизнѣ и разсадникѣ пѣвцовъ, нынѣ стало ихъ весьма мало. Примадонны у Верди не долговѣчны, сопрана у него стаетъ врядъ ли долѣе какъ на пять лѣтъ, тенора на столько же, а баритона не болѣе какъ на десять лѣтъ. Къ тому же очевидно, что Верди самъ мало изучалъ пѣніе: самые удачные его мотивы скорѣе инструментальные чѣмъ голосные. Всѣ извѣстныя намъ оперы Верди, какъ напр., *Навуходоносоръ*, *Эрнани*, *Ломбардцы*, наполнены маршами, хорами, громко и сильно инструментованы, но истиннаго пѣнія, хорошаго кантабиле, вѣрной декламаціи въ нихъ не видимъ... * Не менѣе того у Верди много дарованія и во вдохновеніи нѣтъ недостатка: доказательствомъ тому служитъ, что музыкальную его фразу не по обстановкѣ, а по одному ея оперу всегда можно узнать; это доказываетъ что у него есть свой типъ, своя печать такъ сказать, а въ искусствахъ вообще это весьма важно. Впрочемъ о современной Италіянской музыкѣ мы поговоримъ подробно въ другой разъ, не забудемъ ни Пачини, ни Меркаданте, ни Доницзетти (плодовитѣйшаго и самаго даровитаго изъ современныхъ италіянскихъ композиторовъ); но такъ какъ они не имѣли рѣшительнаго вліянія на искусство пѣнія, то на этотъ разъ о нихъ и не упоминаемъ **.

* Весьма хвалятъ оперу *Риголетто*, но, къ сожалѣнію, мы ея не знаемъ; увѣряютъ, что въ этой оперѣ Верди превзошелъ себя, и, отказавшись отъ вреднаго для пѣнія шума, выказалъ талантъ во своемъ блескѣ. Услышимъ!

** Наши любители, можетъ быть, удивятся, что я не упомянулъ о любимцѣ ихъ, Мейерберѣ, но послѣднія его опе-

Изъ представленнаго нами краткаго обзора очевидно, что *Россиніевская* эпоха была самая блистательная для пѣвцовъ; *Беллиніевская* эпоха декламаціонная, и такъ сказать переходная, а наконецъ *Вердіевская* эпоха упадка (de la décadence). Первоклассные артисты, разумѣется, изъемлются изъ общихъ правилъ, а потому все вышесказанное касается до петербургской италіянской труппы только косвенно; дѣло публики распознать, которые изъ нашихъ артистовъ подлежатъ изъятію. Намъ же остается опредѣлить что составляетъ необходимыя принадлежности истинно хорошаго голоса и искуснаго пѣнія.

Хорошій голосъ, долженъ быть звученъ (sonore), вѣренъ (juste), мягокъ (velouté), гибокъ. (flexible, и пожалуй, обширенъ (d'un diapason étendu). Послѣднее условіе не почитаемое необходимостью, потому что можно быть отличнымъ пѣвцомъ, не имѣя обширнаго діапазона, примѣръ тому г-жи Колбрандтъ, Боргонди и другія.

Истинно хорошій пѣвецъ не форсируетъ и не измѣняетъ звука голоса; онъ поетъ тою же интонаціею, которою говоритъ; сила его голоса происходитъ отъ его *звучности*, а не отъ излишняго напряженія горловыхъ органовъ.

Правильное и естественное *изложеніе* голоса * (émission de la voix) влечетъ за собою правильное и ясное произношеніе словъ.

ры: *Роберть*, *Гугеноты* и *Пророкъ*, писаны для Парижа не для Италіи; прежнія же мало имѣли вліянія на искусство пѣнія.

* Выраженіе это не совсѣмъ правильно, но мы предпочли его буквальному переводу слова émission, по Латыни emissio.

Отъ гортаннаго изложенія голоса (voix du gosier ou zygomatique) выговоръ дѣлается неяснымъ, гнусавымъ; пѣвцы, имѣющіе подобную интонацію, вынуждены бываютъ отъ усилій, совершаемыхъ ими для произведенія звука, гримасничать, морщить лобъ или носъ. Отъ этого теряется драгоцѣннѣйшія достоинства драматическаго артиста, выраженіе лица. Объясняться, напримѣръ, въ любви съ наморщеннымъ лбомъ, весьма невыгодно! Вспомните выраженіе Гризи или Маріо во время пѣнія; эти первоклассные артисты вполнѣ владѣютъ каждымъ мусскуломъ лица, а потому и мимика ихъ такъ выразительна; сравните звукъ голоса Маріо съ голосомъ, напримѣръ, Гуаско, и вамъ ясно представится разница между правильнымъ изложеніемъ голоса и форсированнымъ.

За правильнымъ изложеніемъ голоса, основою хорошаго пѣнія, слѣдуетъ изученіе, какъ во-время переводить духъ. Пѣвецъ не долженъ громко вздыхать, не докончивъ музыкальной фразы, или прерывать на половинѣ слова, какъ это часто дѣлается. Гаммы должны быть исполняемы отчетливо, чтобы каждая нота соотвѣтствовали данному интервалу, а не какому нибудь вымышленному звуку. Вотъ весьма краткія данныя, по которымъ всякій можетъ легко отличить истинно хорошаго пѣвца отъ посредственнаго.

Въ заключеніе скажемъ, что хотя и принято говорить, что такой-то теноръ беретъ *ut* или даже *ut dies* грудью, но это изрѣченіе неправильное. Современные тенора имѣютъ большею частію три регистра въ голосѣ: грудной голосъ, гортанный, или зигоматическій, и головной или фальцетный. Чисто грудной голосъ кончается на

fa *, хотя эту же самую ноту часто берутъ тенора зигоматически, т. е. полугрудью или гортаннымъ голосомъ, что́ дѣлалъ, напримѣръ, незабвенный Рубини въ секстетѣ Лучіи или въ аріи Донъ-Жуана. Онъ начиналъ эту ноту тихо, и потомъ увеличивалъ до неимовѣрной силы и полноты. Далѣе *sol*, *la*, *si*, *do* и даже Тамберлика *do-dies*, все это звуки зигоматическіе: они могутъ быть сильны и звучны, но все таки они не грудные, и не могутъ быть грудными.

Эти же самыя ноты берутъ иногда фальцетомъ, и у иныхъ теноровъ онѣ возвышаются до верхняго *fa* и *fa dies*, какъ напримѣръ у Маріо. Чѣмъ правильнѣе интонація груднаго голоса, тѣмъ естественнѣе и пріятнѣе другіе регистры.

Замѣчательно, что съ водвореніемъ музыки Верди, мужскіе голоса, и въ особенности баритоны, весьма возвысили діапазонъ, и бо́льшею частію употребляютъ уже не чисто грудной голосъ, а гортанный; нынѣ нерѣдко слышно, какъ баритонъ беретъ *fa-dies* и *sol*, что́ явно доказываетъ отступленіе отъ чисто грудныхъ звуковъ..... Я сейчасъ вернулся изъ оперы, и спѣшу окончить статью, сказавъ, съ восхищеніемъ нѣсколько словъ о дебютѣ Лаблаша и его необычайномъ, истинно громовомъ голосѣ.

Ростиславъ.

* Этому есть физическое доказательство: при горловыхъ звукахъ, т. е. басовыхъ, низкихъ, кадыкъ (pomum Adami) понижается, при грудныхъ онъ остается на мѣстѣ; при гортанныхъ или зигоматическихъ, онъ повышается, а при фальцетныхъ опять становится неподвижнымъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О РОССИНИ,

его образѣ жизни и его операхъ.

Въ статьяхъ объ *Отелло* и *Современномъ искусствѣ пѣнія* мы старались доказать по возможности, что «дѣятельность художниковъ въ той или другой отрасли искусствъ вызывается требованіями эпохи.» Успѣли мы или нѣтъ въ нашемъ предпріятіи, не наше дѣло рѣшать этотъ вопросъ; но мы вполнѣ убѣждены, что нѣтъ генія въ мірѣ, который могъ бы пріобрѣсть современное вліяніе и славу, дѣйствуя наперекоръ всеобщему вкусу и стремленію. Конечно, по временамъ, являются великіе художники, которые опережаютъ всеобщій вкусъ, и предугадываютъ, такъ сказать, будущее направленіе искусства; но въ такомъ случаѣ вѣнецъ славы ожидаетъ ихъ за гробомъ, а при жизни имъ предстоитъ тяжкая и часто утомительная борьба. Бетговена оцѣнили только послѣ смерти: квартеты и безсмертныя его симфоніи мало кто понималъ во время его жизни. Много было говорено про суетность славы мірской. Пушкинъ, въ одной изъ безчисленныхъ своихъ поэтическихъ вспышекъ (boutades poétiques), выразился весьма удачно:

«Что́ слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца!»

Художникъ, который гоняется только за современною

славою, и жертвуетъ для нея своими убѣжденіями, врядъ ли произведетъ что нибудь достойное вниманія; но невозможно отвергать того, что современный успѣхъ придаетъ художнику вѣсъ и особое важное значеніе, которое доставляетъ ему неоспоримое вліяніе на избранную имъ отрасль искусства. Нововводители (les innovateurs), если они совершенно уклоняются отъ проложенной стези, мало находятъ вокругъ себя сочувствія, и, проходя тернистый путь, часто теряютъ созерцательное спокойствіе души, столь необходимое для художника, и безъ котораго произведенія его рѣдко находятъ всеобщій отголосокъ.

Однако же даровитый художникъ, *вызванный требованіемъ эпохи*, и развивающій начала, положенныя его предшественниками, не утрачиваетъ своей личности. Мысли его выражаются въ искусствахъ согласно личному его направленію; одному доступны нѣжныя, тихія и веселыя вдохновенія, другому мрачные и энергическіе порывы. Рафаэль, окруженный восторженными поклонниками, увѣнчанный лаврами, предается свѣтлымъ вдохновеніямъ; изображенія его кисти сіяютъ небесною красотой, и кромѣ прокаженнаго отрока въ картинѣ *Преображенія Господня*, врядъ ли когда нибудь приходило на мысль Рафаэлю выразить человѣческія страданія. Микель-Анджело, чуждающійся людей, грустный, одинокій, предается мрачнымъ впечатлѣніямъ: большая часть произведеній его кисти и рѣзца наводятъ невольный ужасъ.

Оба сіи величайшіе художника пользовались, однако же, современною славою; но каждый въ своихъ твореніяхъ выразилъ собственную личность. Слѣдовательно, чтобы вполнѣ понять художника, не худо знать хотя главнѣйшія

черты его жизни и обстоятельства, его окружавшія, и такъ какъ мы изучаемъ нынѣ оперы Россини, то просимъ у читателей дозволенія представить имъ краткій очеркъ жизни знаменитаго маэстра.

Небольшой, но довольно красивый городокъ Пезаро, находящійся въ Папскихъ Владѣніяхъ, удачно пріютился между пригорками, покрытыми вѣчною зеленью, и берегомъ Венеціянскаго Залива. Съ одной стороны прозрачно-лазуревыя, глубокія воды залива, съ другой прохладная тѣнь зеленыхъ рощей; на небѣ яркое солнце — вотъ мѣстоположеніе и обстановка уютнаго городка Пезаро. Въ немъ немного найдется богатыхъ и роскошныхъ жилищъ, но за то маленькіе скромные домики во множествѣ грѣются на солнцѣ, смотрятся въ прозрачныя воды, или укрываются въ тѣни свѣжихъ дубравъ. Въ одномъ изъ этихъ домиковъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, проживалъ кое-какъ Іосифъ Россини (отецъ знаменитаго маэстра). Жилъ онъ бѣдно, но весело, не унывая, съ женою своею, прекрасною Анною Гвидорини.

Іосифъ добывалъ насущный хлѣбъ, наигрывая, съ грѣхомъ пополамъ, на валторнѣ. Въ Пезаро не было постояннаго театра, и Іосифъ расхаживалъ по сосѣднимъ ярмаркамъ Фермо, Форме и другихъ городковъ. 29-го Февраля 1792 года Іосифъ возвращался домой, припѣваючи съ валторной за спиной; подходя къ своему домику, онъ громко закричалъ: «Анна, что́ жъ не выходишь навстрѣчу?» Но Анна не показывалась. Сердце Іосифа болѣзненно стукнуло; онъ поспѣшно отворилъ дверь хижины, и, къ счастію своему тотчасъ же услышалъ довольно слабый, но впро-

чемъ веселый голосъ своей жены: «Не кричи, Іосифъ, говорила она: Богъ далъ намъ сына!»

Іосифъ, не смотря на предостереженіе, вскрикнулъ отъ радости, и для изъявленія своего удовольствія, провалторнилъ такую замысловатую гамму, что окна затрещали.

Анна заткнула себѣ уши, а новорожденный поморщился, но не заплакалъ. — «Добрый знакъ, сказалъ Іосифъ, цѣлуя сына: изъ мальчугана выйдетъ прокъ!» На другой день новорожденнаго окрестили подъ именемъ Джокима, а для родителей жизнь пошла обычной чередой, т. е. утромъ веселая бесѣда, яркое солнце и dolce far niente; въ обѣдъ макароны и каштаны десятка на два баіоковъ (копѣекъ), а вечеромъ Іосифъ прилежно разыгрывалъ на валторнѣ. Будущій великій маэстро, Джокимо, валялся на солнцѣ, слушалъ веселыя канцонеты своей матери, смотрѣлся въ ея ясныя очи, и росъ не по днямъ, а по часамъ.

Двѣнадцати лѣтъ онъ былъ уже прекрасный, стройный мальчикъ, и обладалъ звонкимъ и вѣрнымъ голосомъ, но музыкѣ еще не учился. Въ концѣ 1804 года, Іосифъ Россини привезъ своего сына въ Болонью, и отдалъ въ ученье Анджели Тески. Не прошло полугода и Джокимо зарабатывалъ уже себѣ по нѣскольку паоли въ день, распѣвая въ церквахъ прекраснымъ сопраномъ.

Въ 1807 году, молодой Россини поступилъ въ Болонскій Лицей, подъ начало Станислава Маттеи, ученаго музыканта, достойнаго преемника знаменитаго *padre* Мартини.

Спустя ровно годъ послѣ поступленія Джокима въ лицей, Маттеи обратился къ своимъ ученикамъ съ слѣдующею рѣчью: «Дѣти мои! въ теченіе годоваго курса мы

изучили основныя правила нотаціи, пѣнія, гармоніи и частію инструментаціи; для того, чтобы съумѣть написать какую нибудь кантату или оперу (?), этого уже достаточно. Но нынѣ мы входимъ въ настоящій музыкальный міръ, доступный только истиннымъ музыкантамъ....» Звонкій голосъ Джокима прервалъ оратора: «Какъ это вы говорите, *padre?* Неужели достаточно того, чему мы выучились въ теченіе года, чтобы писать оперы?»

«Конечно, сынъ мой; отвѣчалъ съ важностью и достоинствомъ Маттеи: но для хорошаго музыканта необходимо изученія контрапункта, двойнаго, тройнаго, четвернаго и такъ далѣе; иначе онъ не въ состояніи будетъ писать ни фугъ, ни каноновъ, ни»....

— «Да и Богъ съ ними! прервалъ опять Джокимо: я только и хочу писать оперы! Засимъ благодарю васъ, *padre*, и честь имѣю кланяться.»

Сказавъ это, Джокимо перескочилъ чрезъ три школьныя скамьи, и былъ таковъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этой выходки, шестнадцати-лѣтній Россини написалъ какую-то симфонію, которой, вѣроятно, никто не слыхалъ, и кантату подъ названіемъ *Плачъ гармоніи, Il pianto d'armonia.* Однако жъ, вѣроятно, кантата имѣла нѣкоторыя достоинства, потому что, не смотря на происки Маттеи, весьма недовольнаго поступкомъ непокорнаго ученика, молодаго Россини выбрали директоромъ музыкальнаго общества, называвшагося *Конкордія.*

Въ 1810 году, Россини написалъ одноактную оперу *La Cambiale di Matrimonio,* въ 1811 году *l'Equivoco stravagante,* въ 1812 году (для Венеціи) *l'Inganno fe-*

lice. Въ послѣдней оперѣ просвѣчиваетъ уже огромный талантъ Россини, и въ самомъ дѣлѣ вскорѣ вся Италія наполнилась славою молодаго маэстра. Впрочемъ, должно сознаться, обстоятельства споспѣшествовали музыкальному владычеству Россини въ Италіи. Опасныхъ соперниковъ у него не было: Майера, не смотря на чрезвычайный успѣхъ его оперы, *Rosa bianca e rosa rossa*, Италіянцы немного чуждались, какъ Нѣмца; Перъ съ 1806 года жилъ въ Парижѣ; Паэзіелло былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и доживалъ свой вѣкъ *). Весьма естественно, что молодаго, дѣятельнаго маэстра, для котораго сочинять безпрестанно составляло жизненную потребность, Италія привѣтствовала съ восторгомъ. Россини ласкали, любили, и какъ говорится, носили на рукахъ; жизнь его протекала въ пиршествахъ и въ шумныхъ бесѣдахъ съ многочисленными поклонниками и друзьями.

Когда тутъ было изучать серіозно музыку? Кажется, Россини и не находилъ тогда въ томъ нужды, потому что, когда въ партиціяхъ его, которыя онъ большею частію писалъ окруженный пріятелями, проскакивали иногда запрещенныя квинты, неправильныя резолюціи или рѣзкіе переходы, онъ отмѣчалъ подобныя ошибки крестикомъ и писалъ въ выноскѣ: *Pel sommo piacere dei S-ri pe-*

*) Поразительное доказательство, что публика иногда отказывается отъ принятія художественныхъ впечатлѣній, служитъ примѣромъ совершенный неуспѣхъ Донъ-Жуана въ Римѣ (1811 г.) Въ Миланѣ (въ 1816 г.) та же опера была принята съ восторгомъ, но сомнительно, чтобъ Италіянцы того времени поняли и оцѣнили вполнѣ безсмертное твореніе Моцарта.

danti, т. е. «для наибольшаго удовольствія гг. педантовъ.»

Однако же геніяльная организація Россини напутствовала его вопреки разсѣянной его жизни, и, открывая ему безъ труда и ученія таинства искусства, прокладывала молодому маэстру новый путь. Въ операѣ *Танкредъ* (Венеція, 1813 г.) самостоятельность Россини выказывается уже яркими красками. Прекрасные речитативы, умѣстные ритурнели, измѣненныя формы интродукцій, арій и дуэтовъ доказываютъ геніяльность маэстра. *Танкредъ* произвелъ въ Венеціи неописанный восторгъ. Отъ знатнаго патриція до послѣдняго гондоліера всѣ напѣвали дивныя мелодіи новой оперы. Извѣстную арію *Di tanti palpiti* пѣли и во всѣхъ палацахъ, и на всѣхъ перекресткахъ Венеціи *).

*) Арія Di tanti palpiti извѣстна была въ Венеціи подъ страннымъ названіемъ aria dei rizzi, т е *рисовою аріею*. Вотъ что дало поводъ къ этому непоэтическому прозвищу. За два дня до представленія *Танкреда*, Миланоте, любимая пѣвица того времени, объявила, что написанная для нея входная арія ей не нравится, и что она не намѣрена ее пѣть. Россини пришелъ въ совершенное отчаяніе, просилъ, убѣждалъ пѣвицу, но тщетно. Убѣдить избалованную примадонну невозможно! Несчастный маэстро возвращался съ репетиціи въ самомъ дурномъ расположеніи духа, придумывая какъ помочь бѣдѣ. Въ дверяхъ квартиры маэстра, его встрѣтила кухарка съ обычнымъ вопросомъ: прикажетъ ли онъ ставить рисъ въ печку? «Ставь, что хочешь,» отвѣчалъ разсѣянно Россини, и тотчасъ же, не снимая шляпы съ головы, взялъ нотную бумагу, и принялся писать *Di tanti palpiti*. Пока рисъ варился, арія была готова. — Правда это или нѣтъ не знаемъ, но въ Венеціи и до сихъ поръ такимъ образомъ объясняютъ происхожденіе страннаго названія.

Мы уже сказали (въ статьѣ *О современномъ искусствѣ пѣнія*) нѣсколько словъ о переворотѣ, совершенномъ Россини въ драматическомъ искусствѣ введеніемъ руладъ и фіоритуръ въ партіи. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ пѣніе доведено было до величайшаго совершенства; но знаменитые пѣвцы, напримѣръ, Лафорелли, Фаринелли, Пакіоротти, Маркези, и пр., вставляли произвольныя фіоритуры, а писаннаго почти ничего не было, и искусство передавалось по преданіямъ и такъ сказать, изустно.

Въ 1814 году, Россини, присутствуя при первой репетиціи своей оперы *Aureglіano in Palmira* приведенъ былъ въ восторгъ пѣніемъ Велути (знаменитаго сопрано). На второй репетиціи Россини съ нетерпѣніемъ ожидалъ понравившихся ему пассажей, но они были замѣнены другими. На третьей репетиціи Велути заливался такими неслыханными руладами, трелями, исполнялъ такія неожиданныя фіоритуры, что Россини уже не узнавалъ своей музыки. По окончаніи представленія, озадаченный маэстро подошелъ къ знаменитому пѣвцу.

«Вы поете отлично *illustrissimo*, робко замѣтилъ Россини: но нельзя ли вамъ пѣть мою музыку, а не собственныя ваши импровизаціи?»

Велути посмотрѣлъ на молодаго маэстра свысока, потрепалъ его по щекѣ, пожалъ плечами, и не удостоилъ отвѣтомъ.

Огорченный маэстро задумался. «Хорошо, если всегда будетъ попадаться такой пѣвецъ, какъ Велути, говорилъ онъ про себя, а какъ попадешь на бездарнаго артиста, который Богъ знаетъ что̀ наставитъ въ оперу, что̀ тогда будетъ съ твореніемъ композитора?»

Съ тѣхъ поръ Россини, котораго слава росла ежедневно, сталъ писать ферматы со всѣми руладами и пассажами, и требовалъ отъ пѣвцовъ, чтобъ они исполняли партіи совершенно такъ, какъ онѣ имъ были написаны. О послѣдствіяхъ принятой системы знаменитымъ маэстро мы уже говорили въ предъидущихъ статьяхъ.

Послѣ *Танкреда* до *Моисея*, т. е. съ 1813 г. по 1818 г. Россини написалъ четырнадцать оперъ, въ числѣ которыхъ замѣчательнѣйшія суть: *Италіянка въ Алжирѣ* (1813 г.), *Турокъ въ Италіи* (1814 г.), *Севильскій Цирюльникъ* (1816 г.), *Отелло* 1816 г.), *Чеперентола* (1817 г.), *Сорока-Воровка* (1817).

Каждая изъ этихъ оперъ прекрасна въ своемъ родѣ; но мы станемъ подробно разбирать только тѣ, которыя будутъ появляться на нашей сценѣ, а чтобы вполнѣ характеризировать Россиніевскую эпоху съ 1810 до 1818 г., приведемъ собственныя слова знаменитаго маэстра.

«Меня укоряютъ господа педанты (rigoristi, какъ выражается Россини), зачѣмъ въ моихъ партиціяхъ проскакиваютъ ореографическія ошибки; оно не безъ того, но возможно ли быть иначе при моемъ родѣ жизни? Посудите сами! Я странствую изъ одного города въ другой, и пишу всегда къ извѣстному сроку. За шесть недѣль до начатія сезона, пріѣзжаю въ какой нибудь городъ; въ день моего пріѣзда окружаютъ меня поклонники (*amiratori e dilletanti furiosi*), начинаются серенады, пиры, ужины, и пр. Это продолжается, по крайней мѣрѣ, десять дней. Признаться сказать, я и самъ не прочь повеселиться, да когда же и веселиться какъ не въ мои лѣта и при моихъ успѣхахъ (*successi in ogni genere*), прибавляетъ лукаво

маэстро. Другіе десять дней проходятъ въ спорахъ съ *poeta* (сочинителемъ либретта), который пытается спустить подъ моимъ флагомъ (*sotto la mia bandiera*) всякую возможную дребедень. Къ тому же надобно ознакомиться со средствами пѣвцовъ. Часто случается, что у контральта недостаетъ нѣсколькихъ нижнихъ нотъ, у тенора верхнихъ; басъ хрипитъ, баритонъ кричитъ: все это надобно уладить, ко всему приноровиться, а между тѣмъ время летитъ безъ пощады! Не успѣешь опомниться, какъ до перваго представленія остаются какихъ нибудь двѣ недѣли. Тутъ уже я принимаюсь серіозно за дѣло, пишу день и ночь, упорно отказываюсь отъ званыхъ обѣдовъ и ужиновъ, но отъ *поклонниковъ* отдѣлаться невозможно! Они наполняютъ мою комнату, суетятся, шумятъ вокругъ меня! Часто случалось, что я принужденъ былъ скрываться отъ нашествія *варваровъ* въ постели. Окончивъ дуэтъ или арію, отсылаю партиціи къ копистамъ, которые выписываютъ партіи и отдаютъ ихъ разучивать. Конечно, при такомъ способѣ сочиненія не можетъ быть безъ грѣха; но я отвѣчаю за *вдохновеніе*, потому что чувствую, какъ оно *движется въ головѣ (come si muove nel cervello)*, а за ореографическія ошибки, слуга покорный!»

Какъ бы то ни было, но дѣйствительно вся Италія сочувствовала вдохновеніямъ Россини, а ошибки его отмѣчались только въ консерваторіяхъ.

Однако же не смотря на приведенный нами откровенный отзывъ самаго Россини, очевидно что онъ не увлекался своимъ неслыханнымъ успѣхомъ, и, не смотря на бурную и разсѣянную жизнь, продолжалъ, хотя урывками, изучать таинства искусства. Въ 1818 году Россини на-

писалъ для Театра Санъ-Карло въ Неаполѣ оперу въ три акта *Моисей въ Египтѣ*. Ко всеобщему изумленію *знатоковъ*, Россини явился въ этой оперѣ въ новомъ блескѣ. Во многихъ мѣстахъ видны контрапунктическія нашѣренія, оркестровка обработана тщательно и искусно, всѣ партіи написаны съ истиннымъ знаніемъ музыки. Опера *Моисей* съ перваго представленія имѣла значительный успѣхъ, но, къ сожалѣнію, автору либретта пришло въ голову представить, въ третьемъ актѣ, переходъ чрезъ Черное море, изображеніе котораго на сценѣ не заслужило одобренія публики. Авторъ либретта былъ въ отчаяніи. Въ слѣдующій сезонъ поэтъ упросилъ Россини написать молитву во время перехода чрезъ море. Россини удовлетворилъ желанію автора. На другой день, въ третьемъ актѣ, въ публикѣ пробѣгалъ уже значительный говоръ предвѣстникъ бури какъ вдругъ Порте (исполнявшій роль Моисея) начинаетъ звучнымъ своимъ голосомъ знаменитую молитву *Dal tuo stellato soglio:* говоръ внезапно умолкаетъ, и всѣ слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ торжественные, удивительные звуки божественной молитвы. Минорный мотивъ переходитъ отъ одного дѣйствующаго лица къ другому, растетъ, развивается; наконецъ народъ падаетъ на колѣни, и мотивъ разражается въ мажорномъ тонѣ съ новою силою. Публика такъ была поражена неожиданностью впечатлѣнія, что всѣ присутствующіе въ ложахъ и въ партерѣ встали съ своихъ мѣстъ, и привѣтствовали вдохновеннаго маэстра оглушительнымъ, восторженнымъ крикомъ.

Съ 1818 по 1823 г., Россини написалъ десять оперъ, въ числѣ коихъ *Моисей*, *Ricirado e Zoraide* (1818 г.),

La donna del lago (1819 г.), *Matilde de Shabran* (1821 г.), *Зельмира* (1822 г.) и *Семирамида* (1823 г.).

La donna del lago въ первое представленіе не имѣла успѣха, и такъ какъ Неаполитанцы шикать большіе мастера, то Россини убѣжалъ изъ Санъ-Карло, и тотчасъ уѣхалъ въ Миланъ. По дорогѣ маэстро, для шутки, распустилъ слухъ, что новая опера Россини произвела *фуроръ* въ Неаполѣ. Каково же было удивленіе самого Россини, когда, чрезъ нѣсколько времени, онъ узналъ, что дѣйствительно ошиканная опера имѣетъ огромный успѣхъ.

Во всѣхъ операхъ второй Россиніевой манеры замѣтно стремленіе къ выраженію мѣстнаго колорита; оркестровка тщательнѣе обдѣлана, и гармонія интереснѣе чѣмъ въ первыхъ операхъ. Въ 1825 году Россини былъ вызванъ въ Парижъ. Первая опера, написанная имъ для Французскаго театра (*Осада Коринѳа*), частію передѣлана изъ *Магомета II* (оперы второй эпохи); *Графъ Ори* (1827 г.) отзывается немного вліяніемъ французской школы. Наконецъ, въ 1829 году, появилось самое замѣчательное— но увы! послѣднее произведеніе Россини: *Вильгельмъ Тель*.

Мы отлагаемъ до другаго раза описаніе этого *саро d'opera* Россина; но замѣтимъ съ прискорбіемъ, что, по различному стеченію обстоятельствъ, Французы не совсѣмъ умѣли оцѣнить въ то время это удивительное твореніе величайшаго современнаго маэстра. Въ послѣдствіи Франція, какъ и вся Европа, съ восторгомъ слушала *Вильгельма Теля*—но было уже поздно!

Россини умолкъ на тридцать седьмомъ году отъ рожденія, во всей силѣ неравненнаго своего таланта, и ни

какія убѣжденія въ мірѣ не могли съ тѣхъ поръ поколебать его упорнаго молчанія.

Ростиславъ.

ОСАДА ГЕНТА, ОПЕРА МЕЙЕРБЕРА.

I.

Содержаніе. — Вступленіе. — *L'école buissonière* фельетона. — Вымышленный разсказъ по вовсе невымышленнымъ мнѣніямъ. — Опредѣленіе мелодіи Bier-Scandal. — Сонъ въ руку. — Дань съ Херубини. — Катанье и балетъ на льду. — Торжество звучности. — Электрическое солнце.

Съ появленія *Роберта*, каждая новая опера Мейербера составляетъ эпоху въ музыкальномъ мірѣ. Каждое новое произведеніе маэстра, завладѣвшаго нынѣ лирической музыкою, выслушиваютъ со вниманіемъ, восхищаются имъ и даже основательно изучаютъ, отыскивая смыслъ и значеніе каждой музыкальной фразы. И дѣйствительно, въ операхъ Мейербера нельзя искать однихъ мелодическихъ вдохновеній: знаменитый маэстро пренебрегаетъ мимолетными впечатлѣніями чувственности; онъ смѣло взываетъ къ психическимъ началамъ человѣка, и, начертавъ свои музыкальныя поэмы, съ твердостью ожидаетъ приговора разума, а не чувствъ. Подобныя музыкальныя сочиненія соотвѣтствуютъ ли вполнѣ назначенію лирическаго искус-

ства? Это рѣшатъ позднѣйшія времена; приговоръ потомства неподкупенъ, и рано или поздно озаритъ свѣтомъ художническія произведенія прежнихъ эпохъ. Но какъ же это? возразятъ намъ: а современная критика? Какое же ея назначеніе? Современная критика, отвѣтимъ мы, должна въ нѣкоторыхъ случаяхъ разбирать (конечно безпристрастно) художническое произведеніе, сравнивать его, если угодно съ прежними образцовыми твореніями, приспособлять къ нему извѣстную до того времени теорію *; но осуждать направленіе, или вѣрнѣе сказать цѣлую систему, когда она сдѣлалась предметомъ всеобщаго увлеченія, современная критика, какъ кажется, не вправѣ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ сказать цѣлому населенію Европы: «Не слушай звона колоколовъ, а наслаждайся пѣніемъ птичекъ!» Вообще, сказать откровенно, насъ смущаетъ предстоящій разборъ, а по этому случаю намъ пришелъ на умъ весьма затруднительный вопросъ, *un cas de conscience*, какъ говорятъ Французы: слѣдуетъ ли музыкальной критикѣ быть отголоскомъ общихъ впечатлѣній, или рецензентъ обязанъ высказывать свое собственное, независимое мнѣніе? Конечно, послѣднее предположеніе должно было бы принять за основаніе критики, но мы спрашиваемъ: если бъ самъ Россини сталъ увѣрять, что оперы Моцарта или даже Мейербера никуда не годятся, повѣрили ли бы ему на-слово? Вѣроятно нѣтъ! Съ другой стороны, предположеніе сдѣлать критику отго-

* Мы съ намѣреніемъ говоримъ *извѣстною до того времени* теорію, потому что въ послѣднемъ произведеніи Мейерберъ нерѣдко отступаетъ отъ принятыхъ до сихъ поръ теоретическихъ правилъ гармоніи и пѣнія.

лоскомъ всеобщихъ впечатлѣній представляетъ непреодолимыя затрудненія. Въ доказательство приведемъ въ примѣръ наши похожденія во время трехъ первыхъ представленій новой оперы. Въ одномъ изъ нихъ я сидѣлъ въ самой глубинѣ литерной ложи; сцены мнѣ почти не было видно, и я съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ по партитурѣ, за каждымъ звукомъ оркестра и пѣнія. *Соложники* мои не обращали на меня ни какого вниманія, не дѣлили со мною своихъ мыслей, и, судя по благосклонному говору, доходившему до меня изъ залы, я полагалъ, что произведеніе Мейербера производитъ на публику хорошее впечатлѣніе.

При другомъ представленіи я присутствовалъ въ креслахъ; сосѣдъ мой справа оказался ультра-мейерберистомъ, а слѣва, кажется ультра-водевилистомъ. Не прошло получаса, какъ началась для меня совершенная пытка!—«Боже мой, что за скука!» восклицалъ безпрестанно одинъ изъ моихъ сосѣдей. «Скажите, сказалъ онъ наконецъ, обращаясь ко мнѣ, что жъ это за музыка? Ни одного мотива не остается въ головѣ!» — «Вслушайтесь хорошенько, отвѣчалъ я довольно сухо; купите ноты...» — «Вотъ еще! возразилъ презрительно мой собесѣдникъ: я съ разу запомнилъ *La donna é mobile* изъ *Риголета* и безъ всякой помощи нотъ». На такое убѣдительное доказательство музыкальныхъ способностей моего сосѣда, я, разумѣется, не отвѣчалъ ни слова. По окончаніи перваго акта, меня вдругъ кто-то съ силою схватилъ за руку; я быстро обернулся и встрѣтился, взоръ со взоромъ, съ пылающими отъ восторга глазами другаго моего сосѣда. Губы его дрожали отъ волненія, и онъ произнесъ задыхающимся

хающимся голосомъ слѣдующія слова: «Слыхали ли вы когда нибудь, скажите, слыхали ли что нибудь совершеннѣе этой музыки? Здѣсь каждая фраза обдумана, каждый звукъ логически послѣдователенъ, каждый инструментъ на своемъ мѣстѣ. Я слышалъ эту оперу въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, наконецъ здѣсь, продолжалъ восторженный мейерберистъ, и все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что нѣтъ ничего совершеннѣе этого лирическаго произведенія!»—«Позвольте, замѣтилъ я довольно робко, вы забываете финалы Моцарта въ Донъ-Жуанѣ, да и у самого Мейербера есть истинно прекрасныя мѣста въ его операхъ, какъ напримѣръ, терцетъ въ *Робертѣ*, и весь третій актъ *Гугенотовъ*. Я полагаю, что драматизмъ...» — «Мейерберъ, прервалъ мой сосѣдъ, возвышается съ каждымъ твореніемъ; въ *Робертѣ*, въ *Гугенотахъ* онъ тотъ же Мейерберъ; только здѣсь, въ послѣднемъ произведеніи, онъ *тремя ступенями выше*».

Въ нашъ разговоръ вмѣшалось третье лице неопредѣленнаго характера. «Вы упомянули о Моцартѣ, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: весьма жаль, что онъ умеръ до изобрѣтенія офиклеидъ и саксофоновъ; *звучность* еще не была при немъ развита до надлежащей степени, къ тому же науки (*les sciences*) (?) не были доведены до настоящаго совершенства. Искусство перспективы и декоратора вообще, приспособленіе электричества къ освѣщенію, наконецъ даже *гимнастика* не имѣли въ концѣ XVIII столѣтія настоящаго развитія. Я васъ спрашиваю: могло ли прійти въ голову Моцарту освѣтить какую нибудь сцену своей оперы электрическимъ солнцемъ, или заставить народъ кататься на конькахъ? Опера есть *кос-*

смосъ, въ которомъ должно *отражаться* современное просвѣщеніе!»

Озадаченный до крайности, я нырнулъ въ толпу и скрылся отъ мудраго философа. Пока я пробирался къ дверямъ, меня осыпали вопросами и знаками восклицаній; я улыбался и отмалчивался. Въ самыхъ дверяхъ остановилъ меня одинъ изъ моихъ пріятелей, и взявъ за обѣ руки, сказалъ торжественно: «Ну, правду ты, братъ, написалъ въ статьѣ твоей о *Робертѣ*. Мейерберъ удивительный колористъ! Какъ онъ естественно подражаетъ природѣ! Прошлаго года мнѣ случилось быть въ Витебскѣ, и пѣніе этихъ Евреевъ» (пріятель мой принималъ трехъ ратмановъ за Евреевъ)....—«Напомнило тебѣ, вѣроятно, прервалъ я, протестантскіе псалмы Марчелли, положенные на музыку Гайдномъ». Я произнесъ очень серіозно эту сугубую галиматью; но пріятель мой выпустилъ мои руки, и спросилъ меня, нахмуривъ брови: «Что, ты смѣешься, что̀ ли надо мною?»—«Нисколько», отвѣчалъ я спокойно. Мы разошлись *.

Пользуясь привилегіею фельетониста, которому дозволяется *faire de l'école buissonière* т. е. удаляться по произволу отъ предмета, и перемѣшивать шутку съ серіознымъ, я помѣстилъ здѣсь вышеупомянутые разговоры. Но не доказываютъ ли они, какъ трудно уловить выраженіе общаго впечатлѣнія? Поэтому мы рѣшились покуда сдѣлать аналитическій обзоръ (*une analyse raisonnée*) новому произведенію Мейербера, предоставивъ дальнѣйшіе

* Разумѣется, что всѣ лица, нами выведенныя, вымышлены; мы привели только здѣсь сокращеніе (résumé) слышанныхъ нами толковъ, пересудовъ и разговоровъ.

выводы о направленіи его музыки вообще, позднѣйшимъ временамъ.

Первый актъ. Мы слышали, что въ Берлинѣ Мейерберъ написалъ для разбираемой нынѣ оперы увертюру. Здѣсь ея, однако жъ, не исполняютъ: она замѣняется двадцатью тактами довольно живой прелюдіи, которая ничего не выражаетъ, и помѣщена тутъ развѣ только для того, дабы на помнить зрителямъ, что пора имъ садиться по мѣстамъ. Интродукція, написанная въ пасторальномъ родѣ, начинается двумя кларнетами, представляющими пастушескія свирѣли. Одинъ кларнетъ помѣщается въ оркестрѣ, а другой за кулисами. Долго они перекликаются, подражая одинъ другому; наконецъ къ нимъ присоединяется оркестръ, и слышна легкая трель треугольника, напоминающая звуки бубенчиковъ и колокольчиковъ пасущагося стада.

Замѣчательно въ этомъ мѣстѣ пиччикато скрипокъ на верхнихъ нотахъ; оно ударяетъ на проходящія ноты аккордовъ, что придаетъ гармоніи какую-то занимательную неопредѣленность. Хоръ *La brise est muette* * весьма милъ, но вообще вся интродукція написана въ родѣ интродукціи *Вильгельма Теля*, что невольно побуждаетъ къ сравненію, и сравненіе тутъ не въ пользу Мейерберовой интродукціи. Что̀ можетъ быть прелестнѣе хора *Un jour serein*! Какъ удивительно развита эта мелодія! Тутъ не осьми-тактная только музыкальная фраза, какъ

* Всѣ цитаты мы дѣлаемъ на французскомъ языкѣ, потому что въ изданіяхъ оперы, здѣсь находящихся, нѣтъ перевода. Такимъ образомъ, желающимъ повѣрить наши цитаты, легко отыскать приводимые нами примѣры.

въ интродукціи Мейербера, а полные періоды, соединенные съ изумительнымъ единствомъ, и истекающіе, такъ сказать, одинъ изъ другаго. Кстати скажемъ здѣсь что́ называется хорошею мелодіею. Это то же, что рядъ предложеній, соединенныхъ между собою логическою послѣдовательностью, и оканчивающихся заключеніемъ или выводомъ (*conclusion*). Музыкальные фразы отдѣляются одна отъ другой четвертными каденцами и полукаденцами, замѣняющими знаки препинанія рѣчи, запятыя и точки съ запятою. Цѣлая каденца равняется точкѣ, и ставится для заключенія музыкальныхъ періодовъ. Чѣмъ шире и пространнѣе мелодія, тѣмъ болѣе простора для музыкальной мысли; короткія мелодіи доказываютъ недостаточность вдохновенія, потому что добровольно отказаться отъ самаго естественнаго и логическаго изложенія мыслей, когда въ нихъ есть изобиліе—невозможно.

У Мейербера множество прекраснѣйшихъ мелодій, въ особенности въ прежнихъ операхъ; но въ описываемой нами интродукціи, послѣ первой осьми-тактной фразы, слѣдующія не имѣютъ ничего общаго между собою; въ особенности фраза *D'un jour sans nuages* не имѣетъ логической послѣдовательности: она выражена въ слишкомъ отдаленномъ тонѣ отъ первобытнаго, и расположена на третьемъ обращеніи (*renversement*) септимъ-акорда, что́ помрачаетъ простоту, и, такъ сказать, сельскую наивность основнаго мотива.

Роль Фидесъ написана для г-жи Віардо. Она создала ее (въ 1849 году) въ Парижѣ. Г-жа Віардо и эту роль поняла и исполнила безподобно! По мѣрѣ, какъ развивается дѣйствіе драмы, драматизмъ игры г-жи Віардо

растетъ и возвышается. При своемъ появленіи Фидесъ не поетъ аріи, какъ это всегда водится въ италіянскихъ операхъ, при выходѣ примадонны; но Мейрберъ не покоряется принятымъ обычаямъ, и въ этомъ случаѣ онъ поступилъ прекрасно, потому что развитіе роли Фидесъ требуетъ постепенность не только въ игрѣ, но и въ пѣніи. Намъ даже кажется, что Віардо употребляетъ излишнее драматическое выраженіе въ первомъ парлантѣ. Въ партитурѣ написано *babillant avec bonhomie* (!), и дѣйствительно фраза эта прекрасно изображаетъ музыкальное лепетанье.

Мейерберъ имѣетъ неоспоримое достоинство отлично обрисовывать характеры дѣйствующихъ лицъ. Для произведенія контраста и соблюденія оттѣнковъ, онъ обыкновенно выводитъ на сцену лице, которое рѣзко отдѣляется отъ прочихъ. Музыкальныя фразы Бертрама въ *Робертѣ*, Марселя въ *Гугенотахъ* не имѣютъ ничего общаго съ фразами прочихъ дѣйствующихъ лицъ. Въ новой операѣ выведены на сцену три ратмана: они не что иное какъ Бертрамъ, помноженный на трп, или утроенное злобное начало.

Черные предводители появляются вмѣстѣ, ходятъ и поютъ всегда вмѣстѣ. Мы признаемся, что умышленная и упорная ихъ тройственность наводитъ на насъ уныніе: и одинъ недобрый человѣкъ часто въ тягость, каково же когда ихъ безпрестанно трое?! Хоралъ, который поютъ ратманы при своемъ появленіи отзывается какимъ-то мрачнымъ и зловѣщимъ выраженіемъ *. Мотивъ

* Намъ кажется, что довольно было бы повторить два раза

хора, присоединяющагося къ пѣнію ратмановъ, находится въ слишкомъ близкомъ сродствѣ съ однимъ изъ мотивовъ *Роберта*. Хоръ мало по малу усиливается болѣе и болѣе, крешендо и крешендо, и наконецъ разражается со всею силою на фразѣ хорала. Прекрасно, нѣтъ слова... Но этотъ эфектъ достигнутъ тѣми же способами, которые такъ блистательно удались Мейерберу въ *Гугенотахъ*, съ тою однако же разницею, что въ *Гугенотахъ* музыкальная фраза гораздо шире и выразительнѣе; что тамъ голосныя массы и мѣдные, и духовые инструменты исполняютъ мотивъ унисономъ, но скрипки тріолетами выдерживаютъ верхній педаль, и сверхъ того тамъ есть вводная фраза въ оркестрѣ, громовое, хроматическое крешендо поразительнаго эфекта. А здѣсь, т. е. въ фортиссимо хорала, всѣ массы играютъ и поютъ унисономъ, и кромѣ небольшаго хроматическаго крешендо съ *sol* на *si bémol* нѣтъ никакой вводной фразы. Слѣдующій за симъ маршъ или, вѣрнѣе сказать, *Tempo di marcia*, истинно прекраснъ по фактурѣ, ритму и гармонизаціи.

Дуэтино Фидесъ съ Бертою (г-жа Маррай) названный не знаемъ почему романсомъ въ два голоса, чрезвычайно милъ. Простота и наивность музыкальной фразы прекрасно выражаютъ характеръ сельской невинной дѣвушки. Въ фразахъ Фидесъ болѣе чувства чѣмъ граціи, и

(а не три) піано фразу хорала и одинъ разъ фортиссимо; лишнее по нашему мнѣнію, третье повтореніе дѣлаетъ ее монотонною.

и этотъ весьма обдуманный контрастъ оттѣненъ и обрисованъ Мейербероиъ какъ нельзя лучше *.

Съ перемѣною декораціи, сцена представляетъ внутренность харчевни, принадлежащей Іогану (г. Маріо), сыну Фидесъ. Въ харчевняхъ собирается, разумѣется, предпочтительно народъ грубый, простой; онъ веселится по-своему, и въ Германіи, напримѣръ, пьетъ пиво и пляшетъ, или скорѣе сказать, кружится до упаду. Это грубое веселье Мейерберъ умѣлъ передать однимъ почеркомъ пера.

Начало мотива вальса онъ далъ контрбасамъ, которые такъ тяжело и неуклюже подскакиваютъ, что невольно приходитъ на мысль, что эти массивные весельчаки, вѣроятно, не разъ въ жизни пивали пиво въ запуски.

Появленіе Іогана сопровождается хорошенькою и простенькою кантиленою, хотя, по правдѣ сказать, послѣдняя часть ея ритма имѣетъ весьма странную гармонію, а именно: *si-bémol*, *si-majeur* и *ut-majeur*. Это нѣсколько изысканно. По окончаніи кантилены, Бертранъ въ трехъ лицахъ, т. е. мрачные ратманы (которые неизвѣстно зачѣмъ попали въ харчевню, набитую простымъ народомъ) переговариваются между собою, указывая на Іогана, въ которомъ они находятъ разительное сходство съ какимъ-то таинственнымъ лицемъ. Вычурная гармонія этого, довольно длиннаго разговора непріятно прерываетъ пирушку. Не понимаешь, зачѣмъ всѣ замолкли,

* Въ партитурѣ первый актъ кончается отказомъ графа Варакса въ согласіи на предполагаемый бракъ между Бертою и Іоганомъ. У насъ первый и второй акты соединены въ одно дѣйствіе.

зачѣмъ не пляшутъ, не чокаются, не веселятся, и появленіе вновь мотива вальса привѣтствуется съ удовольствіемъ. Впечатлѣніе это происходитъ оттого, что въ веселой пирушкѣ коварные проповѣдники не у мѣста, а слѣдовательно и мрачные аккорды, которыми выражается ихъ присутствіе, не кстати, и нарушаютъ музыкальное единство и послѣдовательность.

Іоганъ, оставшись наединѣ съ ратманами, проситъ ихъ растолковать ему непонятный сонъ, дважды ему приснившійся. «Вы, какъ люди *умные* и *ученые*, говоритъ онъ простодушно, не можете ли мнѣ объяснить, что значатъ странныя мои сновидѣнія. Мнѣ снилось, что я находился въ великолѣпномъ храмѣ; царская корона украшала мою голову, и простертая предо мною толпа народа возсылала молитвы ко Всевышнему, прославляя меня. Между тѣмъ, на мраморныхъ стѣнахъ храма вдругъ появились огненныя слова: «Горе, горе обманщику! Ужасъ объялъ меня. Я хотѣлъ скрыться, бѣжать... но кровавые потоки прекратили мнѣ путь. Испуганный страшнымъ явленіемъ, я искалъ убѣжища на возвышеніи, на тронѣ, но тщетно... тронъ обрушился; мрачная бездна открылась предомною, я погибалъ, преслѣдуемый проклятіями, а изъ глубины пропасти раздавался голосъ милосердія, и, возносясь къ престолу Всевышняго, просилъ моей пощады.»

Не слѣдуетъ принимать этотъ разсказъ (въ музыкальномъ отношеніи) за романсъ, арію или даже балладу; это речитативъ (*récitatif mesuré*) съ *симфоническимъ* акомпаниментомъ оркестра. Мы говоримъ симфоническимъ для того, чтобы выразить, что главная роль тутъ принадлежитъ оркестру. Неопредѣленность музыкальныхъ

фразъ, колебаніе гармоніи, прекрасно выражаютъ туманность мыслей, которыя часто во снѣ переплетаются безъ всякой логической послѣдовательности. Обратимъ особенное вниманіе на поэтическое намѣреніе, проявляющееся въ ритурнелѣ разсказа о сновидѣніи.

Скрипки (*con sordine*) обрисовываютъ, на верхнихъ нотахъ, весьма легато и піаниссимо, легкую и такъ сказать, зовную фразу; на третьемъ тактѣ альты и віолончели и духовые начинаютъ мотивъ, который, въ послѣдствіи, во время беззаконнаго коронованія преступнаго Іогана, вполнѣ развивается. Слѣдовательно предсказанія таинственнаго сна подтверждаются, такъ сказать, оркестромъ.

Мысль поэтическая! Но слушатель, которому еще не извѣстна вся опера, не можетъ оцѣнить поэтическое намѣреніе, не предвидя, что фраза ритурнели появится въ полномъ развитіи во время коронованія.

Можетъ быть, это обстоятельство (впрочемъ совершенно ничтожное) ускользнуло отъ вниманія Мейербера, который, будучи проникнутъ сюжетомъ оперы, и имѣя уже въ головѣ начертаніе главнѣйшихъ мелодій, воспользовался весьма естественнымъ образомъ музыкальною фразою, одно изложеніе которой, въ глазахъ его, предсказывало уже подтвержденіе загадочнаго сновидѣнія.

Ратманы, побуждаемые какими-то тайными причинами, и желая имѣть Іогана главою своихъ преступныхъ замысловъ, увѣряютъ, что сновидѣніе предрекаетъ трактирщику корону и скипетръ. Іоганъ, разумѣется, не вѣритъ предсказанію, и повѣряетъ коварнымъ проповѣдникамъ, что всѣ его надежды на счастіе сосредоточены въ желаніи соединиться бракомъ съ возлюбленною его Бертою-

Прекрасная кантилена *Pour Berthe moi je soupire* замѣчательна своею простотою. Контрастъ между напыщеннымъ изложеніемъ *сновидѣнія* и этою наивною пѣснію обрисованъ мастерски.

Ратманы уходятъ. Іоганъ, оставшійся одинъ, слышитъ шумъ стремительныхъ шаговъ (подражательные звуки фаготовъ на самыхъ нижнихъ нотахъ, кажутся намъ неудачными). — Берта вбѣгаетъ, трепещущая, взволнованная, бросается въ объятія Іогана, и проситъ укрыть ее отъ преслѣдователей.

Вслѣдъ за ней появляется графъ Варакъ, и требуетъ, чтобы Іоганъ выдалъ ему дѣвушку, укрывающуюся въ его домѣ, грозя, въ противномъ случаѣ, умертвить Фидесъ, которую вооруженные воины приводятъ на сцену. Іоганъ недолго колеблется, и передаетъ Берту во власть графа. Положеніе это подаетъ поводъ къ прекрасному романсу: *Ta pauvre mère te fut plus chére que ta Bertha* *.

Г-жа Віардо поетъ романсъ съ удивительнымъ выраженіемъ. Сначала она тихимъ, ласковымъ голосомъ благодаритъ страждущаго сына, какъ бы опасаясь растравить раны его сердца; но мало по малу увлекается собственнымъ чувствомъ; голосъ ея возвышается, мажорная фраза *Que vers le ciel s'élève ma prière* (фраза совершено Мейерберовскаго типа) выражаетъ всю безпредѣльность ея благодарности къ сыновнему пожертвованію. Ро-

* Мы полагаемъ долгомъ замѣтить, что основная мысль этого романса взята слово въ слово изъ финала *Водовоза* Херубини: *Pour te calmer, dif toi* и *La pauvre mére* однѣ и тѣ же ноты.

мансъ этотъ, конечно, не много коротокъ; музыкальныя въ немъ мысли сжаты и мало развиты, но должно принять въ соображеніе, что во-первыхъ Фидесъ женщина простая, слѣдовательно величественныя выраженія (*des phrases majestueses*) были бы ей не подстать, а во-вторыхъ, что *положенія* такого рода не должны быть продолжительными.

По окончаніи романса, Фидесъ уходитъ, благословляя своего сына, и Іоганъ остается одинъ. Погруженный въ горестныя думы, онъ придумываетъ, какими бы средствами освободить Берту изъ рукъ графа Варакса, какъ вдругъ вдали раздается хоралъ ратмановъ. Іоганъ вспоминаетъ сдѣланное ему предсказаніе; онъ призываетъ коварныхъ искусителей и спрашиваетъ ихъ намѣрены ли они помочь ему въ достиженіи предполагаемой цѣли. Квартетъ, возникающій изъ этого положенія, напоминаетъ, по фактурѣ, первую часть знаменитаго терцета въ *Вильгельмѣ Телѣ*, но какая огромная разница во вдохновеніи! Какъ величественно хороша и какъ прекрасно развита мелодія Россини на слова: *Quand l'Helvétie* и проч. Въ квартетѣ Мейербера фраза *gémissant sous le joug* слишкомъ коротка, и только музыкальная фраза, а не мелодія. Имитаціи фугато струнныхъ инструментовъ, конечно интересны и хорошо сдѣланы, но это только вводныя фразы, арабески, украшенія, такъ сказать, а не основная мысль. Намъ въ особенности кажется неудачною музыкальная фраза на слова *Et la couronne que le ciel donne*. Впрочемъ и въ этомъ квартетѣ есть мѣста, которыя доказываютъ, какъ Мейерберъ глубоко обдумываетъ драматическую сторону своей музыки.

Когда Іоганъ колеблется и готовъ уже принять предложеніе ратмановъ, въ оркестрѣ появляется фраза послѣдняго пѣнія Фидесъ, и напоминаетъ такъ сказать, невидимое присутствіе матери сыну, готовому сдѣлаться преступнымъ.

Наконецъ злобное началое, въ лицѣ трехъ лже-проповѣдниковъ, торжествуетъ, и они уводятъ Іоганна.

Второй актъ. Вѣроятно, между первымъ и вторымъ актомъ прошло довольно времени, потому что пасторальная интродукція перваго акта напоминаетъ весну, а во второмъ актѣ сцена представляетъ суровую зиму и озеро, покрытое льдомъ. Первый хоръ и куплеты одного изъ Бертрамовъ (т. е. одного изъ лже-проповѣдниковъ) хорошо написаны — и только. По окончаніи послѣднихъ, начинается невиданный еще до сихъ поръ балетъ — балетъ на льду! Всѣ струнные инструменты оркестра трепещутъ легкимъ тремоло, а духовые, подъ предводительствомъ флейтъ, скользятъ быстрыми тріолетами до самыхъ верхнихъ нотъ. Это движеніе должно изображать катанье на конькахъ, и дѣйствительно, вскорѣ со всѣхъ сторонъ показываются молодыя дѣвушки, дюжіе парни и мальчики съ корзинами на головѣ. Все это населеніе очень ловко разъѣзжаетъ на конькахъ по натянутому холсту, представляющему ледъ. Не знаемъ, до какой степени это эстетически, но для публики занимательно до крайности. Намъ кажется, что мотивъ хора:

«Voici les fermiéres
Lestes et legéres.»

который весьма милъ, чедовольно слышенъ изъ-за тремоло и летучихъ гаммъ оркестра. У насъ выпускаютъ,

для сокращенія этихъ безконечныхъ танцевъ, вальсъ и редову, которые, впрочемъ, не имѣютъ ничего особенно замѣчательнаго.

Кадриль катальщиковъ есть также звуко подражательное (и довольно удачное) катанье по льду.

Балетъ кончается галопомъ, въ которомъ танцовщицы о являются, какъ простыя смертныя, въ тоненькихъ башмачкахъ, а не на колесахъ.

Бѣдненькія танцуютъ на льду очень граціозное па, постукивая ножка объ ножку, чтобы не отморозить пальцевъ. Музыка галопа, судя по партитурѣ, должна быть прекрасна; въ мотивѣ много жизни и огня; но у насъ его исполняютъ въ такомъ медленномъ темпѣ, что трудно распознать мысль и намѣреніе композитора.

Послѣ катанья и танцевъ декорація мѣняется, и сцена представляетъ палатку ратмановъ. Въ слѣдующемъ терцетѣ, впрочемъ мастерски написанномъ, мы не узнаемъ Мейербера, который всегда такъ искусно сохраняетъ очертаніе характеровъ дѣйствующихъ лицъ, потому что тутъ мрачные ратманы поютъ какую-то вакхическую пѣснь. Мелодія этой пѣсни хорошо ритмована, но не отличается новизною. Намъ кажется также страннымъ, отчего эта попойка происходитъ въ потьмахъ, что̀ доказываетъ слѣдующая прекрасная мелодическая фраза:

«Mais pourquoi dans l'ombre
Demeurer ainsi?
Chassons la nuit sombre и проч. И далѣе
. . . . . .
La flamme scintille.»

Съ этими словами одинъ изъ начальниковъ высѣкаетъ

огонь. Вся эта часть терцета ведена композиторомъ прекрасно, и *остроумно* инструментована, но драматическое положеніе, кажется достигло крайней нелѣпости. Когда ратманы узнаютъ въ своемъ собутыльникѣ графа Варакса, они берутся за кинжалы, и тутъ, кажется, вовсе некстати возвращается мотивъ вакхической пѣсни. Мейерберъ нѣсколько скрылъ эту несообразность, предоставивъ скрипкамъ тремоло на верхнихъ нотахъ, но не менѣе того вакхическая пѣснь все-таки остается тою же пѣсвію, и нисколько не выражаетъ злобы, которою кипятъ дѣйствующія лица.

Графа Варакса, осужденнаго на смерть, уводятъ солдаты. Зачѣмъ въ послѣдствіи Іоганъ, вступившій въ преступный заговоръ, собственно изъ одной мести къ графу, милуетъ его, растолковать не беремся, и перейдемъ къ описанію финала втораго акта.

Сцена представляетъ то же озеро, покрытое льдомъ, на которомъ катались на конькахъ. Въ глубинѣ театра видѣнъ какой-то городъ; время на разсвѣтѣ. Войско, находящееся подъ начальствомъ Іогапа, негодуетъ на него за бездѣйствіе, и собирается идти, безъ дозволенія, на приступъ осажденнаго города. Іоганъ появляется и укращаетъ мятежъ; всѣ предъ нимъ преклоняются. Слѣдующая за симъ молитва начинается мотивомъ хорала, который исполняетъ весь оркестръ унисономъ. Пѣніе Іогана *Eternel Dieu sauveur*, сопровождаемое пиччикато басовъ, имѣетъ какое-то мистическое, весьма умѣстное выраженіе. Странно, что, при переходѣ въ *ut-majeur*: *Seigneur exaussez ma prière*, кантилена совершенно перемѣняетъ свой характеръ, и хотя въ этомъ мѣ-

стѣ весьма мелодична, но слишкомъ напоминаетъ нѣкоторыя избитыя италіянскія кантилены. Насъ въ особенности непріятно поражаетъ италіянская фермата при окончаніи кантабиля. Мы большіе охотники до хорошихъ италіянскихъ мелодій — но всякая вещь должна быть на своемъ мѣстѣ. Зачѣмъ начинать духовное пѣніе и сводить его на свѣтскій романсъ! Строгая логическая послѣдовательность *sine qua non* какъ правильной рѣчи, такъ и хорошей мелодіи.

Іоганъ смирилъ мятежниковъ, и запретилъ своему войску идти на приступъ безъ дозволенія. Вдругъ раздаются трубные звуки со стѣнъ осажденнаго города. Іоганъ, въ качествѣ вымышленнаго вдохновеннаго человѣка имѣетъ какое-то видѣніе, повинуясь которому, онъ повелѣваетъ приступъ, и возвѣщаетъ заранѣе своимъ войскамъ вѣрную побѣду. Въ слѣдствіе чего поется величественный побѣдный гимнъ. Арпеджи арфъ, трубные звуки, полныя массы оркестра и хоровъ, изобилія звучности и сверхъ всего этого, несравненный симпатическій голосъ Маріо производятъ прекраснѣйшее и совершенно полное впечатлѣніе.

Пока поется гимнъ, занялась заря, и блестящее *электрическое* солнце восходитъ на горизонтѣ. Правду сказалъ намедни нашъ собесѣдникъ: «куда стариннымъ композиторамъ! не угнаться имъ за новыми, при такой роскоши вспомогательныхъ средствъ.»

II.

Взглядъ на первые два акта.—Французскій романсъ.—Торжество декоратора.—Удивительный маршъ.—Самое драматическое положеніе.—Скудная мелодія.—Небывалая гармонія.—Народное заиканіе.—Заключеніе и *mea culpa*.

Окончивъ аналитическій разборъ первыхъ двухъ актовъ новой оперы, бросимъ бѣглый взглядъ на музыкальныя ихъ достоинства. Глубокое обдуманіе предмета, правильное очертаніе характеровъ, искусная инструментація и на этотъ разъ не измѣнили Мейерберу, но въ мелодическомъ вдохновеніи замѣтна нѣкоторая скудость.

Изъ двадцати нумеровъ первыхъ двухъ актовъ, истинными мелодіями можно назвать только романсъ (pastorale Іогана, *Pour Berthe moi je soupire*, и пожалуй еще вакхическую пѣсню *Verse, verse frère* *; въ остальныхъ же нумерахъ есть прекраснѣйшія фразы, но это только короткія музыкальныя фразы, а не полныя мелодіи; онѣ замѣчательны менѣе или болѣе драматическимъ выраженіемъ, часто весьма интересною гармонизаціею, иногда звучностью изложенія; но повторяемъ, что мелодическаго, увлекающаго интереса мы мало въ нихъ находимъ.

* Мы не упоминаемъ о танцахъ и даже о вальсѣ въ первомъ актѣ, потому что полагаемъ ихъ аксесуарами въ драматической музыкѣ.

Третій актъ безспорно, самый замѣчательнѣйшій. Въ немъ сосредоточенъ драматическій интересъ всей оперы, и мѣстами вдохновеніе маэстра достигаетъ полнѣйшаго развитія. Этотъ актъ начинается прекраснымъ хоромъ фугато. По окончаніи хора, вниманіе обращается на женщину въ нищенской одеждѣ. Удрученная усталостью, она простерта на ступеняхъ каменнаго колодца, находящагося на сценѣ. Жалобнымъ голосомъ несчастная взываетъ къ проходящимъ, испрашивая подаянія для отправленія тризны за упокой души умершаго ея сына. — Ритурнель романса, названнаго *La complainte de la mendiante*, весьма оригинальна, и прекрасно выражаетъ тихую, робкую жалобу. Непонятно, отчего композиторъ не воспользовался этою удачною музыкальною мыслію (разумѣется, съ нѣкоторыми измѣненіями и большимъ развитіемъ) для самаго романса. Музыкальная фраза на слова *Donnez, donnez pour nne pauvre ame*, трогательна, выразительна, но она имѣетъ неотъемлемый отпечатокъ многихъ уже весьма извѣстныхъ французскихъ романсовъ. Конечно Мейерберъ, съ умѣлъ ее украсить инструментаціею; напримѣръ, при повтореніи фразы, гобой держитъ продолжительный верхній *si*, разрѣшающійся на *ut*; жалобный этотъ звукъ отлично соотвѣтствуетъ основной мысли. Мажорная фраза *Au sein de votre richesse*, рѣшительно приводитъ насъ въ огорченіе! Во-первыхъ, она не имѣетъ ни какой логической послѣдовательности съ предшествующей, и во-вторыхъ, ужасно напоминаетъ самый избитый водевильный напѣвъ. Мейерберъ, вѣроятно, самъ почувствовалъ тривіяльность этой фразы, потому что послѣ четырехъ тактовъ, тотчасъ же

ее покинулъ, и прибѣгнулъ къ интересной гармонической прогрессіи. Фермата или каденца на слова *N'importe, la tombe est plus froide encore,* безподобна, совершенно умѣстна, и Віардо исполняетъ ее несказанно выразительно.

Послѣ романса граждане удаляются.

Въ проходящемъ пилигримѣ Фидесъ узнаетъ Берту; нечаянная встрѣча озаряетъ минутною радостью сердце несчастной женщины. Берта разсказываетъ, какимъ образомъ она спаслась изъ замка графа Варакса.

Начало дуэта отзывается вліяніемъ французской музыки. Фразы *Pour garder à ton fils,* и далѣе *Et j'accours, je te vois,* не напоминаютъ ли стиля комической оперы (Opéra comique de Paris)? Но Фидесъ объявляетъ, что сынъ ея, женихъ Берты, болѣе не существуетъ. Ларгетто кантабиле *Dernier espoir,* начинающееся безъ оркестра, въ высшей степени превосходно Фраза *Que faire encore sur cette telle,* переходящая имитаціями отъ одного голоса къ другому, исполнена глубокаго чувства. Въ послѣдствіи, когда голоса соединяются первые четыре такта они поютъ октавами! Не эфектнѣе ли было бы тотчасъ же ихъ гармонизовать? Далѣе, въ фразѣ *Non plus d'espoir* голоса прекрасно сочетаются; но, къ сожалѣнію, въ оркестрѣ замѣтно привязаніе на оригинальность. Піччикато басовъ и скачки октавами фаготовъ, кажется намъ портятъ изящное впечатлѣніе хорошаго сочетанія голосовъ. Мы также дозволимъ себѣ отдать на судъ теоретиковъ слѣдующую гармонію при словахъ *Tout mon bonheur.* Первый сопрано береть *sol* бекаръ *fa, re,* а второй *la* бекаръ, *la dies, si*! Замѣтимъ, что первая септима ни чѣмъ не приготовлена и прежде

разрѣшенія на аккордѣ *sol majeur*, а не *re*, какъ бы правильнѣе слѣдовало проходить чрезъ уменьшенную сексту *. Всѣ послѣдующія за симъ вокализаціи превосходны, хотя немного растянуты и не совсѣмъ умѣстны при драматическомъ положеніи поющихъ.

Окончательная каденца кажется намъ вычурною и несовсѣмъ удобною для голосовъ.

По окончаніи ларгетто, Фидесъ разсказываетъ, что она нашла однажды окровавленную одежду своего сына, и невидимый голосъ провозгласилъ, что сынъ ея палъ жертвою изверга, самозванца, опустошающаго Фландрію — Берта клянется отмстить смерть своего жениха.

Аллегро въ $^{6}/_{8}$ *Dieu me guidera*, не соотвѣтствуетъ положенію и въ особенности фраза *Sa voix immortelle*, совершенно просится въ вальсъ; но за то отвѣтъ Фидесъ *Mes yeux n'ont plus qu'a pleurer*, безподобенъ отъ начала до конца. Замѣтимъ, что г-жа Маррай, которая всегда поетъ мило, скромно и благоразумно, въ послѣдней каденцѣ слишкомъ форсируетъ верхній *ut*. Это можетъ испортить ей голосъ, и нимало не соотвѣтствуется тембру (timbre).

Послѣ дуэта декорація перемѣняется и представляетъ... торжество Роллера, т. е. торжество искусства декоратора. Величественные своды, пилястры, колонны ясно

* Намъ возразятъ, можетъ быть, что нынѣ сплошь-дарядомъ въ двойнымъ контрапунктѣ пишутъ септимы безъ приготовленія. Правда. Но въ такомъ случаѣ, по обязанности рецензента, мы должны указать на усовершествованія и на измѣненія теоріи, потому что насъ встарину учили приготовлять въ двухъ-голосной гармоніи не только септиму кварту, но даже чистую квинту.

обрисованы въ необъятной перспективѣ Сотни люстръ освѣщаютъ первый планъ декораціи мерцаютъ въ самой глубинѣ сцены. Начинается великолѣпное шествіе подъ звуки торжественнаго, истинно прекраснѣйшаго марша, исполняемаго двумя оркестрами (изъ коихъ одинъ изъ мѣдныхъ инструментовъ, называемыхъ саксофонами). Шествіе открываютъ вооруженные солдаты; за ними слѣдуютъ, въ пышныхъ одѣяніяхъ, разные чины съ ассистентами; нѣкоторые изъ нихъ несутъ, на бархатныхъ подушкахъ' мечъ, скипетръ, корону и мантію. Потомъ идутъ пѣвчіе въ красной одеждѣ, молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ съ вѣнками на головѣ; дѣвушки усыпаютъ путь цвѣтами. Наконецъ появляется самозванецъ подъ балдахиномъ. Роскошная бѣлая парчевая одежда, осыпанная драгоцѣнными каменьями, обнаженная голова, украшенная густыми, черными локонами, прекрасное выраженіе лица Маріо представляютъ идеалъ человѣческой красоты. Шествіе замыкаютъ три мрачные и злов̀ѣщіе лжепроповѣдника, и наконецъ сановники въ золотыхъ парчевыхъ мантіяхъ, подбитыхъ горностаемъ. Процессія мѣ̀дленно проходитъ чрезъ сцену, и скрывается въ глубинѣ перспективы.

Маршъ, исполняемый во время шествія, весьма замѣчателенъ какъ по основной мысли, такъ и по его развитію, и въ особенности по прелестной, хотя и не совсѣмъ оригинальной кантиленѣ, которая сначала излагается въ *mi bemol*, а потомъ въ *la bémol*. Въ кодѣ (code), когда оба оркестра соединяются, Мейерберъ не пренебрегъ воспользоваться изобрѣтеніемъ Верди, а именно *синкопами* турецкихъ барабановъ.

Впрочемъ мы не поставляемъ этого въ укоръ знаменитому маэстру. Для крайняго разраженія (*explosion*) звучности, ничто не можетъ быть удобнѣе, и если это употреблено кстати и во время, то неминуемо производитъ прекрасный эфектъ.

По окончаніи шествія, народъ становится на колѣни, и раздаются звуки органа и духовнаго пѣнія. Въ это время на сцену входитъ Фидесъ. Услышавъ, что народъ возсылаетъ моленія за самозванца; она въ негодованіи проклинаетъ преступнаго обманщика. Заклятіе это, сопровождаемое величественными звуками органа, поразительно эфектомъ, и наводитъ невольный ужасъ, въ особенности при игрѣ и неподражаемой декламаціи Віардо. Нельзя не пожалѣть, что со вступленіемъ оркестра слѣдующая фраза *Ah! ma fille, o Judith nouvelle*, принимаетъ совершенно другой характеръ и помрачаетъ своею *брависурною* вокализаціею ясное, восторженное впечатлѣніе. Начинается обратное шествіе. Въ скрипкахъ появляется піаниссимо и легато, воздушная фраза, которую мы уже слышалипри разсказѣ сновидѣнія.

Пѣвчіе (*les enfants du cholur* выходятъ на авансцену и поютъ удивительную мелодію, тихо ударяя каждый первый тактъ ритма въ тембры (родъ колокольчиковъ) сребристаго звука. Мелодія эта не отличается новизною вымысла но способъ ея изложенія и эоирный контрапунктъ скрипокъ очаровательны. Кажется, однако жъ, что хоръ этотъ растянутъ, и вторую фразу *Oh prodige!*

* Въ партитурѣ эта фраза предоставлена органу; но у насъ, не знаю почему, исполняется скрипками.

(не смотря на это, что она также прекрасна) полагаемъ излишнею. Возвращеніе первой мелодіи всѣми массами оркестра и хоровъ и гармоническое ея развитіе выше всѣхъ похвалъ.

Тутъ съ начала до конца соблюденъ необычайный колоритъ; каждый звукъ, каждая фраза на своемъ мѣстѣ, и достигаетъ полнаго значенія.

Наконецъ, предъ простертымъ народомъ, показывается на возвышеніи самозванецъ, въ мантіи и съ короною на головѣ. Ѳидесъ съ ужасомъ узнаетъ въ преступникѣ своего сына!

«Сынъ мой!» восклицаетъ она съ пронзительнымъ воплемъ. Самозванецъ смущается Первое движеніе побуждаетъ его броситься въ объятія своей матери, но заговорщики его окружаютъ, и грозятъ немедленною смертью Ѳидесъ, если онъ ее признаетъ. Несчастный властолюбецъ повинуется! Онъ медленно сходитъ съ возвышенія, и, подойдя къ своей матери, спрашиваетъ у окружающихъ:

«Кто эта женщина?» Ѳидесъ, какъ громомъ пораженная, долго не можетъ прійти въ себя, но, наконецъ, заливаясь слезами, отвѣчаетъ: «Кто я?.. Я несчастная мать, которая вскормила и взлелѣяла тебя, недостойнаго моего сына, и ты, ты, неблагодарный, меня не узнаешь!..» Народъ приходитъ въ волненіе и тихо ропщетъ. Самозванецъ гордо отходитъ отъ своей матери. «Женщина эта заблуждается! Я не понимаю, что́ она говоритъ? Чего она желаетъ?» — «Чего я хочу?» отвѣчаетъ огорченная Ѳидесъ: «я желала бы простить виновному, желала бы, не опасаясь явной для него погибели, прижать хоть

на минуту къ своему сердцу заблудшее дѣтище!...» Народъ все болѣе и болѣе волнуется; приверженцы самозванца, воины и сановники обступаютъ его, и просятъ наказать женщину, осмѣлившуюся оклеветать его. Наконецъ злоумышленники вооружаются кинжалами, и устремляются на Фидесъ. Самозванецъ отталкиваетъ ихъ. На лицѣ несчастной матери проглядываетъ лучъ надежды. «Онъ заступается за меня», говоритъ она съ чувствомъ. Но самозванецъ обращается къ народу· «Женщина эта, вѣроятно, помѣшана,» говоритъ онъ: «лишь небесное чудо можетъ возвратить ей разсудокъ!»

Фидесъ въ ужасѣ, въ негодованіи! Она хочетъ бѣжать, но ей заграждаютъ путь. Медленно, величественно самозванецъ подходитъ къ своей матери, которая, рыдая, закрываетъ себѣ лице; онъ простираетъ надъ нею руки и повелѣваетъ ей преклонить колѣни, Фидесъ съ презрѣніемъ взглядываетъ на недостойнаго, но глаза ея встрѣчаются со взоромъ возлюбленнаго сына. Мгновенно она забываетъ все, ее окружающее; любящій и съ тѣмъ вмѣстѣ строгій, повелительный взоръ ея сына манитъ, притягиваетъ ее къ себѣ. Несчастная женщина трепещетъ, колеблется, но тайная скорбная улыбка показывается на устахъ Іогана, и побѣжденная мать упадаетъ къ его ногамъ. Самозванецъ, въ знакъ благодаренія, поднимаетъ руки къ небесамъ; вдохновенное его лице сіяетъ торжествомъ. «Воины! говоритъ онъ, обращаясь къ своимъ приверженцамъ: обнажите оружіе, и если эта женщина продолжаетъ признавать меня за своего сына, поразите меня какъ не достойнаго обманщика!» Воины повинуются, кинжалы устремлены на грудь самозванца. Фидесъ вскри

киваетъ и бросается къ сыну, но онъ останавливаетъ ее движеніемъ руки, и не удаляя отъ груди своей смертоноснаго оружія, спрашиваетъ тихо и съ глубокимъ выраженіемъ: «Сынъ ли я твой?» Народъ шепотомъ и съ нетерпѣніемъ повторяетъ: «Говори, отвѣчай!»

Фидесъ вновь падаетъ на колѣни. Терзанія, опасенія за жизнь сына сокрушили ея силы; она въ изнеможеніи, и раздирающимъ голосомъ, не поднимая глазъ на преступнаго сына, произноситъ, задыхаясь: «Народъ... добрые люди... пощадите, я васъ обманула... онъ мнѣ не сынъ!»

Для тѣхъ, которые не знаютъ новой оперы, мы разсказали, по возможности, истинно драматическое положеніе; но какъ описать игру великихъ артистовъ, Віардо и Маріо въ продолженіе всей этой сцены? Невозможно! Тутъ каждое движеніе, каждое выраженіе лица верхъ совершенства!

Въ минуту, когда самозванецъ, въ полномъ сознаніи своего вліянія на страстно любящую его мать, подходитъ къ ней съ намѣреніемъ заставить ее преклонить колѣни, лице Маріо удивительно какъ выразительно; въ полуопущенномъ его взорѣ столько глубокаго, могучаго чувства, что зрители заранѣе уже сознаютъ его владычество надъ надъ несчастною матерью. Какъ описать мимику Віардо, когда глаза ея встрѣчаютъ взоръ ея сына? Какъ изобразить улыбку Маріо, которая, такъ сказать, минутно озаряетъ мрачность драматическаго положенія? Невозможно, повторяемъ мы, рѣшительно невозможно!

Теперь скажемъ, что, къ величайшему нашему сожалѣнію, во всей этой истинно драматической сценѣ, т. е.

тотчасъ послѣ окончанія хора коронованія, вдохновеніе вдругъ измѣнило нашему маэстру. Фраза *Je suis, hélas! je suis la pauvre femme!* не смотря на вычурный тонъ *la bemol mineur* и энармоническую гармонизацію, напоминаетъ множество Италіянскихъ давно заброшенныхъ кантиленъ. Слѣдующая фраза: *L'ingrat, l'ingrat, il ne me reconnait pas,* самая слабая, обветшалая шеститактная фраза. Къ несчастію, на ней сооруженъ весь мелодическій интересъ остальной части финала.

Прерывающіеся рѣзкіе звуки: *Livrez la nous, que sur sa tête* могли быть допущены въ партіи Фидесъ, когда она произноситъ задыхающимся отъ волненія голосомъ *Et toi tu ne me reconnais pas,* но когда они переходятъ въ массу хора, то дѣлаются противны изящному вкусу. Это то же самое, что декламировать заикаясь: «О Ты... прос.... транствомъ, без... ко... нечный!»

Эти прерывающіеся не эстетическіе звуки, нѣсколько скрашенные плавнымъ пѣніемъ другой части хора, продолжаются *сорокъ семь тактовъ* довольно медленнаго темпа, и наконецъ разражаются съ громомъ и шумомъ на скудной мелодической фразѣ: *L'ingrat, il ne me reconnait pas!* Если бъ вдохновеніе не измѣнило Мейерберу, и подъ перо его подвернулась истинно мелодическая мысль, при его глубоко обдуманной фактурѣ, какое поразительное впечатлѣніе произвелъ бы этотъ финалъ, а теперь разсудокъ удовлетворенъ, а чувство нѣтъ! Маэстро не довольствуется изложеніемъ скудной своей мелодіи съ необычайнымъ шумомъ въ *la bémol*: онъ переноситъ ее квинтою ниже * въ *rebemol*,

* Это противно психическимъ законамъ, потому что въ подобныхъ положеніяхъ волненіе увеличивается, растетъ

потомъ въ *la majeur, ut, mi bemol*; все это сжато, быстро; маэстро, какъ бы самъ недовольный, мучитъ, теребитъ свою фразу; наконецъ еще разъ излагаетъ ее опять въ *la bémol* на аккордѣ $^4/_6$ и усталый, измученный, вновь прибѣгаетъ къ прерывающимся фразамъ, изображающимъ заиканіе цѣлаго народа.

Когда самозванецъ возноситъ руки надъ главою своей матери, маэстро прибѣгнулъ къ такой неслыханной гармоніи, что и описать ее даже страшно. Желая изобразить мистическіе, не земные звуки, вотъ какую гармоническую прогрессію придумалъ маэстро: скрипки дѣлаютъ тремоло піаниссимо на самой высокой октавѣ, аккордъ *ut majeur* съ квинтою *sol* наверху; потомъ, безъ всякаго промежутка, одинъ за другимъ слѣдуютъ аккорды: *fa dies, ré majeur, la bémol* (!) *mi majeur, si bémol* (!) *la* $^4/_6$ $^5/_5$ и наконецъ *re*. Насъ учили, что безъ промежуточныхъ аккордовъ (*accords intermediaires*) можно переходить только въ тоны соотвѣтствующіе (*tons retatifs*); что̀ необходимо, чтобы въ слѣдующемъ аккордѣ была хоть одна нота предъидущая, будь она, пожалуй, энармоническая, какъ напримѣръ изъ *la bémol* въ *mi majeur*, гдѣ *la bémol* превращается въ *sol dies*. Но изъ *re* въ *la bémol* скачекъ неслыханный * Прошу спѣть этотъ пасажъ совершенно вѣрно! Какъ ни увѣренъ пѣвецъ въ своей интонаціи, но собственный слухъ ему мѣ-

возвышается, или вдругъ прекращается; обратное же дѣйствіе постепеннаго пониженія звучности кажется намъ въ этомъ случаѣ не раціональнымъ.

* Дозволяется повышать полутономъ всю гармонію, но это дѣлается изрѣдка, а не въ гармонической прогрессіи.

шаетъ, и онъ ищетъ такъ сказать, ощупью, слѣдующаго звука. Эта юмористическая выходка знаменитаго маэстра тѣмъ болѣе непонятна, что того же самаго эфекта можно было бы достигнуть правильною гармоніею.

Въ музыкальной фразѣ *Tu chérissais ce fils*, Мейерберъ вновь возвышается до высокаго лиризма; отвѣтъ Фидесъ *li je l'aimais*, безподобенъ. Однако жъ желаніе эфектовъ, основанныхъ на необычайныхъ звукахъ, и тутъ увлекли маэстра за предѣлы изящнаго вкуса.

Неужели нельзя было избрать, для сопровожденія пѣнія, другаго инструмента, какъ басъ-кларинетъ (*clarinette basse*)? Осиплые, нѣсколько грубые звуки этого инструмента не подстать дивному голосу Маріо. Однако же слушатели растроганы; теплое чувство согрѣваетъ душу; всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ отвѣта несчастной матери на вопросъ *suis-je ton fils?* Увы! въ оркестрѣ опять появляется гармонія или вѣрнѣе сказать дисгармонія, нами уже описанная, и вновь разражается въ *sol majeur* скудная мелодія *Non, non je n'ai plus de fils hélas!* и на этотъ разъ сопровождается плясовымъ хоромъ *Miracle! miracle! sublime spectacle!* и проч. Вы думаете кончено? Напрасно! Несчастная мелодія (*mélodie que me veux tu?*) возвращается въ *si majeur*, и опять въ *sol*, въ *la*, и такъ до совершеннаго истощенія.

Мы высказали откровенно наше мнѣніе на счетъ третьяго акта новой оперы, который, не смотря на недостатокъ вдохновенія въ послѣдней части финала, признаемъ не менѣе того замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ. Мы обдумывали каждую музыкальную фразу, обращали вниманіе читателя на каждое замѣчательное мѣсто, и, ка-

жется, ничего не пропустили. Опасаемся, однако жъ, чтобы насъ не осудили за то, что мы не постоянно восхищались, и осмѣлились критически разбирать произведеніе, заслужившее всеобщую славу, и удовлетворяющее вкусу публики. Но пусть истинные и безпристрастные музыканты и теоретики просмотрятъ нашъ разборъ, и опровергнутъ наши замѣчанія. На подобный судъ мы отдаемся безъ страха и опасенія.

Четвертый актъ начинается аріею Фидесъ. Тутъ на сценѣ вновь является въ анданте басъ-кларинетъ. Арію эту Віардо поетъ безподобно; но неужели аллегро въ $^{6}/_{8}$ *Comme un éclair précipité* соотвѣтствуетъ драматическому положенію несчастной матери, оплакивающей заблужденіе нѣжно любимаго сына? Вокализація Віардо здѣсь, какъ и вездѣ, изумительна. Въ слѣдующемъдуэтѣ (въ *la bemol mineur*!!) Фидесъ заставляетъ своего сына преклонить предъ нею колѣно. Какъ ни удивительно декламируетъ и играетъ Віардо, но придать жизнь этому дуэту она не въ состояніи. Въ анданте въ *mi majeur* есть и инструментальный эфектъ, вовсе недоступный нашему пониманію.

Труба звучитъ на *si*, и отбиваетъ каждую четверть такта; віолончели, раздѣленные на два голоса, обрисовываютъ на этомъ звукѣ весьма малозначащую фразу, которая излагается то въ мажорномъ, то въ минорномъ тонѣ, и это продолжается осьмнадцать тактовъ безъ всякаго измѣненія для трубы: слѣдовательно неугомонное *si* слышно пятьдесятъ четыре раза. Наконецъ начинается кантилена Фидесы, которая хотя имѣетъ нѣкоторое сходство съ прелюдіею віолончелей, однако жъ музыкальная

фраза нѣсколько измѣняется. Что же хотѣлъ выразить маэстро своею прелюдіею? Рѣшительно не понимаемъ! Въ куплетѣ Марселя (въ Гугенотахъ) какъ ни страненъ аккомпаниментъ флейточки и турецкаго барабана, намѣреніе композитора понятно: онъ хотѣлъ изобразить свистъ пуль и отдаленные взрывы пушекъ. Странно, слишкомъ можетъ быть оригинально — но понятно! А здѣсь неугомонный *si* трубы и фразы віолончелей приводятъ насъ въ совершенное недоумѣніе! Послѣдняя мелодія дуэта.

«Il est temps, il en est temps encore
Entends ma voix fidéle!»

почти слово въ слово напоминаетъ *Adieu donc ma chaumière* изъ Фенеллы Обера, только съ бравурною интонаціею.

Тріо и аллегрето *pastorale* у насъ пропускаютъ; это имѣетъ одно только неудобство, что̀ никто не догадывается, куда дѣвалась Берта, и что съ нею сдѣлалось.

Послѣдняя сцена опять совершенное торжество декоратора. Роскошь архитектурныхъ украшеній, обманчивая перспектива безчисленнаго множества зажженныхъ люстръ; богатое освѣщеніе, разрушеніе замка, пожаръ города, все это представляетъ самое величественное зрѣлище. Но что̀ сказать про окончаніе оперы въ музыкальномъ отношеніи?

Куплеты, которые Маріо поетъ превосходно, хорошаго ритма; мелодія ихъ недурна.... Но это только куплеты! И слѣдуетъ ли кончать огромную ультра-драматическую оперу куплетами?

Страннѣе всего, что Фидесъ, которая приходитъ погибнуть съ сыномъ, поетъ ту же вакхическую мелодію.

Теперь осмѣлимся предложить вопросъ: выше ли слѣдуетъ поставить новую оперу надъ прежними произведеніями знаменитаго маэстра? Смѣло отвѣчаемъ: невозможно! Вспомните мелодическія, поэтическія и драматическія достоинства *Роберта* и *Гугенотовъ*. — Безъ хорошо развитыхъ мелодій, драматическая музыка то же, что стихи безъ мыслей. Короткія музыкальныя фразы представляютъ то же самое, что отрывистыя слова въ рѣчи. «*Огонь, рѣка, ужасъ, смерть!* Представьте себѣ цѣлую поэму, написанную подобнымъ образомъ. Въ новой же оперѣ весьма мало вдохновенныхъ, хорошихъ мелодій; онѣ замѣняются бо́льшею частью отрывистыми, хотя и часто прекрасными фразами, а широкой, вдохновенной мелодіи, мы повторяемъ, ничѣмъ нельзя замѣнить *.

Въ заключеніе скажемъ, что обстановка новой оперы удивительно великолѣпна; исполненіе главныхъ ролей предоставлено Віардо и Маріо: слѣдовательно и говорить нечего, что оно безподобно.

Хоры мѣстами показались намъ слабы; въ пѣніи ихъ не довольно энергіи, такъ сказать единодушія.

Впрочемъ, извините, я думаю, никогда и нигдѣ полнаго совершенства, соотвѣтствующаго художническому идеалу, нѣтъ и не будетъ. *Ростиславъ.*

* Въ доказательство укажемъ на торжественный маршъ этой же оперы. Какое вполнѣ удовлетворительное впечатлѣніе онъ производитъ, и собственно потому, что музыкальныя мысли въ немъ отлично развиты и съ строгою логическою послѣдовательностью.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ БЕСѢДЫ. *

Прохладныя воды. — Охранительная ограда. — Преобладаніе ритма и его вліяніе. — Фантастическій попури. — Увертюра Вильгельма Тела на воздухѣ. — О шампанскомъ и его неудобствахъ для слушанія оперы. — Оригинальное выраженіе: *звучная душа*.

Уфъ!! славу Богу! добрался до берега! Конечно, въ лѣтніе жаркіе дни пріятно поплавать въ прохладныхъ, иногда даже и нуждыхъ, далекихъ водахъ; но, отъ непривычныхъ движеній, отъ набѣгающей волны, отъ того ли что не чувствуешь дна подъ ногами, все какъ то... не то чтобъ страшно, а не ловко! Безпредѣльность — великое дѣло! Просторъ для мыслей—хорошая вещь! Но не всякому дано умѣніе пользоваться этими выгодами, кажется, лучше и вѣрнѣе когда поставятъ васъ за охранительную ограду и скажутъ: «Не забѣгай далеко! Тамъ за оградою есть и крутыя стремнины, и глубокія пропасти; тамъ ходятъ дикіе звѣри и ходятъ *ручные* не добрые люди, а здѣсь, за оградой, тебѣ широко и привольно; подъ сѣнью деревъ, съ юныхъ лѣтъ тебѣ знакомыхъ, отрадный пріютъ ты найдешь, и съ горней вершины столѣтняго дуба повѣетъ на тебя знакомая, душевная прохлада, и усладится твой слухъ привычными звуками, и вслушиваться станешь ты въ пѣсни родныя; вновь погрузишься въ волны гармоніи и бардовъ отжившихъ ве-

* Статьи эти написаны послѣ Петербургскихъ писемъ.

личественный строй, бряцая по лирамъ, вознесетъ твою душу»…..

Виноватъ! Куда намъ такъ высоко! Дѣло въ томъ, что приближающійся оперный сезонъ дозволяетъ мнѣ вновь обратиться къ моимъ обычнымъ занятіямъ, вернуться *въ охранительную ограду* музыкальной спеціальности, изъ которой, не знаю, пусть рѣшатъ другіе, полно слѣдовало ли мнѣ выходить.

Какъ ни отрадно было для меня получить лестный отзывъ Г. Улыбышева *, какъ ни благодаренъ я отъ души заслуженному, всѣми уважаемому музыкальному критику и знаменитому біографу Моцарта за благосклонный его привѣтъ; но, признаюсь, письмо его ставитъ меня въ большое затрудненіе. Г. Улыбышевъ ожидаетъ отъ меня слишкомъ многаго! Назвавъ меня, такъ сказать, своимъ преемникомъ въ дѣлѣ музыкальной рецензіи, онъ возложилъ на меня трудную обязанность. Страшно, когда подумаешь! Съумѣю ли я оправдать ожиданія такого свѣдущаго критика, каковъ г. Улыбышевъ?

Однако же не слѣдуетъ быть и малодушнымъ; благосклонное одобреніе не должно служить преградою. Конечно, въ этомъ случаѣ нельзя уже положиться на спасительное Русское *авось*. Но, да послужатъ мнѣ слова почтеннаго біографа Моцарта поощреніемъ, и новые труды, глубокое изученіе избраннаго мною предмета, будутъ моими руководителями. И такъ я обязанъ, при рецензіи, особенно какого нибудь новаго музыкальнаго произведенія, разбирать ихъ съ бо́льшею осмотрительностью, съ бо́льшимъ вниманіемъ, и основывать свое воззрѣніе, свои

* См. № 17п 4854 г. Сѣв. Пч.

выводы не на личномъ вкусѣ, а на теоріи искусства; между дѣломъ же, до открытія сезона, позвольте мнѣ побесѣдовать съ вами о нѣкоторыхъ предметахъ касающихся слегка до музыки.

Съ нѣкоторыхъ поръ, лѣтомъ и въ первые осенніе мѣсяцы, музыка въ окрестностяхъ Петербурга составляетъ необходимую принадлежность вечернихъ гуляній. Дѣйствительно, что̀ можетъ быть пріятнѣе удовольствія слушать музыку въ тихій, теплый лѣтній вечеръ, въ особенности если она исполняется оркестромъ, подобнымъ оркестрамъ гг. Гунглей. Но я убѣжденъ, что это ежедневное удовольствіе портитъ музыкальный вкусъ. Да простятъ мнѣ любители *музыкально-воздушныхъ* наслажденій, но, повѣрьте, мое мнѣніе на этотъ счетъ не безъ основанія. Слушатель привыкаетъ къ извѣстнымъ условнымъ формамъ; ухо его до того усвоиваетъ себѣ нѣкотораго рода *ритмъ*, что ищетъ потомъ его во всякой музыкѣ и, не находя, томится, скучаетъ. — Извѣстно что въ музыкѣ *ритмъ* есть выраженіе чувственности, а всякой знаетъ что въ изящныхъ художествахъ идеальное направленіе должно предпочитать чувственному; прелесть же всѣхъ танцевъ, основана на одномъ ритмѣ. Всмотритесь со вниманіемъ въ выраженія лицъ, во время исполненія какой-нибудь любимой польки или предпочитаемаго вальса, и вы убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ. Ни на одномъ лицѣ вы не увидите выраженія задумчивости, или тихой грусти. Глаза блестятъ, дыханіе учащается, на устахъ блуждаетъ улыбка, плечи невольно вздрагиваютъ; женскія головки, томно поникнувъ, украдкою обозначаютъ тактъ... Вотъ вамъ убѣ-

дительное доказательство вліянія ритма на чувственность. Не ищите тутъ глубокаго сочувствія къ изящному: здѣсь *ритмъ* властелинъ, а музыкальная мысль второстепенное украшеніе. Не подумайте, чтобъ я возставалъ противъ миленькихъ танцевъ. И въ числѣ ихъ попадаются нѣжные, благоуханные цвѣтки; но, берегитесь, благоуханіе ихъ упоительно; наслаждайтесь, но остерегайтесь злоупотребленія. Вотъ почему я въ полномъ убѣжденіи повторяю, что ежедневное слушаніе однихъ танцевъ портитъ музыкальный вкусъ.

Любители загородныхъ оркестровъ также охотники до чудовищныхъ музыкальныхъ піесъ, называемыхъ *попури*.— Признаюсь, если выбирать то или другое зло, то, касательно вліянія на вкусъ, я предпочту первое, т. е. злоупотребленіе танцовальной музыки: въ ней, по крайней мѣрѣ, есть полная, болѣе или менѣе развитая художественная мысль, а *попури*, это, какъ я выразился выше, чудовищное произведеніе о безчисленныхъ головахъ, туловищахъ и хвостахъ. То мелькнетъ передъ вами бѣлое личико *Алисы*, а къ нему привязана борода *Бертрама*, то слышите вы разгульные звуки *Камаринской*, а къ ней присоединяется торжественный маршъ *Пророка*; начало одного мотива, а конецъ другаго; все это скомкано, перепутано, безъ послѣдовательности, безъ логической связи, словомъ настоящій музыкальный *винегретъ*. — Если подобныя произведенія слушаютъ только какъ *воспоминаніе* (*comme une réminiscence*), то, по моему мнѣнію, есть отъ чего получить отвращеніе къ любимымъ мелодіямъ, потому что это какой-то фантастическій, *кошмарный* маскарадъ, въ которомъ носъ одного человѣка

приходится на лицѣ другаго, голубой глазъ въ дружку у чернаго, половина головы рыжая, а другая сѣдая, и проч.! Ужасъ беретъ! Какія же тутъ воспоминанія?

Художественное произведеніе тогда только и художественно, когда представляется во всей полнотѣ мысли и выраженія, а *попури*—арлекинскій плащъ съ разноцвѣтными заплатами.

Подобныя произведенія (вновь извините гг. слушатели безподобныхъ оркестровъ Павловскаго Вокзала и Минеральныхъ Водъ) развращаютъ музыкальный вкусъ.

Музыку необходимо *умѣть слушать*, а это умѣніе, если и не составляетъ науки, то навѣрное пріобрѣтается только привычкою. Въ хорошемъ музыкальномъ произведеніи одна фраза пополняется и объясняется другою, и между ними всѣми есть непремѣнно тѣсная, логическая связь. Чтобы вникнуть, понять мысль композитора, необходимо внимательно слѣдить за развитіемъ музыкальной *рѣчи*, а это вовсе не такъ легко, какъ многіе полагаютъ, и становится совершенно не возможнымъ, когда привыкнешь, да на бѣду еще пристрастишься, къ нелѣпымъ *потури*.—Здѣсь нѣтъ ни какой надобности слѣдить за мыслью; ухо ловитъ кой-какіе отрывки мелодій, иныя пропускаетъ вовсе безъ вниманія, другія поймаетъ за хвостъ, или схватитъ за голову. За кѣмъ тутъ гоняться, за кѣмъ слѣдовать? Рѣшительно не знаешь! И поневолѣ разучишься слушать музыку какъ слѣдуетъ.

Но... возразятъ мнѣ раздраженные любители *пуристы*, у насъ загородные оркестры играютъ и увертюры, и пожалуй, симфоніи! Мы слушаемъ и Вебера, и Мендельсона, и Бетговена. Тѣмъ хуже для васъ, милостивые государи,

скажу я смѣло. Всякое музыкальное произведеніе (истиннаго художника-музыканта) обдумано, согласно его назначенію. Квартетъ, напримѣръ, принадлежитъ къ разряду комнатной музыки (Kammer-Musik); всѣ эфекты его звучности разсчитаны для небольшаго пространства «Pour qu'une musique fasse de l'effet il faut que les nerfs de celui qui écoute vibrent avec les cordes des instruments.» Т. е. «Для полнаго музыкальнаго впечатлѣнія необходимо, чтобы нервы слушателя сотрясались вмѣстѣ съ струнами инструментовъ.» Мысль эту выразилъ когда-то Берліозъ, и она совершенно справедлива.

Возьмите самый удобопонятный, самый популярный квартетъ, положимъ квартетъ въ *la mineur* Мендельсона; изберите самыхъ лучшихъ, надежныхъ артистовъ, и попросите ихъ исполнить это прекрасное произведеніе на открытомъ воздухѣ, при двухъ или трехъ тысячахъ слушателяхъ. Испытайте, и вы удивитесь вашему впечатлѣнію; вы будете отмахиваться отъ этихъ легкокрылыхъ звуковъ, какъ отъ комаровъ, и, нѣтъ сомнѣнія, не узнаете знакомаго вамъ образцоваго произведенія.

Точно такъ же и симфоніи, и увертюры разсчитаны или для залы, или для театра, а не для исполненія ихъ на воздухѣ.

Разсмотрите, напримѣръ, со вниманіемъ увертюру Вильгельма Теля, Россини. Во-первыхъ, она начинается прекрасною, тихою, пѣвучею мелодіею, распредѣленною на четыре віолончеля. Вотъ первая запятая, потому что не въ одномъ загородномъ оркестрѣ вы не найдете (въ обыкновенные дни) четырехъ віолончелей, и во всякомъ случаѣ не найдете четырехъ хорошихъ віолончелей; во-вто-

рыхъ, вся нѣжность, вся идеальность этой мелодіи теряется, улетучивается въ воздухѣ.

Послѣ первой мелодіи въ увертюрѣ Вильгельма Телля начинается буря; ну, это, положимъ, довольно удобно, въ особенности въ лѣтній душный вечеръ; но затѣмъ идетъ пасторальная мелодія въ $^6/_8$, въ которой флейта заливается сладкою трелью, а кларнеты нѣжно воркуютъ, гдѣ слышны отдаленные колокольчики пасущагося стада... всѣ эти драгоцѣнные перлы, порожденные фантазіею Россини, пропадаютъ, раскатываются по дорожкамъ, втаптываются въ песокъ!! Я убѣгаю, лишь только заслышу эту дивную музыкальную идиллію, исполняемую на воздухѣ, при тысячи сигаръ, папиросъ, въ сопровожденіи шарканья, топанья, хлопанья, чиханья, сморканья, и проч. Мнѣ совѣстно передъ великимъ маэстро. Наконецъ даже и самое аллегро вивачe (allegro vivace) теряетъ свое значеніе, силу, энергію. Если начать прямо фортиссимо, то въ послѣдствіи, съ развитіемъ фразы, не будетъ оттѣнковъ; если начать піано, то половина публики не услышитъ начала; къ тому же какой загородный оркестръ въ состояніи исполнить, съ требуемою силою и энергіею, скрипичную фразу, служащую дополненіемъ къ первому мотиву (le complement)? Тутъ необходимо двѣнадцать или двадцать первыхъ скрипокъ, и чтобъ у всѣхъ былъ смычекъ одинаковый, а не то, чтобы одинъ лѣзъ вверхъ, а другой внизъ (что измѣняетъ звукъ)! Нѣтъ, повѣрьте, слушать на воздухѣ образцовое музыкальное произведеніе, значитъ портить себѣ кровь, и искажать свои художественныя понятія. Знаете ли что для *воздушнаго* исполненія инструментуется совершенно иначе;

тутъ всѣ массы въ вѣчномъ употребленіи, и если гармонія почему либо не требуетъ большаго числа партій, то голоса *дублируются*, *триплируются*, и такъ далѣе.

Но въ такомъ случаѣ, можно *кой, что пополнить* въ нѣкоторыхъ партитурахъ, замѣтите вы.

Да ужъ не говорите, пожалуйста! Злодѣи такъ и поступаютъ!! Вообразите же себѣ какую-нибудь воздушную мелодію Мендельсона, въ которую вклѣпятъ вамъ трубы, тромбоны, барабаны?! Право, меня иногда..... до слезъ сердятъ эти противу-художественныя выходки... и все это въ угожденіе *пуристамъ*-любителямъ; пусть бы они лучше слушали до упада ненавистныя *попури*, и не дѣлали бы неумѣстныхъ посягновеній на величіе искусства.

Впрочемъ все это ни сколько не мѣшаетъ нашимъ загороднымъ гуляньямъ быть отлично пріятными, увеселительнымъ вечерамъ быть волшебно-прекрасными, и оркестрамъ *Herrn Gungl* быть безподобными. Я почелъ долгомъ предупредить любителей, чтобъ они не пугались, если въ первое время ихъ и въ операхъ будетъ преслѣдовать *ритмобѣсіе*, т. е. непреодолимое стремленіе къ сильно-ритмованнымъ мелодіямъ, *un rythme nerveux et quarré*, какъ говорятъ Французы.—Оперу же слушать дѣло другое! Ее слѣдуетъ прочувствовать сердцемъ и постигнуть разумомъ. Въ иной операхъ множество оттѣнковъ, которые не даются съ перваго раза.—Кстати позволю также сдѣлать небольшое замѣчаніе на счетъ способ *в ыслушиванія* оперы.

Нѣкоторые изъ любителей, говоря безъ всякихъ личностей, особенно молодые, очень молодые люди (Mannsgesponen, какъ выражаются нѣкоторыя Нѣмки) пріѣзжа-

ютъ въ театръ немедленно послѣ обѣда. Это весьма не выгодно для оперы, въ особенности если за обѣдомъ было искрометное шампанское. Шампанское—хорошее вино, но избытокъ углекислаго газа, въ немъ заключающагося, имѣетъ странное свойство разыгрываться отъ музыкальныхъ звуковъ. Гасъ этотъ ударяетъ въ голову, и чѣмъ болѣе онъ развивается, тѣмъ сильнѣе возбуждается желаніе *ритма*: «Подавайте мнѣ, говоритъ *газовый человѣкъ*, подавайте мнѣ болѣе ритма, остальное все *туманщина*, Бетговеншина (эти люди говорятъ Бетговенщина!) и дребедень.

Нѣтъ, господа, молодые вы люди добрые, хорошіе, и, повѣрьте, способные цѣнить изящное. Испытайте въ день оперы отобѣдать поранѣе, и пріѣзжайте въ театръ со свѣжею головою, и вы удивитесь, что изъ *туманщины* выдвигается для васъ картина, украшенная яркими красками, изъ дребедени образуются стройныя мысли, и станете вы сочувствовать вдохновенію художника, и отрадно будетъ вамъ на сердцѣ.

Впрочемъ для всего есть исключенія и *конкретная абсолютность* осталась въ памяти у немногихъ. Не разъ видали мы, какъ полная зала вдругъ понимала и сочувствовала весьма отвлеченнымъ мыслямъ. — Есть у меня пріятель, котораго со временемъ я буду имѣть честь представить читателямъ. Этотъ чудакъ имѣетъ особое воззрѣніе на предметы искусства и выражается какъ-то по своему. Онъ, напримѣръ, увѣряетъ, что есть души *звонкіи* и души *подушки*. Извините, таковъ ужъ языкъ у моего пріятеля. Звонкая душа, по его мнѣнію, отзывается на каждый звукъ, какъ Эолова арфа; она сод-

рогается не только при малѣйшемъ вѣткѣ; но при *дуновеніи* мысли (au souffle de la pensée), а душа подушка напротивъ, говоритъ онъ, *глуха* и *скромна*. Отъ нея и звукъ Московскаго колокола не отразится, и не вытащишь изъ нее ни малѣйшаго сознанія сочувствія. *звонкая душа*—кладъ для художника, а та сущее мученіе! Вообразите себѣ каково положеніе художника, если онъ обязанъ толковать: «Я перехожу въ такой-то тонъ потому, что герой мой страдаетъ», или, напримѣръ, онъ выразится такъ: «Герой мой въ восторгѣ возлетѣлъ на седьмое небо!». — Гдѣ, куда, зачѣмъ, на долго ли?» спроситъ его душа подушка.»

Есть отъ чего художнику прійти въ отчаяніе! Но.... пока довольно, до свиданія! Не досталось бы мнѣ отъ г. Улыбышева за то, что я на первый разъ мало сказалъ дѣльнаго и основательнаго въ музыкально-теоретическомъ отношеніи. *Ростиславъ*.

ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

Оригинальный дилеттантъ. — Теорія вдохновенія. — Поразительныя цифры.—Количество вдыхаемаго воздуха. — Метемпсихоза.—Доказательства, что Анна Аюгари и Анна Лагранжъ одно и то же лице.

Извѣстно, что въ большихъ городахъ всѣ публичныя зрѣлища, театры и даже городскія и загородныя гулянья имѣютъ привычныхъ посѣтителей (des habitués, какъ го-

ворятъ во Франціи); глазъ такъ привыкаетъ къ этимъ лицамъ постоянно, но періодически появляющимся въ извѣстныхъ мѣстахъ, что отсутствіе ихъ невольно замѣчается, и безъ нихъ какъ-то неловко.

Можно было бы написать любопытную характеристику такъ называемыхъ театраловъ (посѣтители балета) *оперистовъ*, *александристовъ*, и такъ далѣе, но я не берусь за это, и прошу дозволенія сдѣлать очеркъ одного фантастическаго *персонажа*, котораго я постоянно вижу въ *оперѣ*. Не знаю, замѣчательное это лицо обратило ли на себя вниманіе оперной публики, но что касается до меня, то я всегда слѣжу за нимъ съ большимъ интересомъ.

Дилеттантъ, о которомъ идетъ рѣчь, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, высокаго роста, съ длинными сѣдыми волосами.—Одѣтъ онъ всегда очень прилично, только имѣетъ странную привычку держать подъ мышкою большую мѣховую шапку украшенную длинною, желтою кистью, и противно принятымъ обычаямъ, никогда не надѣваетъ перчатокъ. Старикъ-дилеттантъ является обыкновенно въ партеръ задолго до начатія спектакля, быстро подходитъ къ рампѣ, отдѣляющей оркестръ отъ креселъ, и потомъ медленными шагами проходитъ отъ праваго къ лѣвому флангу, какъ бы дѣлая осмотръ, все ли въ исправности въ оркестрѣ. Старикъ заботливо и съ нахмуренными бровями вглядывается въ лица музыкантовъ, въ разложенныя ноты; поднявъ голову и прищуривъ глаза, посмотритъ на партитуру, лежащую на пюпитрѣ дирижера; окончивъ свой осмотръ, онъ иногда одобрительно улыбнется, а другой разъ съ недовольнымъ видомъ покачаетъ голо

вою. Всѣ эти продѣлки, повторяющіяся стереотипно каждое представленіе, чрезвычайно меня забавляютъ, и я до того заинтересовался оригинальнымъ старикомъ, что даже замѣтилъ кресла, на которыя онъ всегда садится по окончаніи осмотра оркестра. Добравшись до своего мѣста, старикъ приступаетъ къ нѣкоторымъ привычнымъ приготовленіямъ съ такимъ глубокимъ сознаніемъ важности своихъ занятій, что, кажется, онъ не могъ бы выслушать со вниманіемъ оперы, не исполнивъ ихъ предварительно. Во-первыхъ, старикъ садится, вытягивается въ струнку и гордо смотритъ на своихъ сосѣдей; потомъ вынимаетъ изъ кармана клѣтчатый носовой платокъ и табакерку, и, громко высморкавшись, кладетъ оба предмета на правое колѣно; на лѣвое онъ укладываетъ мохнатую свою шапку, наблюдая, чтобы желтая кисть висѣла вдоль ноги. Исполнивъ все вышесказанное, старикъ скреститъ руки, и слегка поднявъ плечи, устремитъ испытующій взоръ на неподнятую еще завѣсу.

Я постоянно наблюдалъ за всѣми продѣлками оригинальнаго старика, но мнѣ никогда не случалось видѣть его вблизи. На дняхъ я вошелъ въ залу во время исполненія какой-то аріи, и не желая, пробираясь до своего мѣста, мѣшать слушателямъ, сѣлъ на первое попавшееся пустое кресло, и тогда только замѣтилъ, что временной мой сосѣдъ не кто другой, какъ оригинальный дилеттантъ. Грозно шикнувъ на меня нѣсколько разъ за то, что я помѣшалъ ему выслушать съ должнымъ вниманіемъ блистательную фермату аріи, старикъ въ ту же минуту закусилъ нижнюю губу, пристально посмотрѣлъ на меня, и вдругъ какъ-то странно расхохатался. Я сдѣ-

лалъ невольное движеніе, чтобы оставить занятое мною мѣсто, и посмотрѣлъ сурово на старика *съ головы* до ногъ, какъ бы желая дать ему почувствовать, что только *ѣдые* его волосы удерживаютъ меня отъ должнаго ему наставленія; но онъ удержалъ меня за руку, и, принявъ серіозный и какой-то жалкій видъ, сказалъ мнѣ въ полголоса: «Не безпокойтесь, пожалуйте, у меня есть *свидѣтельство!*»

— Какое свидѣтельство? спросилъ я съ изумленіемъ.

— «Свидѣтельство съ Петергофской дороги, продолжалъ онъ шепотомъ. Mania melancolica.... да ужъ я лучше переведу вамъ это по-Русски: *меланхолическая манія* съ припадками словоохотливости, впрочемъ характеръ тихій и не угрожающій нарушенію общественнаго по ядка. В.... подлежитъ къ выключкѣ». Вы видите, м г., что вамъ нечего опасаться; такъ останьтесь, пожалуйте, я давно желалъ вамъ что-то сказать».

Положеніе незавидное! но мое любопытство возбуждено было въ величайшей степени: я остался; старикъ улыбнулся съ самодовольствомъ.

«Я постоянный чтецъ вашихъ музыкальныхъ статей, сказалъ онъ съ важностью; критиковать ихъ не стану, но скажите, отъ чего бы вамъ не приспособить къ этому дѣлу пишущихъ столовъ? Признаться, что я не совсѣмъ еще изучилъ этотъ процессъ, но не знаю чему тутъ такъ удивляются! Пишутъ ли карандаши, столы, руки — это все равно. Неужели есть люди, которые полагаютъ, что они сочиняютъ когда-либо по собственной волѣ? Мысль не зависитъ отъ человѣка: она дается ему свыше, если не внушается врагомъ рода человѣческаго. Да-съ! чело-

вѣкъ часто поступаетъ подъ вліяніемъ невѣдомой, могучей силы, и тогда дѣйствія его выходятъ изъ предѣловъ предназначеннаго имъ нормальнаго круга. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ во время художническаго творчества не что болѣе какъ *пріемникъ*, въ который вливается вдохновеніе. Коль скоро сосудъ переполнился, вдохновеніе изливается или на полотно, или на бумагу, на мраморъ, струится по струнамъ лиры, клокочетъ въ звукахъ голоса; кисть, перо, рѣзецъ, все это дѣйствуетъ напоромъ невѣдомой силы, и человѣкъ почти безсознательно передаетъ мысли, которыя вдохновеніе нашептываетъ ему на ухо. Но, вотъ задача: въ сферахъ, гдѣ обитаетъ вдохновеніе, есть также степени, лѣствица; нижнія ея ступени погружаются въ злобное начало; къ сожалѣнію, это правда, но... вдохновенія различнаго рода, имъ нѣтъ числа, и многія изъ нихъ восходятъ по ступенямъ до предвѣчнаго блага. Если душа человѣка переполнится благимъ вдохновеніемъ, то мысли художника, изливаясь, произведутъ твореніе образцовое, въ противномъ же случаѣ образуется грязный ручей. Вотъ такъ-то и карандаши пописываютъ: иные попадаютъ на правду, а другіе вздоръ несутъ. Но повѣрьте, что и люди, и карандаши, дѣйствуютъ въ подобныхъ случаяхъ безсознательно. Пожалуйте табачку», сказалъ вдругъ старикъ, щелкая большимъ и указательнымъ пальцемъ. «Извините, я не нюхаю», отвѣчалъ я, озадаченный до крайности выходкою моего сосѣда. — «Очень дурно дѣлаете: это способствуетъ къ отдѣленію *излишняго мозга* (!) Вотъ моя табакерка всегда пуста; право, не знаю, когда

я успѣваю ее вышивать. Но возвратимся къ дѣлу», продолжалъ старикъ.

«И такъ, скажу вамъ, м. г., что, напримѣръ, Данте, въ безсмертной своей поэмѣ *la Divina Comedia*, упоминая о неподвижныхъ звѣздахъ, выразилъ мысль, что каждый изъ этихъ свѣтящихся предметовъ служитъ, вѣроятно, центромъ отдѣльной планетной системѣ.

«Конечно, онъ не могъ почерпнуть этой мысли въ твореніяхъ Гиппарха или Птоломея, потому что даже и Копернику, преобразователю, измѣнившему всѣ вѣковыя астрономическія вѣрованія, не приходило этого въ голову хотя онъ жилъ въ пятнадцатомъ столѣтіи, а Данте умеръ въ началѣ четырнадцатаго.

«Извѣстно, что только чрезъ четыре года по изобрѣтеніи телескопа (въ 1614 году) Галилей, открывъ спутниковъ Юпитера, сталъ поговаривать, что звѣзды, какъ и планеты, не простыя свѣтящіяся пятнышки, а цѣлыя особыя міроздавія. Фонтенель, который, правду сказать, занимался астрономическими науками немного по свѣтски написалъ (въ 1686) цѣлый трактатъ подъ названіемъ *Entretiens sur la pluralité des mondes*. Нынѣ же большая часть астрономовъ допускаютъ эту мысль. Какимъ же образомъ, спрашивается, Данте могъ угадать ее почти за четыреста лѣтъ? Вдохновеніе, сударь! Не что какъ вдохновеніе!

— Пожалуйте табачку! обратился ко мнѣ вновь старикъ; но, не получивъ отъ меня желаемаго, шумно и съ наслажденіемъ понюхалъ пустые пальцы, и продолжалъ, болѣе и болѣе оживляясь:

«Видите, м. г., люди ко всему привыкаютъ, а кру-

гомъ ихъ чудо на чудѣ! Куда ни посмотришь, вездѣ неразгаданное, удивительное таинство. Какъ вы полагаете, напримѣръ, сколько живыхъ существъ въ этой залѣ? Двѣ тысячи, скажете примѣрно? Какая непростительная ошибка! Тутъ биллiоны децiлiоновъ живыхъ существъ. Во-первыхъ, взрослый человѣкъ потребляетъ съ каждымъ вдыханiемъ 33 кубическiе дюйма атмосфернаго воздуха, и таковыхъ вдыханiй восемнадцать въ минуту, слѣдовательно не потрудитесь ли разсчесть, какое количество воздуха потребно двумъ тысячамъ человѣкъ, находящимся въ этой залѣ, въ продолженiе четырехъ часовъ. Замѣтьте, что весь этотъ воздухъ наполненъ мельчайшими аэритами. Хорошо! Далѣе, при выдыханiи изъ легкихъ, воздухъ насыщается углекислотою въ небольшой пропорцiи (6,546 процентовъ) и какъ вы думаете? Не будь сильныхъ вентиляторовъ, животныя, находящiяся въ этой испорченной части воздуха, въ весьма малой несоразмѣрности относительно ко всей массѣ; но не будь сильныхъ вентиляторовъ, говорю, эти маленькiя животныя *задушили* бы насъ всѣхъ! Но этого мало: на потолкѣ и по угламъ залы образуется непремѣнно сырость, и въ ней миріады инфузорій.... Я уже не говорю о возможности пребыванiя саламандръ въ горящихъ люстрахъ, лампахъ, и пр. Это уже басни!

«Но, согласитесь, что однѣ цифры, о! цифры великое дѣло, однѣ цифры говорю я, поражаютъ уже разумъ. Разочтите, напримѣръ, сколько умерло людей отъ сотворенiя мiра, и вы убѣдитесь, что нашъ Земной Шаръ не болѣе коноплянаго сѣмени въ сравненiи съ безпредѣльностью небесъ. Скажу вамъ даже, что огромныя цифры

умершихъ подали *намъ* мысль, т. е. *нашему* брату, философу — о возможности *метемпсихозы*, т. е. переселенія душъ. Въ сущности метемпсихоза порядочная дребедень, но и тутъ проглядываютъ кой-гдѣ довольно интересныя мысли.

«Многіе философы полагаютъ, напримѣръ, что нѣкоторыя избранныя души, замѣчательныя по ихъ геніальности во время земнаго ихъ пребыванія, возвращаются на Земной Шаръ по истеченіи менѣе или болѣе продолжительнаго срока. Не помню, кто изъ нашихъ мыслителей утверждалъ, что Александръ Македонскій, Юлій Цесарь и Наполеонъ (*бывшій* Наполеонъ, а не *настоящій*) одно и то же лице, или лучше сказать, одна и та же душа въ разныхъ видахъ! Этому я не вѣрю: это, разумѣется, вздоръ; но я вамъ разскажу что со мною приключилось по случаю вотъ этой удивительной женщины! И старикъ указалъ на г-жу Лагранжъ, которую восторженная публика, по окончаніи перваго дѣйствія, вызывала на сцену чуть ли не въ десятый разъ.

«Лѣтъ за семь предъ симъ, тогда я еще былъ совершенно *здоровъ*, грустно прибавилъ старикъ, я былъ въ Болоньѣ. Осматривая какой-то старинный монастырь, я напалъ, въ трапезѣ, на древнюю картину, почернѣвшую отъ времени. Непреодолимое влеченіе, какое-то странное предчувствіе побудило меня разсмотрѣть эту картину съ необыкновеннымъ вниманіемъ. По мѣрѣ, какъ я всматривался въ произведеніе неизвѣстнаго мнѣ живописца, изъ полотна выступалъ образъ женщины, и ея черты врѣзались навѣкъ въ моей памяти. Сначала глазамъ моимъ представились мягкіе темнокаштановые волосы и лобъ,

не слишкомъ высокій, но полный, казалось, чистыхъ и возвышенныхъ думъ; потомъ я увидѣлъ чудные, большіе, неопредѣленнаго цвѣта глаза; замѣчательно, что зрачки ихъ были необычайно малы, но, по какому-то оптическому обману, казалось, расширялись, по мѣрѣ, какъ я въ нихъ взглядывался. Впрочемъ, эти глаза не устремлялись на меня, а были подняты къ небу. Что за чудная, неизмѣримая глубина была въ этомъ дивномъ взорѣ! Продолговатый овалъ лица окоймленъ былъ длинными шелковыми кудрями; носъ острый; на тонкихъ и нѣсколько блѣдныхъ губахъ блуждала скорбная улыбка.

«Чей это потретъ? Кто писалъ его?» съ волненіемъ спросилъ я сопровождавшаго меня фрате.

«Право, не знаю, отвѣчалъ онъ равнодушно; но кажется, за картиною что-то написано». Онъ перевернулъ полотно. Съ непонятнымъ біеніемъ сердца я прочелъ: *Anna Ajugari detta la Bastardella 1769*, и тутъ же приклеена была нотная бумага, на которой, дѣтскою рукою тринадцати-лѣтняго Моцарта, написаны пассажи, восходящіе до верхняго баснословнаго *ut*. Такъ вотъ она! пѣвица, поразившая необычайнымъ своимъ голосомъ геніальнаго творца *Донъ-Жуана!* Всматриваясь въ ноты, начертанныя рукою Моцарта, я, казалось, слышалъ воздушные, небесные звуки; воображеніе мое уносилось въ горнее....

«Не смотри, figlio mio, на это изображеніе, сказалъ мнѣ шепотомъ фрате: я удалилъ его изъ своей кельи, ночью глаза его свѣтятся какъ живые. Женщина та вѣрно была колдунья!»

«Странно! Услышавъ эти суевѣрныя слова, я зад о-

жалъ, и тутъ же почувствовалъ впервые какое-то страшное колебаніе въ моемъ разумѣ. Я прожилъ нѣсколько дней въ Болоньѣ, старался собрать свѣдѣнія объ Аюгари, и узналъ между прочимъ, что на двадцатомъ году своей жизни она едва не сдѣлалась жертвою мщенія одной соперницы, неосторожно принявъ отравленный букетъ цвѣтовъ; нѣсколько дней спустя сдѣлано было новое покушеніе на ея жизнь, и только чудомъ спаслась она отъ вѣчной погибели; дальнѣйшихъ подробностей я не узналъ; мнѣ сказали однако же, что она была замужемъ не за Италіянцемъ, а за *forestiere*, т. е. *иностранцемъ*. О смерти же ея никто не могъ мнѣ сказать ничего.

«Съ тѣхъ поръ воображеніе мое было безпрестанно занято одною и тою же мыслію. Недѣли черезъ двѣ послѣ открытія, сдѣланнаго мною въ Болонскомъ монастырѣ, я отправился въ Падуу, и въ первый день моего пріѣзда въ этотъ городъ, пошелъ въ тотъ же вечеръ въ оперу. При появленіи примадонны, я вскрикнулъ, вскочилъ со стула, и пока продолжались оглушительныя рукоплесканія, встрѣтившія пѣвицу, не могъ прійти въ себя. Вообразите себѣ мой ужасъ! Передъ глазами моими стояло точное изображеніе, видѣнное мною въ монастырѣ. Это были тѣ же черты, тотъ же чудный взоръ! Это была Аюгари въ цвѣтѣ юности, полная жизни! Наконецъ, когда шумъ и восторгъ, произведенные появленіемъ примадонны, поутихли, я спросилъ дрожащимъ голосомъ: кто эта пѣвица? Италіянецъ, къ которому я обратился, посмотрѣлъ на меня съ презрѣніемъ «E la diva Anna....»

— Ajugari? добавилъ я, едва переводя духъ.

— Che Ajugari? Anna de la Grange, докончилъ Итальянецъ, пожавъ плечами.

«Описывать вамъ мой восторгъ я не стану: дивные, воздушные звуки, которые раздавались въ моемъ воображеніи, пока я всматривался въ рукопись Моцарта, нынѣ слышалъ я на яву, и чѣмъ болѣе вслушивался въ пѣніе прималонны, чѣмъ болѣе всматривался въ ея черты, тѣмъ болѣе овладѣвала мною мысль, что я слышу и вижу Анну Аюгари; и вообразите себѣ, что я лелѣялъ эту мысль и избѣгалъ близкой встрѣчи съ таинственною пѣвицей, опасаясь разрушить очарованіе, убѣдившись, что она дѣйствительно *живетъ* и *дышитъ* жизнію смертныхъ. Каждый вечеръ однако же я посѣщалъ оперу; мнѣ удалось пріобрѣсть въ полное, единственное мое владѣніе небольшую ложу на авансценѣ. Помѣщаясь въ глубинѣ ея, я совершенно отдѣленъ былъ отъ прочихъ зрителей, и видѣлъ только сцену. Невозможно описать что я перечувствовалъ въ эти сладостные и съ тѣмъ вмѣстѣ страшные вечера! Моему больному воображенію представлялось, что дивный призракъ Аюгари являлся каждый вечеръ для меня одного. Разъ какъ-то я вспомнилъ, что на картинѣ, видѣнной мною въ Болоньѣ, находился за поясомъ пѣвицы небольшой букетъ розановъ и ландышей; и тотчасъ же мнѣ показалось, что примадонна часто прикладываетъ руку къ поясу, какъ бы желая мнѣ указать, что у нея недостаетъ этихъ цвѣтовъ. Въ слѣдующее представленіе я бросилъ на сцену букетъ, составленный по указанію картины, и едва не лишился чувствъ, когда чудная при-

мадонна, взглянувъ на меня съ благодарностью, приколола цвѣты къ своему поясу! Улыбка, озарившая лице примадонны, подтвердила мнѣ, что она ждала этихъ цвѣтовъ для пополненія *фантастическаго ея изображенія*. Однажды, сердце замираетъ при одномъ воспоминаніи, однажды, въ концѣ оперы, я увидѣлъ у ногъ моей примадонны, сверхъ моихъ цвѣтовъ, большой букетъ бѣлыхъ розановъ. Страшное предчувствіе вдругъ овладѣло мною, и лишь только опустили завѣсу, я поспѣшно вышелъ изъ своей ложи, движимый непреодолимымъ желаніемъ предупредить пѣвицу, не допускать до нея подозрительнаго для меня букета. Проходя по темному корридору, ведущему за кулисы, я услышалъ произнесенныя таинственно вполголоса, слѣдующія слова:

«Il colpo e fatto, i fiori.... * Я не дослушалъ зловѣщихъ словъ и бросился стремглавъ въ комнату примадонны; я вбѣжалъ какъ сумасшедшій, выхватилъ изъ рукъ пѣвицы страшный букетъ, и, вскрикнувъ «Анна! берегись цвѣтовъ!», лишился чувствъ. Что происходило послѣ этого, не помню! Но я узналъ потомъ, что букетъ оказался дѣйствительно отравленнымъ... И въ тотъ же день пѣвицѣ, которую безумные, слѣпые люди называли Анною Лагранжъ, минуло двадцать лѣтъ.

«Конечно, разумъ мой колебался, я это чувствовалъ, но возможно ли было мнѣ сомнѣваться послѣ этого происшествія, что дивная пѣвица и чудное изображеніе, ви-

* Т. е. Ударъ нанесенъ! Цвѣты брошены.

дѣнное мною въ монастырѣ, одна и та же Анна Аюгари! Я твердо былъ убѣжденъ, что все случившееся съ Аюгари, должно повториться, и со страхомъ ожидалъ втораго покушенія на ея жизнь. Между тѣмъ, послѣ описаннаго мною происшествія, я познакомился съ примадонною, и часто посѣщалъ ее. Diva принимала меня благосклонно, вѣроятно изъ благодарности, и хотя часто не понимала запутанныхъ моихъ рѣчей и странныхъ моихъ поступковъ, но обращалась со мною ласково и снисходительно. Дней черезъ пять послѣ представленія, въ которомъ примадонна подвергалась опасности, я проводилъ ее изъ театра до дому, и былъ приглашенъ ея матерью войти, выпить чашку чаю. Вечеръ былъ чудный, и пѣвица, желая подышать воздухомъ, прошла прямо на балконъ; не прошло минуты, какъ я услышалъ сильный ударъ, похожій на пистолетный выстрѣлъ, и бросился на балконъ. Трепещущая, испуганная Анна стояла на колѣнахъ; страхъ отнялъ у нея силы; она хотѣла убѣжать, оставить балконъ, и не могла. На мой крикъ прибѣжала мать и слуги выбѣжали со свѣчами. Анна вскорѣ потомъ опомнилась и разсказала, что едва взошла она на балконъ, какъ почувствовала что букетъ мой, который она всегда носила за поясомъ, упалъ на улицу; она машинально нагнулась за перила, и въ то же мгновеніе большой камень, брошенный съ необычайно силою, пролетѣлъ надъ ея головою и разбился въ дребезги, ударившись о стѣну. Аюгари! участь Аюгари! восклицалъ я безмысленно....

«Но довольно, сказалъ наконецъ старикъ, переводя духъ: скажу только еще, что съ тѣхъ поръ я живу лишь

для дивнаго моего призрака, слѣжу за каждымъ его шагомъ, оберегаю его по возможности отъ закулисныхъ козней и интригъ, наблюдаю за оркестромъ.... да, я забылъ вамъ сказать, прибавилъ старикъ мнѣ на ухо: я удостоился почетнаго званія *невидимаго капельмейстера всѣхъ оркестровъ въ мірѣ*; только вы, пожалуйте этого не разсказывайте, а то, знаете, зависть, интрижки... Пожалуйте табачку *». *Ростиславъ.*

КОНЕЦЪ.

* За вѣрность показаній несчастнаго старика я, разумѣется, не отвѣчаю; но могу удостовѣрить, что разсказъ его переданъ мною почти буквально.

Stanford University Libraries
3 6105 111 599 721

1250

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE